
Б-02

Проверено 1964 г.

МАЙ 2008

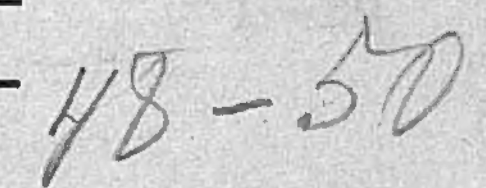
ПРОВЕРЕНО
2000 г.

2467

Проверено 1948 г.

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

КНИГА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Императорскаго
Юридическій кабинетъ
С.-Петербургск. Университета

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовск. ул., собственный домъ.
1889.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

сорокъ восьмой книги Временника Лицея.

XLVIII книга вышла 30 Марта 1889 года;
въ ней 30 листовъ.

ОТЧЕТЪ
о состоянiи Демидовскаго Юридическаго Лицея
въ Ярославлѣ
ЗА 1887 ГОДЪ.

30-го Августа 1887 года исполнилось семнадцать учебныхъ годовъ со времени открытiя преобразованнаго въ Юридическiй Демидовскаго Лицея. Въ настоящемъ отчетѣ излагаются свѣдѣнiя о состоянiи и дѣятельности Юридическаго Лицея, именно: 1) о должностныхъ лицахъ, 2) объ учащихся и 3) объ учебно-вспомогательныхъ учрежденiяхъ.

I. Составъ Лицея.

А. Составъ Лицейскаго курса.

По Высочайше утвержденному 22 Декабря 1874 г. Уставу, въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ (§ 29) преподаются:

1) Богословiе для студентовъ православнаго исповѣданiя.

2) Энциклопедiя права и Институцiи Римскаго права.

3) Всеобщая Исторiя права со включенiемъ Римскаго.

4) Исторiя Русскаго права.

5) Международное право публичное и частное.

6) Римское право.

7) Гражданское право.

8) Гражданское Судопроизводство и Торговое право.

9) Государственное право со включенiемъ Административнаго.

10) Политическая Экономiя и Наука о Финансахъ.

11) Уголовное право и Уголовное Судопроизводство.

Сверхъ того предоставлено ввести преподаванiе Церковнаго Законовѣдѣнiя (примѣч. 1 къ штату Лицея), которое и введено съ 187⁷/₈ учебнаго года и на содержанiе съ того времени до 1 Декабря 1884 года Экстраординарнаго профессора, отпускалась дополнительная сверхъ положенной по штату сумма въ размѣрѣ 2000 р.; съ 1 же Декабря 1884 года этотъ дополнительный кредитъ увеличенъ до 3000 р., такъ какъ профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнiя (Суворовъ) назначенъ съ того времени Ординарнымъ профессоромъ.

На основанiи утвержденнымъ 10-го Сентября 1883 года Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенiя правилъ, всѣ указанныя уставомъ науки распредѣлены были на четыре группы и студентамъ Лицея преподавалось:

Въ первой половинѣ 1887 года т. е. во второй половинѣ 188⁶/₇ учебнаго года:

На 1-мъ курсѣ:

	Число часовъ.
Богословiе (проф. Протоiер. А. П. Лавровъ) .	3
Энциклопедiя права (И. д. экстраордин. проф. В. Г. Щегловъ)	4
Исторiя политическихъ ученiй (приватъ-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой)	2

Институціи Римскаго права (привать-доцентъ А. Е. Минервинъ)	3
Всеобщая Исторія права (И. д. экстраор. профессора В. Г. Щегловъ) . . .	4
Исторія Русскаго права (приватъ-доцентъ Минервинъ)	3
Исторія Римскаго права, первая половина (Заслуженный орд. проф. С. М. Шпилевскій)	6
Итого .	25

Всеобщая Исторія права и Исторія Римскаго права (каѳедра вакантная) читались за особое вознагражденіе по 200 рублей за годовой часъ.

На 2-мъ курсѣ.

Римское право первая половина (И. д. экстр. проф. И. Г. Табашниковъ) . . .	2
Исторія Русскаго права, вторая половина (И. д. доцента М. А. Липинскій) . . .	3
Политическая экономія и Наука о Финансахъ (Орд. проф. А. А. Исаевъ) . . .	6
Политическая экономія (приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій)	3
Государственное право (доцентъ А. Е. Назимовъ)	3
Административное право (Ордин. проф. И. Т. Тарасовъ)	6
Итого .	23

На 3-мъ курсѣ.

Римское право, вторая половина (И. д. экстр. проф. Табашниковъ)	2

Русское Гражданское право, первая половина (онъ же)	3
Уголовное право (Орд. проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій).	6
Церковное право (Орд. проф. Н. С. Суворовъ)	6
Итого .	17

Гражданское право (каѳедра вакантная) читалось за особое по 200 руб. за годовой часъ вознагражденіе.

На 4-мъ курсѣ.

Русское Гражданское право, вторая половина (И. д. экстр. проф. Табашниковъ) . .	3
Международное право (И. д. экстр. проф. А. Н. Лодыженскій)	4
Торговое право (орд. проф. И. Т. Тарасовъ) .	3
Гражданское Судопроизводство (И. д. доцента Липинскій)	4
Уголовное Судопроизводство (приватъ-доцентъ А. Ф. Зачинскій)	3
Итого .	17

Русское Гражданское право, Торговое право и Гражданское Судопроизводство (каѳедры вакантныя) читались за особое вознагражденіе по 200 руб. за годовой часъ.

Во 2-й половинѣ 1887 г., т. е. въ первой половинѣ 188⁷/₈ учебнаго года читалось:

На 1-мъ курсѣ.

Богословіе (проф. А. П. Лавровъ). . . .	3
Энциклопедія прнва (И. д. экстраорд. проф. Щегловъ)	4

Исторія Политическихъ ученій (приватъ-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой) . .	2
Институціи Римскаго права (Орд. проф. Н. С. Суворовъ)	2
Всеобщая Исторія права (И. д. экстр. проф. Щегловъ)	2
Исторія Русскаго права, первая половина (Заслуженный Орд. проф. С. М. Шпилевскій)	6
Исторія Римскаго права (приватъ-доцентъ Минервинъ)	3
Итого .	22

Всеобщая Исторія права (каѳедра вакантная) читалась за особое вознагражденіе по 200 руб. за годовой часъ.

На 2-мъ курсѣ.

Римское право, первая половина (приватъ-доцентъ Минервинъ)	2
Исторія Русскаго права, вторая половина (И. д. доцента Липинскій	3
Политическая Экономія и Наука о Финансахъ (Орд. проф. Исаевъ)	6
Полнтическая Экономія (привасъ-доцентъ Левитскій)	3
Административное пуаво (Орд. проф. Тарасовъ)	6
Итого .	20

Римское право (каѳедра вакантная) читалось за особое по 200 рублей за годовой часъ вознагражденіе.

На 3-мъ курсѣ.

Русское Гражданское право, первая половина (И. д. доцента Лппинскій) . . .	2
Римское право, вторая половина (приватъ доцентъ Минервинъ)	2
Уголовное право (орд. проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій)	6
Церковное Законовѣдѣніе (орд. проф. Н. С. Суворовъ)	4
Итого .	14

Гражданское право и Римское (каѳедры вакантныя) читались за особое по 200 р. за годичный часъ вознагражденіе.

На 4-мъ курсѣ.

Русское Гражданское право, вторая половина (И. д. доцента Липинскій) . . .	2
Международное право (И. д. экстр. проф. А. Н. Лодыженскій)	4
Торговое право (орд. проф. И. Т. Тарасовъ) .	3
Гражданское Судопроизводство (И. д. доцента Липинскій)	2
Уголовное Судопроизводство (приватъ доцентъ А. Ф. Зачинскій)	3
Итого .	14

Гражданское право, Торговое право и Гражданское Судопроизводство (каѳедры вакантныя) читались за особое по 200 р. за годовой часъ вознагражденіе.

Всего въ теченіи 1887 года было прочитано и пропущено лекцій:

	Прочитано.	Пропущено.				
		По болѣзни.	По дѣламъ службы.	По нахожденію въ командиров.	По нахожденію въ отпуску.	По нахож. присяжн. засѣдат.
Заслуженнымъ Орд. проф. С. М. Шпилевскимъ	110	18	6	—	4	—
Ординарными профессорами:						
И. Т. Тарасовымъ	171	5	—	—	17	—
А. А. Исаевымъ	124	—	—	—	26	—
Н. С. Суворовымъ	129	—	—	14	10	—
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ	114	2	—	—	2	—
Профессоромъ Богословія А. П. Лавровымъ	73	—	—	—	—	—
И. д. экстраорд. профессоровъ:						
И. Г. Табашниковымъ	86	8	—	—	—	—
А. Н. Лодыженскимъ	27	65	—	—	—	—
В. Г. Щегловымъ	161	3	—	—	—	—
Доцентомъ А. Е. Назимовымъ	27	3	—	—	—	3
И. д. доц. М. А. Липинскимъ	157	27	—	—	—	—
Приватъ доцентами:						
А. Е. Минервинымъ	144	6	—	—	—	—
В. Ф. Левитскимъ	54	2	—	—	8	—
Княз. Е. Н. Трубецкимъ	40	4	—	—	—	—
А. Ф. Зачинскимъ	71	—	—	—	—	—
Итого	1488	143	6	14	67	3
		233				
	1721					

Изъ нихъ И. Г. Табашниковъ и А. Е. Назимовъ

читали только въ первой половинѣ года, во второй же не читали—Табашниковъ за переходомъ на службу въ Новороссійскій Университетъ, а Назимовъ по нахожденію въ заграничной командировкѣ.

Б. Личный составъ.

1) *Преподаватели.*

По Высочайше утвержденному 25 Декабря 1875 г. штату Демидовскаго Юридическаго Лицея, полагается въ немъ:

Ординарныхъ профессоровъ	5
Экстраординарныхъ профессоровъ . .	5
Доцентовъ	3
Профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія .	1
Профессоръ Богословія	1
Итого .	15

Къ 1-му Января 1888 года состояло на лицо:

Ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія .	5
И. д. экстраорд. профессора . .	2
Профессоръ Богословія	1
Доцентъ	1
И. д. доцента	1
Приватъ-доцентовъ	4
Итого	14

По составу преподавателей въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

1) Орд. проф. А. А. Исаевъ, по всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени 27 Декабря 1887 года.

2) Испр. долж. экстраорд. профессора по каѳедрѣ Уголовнаго права Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ съ 1-го Февраля 1887 года Ординарнымъ профессоромъ по той-же каѳедрѣ.

3) Профессоръ Богословія, Протоіерей А. П. Лавровъ, по выслугѣ 32 лѣтъ по учебной части, оставленъ на службѣ съ 29 Декабря 1887 года еще на два года.

4) Приватъ-доцентъ по каѳедрѣ Административнаго и Государственнаго права А. Е. Назимовъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ доцентомъ съ 23 Мая 1887 года по той же каѳедрѣ.

5) Кандидатъ юридическихъ наукъ Петровъ оставленъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію по Политической Экономіи, безъ содержанія.

6) И. д. экстр. проф. по каѳедрѣ Римскаго права И. Г. Табашниковъ перемѣщенъ 29 Іюля 1887 года въ Новороссійскій Университетъ экстраординарнымъ профессоромъ на каѳедру Римскаго права.

2) Чиновники по учебно-административной и другимъ частямъ.

По Высочайше утвержденному 25 Декабря 1874 г. штату Демидовскаго Юридическаго Лицея назначены въ немъ:

Директоръ изъ профессоровъ 1

Помощниковъ Директора по надзору за студентами 2; но эти двѣ должности соединены въ отчетномъ году въ одну должность Инспектора . 1

Секретарь Совѣта и Правленія (онъ же Архиваріусъ)	1
Библіотекарь	1
Бухгалтеръ (онъ же казначей) . .	1
Экзекуторъ	1
Итого . . .	6

На лицо къ 1-му Января 1888 г. состояло:

Директоръ	1
Инспекторъ	1
Библіотекарь	1
Секретарь	1
Экзекуторъ	1
Итого . . .	5

Нѣкоторые изъ служащихъ въ Лицеѣ, сверхъ штатныхъ своихъ должностей, исполняли постоянно или временно возложенныя на нихъ должности; такъ, на основ. § 41 Устава Лицея, состояли, подъ предсѣдательствомъ Директора, членами правленія Ординарные профессоры по назначенію Министра Н. С. Суворовъ и по выбору Совѣта А. А. Исаевъ.

Обязанности Бухгалтера и Казначея исполнялъ безъ жалованья Секретарь Лицея Головщиковъ.

Имянной списокъ всѣхъ служащихъ въ Лицеѣ лицъ прилагается при семъ подъ № 1-мъ.

II. Дѣятельность лицъ, принадлежащихъ составу Лицея.

1) *Дѣятельность Совѣта.*

Совѣтъ Лицея, на основ. § 30 своего Устава, вѣдалъ, главнымъ образомъ, дѣла по учебной и ученой части. Всѣхъ засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 17, изъ нихъ обыкновенныхъ 14 и чрезвычайныхъ 3.

Согласно § 40 Устава, журналы совѣтскихъ засѣданій, по предварительномъ представленіи ихъ Начальству Московскаго Учебнаго Округа, печатались въ оффиціальной части Временника Лицея.

На основ. § 35 Устава чтеніе лекцій велось въ отчетномъ году по всѣмъ каѳедрамъ, такъ что окончившимъ курсъ въ Лицеѣ въ 1887 году студентамъ преподавались всѣ предметы, означенные въ Высочайше утвержденномъ Уставѣ (§ 29).

Кромѣ чтенія лекцій Ординарными профессорами не менѣе 6 часовъ въ недѣлю, Экстраординарными не менѣе 4, профессоромъ Богословія и доцентами не менѣе 3, что требуется инструкціей преподавателямъ, данной бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія (§§ 1 и 5), преподаватели разсматривали, по порученію Совѣта, письменныя (годовыя) работы студентовъ и кандидатскія разсужденія, представляя въ Совѣтъ о послѣднихъ письменные отзывы.

На основаніи сихъ послѣднихъ, согласно § 58 Устава, Совѣтомъ въ 1887 году удостоены степени кандидата Юридическихъ наукъ: 7-го февраля *Архангельскій Владиміръ* за сочиненіе «Основаніе вмѣненія» (отзывъ орд. проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго); 14 марта *Срѣтенскій Семенъ* за сочиненіе „Сводъ юридическихъ

замѣчаній на проэктъ общей части новаго уголовнаго уложенія“ (отзывъ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго), и *Петровъ Митрофанъ* за сочиненіе «Хозяйство органовъ самоуправленія» (отзывъ Орд. проф. А. А. Исаева); 13 апрѣля *Иванишинъ Евгеній* за сочиненіе «О выдачѣ преступниковъ» (отзывъ приватъ-доцента А. Е. Назимова); 30 мая *Люцедарскій Леонтій*, *Ляхницкій Клавдій* и *Гурвичъ Айзикъ* за сочиненія: первый „О выдачѣ преступниковъ вообще“, второй «Историческое развитіе и современное устройство Государственнаго Совѣта въ Россіи» и третій «Переселенія крестьянъ въ Сибирь» (отзывы о первыхъ двухъ приватъ-доцента Назимова, а о послѣднемъ приватъ-доцента Левитскаго); 31 августа *Сперанскій Алексѣй* за сочиненіе „Положеніе вопроса о вознагражденіи невинно-осужденныхъ“ (отзывъ приватъ-доцента Зачинскаго); 14 октября *Бѣляевъ Николай* за сочиненіе „Участіе защиты въ предварительномъ слѣдствіи“ (отзывъ приватъ доцента Зачинскаго); 9 декабря *Поповъ Константинъ*, *Смирновъ Александръ* и *Чоловской Михаилъ* за сочиненія—первый „Имущественныя отношенія супруговъ по древне-русскому праву“, второй—„Ученіе объ участіи адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи“ и третій „Сравненіе статей, относящихся къ уголовному праву, по краткой и пространной редакціи Русской правды“ (отзывы о первомъ и послѣднемъ Заслуженнаго ордин. проф. С. М. Шпилевскаго, а о второмъ приватъ-доцента А. Ф. Зачинскаго).

На годичномъ торжественномъ актѣ Лицея 30 августа Орд. проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій произнесъ рѣчь, озаглавленную такъ: „Роль обычая въ Уголовномъ законодательствѣ“.

29-го января въ день 50-лѣтія со дня кончины поэта А. С. Пушкина, происходило чествованіе памяти

его, состоявшее въ слѣдующемъ: въ Лицейской церкви, въ присутствіи профессоровъ Лицея и преподавателей мужской классической гимназіи, а также студентовъ и воспитанниковъ гимназіи, совершена была панихида, послѣ которой произносили, о заслугахъ покойнаго поэта, рѣчи—Орд. проф. С. М. Шпилевскій, И. Т. Тарасовъ и А. А. Исаевъ, а также преподаватель Ярославской женской гимназіи Воскресенскій.

Имѣвшихъ право окончить въ 1887 году курсъ студентовъ въ Лицеѣ находилось 38, изъ нихъ окончило курсъ 37 и 1 остался на 4 курсѣ на 2-й годъ. Кромѣ того два экстерна сдавали экзамены для полученія степени кандидата юридическихъ наукъ, каковой и удостоены; а изъ 37 студентовъ окончившихъ курсъ, 8 удостоены степени кандидата, за пятерыми сохраняется право на полученіе той же степени по представленіи диссертацій, остальнымъ 24 дано званіе дѣйствительныхъ студентовъ.

2) Мѣры для надзора за нравственностію студентовъ и для усиленія учебной дѣятельности, а равно и способы контроля надъ ихъ занятіями.

Инспекція, на основаніи данныхъ ей инструкцій, наблюдала за нравственностію студентовъ, поведеніе которыхъ не приводило къ необходимости установленія особенныхъ мѣръ надзора за ними.

Способомъ контроля надъ занятіями студентовъ служили—наблюденіе за аккуратнымъ посѣщеніемъ ими лекцій, а также письменныя упражненія, которыя, на основаніи § 29 правилъ, давались студентамъ и состояли въ переводахъ, рефератахъ и самостоятельныхъ работахъ по источникамъ. Независимо отъ этихъ, для каждаго желающаго перейти на слѣдующій курсъ студента, обязатель-

ныхъ работъ, были даны имъ еще, согласно § 32 правилъ, съ одобренія Совѣта, по всѣмъ каѳедрамъ темы для необязательыхъ сочиненій на соисканіе денежныхъ премій. Такихъ сочиненій въ отчетномъ году подано было три: студентами 3-го курса *Дмитріевымъ Иваномъ* на тему «Существенныя черты правоваго развитія восточнаго государства въ сравненіи съ античнымъ" и 4 курса *Гутманомъ Лейбой* и *Невскимъ Сергѣемъ*, первымъ на тему «Поповскія лѣтописи, какъ матеріалъ для исторіи русскаго права" и вторымъ „О судебныхъ доказательствахъ по уложенію Царя Алексѣя Михайловича". Разборъ объ этихъ сочиненіяхъ представили въ Совѣтъ о первомъ—и. д. экстраорд. проф. В. Г. Щегловъ, о второмъ Заслуженный орд. проф. С. М. Шпилевскій и о третьемъ и. д. доцента М. А. Липинскій, а авторы этихъ сочиненій удостоены премій Дмитріевъ и Гутманъ по 25 руб., а Невскій въ 50 руб.

Для сочиненій же на золотую медаль даны въ отчетномъ году совѣтомъ для студентовъ слѣдующія темы: 1) оставлена данная въ прошедшемъ году по церковному Законовѣдѣнію: „Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ до конца XVIII вѣка", и 2) вновь предложенная И. д. экстраордир. проф. Щегловымъ по Всеобщей Исторіи права—«Права восточнаго общества въ сравненіи его съ античнымъ».

Кромѣ прочтенія и разбора подаваемыхъ студентами работъ, Орд. проф. Тарасовъ—велъ съ студентами репетиціи.

3) *Особые труды преподавателей.*

Въ теченіи 1887 года изданы Совѣтомъ Лицея четыре (по 30 печатныхъ листовъ) книги Временника

XLII, XLIII, XLIV и XLV, въ которыхъ, кромѣ оффиціальнаго отдѣла, помѣщено: Ординарными профессорами: а) *Бѣлогрицъ-Котляревскимъ* отвѣтъ И. Фойницкому по поводу разбора книги г-на Бѣлогрицъ-Котляревскаго «Преступленія противъ религіи»; б) *Исаевымъ*—Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь (публичная лекція); Составныя части и методы Политической экономіи; О налогахъ; в) *Суворовымъ*—О гражданскомъ бракѣ; г) *Тарасовымъ*—подъ его редакціей, переводъ студ. *Боевскимъ* соч. *Родбертуса*—Изслѣдованія въ области національной Экономіи классической древности, вып. IV. Доцентомъ *Назимовымъ*—Реакція въ Пруссіи (магистерская диссертація). И. д. доцента *Липинскимъ*—Писцовыя книги Угличскаго уѣзда XVII вѣка. Приватъ доцентами: а) *Зачинскимъ*—О началѣ государственнаго обвиненія; б) *Левитскимъ* подъ его редакціей,—переводъ студ. *Окновскимъ* соч. *Бишофъ*—Краткій обзоръ исторіи банковъ съ приложеніемъ ученія о биржевыхъ операціяхъ. Въ особомъ отдѣлѣ Временника „Юридическая библіографія“ помѣщены разборы: Ординарными профессорами: *Бѣлогрицъ-Котляревскимъ*—двухъ сочиненій, *Исаевымъ*—одного, *Суворовымъ* 8, *Тарасовымъ* 13, И. д. экстраорд. проф. *Щегловымъ* 4, И. д. доцента *Липинскимъ* 2 и приватъ доцентомъ *Левитскимъ* 1. Кромѣ того въ XLII и XLIII книгахъ Временника помѣщено сочиненіе Секретаря Лицея *Головщикова* «Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ Училища». (1803—1886).

Сверхъ того напечатали: Орд. проф. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* Рецензіи на «курсъ русскаго уголовнаго права», Проф. Н. Сергѣевскаго (въ Юрид. Вѣстн.) Орд. проф. *Исаевъ*: а) Наши финансы и подоходный налогъ (отдѣльной книгой); б) Какъ измѣрять тягость налоговъ

(въ Экономич. журн.). Сверхъ того прочитаны имъ доклады: въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ въ Петербургѣ «о нашемъ финансовомъ положеніи» и въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ «о тягости налоговъ». Ордин. проф. *Суворовъ:* а) Характеристика католицизма и протестантизма въ ихъ отношеніяхъ къ государству (въ Юридическ. Вѣстн.); б) рецензія сочиненій Геффкена и Гейгеля (тамъ же). Кромѣ того прочиталъ рефератъ на VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ «о слѣдахъ западно-католическаго церковнаго права въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ». Орд. проф. *Тарасовъ:* а) Смерть Пушкина (въ Русскомъ Вѣстникѣ); б) О бумажныхъ деньгахъ (въ Экономич. журналѣ); в) рядъ статей по вопросамъ народнаго и государственнаго хозяйства, г) рядъ корреспонденцій о Сибирско-Уральской научно-промышленной выставкѣ въ Екатеринбургѣ (въ Московскихъ Вѣдомостяхъ); д) Винокуреніе и винодѣліе на Кавказѣ; е) Общества страхованія расходовъ (въ трудахъ Императорскаго Вольно-экономическаго Общества); ж) Организація административной юстиціи (въ Юридич. Вѣстникѣ); з) Какъ помочь кустарямъ (въ Южномъ краѣ). Кромѣ того прочиталъ въ Екатеринбургѣ публичную лекцію о соотношеніи между кустарнымъ и фабричнымъ производствами на Уралѣ, которая и напечатана потомъ въ трудахъ Императорскаго Вольно-экономическаго Общества. Отдѣльными изданіями напечаталъ—а) Публичныя лекціи и рѣчи, б) Объ уваженіи къ женщинѣ (3-е изд.). Приступилъ къ печатанію „Очеркъ науки административнаго права“. Литографировалъ конспектъ лекцій по Торговому праву и Административному праву. По порученію г-на Министра Финансовъ, составилъ отчеты объ Екатеринбургской и Харьковской выставкахъ и о кустарномъ отдѣлѣ этихъ

выставокъ. Наконецъ, принималъ участіе въ работахъ Харьковской коммиссіи для изслѣдованія кустарной промышленности. Проф. Богословія прот. *А. П. Лавровъ* напечаталъ „Очеркъ исторіи Руской церкви“ 3 издан. и годичный отчетъ о состояіи Ярославскаго епархіальнаго женскаго училища въ учебномъ отношеніи за 1886—7 учебн. годъ, напечатанный въ ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. И. д. доцента *Липинскій* въ журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя новыя данныя для исторіи Екатерининской коммиссіи“. Приватъ-доцентъ *Левитскій* помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ нѣсколько рецензій.

III. О занятіяхъ Правленія.

1) Число входящихъ и исходящихъ бумагъ вообще по Лицею и состоявшихся журнальныхъ постановленій Правленія.

Въ Совѣтъ Лицея, Правленіе онаго и на имя Директора поступило въ отчетномъ году отъ разныхъ мѣстъ и лицъ бумагъ 900, исходящикъ бумагъ отправлено 937; постановленій Правленія состоялось 182, ассигновокъ составлено: простыхъ 278, авансовыхъ 8 и оборотныхъ 5, итого 291.

2) О заключенныхъ подрядахъ и расходахъ по Лицею.

Въ отчетномъ году заключены были Правленіемъ Лицея контракты:

1) съ крестьяниномъ Авксентіемъ Гогинымъ на очистку ватерклозетныхъ и помойныхъ ямъ и свозку мусора съ дворовъ на 330 руб.

2) съ крестьяниномъ Герасимомъ Лебедевымъ на чистку дымовыхъ трубъ и топку восьми духовыхъ печей на 150 руб.

Всѣ мелочные расходы производились по Лицею хозяйственнымъ образомъ по цѣнамъ ниже справочныхъ и вообще умѣреннымъ.

Изданіе Временника обошлось Лицею въ отчетномъ году 1450 руб. 55 к.

3) Число освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій и количество поступившей суммы за слушаніе лекцій.

Въ 1-й половинѣ 1887 года, т. е. во 2-й половинѣ 188⁶/₇ учебнаго года студентовъ въ Лицеѣ находилось 90, изъ нихъ полную плату за слушаніе лекцій (20 руб. въ полугодіе) внесли 34 студента и 1 половинную (10 р.), остальные же были вовсе освобождены отъ платы. Во второй половинѣ 1887 г., т. е. въ первой половинѣ 188⁷/₈ учебн. года студентовъ было 139, изъ нихъ вносившихъ полную плату 104, остальные же затѣмъ 33 студента были вовсе освобождены отъ платы и 2 освобождены на половину. Въ числѣ вовсе неплатившихъ за слушаніе лекцій студентовъ въ теченіи года было 20 демидовскихъ стипендіатовъ, которые не платили за слушаніе лекцій на основ. Устава Лицея (§ 56). Суммы сбора за слушаніе лекцій въ отчетномъ году всего поступило со студентовъ и процентовъ съ билетовъ (на 15.120 руб.) по этому разряду 4009 р. 47 к.

Вѣдомость объ оборотахъ всѣхъ суммъ прилагается при семъ подъ № 3.

4) О стипендіатахъ Лицея.

Въ отчетномъ году имѣлись при Лицеѣ слѣдующія

стипендіи: 20 Демидовскихъ по 200 р.; 5 имени Императора Александра Александровича на проценты съ капитала Ярославскаго дворянства для недостаточныхъ студентовъ изъ дворянъ Ярославской губерніи по 196 руб. и по одной: а) Имени Императора Александса I-го въ 176 р. 40 к., б) Генерала отъ Артиллеріи Глинки I-го въ 250 р., в) Генералъ-Маіора Болдырева въ 245 р., г) бывшаго Ярославскаго Архіепископа Леонида въ 98 р., д) Статскаго Совѣтника Соколова въ 63 р. 70 к. и е) Ярославскаго купца Топленинова въ 127 р. 40 к. Кромѣ того съ капитала Н. Н. Демидова получается процентовъ въ годъ 384 р. 70 к. для содержанія въ интернатѣ Лицея двухъ студентовъ.

О стипендіатахъ Лицея прилагается вѣдомостъ подъ № 2.

5) *Попечительство о недостаточныхъ студентахъ Лицея.*

При Лицеѣ, на основ. § 7 Устава, состоитъ Попечительство о недостаточныхъ студентахъ онаго, открытое съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 28 день Апрѣля 1871 г. и дѣйствующее на основаніи особыхъ правилъ, утвержденныхъ бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 Іюня того же 1871 года. Въ теченіи 1887 года суммъ въ Попечительство поступило: а) пожертвованій отъ разныхъ учрежденій и лицъ 965 р., б) процентовъ съ капитала Попечительства 478 р. 20 к., в) сборовъ съ публичныхъ лекцій, спектаклей и концертовъ 893 р. 46 к., а всего 2336 р. 66 к. Пособія недостаточнымъ студентамъ Лицея выдавались изъ этой суммы въ размѣрѣ отъ 3 до 10 р. въ мѣсяцъ; кромѣ того за нѣкоторыхъ студентовъ уплочено Попечительствомъ за слушаніе лекцій по 20 р. Про-

изводились нѣкоторымъ студентамъ и заимообразныя выдачи.

IV. Объ учащихся.

Число студентовъ Лицея въ 1887 году.

Къ 1-му Января 1887 года студентовъ въ Лицеѣ находилось 90, изъ нихъ въ теченіи года выбыло: по окончаніи курса 37, не окончивъ курса по разнымъ причинамъ 3; вновь принято въ 1887 году на разные курсы студентовъ 89. Затѣмъ къ 1-му Января 1888 года студентовъ въ Лицеѣ 139.

Окончившіе курсъ въ отчетномъ году въ Лицеѣ студенты (37) исповѣданія православнаго, а по мѣсту рожденія изъ губерній: Ярославской 5, Владимірской 4, Воронежской и Харьковской по 3, Нижегородской и Черниговской по 2, Витебской, Волынской, Калужской, Каменецъ-Подольской, Кіевской, Костромской, Курской, Кутаисской, Могилевской, Московской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тверской, Томской, Тульской и Уфимской по 1.

Вновь поступившіе въ 1887 году въ студенты Лицея (89) по мѣсту рожденія изъ губерній: Московской 12, Херсонской 9, Ярославской 7, Виленской и Минской по 6, Витебской, Ковенской, Костромской и Могилевской по 4, Владимірской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Кіевской, Нижегородской, Пермской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской, Тифлисской и Тульской по 2, Иркутской, Орловской, Псковской, Симбирской, Томской, Уфимской, Харьковской, Бессарабской области и Австрійскій подданный по 1.

Изъ находящихся къ 1888 году 139 студентовъ,

православнаго исповѣданія 93, католическаго 4, лютеранскаго 2 и іудейскаго 40,

V. Учебно вспомогательныя учрежденія.

Библіотека.

Въ библіотеку Лицея поступило за время отчетнаго года 227 новыхъ названій (по инвентарному каталогу №№ 15.081—15. 308) въ 643 томахъ и 69 брошюрахъ.

Въ томъ числѣ пріобрѣтено покупкой отъ книжныхъ магазиновъ: Бэра и К° (во Франкфуртѣ на Майнѣ)— 76 названій 176 томовъ и 22 брошюры, Новаго Времени, Анисимова и Ланга (въ Москвѣ)—47 названій 163 тома и 10 брошюръ, Березина (въ Ярославлѣ) 2 названія въ 3-хъ томахъ и Киммеля (въ Ригѣ) 1 названіе 3 тома, 1 брошюра, а также отъ Л. А. Калачевой и Н. Сахарова—2 названія, 18 томовъ 2 брошюры, всего же 128 названій въ 365 томахъ и 35 брошюрахъ.

Кромѣ того поступили безденежно изданія:

а) Присланныя изъ Государственнаго Контроля, изъ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Путей сообщенія, изъ Департаментовъ Народнаго Просвѣщенія и Неокладныхъ Сборовъ, изъ Редакціонной Коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія, Коммиссіи по Международному обмѣну изданій, коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ, изъ общества любителей древней письменности, православнаго Палестинскаго Общества, Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, этнографическаго отдѣла Московскаго Общества любителей естествознанія, изъ Академіи Наукъ, Университетовъ—Ка-

канскаго, Варшавскаго и Дерптскаго, изъ С.-Петерскаго Лѣснаго Института, Училища Правовѣдѣнія, Центральнаго Статистическаго Комитета, Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и отъ Уполномоченнаго Министра Государственныхъ Имуществъ на Кавказѣ, всего 74 названія, 154 тома и 20 брошюръ.

в) Пожертвованныя авторами: К. П. Побѣдоносцовымъ, гр. П. С. Уваровой, И. Т. Тарасовымъ, Н. С. Суворовымъ, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ, В. Ф. Левитскимъ, Н. Д. Сергѣевскимъ и Ф. Ф. Чекалинымъ, а также пожертвованныя К. Д. Головщиковымъ, А. П. Синельниковой, О. С. Кошелевой и студентомъ Лицея Гурляндомъ—всего 17 названій 50 томовъ 8 брошюръ.

с) Полученные въ обмѣнъ на Временникъ Лицея журналы и изданія земствъ и городскихъ думъ 8 новыхъ названій 70 томовъ и 6 брошюръ.

д) Собственное изданіе Лицея, его временникъ 4 тома (книги 42—45).

Такимъ образомъ къ 1-му Января 1888 года весь составъ Лицейской библіотеки опредѣляется въ 15.308 названій 31.318 томовъ и 3089 брошюръ.

Весь расходъ на книги и пересылку ихъ въ 1887 году равняется 1654 руб. 42 к. Кромѣ того за переплеты 301 книги и 69 брошюръ, не считая тѣхъ изданій, которыя были получены переплетенными изъ магазиновъ (23 тома и 1 брошюра), заплочено переплетчикамъ Вознесенскому и Волкову 137 р. 80 к. Такъ что вся сумма расхода на библіотеку въ отчетномъ году простирается до 1792 р. 22 к; со времени же преобразованія Лицея на библіотеку израсходовано 94.647 р. 44 к.

Книгами фундаментальной библіотеки пользовались

преимущественно гг. профессора, преподаватели и чиновники Лицея, взявшіе на домъ въ теченіи года 1676 томовъ, не считая книгъ, читавшихся въ самой библіотекѣ. Кромѣ того стипендіатамъ, готовящимся къ проферскому званію и служащимъ въ Лицеѣ лицамъ выдано было 372 тома и студентамъ подъ залоги, стипендіи и ручательства профессоровъ 972 тома.

Изъ студентскаго отдѣла библіотеки произведено было до 2500 выдачъ.

ИМЯННОЙ СПИСОКЪ

лицъ, состоящихъ къ 1-му января 1888 года на службѣ по Демидовскому Юридическому Лицею

въ Ярославлѣ.

Должность, чинъ, имя, отчество и фамилія.	Откуда родомъ, изъ какого состоянія, лѣта, вѣроисповѣданіе, имѣетъ ли семейство.
Директоръ Лицея, Заслуженный Ординарный профессоръ по Исторіи Русскаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій*.	Московской губ., изъ дворянъ, 54 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Ординарный профессоръ по Государственному и Административному праву, Статскій Совѣтникъ Иванъ Трофимовичъ *Тарасовъ*.	С.-Петербургской губ., изъ дворянъ, 42 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Ординарный профессоръ по Политической Экономіи и Финансовому праву, Статскій Совѣтникъ Андрей Алексѣевичъ *Исаевъ*.	Черниговской губ., изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, 38 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Ординарный профессоръ по Церковному Законовѣдѣнію, Статскій Совѣтникъ Николай Семеновичъ *Суворовъ*.	Костромской губ., изъ духовнаго званія, 39 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
Ординарный профессоръ по Уголовному праву и Уголовному Судопроизводству, Надворный Совѣтникъ Леонидъ Сергѣевичъ *Бѣлогрицъ-Котляревскій*.	Полтавской губ., сынъ чиновника, 33 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.

Съ котораго времени въ учебной службѣ и должности.	Какую имѣетъ ученую степень.	Сколько получаетъ содержанія.
Въ учебной службѣ съ 27 февр. 1861 г., въ настоящей должности съ 7 іюня 1885 г.	Доктора Государственнаго права.	Жалованья профессорскаго 2400 р., столовыхъ 300 р.; добавочнаго жалов. по должности Директора 1500 р. и пенсін 1401 р. Пользуется казенной квартирой.
Въ учебной службѣ съ 10 марта 1872 г., въ настоящей должности съ 9 іюля 1880 г.	Доктора Полицейск. права.	Жалованья 2400 р. Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 300 р.
Въ учебной службѣ съ 1 января 1879 г., въ настоящей должности съ 22 іюля 1881 г.	Доктора Политической Экономіи.	Жалованья 2400 р. Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 300 р.
Въ учебной службѣ съ 15 октября 1873 г., въ настоящей должности съ 1 дек. 1884 г.	Доктора Каноническ. права.	Жалованья 2400 р. Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 300 р.
Въ учебной службѣ съ 1 февраля 1883 г., въ настоящей должности съ 1 февр. 1887 г.	Доктора Уголовнаго права.	Жалованья 2400 р. Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 300 р.

Профессоръ Богословія Протоіерей Алексѣй Петровичъ *Лавровъ*, онъ же и Настоятель Лицейской церкви.	Ярославской губ., изъ духовнаго званія, 63 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
И. д. Экстраординарнаго профессора по Международному праву, Надворный Совѣтникъ, Ардрей Николаевичъ *Лодыженскій*.	Тверской губ., изъ дворянъ, 34 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
И. д. Экстраординарнаго профессора по Энциклопедіи права и Институціямъ Римскаго права, Надворный Совѣтникъ Владиміръ Георгіевичъ *Щегловъ*.	Тамбовской губ., изъ духовнаго званія, 34 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Доцентъ по Государственному праву Александръ Евгеньевичъ *Назимовъ*.	Псковской губ., изъ дворянъ, 37 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
И. д. доцента по Исторіи Русскаго права, Коллежскій Ассесоръ, Маріанъ Александровичъ *Липинскій*.	Виленской губ., изъ дворянъ, 33 лѣтъ, исповѣданія евангелическо-лютеранскаго, имѣетъ семейство.
Приватъ-доцентъ по Институціямъ Римскаго права, Титулярный Совѣтникъ Александръ Евграфовичъ *Минервинъ*.	Ярославской губ., изъ духовнаго званія, 44 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Приватъ-доцентъ по Политической Экономіи Владиміръ Фавстовичъ *Левитскій*.	Кіевской губ., изъ духовнаго званія, 33 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.

Въ учебной службѣ съ 29 декаб. 1850 г., въ настоящей должности съ 31 мая 1875 г.	Магистра Богословія.	Жалованья 1600 р. Столовыхъ 200 р. Пользуется казенной квартирой.
Въ учебной службѣ съ 9 іюля 1880 года, въ настоящей должности съ 15 марта 1886 г.	Магистра Междунар. права.	Жалованья 1600 р. Столовыхъ 200 р. Квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ съ 15 іюля 1884 года, въ настоящей должности съ 5 іюня 1886 г.	Магистра Государств. права.	Жалованья 1600 р. Столовыхъ 200 р. Квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ и настоящей должности съ 28 мая 1887 года.	Магистра Государственнаго права.	Жалованья 900 р. Столовыхъ 150 р. Квартирныхъ 150 р.
Въ учебной службѣ съ 1 іюня 1876 года, въ настоящей должности съ 1 янв. 1879 г.	Кандидата Юридическ. наукъ.	Жалованья 900 р. Столовыхъ 150 р. Квартирныхъ 150 р.
Въ учебной службѣ съ 1 іюля 1878 года, въ настоящей должности съ 1 янв. 1883 г.	Кандидата Юридическ. наукъ.	Содержаніе въ размѣрѣ 1200 руб.
Съ 11 марта 1885 г.	Кандидата Юридическ. наукъ.	Содержаніе въ размѣрѣ 1200 руб.

Приватъ-доцентъ по Энциклопедіи права, Евгеній Николаевичъ Князь *Трубецкой*.	Калужской губ., изъ дворянъ, 25 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
Приватъ-доцентъ по Уголовному Судопроизводству, Коллежскій Секретарь, Адамъ Францевичъ *Зачинскій*.	Гродненской губ., 33 лѣтъ, исповѣданія римско-католическаго, холостъ.

Съ 22 іюля 1886 г.	Кандидата Юридическ. наукъ.	Содержаніе въ размѣрѣ 1000 руб.
Съ 11 окт. 1886 г.	Кандидата Юридическ. наукъ.	Содержаніе въ размѣрѣ 1200 руб.

Приложеніе № 2.

ВѢДОМОСТЬ

о степендіяхъ существовавшихъ при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ и о числѣ лицъ пользовавшихся ими въ 1887 году.

Наименованіе стипендій.	Въ 1887 г. было назначено. Число стипендій.	Размѣръ каждой стипенд. Руб.	К.	Общая сумма выдаваемыхъ въ 1887 году стипендій. Руб.	К.	Изъ какихъ источниковъ производились стипендіи.
Демидовскихъ . .	20	200	„	4000 а)	„	Изъ Государственнаго Казначейств.
Ярославскаго Дворянства	5	196	„	196	„	Изъ спеціальныхъ средствъ.
Генерала отъ артиллеріи Глинки 1-го . . .	1	250	„	„	„	
Генералъ-маіора Болдырева	1	245	„	245	„	
Ярославскаго купца Топленинова . . .	1	127	40	127	40	
Статскаго Совѣтника Соколова	1	63	70	б) 26	50	
Ярославскаго Преосвященнаго Леонида . .	1	98	„	98	„	
Имени Императора Александра I	1	176	40	176	40	
Имени Н. Н. Демидова	2	192	37	384	74	

а) Стипендія эта выдавалась въ теченіи года одному только студенту. б) Эта стипендія выдавалась только въ теченіи пятм мѣсяцевъ съ января до іюня.

Приложеніе № 3-й.

ВѢДОМОСТЬ

об оборотахъ суммъ по Демидовскому Юридическому Лицею за 1887 годъ.

	Остатокъ отъ 1886 года.	Въ 1887 году. Приходъ.	Въ 1887 году. Расходъ.	Остатокъ къ 1888 году.
Суммъ ассигнованныхъ отъ Государственнаго Казначейства:	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
по § 6 ст. 1.	—	37969 —	36324 64	1644 36
2.	20 —	4000 —	3689 38	330 62
3.	14 —	7285 —	7289 12	9 88
§ 16 — 2.	—	300 —	300 —	—
Пожертвованныхъ:				
Документами .	117757 —	—	—	117757 —
Наличными . .	1831 68	6929 4	4881 23	3879 49
Сбора за слушаніе лекцій и экономическихъ суммъ:				
Наличными . .	91 63	6490 41	5960 60	621 44
Билетами . . .	26900 —	—	2450 —	24450 —
Содержаніе въ интернатѣ частныхъ воспитанниковъ:				
Наличными . .	—	150 —	—	150 —
Переходящихъ суммъ.				
Наличными . .	—	—	—	—
Документами .	250 —	—	100 —	150 —
Всего наличными	1957 31	63123 45	58444 97	6635 79
Всего документами	144907 —	—	2550 —	142357 —

ЖУРНАЛЫ

совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1888 года января 20 дня, въ Совѣтѣ Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ*, *Н. С. Суворовъ*, *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; и. д. экстраордин. профессора *А. Н. Лодыженскій*; и. д. доцента *М. А. Липинскій*; приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій*, князь *Е. Н. Трубецкой* и *А. Ф. Зачинскій*. Неприсутствовали: и. д. экстраордин. профессора *В. Г. Щегловъ* и доцентъ *А. Е. Назимовъ* по нахожденію въ командировкѣ.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Управлявшаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 19 декабря 1887 г. за № 13.652, которымъ разрѣшаетъ выдать и. д. экстраординарнаго профессора Щеглову, командированному съ ученою цѣлью

въ Москву и С.-Петербургъ, пособіе въ размѣрѣ 300 рублей изъ спеціальныхъ средствъ Лицея. При этомъ г. Директоръ заявилъ, что деньги профессору Щеглову уже выданы. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3) Предложеніе г. Управлявшаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 19 декабря 1887 г. за № 13.653, коимъ увѣдомляетъ, что онъ признаетъ просрочку разрѣшеннаго и. д. экстраординарнаго профессора Лицея Лодыженскому отпуска по 2 декабря 1887 г., въ виду представленнаго имъ медицинскаго свидѣтельства, законною. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и отмѣтить объ отпускѣ и о признанной уважительною просрочкѣ онаго г. Лодыженскимъ въ формулярномъ спискѣ его.

4) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 4 сего января за № 16, коимъ увѣдомляетъ, что господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на принятіе бывшаго студента Лицея Андрея Крѣпкогорскаго вновь въ число студентовъ Лицея. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 14 сего января за № 263, коимъ разрѣшаетъ допустить доктора медицины И. А. Кошкарова къ чтенію студентамъ Лицея безвозмездно не обязательныхъ лекцій по судебной медицинѣ. **Опредѣлили:** Назначить для чтенія судебной медицины докторомъ Кошкаровымъ два часа, именно 1 и 2 по понедѣльникамъ для студентовъ 2, 3 и 4 курсовъ.

6) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 14 сего января за № 264, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, учебные планы настоящаго учебнаго года Демидовскаго Юридическаго Лицея, утверждены. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

7) Отношеніе Общества взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ гор. Казани, слѣдующаго содержанія: „Общество взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ г. Казани, сознавая крайнюю важность организаціи библіотеки и кабинета для чтенія для своихъ членовъ, приступило къ этому дѣлу, но имѣя пока крайне ограниченныя средства, едва позволяющія ему оказывать матеріальную помощь бѣднѣйшимъ своимъ членамъ безъ занятій и ихъ семействамъ, поставленнымъ въ тяжкую нужду вслѣдствіе болѣзни или кончины ихъ кормильцевъ, — оно не можетъ ассигновать особыхъ средствъ для покупки книгъ и выписки газетъ и журналовъ для библіотеки для чтенія, почему и проситъ Совѣтъ Лицея придти въ этомъ дѣлѣ на помощь безплатной высылкой издаваемаго Лицеемъ Временника. **Опредѣлили:** Отослать въ общество взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ г. Казани издаваемый Совѣтомъ Лицея Временникъ, начавъ высылку съ 40 книги и впредь высылать по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ.

8) Слѣдующее прошеніе ординарнаго профессора Лицея А. А. Исаева: „Работая надъ вопросомъ о характерѣ современной международной торговли сравнительно съ торговлею 17 и 18 столѣтій, я не имѣю подъ руками многихъ важныхъ для этого сочиненій, которыя могутъ быть найдены только въ С.-Петербургѣ въ Императорской публичной или другихъ библіотекахъ. А потому имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Лицея ходатайствовать о командированіи меня, безъ всякаго денежнаго пособія, въ С.-Петербургъ на 15 дней отъ 7 по 21 марта 1888 г. Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Совѣта, что пропущенныя за время нахожденія въ командировкѣ лекціи, я пополню усиленнымъ преподаваніемъ по возвращеніи". Совѣтъ, не находя съ своей сто-

роны препятствій къ удовлетворенію просьбы г. Исаева, **Опредѣлилъ:** Просить ходатайства г. Попечителя московскаго учебнаго округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи профессора Исаева въ С.-Петербургъ съ ученою цѣлію съ 7 по 21 марта сего года.

9) Пріобрѣтшіе въ 1887 году право на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій Соломонъ *Окновскій* и Николай *Агафоновъ* своевременно представили сочиненія, первый подъ заглавіемъ: „Историческій очеркъ развитія предіальныхъ сервитутовъ въ древнемъ Римѣ", а второй, „Торговое право въ древней Руси X—XV в.в. по правовымъ памятникамъ того времени". Сочиненія эти по опредѣленіямъ Совѣта были переданы Окновскаго—приватъ-доценту Минервину, а Агафонова—ординарному профессору Тарасову. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзывовъ г. г. Минервина и Тарасова о помянутыхъ сочиненіяхъ, **Опредѣлили:** Утвердить Окновскаго и Агафонова въ степени кандидата юридическихъ наукъ и выдать имъ надлежащіе о томъ аттестаты и по экземпляру судебныхъ уставовъ; отзывы же о ихъ сочиненіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

10) Секретарь Совѣта доложилъ, что въ число студентовъ г. Директоромъ приняты на 1-й курсъ студенты Московскаго университета: Балашевъ Владиміръ, Бычковъ Василій, Вейклевичъ Фридрихъ, Воскресенскій Василій, Марчевскій Михаилъ, Мулинъ Иванъ, Половцевъ Левъ, Удинцевъ Всеволодъ, Фирсовъ Андрей и Шестеркинъ Павелъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

11) Секретарь Совѣта доложилъ, что г. Директоръ Лицея С. М. Шпилевскій и ординарный профессоръ Н. С.

Суворовъ возвратились изъ разрѣшенныхъ имъ конандировокъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

12) Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ заявилъ Совѣту, что церковное законовѣдѣніе студентамъ 3 курса, онъ, въ виду невозможности исполнить учебный планъ при четырехъ часовомъ чтеніи, желаетъ читать вмѣсто 4 часовъ 6 часовъ въ недѣлю, именно сверхъ назначенныхъ по расписанію дней еще по Четвергамъ съ 10 до 12 часовъ. **Опредѣлили:** Включить это въ расписаніе лекцій для объявленія студентамъ.

13) Г. Директоръ заявилъ, что изготовленъ печатаніемъ къ выпуску № 6 Юридической Библіографіи, въ которомъ помѣщены разборы слѣдующихъ книгъ: 1) ординарнымъ профессоромъ А. А. Исаевымъ: а) В. А. Лебедевъ. Мѣстные налоги. 1886 г. и б) Судейкинъ. Прямые налоги и ихъ организація во Франціи. 1887 г.; 2) ординарнымъ профессоромъ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ—Н. Сергѣевскій. Русское уголовное право, часть общая. 1887 г.; 3) ординарнымъ профессоромъ Н. С. Суворовымъ: 1) Joh. Freidrich von Schulte. Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts nach dem gameinen Rechte, dem Rechte der deutschen Länder und Oesterreichs. Vierte Auslage der katholischen, erste der evangelischen. Giessen, 1886 г.; б) Hermann Gerlach. Lehrbuch des katolischen Kirchenrechts. Vierte verbesserte und bedeutend vermehrte Auflage, Paderborn und Münster, 1885 г.; в) Rudolf Ritter v. Scherer, Handbuch des Kirchenrechts, Graz, 1886 г.; г) Paul Hinschius, Das preussische Kirchenrecht im Gebiete des allgemeinen Landrechts. Berlin uud Leipz. 1884 г.; д) Die kirchenpolitischen Gesetze Preussens und des deutschen Reichs in ihrer Gestaltung nach dem Abänderungsgesetz von 29 April 1887, von V. Rinkelen, geheimen Oder-justizrach,

Mitgliede des Riechstags Paderb u Münster, 1887 г. **Опредѣлили**: Выпустить въ продажу № 6 Библіографіи, отправивъ предварительно въ цензурный комитетъ 6 экземпляровъ.

(Прилож. къ стр. 9-й).

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи Соломона Окновскаго „Историческій очеркъ развитія предіальныхъ сервитутовъ въ древнемъ Римѣ", представленномъ на степень кандидата.

Разсужденіе г. Окновскаго начинается введеніемъ въ которомъ онъ указываетъ мотивы и задачу своего труда, экономическое основаніе сервитутовъ и понятіе и виды ихъ. За введеніемъ слѣдуютъ четыре отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ состояніе предіальныхъ сервитутовъ въ эпоху XII таблицъ, во второмъ—онъ слѣдитъ за тѣми измѣненіями, которыя произошли въ предіальныхъ сервитутахъ отъ изданія XII табл. до конца республики, въ третьемъ—имъ описывается состояніе ихъ въ первые три вѣка по Р. Хр., наконецъ въ послѣднемъ отдѣлѣ указывается: въ какомъ видѣ находились предіальные сервитуты предъ кодификаціей Юстиніана и какимъ подверглись въ ней измѣненіямъ.

Какъ видно изъ труда, авторъ серьезно отнесся къ избранной имъ темѣ. Онъ познакомился не только съ многими учебниками на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, но и главными сочиненіями, посвященными сервитутамъ. Такъ авторъ изучилъ сочинение Фойгта (Ueber

Bestand und die historische Entwickelung der Servituten und Serwitutenklagen wagrend der röm. Republik 1874), знакомъ съ сочиненіями Эльверса (Dei Servituten, rehre 1854—6), Шенеманнъ (Die Servituten 1866) и Вильфосса (Des Servitutes prediales 1878). Не ограничиваясь литературой, какъ можно заключать изъ труда г. Окновскаго, онъ по данному вопросу познакомился непосредственно и съ источниками. Но задача, поставленная авторомъ „изобразить сколько это возможно по состоянію источниковъ и данныхъ, добытыхъ новѣйшей литературой прогрессивный ростъ“ предіальныхъ сервитутовъ такъ обширна и съ такими трудностями, что не удивительно ему не удалось вполнѣ выполнить эту задачу. Такъ и въ исторіи сервитутовъ, какъ и въ исторіи собственности, существовалъ дуализмъ: были сервитуты цивильные—servitutes jure constitutae и преторскіе— quae tuitione proetoris constitutae. Но авторъ намъ не указываетъ: когда образовался такой дуализмъ, въ чемъ именно онъ состоитъ и какое значеніе его было въ исторіи сервитутовъ. Между тѣмъ, если бы авторъ не упустилъ изъ виду этого явленія, онъ бы могъ придти къ мысли, что и въ исторіи сервитутовъ были извѣстные внутренніе моменты, подмѣтивъ которые можно было бы представить болѣе цѣлостную картину развитія предіальныхъ сервитутовъ, чѣмъ какую дастъ намъ авторъ. Съ другой стороны, одна изъ важнѣйшихъ сторонъ въ исторіи предіальныхъ сервитутовъ,—именно: способы возникновенія и заполучила бы совершенно иное освѣщеніе. При изложеніи ея авторъ непремѣнно коснулся бы вопросовъ: какіе изъ способовъ установленія и защиты обязаны своимъ происхожденіемъ преторскому праву, какіе цивильному, какое отношеніе было между ними въ исторіи и тѣмъ избѣгнулъ бы неполности и нѣкото-

рыхъ не вѣрныхъ обобщеній. При изложеніи состоянія предіальныхъ сервитутовъ въ первые три вѣка по Р. Хр.—въ эпоху императорской юриспруденціи авторъ, указавъ: какіе новые виды обязаны происхожденіемъ той эпохѣ, останавливается только на двухъ вопросахъ: образованіи quasi possessio и болѣе подробно на вопросѣ: каковъ былъ характеристическій признакъ, на основаніи котораго римскіе юристы дѣлили всѣ поземельные сервитуты на городскіе и сельскіе и какое практическое значеніе имѣло это дѣленіе, упустивъ изъ виду рядъ другихъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудились юристы той эпохи. Но если автору и не удалось дать полную исторію предіальныхъ сервитутовъ, то за то нѣкоторыя стадіи и стороны ея имъ изложены съ такой полнотой, такъ отчетливо и ясно и такъ обстоятельно, что трудно больше требовать отъ первой работы. Такъ авторъ въ своемъ сочиненіи даетъ намъ полную картину состоянія предіальныхъ сервитутовъ въ одну изъ темныхъ эпохъ въ ихъ исторіи—эпоху XII таблицъ, прослѣдивъ подробно исторію образованія отдѣльныхъ видовъ ихъ, указалъ: какое юридическое воззрѣніе на сервитутъ существовало въ эпоху XII т. и затѣмъ когда и подъ вліяніемъ какихъ причинъ оно измѣнилось т. е. образовалось понятіе сервитута, какъ права на чужую вещь и наконецъ какъ образовалось понятіе quasi possessio и какое его значеніе было въ исторіи сервитутовъ.

Принимая во вниманіе обширность и трудность темы, я считая вполнѣ достаточнымъ и то, что авторомъ сдѣлано, для полученія искомой имъ степени кандидата правъ.

Приватъ-доцентъ *А. Минервинъ.*

Николай Агафоновъ.—Торговое право древней Руси (X—XV вв.) по правовымъ памятникамъ того времени. Кандидатское разсужденіе.

Въ краткомъ введеніи къ своему изслѣдаванію торговаго права древней Руси г. Агафоновъ излагаетъ условія зарожденія и развитія внутренней и внѣшней торговли въ древней Руси, въ X вѣкѣ, когда началось образованіе особаго класса купцовъ, послужившее отправной точкой для выработки особыхъ нормъ торговаго права. Указавъ на то, съ кѣмъ и чѣмъ торговали въ описываемое время, равно какъ на причины передвиженія центра торговли изъ Кіева къ сѣвернымъ и сѣверозападнымъ городамъ, авторъ останавливается, кромѣ того, на характеристикѣ купца данной эпохи,—купца, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ также и воиномъ и пиратомъ.

Слѣдующія за введеніемъ четыре главы посвящены изслѣдованію субъекта и объекта торговаго права, торговыхъ сдѣлокъ и торговыхъ судоустройства и судопроизводства.

Въ первой изъ этихъ главъ, авторъ, выяснивъ предварительно понятіе о купцѣ—торговцѣ, трактуетъ затѣмъ о торговомъ помѣщеніи, торговомъ имуществѣ, торговыхъ представителяхъ, пособникахъ и прислугѣ и, наконецъ, о торговыхъ товариществахъ. Здѣсь, между прочимъ, г. Агафоновъ останавливается на подробномъ анализѣ элементовъ, изъ которыхъ слагался особый купеческій классъ въ древней Руси, не минуя, конечно, и весьма важнаго различія между т. н. пошлыми и не пошлыми купцами, слами и гостями, равно какъ и тѣ субъективныя и объективныя ограниченія свободы занятія торговымъ промысломъ, которыя не могли остаться

безъ вліянія на образованіе и развитіе купеческаго класса. Говоря о торговыхъ помѣщеніяхъ, авторъ отмѣчаетъ особенно важное и своеобразное значеніе въ то время рынковъ, торговыхъ дворовъ и складовъ или магазиновъ, причемъ не упускаетъ изъ виду указать и на вызванное торговыми сношеніями съ иноземцами приспособленіе церквей для склада товаровъ. Относительно торговаго имущества г. Агафоновъ ограничивается лишь приведеніемъ рѣзкихъ подтвержденій тому, что, какъ и въ частномъ правѣ, здѣсь господствовала первоначально слитность лица и имущества. Наиболѣе-же полно и самостоятельно разработано въ этой главѣ все касающееся вопроса о торговомъ представительствѣ, торговомъ служебномъ персоналѣ и о торговыхъ товариществахъ.

Во второй главѣ изслѣдуется объектъ торговаго оборота, т. е, товаръ, его качество, количество (вѣсъ и мѣра) и цѣна, съ указаніемъ на существовавшія тогда торговыя пошлины и товарныя клейма и пробы. Говоря о качествѣ товаровъ авторъ совершенно основательно, согласно съ указаніями памятниковъ, обратилъ особенное вниманіе на значеніе въ то время поддѣлки и фальсификаціи ихъ и на практиковавшіяся мѣры борьбы съ этимъ зломъ. То-же и относительно обмѣра и обвѣса. Но, къ сожалѣнію, вопросу о деньгахъ авторъ посвятилъ сравнительно весьма мало мѣста и, отказавшись отъ самостоятельныхъ изысканій, почему-то не счелъ нужнымъ обратиться даже и къ цѣннымъ пособіяхъ по этому предмету.

Третья глава имѣетъ предметомъ торговыя сдѣлки, изслѣдуемыя по договорамъ X вѣка, Русской Правдѣ, Псковской судной грамотѣ и другимъ древнѣйшимъ памятникамъ. Указавъ на форму торговыхъ сдѣлокъ вообще и на присутствіе третьихъ лицъ при совершеніи ихъ,

авторъ останавливается за тѣмъ на куплѣ-продажѣ и займѣ, причемъ удѣляетъ достаточно мѣста вопросамъ о совершеніи и исполненіи этихъ сдѣлокъ, о ростѣ и конкурсѣ. Глава эта заключается нѣкоторыми отрывочными указаніями на постановленія касательно торговыхъ сдѣлокъ по морскому торговому праву.

Четвертая глава, посвященная изслѣдованію торговыхъ судоустройства и судопроизводства, разработана слабо безъ должнаго вниманія не только къ указаніямъ памятниковъ по этому предмету, но и къ наиболѣе цѣннымъ пособіямъ.

Въ общемъ кандидатское разсужденіе г. Агафонова отличается крупными достоинствами отчасти по сжатой и ясной формѣ изложенія и стройной системѣ, въ особенности-же по удачнымъ попыткамъ автора къ самостоятельной интерпретаціи памятниковъ. Что-же касается недостатковъ, къ числу которыхъ относятся, въ особенности, указанные выше пробѣлы и не всегда одинаково пытливое отношеніе къ разбираемымъ памятникамъ, то ихъ слѣдуетъ приписать отчасти тѣмъ завѣдомо неблагопріятнымъ условіямъ, при которыхъ авторъ писалъ свое изслѣдованіе, не имѣя возможности воспользоваться всѣми указанными ему наиболѣе цѣнными пособіями и источниками.

Въ виду вышеизложеннаго, я не сомнѣваюсь, что Совѣтъ признаетъ г. Агафонова вполнѣ заслуживающимъ искомой имъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

Орд. профессоръ *Тарасовъ*.

1888 года февряля 24 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ*, *Н. С. Суворовъ*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; и. д. экстраордин. профессора *В. Г. Щегловъ*; и. д. доцента *М. А. Липинскій*; приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій*, князь *Е. Н. Трубецкой* и *А. Ф. Зачинскій*. Неприсутствовали: ординарный профессоръ *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*—по домашнимъ обстоятельствамъ, и. д. экстраордин. профессора *А. Н. Лодыженскій*—по нахожденію въ отпуску и доцентъ *А. Е. Назимовъ*—по нахожденію въ заграничной командировкѣ.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 25 января сего года за № 644, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія оставилъ протоіерея Лаврова въ должности профессора Богословія въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ на 2 года, считая съ 29 декабря минувшаго 1887 года. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и записать объ этомъ въ формулярный списокъ профессора Богословія протоіерея Лаврова.

3) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 3 сего февраля за № 1087, которымъ разрѣшаетъ и. д. экстраорд. профессора Лицея Лоды-

женскому, согласно его прошенію, по болѣзни, отправиться въ отпускъ срокомъ на 28 дней. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 9 сего февраля за № 1356, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе ходатайства и. д. экстраорд. профессора Лицея Щеглова о продленіи срока его командировки, призналъ возможнымъ продлить таковой еще на 10 дней, т. е. по 15 сего февраля. Изъ этой командировки г. Щегловъ возратился въ срокъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и отмѣтить объ этомъ въ формулярномъ спискѣ г. Щеглова.

5) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 12 сего февраля за № 1513, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на командированіе ординарнаго профессора Исаева съ ученою цѣлью въ С.-Петербургъ съ 7 по 21 марта сего года. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

6) Два предложенія г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 15 и 18 сего февраля за №№ 1580 и 1686, коими разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы Совѣта 18, 23 и 30 мая 1887 г., за исключеніемъ относящихся къ протоколу 23 мая особыхъ мнѣній. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

7) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 18 сего февраля за № 1682, коимъ увѣдомляетъ, что содержаніе приготовляющемуся къ профессорскому званію при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ Павлу Бесѣдкину, въ количествѣ 250 руб., назначено ему, Бесѣдкину, Министерствомъ и будетъ переведено Департаментомъ въ вѣдѣніе г. Попечителя. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

8) Отношеніе Совѣта кіевской духовной академіи отъ 24 ноября 1887 г. за № 904, при коемъ препровождая объявленіе о конкурсѣ на макаріевскую премію, проситъ распространить свѣдѣнія объ этомъ конкурсѣ между гг. профессорами Лицея. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

9) Отношеніе г. Ректора Императорскаго Университета Св. Владиміра отъ 9 сего февраля за № 255, коимъ, вслѣдствіе заявленія ординарнаго профессора О. О. Эйхельмана, имѣющаго надобность во временномъ пользованіи, срокомъ до 1 октября сего года, нѣкоторыми, поименованными въ отношеніи, иностранными журналами и книгами изъ библіотеки Лицея, проситъ выслать означенные журналы и книги въ библіотеку университета. По прочтеніи сего ординарный профессоръ А. А. Исаевъ заявилъ, что всѣ поименованные въ отношеніи г. Ректора кіевскаго университета журналы находятся у него и необходимы для его занятій. **Опредѣлили:** Увѣдомить объ этомъ г. Ректора университета Св. Владиміра.

10) Слѣдующее прошеніе ординарнаго профессора Лицея А. А. Исаева: „Оставленный для приготовленія къ профессорскому званію кандидатъ правъ г. Петровъ намѣревается приступить въ теченіи наступающаго марта къ магистерскому экзамену. Такъ какъ онъ не имѣетъ средствъ для поѣздки въ Москву и пребыванія тамъ, то имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Лицея выдать ему изъ спеціальныхъ средствъ единовременно пособіе въ размѣрѣ 100 руб. По обсужденіи сего **Опредѣлили:** Выдать Петрову *семьдесятъ пять* руб. изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и для исполненія сего передать въ Правленіе Лицея копію съ настоящей статьи журнала.

11) Секретарь Совѣта доложилъ, что въ число студентовъ, послѣ 20 января, приняты г. Директоромъ на I курсъ: Михеевъ Степанъ, Пузикъ Вячеславъ, Волковъ Алексѣй, Мейеръ Ѳедоръ, Голиковъ Сергѣй, Масловъ Николай, Монвижъ-Монтвидъ Аполлонъ и на II-й курсъ Крѣпкогорскій Андрей и Зислакъ Германъ. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

12) И. д. доцента Лицея М. А. Липинскій словесно заявилъ Совѣту о намѣреніи своемъ отправиться предстоящимъ лѣтомъ за границу, почему и просилъ ходатайства Совѣта о командированіи его на лѣтнее вакаціонное время за границу съ ученою цѣлію. **Опредѣлили**: Просить ходатайства г. Попечителя московскаго учебнаго округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи г. Липинскаго за границу съ ученою цѣлію съ 1 іюня по 16 августа сего года.

13) Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ заявилъ Совѣту, что, бывъ командированъ въ Москву и С.-Петербургъ отъ 20 ноября по 20 декабря 1887 года, онъ употребилъ время командировки на изученіе рукописныхъ кормчихъ и номокануновъ, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ. Результаты занятій войдутъ въ предположенное имъ къ печатанію изданіе: „о слѣдахъ западно-католическаго церковнаго права въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ“. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

14) Пріобрѣтшій въ 1887 году право на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи Иванъ *Покровскій* своевременно представилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Послѣдствія субъективнаго соединенія исковъ“. Сочиненіе это по опредѣленію Совѣта было передано и. д. доцента М. А. Липинскому для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ. По выслушаніи

въ настоящемъ засѣданіи отзыва г. Липискаго о помянутомъ сочиненіи, **Опредѣлили**: Утвердить Покровскаго въ степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ и экземпляръ судебныхъ уставовъ; отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

15) Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что гг. профессорами и преподавателями Лицея въ декабрѣ мѣсяцѣ 1887 года и въ январѣ настоящаго года прочитано и пропущено было слѣдующее число лекцій:

	Въ декабрѣ.		Въ январѣ.	
	Прочитано.	Пропущено.	Прочитано.	Пропущено.
Заслужен. ордин. профессоромъ				
С. М. Шпилевскимъ . .	14	2	8	8
Ординарными профессорами:				
И. Т. Тарасовымъ . .	16	„	18	„
А. А. Исаевымъ . . .	16	„	16	„
Н. С. Суворовымъ . .	„	14	22	„
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревск.	16	„	18	„
Профессоромъ Богословія				
А. П. Лавровымъ . .	8	„	9	„
И. д. экстраорд. профессоровъ:				
А. Н. Лодыженскимъ . .	„	10	„	12
В. Г. Щегловымъ . .	15	„	„	18

И. д. доцента				
М. А. Липинскимъ . .	18	3	12	12
Приватъ-доцентами:				
А. Е. Минервинымъ . .	19	„	18	„
В. Ф. Левитскимъ . .	8	„	9	„
Кн. Е. Н. Трубецкимъ . .	4	„	6	„
А. Ф. Зачинскимъ . .	7	„	7	„
Итого . . .	141	29	133	50

Показанное количество лекцій пропущено С. М. Шпилевскимъ и А. Н. Лодыженскимъ по болѣзни; Н. С. Суворовымъ и В. Г. Щегловымъ по нахожденію въ командировкѣ; М. А. Липинскимъ 9 по болѣзни и 6 по нахожденію въ отпуску. **Опредѣлили:** Записать объ этомъ въ журналъ.

16) Ординарный профессоръ А. А. Исаевъ и приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій заявили Совѣту, что ими приготовлено для печати: первымъ—„къ вопросу о причинахъ хозяйственныхъ кризисовъ", а вторымъ (магистерская диссертація) „задача и методы науки о народномъ хозяйствѣ", что и просятъ они напечатать во Временникѣ Лицея. **Опредѣлили:** Разрѣшить къ печатанію во Временникѣ Лицея сказанныя выше сочиненія А. А. Исаева и В. Ф. Левитскаго.

17) И. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ заявилъ Совѣту, что для выполненія представленнаго имъ въ началѣ учебнаго года плана преподаванія,

необходимо прибавить ему къ назначеннымъ по расписанію для чтенія энциклопедіи права 4-мъ часамъ въ недѣлю еще 1 часъ, для чего по сдѣланному имъ съ профессоромъ Богословія соглашенію, онъ предполагалъ бы измѣнить росписаніе часовъ на 1 курсѣ такимъ образомъ: вторникъ отъ 10 до 11 часовъ—энциклопедія права и отъ 11 до 12—всеобщая исторія права; среда отъ 11 до 12—всеобщая исторія права и съ 12 до 2—энциклопедія права; суббота отъ 12 до 2—энциклопедія права, а Богословіе съ 10 до 12 часовъ. **Опредѣлили:** Утвердить это распредѣленіе и объявить студентамъ.

18) Г. Директоръ заявилъ, что изготовленъ печатаніемъ къ выпуску № 7 Юридической Библіографіи, въ которомъ помѣщены разборы слѣдующихъ книгъ: 1) профессоромъ Тарасовымъ: а) А. П. Ползыковъ. Отчетъ объ изслѣдованіи отхожаго промысла между Харьковымъ и Таганрогомъ по Курско-Харьковско-Азовской жел. д. отъ 15 до 31 мая 1881 г. Изданіе Харьковскаго Статистическаго Комитета. Харьковъ 1882 г., 73 стр. in 8°. б) И. Яновскій и А. Свиршевскій. Докладъ о введеніи въ г. Москвѣ сбора съ квартиръ и жилыхъ помѣщеній, составленный по порученію г. Московскаго Городскаго Головы Н. А. Алексѣева оставленными при Московскомъ Университетѣ по каѳедрамъ полицейскаго и финансоваго права кандидатами правъ И. Яновскимъ и А. Свирщевскимъ. Москва, 1887 г. 72 столб., in 4; в) П. А. Мясоѣдовъ. Мѣры улучшенія народнаго труда въ Россіи 1. Устройство народныхъ школъ, подъ названіемъ „Учебныя мастерскія". Проектъ, выработанный для С.-Петербургскаго городскаго общественнаго управленія гласнымъ С.-Петербургской городской думы. Спб. 1882 года, стр. 69+XII, in 8. г.) П. А. Мясоѣдовъ. Первый международный конгрессъ по вопросамъ техни-

ческаго, промышленнаго и коммерческаго образованія, происходившій во Франціи, въ Бордо, въ сентябрѣ 1886 г. и потребность Россіи въ широкомъ распространеніи сего образованія. Сообщеніе въ общемъ собраніи (7 мая 1887 г.) постоянной коммиссіи по техническому образованію, состоящемъ при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ, бывшаго представителя коммисіи въ Бордосскомъ конгрессѣ. С.-Петербургъ. 1887 г., стр. 66 in 8 д.) Е. И. Красноперовъ. Двадцатипятилѣтіе Пермскаго края со времени отмѣны крѣпостнаго права Царемъ-Освободителемъ Императоромъ Александромъ II-мъ. Историко-статистическій очеркъ. Изданіе Пермскаго уѣзднаго земства. Пермь. 1887 г. стр. 206. in 8. 2) Профессоромъ Бѣлогрицъ-Котляревскимъ — Н. С. Таганцевъ. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая, выпускъ первый, 1887 г. 3) Профессоромъ Щегловымъ: а) программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. М. Харузинъ. Москва. 1887 года. 335 стр. и б) Julius Lippert: „Kulturgeschichte der Menscheit in ihrem orhanischen Aufbau". 1886—7 гг. 1—20. Leiferungen. (1276 Seiten). **Опредѣлили:** Выпустить въ продажу № 7 Библіографіи, отправивъ предварительно въ цензурный комитетъ 6 экземпляровъ.

Приложеніе къ № 14.

Г. Покровскій съ моего согласія избралъ темою для своего кандидатскаго разсужденія вопросъ о послѣдствіяхъ субъективнаго соединенія исковъ. Предлагая означенную тему, я имѣлъ въ виду доставить случай студенту самостоятельно ознакомиться съ важнѣйшими процессуальными явленіями въ томъ видоизмѣненіи, которое эти явленія претерпѣваютъ вслѣдствіе участія въ

дѣлѣ нѣсколькихъ лицъ въ качествѣ истцовъ или отвѣтчиковъ. Автору означеннаго изслѣдованія пришлось пройти всѣ процессуальные институты для того, чтобы отмѣтить какую конструкцію получаютъ эти институты при особой формѣ процесса, имѣющейся при субъективномъ соединеніи исковъ. Г. Покровскій въ своемъ изслѣдованіи въ значительной мѣрѣ выполнилъ эту задачу: онъ разсматриваетъ послѣдовательно весь ходъ процесса, начиная съ подачи исковаго прошенія и кончая обжалованіемъ судебнаго рѣшенія, и слѣдитъ за тѣми особенностями, которыми отличается дѣятельность участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ и суда вслѣдствіе присутствія въ процессѣ не одного истца и не одного отвѣтчика, какъ это бываетъ при нормальномъ ходѣ, а нѣсколькихъ истцовъ и нѣсколькихъ отвѣтчиковъ. Къ сожадѣнію я долженъ указать на то, что авторъ произвольно съузилъ свою задачу и, довольно подробно останавливаясь на ходѣ процесса въ первой инстанціи, лишь нѣсколькими, не имѣющими никакого значенія, фразами коснулся процесса при соединенныхъ искахъ въ инстанціи аппеляціонной. Кромѣ того, также произвольно съуженъ авторомъ и матеріалъ, подлежащій изученію. Не говоря уже о томъ, что авторъ не останавливается вовсе на законодательствѣ иностранномъ, русское право изучено имъ исключительно по уставу гражданскаго судопроизводства, между тѣмъ судебная практика должна была служить для автора матеріаломъ на столько обильнымъ, на сколько и поучительнымъ при разработкѣ вопросовъ только затрогиваемыхъ, но не всегда съ достаточною полнотою разрѣшаемыхъ законодательствомъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ изслѣдованіе г. Покровскаго представляетъ собою результатъ добросовѣстнаго изученія отдѣльныхъ мѣстъ обширнаго труда г. Анненкова, ка-

сающихся субъективнаго соединенія исковъ, причемъ я долженъ замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ, отступая отъ своего руководства, хотѣлъ представить результатъ своихъ собственныхъ размышленій, то во многихъ случаяхъ мысль его отличается крайнею необдуманностью и поспѣшностью. Такъ, на первой же страницѣ мы встрѣчаемъ положеніе, противорѣчащее элементарному юридическому понятію о происхожденіи правоотношенія. По мнѣнію автора: „правоотношенія порождаются или взаимнымъ согласіемъ, или же односторонними дѣйствіями частныхъ лицъ", какъ будто obligationes ex lege не являются правоотношеніями.

Говоря о значеніи письменныхъ актовъ, какъ судебныхъ доказательствъ, авторъ находитъ, что „всѣ наиболѣе важные юридическіе факты должны быть закрѣплены на письмѣ, причемъ въ такомъ закрѣпленіи принимаетъ участіе сама общественная власть". Означенное мѣсто является фразою, не имѣющею, благодаря своей неопредѣленности, никакого внутренняго содержанія.

Хотя я могъ бы привести и еще нѣсколько мѣстъ изъ сочиненія г. Покровскаго, носящихъ такой нежелательный въ ученомъ изслѣдованіи характеръ, тѣмъ не менѣе такого рода мѣста составляютъ исключенія; въ общемъ сочиненіе г. Покровскаго носитъ серьезный характеръ, причемъ я не могу не указать въ оправданіе его недостатковъ на то обстоятельство, что это первый опытъ въ русской литературѣ систематическаго изложенія послѣдствій субъективнаго соединенія исковъ, что хотя авторъ пользовался комментаріемъ г. Анненкова, но такое пользованіе предполагаетъ изученіе многотомнаго сочиненія, что должно быть поставлено въ заслугу автора.

Въ виду изложеннаго, я нахожу, что сочиненіе

г. Покровскаго удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ кандидатскому разсужденію.

И. д. доцента *М. Липинскій*.

1888 года марта 23 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ*, *Н. С. Суворовъ* и *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; экстраординарные профессоры: *В. Г. Щегловъ* и *А. Н. Лодыженскій*; и. д. доцента *М. А. Липинскій*; приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій*, князь *Е. Н. Трубецкой* и *А. Ф. Зачинскій*. Неприсутствовали: доцентъ *А. Е. Назимовъ*—по нахожденію въ заграничной командировкѣ.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Вслѣдствіе заявленія г. Директоромъ Лицея въ засѣданіи Совѣта 9 декабря 1887 г. о необходимости измѣнить § 5 инструкціи преподавателямъ Лицея, избрана была въ томъ же засѣданіи, для составленія проэкта новой редакціи § 5 инструкціи, коммиссія, въ составъ коей избраны были С. М. Шпилевскій, И. Т. Тарасовъ и М. А. Липинскій. Нынѣ выслушанъ былъ

слѣдующій докладъ коммиссіи по сему предмету: „Въ инструкціи преподавателямъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, утвержденный г. Министромъ народнаго просвѣщенія въ 1876 году, установлено правило, по которому число часовъ преподаванія опредѣляется служебнымъ положеніемъ преподавателя: ординарный профессоръ обязанъ читать не менѣе 6 часовъ, экстраординарный—не менѣе 4, доцентъ—не менѣе 3 (§ 5). Слѣдующія соображенія побуждаютъ Совѣтъ ходатайствовать о дополненіи означеннаго § инструкціи примѣчаніемъ, наличность котораго, по мнѣнію Совѣта, могла бы устранить неудобства установленнаго инструкціей правила. По недостатку преподавателей каждая изъ преподаваемыхъ въ Лицеѣ наукъ обыкновенно имѣетъ не болѣе одного представителя, вслѣдствіе чего Совѣтъ встрѣчаетъ препятствіе въ достиженіи полноты преподаванія, иногда по важному предмету, если представителемъ этого предмета является экстраординарный профессоръ или доцентъ. Сознавая необходимость назначить по извѣстной каѳедрѣ больше 4-хъ, или 3-хъ часовъ чтеній, Совѣтъ въ этомъ случаѣ долженъ или возложить на наличнаго преподавателя бо́льшее число часовъ, чѣмъ онъ обязанъ читать по инструкціи, или пріисковать привать-доцента для восполненія преподаванія. Послѣднее средство—привлеченіе возможно большаго контингента стороннихъ преподавателей по особымъ условіямъ, въ которыхъ поставленъ Лицей, не всегда приводитъ къ желаннымъ результатамъ. И въ университетахъ институтъ привать-доцентуры не получилъ еще должнаго развитія, не смотря на тѣ благопріятныя условія, въ которыхъ институтъ этотъ поставленъ новымъ уставомъ, и не смотря на то, что въ большихъ университетскихъ городахъ, гдѣ сфера приложенія умствен-

наго труда гораздо обширнѣе, приватъ-доцентъ легче можетъ достигнуть лучшаго матеріальнаго обезпеченія. Для Лицея, гдѣ приватъ-доценты остались на прежнемъ положеніи, и гдѣ они должны довольствоваться скуднымъ преподавательскимъ гонораромъ, привлеченіе молодыхъ ученыхъ силъ представляется особенно затруднительнымъ. Въ Лицеѣ въ большинствѣ случаетъ весь трудъ преподаванія ложится на штатныхъ преподавателей. Совѣтъ не можетъ игнорировать интересовъ этихъ преподавателей. Экстраординарный профессоръ, или доцентъ, въ виду незначительности содержанія, торопится представленіемъ диссертаціи въ надеждѣ получить повышеніе по службѣ, или прибѣгаетъ для восполненія своего скуднаго содержанія къ литературнымъ работамъ. Въ виду такого положенія преподавателей, Совѣтъ затрудняется во многихъ случаяхъ возлагать на нихъ большій трудъ по преподаванію, чѣмъ тотъ, который требуется отъ нихъ инструкціей, не имѣя возможности, при нынѣшнемъ положеніи вещей, вознаградить преподавателя за излишній трудъ отдѣльно и независимо отъ штатнаго содержанія, положеннаго за нормальное число часовъ. Хотя Совѣтъ, какъ показываютъ планы преподаванія, былъ иногда вынужденъ возлагать на экстраординарныхъ профессоровъ и доцентовъ большее число часовъ, не вознаграждая ихъ за этотъ излишній трудъ; но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ признать такого порядка справедливымъ и потому коммиссія полагаетъ необходимымъ дополнить § 5 инструкціи преподавателямъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Если Совѣтъ, въ интересахъ полноты преподаванія, найдетъ нужнымъ обязать экстраординарныхъ профессоровъ, или доцентовъ читать по занимаемой ими каѳедрѣ болѣе вышеопредѣленнаго числа часовъ въ недѣлю, то Совѣту предоставляется хо-

датайствовать въ установленномъ порядкѣ о выдачѣ пособія таковому праподавателю примѣнительно къ ст. 21 Устава Лицея, т. е. по 200 руб. за каждый добавочный годовой часъ“. Соглашаясь съ этимъ предположеніемъ коммиссіи, Совѣтъ **опредѣлилъ:** Представить мнѣніе коммиссіи г. Попечителю московскаго учебнаго округа и просить ходатайства Его Сіятельства предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о пополненіи § 5 инструкціи преподавателямъ Лицея проэктируемымъ примѣчаніемъ.

3) Слѣдующее представленіе ординарнаго профессора Бѣлогрицъ-Котляревскаго: Оставленный въ 1884 году по каѳедрѣ уголовнаго права стипендіатъ Бесѣдкинъ недавно съ успѣхомъ окончилъ при юридическомъ факультетѣ московскаго университета испытаніе на степень магистра уголовнаго права. Вотъ какое впечатлѣніе произвело испытаніе г. Бесѣдкина на главныхъ экзаменаторовъ-криминалистовъ: „г. Бесѣдкинъ, пишетъ мнѣ профессоръ Колоколовъ, произвелъ на меня очень благопріятное впечатленіе. Онъ обнаружилъ на экзаменѣ и солидную начитанность и достаточную зрѣлость мысли, изложеніе его отличалось логичностью и ясностью. Вообще, я полагаю, что изъ г. Бесѣдкина выйдетъ прекрасный преподаватель“. „Г. Бесѣдкинъ, сообщаетъ приватъ-доцентъ магистръ А. Вульфертъ, на своемъ магистерскомъ экзаменѣ произвелъ на меня самое лучшее впечатленіе. Видно, что г. Бесѣдкинъ хорошо работалъ и способенъ хорошо работать въ будущемъ“. Съ своей стороны я, какъ руководитель занятіями г. Бесѣдкина, также думаю, что послѣдній и по добросовѣстному отношенію къ труду и по способностямъ представляетъ хорошую научную силу. Будучи знакомъ довольно основательно какъ съ русской литературой, такъ и съ иностранной, особенно нѣмецкой, по своему предмету, г. Бе-

сѣдкинъ, какъ мнѣ кажется, располагаетъ уже теперь достаточной солидной подготовкой для полезной научной дѣятельности въ качествѣ преподавателя, чему отвѣчаютъ и присущій ему даръ слова и его нравственное спокойное міросозерцаніе. Но въ виду отсутствія теперь въ Лицеѣ вакансіи по каѳедрѣ уголовнаго права, я честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ исходатайствовать у г. Министра Народнаго Просвѣщенія П. Бесѣдкипу заграничную командировку на два года, которой онъ можетъ воспользоваться не только для расширенія и укрѣпленія своихъ знаній, но и для приготовленія магистерской диссертаціи. При этомъ желательно было бы присоединеніе просьбы о возможно скоромъ уваженіи представленія Совѣта въ виду того, что по прекращеніи въ маѣ мѣсяцѣ выдачи стипендіи г. Бесѣдкину, послѣдній останется безъ всякихъ средствъ къ жизни и принужденъ будетъ перемѣнить дѣятельность. По выслушаніи сего ординарный профессоръ Исаевъ присовокупилъ, что и онъ отъ профессора московскаго университета Чупрова слышалъ самый лестный отзывъ объ экзаменѣ Бесѣдкина. Соглашаясь съ выслушаннымъ представленіемъ профессора Бѣлогрицъ-Котляревскаго, Совѣтъ **опредѣлилъ:** Просить, съ изложеніемъ прописаннаго, ходатайства г. Попечителя московскаго учебнаго округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи съ іюня мѣсяца сего года магистранта Павла Бесѣдкина на два года за границу, съ выдачей ему содержанія изъ находящихся на этотъ предметъ въ распоряженіи министерства суммъ.

4) Слѣдующее заявленіе ординарнаго профессора Тарасова: Въ виду случаевъ обращенія въ Совѣтъ съ просьбами о выдачѣ пособій не самими непосредственно заинтересованными въ томъ лицами, а чрезъ посредство

и отъ имени другихъ лицъ, принадлежащихъ къ личному составу Лицея, не найдено-ли будетъ Совѣтомъ цѣлесообразнымъ признать на будущее время вообще нежелательнымъ такого рода исходатайствованіе пособій. Съ настоящимъ заявленіемъ профессора Тарасова согласилось 6 противъ одного, а потому **Опредѣлили:** Принять это заявленіе на будущее время къ руководству.

5) Слѣдующій отчетъ и. д. экстраординарнаго профессора Щеглова объ ученой командировкѣ (съ 20 декабря 1887 года по 15 февраля 1888 года): Цѣлью моей ученой поѣздки въ Москву и Петербургъ было познакомиться, главнымъ образомъ, съ подлинными актами, со всѣмъ архивнымъ матеріаломъ объ образованіи и дѣятельности Государственнаго Совѣта при Александрѣ I и различныхъ высшихъ государственныхъ учрежденій, предшествовавшихъ ему въ императорскій періодъ русской исторіи, и съ уже напечатанными сочиненіями по этому вопросу, существующими въ русской литературѣ. Поэтому то по пріѣздѣ въ Москву, я отправился, прежде всего, въ архивъ министерства юстиціи, въ дѣлахъ котораго я надѣялся найти матеріалы относительно образованія высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи. Но отъ директора архива Н. А. Попова я узналъ, что и напечатанныя архивомъ дѣла о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ царствованіе Іоанна Антоновича совершенно случайно попали въ архивъ, благодаря только покойному Калачеву, и что въ архивѣ нѣтъ еще другихъ дѣлъ, которыя могли бы прямо относиться къ моей работѣ. Только въ дѣлахъ Сената, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, можно найти нѣкоторыя косвенныя указанія на дѣятельность высшихъ государственныхъ учрежденій со времени Екатерины I и до Александра I. Но какъ ни важно было бы для меня по-

знакомиться со всѣми этими дѣлами сената, я не былъ въ состоянiи разсмотрѣть всю громадную массу сенатскихъ рѣшенiй за 75 лѣтъ дѣятельности сената (1726—1801) при имѣвшемся у меня въ распоряженiи незначительномъ времени, тѣмъ болѣе, что вопросъ о высшихъ государственныхъ учрежденiяхъ до Александра I второстепенный въ моемъ трудѣ. Кромѣ того, я полагалъ, что дѣятельность этихъ учрежденiй видна изъ подлинныхъ дѣлъ о нихъ, хранящихся въ другихъ архивахъ. Это мое предположенiе подтвердилъ и Директоръ архива, замѣтившiй, что въ дѣлахъ сената хранятся только приказы сенату отъ верховнаго совѣта, кабинета, конференцiи и другихъ учрежденiй исполнить то или другое постановленiе каждаго изъ нихъ, и что тѣже приказы, вмѣстѣ съ постановленiями, можно найти навѣрное и въ подлинныхъ дѣлахъ этихъ учрежденiй. Такого рода подлинныя дѣла относительно одного изъ нихъ, именно кабинета, бывшаго при Аннѣ Iоанновнѣ, я и нашелъ въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ архивѣ оказалась цѣлая масса актовъ дѣятельности кабинета (до 147 довольно большихъ связокъ), обнимающихъ весь перiодъ его существованiя (съ 1730 по 1741 г.). Разборомъ этихъ архивныхъ документовъ, до сихъ поръ еще никѣмъ не описанныхъ и нигдѣ не напечатанныхъ, я и занимался большую часть времени своего пребыванiя въ Москвѣ. Изученiе ихъ, хотя и не совсѣмъ полное и подробное, убѣдило меня въ томъ, что кабинетъ при Аннѣ Iоанновнѣ игралъ дѣйствительно роль высшаго правительственнаго учрежденiя, дѣятельность котораго обнимала всѣ области управленiя, въ особенности же военныя дѣла и сношенiя съ иностранными государствами. Въ дѣлахъ кабинета замѣчается извѣстный, опредѣленный порядокъ, потому что въ на-

чалѣ почти каждаго года я находилъ обыкновенно двѣ книги—одну, въ которую вписывались всѣ бумаги (рапорты и доношенія), полученныя кабинетомъ въ теченіи года отъ различныхъ учрежденій и другую книгу, заключающую реэстръ всѣхъ указовъ и отпусковъ кабинета. Кромѣ того, въ кабинетѣ велись и протоколы его засѣданіямъ, какъ это видно изъ часто попадающихся „копій съ протоколовъ на указы кабинета" къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ и общирныхъ „ежедневныхъ записокъ" приказаніямъ состоявшимся въ кабинетѣ, въ теченіи того или другаго года (наприм. 1736, 1737 г.г. и др.). Дѣятельность кабинета, въ началѣ сравнительно небольшая, увеличивалась годъ отъ году, постепенно захватывая различныя сферы управленія; высшая степень развитія этой дѣятельности падаетъ на 1737—39 гг., послѣ которыхъ она начинаетъ опять уменьшаться. Изъ разсмотрѣнія дѣлъ кабинета также можно составить себѣ ясное представленіе о положеніи его среди другихъ правительственныхъ учрежденій при Аннѣ Іоанновнѣ и подчиненіи и даже враждебномъ отношеніи къ нему сената, который въ первое время учрежденія кабинета даже совершенно уклонялся отъ всякихъ съ нимъ сношеній. Поэтому то, напр. въ 1735 году въ книгѣ „приходящимъ въ кабинетъ доношеніямъ и репортамъ" въ графѣ „Сенатъ" не записано ни одного рапорта отъ сената въ кабинетъ, между тѣмъ какъ соотвѣтствующая графа въ исходящей книгѣ кабинета за этотъ же годъ полна различными указами сенату. Вообще, архивный матеріалъ относительно кабинета можетъ дать много прочныхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса о высшемъ управленіи въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ, если только заняться тщательной его разработкой. Въ томъ же архивѣ министерства иностранныхъ

дѣлъ я отыскалъ „планъ или росписаніе учреждаемаго вновь при дворѣ, изъ четырехъ департаментовъ имѣющаго быть Совѣта съ назначеніемъ, кому быть министромъ и кому статскимъ секретаремъ“. Самый планъ содержитъ только существенныя черты учрежденія Совѣта, написанъ на французскомъ языкѣ и относится ко времени Петра III, какъ это можно заключить изъ даты на документѣ (1762 г.) и изъ большой роли, которая отводится въ осуществленіи плана Принцу Гольштейнскому, Волкову, Роману Воронцову и другимъ дѣятелямъ царствованія Петра III. Наконецъ, въ томъ же архивѣ я нашелъ и нѣсколько протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I, которые не вошли въ изданные академикомъ Дубровинымъ акты и протоколы этого учрежденія. Кромѣ занятій въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ бытность свою въ Москвѣ я посѣщалъ также и библіотеку при Румянцевскомъ музеѣ и Чертковскую библіотеку при историческомъ музеѣ, въ обѣихъ этихъ библіотекахъ мнѣ удалось познакомиться со многими интересными сочиненіями и нѣкоторыми рукописями, относящимися къ моему труду (напр. собственноручными записками Лунина о временахъ Павла и Александра I). Не такъ успѣшно шли мои занятія въ Петербургѣ, гдѣ я долженъ былъ обратить вниманіе преимущественно на дѣла въ архивѣ государственнаго совѣта, гдѣ хранится весь сырой матеріалъ относительно образованія и дѣятельности государственнаго совѣта при Александрѣ I. Въ этотъ архивъ я могъ проникнуть только съ разрѣшенія г. Статсъ-секретаря государственнаго совѣта А. А. Половцева, о которомъ просилъ его, согласно моему ходатайству, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія. Но это разрѣшеніе было получено мною только 8 февраля, когда срокъ моей командировки приближался

къ концу и я успѣлъ лишь узнать, что есть въ дѣлахъ архива важнаго для моей работы. Именно, Директоръ архива государственнаго совѣта Е. Ѳ. Гартманъ обязательно сообщилъ мнѣ, что тамъ хранятся, между прочимъ, всѣ бумаги графа Сперанскаго изъ перваго періода его административной дѣятельности (до 1812 г.). Въ архивъ же государственнаго совѣта будутъ переданы въ скоромъ времени вмѣстѣ съ дѣлами объ образованіи всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденій съ значеніемъ государственнаго совѣта (т. е. Верховнаго Тайнаго Совѣта и др.) и дѣла комитета 1826 г., который былъ организованъ для преобразованія въ учрежденіяхъ Александра I, почему въ немъ находится много замѣчаній и плановъ о реорганизаціи высшаго управленія при Александрѣ I, достоинствахъ и недостаткахъ въ немъ и, между прочимъ, о государственномъ совѣтѣ. Всѣ эти проэкты и планы принадлежатъ различнымъ дѣятелямъ царствованія Александра I (напр. Кочубею, Философову, Сперанскому и др.) и потому, понятно, представляютъ собою въ высшей степени цѣнный матеріалъ для работы о русскомъ государственномъ совѣтѣ при Александрѣ I. Въ матеріалъ, хранящійся въ архивѣ государственнаго совѣта, входятъ также дѣла общаго собранія государственнаго совѣта за время царствованія Александра I, не бывшія на предварительномъ разсмотрѣніи въ департаментахъ этого учрежденія (1810—1825 г.г.), бумаги комитета, существовавшаго въ 1810—1811 г г., работы государственнаго совѣта по окончательному образованію самого совѣта и акты его дѣятельности при Павлѣ I съ остальнымъ сырымъ матеріаломъ, не напечатаннымъ въ изданіяхъ архива государственнаго совѣта. Къ моему сожалѣнію я не успѣлъ разсмотрѣть и изучить весь этотъ матеріалъ вслѣдствіе вышеуказаннаго и независящаго

отъ меня препятствія. Поэтому почти все время пребыванія своего въ Петербургѣ я посвятилъ занятіямъ въ Императорской публичной библіотекѣ. Въ отдѣленіи рукописей библіотеки я обратилъ особенное вниманіе на бумаги изъ архива Рѣпинскаго, между которыми есть, принадлежащія графу Сперанскому и писанныя его рукою, проэкты преобразованій по различнымъ частямъ управленія. Такъ здѣсь находится его работа (1803—4 г.г.), которая была предпринята имъ для разрѣшенія вопроса о лучшей организаціи мѣстныхъ губернскихъ учрежденій, но въ которой излагается авторомъ планъ полной реорганизаціи всего управленія Россіи, а также и Государственнаго Совѣта, или, какъ выражается Сперанскій, „Сената Законодательнаго“. Въ бумагахъ же Рѣпинскаго оказалось знаменитое „Государственное Уложеніе“ Сперанскаго, отрывки изъ котораго были напечатаны Пыпинымъ, въ его монографіи объ Александровской эпохѣ въ русской исторіи. Наконецъ, въ томъ же архивѣ Рѣпинскаго нашелся и еще одинъ документъ руки Сперанскаго, писанный имъ уже по удаленіи изъ Петербурга въ 1812 г. (1816 или 1819 г.г.). Въ этомъ документѣ указываются авторомъ недостатки всего управленія Россіи во 2-ю половину царствованія Александра І-го, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаются средства къ устраненію этихъ недостатковъ и, между прочимъ, нѣкоторыя преобразованія въ первоначальномъ устройствѣ Государственнаго Совѣта въ 1810 году. Кромѣ всего этого въ публичной же библіотекѣ мнѣ пришлось пріобрѣсти и много другихъ спеціальныхъ свѣдѣній изъ книгъ, которыя я не находилъ ни въ библіотекѣ Лицея, ни въ московскихъ библіотекахъ. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

6) Слѣдующій рапортъ библіотекаря Лицея: „Для

точнаго исполненія цензурныхъ требованій при выдачѣ книгъ изъ библіотеки, библіотекарю необходимо имѣть свѣдѣнія о томъ, какія изъ находящихся въ его завѣдываніи изданія не изъяты изъ свободнаго обращенія и какія подлежатъ ограниченію въ выдачѣ. Въ библіотекѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея замѣчается въ этомъ отношеніи крупный пробѣлъ. Если есть указанія на нѣкоторыя запрещенныя книги, то они очень не полны даже относительно отдѣла русскихъ книгъ; что же касается иностранныхъ изданій, получаемыхъ большею частію прямо изъ заграницы и по закону не свидѣтельствуемыхъ въ таможняхъ, то для нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, исключая развѣ помѣтокъ, сдѣланныхъ въ инвентарѣ, или на самой книгѣ нѣкоторыхъ изданій, полученныхъ за прежніе годы,—помѣтокъ часто противорѣчивыхъ и не полныхъ. По этому считаю долгомъ представить на усмотрѣніе Совѣта, не найдетъ-ли онъ возможныхъ обратиться въ главное управленіе по дѣламъ печати съ просьбой о высылкѣ въ библіотеку Лицея каталоговъ запрещенныхъ цензурою изданій". **Опредѣлили**: Просить главное управленіе по дѣламъ печати не признаетъ ли оно возможнымъ доставить въ Лицей каталогъ запрещенныхъ цензурою изданій.

7) Въ виду предстоящей въ маѣ мѣсяцѣ баллотировки приватъ-доцентовъ для чтенія ими нѣкоторыхъ предметовъ въ будущемъ учебномъ году, г. Директоръ предложилъ Совѣту вопросъ: по какимъ каѳедрамъ Совѣтъ считаетъ необходимымъ имѣть на будущій учебный годъ приватъ-доцентовъ и на какое вознагражденіе должны они расчитывать? Вслѣдствіе этого ординарный профессоръ Исаевъ заявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ имѣть приватъ-доцента по политической экономіи, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій—тоже по каѳедрѣ уголовнаго судо-

производства, В. Г. Щегловъ—тоже по исторіи политическихъ ученій, наконецъ, г. Директоръ заявилъ, что по римскому и русскому гражданскому праву тоже необходимо имѣть по крайней мѣрѣ приватъ-доцента. Причемъ всѣ высказались за оставленіе за приватъ-доцентами на будущій учебный годъ вознагражденія въ размѣрѣ, получаемомъ ими въ текущемъ учебномъ году, т. е. уплачивать имъ за чтеніе 3-хъ часовъ въ недѣлю 1200 руб., а за чтеніе 2-хъ часовъ—1000 руб. въ годъ. Согласясь съ этими заявленіями, Совѣтъ **Опредѣлилъ:** Довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства московскаго учебнаго округа.

8) Г. Директоръ заявилъ, что находившійся съ 7 по 21 марта въ командировкѣ въ С.-Петербургѣ ординарный профессоръ А. А. Исаевъ изъ командировки этой возвратился въ срокъ. При этомъ профессоръ Исаевъ дополнилъ, что время пребыванія своего въ Петербургѣ онъ посвятилъ занятіямъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и записать объ этомъ въ журналъ.

9) Ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, находя студенческій отдѣлъ библіотеки Лицея далеко неполнымъ, полагалъ бы пополнить этотъ отдѣлъ на сумму, собираемую со студентовъ (по 3 р.) при поступленіи ихъ въ Лицей. По обсужденіи, Совѣтъ избралъ коммиссію для составленія списка книгъ желательныхъ для пополненія студенческой библіотеки. Въ коммиссію эту избраны ординарные профессоры: С. М. Шпилевскій, Н. С. Суворовъ и Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій. **Опредѣлили:** Записать объ этомъ въ журналъ.

10) Ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій заявилъ, что онъ желалъ бы напечатать во Вре-

менникѣ Лицея свою актовую рѣчь „Роль обычая въ уголовномъ правѣ“, о чемъ и проситъ у Совѣта разрѣшенія. **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея рѣчь профессора Бѣлогрицъ-Котляревскаго.

11) Секретарь Совѣта доложилъ, что г. Директоромъ Лицея приняты въ послѣднее время въ число студентовъ Лицея на 1-й курсъ Германовъ Иванъ, Горѣцкій Иванъ, Преображенскій Алексѣй и Шевелевъ Евгеній. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

12) Нѣкоторые изъ перешедшихъ изъ университетовъ въ студенты Лицея на 2-й и 3-й курсы, обратились за разрѣшеніемъ: слѣдуетъ ли имъ экзаменоваться по институціямъ римскаго права, которыя читаются въ Лицеѣ на 1 курсѣ и которыя не читаются, какъ отдѣльная наука, въ университетахъ? Имѣя въ виду, что студенты эти должны экзаменоваться въ Лицеѣ по догмѣ римскаго права, **Опредѣлили:** Освободить такихъ студентовъ отъ сдачи экзаменовъ по институціямъ римскаго права.

13) На основ. § 41 устава Лицея произведенъ былъ выборъ члена Правленія Лицея на годъ и баллотировались ординарные профессоры: Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, А. А. Исаевъ и И. Т. Тарасовъ, которые и получили шары — первый +5 —2, второй +4 —3 и третій +3 — 4. **Опредѣлили:** Избраннымъ считать ординарнаго профессора Бѣлогрицъ-Котляревскаго, о чемъ, записавъ въ журналъ, сообщить Правленію.

14) Окончившій курсъ въ Лицеѣ въ 1887 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи *Иванъ Дмитревскій*, таковую нынѣ представилъ подъ заглавіемъ „О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II-го“.

Опредѣлили: Передать это сочиненіе для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту Зачинскому.

15) Г. Директоръ заявилъ, что изготовленъ печатаніемъ къ выпуску № 8 юридической библіографіи, въ которомъ помѣщены разборы слѣдующихъ книгъ: 1) и. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловымъ—*Н. Коркуновъ*. „Лекціи по общей теоріи права". Часть первая, С.-Петербургъ, 1887 года и 2) ординарнымъ профессоромъ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ - *Н. Д. Сергѣевскій*. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в., 1887 года. **Опредѣлили:** Выпустить въ продажу № 8 библіографіи, отправивъ предварительно въ цензурный комитетъ 6 экземпляровъ.

16) Принятый въ число студентовъ 3 курса Лецея бывшій студентъ Казанскаго университета *Николай Розовъ* обратился въ Совѣтъ съ слѣдующимъ прошеніемъ: Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Лицея сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе, отложить экзамены по наукѣ о финансахъ и административному праву, которые въ Казанскомъ университетѣ сдавались на 4-мъ курсѣ, до слѣдующаго учебнаго года. **Опредѣлили:** Разрѣшить Розову экзаменоваться по наукѣ о финансахъ и административному праву въ будущемъ 188⁸/₉ учебномъ году.

17) Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что въ теченіи февраля мѣсяца сего года г.г. профессорами и преподавателями Лицея прочитано и пропущено было слѣдующее число лекцій:

	Прочитано:	Пропущено:
Заслуженнымъ ордин. профессоромъ С. М. Шпилевскимъ	10	10

Ординарными профессорами:		
И. Т. Тарасовымъ	34	0
А. А. Исаевымъ	24	0
Н. С. Суворовымъ	32	0
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ .	16	6
Профессоромъ Богословія А. П. Лавровымъ	10	0
И. д. экстраорд. профессоровъ:		
В. Г. Щегловымъ	12	12
А. Н. Лодыженскимъ	0	16
И. д. доцента М. А Липинскимъ .	27	3
Приватъ-доцентами:		
А. Е. Минервинымъ	21	2
В. Ф Левитскимъ	10	2
кн. Е. Н. Трубецкимъ	8	2
А. Ф. Зачинскимъ	10	0

Показанное количество лекцій пропущено: С. М Шпилевскимъ, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ, А Н. Лодыженскимъ, М. А. Липинскимъ, А. Е. Минервинымъ, В. Ф. Левитскимъ и кн. Е. Н. Трубецкимъ—по болѣзни, а В. Г. Щегловымъ—по нахожденію въ командировкѣ. **Опредѣлили:** Записать объ этомъ въ журналъ.

1888 года апрѣля 3 дня, въ экстраординарномъ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: Ординнрные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ*, *Н. С. Суворовъ* и *Л. С. Бѣло-*

грицъ-Котляревскій; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ* и и. д. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щегловъ*. Неприсутствовалъ и. д. экстраординарнаго профессора *А. Н. Лодыженскій*.

СЛУШАЛИ:

Слѣдующее прошеніе магистранта уголовнаго права П. Бесѣдкина: „Желая до окончательнаго рѣшенія вопроса о моей заграничной командировкѣ ознакомиться съ пріемами преподаванія и системами изложенія науки уголовнаго права въ нашихъ столичныхъ университетахъ, а равно и воспользоваться по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ этой науки содержимымъ С.-Петербургской Императорской публичной библіотеки, имѣю честь просить Совѣтъ Лицея о назначеніи мнѣ единовременнаго пособія въ размѣрѣ 75 руб. для поѣздки въ Москву и Петербургъ съ указанными цѣлями". **Опредѣлили**: Выдать г. Бесѣдкину для указанной имъ поѣздки семьдесятъ пять рублей изъ суммы сбора за слушаніе лекцій, для исполненія чего копію съ настоящей статьи журнала передать въ правленіе Лицея.

1888 года апрѣля 16 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ*, *Н. С. Суворовъ* и *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*; и. д. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щегловъ*; и. д. доцента *М. А. Липинскій*; приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій* и *А. Ф. Зачинскій*. Неприсутствовали: и. д. экстраординарнаго профессора *А. Н. Лодыженскій*—по болѣзни, доцентъ *А. Е. На-*

зимовъ—по нахожденію въ командировкѣ и приватъ-доцентъ князь *Е. Н. Трубецкой*—по нахожденію въ отпуску.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 23-го минувшаго марта за № 3018, коимъ увѣдомляетъ, что министерствомъ финансовъ сдѣлано распоряженіе о безплатномъ доставленіи въ библіотеку Лицея экземпляра Вѣстника финансовъ, промышленности и торговли за 1886 годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3) Предложеніе г. Управляющаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 5 сего апрѣля за № 3458, коимъ увѣдомляетъ, что и. д. доцента Лицея *Липинскій*, вслѣдствіе его прошенія и представленія Совѣта, командированъ съ ученою цѣлію за границу, на лѣтнее вакаціонное время, что и утверждено Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія отъ 24-го марта 1888 года за № 4-мъ **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4) Предлеженіе г. Управляющаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 6 сего апрѣля за № 3529, коимъ на представленіе Совѣта Лицея отъ 29 марта за № 233, о командированіи магистранта Бесѣдкина за границу, увѣдомляетъ Совѣтъ, что съ представленіями о командировкѣ за границу лицъ, готовящихся къ профессорской каѳедрѣ, дозволяется входить въ Министерство На-

роднаго Просвѣщенія лишь одинъ разъ въ годъ къ 15 октября, а посему и съ ходадатайствомъ о командированіи Бесѣдкина надлежитъ войти въ Управленіе округа къ 1 октября. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5) Пріобрѣтшій въ 1887 году право на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи *Иванъ Дмитревскій*, своевременно представилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „о недостат ахъ предварительнаго слѣдствія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II-го (20 ноября 1864 г)“. Сочиненіе это по опредѣленію Совѣта было передано приватъ-доценту А. Зачинскому для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва г. Зачинскаго о помянутомъ сочиненіи, **Опредѣлили:** Утвердить Дмитревскаго въ степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ и экземпляръ судебныхъ уставовъ; отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

6) По разсмотрѣніи списковъ студентовъ и послѣ заявленій г.г. профессоровъ объ исполненныхъ студентами годичныхъ работахъ, требующихся отъ нихъ §§ 28 и 29 правилъ Лицея, **Опредѣлили:** 1) Отмѣтить въ спискахъ всѣхъ студентовъ исполнившихъ годичныя работы, а равно и тѣхъ, которые, не исполнивъ письменныхъ работъ, обязались представить къ экзаменамъ отчетъ о прочитанныхъ сочиненіяхъ; 2) студентовъ не исполнившихъ годичныхъ работъ и не заявившихъ о прочтеніи какихъ-либо сочиненій къ экзаменамъ не допускать; 3) списокъ съ отмѣтками, для доставленія въ экзаменаціонную коммиссію, передать Инспектору студентовъ и 4) о недопущенныхъ къ экзамену вывѣсить объявленіе.

Приложеніе къ ст. 5.

Отзывъ о кандидатскомъ разсужденіи.

Иванъ Дмитревскій: О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.

Въ своемъ сочиненіи г. Дмитревскій подвергаетъ критической оцѣнкѣ дѣйствующее законодательство о предварительномъ слѣдствіи. Разсужденіе состоитъ изъ двухъ частей: первая—о построеніи слѣдственной власти, вторая—о дѣятельности ея. Предпославъ во введеніи краткій очеркъ развитія уголовно-судебнаго права, авторъ первую часть своего труда посвящаетъ изложенію органическихъ недостатковъ слѣдственнаго института. Основной недостатокъ организаціи слѣдственной власти заключается въ томъ, что законодатель не провелъ послѣдовательно своего взгляда о судейскомъ характерѣ должности судебнаго слѣдователя: съ одной стороны, слѣдователь снабженъ судебною властію и считается членомъ суда; съ другой-же—въ судебномъ отношеніи его положеніе ниже положенія судьи по классу должности и содержанію, по объему права несмѣняемости и самостоятельности, въ отношеніи условій для занятія должности—онъ обладаетъ меньшею, сравнительно съ судьями, практическою опытностію и подготовкою, наконецъ въ построеніи института слѣдователей допущено смѣшеніе слѣдственной и обвинительной власти и проистекающее изъ этого зависимое положеніе первой въ отношеніи къ послѣдней. По разсмотрѣніи каждаго изъ приведенныхъ несовершенствъ и по сравненіи постановленій учрежденія 1864 г. съ иностранными законодательствами, авторъ отмѣчаетъ преиму-

щества послѣднихъ и видитъ въ недостаткахъ нашего закона по этому предмету главную причину неудовлетворительности слѣдственнаго персонала и ненадлежащихъ отношеній его къ властямъ, отъ содѣйствія которыхъ зависитъ успѣхъ слѣдовательской дѣятельности. Вторая часть посвящена изложенію и разбору постановленій нашего права о дѣятельности судебныхъ слѣдователей по производству предварительнаго слѣдствія. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ несовмѣстимыхъ функцій обвинительныхъ, защитительныхъ, судейскихъ и розыскныхъ, неуравновѣшеніе силъ обвиненія и защиты, письменность и безгласность предварительнаго слѣдствія,—таковы существенные недостатки порядка производства предварительнаго слѣдствія, неблагопріятно отражающіеся на уровнѣ дѣятельности слѣдственной власти. Сравнительное изученіе нашего законодательства съ иностранными приводитъ автора къ убѣжденію въ полной возможности устраненія недостатковъ предварительнаго слѣдствія путемъ кореннаго пересмотра законодательства по этому предмету и замѣны слѣдственной системы обвинительнымъ порядкомъ предварительнаго разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ. Сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ своего труда авторъ касается и другихъ вопросовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ предмету разсужденія; такъ, имъ указаны недостатки дознанія, разсмотрѣны причины, почему у насъ не привился институтъ непосредственнаго призыва и нѣк. др.

Г. Дмитревскій пользовался въ качествѣ пособій трудами гг. Фойницкаго, Вульферта, Квачевскаго и нѣк. др. Къ сожалѣнію, онъ удѣлилъ весьма немного вниманія тѣмъ цѣннымъ матеріаламъ, которые содержатъ прекрасное освѣщеніе дѣйствительнаго состоянія у насъ слѣдственной части, именно трудамъ коммиссіи сенатора

Петерса и отчету сенатора Окулова. Отсюда — безпочвенность и неубѣдительность многихъ защищаемыхъ авторомъ положеній. Въ самомъ изложеніи не всегда соблюдена послѣдовательность: разсужденіе мѣстами прерывается вопросами, выходящими за предѣлы темы, — такъ разсматривается вопросъ о присягѣ и условіяхъ допущенія къ присягѣ, о слѣдственной подсудности и нѣк. др. Видно вообще, что авторъ невполнѣ продумалъ предметъ и невполнѣ свободно распоряжается матеріаломъ, которымъ онъ пользовался. Попытки автора быть самостоятельнымъ въ сужденіяхъ оказываются рѣшительно неудачными: толкованіе, которое онъ даетъ постановленіямъ ст. 313, 263, 405 Уст. Уг. Суд., противорѣчитъ буквальному смыслу ихъ. Онъ высказываетъ смѣлыя и не вѣрныя предположенія, напр., будто бы наукою уголовно-судебнаго права отвергнуто безусловно всякое доказательное значеніе показанія подсудимаго. Мѣстами обнаруживаются смутныя представленія автора по нѣкоторымъ процессуальнымъ вопросамъ, напр., онъ не различаетъ неспособности къ присягѣ, освобожденія и отвода противъ присяги. Но такъ какъ въ сочиненіи нѣкоторыя части изложены хорошо, напр. объясненіе преимуществъ непосредственнаго призыва, критика проэкта Виллы и нѣк. др., и такъ какъ авторомъ обнаружено достаточное общее знакомство съ уголовно-судебнымъ правомъ, то полагаю, что трудъ его совершенно удовлетворяетъ своему назначенію, и прошу Совѣтъ признать г. Дмитревскаго достойнымъ искомой степени кандидата правъ.

Приватъ-доцентъ *А. Зачинскій.*

1888 года мая 7 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ

предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *Н. С. Суворовъ* и *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; и. д. экстраординарныхъ профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *А. Н. Лодыженскій*; приватъ-доценты: *А. Е. Минервинъ*, *В. Ф. Левитскій* и *А. Ф. Зачинскій*. Неприсутствовали: ординарный профессоръ *А. А. Исаевъ* и приватъ-доцентъ князь *Е. Н. Трубецкой*—по нахожденію въ отпуску, доцентъ *А. Е. Назимовъ*—по нахожденію въ командировкѣ и и. д. доцента *М. А. Липинскій*—по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю московскаго учебнаго округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Управлявшаго московскимъ учебнымъ округомъ отъ 2 сего мая за № 4295, коимъ разрѣшаетъ производить приватъ-доцентамъ Лицея вознагражденіе въ будущемъ 188⁸/₉ учебномъ году въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ они получаютъ и въ текущемъ учебномъ году, т. е за чтеніе 3 час. въ недѣлю 1200 рублей, а за чтеніе 2 часовъ 1000 рублей. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3) Отношеніе главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 20 минувшаго апрѣля за № 1822, коимъ увѣдомляетъ Совѣтъ Лицея, что библіотеки университетовъ, лицеевъ и вообще ученыхъ и учебныхъ учрежденій не подчинены общему надзору, установленному для общественныхъ и частныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чте-

нія. Поэтому выдача изъ этихъ библіотекъ книгъ и періодическихъ изданій должна производиться подъ исключительнымъ наблюденіемъ непосредственнаго начальства. Кромѣ того, издаваемые цензурнымъ вѣдомствомъ каталоги запрещенныхъ книгъ едва ли бы могли служить руководствомъ для библіотекаря Лицея еще и потому, что въ нихъ внесены только тѣ запрещенныя изданія, которыя прошли чрезъ цензуру; въ библіотекѣ же Лицея могутъ быть и такія изданія, несоотвѣтствующія требованіямъ цензуры, которыя получены изъ заграницы инымъ путемъ безъ цензурнаго пересмотра. Въ виду изложеннаго, каталоги запрещеннымъ книгамъ, издаваемые цензурнымъ вѣдомствомъ, не разсылаются ни въ какія учрежденія, кромѣ чиновъ инспекторскаго надзора, наблюдающихъ за книжною торговлею и публичными библіотеками и кабинетами для чтенія. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4) Отношеніе Прокурора ярославскаго окружнаго суда отъ 9 минувшаго апрѣля за № 2410, при которомъ препроводилъ онъ копію съ выписки изъ нотаріальнаго духовнаго завѣщанія дворянки Марьи Павловны Макиной, завѣщавшей на учрежденіе при Лицеѣ стипендіи двѣ тысячи рублей въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа. **Опредѣлили:** Донести объ этомъ г. Попечителю московскаго учебнаго округа и просить Его Сіятельство исходатайствовать у г. Министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе на принятіе этого капитала.

5) Прошенія студентовъ Лицея 1-го курса *Льва Половцева* и 4-го курса *Дмитрія Караулова*, коими просятъ исходатайствовать имъ разрѣшеніе держать экзамены послѣ каникулъ, первый по случаю болѣзни, въ доказательство которой представилъ медицинское свидѣтельство, а второй по случаю продолжительной болѣзни и смерти

отца. Показанныя просителями причины, препятствуя приступить къ экзаменамъ въ текущемъ мѣсяцѣ маѣ, удостовѣрены нѣкоторыми членами Совѣта, а потому **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя московскаго учебнаго округа предъ г. Министромъ народнаго просвѣщенія о допущеніи студентовъ Половцева и Караулова къ испытаніямъ послѣ каникулъ.

6) На основаніи § 1 правилъ для библіотеки Лицея, происходилъ въ настоящемъ засѣданіи выборъ членовъ для годичной ревизіи библіотеки и избранными оказались приватъ-доценты В. Ф. Левитскій и А. Ф. Зачинскій. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и ревизію библіотеки, согласно правиламъ, произвести совмѣстно съ членами правленія; объ этомъ извѣстить библіотекаря.

7) По заявленію ординарнаго профессора Н. С. Суворова, **Опредѣлили:** Разрѣшить ему къ напечатанію во Временникѣ Лицея публичную его лекцію „Вѣра и дѣла“.

8) Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что въ теченіи марта и апрѣля мѣсяцевъ г.г. профессорами и преподавателями Лицея прочитано и пропущено было слѣдующее число лекцій:

	ВЪ МАРТѢ.		ВЪ АПРѢЛ.	
Заслуж. ординарн. профессоромъ	прочит.	пр.	прочит.	пр.
С. М. Шпилевскимъ . . .	20	0	14	0
Ординарными профессорами:				
И. Т. Тарасовымъ	33	0	18	0
А. А. Исаевымъ	6	14	14	0
Н. С. Суворовымъ	28	0	14	0
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ .	22	0	12	0

Проф. Богословія А. П. Лавровымъ .	10	0	6	0
И д. экстраорд. профессоровъ:				
В. Г. Щегловымъ . . .	23	3	16	0
А. Н. Лодыженскимъ . . .	0	14	2	6
И. д. доцента М. А. Липинскимъ .	21	6	12	9
Приватъ-доцентами:				
А. Е. Минервинымъ . . .	15	5	12	4
В. Ф. Левитскимъ . . .	7	4	6	0
кн. Е. Н. Трубецкимъ . . .	8	0	2	2
А. Ф. Зачинскимъ . . .	8	0	8	0
Итого . .	201	46	136	21

Показанное количество лекцій пропущено: А. А. Исаевымъ—по нахожденію въ командировкѣ, А. А. Лодыженскимъ, В. Г. Щегловымъ, М. А. Липинскимъ, А. Е. Минервинымъ, В. Ф. Левитскимъ и княземъ Е. Н. Трубецкимъ —по болѣзни.

Всего же въ теченіи 188⁷/₈ учебнаго года прочитано и пропущено лекцій:

	Прочитано.	Пропущено.
Заслуженнымъ ордин. профессоромъ		
С. М. Шпилевскимъ	112	36
Ординарными профессорами:		
И. Т. Тарасовымъ	196	13
А. А. Исаевымъ	128	28

Н. С. Суворовымъ	167	14
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ .	138	10
Профессоромъ Богословія А. П. Лавровымъ	75	0
И. д. экстраорд. профессоровъ:		
В. Г. Щегловымъ	129	33
А. Н. Лодыженскимъ	11	87
И. д. доцента М. А. Липинскимъ .	165	48
Приватъ-доцентами:		
А. Е. Минервинымъ	157	13
В. Ф. Левитскимъ	61	14
кн. Е. Н. Трубецкимъ	46	8
А. Ф. Зачинскимъ	74	0
Итого . . .	1459	304

Опредѣлили: Записать объ этомъ въ журналъ.

Слѣды

ЗАПАДНО-КАТОЛИЧЕСКАГО

ЦЕРКОВНАГО ПРАВА

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

Ординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея

Н. С. Суворова.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ августѣ прошлаго 1887 года, на VII-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Ярославлѣ, прочитанъ былъ мною рефератъ, въ которомъ кратко указывалось на нѣкоторыя черты одного древнеславянскаго памятника, извѣстнаго подъ именемъ закона суднаго людемъ Царя Константина, изобличающія вліяніе католическаго запада на этотъ памятникъ. Кромѣ того, въ моемъ рефератѣ въ первый разъ заявленъ былъ неизвѣстный доселѣ въ наукѣ фактъ существованія въ славянскомъ переводѣ латинскаго пенитенціала. „Заповѣдь св. отецъ", содержащаяся въ рукописной румянц. кормчей № 230 и въ нѣкоторыхъ другихъ рукописныхъ сборникахъ, не была неизвѣстна нашимъ ученымъ, но никто не подозрѣвалъ, что эта „заповѣдь" есть переводный латинскій пенитенціалъ, какъ не подозрѣвалъ этого даже и западно-европейскій ученый Гейтлеръ, издавшій „заповѣдь" по древнему списку, оказавшемуся въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ закрытія Съѣзда, мнѣ удалось получить кратковременную командировку въ Москву и С.-Петербургъ для просмотра рукописныхъ кормчихъ, хранящихся въ московскомъ румянцевскомъ музеумѣ, въ московской синодальной библіотекѣ и въ с.-петербургской публичной библіотекѣ. Просмотръ рукописныхъ кормчихъ, насколько онъ оказался возможнымъ для меня при кратковременности срока моей командировки, уяснилъ для меня еще нѣкоторыя данныя, сверхъ тѣхъ, которыя раньше были ясны для меня и которыя были кратко предложены въ моемъ рефератѣ VII Археологическому Съѣзду, для констатированія слѣдовъ западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права. Относительно церковныхъ уставовъ св.

Владиміра и Ярослава Владиміровича въ рефератѣ моемъ, прочитанномъ на Съѣздѣ, были сдѣланы лишь вскользь два—три замѣчанія. Но при обработкѣ собраннаго мною матеріала въ настоящемъ изслѣдованіи, я пришелъ къ убѣжденію въ необходимости распространиться съ нѣкоторою подробностію объ этихъ уставахъ, какъ потому, что и они оказались испытавшими на себѣ въ значительной степени западное вліяніе, такъ и потому, что мнѣ неизбѣжно пришлось затронуть запутанный вопросъ о подлинности и о происхожденіи этихъ загадочныхъ документовъ древнерусскаго права, т. е. такой вопросъ, говоря о которомъ нельзя ограничиться двумя-тремя, вскользь сдѣланными, замѣчаніями. Такимъ образомъ въ настоящее мое изслѣдованіе вошли какъ тѣ данныя, которыя были докладываемы мною VII-му Археологическому Съѣзду, такъ и вновь добытыя во время моей командировки и затѣмъ при окончательной обработкѣ собраннаго матеріала. Въ приложеніяхъ я помѣстилъ; 1) параллельный текстъ латинскаго (мерзебургскаго) пенитенціала и славянской (находящейся въ рум. кормч. № 230) „Заповѣди св. отецъ"; 2) параллельный текстъ наставленія объ исповѣди Отмара, аббата с. галленскаго, и отрывка изъ напечатаннаго Гейтлеромъ славянскаго „чина надъ исповѣдающимся"; 3) греческій покаянный номоканонъ анонима, содержащійся въ cod. manuscr. theolog. graec. CCCXXXIII вѣнской Hofbibliothek, извлеченный мною изъ названнаго кодекса во время моей заграничной командировки,--произведеніе, въ которомъ явственно слышатся отголоски западныхъ пенитенціаловъ; 4) заповѣдь св. Іоанна Златоуста, патріарха цареградскаго, о законѣ церковномъ,—поддѣльное произведеніе неизвѣстнаго русскаго книжника, найденное мною въ двухъ рукописныхъ кормчихъ с.-петербургской публичной библіотеки и представляющее значительный интересъ какъ по изображаемымъ въ ней бытовымъ чертамъ, такъ и по оригинальной редакціи приложенныхъ къ ней каноновъ.

Открывая слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права, я невольно долженъ былъ

коснуться такихъ вопросовъ, которые собственно къ исторіи русскаго права не имѣютъ непосредственнаго отношенія, какъ напр. вопросъ о происхожденіи такъ называемаго римскаго пенитенціала (poenitentiale romanum) и такъ называемаго покаяннаго номоканона Іоанна Постника. О первомъ въ особенности я долженъ былъ говорить потому, что констатированный мною фактъ существованія славянскаго перевода латинскаго пенитенціала имѣетъ до извѣстной степени европейское значеніе, такъ какъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на вопросы, по которымъ въ западно-европейской наукѣ существовали контроверсы, представлявшіяся безнадежными для разрѣшенія. Тѣмъ менѣе, слѣдовательно, могъ бы я разсчитывать на безошибочность моихъ сужденій по всѣмъ затронутымъ мною вопросамъ. Притомъ нѣкоторыя изъ защищаемыхъ мною положеній основываются на тѣхъ только рукописныхъ сборникахъ, которые мною лично просмотрѣны, и нѣтъ ничего удивительнаго, если тщательное изученіе всѣхъ существующихъ рукописей приведетъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ къ какимъ пришелъ я. Но такъ какъ изслѣдователю обыкновенно приходится дѣлать свои наблюденія лишь въ доступной для его изслѣдованія области, и не отъ его только воли зависитъ расширить эту область, то и я принужденъ былъ ограничить свое наблюденіе лишь доступными мнѣ рукописями, причемъ позволяю себѣ выразить надежду, что все-таки мнѣ удалось, вопервыхъ, фактъ вліянія западно-католическаго церковнаго права на древнюю Русь поставить внѣ сомнѣній, и, во вторыхъ, намѣтить нѣкоторые новые пути къ разъясненію темныхъ страницъ исторіи русскаго права.

За доставленіе мнѣ нѣкоторыхъ литературныхъ пособій, не оказавшихся въ библіотекѣ Лицея, считаю долгомъ принести мою благодарность С. М. Шпилевскому.

Н. Суворовъ.

Ярославль.

1888 г. Сентября 14.

Оглавленіе.

Нѣкоторыя славянскія племена, жившія въ странѣ, позднѣе составившей часть территоріи русскаго государства, призвали къ себѣ, по свидѣтельству лѣтописца, князей-варяговъ княжить и володѣть надъ ними, а потомъ, через нѣсколько поколѣній, эти князья-варяги, вмѣстѣ съ призвавшими ихъ и съ позднѣе подчинившимися имъ славянами, приняли христіанскую вѣру изъ Византіи, откуда, вмѣстѣ съ христіанствомъ, перешло на Русь и византійское законодательство. Отсюда русскіе изслѣдователи должны были вывести совершенно справедливое заключеніе, что въ древнѣйшемъ русскомъ правообразованіи не могло быть менѣе трехъ составныхъ элементовъ: славянскаго, варяжскаго (германскаго) и византійскаго. Спорнымъ для изслѣдователей вопросомъ оставался собственно лишь вопросъ о силѣ вліянія того или другаго элемента на древне-русскій юридическій бытъ, а въ примѣненіи къ отдѣльнымъ юридическимъ учрежденіямъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на эти учрежденія, какъ на продуктъ мѣстнаго, національнаго правосознанія, или какъ на плодъ иностраннаго и иноплеменнаго вліянія, византійскаго, или германскаго.

Однако изъ исторіи извѣстно, что какъ болгарамъ, отъ которыхъ многое перешло на Русь послѣ принятія русскими христіанства, такъ и самимъ русскимъ приходилось или жить въ непосредственномъ сосѣдствѣ, или даже состоять въ прямыхъ отношеніяхъ съ латинскимъ западомъ. Изъ исторіи так-

же извѣстно, что непосредственное сосѣдство съ западомъ даже и въ позднѣйшія времена, когда укрѣпившееся національное чувство и обострившаяся религіозная вражда должны бы были, повидимому, исключать всякую возможность западнаго вліянія на Русь, не проходило безслѣднымъ въ русской исторіи, особенно въ исторіи югозападной Руси. Возможно ли предположить, чтобы въ эпоху распространенія христіанства между болгарами и русскими, когда не только болгарамъ и русскимъ приходилось состоять въ непосредственномъ сосѣдствѣ и въ прямыхъ сношеніяхъ съ латинскимъ западомъ, но и самый разрывъ между христіанскимъ востокомъ и христіанскимъ западомъ не былъ еще окончательно опредѣлившимся, западъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего вліянія на законодательство и на жизнь?

Въ нижеслѣдующемъ изложеніи будетъ доказано, что въ древнемъ русскомъ правообразованіи, наряду съ указанными выше элементами, нѣкоторая роль принадлежала и еще одному составному элементу: западно-католическому церковному праву, хотя, можетъ быть, эта роль и не была значительна. Впрочемъ, едва ли возможно и вообще, по какому бы то ни было вопросу, сразу опредѣлить и объяснить предметъ, требующій опредѣленія и объясненія. А по данному вопросу авторъ не имѣлъ предшественниковъ. Русскіе изслѣдователи до сихъ поръ не занимались отысканіемъ слѣдовъ западно-католическаго права въ памятникахъ древняго русскаго права. Поэтому предлагаемая работа, какъ первый опытъ, не можетъ претендовать на исчерпывающую полноту и законченность въ разработкѣ затронутаго предмета. Что же касается системы изложенія, то мы отмѣтимъ въ памятникахъ древняго русскаго права, въ порядкѣ ихъ относительной древности, тѣ черты, которыя должны быть приписаны западному вліянію, укажемъ слѣды такихъ понятій и учрежденій, которыя, по свидѣтельству исторіи, имѣютъ своимъ источникомъ не восточную,

а западную церковную жизнь, и слѣдовательно не могутъ быть производимы изъ восточнаго церковнаго права. Въ частности нашему разсмотрѣнію подлежатъ: I) такъ называемый законъ судный людемъ, въ краткой его редакціи, такъ какъ, по ниже излагаемымъ соображеніямъ, эту редакцію нужно считать болѣе древнею, сравнительно съ обширною редакціей этого закона; II) замѣчательный покаянный уставъ, сохранившійся въ нѣкоторыхъ старинныхъ сборникахъ, подъ названіемъ: „заповѣдь святыхъ отецъ"; III) такъ называемая обширная редакція закона суднаго; IV) нѣкоторыя правила о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ въ старинныхъ кормчихъ книгахъ и V) церковные уставы князей Владиміра и Ярослава.

I.

Законъ судный людемъ, или, какъ онъ еще иначе называется въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, судебникъ царя Константина Великаго еще барономъ Розенкампфомъ [1]) былъ обозначенъ, какъ „древнѣйшій законодательный памятникъ на славянскомъ языкѣ, который принадлежалъ къ первоначальному составу собранія правилъ, препровожденнаго къ болгарамъ", послѣ обращенія ихъ въ христіанство. Позднѣйшіе ученые [2]) съ большею точностію и подробностію, чѣмъ Розенкампфъ, указали источники отдѣльныхъ статей закона суд-

---

[1]) *Розенкампфъ*, Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ. Москва, 1829, стр. 133.

[2]) *А. С. Павловъ*, Первоначальный славяно-русскій номоканонъ. Казань, 1869, стр. 94 и сл. Проф. *Васильевскій*, Законодательство иконоборцевъ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, часть CXCIX), стр. 304 и сл. *Ром. Губе*, Droit romain et gréco-byzantin chez les peuples slaves, Paris, 1880, p. 14—20. Послѣднее сочиненіе было издано первоначально авторомъ, варшавскимъ сенаторомъ, въ 1868 г. на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: O znaczeniu prava rzymskiego i rzymsko-byzantinskiego u narodów slowianskych. Въ поцитованномъ французскомъ изданіи принимаются уже въ соображеніе упомянутыя работы профессоровъ Павлова и Васильевскаго.

наго и опредѣлили его значеніе въ юридической жизни нашихъ предковъ, но вполнѣ подтвердили замѣчаніе Розенкампфа, что законъ судный принадлежалъ къ составу первоначальнаго болгарскаго законодательства, хотя и не настаивая на томъ, чтобы законъ судный кѣмъ либо и откуда либо былъ *препровожденъ* къ болгарамъ. Не вдаваясь въ подробности, приведемъ себѣ въ ясность тѣ научные результаты, къ которымъ пришли ученые Губе, Павловъ и Васильевскій относительно закона суднаго.

Законъ судный людемъ, или судебникъ царя Константина, есть не что иное, какъ передѣлка такъ называемой еклоги византійскихъ императоровъ-иконоборцевъ Льва Исавра и Константина Копронима 740 года, и именно передѣлка XVII-го титула еклоги: „Ποινάλιος τῶν ἐγκληματικῶν κεφαλαίων“, въ которомъ содержится уголовное законодательство, т. е. исчисляются преступленія и назначаются соотвѣтствующія преступленіямъ наказанія. Такимъ образомъ общее отношеніе между подлинною византійскою еклогою и между закономъ суднымъ, разсматриваемыми съ точки зрѣнія ихъ содержанія, состоитъ въ томъ, что послѣдній относится къ первой, какъ часть къ цѣлому, что тогда какъ еклога есть по преимуществу византійское *гражданское* изложеніе, или, правильнѣе, авторизованное государственною властію руководство къ познанію византійскаго гражданскаго права, подобно институціямъ императора Юстиніана, и только въ одномъ изъ своихъ 18-ти титуловъ содержитъ уголовное право, законъ судный есть *уголовное* уложеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей о свидѣтеляхъ и постановленій о супружескомъ союзѣ и о разводѣ, которыя впрочемъ также отчасти имѣютъ криминальную окраску. Лишь немногія статьи закона суднаго заимствованы не изъ XVII-го титула византійской еклоги [3]).

---

[3]) Кромѣ двухъ первыхъ статей закона суднаго, которыя взяты не изъ еклоги, а изъ другихъ источниковъ, семнадцатому титулу еклоги не соотвѣтству-

Передѣлка византійскихъ законовъ состоитъ въ томъ, что, наряду съ византійскими уголовными наказаніями, законъ судный въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначаетъ отдачу въ постъ, или публичное церковное покаяніе, а иногда замѣняетъ византійскую казнь (отсѣченіе руки, урѣзаніе языка, выкалываніе глазъ или ослѣпленіе, урѣзаніе носа) денежною пенею. Передѣлка совершена въ Болгаріи еще до принятія русскими христіанства [4]) и вѣроятно перешла на Русь при первыхъ же христіанскихъ русскихъ князьяхъ. Цѣль передѣлки—приспособить византійское уголовное законодательство къ юридическому быту принимавшаго христіанство варварскаго народа.

Законъ судный въ этомъ передѣланномъ видѣ, или, какъ принято говорить, законъ судный въ краткой редакціи, помѣщенъ въ двухъ древнѣйшихъ рукописныхъ кормчихъ: въ румянцовской, по описанію Востокова, № 230, которая иногда называется схоластиковою кормчею, такъ какъ каноны изложены въ ней по системѣ Іоанна Схоластика, т. е. съ подведеніемъ ихъ подъ пятьдесятъ титуловъ, или заголовковъ [5]), и въ кормчей бывшей новгородскаго софійскаго собора, теперь московской синодальной № 132. Обѣ эти кормчія, по времени написанія, относятся къ XIII столѣтію, но первая, по своему составу и по другимъ признакамъ, должна быть отнесена къ самымъ древнимъ временамъ [6]). Затѣмъ законъ суд-

---

ютъ пять статей закона суднаго (3, 19, 20, 21 и 32), которыя заимствованы изъ другихъ титуловъ еклоги. Ср. *А. С. Павловъ*, Первонач. номоканонъ, стр. 96—97.

4) *Губе* усматриваетъ въ законѣ судномъ болгарское уголовное уложеніе, составленное при царѣ Симеонѣ къ концу IX-го столѣтія. Стр. 20 назв. соч.

5) *Срезневскій* (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣтныхъ памятникахъ Спб. 1871, стр. 66) назвалъ эту кормчую устюжскою.

6) *Востоковъ* (Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей румянцевскаго музеума, Спб. 1842, стр. 279) говоритъ объ этой кормчей: „хотя почеркъ и указываетъ на XIII-й вѣкъ, или начало XIV, по языкъ перевода во многихъ мѣстахъ сохраненъ древнѣйшій, по коему несомнѣнно заключать можно, что сіе собраніе церковныхъ законовъ есть первое на языкѣ словенскомъ, за коимъ уже слѣдовали другія, кои отчасти изъ него заимствовались,—такъ вѣроятно законъ судный людемъ перешелъ отсюда во всѣ другіе списки“.

ный читается во множествѣ кормчихъ и такъ называемыхъ „мѣрилъ праведныхъ" болѣе позднихъ временъ. Онъ же помѣщенъ въ печатной кормчей книгѣ, въ которой составляетъ 46-ю главу. Число статей закона суднаго въ разныхъ кормчихъ колеблется между 30-ю и 36 [7]), но разница въ числѣ статей есть лишь разница нумераціи при тожествѣ содержанія. Начиная съ назначеніемъ наказанія за совершеніе языческихъ требъ, законъ судный опредѣляетъ наказанія за преступленія противъ цѣломудрія и брака, за поджогъ и самоуправство, за отреченіе отъ вѣры, за поврежденіе и истребленіе чужаго скота, за кражу, за нарушеніе неприкосновенности церковнаго убѣжища, за святотатство и за ограбленіе мертвыхъ тѣлъ, за насильственную продажу свободнаго человѣка и за присвоеніе чужаго раба, а въ самомъ концѣ имѣетъ постановленія о супружескомъ союзѣ («о малжену») и о разводѣ.

Авторъ настоящаго изслѣдованія долженъ откровенно сознаться, что сопоставленіе отдѣльныхъ статей въ славянскомъ законѣ судномъ съ одной стороны съ византійскими, а съ другой съ западно-католическимъ памятниками, давно уже наводило его на мысль, что 1) передѣлка, которая замѣчается

---

[7]) Такъ въ румянц. кормч. № 230 законъ судный имѣетъ 30 статей, а слѣдующія за ними, въ видѣ приложенія, статьи о супружескомъ союзѣ и о разводѣ не имѣютъ нумераціи. Въ синодальной № 132 послѣдняя статья „о малжену" есть по счету 33-я, точно также въ кормчей С.-Петербургск. Императ. публич. библ. F II № 87. Въ рукописной кормчей румянцев муз. № 231 законъ судный, вмѣстѣ съ статьями о разводѣ, которыя также положены въ общую нумерацію, имѣетъ 36 статей. Въ томъ спискѣ закона суднаго, который изданъ Строевымъ въ первой части Софійскаго Временника, насчитывается 33 статьи, не считая статей о супружествѣ и разводѣ (остальныя статьи строевскаго списка, входящія въ такъ называемую обширную редакцію закона суднаго, не имѣютъ нумераціи, чѣмъ ясно доказывается позднѣйшее ихъ присоединеніе къ закону судному въ краткой редакціи, каковую редакцію и представлялъ собою первоначально строевскій списокъ. Наконецъ въ печатной кормчей и, повидимому, въ большинствѣ рукописныхъ, считается 32 статьи, включая сюда и постановленія о супружескомъ союзѣ и о разводѣ.

въ краткой редакціи закона суднаго, сравнительно съ подлинною византійской еклогой, состоялась подъ вліяніемъ западно-католическимъ, или, покрайней мѣрѣ, благодаря лицу, достаточно знакомому съ западнымъ церковнымъ правомъ, и 2) что нѣкоторыя статьи обширной редакціи закона суднаго, не имѣя для себя никакихъ образцовъ въ византійскомъ законодательствѣ и представляя напротивъ сходство съ памятниками католическаго церковнаго права, явились какъ заимствованіе изъ этихъ послѣднихъ. Мысль о вліяніи на законъ судный западнаго церковнаго права превратилась для меня въ увѣренность, послѣ того какъ мнѣ удалось въ древнѣйшей рукописной славянской кормчей, именно въ выше названной румянц. № 230, найдти славянскій переводъ почти цѣлаго латинскаго пенитетціала. Но объ этомъ ниже.

Взглянемъ теперь на краткую редакцію закона суднаго и возьмемъ тѣ самыя статьи, которыя, бывъ заимствованы изъ византійской еклоги, подверглись славянской передѣлкѣ. Въ византійской еклогѣ постановлено напримѣръ, что если мущина, имѣющій жену, вступаетъ въ связь съ своей рабой, раба эта продается за предѣлы провинціи въ другую провинцію и цѣна ея вносится въ государственную казну [8]). Въ законѣ судномъ повторяется это византійское постановленіе, но приэтомъ добавляется, что мужъ, по Божіему закону, отдается въ постъ на семь лѣтъ. Образъ прохожденія поста долженъ состоять въ слѣдующемъ: виновный долженъ два года стоять во время литургіи внѣ храма, затѣмъ слѣдующіе два года стоять въ церкви до св. Евангелія, послѣ же чтенія Евангелія выходить изъ церкви и слушать литургію извнѣ, еще потомъ два года стоять въ церкви до „вѣрую во единаго Бога“, на седьмой годъ стоять уже всю литургію въ самомъ храмѣ, но безъ права приступить къ причащенію, которое

---

8) Eclog. XVII, 21.

дается лишь на восьмой годъ. Кромѣ того, втеченіе 7 лѣтъ виновный долженъ питаться хлѣбомъ и водой [9]). Или напримѣръ въ византійской еклогѣ говорится, что кто вступитъ въ законный бракъ или въ незаконную связь съ матерью воспринятаго имъ въ крещеніи ребенка, подвергается урѣзанію носа, равно какъ вышедшая за него замужъ, или вступившая съ нимъ въ незаконную связь мать ребенка, причемъ оба они принудительно разлучаются другъ отъ друга [10]). Въ законѣ судномъ дѣлается такое противоположеніе: кто женится на куепетрѣ, т. е. на кумѣ своей, то, по закону людскому (свѣтскому), оба виновные подвергаются урѣзанію носа и принудительно разлучаются другъ отъ друга; по церковному же закону, они разлучаются и отдаются въ постъ на 15 лѣтъ. Чинъ или порядокъ поста долженъ быть таковъ: пять лѣтъ стоять внѣ храма, плакать и слушать литургію, четыре года стоять въ церкви до св. Евангелія, три года затѣмъ до „вѣрую во единаго Бога", и наконецъ три же года стоять всю литургію въ храмѣ, и эти три года жить на хлѣбѣ и водѣ, послѣ чего на шестнадцатый годъ, по окончаніи этого урока виновнымъ предоставляется приступить къ причащенію [11]).

---

9) Въ 46-й главѣ печатн кормч. статья (4-я) читается такъ: „имѣяй жену свою и примѣшаяйся рабѣ, являющейся безчинницѣ, сію достоитъ отъ князь земли тоя, да во иную землю продадятъ ю, а цѣну ея дати нищимъ, того-же блудящаго по закону Божію достоитъ отдалятися Божіимъ рабомъ, и предати и въ постъ на седьмь лѣтъ: первое два лѣта да стоитъ внѣуду храма Божія во время литургіи, а два лѣта входити въ церковь до св. Евангелія; прочее же внѣ стояти и послушати литургіи; другія же два лѣта стояти до вѣрую во единаго Бога; въ седьмое же лѣто всю достояти, не взимати же святыни".

10) Eclog. XVII, 25.

11) Въ 46 гл. печатн. кормч. статья эта (7-я) читается такъ: „иже куепетру (*на полѣ:* куму) свою пойметъ себѣ въ жену, по закону людскому носа има обѣма урѣзати и разлучити я, а по церковному закону разлучити я, и въ постъ на пятьнадесятъ лѣтъ да даетася. Чинъ же поста сего сицевъ: пять лѣтъ внѣ стояти и плакатися и послушати литургіи, а четыре лѣта до вѣрую во единаго Бога, три же всю о хлѣбѣ и о водѣ, и тако, скончавше урокъ свой, въ шестое на десятъ лѣтъ да пріобщатся."

Подобную же передѣлку византійской еклоги представляютъ собою еще семь статей закона суднаго [12]).

Всматриваясь пристально въ передѣланную редакцію статей византійской еклоги, отмѣтимъ тѣ черты этой передѣлки, на которыхъ можно прослѣдить вліяніе западно-католическаго церковнаго права.

1. Нѣкоторое, не совсѣмъ рѣшительное, доказательство западнаго вліянія можно видѣть уже въ томъ обстоятельствѣ, что церковное покаяніе въ законѣ судномъ назначается, какъ покаяніе публичное, съ прохожденіемъ по степенямъ, т. е. въ духѣ древнецерковной дисциплины III и IV вв. А извѣстно, что на востокѣ эта древняя дисциплина ослабѣла уже къ V-му столѣтію, между тѣмъ какъ на западѣ, гдѣ католической церкви пришлось играть весьма дѣятельную роль въ воспитаніи и дисциплинированіи варварскихъ народовъ, публичное покаяніе до X столѣтія практиковалось въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Не вдаваясь въ подробныя доказательства ослабленія публично-покаянной дисциплины на востокѣ послѣ IV в. и усиленнаго примѣненія ея на западѣ [13]), не приводя здѣсь постановленій западныхъ церковныхъ соборовъ IX в., предписывавшихъ понесеніе явнаго или публичнаго покаянія за явные грѣхи, ограничимся здѣсь указаніемъ на римскаго папу Николая I, который въ началѣ второй половины IX в. принималъ большое участіе въ устроеніи христіанскаго порядка жизни въ новообращенной Болгаріи, откуда, какъ выше сказано, перешелъ на Русь законъ судный людемъ. Папа Николай нерѣдко присуждалъ къ публичному церковному покаянію лицъ, виновныхъ въ разныхъ грѣхахъ и преступленіяхъ. Такъ напримѣръ виновный въ посягательствѣ на цер-

---

[12]) По 46 гл. печатн. кормч. статьи: 5, 6, 8, 9, 11, 14 и 16.

[13]) Читатель можетъ найдти эти подробныя доказательства въ моемъ изслѣдованіи: „Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ“. Ярославль, 1884.

ковную собственность былъ присужденъ папой къ слѣдующему наказанію: одинъ годъ стоять внѣ церкви Божіей, изъ которой онъ осмѣлился нечестиво похитить священные сосуды, второй годъ стоять у дверей церковныхъ безъ причащенія, на третій годъ входить въ церковь и стоять между слушающими, причемъ приношенія отъ него не принимаются, съ воспрещеніемъ ему кромѣ того ѣсть мясо и пить вино, за исключеніемъ великихъ праздниковъ рождества и воскресенія Христова; на четвертый годъ, если покаяніе было искреннее, дозволено приступать къ причащенію, но и затѣмъ, еще, втеченіе трехъ лѣтъ, по три дня въ недѣлю (въ понедѣльники, среды и пятницы) предписано воздерживаться отъ употребленія въ пищу мяса и вина [14]). Или напр. за разные грѣхи противъ цѣломудрія папа Николай I опредѣлялъ многолѣтнее покаяніе съ слѣдующею постепенностію: втеченіе года не входить въ церковь и въ этомъ году, за исключеніемъ праздничныхъ дней, питаться только хлѣбомъ, водой и солью; на второй годъ входить въ церковь, съ обязательствомъ воздерживаться отъ мяса и вина; два слѣдующіе года воздерживаться альтернативно или отъ мяса, или отъ опьяняющихъ напитковъ; затѣмъ, до конца 10 года, строго соблюдать понедѣльники, среды и пятницы трехъ четыредесятницъ, пятницы притомъ проводить исключительно на хлѣбѣ и водѣ [15]). Нельзя, конечно, игнорировать того обстоятельства, что и въ восточной практикѣ, современной распространенію христіанства въ Болгаріи, не совсѣмъ было забыто публичное церковное покаяніе. Соборъ константинопольскій 869 г. присудилъ лжесвидѣтелей, давшихъ на соборѣ 861 г. ложныя показанія подъ присягой противъ патріарха Игнатія, къ слѣдующему наказанію: два года стоять внѣ церкви и два года затѣмъ

---

[14]) Epist. Nicolai CXXII у *Миня* въ Patrologiae cursus completus, Tom. CXIX, series latina.

[15]) Ibid. epist. CXL. Cf. epist. CXXXIII.

слушать внутри церкви Св. Писаніе до молитвы объ оглашенныхъ, втеченіе этихъ четырехъ лѣтъ воздерживаться отъ мяса и вина, за исключеніемъ праздниковъ Господнихъ и воскресныхъ дней, три послѣдніе года стоять вмѣстѣ съ вѣрными, съ допущеніемъ къ причащенію въ большіе праздники, но съ исполненіемъ при этомъ разныхъ дѣлъ благочестія, какъ-то милостыни, молитвы, поста,—послѣднему въ особенности посвящать три дня въ недѣлю: понедѣльникъ, среду и пятницу [16]). Но не надобно забывать и того, что соборъ 869 г. хотя и состоялъ изъ представителей восточной церкви, но дѣйствовалъ подъ вліяніемъ и руководствомъ папскихъ легатовъ, такъ что позднѣе не былъ признанъ на востокѣ соборомъ законнымъ, тогда какъ на западѣ былъ причисленъ къ вселенскимъ. Въ актахъ говорится, что, по распоряженію патріарха Игнатія, было прочитано въ засѣданіи соборномъ опредѣленіе о покаяніи, *составленное легатами и соборомъ*: какую роль играло въ этомъ опредѣленіи восточное, и какую роль западное церковное право, судить затруднительно. Можно думать, что восточная іерархія, присутствовавшая на соборѣ 869 г. и присудившая лжесвидѣтелей къ публичному церковному покаянію, съ прохожденіемъ таковаго по степенямъ, дѣйствовала совершенно въ духѣ древняго церковнаго права, но что вспомнить и примѣнить въ настоящемъ случаѣ это древнее восточное церковное право, изъ области историческихъ воспоминаній, сдѣлавшихся теоріей, перевести его въ практику, она побуждена была римскими легатами, которые руководили ходомъ соборныхъ дѣлъ и которые у себя дома, на западѣ, привыкли смотрѣть на публичное покаяніе, какъ на институтъ обы-

16) См. X Дѣян. собора 869 г. въ CXXXIX tom. патрологіи Миня: Interpretatio Synodi VIII et VII Анастасія Библіотекаря стр. 118. Также Hergenröther, Photius, Patriarch v. Konstantinopel, Regensburg, 1867. II, 117. Канономъ 16 того же собора опредѣлено тѣмъ лицамъ, которыя при императорѣ Михаилѣ кощунственно совершали священныя церемоніи и надѣвали на себя священныя одежды, будучи мірянами, на годъ стоять внѣ церкви, другой внутри церкви до молитвы объ оглашенныхъ, третій до конца литургіи.

денной живой практики, а не какъ на учрежденіе антиквированное.

2. Болѣе значенія имѣетъ то обстоятельство, что законъ судный, присуждая къ посту на многое число лѣтъ, втеченіе всего этого количества или извѣстной части его, назначаетъ питаться хлѣбомъ и водой. Такъ называемое сухояденіе (ξηροφαγία) весьма часто встрѣчается въ восточныхъ покаянныхъ номоканонахъ или канонаріяхъ, соотвѣтствующихъ западнымъ пенитенціаламъ. Но сухояденіе и называется сухояденіемъ; подобная же формула, какъ: „на хлѣбѣ и водѣ", „о хлѣбѣ и водѣ„ вообще говоря, неизвѣстна восточнымъ номоканонамъ [17]). Напротивъ въ западныхъ пенитенціалахъ покаяніе на

---

[17]) Мнѣ встрѣтилась эта формула въ одномъ вѣнскомъ рукописномъ номоканонѣ не назвавшаго себя по имени составителя,—номоканонѣ анонима, какъ называетъ его Ламбецій въ своемъ каталогѣ рукописей вѣнской императорской библіотеки (Cod. theolog. graec. CCCXXXIII). Всего въ этомъ номоканонѣ около 125 статей, и двѣ изъ нихъ назначаютъ покаяніе на хлѣбѣ и водѣ. Одна читается такъ: „ὁ ἐπιορκήσας ἀδίκως χρὴ ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι". Другая: „ἐὰν ἀποθάνη βρέφος ἀβάπτιστον, πλησίον τῶν γονέων αὐτοῦ πληρουμένων τῶν ἑπτά ἡμερῶν ἵνα ποιῶσιν οἱ γονεῖς αὐτοῦ ἡμέρας μ' ἀκοινώνητοι εὖ ἄρτῳ καὶ ὕδατι, μεταν. κ'" Номоканонъ анонима очень неранняго происхожденія, и двѣ статьи, случайно въ него внесенныя, могли имѣть своимъ источникомъ какой нибудь западный пенитенціалъ, подобно тому какъ изъ западнаго же пенитенціала этотъ же самый номоканонъ анонима заимствовалъ статьи о присужденіи къ покаянію патріарховъ, епископовъ, священниковъ и діаконовъ,—статьи, вообще говоря, необычныя въ восточныхъ номоканонахъ, особенно раннихъ, и напротивъ составляющія общее правило въ западныхъ пенитенціалахъ. См. объ этомъ: „Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви". Ярославль, 1886, стр. 174 и 175, изслѣдов. *Н. Суворова.* Кромѣ номоканона анонима, формула: „на хлѣбѣ и водѣ" имѣется еще въ рукописномъ номоканонѣ Постника вѣнской же публичной библіот. (Cod. theolog. graec. CCVI), гдѣ читается напримѣръ слѣдующій заголовокъ: „περὶ τῶν ἐξομολογουμένων πῶς δεῖ ἐπιτιμᾶν ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι". Подъ этимъ и подъ слѣдующими заголовками: „περὶ τοῦ πῶς εἶναι ὁ ὅρος τῶν ἐπιτιμίων καὶ τῶν εὐχῶν περὶ ὀλιγοαμαρτήτων· πολυαμαρτήτων πῶς ἐπιτιμᾶν". и проч. содержатся обычныя номоканонамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Іоанна Постника, наставленія о томъ, какъ долженъ обращаться исповѣдующій духовникъ съ исповѣдующимся сыномъ духовнымъ и какими соображеніями долженъ руководствоваться при наложеніи епитимій. Но вообще о хлѣбѣ и водѣ восточные покаянные номаканоны не упоминаютъ. И если въ указанномъ вѣнскомъ рукописномъ кодексѣ № CCVI дѣлается такое упоминаніе, то оно невольно напра-

хлѣбѣ и водѣ есть самая обыкновенная и всего чаще встрѣчающаяся епитимія. Въ этомъ легко убѣдится всякій, кто возьметъ на себя трудъ раскрыть изданіе западныхъ пенитенціаловъ Вассершлебена или Шмитца. Покаяніе по западнымъ пенитенціаламъ *обыкновенно* опредѣляется въ такой формулѣ: кто виновенъ (положимъ, въ совершеніи умышленнаго убійства), тотъ долженъ отбывать покаяніе 20 лѣтъ, три изъ нихъ на хлѣбѣ и водѣ (viginti anno poeniteat, tres in pane et aqua).

Нельзя не обратить вниманія также и на то, что публичное покаяніе въ законѣ судномъ называется постомъ: присудить къ церковному покаянію—это, по терминологіи закона суднаго, называется „отдать въ постъ“. По поводу этого выраженія невольно припоминается, что въ западныхъ пени-

———

шивается на сравненіе съ такъ называемымъ «римскимъ пенитенціаломъ», въ которомъ есть рубрика: „Qualiter ille annus observandus sit qui in pane et aqua alicui imponitur, in poenitentia jejunandus“. Впрочемъ эту рубрику я нашелъ не въ Poenitentiale romanum, изданномъ Мориномъ въ его „Историческомъ комментаріѣ о совершеніи таинства покаянія“, и не въ изданіяхъ пенитенціаловъ Вассершлебена и Шмитца (о нихъ будетъ рѣчь ниже), а въ старинномъ изданіи, которое мнѣ привелось видѣть въ Римѣ, въ Bibliotheca Barberina. По каталогу барберинской библіотеки это изданіе значится подъ E. VIII. 36 и носитъ названіе: „Liber poenitentialis ex scrinio romanae ecclesiae assumptus, editus studio Petri Stevarti Leodii theologiae in Academia Ingolstadiensi professoris. Ingolstadt, 1616. Въ этомъ изданіи содержатся: пенитенціалъ Рабана Мавра, архіепископа майнцскаго, выдержки изъ Буркгарда вормскаго „de officio sacerdotum“, и такъ называемый Poenitentiale romanum. Въ концѣ этого послѣдняго, подъ вышеприведенною рубрикой, читается слѣдующее: „Poenitentia unius anni qui in pane et aqua jejunandus est, talis esse debet: in unaquaque hebdomade tres dies, id est secundam feriam, IV et VI, in pane et aqua jejunet, et tres dies III, V, et sabbatum a vino, medone, mellita, cervisia, a carne et sagimine, et caseo, et ovis et abdomine et pinguibus piscibus se abstineat. Manducet autem minutos pisciculos, si habere potest, sin autem, unius generis piscem; legumina et olera et poma comedat et cervisiam“. Что же касается воскресныхъ дней и праздниковъ, каковы: первые 4 дня Рождества Христова, день Богоявленія, свѣтлая недѣля Пасхи, Вознесеніе Господа и 4 дня Пятьдесятницы, праздники Іоанна Крестителя, Маріи, 12-ти апостоловъ, св. Михаила, Ремигія, Мартина, всѣхъ святыхъ и мѣстнаго святаго, кающійся пользуется одинаковыми съ прочими пищей и питьемъ, конечно безъ излишествъ.

тенціалахъ слова: „покаяніе“ и „постъ“, „poenitere“ и „jejunare“ употреблялись обыкновенно какъ тождественныя, чаще же всего прохожденіе покаянія обозначалось словомъ: „jejunare“ [18]).

3. Характерно далѣе опредѣленіе терминовъ, или сроковъ и границъ для религіознаго общенія лицъ, отбывающихъ покаяніе, съ вѣрующими, находящимися въ обладаніи полною церковною правоспособностію. Въ законѣ судномъ говорится, что подвергнутый, въ видѣ наказанія, церковному покаянію, сначала стоитъ внѣ церкви, потомъ входитъ въ церковь до св. Евангелія, затѣмъ „до вѣрую во единаго Бога“ и наконецъ допускается къ стоянію вмѣстѣ съ вѣрными. Что кающіеся допускались къ присутствію при богослуженіи съ извѣстною постепенностію, — это было руководящимъ правиломъ и для западной, и для восточной церковной практики за все время примѣненія церковью публичнаго покаянія. Еще съ III в. установился тотъ порядокъ, что кающіеся второй и третьей степеней (слушающіе, ἀκροώμενοι, audientes, и колѣнопреклоненные или припадающіе, ὑποπίπτοντες genuflexi), допускавшіеся въ молитвенное собраніе христіанъ для слушанія Слова Божія, послѣ чтенія Евангелія должны были удаляться изъ храма [19]). Въ IV в. лаодикійскій соборъ правиломъ 19-мъ опредѣлилъ, чтобы послѣ Евангелія и проповѣди прочитывалась молитва объ оглашенныхъ, которые затѣмъ должны оставлять церковь, послѣ же этого тотчасъ совершалась бы

---

[18]) Ср. Wasserschleben. Die Bussordnungen der abendländischen Kirche nebst einer rechtsgeschichtlichen Einleitung. Halle, 1851, S. 29: „wenn früher, namentlich in der griechischen Kirche die Fasten nur eine einzelne der vielen Arten von Busswerken waren, welche in der Regel vom Büssenden sämmtlich beobachtet werden mussten, so finden wir in der altbritischen und angelsächsischen Kirche poenitere gleichbedeutend mit jejunare, so dass die ganze Busse sich beschränkte auf Fasten und Abstinenzen während der bestimmten Busszeit“.

[19]) Постановленія Апостольскія, II, 37 (по изд. *Питры* въ „Iuris eccl. graec. historia et monumenta“). Cf. VIII lib. pag. 397.

молитва о кающихся, послѣ чего и эти послѣдніе должны оставлять церковь, въ которой остаются такимъ образвмъ одни лишь вѣрные. Но чтобы кающіеся допускаемы были къ стоянію за литургіей до чтенія или до пѣнія символа вѣры, этого, вѣроятно, никто и никогда не найдетъ ни въ одномъ восточномъ памятникѣ. Не встрѣчается, правда, подобный оригинальный терминъ и въ памятникахъ западнаго церковнаго права; но въ законѣ судномъ онъ едва ли могъ явиться иначе, какъ подъ вліяніемъ запада, или благодаря знакомству составителя закона суднаго съ разностями между восточною и западною литургіями, можетъ быть благодаря недоумѣнію какого нибудь болгарина, привыкшаго сначала къ латинской и потомъ поставленнаго въ необходимость примѣняться къ византійской литургіи. Западная литургія отличается отъ восточной между прочимъ тѣмъ, что херувимская пѣснь, неизвѣстная въ первые вѣка и въ восточномъ церковномъ употребленіи [20]), на западѣ осталась неизвѣстною навсегда. Кромѣ того рѣзкое разграниченіе между литургіею оглашенныхъ и литургіей вѣрныхъ, которое въ восточномъ церковномъ богослуженіи дѣлалось молитвой объ оглашенныхъ и приглашеніемъ со стороны дьякона оглашеннымъ выйдти изъ церкви, такъ чтобы за богослуженіемъ оставались лишь „елицы вѣрніи“, въ западной литургіи не удержалось. Вслѣдъ за прочтеніемъ Евангелія, въ католической литургіи священникъ произноситъ: „credo in unum Deum“, послѣ чего символъ вѣры поется хоромъ, а потомъ прямо начинается важнѣйшее литургическое дѣйствіе словами: „Sursum corda“, (горѣ имѣимъ сердца). Если бы неизвѣстный редакторъ закона суднаго зналъ одну лишь восточную литургію, то трудно было бы объяснить, ка-

---

20) Что херувимская пѣснь была неизвѣстна въ древней церкви, доказывается древнецерковною литургіею, которую можно найдти у *Бунзена*, въ приложеніяхъ къ первому тому его сочиненія: Hippolytus und seine Zeit, Leipzig, 1853, и въ VIII книгѣ Апостольскихъ Постановленій (въ названномъ изданіи Питры).

кимъ образомъ онъ представлялъ себѣ возможнымъ присутствіе кающихся въ церкви во время пѣнія херувимской пѣсни, послѣ напоминанія со стороны священника или діакона о томъ, что въ храмѣ должны остаться одни вѣрные. Можно бы было думать, такимъ образомъ, что составитель закона суднаго зналъ латинскую литургію и находилъ вполнѣ естественнымъ что кающійся прослушаетъ чтеніе изъ Евангелія, а потомъ передъ чтеніемъ или пѣніемъ символа вѣры выйдетъ изъ храма, такъ какъ за символомъ вѣры слѣдуетъ уже важнѣйшая центральная часть литургіи, промежуточныхъ же какихъ либо священнодѣйствій и пѣснопѣній между чтеніемъ Евангелія и символомъ вѣры въ западной литургіи нѣтъ. Но съ другой стороны не невозможно и то, что редакторъ закона суднаго, знавшій латинскую литургію, имѣлъ въ виду собственно литургію восточную. Зная ходъ западной литургіи и въ тоже время затрудняясь установленіемъ соотвѣтствующаго момента въ восточной литургіи, онъ опредѣлилъ границу для присутствія при восточномъ богослуженіи такъ, что исходнымъ пунктомъ для него въ этомъ опредѣленіи служило знакомство не съ каноническими правилами, въ которыхъ кающимся предписывается оставлять литургію вслѣдъ за оглашенными, а съ ходомъ латинской литургіи, въ которой литургія вѣрныхъ не отдѣляется рѣзко отъ литургіи оглашенныхъ приглашеніемъ послѣднихъ выйдти изъ церкви. Редакторъ закона суднаго соображалъ приблизительно такъ: важнѣйшая часть богослуженія начинается съ символа вѣры, стало быть символъ вѣры и долженъ быть границей для участія въ богослуженіи лицъ, утратившихъ полную церковную правоспособность, причемъ, слѣдовательно, херувимскую пѣснь нужно было отнести къ вводной, такъ сказать части литургіи. Для послѣдняго предположенія нѣкоторымъ подкрѣпленіемъ служатъ тѣ историческія обстоятельства, при которыхъ устанавливалось въ Болгаріи христіанство. Болгарскій князь Богорисъ около по-

ловины IX в. принялъ христіанство для себя и для своего народа изъ Византіи; но, вскорѣ послѣ своего обращенія, — изъ опасенія ли, чтобы церковная зависимость его страны и народа отъ константинопольскаго патріарха не повлекла за собой политической зависимости Болгаріи отъ византійской имперіи, или по другимъ причинамъ, — вошелъ въ сношенія съ римскимъ папой Николаемъ I, предъявилъ ему длинный рядъ запросовъ о томъ, каковъ долженъ быть устроенъ порядокъ по разнымъ сторонамъ жизни гражданской и государственной, изгналъ между тѣмъ изъ Болгаріи византійское духовенство и далъ утвердиться здѣсь на нѣсколько лѣтъ западно-католическому вліянію. Тотъ фактъ, что Богорисъ къ папѣ именно обратился съ длиннымъ рядомъ запросовъ, остается во всякомъ случаѣ фактомъ любопытнымъ. Отвѣты папы Николая на весь этотъ длинный рядъ запросовъ (Responsa ad consulta Bulgarorum) были препровождены къ Болгарскому князю въ 866 г., а въ 870 г. князь, круто измѣнивъ свой образъ мыслей, разорвалъ связь съ старымъ Римомъ, изгналъ изъ Болгаріи латинское духовенство и вступилъ снова въ связь съ новымъ Римомъ — Константинополемъ. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что въ три-четыре года нѣкоторые западные церковные порядки могли уже пустить корни въ болгарскую почву, такъ что не могли исчезнуть безслѣдно и по прекращеніи сношеній съ Римомъ.

4. Византійскимъ сборникамъ свѣтскаго законодательства необычно помѣщеніе въ ряду наказаній за разныя преступленія церковнаго покаянія. Въ тѣхъ титулахъ еклоги, прохирона, епанагоги, въ которыхъ содержится византійское уголовное законодательство, ничего не говорится о церковномъ покаяніи, какъ о возможномъ наказаніи за то или другое преступленіе. Не говорится о немъ и въ частныхъ сборникахъ свѣтскихъ законовъ, составившихся путемъ комбинированія упомянутыхъ трехъ аутентическихъ сборниковъ между

собою и съ разными другими источниками, каковы: частная дополненная еклога (ecloga privata aucta), еклога, соединенная съ прохирономъ (ecloga cum prochiro composita), еклога, измѣненная по прохирону (ecloga ad prochiron mutata), дополненный прохиронъ (prochirum auctum), дополненная епанагога (epanagoge aucta). Такія статьи, какъ статья частной дополненной еклоги, въ которой говорится, что человѣкъ, имѣющій жену и впадающій въ блудъ съ другой женщиной, присуждается, какъ блудникъ, къ церковнымъ епитиміямъ [21]), представляютъ собою неожиданное исключеніе изъ общаго правила, объясняющееся тѣмъ, что составитель частной дополненной еклоги, считая вѣроятно нецѣлесообразнымъ назначамое императорскою еклогою наказаніе (легкое тѣлесное наказаніе) желалъ, чтобы блудникъ по крайней мѣрѣ принуждаемъ былъ къ отбыванію церковной епитиміи, въ случаѣ же небрежнаго ея отбыванія, подвергаемъ былъ конфискаціи половины его имущества [22]). Во всякомъ случаѣ, византійскому праву чуждо *намѣренное* и *сознательное* различеніе и противоположеніе закона свѣтскаго и закона церковнаго. Въ византійскомъ императорскомъ законодательствѣ оно вообще не встрѣчается. Нѣчто *подобное* можно пожалуй встрѣчать въ

---

[21]) Ecl. priv. aucta, XVII, 29 (Zachariae, Ius graeco-romanum, P. IV. pag. 45) „ὁ ἔχων γυναῖκα καὶ πορνεύων τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ἐπιτιμίοις ὡς πόρνος καταδικαζέσθω καὶ τούτοις ὑποβαλλέσθω· εἰ δὲ τὰ ἐπιτεθησόμενα αὐτῷ καταφρονῶν μὴ παραφυλάξῃ κανονικὰ ἐπιτίμια, τὸ ἥμισυ μέρος τῆς αὐτοῦ περιουσίας τῷ δημοσίῳ μέρει εἰσκομιζέσθω“.

[22]) Не невозможно и то, что въ частные сборники византійскихъ законовъ могли изрѣдка и отчасти проникать воззрѣнія варварскихъ народовъ и учрежденія, заимствованныя изъ ихъ быта. Напр. въ Ecloga ad prochiron mutata, tit XVIII, c. 33 sqq. (Zachariae, Ius graeco-romanum, P. IV, pag. 107) выраженъ принципъ композицій и мести, неизвѣстный византійскому праву. Ср. Heimbach, Griechisch-römisches Recht (Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste herausgegeb. v. Ersch u. Gruber, Th. 86), S. 431. Въ указанныхъ статьяхъ XVIII-го титула еклоги, измѣненной по прохирону, за проломъ головы, за выколотіе глаза, за выбитіе зубовъ и др. назначается денежная пеня въ пользу пострадавшаго, а за отрѣзаніе носа—отмщеніе тальономъ (ταυτοπάθεια).

восточныхъ покаянныхъ номоканонахъ поздняго происхожденія [23]), но опять въ видѣ рѣдкаго исключенія, притомъ съ достаточными основаніями предполагать западное заимствованіе или вліяніе [24]). Обращаясь между тѣмъ къ западному церковному праву, одновременному или близкому по времени къ составленію закона суднаго, мы находимъ, что различеніе и противоположеніе (въ принципѣ) законовъ церковнаго и гражданскаго, подъ названіями съ одной стороны: lex ecclesiastica, lex divina, lex canonica, съ другой: lex vulgaris, lex humana, lex mundana, равно какъ совмѣстное примѣненіе свѣтскаго и церковнаго наказанія (въ практикѣ), было весьма обычнымъ явленіемъ въ законодательствѣ свѣтскомъ и церковномъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ такого различенія и противоположенія.

Въ 864 г. капитуляромъ Карла II было предписано, чтобы тотъ, кто, присягнувъ не прикрывать поддѣлывателя монеты, укрываетъ таковаго и не исполняетъ своей присяжной обязанности, *по закону свѣтскому* (secundum legem mundanam) наказывался какъ клятвопреступникъ, а *по закону церковному*

---

[23]) Напр. въ вышеупомянутомъ номоканонѣ анонима вѣнск. публичн. библ. читается, что умышленный убійца *по закону* подлежитъ смертной казни, а *по св. Василію* (т. е. по каноническимъ правиламъ Василія Великаго) отлучается отъ церкви на 15 лѣтъ съ колѣнопреклоненіями и съ сухояденіемъ. Или напр. въ номоканонѣ при большомъ требникѣ говорится: „духовный отецъ, аще исповѣсть кому грѣхъ исповѣдавшагося, *иматъ епитимію:* три лѣта да есть празденъ, токмо да причастится въ мѣсяцъ единою и да творитъ на всякъ день поклоновъ 100; *гражданскій же законъ* глаголетъ ископати языкъ созади сицевому“. (ст. 120). *А. С. Павловъ*, Номоканонъ при большомъ требникѣ. Одесса, 1872.

[24]) О вѣнскомъ покаянномъ номоканонѣ анонима ср. сказанное выше въ примѣч. 17-мъ, а что касается Номоканона при большомъ требникѣ, см. замѣчаніе *А. С. Павлова*, Номоканонъ при большомъ требникѣ, стр. 120—123, и ср. еще *Суворова*, Объемъ дисциплинарн. суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, стр. 116 и сл. Восточнымъ покаяннымъ номоканонамъ обычно противоположеніе не между законами свѣтскими и законами церковными, а между правилами Іоанна Постника и Василія Великаго.

(secundum legem ecclesiasticam) подвергался публичному покаянію [25]). И затѣмъ о самыхъ поддѣлывателяхъ, пускающихъ въ оборотъ фальшивую монету, говорится, что *судъ* долженъ присуждать ихъ къ отсѣченію руки, а *по рѣшенію епископскому* они должны быть подвергаемы публичному церковному покаянію [26]). Подобнымъ же образомъ, въ § 20 того же капитуляра различается *гражданское* и *церковное* наказаніе тѣмъ, кто искажаетъ или фальшивитъ установленную правильную мѣру [27]). Въ капитулярѣ 877 г. постановлено слѣдующее: въ случаѣ смерти епископа, аббата, королевскаго комеса или графа, никто не долженъ расхищать церковнаго, или умершимъ принадлежавшаго, имущества, или подвергать насилію женъ и дочерей умершихъ королевскихъ чиновниковъ; въ противномъ случаѣ, нарушитель закона отвѣчаетъ *и по законамъ свѣтскимъ* (secundum leges mundanas), уплачивая установленную денежную пеню, *и по законамъ церковнымъ* (secundum leges ecclesiasticas), доставляя удовлетвореніе оскорбленной имъ церкви [28]). Людовика II [29]) сами епископы просили предписать графамъ объ оказаніи содѣйствія имъ, епископамъ, въ привлеченіи къ церковному покаянію лицъ,

---

[25]) Pertz, Monumenta Germaniae historica, Legum tom. 1. Edict. Pistense, § 9.

[26]) Ibid. § 13. Ниже въ § 16 говорится, что лишеніе руки должно опредѣляться виновнымъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ суды дѣйствуютъ не по римскому закону; въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ суды оканчиваются по римскому праву (secundum legem romanam terminantur), наказаніе должно быть назначаемо по римскимъ законамъ, такъ что слѣдовательно въ конкурренціи съ церковнымъ покаяніемъ долженствовало идти уголовное наказаніе или римскаго, или указно-королевскаго франкскаго права.

[27]) „Secundum legem puniantur et postea ab episcopo publicam poenitentiam de perjurio accipiant".

[28]) Pertz, p. 542.

[29]) Ср. еще Caroli II Convent. Attiniacens. 854 an. ibid. pag. 429, § 8: „De hominibus qui in banno et in poenitentia missi sunt et pejus semper faciunt, ut a missis capiantur et constringantur".

женившихся на близкихъ родственницахъ, или на женщинахъ, посвятившихъ себя Богу, а также лицъ, виновныхъ въ совершеніи убійства, или инаго преступленія [30]). При Карломанѣ въ 884 г. состоялось постановленіе, въ силу котораго всякій похититель и грабитель долженъ уплачивать тройную пеню (compositio) противъ цѣны украденнаго и награбленнаго, не считая королевскаго штрафа (bannus) и сверхъ того долженъ понести публичное церковное покаяніе [31]). А къ одному изъ императоровъ (Ламберту) епископы—члены составившагося собора - обратились съ слѣдующею петиціей: чтобы грабежи, поджоги, насилія всякаго рода, подвергаемыя церковному суду, не оставались безнаказанными и со стороны свѣтской власти [32]).

На соборѣ майнцскомъ 847 г. было постановлено отлучать отъ церкви всѣхъ тѣхъ, кто дерзнулъ бы ограбить, поджечь, или опустошить домы Божіи или имѣнія, Богу посвященныя, а кромѣ того подвергать и королевскому наказанію [33]). Въ самомъ дѣлѣ, характеръ времени былъ таковъ, что разгулъ несдерживаемыхъ страстей, дикій произволъ, самоуправство и насилія во всевозможныхъ формахъ были явленіемъ обыденнымъ, противъ котораго церковные органы сочли долгомъ выступить со всею энергіей, на подмогу недостаточнымъ репрессивнымъ средствамъ германскаго уголовнаго права, а

---

[30]) Pertz, ibid. p. 432.

[31]) Ibid. p. 552.

[32]) Convent. Ravenn. 898 an. ibid. pag. 563. Ср. также у *Перца* на стр. 452—457 „collectio de raptoribus", помѣченное 857 годомъ, гдѣ публичное покаяніе идетъ рука объ руку съ композиціей и съ королевскимъ „bannus".

[33]) Quisquis fastu superbiae elatus domum Dei ducit contemtibilem et possessiones Deo sacratas, atque ob honorem Dei sub regia immunitatis defensione constitutas inhoneste tractaverit vel infringere praesumpserit, aut incendia, vel vastationes ausu temerario perpetraverit, quasi invasor et violator ecclesiae Dei quae est domus Dei vivi, a communione omnium fidelium abscidatur. Decet etiam, ut indignationem domini regis sentiat, cujus benevolentiae contemtor et constitutionis praevaricator existit". См. у *Регинона*, De synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis, Lipsiae, 1840. Lib. II, c. 295 и ср. тамъ же каноны 279—281, извлеченные изъ капитуляровъ.

короли и императоры долгомъ же, въ свою очередь, считали энергически поддерживать церковныя мѣры [34]).

При сравненіи тѣхъ статей закона суднаго, въ которыхъ говорится объ отдачѣ въ постъ, съ одной стороны съ византійскими памятниками, даже съ тѣми, въ которыхъ упоминается совмѣстно о церковной епитиміи и о гражданскомъ законѣ, съ другой—съ памятниками церковнаго права западнаго, не трудно придти къ увѣренности, что составитель закона суднаго различалъ „законъ людской“ отъ „закона Божіяго“, или отъ „закона церковнаго“ [35]), подъ вліяніемъ не восточнаго, а западнаго церковнаго права. Вліяніемъ этого же послѣдняго можетъ быть объясняемо и то, достойное замѣчанія, обстоятельство, что въ числѣ преступленій, подвергающихъ виновнаго, по закону судному, отдачѣ въ постъ (всѣ эти преступленія суть разнаго рода нарушенія цѣломудрія) значится поджогъ, или, другими словами, что, при передѣлкѣ еклоги

---

[34]) Ср. *Суворовъ*, Объемъ дисциплинарнаго суда и проч. стр. 140—142.

[35]) Самое предисловіе къ закону судному, въ которомъ выдвигается на первый планъ „правда Божія“, предпочтительно предъ всякою другою правдою, нужно объяснять не иначе, какъ свойственнымъ міровоззрѣнію редактора различеніемъ двоякаго закона—свѣтскаго и церковнаго: „прежде всякія правды достойно есть о Божіи правдѣ глаголати“, причемъ, вѣроятно, слова: „Божія правда“ означаютъ тоже самое, что „церковный законъ“, упоминаемый въ разныхъ статьяхъ закона суднаго. Восточнымъ каноническимъ сборникамъ епитимійныхъ правилъ, вообще говоря, необычно спеціальное упоминаніе о поджогѣ,—по крайней мѣрѣ номоканонамъ, построеннымъ на канонаріѣ Іоанна Постника. Упоминается пожалуй о поджогѣ въ поученіи, приписываемомъ Іоанну Постнику (λόγος πρὸς τὸν μέλλοντα ἐξαγορεῦσαι τὸν ἑαυτοῦ πνευματικὸν πατέρα). Но, какъ справедливо замѣтилъ Моринъ въ своей adnotatio, предпосланной тексту этого памятника (изданнаго въ приложеніяхъ къ его „Историческому комментарію о совершеніи таинства покаянія“), это была рѣчь, державная съ каѳедры, а не номоканонъ, или канонарій. Тутъ исповѣдующему между прочимъ рекомендуется распрашивать исповѣдующагося о всѣхъ грѣхахъ, въ томъ числѣ и о *поджогѣ*. Напротивъ въ западныхъ пенитенціалахъ, за исключеніемъ древне-британскихъ и ирландскихъ, т. е. въ обширныхъ группахъ пенитенціаловъ франкскихъ и такъ называемыхъ римскихъ (о нихъ будетъ сказано ниже) всегда спеціально оговаривается поджогъ, какъ преступленіе, подлежащее церковному покаянію, помимо его свѣтской, уголовной наказуемости.

въ законъ судный, въ статью еклоги (40-ю) редакторъ счелъ нужнымъ вставить добавленіе о наказаніи поджога по церковному закону [36]).

Мысль о вліяніи на законъ судный западно-католическаго церковнаго права въ разсматриваемомъ пунктѣ, т. е. въ отношеніи къ различенію законовъ Божіяго и людскаго, или церковнаго и свѣтскаго, находитъ себѣ подтвержденіе въ отвѣтахъ папы Николая I болгарамъ, слова котораго должны были имѣть руководственное значеніе для болгаръ. Болгары, какъ несомнѣнно явствуетъ изъ отвѣтовъ папы, потребовали отъ этого послѣдняго какъ сборника правилъ о покаяніи за грѣхи, такъ и сборника свѣтскихъ законовъ, и папа препроводилъ имъ то и другое, рекомендуя притомъ обращаться къ ближайшему руководству отправленныхъ въ Болгарію изъ Рима пословъ. Въ своемъ вступленіи къ отвѣтамъ папа говоритъ, что въ Болгарію посылаются имъ „книги божественнаго закона“, а въ 75-мъ его отвѣтѣ указывается на то, что болгары просили о присылкѣ руководственной книги для покаяннаго суда, и что посылаемые папою въ Болгарію епископы должны принести съ собой все, что требуется для болгаръ [37]). Затѣмъ въ 13 отвѣтѣ говорится слѣдующее: *„вы требуете отъ насъ законовъ свѣтскихъ*, мы и послали бы вамъ необходимые для васъ кодексы, если бы были увѣрены, что у васъ найдется

---

[36]) Въ византійской еклогѣ говорится: „οἱ διά τινας ἔχθρας ἢ ἁρπαγὰς πραγμάτων ἐμπρησμὸν ἐν πόλει ποιοῦντες, πυρὶ παραδιδόσθωσαν. εἰ δὲ ἔξω πόλεως χωρία ἢ ἀγροὺς ἢ οἰκίας ἀγρῶν ἐξεπίτηδες ἐμπρήσωσι, ξίφει τιμωρείσθωσαν“. Въ 16-й главѣ закона суднаго читается: „иже за нѣкія вражды, или грабленія ради имѣнія, огнемъ зажигаетъ храмы, аще во градѣ, огнемъ да сожигаютъ и; аще ли въ веси, или въ селѣ, мечемъ да усѣкаютъ и; *по церковному же закону, въ постъ на дванадесятъ лѣтъ да предастъся, яко вражебникъ есть*“.

[37]) Migne, Patrolog. cursus completus, t. CXIX, ser. lat. „Iudicium poenitentiae, quod postulatis, episcopi nostri quos in patriam vestram misimus, in scriptis secum utique deferent, aut certe episcopus qui in vobis ordinabitur hoc, cum oportuerit, exhibebit; nam saeculares tale quid habere non convenit, nimirum quibus per id quemquam judicandi ministerium nullum tribuitur“.

человѣкъ, который былъ бы въ состояніи истолковать ихъ,— если мы и дали нашимъ уполномоченнымъ законные сборники, то, во всякомъ случаѣ, при возвращеніи уполномоченныхъ обратно въ Римъ, книги не должны быть оставляемы у васъ, для того чтобы онѣ не подверглись у васъ превратному толкованію" [38]).

Съ отвѣтомъ папы Николая I можно сопоставить одно историческое свидѣтельство о папѣ Іоаннѣ VIII. Въ одномъ

---

[38]) „Inter quaestiones vero et consulta leges vos mundanas postulare perhibetis; de qua re nos codices necessarios vobis ad praesens esse considerare potuissemus, libenti mitteremus animo, si quem penes vos esse comperissemus, qui hoc vobis interpretari potuisset; si quos autem de mundana lege libros missis nostris dedimus, cum reversi fuerint, nolumus ibi relinqui, ne forte quislibet eos vobis perverse interpretetur, aut falsitate qualibet violet". Но ниже, въ 37 отвѣтѣ, папа говоритъ: „libros quos vobis ad praesens necessarios esse consideramus, sicut poscitis animo gratanti concedimus et plures Deo largiente praestare desideramus". Не невѣроятно, что свѣтскій кодексъ, препровожденный папой въ Болгарію, былъ еклога. Вопервыхъ трудно допустить, чтобы болгары познакомились съ исаврійскою еклогою путемъ оффиціальной присылки этого кодекса со стороны византійскаго правительства, въ моментъ обращенія болгаръ въ христіанство. Хотя императоръ Василій Македонянинъ не успѣлъ еще въ это время издать свой прохиронъ, и хотя еклога имѣла обширное примѣненіе въ византійской имперіи, но въ оффиціальныхъ сферахъ не могли относиться къ ней настолько одобрительно, чтобы рекомендовать ее, какъ кодексъ дѣйствующаго права, что доказывается всѣмъ направленіемъ и духомъ македонскаго законодательства, которое, реставрируя юстиніаново право, направлялось къ тому, чтобы устранить еклогу и, не смотря даже на нѣкоторыя заимствованія изъ еклоги, принимало видъ, что не желаетъ имѣть съ еклогой ничего общаго (См. предисловіе къ прохирону у *Цахаріе*, Ὁ πρόχειρος νόμος, Heidelbergae, 1837, p. 9—10). Вовторыхъ, если бы еклога была извѣстна уже болгарамъ раньше ихъ обращенія въ христіанство, благодаря тому, что они заняли страну, въ которой дѣйствовало византійское право (ср. *Губе*, назв. соч. стр. 14—15) и что, въ силу этого лишь знакомства, безъ всякой оффиціальной рекомендаціи съ какой либо стороны, смотрѣли на еклогу, какъ на сборникъ дѣйствующихъ законовъ; то трудно было бы объяснить, почему имъ нужно было обращаться въ Римъ къ папѣ Николаю съ просьбою о присылкѣ кодекса свѣтскихъ законовъ. Отвѣтами папы положительно удостовѣряется фактъ отсылки изъ Рима такого кодекса. Принимая же во вниманіе, что юстиніановское законодательство, заключенное въ обширныхъ кодексахъ, трудно было рекомендовать для регулированія порядка жизни варварскаго народа, который нуждался въ краткомъ и болѣе приспособленномъ для него руководствѣ, далѣе, что прохиронъ императора Василія былъ изданъ между 870 и 878 годами (Zachariae, ibid. p. LX) т. е. позднѣе

изъ пражскихъ рукописныхъ каноническихъ сборниковъ [39]), подъ заголовкомъ: „de sacrilegiis“ (§ 241), разсказывается, что къ папѣ Іоанну VIII явился примасъ нарбоннскій, вмѣстѣ съ своими суффраганами, и принесъ книгу готскаго закона (librum goticae legis), вь которой ничего не имѣлось о святотатствѣ (ubi nihil habebatur de sacrilegiis). Папа указалъ примасу на законъ императора Юстиніана, предписавшаго взыскивать съ святотатцевъ пять фунтовъ чистаго золота, и затѣмъ на болѣе снисходительный законъ Карла Великаго, ограничившаго взысканіе 600 солидами или 30 фунтами чистаго серебра. Этого послѣдняго закона папа и рекомендовалъ держаться, обязывая виновныхъ въ святотатствѣ уплачивать закономъ опредѣленное взысканіе, подъ страхомъ отлученія отъ церкви при жизни и лишенія церковнаго погребенія по смерти, а въ заключеніе приказалъ приписать этотъ законъ въ концѣ свѣтскаго кодекса [40]).

Итакъ римскимъ папамъ не менѣе, чѣмъ императорамъ и королямъ западнымъ, было обычно и свойственно различеніе и противоположеніе закона свѣтскаго и закона церковнаго.

корреспонденіи папы Николая съ болгарами, и что, наконецъ, еклога Льва Исаврянина и Константина Копронима пользовалась распространенностію и извѣстностію въ Италіи въ IX-мъ и X-мъ столѣтіяхъ (см. Heimbach, Griechisch-römisches Recht въ выше цитированной Энциклопедіи Эрша и Грубера, стр. 282—283), мы не допустимъ ничего несообразнаго съ обстоятельствами исторіи, если предположимъ, что папа Николай подъ римскими законами, о которыхъ говорится въ его отвѣтахъ, и которые были препровождены имъ къ болгарамъ, могъ разумѣть именно еклогу; въ ней дѣйствительно можно найдти почти всѣ тѣ преступленія, по поводу которыхъ Николай въ своихъ отвѣтахъ (19, 24, 26, 28, 31 и 52) говоритъ болгарамъ, что они должны развернуть кодексъ римскихъ законовъ и по этимъ законамъ поступать.

[39]) См. Ueber drei in Prager Handschriften erhaltene Canonensammlungen, v. Friedrich Schulte. Wien, 1868. S. 194.

[40]) „Et praecipimus, ut in fine codicis legis mundanae scribatur haec lex“. Въ слѣдующемъ (242) §-ѣ, послѣ отвѣта на вопросъ: „какимъ образомъ учинятся святотатство“? говорится, что похищеніе несвященныхъ вещей изъ несвященнаго помѣщенія не можетъ быть разсматриваемо какъ святотатство и должно быть наказываемо „secundum mundanarum legum censuram vel secundum morem patriae“.

Не естественно ли думать, послѣ всего вышесказаннаго, что и проходящее въ славянскомъ законѣ судномъ различеніе и противоположеніе наказанія по людскому, т. е. по свѣтскому, закону и наказанія по Божьему, или по церковному закону, почерпнуто не изъ восточнаго церковнаго права, гдѣ можно было бы, да и то съ большими усиліями, найдти лишь рѣдкіе и слабые намеки на подобное различеніе, а изъ западнаго церковнаго міровоззрѣнія, для котораго оно было обычно?

5. Остановимъ наше вниманіе на постановленіяхъ закона суднаго о наказуемости незаконнаго брака и внѣбрачной плотской связи между лицами, состоящими въ духовномъ родствѣ, т. е. въ томъ отношеніи родственной близости, которое возникаетъ изъ факта крещенія и воспріятія дѣтей отъ купели крещенія. По списку закона суднаго, изданному въ печатной кормчей, читаются слѣдующія двѣ статьи—

7-я: „иже куепетру свою поиметъ себѣ въ жену, по закону людскому носа има обѣма урѣзати и разлучити я, а по церковному закону разлучити я, и въ постъ на пятьнадесять лѣтъ да даетася" и т. д. —

и 8-я: „въ ту же казнь да внидетъ, иже свою дщерь поиметъ отъ святаго крещенія и иже съ мужатою обрѣтается" [41]).

---

[41]) Надобнe замѣтить, что вообще списокъ закона суднаго, изданный въ печатной кормчей, долженъ быть признанъ за наиболѣе близкій къ оригиналу (ср. Hube, Droit romain et gréco-byzantin, 16). Въ частности двѣ приведенныя статьи въ рукописныхъ кормчихъ, въ которыхъ помѣщенъ законъ судный, читаются такъ же, какъ и въ печатной кормчей, въ подтвержденіе чего могу сослаться какъ на древнѣйшія кормчія, именно устюжскую (румянц. № 230) и синодальную № 132, такъ и на менѣе древнія, напр. кормчія Имп. с.-петерб. публ. биб. F. II, №№ 78, 80, 81, 83, 87 иногодинскія №№ 231, 233, 237, рум. №№ 231 и 238 и др. Разночтенія слова: „куепетра" будутъ указаны ниже въ пр. 67 Списки закона суднаго такъ называемой обширной редакціи, изданные въ Софійскомъ Временникѣ, въ VI томѣ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей и во второй части Русскихъ Достопамятностей, имѣютъ не двѣ, а три статьи, такъ какъ статья 8-я печатной кормчей распадается въ названныхъ спискахъ на двѣ статьи—*о дщери*: „иже дщерь свою поиметъ отъ святаго крещенія, въ ту же казнь да внидетъ, а судъ тотъ же по людскому (т. е. закону), яко и кумомъ, яко же

Въ подлинной византійской еклогѣ содержатся также двѣ статьи по данному предмету. Одна изъ нихъ гласитъ:

„вступившій въ мнимый (т. е. незаконный) бракъ съ тою, которая, въ силу святаго и спасительнаго крещенія, стала ему сочадною, или вступившій, безъ брака, въ плотскую связь съ нею, совершивъ таковое преступленіе, послѣ разлученія другъ съ другомъ, долженъ быть подвергнутъ наказанію прелюбодѣевъ, т. е. и онъ и она должны быть наказаны урѣзаніемъ носа“ [42]). Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ еклоги говорится:

„если кто либо окажется учинившимъ что либо таковое съ замужнею сочадною, то и его, и ее, сверхъ урѣзанія носа, должно подвергнуть тяжкому тѣлесному наказанію [43]). Обѣ статьи позднѣе изъ еклоги перешли въ прохиронъ, соединившись здѣсь въ одну статью: „заключившій незаконный бракъ, или вступившій во внѣбрачную половую связь съ своею сочадною, подвергается, вмѣстѣ съ нею, урѣзанію носа, разумѣется послѣ предварительнаго разлученія ихъ другъ съ другомъ; а если кто учинитъ это по отношенію къ сочадной, состоящею въ замужествѣ, то должно имѣть мѣсто то же самое наказаніе, и сверхъ того они должны быть тѣлесно наказаны“ [44]). Итакъ въ еклогѣ и, вслѣдъ за нею, въ прохиронѣ воспре-

---

преже рѣхомъ“, и о *мужатой женѣ*: „иже съ мужатою женою обрѣтается, носы обѣма урѣзати, да битъ будетъ, аще самъ мужъ застанетъ, да убіетъ я обою яко пса у мерзости“.

[42]) Eclog. XVII, 25: „Ὁ πρὸς γάμον τὸ δοκεῖν ἀγόμενος τὴν ἐκ τοῦ ἁγίου καὶ σωτηριώδους βαπτίσματος γενομένην αὐτῷ σύντεκνον, ἢ καὶ σαρκικῶς ταύτῃ ἄνευ γάμου συμπλεκόμενος, ὁ τοῦτο πλημμελῶν μετὰ τὸ ἀποδιωχθῆναι αὐτοὺς ἀπ' ἀλλήλων τῇ τῶν μοιχῶν ποινῇ καθυποβαλλέσθω, ἤγουν καὶ αὐτὸς κἀκείνη ῥινοκοπείσθω“.

[43]) Eclog. XVII, 26: „Εἴ τις εἰς ὕπανδρον σύντεκνον αὐτοῦ τι τοιοῦτον εὑρεθῇ ποιῶν, καὶ αὐτὸν καὶ ταύτην πρὸς τῇ ἐκτομῇ τῆς ῥινὸς καὶ σφοδρῶς τύπτεσθαι“. Изъ сопоставленія этой статьи съ предыдущею видно, что тамъ имѣется въ виду овдовѣвшая сочадная, а здѣсь замужняя,—связь съ послѣднею не должна быть смѣшиваема съ прелюбодѣяніемъ, какъ преступною связію съ замужнею женщиною вообще, такъ какъ о прелюбодѣяніи съ замужнею женщиною вообще трактуетъ слѣдующая 27-я ст. еклоги.

[44]) „Ὁ πρόχειρος νόμος“ ed. Zachariae, XXXIX, 63: „ὁ τῇ ἰδίᾳ συντέκνῳ ἢ ὀνόματι γάμου ἀγαγόμενος ἢ καὶ ἄλλως σαρκικῶς συμπλεκόμενος, ἅμα αὐτῇ ῥινο-

щается бракъ равно какъ внѣбрачная половая связь воспріемниковъ съ матерями воспринятыхъ дѣтей. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, выводить, что въ византійскомъ правѣ духовнымъ родствомъ только и считалось отношеніе между воспріемниками и матерями воспринятыхъ, и чтобы понятіе духовнаго родства не было распространяемо на разныя другія отношенія, въ особенности на отношеніе между воспріемниками и воспринятыми. Это послѣднее отношеніе, раньше другихъ стало разсматриваться какъ отношеніе, аналогическое плотскому родству, не прежде однако, какъ установился общеобязательный церковный обычай крещенія дѣтей. Въ первые четыре столѣтія христіанской эры крестились обыкновенно взрослые люди, и уже по этой одной причинѣ, въ виду того, что крещеніе совершалось черезъ погруженіе,—воспріемниками обыкновенно бывали лица одного пола съ крещаемыми. Безъ сомнѣнія такой порядокъ держался нѣкоторое время и послѣ того, какъ общимъ правиломъ стало крещеніе младенцевъ [45]), но къ VI-му столѣтію онъ, какъ видно, сталъ слабѣть, т. е. въ жизни сдѣлались частыми факты воспріятія младенцевъ воспріемниками другаго пола, вслѣдствіе чего императоромъ Юстиніаномъ былъ изданъ законъ, которымъ воспрещены были браки воспринявшихъ съ воспринятыми [46]). Впрочемъ и тогда, когда, при крещеніи дѣтей, не стало повода устранять отъ воспріемничества лицъ не одного пола съ крещаемыми, обычай и строгій взглядъ на обязанности воспріемниковъ вообще заставляли отдавать предпочтеніе мущинамъ [47]), такъ что мущинамъ обыкновенно приходилось быть воспріемниками и мальчиковъ, и дѣвочекъ.

κοπείσθω. δηλονότι πρότερον ἀπ' ἀλλήλων διϊσταμένων. εἰ μέντοι εἰς ὕπανδρον σύντεκνον τοῦτο διαπράττοι, ἡ μὲν ποινὴ ὡσαύτως προβαινέτω, πρός τούτοις δὲ καὶ τυπτέσθωσαν".

[45]) Schulte, Hahdbuch des kathol. Eherechts, Giessen, 1855, S. 189.

[46]) L. 26 Cod. de nuptiis (V, 4).

[47]) См. примѣчаніе *А. С. Павлова* къ 211 ст. Номоканона при большомъ требникѣ, на стр. 196.

Поэтому и въ постановленіяхъ о духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку, говорилось именно о мущинахъ-воспріемникахъ. Такъ въ вышеприведенномъ законѣ Юстиніана воспрещенъ бракъ воспріемника съ его духовною дочерью. Также точно трулльскій соборъ 692 г., проводя дальше Юстиніана запрещеніе браковъ въ духовномъ родствѣ, постановилъ не допускать браковъ между воспріемниками и вдовствующими матерями воспринятыхъ дѣтей [48]). Это постановленіе получило государственно-уголовную санкцію въ еклогѣ и прохиронѣ [49]), причемъ съ незаконнымъ бракомъ между воспріемниками и матерями воспринятыхъ дѣтей сопоставлена и внѣбрачная половая связь между тѣми и другими. Въ правилѣ трулльскаго собора матери воспринятыхъ дѣтей не имѣютъ особаго техническаго названія: соборъ запрещаетъ брачное сожительство тѣхъ, которые воспринимаютъ дѣтей отъ святаго и спасительнаго крещенія, съ вдовствующими матерями этихъ дѣтей [50]). Въ еклогѣ и прохиронѣ послѣднія называются *σύντεκνοι*, „сочадными" или „содѣтными" по отношенію къ воспріемникамъ,—въ этомъ названіи выразилась та мысль, что и воспріемникъ, и мать воспринятаго младенца—оба суть родители, имѣющіе одно и тоже чадо, ибо одинъ есть родитель этого чада по духу, другая—родительница того же самаго чада по плоти. Этотъ терминъ былъ принятъ и въ церковное употребленіе, какъ это доказывается толкованіями Вальсамона и Зонары, которые прилагаютъ его къ тѣмъ самымъ лицамъ, о которыхъ говорится въ 53 пр. трул. соб. [51]).

---

[48]) Пр. 53 трульск. соб.

[49]) См. вышеприведенныя 25 и 26 ст. XVII титула еклоги и 63-ю ст. XXXIX тит. прохирона.

[50]) „.... ἔγνωμεν δὲ ἔν τισι τόποις τινὰς ἐκ τοῦ ἁγίου καὶ σωτηριώδους βαπτίσματος παῖδας ἀναδεχομένους, καὶ μετὰ τοῦτο ταῖς ἐκείνων μητράσι χηρευούσαις γαμικὸν συναλλάσσοντας συνοικέσιον" κ. τ. λ.

[51]) Вальсамонъ къ 53 трул. говоритъ: „ὁ παρὼν κανὼν ἐπιτιμίοις πορνευόντων ὑποβάλλει τοὺς τὰς συντέκνους αὐτῶν χηρευούσας εἰς γαμου κοινωνίαν λαμβάνοντας". Точно также Зонара: „τοὺς τὰς οἰκείας συντέκνους χηρευούσας εἰς συμβίωσιν γαμικὴν λαμβάνοντας" κ. τ. λ.

Позднѣе впрочемъ, для обозначенія матери воспринятаго ребенка, греки иногда пользовались словомъ: συντέκνισσα [52]). Въ заключеніе этой небольшой исторической экскурсіи, предпринятой съ цѣлью разъясненія постановленій еклоги и прохирона о наказуемости незаконнаго брака и внѣбрачной плотской связи между „сочадными“, обратимъ вниманіе на то, что въ спеціальномъ титулѣ еклоги и прохирона о наказаніяхъ не упоминается о вступленіи въ бракъ отца крестнаго съ крестницей, а содержится лишь воспрещеніе, подъ страхомъ наказанія, брачнаго или внѣбрачнаго половаго сожительства между воспріемниками и матерями воспринятыхъ дѣтей, свободными отъ замужества, т. е. овдовѣвшими, или замужними, и равнымъ образомъ ничего не говорится ни въ еклогѣ, ни въ прохиронѣ, о бракѣ воспріемниковъ разнаго пола между собою. О воспрещеніи брака между воспріемниками и ихъ крестницами говорится правда и въ еклогѣ (II, 2) и въ прохиронѣ (VII, 28), но не съ точки зрѣнія уголовной наказуемости подобнаго брака, причемъ этотъ послѣдній приравнивался бы незаконному плотскому сожитію воспріемника съ крестницей, а съ точки зрѣнія гражданскаго вопроса о недопустимости законнаго супружескаго союза между этими лицами. О бракахъ воспріемниковъ между собою не упомянуто въ еклогѣ и въ прохиронѣ по той причинѣ, что, по обычаю, довольствовались при крещеніи однимъ воспріемникомъ, и предпочтительно мущиной [53]).

На западѣ римскій соборъ при папѣ Григоріѣ II въ 721 году провозгласилъ анаѳему всякому, кто дерзнулъ бы

---

[52]) У *Дюканжа* (Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis), на стр. 1488, приводится слѣдующее мѣсто изъ канонарія Іоанна монаха: „ἔστι δὲ ἡ πνευματικὴ ἡ αἱμομιξία εἰς δύο διῃρημένη, εἰς ἣν τις ἐδέξατο θυγατέρα, καὶ εἰς αὐτὴν ἐκείνην τὴν ἰδίαν συντέκνισσαν“. И изъ другаго канонарія: „ἔπεσες εἰς συντέκνισσαν σου“.

[53]) *А. С. Павлова*, Номоканонъ при большомъ требникѣ, стр. 196.

жениться на своей commater [54]), т. е. на матери воспринятаго имъ ребенка, или на воспріемницѣ его собственнаго ребенка [55]). Гражданскіе законы, дѣйствовавшіе на сѣверѣ Италіи, именно законы лонгобардскаго короля Ліутпранда [56]), распространили гораздо дальше кругъ брачныхъ запрещеній по поводу духовнаго родства, объявивъ недозволенными не только браки съ воспринятыми и съ ихъ матерями, но и браки между воспринятыми и дѣтьми воспріемниковъ. Папа Захарія на римскомъ соборѣ 743 г. повторилъ запрещеніе браковъ между compatres и commatres [57]), а въ 747 г. въ письмѣ къ Пипину объявилъ преступленіемъ и тяжкимъ грѣхомъ противъ Бога и Его ангеловъ вступать въ бракъ съ commater или съ ея дочерью. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ папа Стефанъ II объявилъ въ своемъ отвѣтѣ епископамъ франкскаго государства: „ut nullus habeat commatrem suam spiritualem... quodsi conjuncti fuerint, separentur“, причемъ, какъ замѣчаетъ Шмитцъ, которому принадлежитъ новѣйшее изданіе западныхъ пенитенціаловъ, объявленіе папы было формулировано такимъ образомъ, что подъ понятіе духовнаго родства можно было подводить и отношеніе совоспріемниковъ и совоспріемницъ между собою.

---

[54]) *Дюканжъ* (Glossarium mediae et infimae latinitatis) говоритъ: „Commater mulier dicitur esse ei, cujus filium vel filiam de fonte baptismatis suscepit, vel e contra mulier commater est illius qui filium suum aut filiam suam de fonte baptismatis suscepit“. Въ соотвѣтствіе слову: „commater“, въ латинскомъ языкѣ сдѣлалось употребительнымъ слово: „compater“. У Дюканжа (ibidem) значится: „compater quasi simul ejusdem filii pater, qui filium alicujus baptizat vel christianum facit“.

[55]) Hefele, Conciliengeschichte, B. III, Freiburg, 1877. S. 362.

[56]) Leges Liutprandi 723 an.: „ut nullus praesumat cummatrem suam uxorem ducere, sed nec filiam, quam de sacro fonte levavit; neque filius ejus praesumat filiam illius uxorem ducere, qui eum de fonte suscepit, quia spirituales germani esse noscuntur“ (Pertz, Monumenta Germaniae historica, Legum tom. IV, pag. 124).

[57]) Schulte, Handbuch des katholishen Eherechts, 190. Herm. Ios. Schmitz, Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche. Mainz, 1883. S. 405.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что латинскія слова: „compater" и „commater", которыя должны бы были вполнѣ соотвѣтствовать греческому термину: „σύντεχνοι", на самомъ дѣлѣ получили въ западномъ церковномъ правѣ болѣе обширный смыслъ, благодаря тому важному обстоятельству, что на западѣ именно развился обычай допускать нѣсколько воспріемниковъ при крещеніи одного и того же младенца, и не одинаковаго притомъ пола съ крещаемымъ [58]. Что касается до воспрещенія браковъ между воспріемниками и воспринятыми, то хотя папы не считали, повидимому, необходимымъ оговаривать явственно это воспрещеніе, какъ само собою разумѣющееся, но, какъ указано выше, въ свѣтскихъ лонгобардскихъ законахъ о немъ упомянуто, а равно въ нѣкоторыхъ сборникахъ церковнаго права IX—X столѣтій [59].

На западѣ раньше, чѣмъ на востокѣ, развился обычай допускать нѣсколько воспріемниковъ при крещеніи одного и

---

[58]) См. *Павловъ*, Номокан. при больш. требн. стр. 197. Впрочемъ, что касается распространенія понятій: „compater" и „commater" на отношеніе воспріемниковъ и воспріемницъ между собою, то изъ любопытнаго трактата: „Roberti Flamesburiensis summa de matrimonio et de usuris", изданнаго *Фридр. Шульте*, Gissae, 1868, cap. XII, видно, что распространеніе это не было безусловно общепринятымъ на западѣ. Авторъ трактата, жившій въ концѣ XI и вначалѣ XII в. говоритъ о разныхъ комбинаціяхъ духовнаго родства: „Uxor tua suscepit filium Petri de sacro fonte. Mediante uxore tua factus es compater Petri. Si mortua uxore tua Petrus contrahat cum alia, illius non eris compater, quia compaternitas non transit in tertiam personam, sed mortuo Petro non potes ejus uxorem ducere, quia tua commater est. Aliqui autem dicunt, commatres esse illas, quae filium alicujus simul de sacro fonte suscipiunt, quod non credo, quia unam post aliam ducere aliquis potest".

[59]) Напр. Poenit. Hubertense, c. 51 (Wasserschleben, Die Bussordnungen, стр. 384), а также Poenitentiale Merseburgense, c. 9 (ibid. p. 430). Въ „Reginonis De synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis", c. 229 lib. II, говорится: „si quis cum commatre spirituali fuerit fornicatus, usque ad dignam poenitentiam anathemate percutiatur. Similiter si cum ea, quam de fonte suscepit". А въ кан. 197-мъ той же книги приводится постановленіе собора майнцскаго: „nullus proprium filium aut filiam a fonte baptismatis suscipiat, nec filiolam, nec commatrem ducat uxorem, nec illam, cujus filium ad confirmationem ante episcopum tenuerit; ubi autem factum fuerit, separentur".

того же младенца, а вмѣстѣ съ тѣмъ на западѣ же раньше, чѣмъ на востокѣ (хотя и на западѣ не вдругъ и не повсемѣстно, какъ указано было выше), долженъ былъ установиться принципъ духовнаго родства между воспріемниками и воспріемницами взаимно. Существуютъ именно достаточныя основанія утверждать, что первоначально въ римской церкви, а по ея примѣру и у грековъ, жившихъ въ Италіи и на островахъ средиземнаго моря, вообще въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ итальянцами, вошло въ обычай присутствованіе при крещеніи одного лица нѣсколькихъ воспріемниковъ, хотя восточная церковная іерархія относилась неодобрительно къ этому обычаю и даже вносила въ вѣроисповѣдныя или символическія книги, какъ отличительный пунктъ православія, правило о присутствіи при купели не болѣе какъ одного воспріемника [60]). Въ позднихъ греческихъ номоканонахъ или канонаріяхъ употребляются уже такіе термины для обозначенія лицъ, состоящихъ въ духовномъ родствѣ, которыхъ не замѣчается въ канонаріяхъ, надписанныхъ именемъ Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго, или именемъ Іоанна монаха и діакона, чада послушанія: „κούμπαρα", "κούμπαρος", „κούμπατρος" [61]). Этими терминами стали обозначать не только то понятіе, которое въ еклогѣ и прохиронѣ, а также на языкѣ византійскихъ канонистовъ до XIII в. [62]) обозначалось словомъ: „σύντεκνοι", но и отношеніе совос-

---

[60]) *Павловъ,* Номоканонъ при большомъ требникѣ, стр. 196—197. *Его же,* 50-я глава кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. Москва, 1887. Стр. 169—171.

[61]) *Дюканжъ* (pag. 731) знаетъ только слово: „κουμπάροι", которое онъ встрѣтилъ въ рукописномъ сочиненіи анонима: „о формѣ крещенія". Въ греческомъ подлинникѣ номоканона при большомъ требникѣ, изданномъ А. С. Павловымъ, читаются слова: „κούμπαρα" (прав. 34), „κουμπάροι (пр. 209), „κούμπατρος" (примѣч. къ 210 прав.). Ср. Zachariae von Lingenthal, Handbücher des geistlichen Rechts въ Mémoires de l'Académie des sciences de S. Pétersbourg, tom. XXVIII. s. 36.

[62]) Таковы: Илія Критскій (Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, Ῥάλλη

пріемниковъ и совоспріемницъ между собою. Можно, какъ кажется, не рискуя впасть въ заблужденіе, утверждать, что означенные греческіе термины суть не что иное, какъ огреченныя латинскія слова: „compater“ и „commater“. Къ этому однако должно добавить, что указанныя латинскія слова перешли въ греческую рѣчь не непосредственно, а по всей вѣроятности черезъ посредство славянскаго языка, которымъ говорила большая часть населенія балканскаго полуострова, т. е. что латинскія слова: „compater“ и „commater“ [63]) сначала ославянились, превратившись въ славянскія слова: „куепетра“, „купетра“, „кума“, „кумъ“, а потомъ уже усвоены были греческою рѣчью. Можетъ быть, впрочемъ, греки и прямо заимствовали эти термины изъ латинскаго языка, безъ посредства славянскаго, но во всякомъ случаѣ это заимствованіе должно было совершиться позднѣе, чѣмъ образовались славянскія слова: „куепетра“ и проч. Это доказывается тѣмъ, что огреченные латинскіе термины встрѣчаются въ памятникахъ, древность которыхъ не восходитъ далѣе конца XIV в., или даже XV в. [64]), тогда какъ тѣже термины, воспринятые славянскою рѣчью, наблюдаются въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности [65]). Изъ памятниковъ собствен-

---

καὶ Πότλη, Ἀθήνησιν, 1855, V, 380), Петръ Хартофилаксъ (ibid. 372), Вальсамонъ въ 46 отв. Марку александрійскому (Σύνταγμα, IV, 482).

[63]) Или „cummater“, какъ значится въ законахъ лонгобардскаго короля Ліутпранда.

[64]) *Павловъ*, Номоканонъ при больш. требникѣ, 29. Zachariae, Handbücher, 41.

[65]) Въ спискѣ закона суднаго, находящемся въ румянцев. кормчей № 230 нѣтъ словъ: „кумъ“ и „кума“, но есть, или, правильнѣе сказать, было слово: „куепетру“ или „купетру“. Говоримъ: *было* потому, что въ статьѣ о наказуемости незаконнаго брака съ кумою по означенному списку читается грубая ошибка, сдѣланная писцомъ, но въ тоже время такая ошибка, которая ясно показываетъ, какое слово должно было тутъ стоять въ неиспорченномъ текстѣ: *иже купитъ рабу поиметъ жену себѣ*, по закону людскому носъ има обѣма урѣзаютъ, и разлучити я, а въ постъ 15 лѣтъ да даетася и т. д.,—таковъ текстъ ст. 7 закона суднаго по списку рум. кормч. № 230 Переписчикъ не разобралъ и не понялъ слова: „куепетру“, которое стояло тутъ въ первона-

но русскаго церковнаго права видно, что высшая духовная іерархія стояла на византійской точкѣ зрѣнія, требуя, чтобы при крещеніи младенца былъ одинъ только воспріемникъ, или одна только воспріемница, хотя и не настаивая, чтобы къ воспріемничеству допускаемы были только лица мужескаго пола. Между тѣмъ народный обычай допускалъ присутствіе при крещеніи не только двухъ воспріемниковъ разнаго пола, но и нѣсколькихъ паръ воспріемниковъ и воспріемницъ одного и того же младенца [66]). Этотъ порядокъ, прежде чѣмъ стать народнымъ обычаемъ, могъ перейдти отъ южныхъ славянъ на Русь, вмѣстѣ съ самыми терминами для обозначенія лицъ, состоящихъ между собою въ сородительскомъ, такъ сказать, отношеніи къ крещенному младенцу. Слова: „куепетра", „купетра", "кумъ", „кума", точно также образовались изъ латинскихъ словъ: „compater" и „commater", какъ часто встрѣчающееся въ памятникахъ древней славянской письменности слово „комъканіе" (оно часто встрѣчается между прочимъ въ румянц. кормч. № 230) образовалось изъ латинскаго слова: „communicatio". Слова: „кумъ" и „кума" не находятся въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, спискахъ закона суднаго, каковы кормч. румянц. № 230 и синод.

чальномъ славянскомъ текстѣ, и вмѣсто этого слова написалъ: „купитъ рабу", вслѣдствіе чего произошло не только искаженіе, но и отсутствіе всякаго смысла въ ст. 7. Извѣстно, до какой виртуозности доходили переписчики въ искаженіи переписываемыхъ словъ: въ одномъ изъ списковъ закона суднаго это же самое слово превратилось въ „куму петру" (см. Русск. Достопамятности, ч. II, стр. 150). Не трудно однако догадаться, что въ румянц. № 230 эта статья должна была читаться такъ же, какъ въ синодальной № 132, въ которой стоитъ: „коупетру" и какъ въ печатной кормчей, въ которой стоитъ: „куепетру". Въ другихъ, просмотрѣнныхъ мною, рукописныхъ кормчихъ это слово читается или: „коупетру" (с.-петербург. публ. библ. F. II №№ 78, 80, 83, а также погодинск. №№ 233 и 237), или куепетру (погодинск. № 231) или читаются оба слова: „купетра" и „кума" (напр. въ рукописн. кормч F. II, № 87 с.-петербургской публичн. библ.): „коупетру поиметъ куму себѣ жену", а въ кормчей F. II, № 81 по написанному первоначально: „купетру" поправлено: „куму".

[66]) *Павловъ*, 50-я глава Кормчей книги, стр. 172.

№ 132, и читаются въ спискахъ сравнительно позднѣйшихъ [67]). Но что и они носятъ на себѣ печать глубокой древности, доказывается употребленіемъ ихъ, какъ хорошо извѣстныхъ всякому, терминовъ, при переводѣ греческихъ памятниковъ на славянскій языкъ. Слову „σύντεκνος" въ славянскомъ переводѣ еклоги и прохирома соотвѣтствуютъ слова: „кумъ" и „кума" [68]), а въ переводѣ нѣкоторыхъ другихъ греческихъ памятниковъ встрѣчается даже весьма оригинальное слово: „кмоторъ", которое едва ли можно объяснять иначе, какъ изуродованіемъ латинскаго слова „compater" [69]).

Припоминая и резюмируя все вышесказанное, прихо-

---

[67]) Въ спискѣ закона суднаго, напечатанномъ во II части „Русскихъ Достопамятностей", издан. москов. общ. истор. и древн. росс., нѣтъ слова: „куепетра" или „купетра". Статьи о незаконномъ вступленіи въ бракъ лицъ, состоящихъ въ духовномъ родствѣ между собою, читаются здѣсь такъ: „О кумѣ. Иже поимешн куму свою женѣ, по закону людскому носа обѣима урѣзати и разлучити я". „О дцери. Иже дцерь свою поиметъ отъ святого крещенія, судъ тотъ же по людьскому закону, якоже и кумомъ, якоже преже рѣхомъ, такоже и казнь". Постановленіе же греческой еклоги, о незаконной связи съ замужнею сочадною (ὕπανδρος σύντεκνος) выдѣляется въ этомъ спискѣ въ особую статью и притомъ редактировано такъ, какъ будто здѣсь рѣчь идетъ о незаконной связи съ замужнею женщиной вообще, т. е. о прелюбодѣяніи, а не о преступной связи съ замужнею кумою. Въ византійской еклогѣ о прелюбодѣяніи есть спеціальная статья (27-я), непосредственно слѣдующая за статьей, въ которой опредѣляется наказаніе за связь съ ὕπανδρος σύντεκνος.—Списокъ закона суднаго, напечатанный въ Русск. Достопамятн. служитъ представителемъ такъ называемой обширной редакціи, о которой подробнѣе будетъ сказано ниже. Списокъ этотъ, по мнѣнію проф. Павлова (Первоначальный Номоканонъ, 95), принадлежитъ XIV-му вѣку. Списокъ же, изданный Строевымъ въ Софійскомъ Временникѣ (и позднѣе напечатанный въ VI томѣ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.), вообще отличающійся, какъ объяснено будетъ ниже, тенденціей согласовать двѣ разныя редакціи, содержитъ въ себѣ слѣдующія слова: „иже поиметъ куепетру, рекше куму свою, женѣ себѣ". Строевскій списокъ принадлежитъ XVI вѣку.

[68]) См. печатн. кормч. гл. 48, гр. 39, ст. 63 и гл. 49, зач. 16, ст. 38, а также ст. 48 „закона о казнѣхъ" въ „Книгахъ законныхъ", изданныхъ *А. С. Павловымъ*, Спб. 1885.

[69]) Такъ напр. въ трактатѣ „о сродствахъ въ тайнѣ супружества", вошедшемъ въ 50-ю главу кормчей книги, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ „о сродствѣ еже отъ святого крещенія", вопросъ патріарха Марка александрійскаго Вальсамону: „ἡ

димъ къ тому заключенію, что 25-я и 26-я статьи византійской еклоги, говорящія о наказуемости незаконнато брака и внѣбрачной половой связи между σύντεκνοι, передѣланы редакторомъ закона суднаго такъ, что наказуемость внѣбрачной связи отпадаетъ, а что касается незаконнаго брака въ духовномъ родствѣ, то вопервыхъ прибавлено о женитьбѣ крестнаго отца на крестной дочери, и вовторыхъ сородительское отношеніе расширилось, соотвѣтственно латинскимъ терминамъ: „compater“ и „commater“, причемъ самые эти термины славянизировались, или ославянились Въ томъ и другомъ пунктѣ, въ послѣднемъ навѣрное, выразилось вліяніе на законъ судный западно-католическаго церковнаго права.

6. Поставивъ себѣ задачею прослѣдить вліяніе западно-католическаго церковнаго права на законъ судный, мы не можемъ не остановиться наконецъ на постановленіяхъ этого послѣдняго о свидѣтеляхъ. Въ ряду передѣлокъ, которымъ подверглась исаврійская еклога подъ рукой неизвѣстнаго составителя закона суднаго, статьи его о послухахъ занимаютъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, такъ что разъясненіе ихъ должно имѣть интересъ для всякаго изслѣдователя закона суднаго. Въ византійскихъ законныхъ сборникахъ не только аутентическихъ, но и частныхъ, на которыхъ съ большею силою могли отражаться воззрѣнія и учрежденія варварскихъ народовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ византійскою имперіей, или жившихъ на ея территоріи, чѣмъ на оффиціальныхъ ко-

---

συμπενθερία τῶν συντέκνων μεχρὶ πόσου βαθμοῦ κωλύεται“; переводится: „сродство *кмотровъ* даже до какого степене препинаются“? И далѣе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ встрѣчаются слова: „кмотры“, (съ поясненіемъ на полѣ печатной кормчей: „воспріемники“. „кумовья“) и „кмотрство“ (съ поясненіемъ на полѣ: „кумовство“) Тѣ же самыя слова читаются въ слѣдующей за отвѣтомъ Вальсамона выдержкѣ изъ алфавитной синтагмы Матвѣя Властаря. См. въ печатной кормчей 50-ю главу, а греческій текстъ, вмѣстѣ и съ славянскимъ переводомъ, въ выше поцитованномъ изслѣдованіи проф. Павлова объ этой главѣ, стран. 303—306.

дексахъ, издававшихся государственною властію для всего населенія имперіи, не замѣчается слѣдовъ института свидѣтелей въ варварскомъ смыслѣ, хотя, быть можетъ, та тщательность и подробность, съ которыми этотъ предметъ трактовался въ византійскихъ сборникахъ, объясняется въ нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, степени громаднымъ значеніемъ свидѣтелей въ варварскомъ юридическомъ быту. Въ нѣкоторыхъ частныхъ сборникахъ титулъ: „περὶ μαρτύρων" принималъ чрезвычайно обширные размѣры цѣлаго систематическаго устава [70]). Но въ этомъ обширномъ уставѣ ничего не говорится о какихъ либо другихъ свидѣтеляхъ, кромѣ тѣхъ, которые извѣстны римскому праву, подъ названіемъ: testes, и византійскому, подъ названіемъ μάρτυρες. Римско-византійскіе свидѣтели были не болѣе и не менѣе, какъ свидѣтелями—въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ—факта, подлежащаго судебному разбирательству, а также факта заключенія той или другой юридической сдѣлки, совершенія того или другаго юридическаго акта, напримѣръ завѣщаній, причемъ *семь* было максимальнымъ числомъ свидѣтелей, требовавшихся византійскимъ правомъ.

Чтобы выяснить себѣ понятіе германскаго свидѣтеля, нужно различать шеффеновъ (scabini), свидѣтелей въ собственномъ смыслѣ (testes) и соприсяжниковъ (conjuratores, consacramentales, Eideshelfer). Въ общественномъ быту варварскихъ племенъ, говоритъ Гриммъ [71]), дѣла публичнаго характера привлекали всю общину, такъ что въ такихъ случаяхъ суды не страдали недостаткомъ въ людяхъ. Но простыя частныя дѣла могли такъ мало интересовать общину, что необходимаго

---

[70]) Напр. въ Prochiron auctum (Zachariae von Lingenthal, Ius graecoromanum, P. VI) титулъ: „περὶ μαρτύρων" имѣетъ около 300 статей, да и вообще въ частныхъ византійскихъ сборникахъ этотъ титулъ очень обширенъ.

[71]) Iac. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, Göttingen, 1854, S. 773 и 782.

числа судей могло не оказаться, вслѣдствіе чего оказывалось цѣлесообразнымъ избраніе и назначеніе извѣстнаго числа членовъ общины для постановленія приговоровъ; у франковъ такіе выборные рѣшители судныхъ дѣлъ назывались rachinburgii или rachinburgi, boni homines. Они избирались или назначались для опредѣленнаго какого нибудь дѣла, а не навсегда. Въ случаѣ если бы почувствовалась надобность прибѣгнуть къ юристу-технику того времени, къ знатоку законовъ, въ особо затруднительныхъ случаяхъ, не осиливаемыхъ обыкновенными рахинбургами, обращались къ такъ называемымъ Sachibaronen. Карлъ Великій вмѣсто смѣняющихся рахинбурговъ предписалъ избирать постоянныхъ scabini, шеффеновъ, и такъ какъ притомъ шеффенамъ было вмѣнено въ обязанность изученіе законовъ, то перестали быть необходимыми и особые Sachibaronen, какъ спеціалисты—законники. Шеффеновъ выбиралъ графъ (comes) или посолъ императорскій (missus) съ участіемъ народа, и по избраніи они должны были присягнуть, ut scienter injuste judicare non debeant. Шеффеновъ, какъ раньше рахинбурговъ, семеро, но на полное, торжественное собраніе (placitum) должны были являться 12 шеффеновъ, причемъ государственный или коронный судья (comes или centenarius) не участвовалъ въ составленіи приговора: его дѣло было лишь смотрѣть, чтобы споръ рѣшаемъ былъ въ правильныхъ формахъ судопроизводства, выслушивать рѣшеніе и приводить это послѣднее въ исполненіе [72]). Но эти судьи должны были судить на основаніи какихъ либо данныхъ. Первоначально, какъ говоритъ Гриммъ [73]), сила рѣшенія находилась въ рукахъ товарищей и сосѣдей. Такъ какъ товарищи и сосѣди могли въ одно и тоже время и знать исти-

---

[72]) Grimm, 775—777. Rogge, Ueber das Gerichtswesen der Germanen, Halle, 1820, 66—67.

[73]) Grimm, S. 785.

ну фактовъ, и засвидѣтельствовать ее, и присягнуть относительно ея, то по этому уже самому во многихъ случаяхъ свидѣтели были судьями. Свидѣтель, какъ veridicus, произносилъ истину и eo ipso произносилъ приговоръ особенно въ то время, когда еще не было постоянныхъ шеффеновъ. Такимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ, фактическою истиною, установленіемъ факта, приговоромъ о наличности и качествѣ факта, подлежащаго судебному разсмотрѣнію, опредѣлялась юридическая истина, установленіе права, которое должно быть примѣнено къ факту. Фактическая истина и юридическая истина въ такихъ случаяхъ совпадали: вотъ почему число *семь* господствуетъ по германскому праву какъ относительно шеффеновъ—рѣшителей (Urtheilfinder), такъ и относительно свидѣтелей, и вотъ почему становится понятнымъ такое напримѣръ выраженіе: „testes qui praesentes fuerunt et hanc causam dijudicaverunt“. Обѣ функціи, говоритъ Рогге, въ которыхъ фигурировали свободные члены общинъ, функція шеффеновъ и функція свидѣтелей, имѣютъ между собою то общее, что состоятъ въ высказаніи знанія. Но знаніе тѣхъ и другихъ не одинаковое: шеффенъ изрекалъ общее унаслѣдованное знаніе цѣлаго народа,—вотъ почему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ каждый свободный человѣкъ былъ способенъ найдти приговоръ (Urtheil finden). Напротивъ фактическая сторона не въ каждомъ юридическомъ спорѣ, не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могла быть извѣстна всѣмъ и каждому. Нѣкоторые факты могли быть извѣстны только тѣмъ, въ присутствіи которыхъ они случились,—это матеріальное различіе и составляло основу для различнаго рода свидѣтелей въ древне-германскомъ правѣ [74]). Къ шеффенамъ и свидѣтелямъ примыкаютъ и нерѣдко переплетаются и сливаются

---

[74]) Rogge, 96—98. Ср. о томъ же Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, Kiel, 1861, B. IV, S. 330 sqq. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ древнегер-

съ ними соприсяжники, помощники по принесенію присяги (conjuratores, consacramentales, Eideshelfer). Тотъ, кому нужно было очистить себя отъ возводимаго на него и отрицаемаго имъ обвиненія, т. е. кто не могъ быть съ достовѣрностію уличенъ или оправданъ свидѣтелями-очевидцами, являлся на судъ съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ и знакомыхъ, которые могли ничего не знать о дѣлѣ, составляющемъ предметъ судебнаго разбирательства, но которые, будучи пріятелями, сторонниками, сосѣдями обвиняемаго или отвѣтчика, свидѣтельствовали не о томъ, совершился или нѣтъ извѣстный фактъ, а о томъ, что, признавая отвѣтчика или подсудимаго человѣкомъ хорошимъ, они вѣрятъ его присяжному показанію и къ его присягѣ присоединяютъ свою собственную. Со-

---

манскомъ правѣ судебное доказательство посредствомъ свидѣтелей-очевидцевъ не могло имѣть такого обширнаго примѣненія, какъ въ современномъ процессѣ; доказываютъ даже, что рѣшеніе на основаніи удостовѣренія свидѣтелей-очевидцевъ факта, по общему правилу, не допускалось. Дѣло въ томъ, что свидѣтелемъ должно было выступать лицо, одноправное и односословное съ тѣмъ, противъ кого давалось свидѣтельство, что̀ въ дѣйствительности могло равняться недопущенію свидѣтелей-очевидцевъ. Такъ если бургундецъ совершилъ преступленіе среди бѣлаго дня на ярмаркѣ во франкскомъ городѣ, то онъ могъ быть уличенъ въ преступленіи не очевидцами факта—франками, а другими способами, напр. поединкомъ (Rogge, 96). Это не мѣшало однако существованію въ leges barbarorum требованія, чтобы къ совершенію сдѣлокъ привлекаемы были свидѣтели. Напр. кто покупалъ лошадь на рынкѣ, не долженъ былъ дѣлать это тайно, но при наличности трехъ или четырехъ свидѣтелей, такъ чтобы потомъ въ будущемъ была полная возможность показаніемъ свидѣтелей подтвердить свое право собственности и отклонить всякій искъ или обвиненіе въ кражѣ съ чьей бы то ни было стороны. Непривлеченіе свидѣтелей въ подобномъ случаѣ должно было имѣть то послѣдствіе, что, въ случаѣ обвиненія въ кражѣ, ему не приносило никакой пользы заявленіе о куплѣ лошади у такого-то лица,—онъ долженъ былъ выдать истцу спорную вещь и уплатить пеню за кражу. Сказанное, впрочемъ, относится къ лонгобардскому праву, опредѣленія котораго относительно необходимости привлеченія свидѣтелей при составленіи завѣщаній и разныхъ документовъ, а также при заключеніи важнѣйшихъ юридическихъ сдѣлокъ обыденной жизни, могли имѣть своимъ источникомъ римское право, т. е. явились благодаря вліянію послѣдняго на юридическій бытъ осѣвшихся въ Италіи лонгобардовъ. Z o r n, Das Beweisverfahren nach langobard. Rechte, München, 1872, S. 47.

присяжники подкрѣпляли своей присягой присягу того, при комъ, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія, они стали бы въ качествѣ защитниковъ, или кому помогали бы въ уплатѣ виры въ случаѣ надобности [75]). Соприсяжники не отвѣчали за лжеприсягу, если они утверждали невинность человѣка, виновность котораго удостовѣрена потомъ на судѣ очевидцами, тогда какъ свидѣтели-очевидцы всегда наказывались за клятвопреступленіе въ случаѣ невѣрнаго присяжнаго показанія. Не смотря однако на немаловажное различіе между свидѣтелями очевидцами и между соприсяжниками иногда только по связи рѣчи можно догадаться, что подъ testes въ древнихъ памятникахъ разумѣются именно conjuratores [76]). Полное число соприсяжниковъ, какъ и шеффеновъ, должно быть двѣнадцать. Вообще у германцевъ это число было числомъ знаменательнымъ и имѣло особое значеніе въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Оно прежде всего господствовало въ мірѣ боговъ: боги, а также валькиріи, препровождавшія героевъ въ валгалу, являются въ количествѣ двѣнадцати. Прославляемые герои имѣли 12 сыновей, или 12 спутниковъ. Человѣкъ, совершившій великій подвигъ, сравнивался по силѣ съ 12-ю другими людьми. Затѣмъ въ древнихъ уже сагахъ упоминаются 12 судей. Двѣнадцать мудрыхъ людей представляется возлѣ короля Олава святаго. Двѣнадцать членовъ сидѣло на королевскомъ судѣ въ Бергенѣ. По датскому и норвежскому правамъ, какъ судей, такъ и соприсяжниковъ было

---

[57]) *Rogge* (стр. 161) изъ таблицы числа соприсяжниковъ выводитъ, что они разсматривались, какъ совершенный эквивалентъ виры, что ясно выражалось и въ самомъ законодательствѣ: „mit vier Mannen kann der freie Friese a b b e z a h l e n (вмѣсто sich reinigen) alle Anklagen ausser Todtschläge und offenbare Verwundungen“. Соприсяжничество, какъ и вира, есть законный суррогатъ неосуществленной мести (стр. 142).

[76]) Такъ въ lex Frisionum подъ заголовкомъ: „de testibus“ говорится исключительно о conjuratores. R o g g e, 103.

12, а если не 12, то ½ 12-ти, или 2×12, 3×12 и т. д., такъ что вообще въ основѣ всѣхъ системъ сoприсяжничества у германскихъ народовъ лежитъ число 12-ть. У англосаксовъ видимъ 12 шеффеновъ и 12 соприсяжниковъ; 12 соприсяжниковъ у франковъ; 12 свидѣтелей требуется по Lex Salica [77]). У лонгобардовъ, по закону короля Ротаря, повторенному Ліутпрандомъ и другими [78]), въ спорныхъ дѣлахъ на сумму до 20 солидовъ, отвѣтчикъ долженъ принести очистительную присягу самъ двѣнадцатый, т. е. съ 11-ю соприсяжниками, передъ Евангеліемъ; въ дѣлахъ на сумму до 12 солидовъ достаточно, чтобы отвѣтчикъ принесъ присягу самъ шестъ, и наконецъ въ самыхъ незначительныхъ дѣлахъ самъ третей [79]).

Взглянемъ теперь на постановленія закона суднаго о свидѣтеляхъ. Одни изъ нихъ, почти буквально взятыя изъ византійской еклоги, трактуютъ о свидѣтеляхъ въ византійскомъ смыслѣ. Другія разсуждаютъ о свидѣтеляхъ не византійскаго, а варварскаго типа. Къ первымъ должны быть отнесены: гл. 19-я по списку, изданному въ печатной Кормчей, соотвѣтствующая 2-й и 3-й гл. XIV титула еклоги, и гл. 21-я, соотвѣтствующая 9-й главѣ того-же XIV титула еклоги. Первая гласитъ:

---

[77]) См. W a i t z, Deutsche Verfassungsgeschichte, Kiel, 1865. I, 474.

[78]) P e r t z, Monumenta Germaniae historica, Legum tom. IV, Hannoverae 1868, pag. 82; cf. 278. 385: „si qualiscunque causa inter homines liberos evenerit, et sacramentum dandum fuerit, si usque ad viginti solidos fuerit causa ipsa aut amplius ad evangelia sancta juret cum XII aidis suis, id est sacramentalibus, ita ut sex illi nominentur ab illo qui pulsat et septimus sit ille qui pulsatur, et quinque quales voluerit liberos, ut sint XII. Quod si minor fuerit causa de viginti solidis usque ad XII, sibi sextus juret ad arma sacrata, tres ei nominet qui pulsat et duos liberos sibi eligat qui pulsatur, quales voluerit, et sextus sit ipse. Et si minor fuerit causa de XII solidis sibi tertius juret ad arma: unum ei nominet qui pulsat, et alium ipse sibi quaeret, et tertius sit ipse".

[79]) Объ этомъ P h i l. Z o r n, Das Beweisverfahren nach langobardischem Rechte, 30—31.

„Родители и дѣти аще на ся глаголютъ, да не имутъ имъ вѣры, ни рабъ на господа; но токмо свободникъ послухъ да бываетъ“.

Вторая читается такъ:

„Свидѣтели отъ слуха да не свидѣтельствуютъ, глаголюще, яко слышахомъ отъ кого сего дѣлника (читай: должника), или ино что свидѣтельствующе отъ слышанія, аще и князи суть иже свидѣтельствуютъ“.

Въ первой статьѣ воспрещается родителямъ и дѣтямъ взаимно быть свидѣтелями другъ противъ друга, а также рабамъ выступать свидѣтелями противъ господъ. Вторая, говорящая о недостаточности голословнаго утвержденія, что такое-то лицо есть должникъ, въ греческомъ подлинникѣ имѣетъ такую редакцію: „οἱ μάρτυρες ἀκοῇ μὴ προσμαρτυρείτωσαν λέγοντες ὡς ἠκούσαμεν ἔκ τινος τόνδε χρεωστεῖν ἢ τόνδε καταβαλέσθαι, κἂν ταβουλλάριοι ὦσιν οἱ ταῦτα μαρτυροῦντες“, т. е. свидѣтели не должны свидѣтельствовать на основаніи слуха, говоря, что они слышали отъ кого нибудь, что такой-то долженъ, или такой-то уплатилъ долгъ, хотя бы съ такими свидѣтельствами выступали и табуларіи. Итакъ греческое слово: „ταβουλλάριοι“ (латинск. tabullarii) въ печатной Кормчей переведено словомъ: князи. Но въ древнѣйшихъ, сохранившихся спискахъ закона суднаго, т. е. румянц. кормч. № 230 и синод. № 132, равно въ другихъ просмотрѣнныхъ мною рукописныхъ кормчихъ Императорской спбургской публичной библ., каковы F. II, №№ 78, 80, 81, 83, 87, и погодинскія кормчія №№ 231, 233, 235, 237 и др., въ разсматриваемомъ мѣстѣ стоитъ слово: „жоупани“ или „жюпани“. Въ Софійскомъ Временникѣ, въ силу основной его тенденціи согласованія разныхъ редакцій, стоятъ оба слова, какъ поясняющія одно другое: „аще и жупаны суть, рекше и князи“. Замѣчательно, что въ славянскомъ переводѣ самой еклоги, т. е. въ 49 главѣ печатной кормчей, слово: „ταβουλλά-

ριος“ осталось непереведеннымъ: „аще и тавуларіи будутъ послушествующе, послушанія ради да не вѣруютъ и тавуларіямъ“. Изъ разныхъ смысловъ, въ которыхъ употреблялось слово „tabullarius“, „ταβουλλάριος“ въ римско-византійской юридической жизни (см. у Дюканжа въ Glossarium'ѣ) на языкѣ исаврійской еклоги ταβουλλάριος упомянутъ въ смыслѣ нотаріуса, или соотвѣтствующаго должностнаго лица, составителя и хранителя дѣловыхъ документовъ (λογογράφος)[80]). По Дюканжу, „tabularium—locus, ubi sedet notarius et acta ab eo scripta servantur“. Смыслъ статьи слѣдовательно тотъ, что для судебнаго признанія кого-либо должникомъ, или напротивъ уплатившимъ свой долгъ (послѣднее впрочемъ въ законѣ судномъ отпало) недостаточно свидѣтельства по наслышкѣ, хотя-бы свидѣтельствовалъ человѣкъ, профессіонально занимающійся составленіемъ и храненіемъ документовъ[81]). Во всякомъ случаѣ передача слова „ταβουλλάριος“ на славянскомъ языкѣ словомъ: „князь“ и т. п. есть характерный примѣръ недомыслія при переводѣ съ греческаго языка на слявянскій. Переводчики, очевидно, не понимали значенія этого слова и переводили его на угадъ, смутно чувствуя, что въ подлинникѣ рѣчь идетъ о какой-то важной персонѣ, или даже совсѣмъ не переводили его, перенося „тавуларія“ цѣликомъ въ славянскую рѣчь[82]).

---

80) Ср. новел. имп. Ирины XXVII въ Coll. I c. 1 и 2 у Zachariae въ Ius graeco-romanum. P. III.

81) Въ соотвѣтствующемъ титулѣ; „περὶ μαρτύρων“ частныхъ византійскихъ законныхъ сборниковъ, какъ ecloga privata aucta, §§ 16 и 17, Ecloga ad prochiron mutata, 16, Prochiron auctum, 173, постановленіе о непринятіи голословнаго показанія со стороны тавуларія разъясняется и расширяется различеніемъ грамотныхъ и неграмотныхъ лицъ, относительно которыхъ можетъ быть дано подобное свидѣтельство. Такъ въ Proch. auctum говорится, что заявленіе тавуларія принимается, если оно подкрѣпляется показаніемъ трехъ свидѣтелей относительно лицъ безграмотныхъ, т. е. такихъ, которые не въ состояніи сами написать и подписать долговой документъ, и показаніемъ пяти свидѣтелей относительно грамотныхъ.

82) Совершенно оригиналенъ переводъ въ „Главахъ о послусѣхъ“ (см. Кни-

Къ двумъ разсмотрѣннымъ статьямъ закона суднаго о свидѣтеляхъ примыкаетъ статья 20-я, стоящая въ серединѣ между обѣими и уже по этой одной причинѣ требующая поставленія ея въ связь съ тою и другой.

Въ печатной кормчей она читается такъ: „иже отъ странныхъ купитъ плѣнника и весь строй его аще имать цѣну юже даде на немъ, давъ на себѣ, да идетъ свободъ; аще ли не имать, да имать искупъ его мездника, донделе изработается, юже совѣща цѣну, нарицающуся мздѣ ему на всяко лѣто по три стлязя предъ послухи, и тако, скончавшу ему, отпущается свободь". Приведенная статья взята изъ VIII титула § 6 византійской еклоги, въ которой читается слѣдующее:
„ὁ ἐκ τῶν ἐχθρῶν ἐλεύθερον ἀγοράζων αἰχμάλωτον καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ οἴκῳ ἀποκαθιστῶν αὐτὸν, εἰ μὲν εὐπορεῖ τὰς συμφωνηθείσας μεταξὺ αὐτῶν πληρώσας τιμὰς, ἀπολυέσθω ἐλεύθερος. εἰ δε ἀπορεῖ, ἐχέτω αὐτὸν ὁ ἀγοράσας μίσθιον μέχρις ἂν πληρωθῇ, ἅπερ ἐστίχησεν, ὁριζομένου δηλονότι ὑπὸ ἀκροατῶν τοῦ ὀφείλοντος ἑκάστῳ ἔτει ὑπὲρ μισθῶν τῷ ἀγορασθέντι λογίζεσθαι".

Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: когда кто-либо выкупаетъ у непріятелей плѣнника, свободнаго человѣка, возвращая его въ собственный домъ, то, если (выкупленный) состоятеленъ, уплативъ условленную между ними цѣну, долженъ быть отпущенъ на свободу; а если несостоятеленъ, то выкупившій пусть имѣетъ его наемникомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено условленное, причемъ само собою разумѣется, что слушающими судное дѣло опредѣляется, сколько именно каждогодно должно зачитываться выкупленному въ уплату.

ги законныя, изд. проф. Павловымъ, стр. 86, § 6). Греческому выраженію: „κἂν ταβουλλάριοι ὦσιν οἱ ταῦτα μαρτυροῦντες" соотвѣтствуетъ здѣсь: „аще и зѣло истиньнѣ боудоуть послоушьствующеи сія", такъ что смыслъ получается слѣдующій: свидѣтели на основаніи слуховъ не заслуживаютъ вѣры, хотя бы показаніе ихъ было самое вѣрное.

При сравненіи славянскаго перевода съ греческимъ подлинникомъ, оказывается, что кромѣ точнаго опредѣленія засчитываемой каждогодно въ уплату цѣны въ три солида (стлязя)[83]) греческое слово: „ἀκροαταί“ переведено словомъ: „послухи“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, правильно-ли въ данномъ случаѣ сдѣланъ славянскій переводъ слова “ἀκροαταί“ [84]), не можемъ имѣть никакихъ сомнѣній относительно того, что самъ составитель закона суднаго смотрѣлъ на эту статью, какъ на трактующую о послухахъ или свидѣтеляхъ, почему и помѣстилъ ее въ серединѣ между двумя вышеприведенными статьями, трактующими о послухахъ. Чтобы

---

[83]) Въ главѣ 9 закона суднаго (ср. также гл. 5-ю) назначается денежная пеня обольстителю дѣвицы въ одну литру золота, „еже есть семьдесятъ два стлязя“. Въ спискѣ Русск. Достоп. II, 154, говорится только о 72 златицахъ, о литрѣ же ни слова, тогда какъ въ подлинной византійской еклогѣ (XVII, 29) говорится только о литрѣ золота, безъ всякаго поясненія. Очевидно составитель закона суднаго переводилъ византійскій фунтъ золота на понятную ему монету, и таковою, понятною для него, монетою были, какъ видно, solidi—названіе *западное*, а не восточное.

[84]) Ѳ. И. Успенскій въ рецензіи „Книгъ законныхъ“, изданныхъ проф. Павловымъ (Юридич. Вѣстникъ, 1886, апрѣль), по поводу 7 статьи земледѣльч. уст.: „ἐὰν δύο χωρία μάχωνται περὶ ὅρου ἢ ἀγροῦ, τηρείτωσαν οἱ ἀκροαταί“, и по поводу славянскаго перевода: „аще двѣ селѣ сварятся о межи, да сьмотрятъ *соудіи*“, замѣчаетъ, что славянская и греческая редакціи указываютъ на различную систему организаціи судебной. Если бы, говоритъ почтенный ученый, славянская редакція была буквальнымъ переводомъ съ греческой, то нужно бы было ожидать слова: „послухи“, а не „судіи“. Значитъ, славянскій текстъ указываетъ на такую систему организаціи, которая отличается отъ той, что была въ эпоху происхожденія земледѣльческихъ законовъ. Но если бы это было такъ, то выходило бы, что у грековъ судъ организованъ былъ съ участіемъ послуховъ въ варварскомъ смыслѣ, а у славянъ нѣтъ, такъ какъ славянскій переводъ говоритъ о судьяхъ, а греческій о слушающихъ, о тѣхъ кто слушаетъ (ἀκροαταί). Для установленія смысла этого выраженія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что не только въ земледѣльческомъ уставѣ, но и въ еклогѣ, какъ указано выше въ текстѣ, слово „ἀκροαταί“ употреблено въ смыслѣ судей, это подтверждается и XIV, 10 еклоги: „ἐπὶ τῶν ἐγκλημάτων πάντως παρὰ τῷ ἀκροωμένῳ τῆς ὑποθέσεως δικαστῇ παραγενέσθωσαν οἱ μάρτυρες“, т. е. слѣдовательно *слушаетъ дѣло судья*, а къ нему, судьѣ, являются свидѣтели. Къ тому же извѣстно, что славянскій терминъ „послухъ“ былъ переводомъ не греческаго „ἀκροατής“, а греческаго

подъ послухами въ данномъ случаѣ онъ понималъ нѣчто большее свидѣтелей въ византійскомъ смыслѣ,—этого ни откуда не видно.

Обратимся теперь къ тѣмъ постановленіямъ закона суднаго, въ которыхъ говорится о свидѣтеляхъ не византійскаго типа, которыя не могутъ быть поставлены въ связь ни съ еклогой, ни съ византійскимъ законодательствомъ вообще. Сюда относится вторая глава по списку закона суднаго, изданнаго въ печатной кормчей книгѣ. Здѣсь она читается такъ: „во всяку прю и клевету и шепты достоитъ князю и судіи не послушати безъ свидѣтель многъ, но глаголати къ суперникомъ, клеветникомъ и шепотникомъ, аще не поставите послуховъ, якоже законъ Божій велитъ, пріяти туже казнь чайте, юже и на друга глаголете: Божій законъ тако велитъ, да иже сего не хранитъ, да будетъ проклятъ“.

Затѣмъ, въ видѣ приложенія къ второй главѣ, подъ особымъ однако, заголовкомъ: „о послусѣхъ“, читается слѣдующее:

„Надъ всѣми же сими достоитъ на всякой при князю и судіи со всяцѣмъ испытаніемъ и терпѣніемъ испытаніе творити и не безъ послухъ осуждати, но искати послухъ истинныхъ, боящихся Бога и нарочитыхъ и не имущихъ вражды никоеяже, ни лукавства, ни мерзости, ни тяжи, ни при, на негоже глаголетъ, но страха ради Божія и правды его. Число же послухъ да бываетъ а҃і и лише сего числа въ

„μάρτυς“, что доказывается всею главою „о послусѣхъ“, начиная съ ея заголовка, который есть переводъ съ греческаго: περὶ μαρτύρων. Поэтому, если XVII, 47 визант. еклоги: „ἐὰν μάχης μεταξύ τινων γινομένης συμβῇ θάνατον προελθεῖν, συγκρινέτωσαν οἱ ἀκροαταί“ въ 49 гл. печатной кормчей переведено: „аще распри между нѣкими бывающи и приключится смерть пріяти, да разсудятъ *послуси*“ (зач. 16, гл. 7): то изъ сопоставленія перевода съ подлинникомъ въ данномъ случаѣ отнюдь не съ необходимостію слѣдуетъ, что судебная организація византійская, въ моментъ изданія еклоги, и судебная организація славянская, въ моментъ перевода еклоги, были тождественны.

малой при отъ седьми до трехъ, а мнѣе сего числа въ меньшей при не пріимати. Власть же имать на негоже глаголють судіи залагати и глаголати послухомъ или присягу, или продажу, или туже казнь; аще ли въ кое время обрящутся лжуще, недостоитъ убо ни во едину прю пріимати послухъ, иже будуть когда обличени лжуще и преступающе законъ Божій, или житіе скотское имуще, или иже о себѣ непобѣдими на присягу отъимутся".

Должно замѣтить, что въ румянц. кормч. № 230 приведенныя поставленія читаются въ той же самой редакціи, за исключеніемъ немногихъ варіантовъ.

Текстъ перваго постановленія:

„Въ всякоу прю. и клеветоу. и шьпты. достоить князю и соудии. не послоушати бесъ свѣдитель многъ. нъ глати къ соупьрникомъ. и клеветникомъ. и шьпотникомъ, аще не притъкнете послоусѣхъ, якоже и законъ бжии велить. пріяти тоуже казнь чаите. юже на дроуга гласте. бжии законъ тако велить. да иже сего не хранить. проклятъ да боудеть".

Текстъ втораго:

„Надъ всѣми же сими достоить на всякои при. князю и соудии. съ всяцѣмь испытаніе творити и не беспослоухъ осоуждати. нъ искати послоухъ истиньнъ. боящихъся ба. нарочитъ. и не имоущь враждьы никоеяже. ни лоукавьства. ни мьрзости. ни тяже. ни прѣ. на негоже глаголють. нъ страха бжия ради и правды его. число же послоухъ да бываеть єдинънадесяте. а лише сего рока, и въ малѣи прѣ. ѿ з. до г. а наименѣ сего рока. власть же имать на него же глаголють соудии залагати и глати послоухомъ. ли присягоу. ли продажю. ли тоже казнь. аще ли въ кое время обрящються лжоуще. не достоить же ни въ єдиноу прю приимати послоухъ, иже боудоуть когда обличени лжоуще. и престоупающе законъ бжии. или житиє скотьскоє имоуще. или иже о себе непобѣдими на присягъ ѿимоуть".

Но любопытно то, что въ рум. № 230 оба эти постановленія

отдѣлены одно отъ другаго, такъ что первое изъ нихъ тотчасъ слѣдуетъ за первою главою, какъ и въ печатной кормчей, второе же помѣщено послѣ 7-й главы, опредѣляющей наказанія за противозаконный бракъ съ кумой и съ крестницей, подъ такимъ же точно заголовкомъ: „о послусѣхъ“, вслѣдствіе чего получаетъ такой смыслъ, будто послухи, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, должны имѣть мѣсто лишь въ дѣлахъ, обозначенныхъ въ предпосланныхъ 7-ми статьяхъ закона суднаго. Однако въ концѣ закона суднаго, по краткой его редакціи, снова и вообще подтверждается князьямъ и судьямъ съ послухами разсматривать дѣла и всѣхъ безчинниковъ людскихъ въ судъ Божій осуждать. Въ спискахъ обширной редакціи это напоминаніе стоитъ даже подъ особымъ заголовкомъ: „о судіяхъ“, и, судя по складу рѣчи, равно какъ по смыслу отдѣльныхъ выраженій, заставляетъ разумѣть въ этомъ случаѣ тѣхъ же послуховъ, о которыхъ говорится въ приведенной статьѣ, а не послуховъ въ византійскомъ смыслѣ. Принимая во вниманіе, что въ синод. кормч. № 132 и въ другихъ, позднѣйшихъ по времени, рукописныхъ сборникахъ [85]), постановленіе закона суднаго подъ заголовкомъ: „о послусѣхъ“, помѣщено тамъ же, гдѣ оно стоитъ въ печатной кормчей, и имѣя въ виду, что румянц. кормч. № 230 нерѣдко изобличаетъ произволъ и безпорядочность переписчика или переписчиковъ [86]), можно бы было пожалуй остановиться

[85]) Таковы просмотрѣнныя мною румянц. корм. подъ №№ 231 и 238, спб. публ. библ. F. П. №№ 78, 80, 81, 83, 87 и погодинск. №№ 231, 233, 235, 237. Въ просмотрѣнныхъ мною „мѣрилахъ праведныхъ“ московск. синод. библ. подъ №№ 524 и 525 приведенныя статьи составляютъ вторую и третью главы.

[86]) Что не однимъ лицомъ писана румянц. кормчая № 230, доказывается тѣмъ, что приблизительно на половинѣ сборника начинается другое правописаніе, котораго въ первой половинѣ книги не замѣчается, а именно надъ Ѥ, Ꙗ, И чистыми, т. е. когда они не соединяются съ согласными буквами, напр. СВОѤꙖ, ЧИСТИИ, ставятся двѣ точки. Безпорядочность и произволъ переписчика особенно ясно наблюдаются въ первой половинѣ сборника. Такъ въ

на предположеніи, что въ № 230 статья о послусѣхъ ошибочно поставлена на ненадлежащее мѣсто. Однако удовольствоваться этимъ объясненіемъ едва ли возможно: тотъ же самый порядокъ размѣщенія статей наблюдается въ спискахъ такъ называемой обширной редакціи, напечатанныхъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, Софійскомъ Временникѣ и въ VI томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей [87]. Съ точки зрѣнія

самомъ началѣ рукописи, безъ особой надобности дважды повторяются свѣдѣнія о вселенскихъ соборахъ, т. е. о томъ, когда, при комъ и по какому случаю собирались они, и хотя оба раза даются свѣдѣнія о *семи* соборахъ, тѣмъ не менѣе читателю ставится на видъ слѣдующее: требѣ же ѥсть вѣдѣти всѧкомоу крⷭ҇тьıаноу ꙗко шьсть ѥсть стъıхъ вселеньскъıхъ съборъ. Въ „главѣ о епископѣхъ и о мнисѣхъ“ (съ 69 л. на обор. по 77 л.) писецъ къ высшей степени произвольно и безпорядочно распорядился съ сборникомъ въ 87 главъ Іоанна Схоластика, который непремѣнно долженъ былъ существовать въ прототипѣ сохранившейся румянц. рукописи № 230, потому что въ греческихъ рукописяхъ каноническій сборникъ Схоластика обыкновенно соединялся съ его извлеченіями изъ источниковъ свѣтскаго права (Павловъ, Первонач. номокан. 24). На самомъ дѣлѣ сборникъ въ 87 главъ не отсутствуетъ въ № 230, какъ думаетъ А. С. Павловъ, считающій „главу о епископѣхъ и о мнисѣхъ“ отрывкомъ изъ прохирона (ibid. 53); а находится въ этой самой главѣ, но не въ цѣломъ, а отчасти, въ безпорядочномъ извлеченіи и въ безпорядочной комбинаціи съ статьями прохирона, даже съ повтореніемъ одной и тойже статьи. Всего счетомъ въ „главѣ о епископѣхъ и о мнисѣхъ“ 44 статьи. Двѣ первыя и многія другія взяты изъ прохирона, но весьма многія заимствованы изъ 87 главъ Схоластика. Что писецъ выписывалъ свои статьи именно изъ сборника Схоластика, видно изъ помѣтокъ на полѣ. Хотя обыкновенно содержащіяся въ „главѣ о епископѣхъ и о мнисѣхъ“ статьи не имѣютъ никакихъ помѣтокъ или никакой цитаціи на поляхъ, а гдѣ и сдѣланы помѣтки, то сдѣланы неправильно; но два раза цитаты означены совершенно вѣрно: гл. 39 Схоластика (о неотлученіи епископами и попами кого-либо отъ св. причащенія прежде изслѣдованія дѣла—статья эта повторяется дважды: на обор. 71 л. и на 77 л.) и гл. 82 (о томъ, чтобы родители не препятствовали дѣтямъ избирать монашескую жизнь). Еще мною замѣчены въ „главѣ о епископѣхъ и о мнисѣхъ“ слѣдующія статьи изъ сборника въ 87 главъ: 40, 42, 43, 45, 46, 48, 74, 81, 84. Любопытно, что и самая первая статья „главы о епископѣхъ и о мнисѣхъ“, разсуждающая о томъ, что епископъ въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, которое онъ имѣлъ до епископства, и напротивъ не можетъ свободно распоряжаться тѣмъ, что имъ пріобрѣтено уже въ санѣ епископскомъ, повторяется два же раза, именно во второй разъ она является въ качествѣ предпослѣдней статьи.

[87]) Повидимому, совсѣмъ оригинальнымъ представляется списокъ закона

содержанія обѣихъ статей, было бы болѣе естественно для составителя помѣстить ихъ рядомъ, но не невозможно было размѣстить ихъ и отдѣльно, такъ какъ онѣ все таки говорятъ не объ одномъ и томъ же, а о разныхъ вещахъ.

Баронъ Розенкампфъ въ своемъ „Обозрѣніи кормчей книги въ историческомъ видѣ“ [88]), указывая источники закона суднаго, разсуждалъ такъ, что постановленія о судьяхъ и послухахъ извлечены изъ правилъ Василія Великаго и изъ второй книги Апостольскихъ Заповѣдей (т. е. Апостольскихъ Постановленій), предписывающихъ судьямъ рѣшать дѣла по сущей справедливости и на основаніи показанія вѣрныхъ свидѣтелей. Тѣже почти слова, продолжаетъ Розенкампфъ, часто повторяются въ разныхъ спискахъ кормчей книги: они заключаютъ въ себѣ болѣе увѣщаніе и урокъ судьямъ, нежели положительныя слова закона,—это по тогдашнимъ обстоятельствамъ болѣе соотвѣтствовало судному порядку, каковый употребляемъ былъ у славянскихъ и сѣверныхъ народовъ, нежели постановленія, заимствованныя изъ царскихъ книгъ, или изъ прохироновъ царей Василія и Льва.—Однако точный буквальный смыслъ означенныхъ статей закона суднаго исключаетъ всякую возможность сближенія ихъ съ нравственными

суднаго въ рукописн. кормч. бывшей соловецк. монастыря, теперь находящейся въ библіотекѣ казанской духовной академіи подъ № 412. Кормчая, какъ видно по описанію ея (Прав. Собесѣдн., 1882, январь), написана въ 1493 г. при вел. кн. Иванѣ III и митр. Зосимѣ. Здѣсь законъ судный прямо начинается съ третьей главы, которая въ печатной кормчей надписывается: „о полонѣ“ и начинается словами: „исходящу къ супостатомъ по брань“, такъ что слѣдовательно постановленій о послухахъ, можетъ быть, и нѣтъ совсѣмъ въ этомъ спискѣ. Впрочемъ въ описаніи говорится, что „настоящій списокъ закона суднаго есть полный, какимъ онъ извѣстенъ по изданію въ Соф. Врем., въ Рус. Достоп. и въ П. С. Р. Л., только расположеніе статей въ немъ по мѣстамъ отлично отъ расположенія ихъ въ этихъ изданіяхъ“. Очень жаль, что въ описаніи не указаны въ точности и подробности всѣ эти особенности, отличающія данный списокъ отъ напечатанныхъ.

[88]) Стр. 141. Мнѣніе Розенкампфа насчетъ источниковъ статей закона суднаго о послухахъ собственно говоря и до сихъ поръ, или явственно, или tacite,

увѣщаніями церкви, съ правилами Василія Великаго, или съ Апостольскими Постановленіями. Въ переводѣ на русскій языкъ эти статьи означаютъ слѣдующее:

Во всякомъ судномъ дѣлѣ князь и судья не должны судить на основаніи одного лишь голословнаго обвиненія, жалобы или наговора, но должны требовать отъ тяжущихся соперниковъ, отъ обвинителей и жалобщиковъ, чтобы они выставили послуховъ, какъ велитъ Божій законъ, — угрожая въ противномъ случаѣ обвинителю, не поставившему послуховъ, тальономъ, т. е. тѣмъ же наказаніемъ, которому подвергался бы обвиняемый, въ случаѣ если бы обвиненіе было доказано. Этого мало. Сами судьи должны озаботиться пріисканіемъ нарочитыхъ послуховъ, которыми должны быть люди правдивые и богобоязненные, не запятнанные нравственными недостатками, не состоящіе во враждѣ или въ тяжбѣ съ тѣмъ лицомъ, противъ котораго они говорятъ. Что касается числа послуховъ, то ихъ должно быть одиннадцать; въ менѣе значительныхъ дѣлахъ отъ семи до трехъ; меньше трехъ послуховъ не должно быть допускаемо. Тотъ, противъ кого говорятъ послухи передъ судьей, имѣетъ право требовать, чтобы послухи были приведены къ присягѣ, или чтобы имъ былъ поставленъ на видъ денежный штрафъ, даже тальонъ. Если обнаружится лживость послуховъ, не должно ихъ потомъ допускать въ послухи, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда они окажутся преступниками закона Божіяго и безнравственными людьми, или такими, которые разсчитывая на свою силу и непобѣдимость, отвергнутъ присягу [89]).

раздѣлялось учеными, которымъ приходилось въ большей или меньшей мѣрѣ касаться закона суднаго.

[89]) Собственно говоря, затруднительно установить точный смыслъ словъ: „или иже о себѣ непобѣдими, на присягу отъимутся“. Можетъ быть тутъ имѣются въ виду такіе люди, которые раньше оказали вѣроломное неуваженіе къ присягѣ, не подчинившись судебному рѣшенію, основанному на присягѣ, въ

Безспорно, что въ рукописныхъ кормчихъ книгахъ и въ „мѣрилахъ праведныхъ“ нерѣдки примѣры нравственныхъ наставленій судьямъ [90]). Но разсматриваемыя статьи, по существу своему, содержатъ въ себѣ не нравственныя увѣщанія, а юридическія предписанія—хотя и проникнутыя нравственнымъ элементомъ—о необходимости свидѣтелей и объ отвѣтственности за голословныя жалобы и клеветы, затѣмъ о необходимости, качествахъ и количествѣ нарочитыхъ послуховъ. Прежде чѣмъ попытаемся дать общее историческое объясненіе статьямъ закона суднаго, обратимъ вниманіе на разницу въ опредѣленіи числа послуховъ по спискамъ краткой редакціи и по спискамъ обширной редакціи. По спискамъ краткой редакціи, какъ мы видѣли, maximum числа послуховъ есть 11-ть, minimum—3. По спискамъ же обширной редакціи maximum числа послуховъ есть 18-ть. По нижеуказаннымъ соображеніямъ, строевскій списокъ, изданный въ Софійскомъ Временникѣ и потомъ перепечатанный въ VI т. П. С. Р. Л., долженъ быть разсматриваемъ, какъ тенденціозная попытка—покрайней мѣрѣ въ отношеніи къ статьямъ, составляющимъ краткую редакцію закона суднаго—примирить разночтенія, встрѣчавшія-

---

разсчетѣ на свою силу и непобѣдимость, т. е. на возможность силою добиться своего. Въ Рус. Достоп. эти слова еще болѣе затемнены; „или же о себе не бдими на прю отъемлющеся“. „Или, можетъ быть, тутъ разумѣются упорные приверженцы языческихъ обрядовъ и апостаты въ язычество, въ виду того, что въ 1-й гл., зак. судн. подъ присягой разумѣются языческіе обряды (требы или присяги поганьскы)?

[90]) Таковы: слово пророка Исаіи къ немилостивымъ княземъ и къ злымъ судіямъ; слово о судьяхъ и властеляхъ, емлющихъ мзду и не въ правду судящихъ; слово Сирахово на немилостивыя князи; слово Аввакума пророка на обидящая и насильствующая; слово Святаго и Великаго Василья о судьяхъ и клеветахъ. Эти пять словъ часто встрѣчаются какъ въ рукописяхъ, носящихъ названіе „мѣрила праведнаго“, такъ и въ другихъ сборникахъ юридическаго содержанія (см. *Калачовъ*, Мѣрило праведное, въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, кн. 1. Москва, 1850). Апокрифическое слово Василія Великаго о судіяхъ и о властеляхъ напечатано въ „Прав. Собесѣдникѣ“ за 1864 г. ч. 1. стр. 365—374.

ся въ разныхъ спискахъ, и поэтому самостоятельнаго значенія не имѣетъ, такъ что въ вопросѣ о числѣ послуховъ мы должны считаться только съ спискомъ Русскихъ Достопамятностей. Здѣсь читается слѣдующее:
„тоже число послухомъ даієть. въ великъıѧ прѧ. ѿ ієдиного до иі. а не ниже сего. въı малъıѧ прѧ. до з҃. и до трии послоу҃ а не ниже“.

Число послуховъ, опредѣленное въ спискѣ Русскихъ Достопамятностей, послужило основаніемъ для изслѣдователей поставить общее положеніе, что въ тяжбахъ значительныхъ законъ судный требуетъ отъ 11-ти до 18-ти, въ дѣлахъ же маловажныхъ отъ 3-хъ до 7-ми [91]). Однако, положеніе это едва ли имѣетъ для себя прочную опору, т. е. другими словами, едва ли цифра, означенная въ спискѣ Русскихъ Достопамятностей, можетъ быть принята за таковую прочную опору. Въ рум. корм. № 230, равно въ синод. № 132, т. е. въ двухъ древнѣйшихъ спискахъ закона суднаго, мѣсто о числѣ послуховъ читается очень четко, и притомъ не цифрами, а прописью: число же послоухъ да бъıваієть. ієдинънадесѧте. Описки тутъ со стороны писца очевидно не было, такъ что число 11-ть и на самомъ дѣлѣ долженствовало быть въ этихъ спискахъ. Правильность этого числа доказывается и тѣмъ, что ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ закона суднаго краткой редакціи нѣтъ числа 18, а вездѣ стоитъ число 11, изображенное или прописью, или славянскими цифрами, или смѣшанно (ієдинъ на і҃). Напротивъ въ томъ спискѣ, который напечатанъ во второй части Русскихъ Достопамятностей, число послуховъ изображено цифрой и҃і, которая весьма легко могла быть поставлена вмѣсто первоначальной а҃і. Тѣмъ болѣе

---

[91]) *С. В. Пахманъ*, О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи. Москва, 1851 г. стр. 57.

возможнымъ представляется это предположеніе, что приведенное мѣсто изъ списка Русск. Дост., въ томъ видѣ, въ какомъ оно читается здѣсь, очевидно испорчено и лишено смысла. Если стоять на почвѣ буквальнаго толкованія, то выходитъ, что въ важныхъ дѣлахъ свидѣтели требуются въ количествѣ *отъ одного до восемнадцати*, т. е. можетъ быть достаточно *и одного* свидѣтеля, а въ менѣе важныхъ—отъ трехъ до семи, т. е. ихъ требуется никакъ не менѣе трехъ. Слово ѥдиного, которое тутъ стоитъ, располагаетъ думать, что въ оригиналѣ писецъ имѣлъ передъ глазами тоже самое слово: ѥдинънадесѧте или: ѥдинъ на і҃. Ко всему сказанному можно прибавить еще и то соображеніе, что число 18 не согласовалось бы съ пріемами составителя статьи о послухахъ, который, какъ видно, склоняется въ пользу нечетнаго числа свидѣтелей (11, 7, 3), можетъ быть для избѣжанія равенства голосовъ, вслѣдствіе чего могли бы возникать недоразумѣнія и затрудненія при рѣшеніи дѣлъ.

Что касается списка закона суднаго, изданнаго Строевымъ въ Софійскомъ Временникѣ и потомъ перепечатаннаго въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, то о немъ уже раньше замѣчено было, что онъ представляетъ собою тенденціозную попытку соединить и согласовать разночтенія двухъ различныхъ редакцій закона суднаго. Нѣкоторые признаки такой примирительной и согласовательной тенденціи строевскаго списка были уже выше представлены: вопервыхъ, статьи краткой редакціи имѣютъ здѣсь нумерацію, а присоединенныя къ нимъ статьи дополнительныя не имѣютъ таковой нумераціи, чѣмъ доказывается позднѣйшее и механическое прибавленіе послѣднихъ къ первымъ; во вторыхъ, тамъ, гдѣ существуютъ разночтенія, строевскій списокъ воспроизводитъ оба различныя чтенія, поясняя одно другимъ, напр. „иже поиметъ *куепетру рекше куму* свою“, или: „аще и *жюпаны* суть *рекше и князи*, иже се свидѣтельствуютъ“. Въ статьѣ о

послухахъ указанная тенденція строевскаго списка проявляется очевиднѣйшимъ образомъ, и даже съ очевиднѣйшимъ ущербомъ для здраваго смысла, такъ какъ составитель этого списка понималъ свою задачу согласованія самымъ механическимъ образомъ. Онъ просто на просто внесъ въ свой списокъ слова и выраженія, встрѣченныя имъ въ спискахъ разныхъ редакцій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить послѣднюю часть статьи о послухахъ, по списку румянц. кормч. № 230, по списку Русск. Достопамят. и по списку Софійскаго Временника.

Рум. № 230.	Рус. Достоп.	Соф. Врем.
число же послоухъ да бываѥть. ѥдинънадесѧте. а лише сего рока. и въ малыѣ прѣ. ѿ з҃. до г҃. а наименѣ сего рока.	тоже число послоухомъ даѥть. въ великыꙗ прѧ. ѿ ѥдиного до н҃i. а не ниже сего. вы малыꙗ прѧ. до з҃. и до трии послу҄х. а не ниже.	Число же послухъ да бываеть а҃i; *тожечисло послухомъ дайте отъ великгія пря отъ единого до н҃i*; а лише *не ниже* сего рока, и въ малыя пря *до семи*, а отъ семи до трехъ, а не менѣ сего рока.

И еще ниже.

или иже о себе непобѣдаи̂. на присѧгъ ѿимоуть͡с.	или же ѡ себе не бдими, на прю ѿѥмлющесѧ.	*иже о себѣ, невѣдими нашего на прю отъемлются*. Аще будуть два послуха, или будетъ на единомъ измѣна, то и другы не послухъ, яко

оба лжуще, или житіе скотьско иму- ще, или иже о се- бѣ, непобѣдими на присягъ отъимутся.

Пріемъ лица, составлявшаго строевскій списокъ, былъ очевидно таковъ: онъ имѣлъ передъ глазами два различные списка и черпалъ изъ того и другаго списка разночтенія, не отступая даже передъ такими абсурдными комбинаціями, какъ: „лише не ниже сего рока“. Въ представленномъ извлеченіи подчеркнуты тѣ слова, которыя, бывъ заимствованы изъ списка, изданнаго въ Русскихъ Достопамятностяхъ, механически приданы къ тексту румянц. № 230, или къ другому списку той же редакціи. Впрочемъ, составитель строевскаго списка внесъ и кое что свое, наложивъ, такъ сказать, печать своей индивидуальности на статью о послухахъ. Вопервыхъ, онъ еще болѣе затемнилъ темное мѣсто о послухахъ, „отъемлющихся на присягу“ (или „на прю“, какъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ), и вовторыхъ, изъ собственной вѣроятно головы вставилъ въ текстъ статьи о послухахъ слова, которыхъ нѣтъ ни въ одной редакціи закона суднаго: „аще будутъ два послуха, или будетъ на единомъ измѣна, то и другы не послухъ, яко оба лжуще“. Что слова эти суть позднѣйшая и случайная вставка—можетъ быть вызванная практикой времени, къ которому принадлежалъ компиляторъ - а не органически—составная часть статьи о послухахъ, видно изъ того, что рѣчь о *двухъ* послухахъ представляется совершенно неумѣстною въ статьѣ, въ которой минимальное число послуховъ опредѣляется 3.

Итакъ, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, позволимъ себѣ думать, что число 18-ть въ спискахъ такъ называемой обширной редакціи закона суднаго, или, собственно

говоря, въ спискѣ, изданномъ во II ч. Рус. Дост., явилось ошибочно, вмѣсто 11-ти. Вопросъ теперь въ томъ, откуда заимствовалъ составитель закона суднаго извѣстныя намъ статьи о послухахъ. Припомнимъ, что изъ византійскаго законодательства и вообще изъ византійскихъ источниковъ компиляторъ не могъ извлечь этихъ статей; слѣдовательно онъ намѣренно прибавилъ ихъ къ тексту передѣлываемаго имъ XVII титула еклоги. Сдѣлалъ ли онъ эту прибавку руководясь юридическимъ сознаніемъ и юридическимъ бытомъ народа, для котораго предназначалась компиляторомъ его работа,—такимъ образомъ занесъ ли онъ въ законъ судный нѣчто національное, коренившееся въ сознаніи и въ юридической жизни народа, ставъ въ данномъ случаѣ лишь выразителемъ національнаго правосознанія? Или, можетъ быть и прибавка о послухахъ сдѣлана подъ тѣмъ же вліяніемъ, подъ которымъ произведена была передѣлка еклоги и въ другихъ, указанныхъ и объясненныхъ выше пунктахъ?

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ вопроса о томъ, была ли судебная организація, документированная памятниками древняго русскаго права, продуктомъ германскаго вліянія, или создалась на самобытныхъ основахъ славянскаго правосознанія. Однако нѣсколько замѣчаній не будутъ излишними. Въ былое время Погодинъ вслѣдъ за Эверсомъ, рѣшительно высказался за то, что русская правда вообще, въ полномъ ея составѣ, есть уставъ не славянскій, а норманнскій, т. е. германскій, и что въ особенности такіе институты, какъ месть, вира, судъ 12-ти мужей, испытаніе желѣзомъ и проч. имѣютъ свой источникъ въ германскомъ правѣ [92]). Позднѣйшимъ ученымъ [93]) сходство законовъ и уч-

---

[92]) *Погодинъ*, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, III, 339. 360, 378 и сл.

[93]) *В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права.

режденій у германцевъ и у славянъ представляется недостаточнымъ основаніемъ для вывода о заимствованіи послѣдними у первыхъ этихъ законовъ и учрежденій, ибо сходство, говорятъ, свидѣтельствуетъ не о заимствованіи, а объ аналогическомъ правообразованіи при одинаковыхъ условіяхъ у народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія. Если мы и найдемъ, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, что нѣкоторыя положенія русской правды сходны съ положеніями германскихъ законодательствъ, то это еще ничего не доказываетъ,—надо указать, какъ шло это заимствованіе. Собственно говоря, указаніе путей, которыми могло идти заимствованіе русскимъ законодательствомъ институтовъ германскаго права, едва ли такъ трудно, какъ предполагагаетъ почтенный профессоръ. Тутъ нѣтъ нужды усиливаться открыть опредѣленный памятникъ германскаго права и найдти въ немъ мѣста, буквально соотвѣтствующія русской правдѣ, или открыть опредѣленное лѣтописное указаніе на фактъ заимствованія. Если бы изъ исторіи оказалось, что въ эпоху появленія памятниковъ древняго русскаго законодательства, русскіе князья,—предполагая, что къ тому времени они уже совершенно ославянились, забывъ свое варяжское происхожденіе,—находились въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ съ западнымъ міромъ, поддерживая связи съ иностранными варягами, принимая къ себѣ новыя массы ихъ, сверхъ тѣхъ, которые пришли къ славянамъ съ прежними князьями, и сверхъ гостей, проживавшихъ на Руси по торговымъ дѣламъ,—если бы оказалось далѣе, что князья старались завязать не только политическія и торговыя, но и родственныя связи съ иностранными княжескими домами, заключая брачные

Спб. 1883, стр. 176—177. Ср. *Пахманъ*, О судебныхъ доказательствахъ, стр. 29—30 и 66—67. *Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства во время удѣльно-вѣчеваго уклада. Спб. 1868, II, стр. 87 и сл. *Ив. Ив. Дитятинъ*, Изъ исторіи мѣстнаго управленія, Русск. Мысль, 1886, мартъ, стр. 58 и сл.

союзы для себя, для своихъ сыновей и дочерей съ иностранными принцами и принцессами, не смотря даже на противодѣйствіе духовной іерархіи [94]),—если бы оказалось наконецъ, что при русскомъ великокняжескомъ дворѣ проживали болѣе или менѣе продолжительное время германскіе принцы, находившіе здѣсь для себя пріютъ и защиту: то не совсѣмъ неосновательно было бы усматривать въ этомъ непосредственномъ соприкосновеніи и въ этихъ живыхъ сношеніяхъ съ западомъ возможный путь къ проникновенію институтовъ германскаго права въ русское законодательство. А напримѣръ объ Ярославѣ Владиміровичѣ извѣстно, что и приливъ варяговъ былъ при немъ весьма обильный [95]), и брачные союзы съ иностранными княжескими домами заключаемы были въ большомъ количествѣ [96]), и заморскіе принцы (англійскіе и скандинавскіе) находили у него продолжительное гостепріимство [97]). Насколько силенъ былъ варяжскій элементъ при сыновьяхъ Ярослава, видно изъ „слова о вѣрѣ крестьянской и о латыньской“ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, въ которомъ авторъ скорбитъ о томъ, что вся русская земля „исполнилась“ варяговъ [98]). Такимъ образомъ, прежде всего, вопросъ о вліяніи германскаго права на памятники древняго русскаго за-

---

[94]) Прав. митр. Іоанна II, пр. 13 (Рус. Ист. Библ. т. VI стр. 7).

[95]) Лавр. лѣт. подъ 6523 г. на стр. 56 и 61. *Карамзинъ*, Исторія государства россійскаго, Спб. 1842, т. II, стр. 12.

[96]) Самъ Ярославъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля Олава, сестру свою Марію Доброгнѣву выдалъ за Казиміра польскаго, а изъ дочерей своихъ одну выдалъ замужъ за Генриха I французскаго, другую за Гаральда норвежскаго, третью за Андрея венгерскаго. Нѣкоторые изъ сыновей его также были женаты на иностранкахъ, напр. Святославъ. См. *Карамзинъ*, Исторія государства россійскаго, II, 14, 18, 19 и 20. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, II, 22—23 и 75. Gfrörer, Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter, B. II. Schaffhausen, 1859, S. 508.

[97]) Gfrörer, ibid. 509.

[98]) *Поповъ*, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. Москва, 1875, стр. 78.

конодательства долженъ быть разсматриваемъ и разрѣшаемъ такъ или иначе, при предположеніи полной исторической возможности таковаго вліянія. А затѣмъ далѣе, при обсужденіи вопроса о томъ, долженъ ли быть разсматриваемъ извѣстный юридическій институтъ, какъ національный, или какъ заимствованный, немаловажное значеніе имѣютъ слѣдующія соображенія: насколько отчетливымъ и опредѣленнымъ представляется этотъ институтъ въ самыхъ тѣхъ памятникахъ, которые о немъ говорятъ, насколько глубокіе корни имѣетъ онъ въ юридической жизни народа, по находящимся въ распоряженіи науки историческимъ даннымъ, и насколько наконецъ онъ былъ распространенъ между разными другими славянскими народами.

Въ русской правдѣ говорится, что въ случаѣ долговаго взысканія, если должникъ запирается въ томъ, что онъ долженъ истцу такую-то сумму, нужно „идти на изводъ предъ 12 человѣка“ [99]). Какое значеніе слѣдуетъ придавать этимъ 12-ти человѣкамъ, упоминаемымъ въ 14 ст. рус. пр. по акад. сп.? Можно считать ихъ вопервыхъ, за „12 избранныхъ судей, которые въ сомнительныхъ случаяхъ, когда одна сторона отказывается выполнить обязательство, основанное на совѣсти и заключенное безъ свидѣтелей, судили, какъ посредники, по совѣсти и произносили рѣшеніе, хотя и неизвѣстно при этомъ, были ли они постоянными судьями, избранными отъ всей общины, или же избирались самими сторонами, для каждаго дѣла особо“ [100]). При такомъ взглядѣ на 12 мужей, упо-

---

[99]) Ст. 14 по акад. списку: „аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аще будеть обидя не вдалъ будеть, достойно ему свой скотъ, а за обиду 3 гривны“. Списки русской правды, академическій и карамзинскій, цитируются мною по „Хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова.

[100]) Такъ думаетъ *С. В. Пахманъ*, О судебныхъ доказательствахъ, 122. Ср. *Дитятинъ*, назв. статья, стр. 58.

минаемыхъ русскою правдою, нужно бы было видѣть въ нихъ институтъ, соотвѣтствующій германскимъ шеффенамъ, которые судили не потому, чтобы были свидѣтелями заключенной сдѣлки, и не потому, чтобы они дѣйствовали въ качествѣ соприсяжниковъ кредитора или должника, а потому, что были вѣщателями народнаго права, примѣнявшими это право къ конкретному случаю. Или, во вторыхъ, можно усматривать въ этихъ 12-ти человѣкахъ соприсяжниковъ, свидѣтелей доброй славы, хорошей репутаціи (testes de credulitate), подобныхъ тѣмъ семи послухамъ, а для иностранцевъ двумъ, которые по 15 ст. рус. пр. карамз. списка требовались для сверженія поклепной виры, т. е. для снятія съ себя заподозрѣннымъ въ убійствѣ лицомъ тяготѣющаго на немъ подозрѣнія и связанной съ этимъ подозрѣніемъ обязанности уплаты виры [101]). Въ послѣднемъ случаѣ, какъ замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ [102]), послухи не могли быть свидѣтелями—очевидцами факта, такъ

---

[101]) „Аще на кого будетъ поклепная вира, то оже будетъ послуховъ семь, тоже выведетъ виру, то ти имутъ вѣру, паки ли варягъ или инъ кто, то 2“.

[102]) Лекціи и изслѣдов. 570—571. Повидимому, проф. Владимірскій-Будановъ въ примѣч. 19-мъ къ 14 ст. рус. пр. по акад. сп. желалъ сказать нѣчто уклоняющееся отъ обоихъ, указанныхъ въ текстѣ, взглядовъ на „изводъ предъ 12 человѣка“. Коммиссія 12-ти, говоритъ онъ, состоитъ *изъ послуховъ-свидѣтелей заключенной сдѣлки,* которые въ тоже время были *судьями* относительно этой сдѣлки, т. е. тутъ имѣются въ виду слѣдовательно такіе послухи, которые потому именно и выступали въ качествѣ судей, что они суть свидѣтели заключенной сдѣлки и, будучи таковыми, давали спорному дѣлу рѣшенія, ибо, какъ выразился Porre (Ueber das Gerichtswesen der Germanen, 126) „die Zeugen in den meisten Fällen die Schöffen überflüssig machten und deren Stelle vertraten, denn grösstentheils waren die Fälle, wo sie vorkamen, von der Art, dass aus dem Factum auch das Recht von selbst folgte“. Однако въ примѣч. 20-мъ къ карамз. сп. рус. пр. г. Владимірскій-Будановъ даетъ видѣть, что въ вышеприведенномъ случаѣ онъ просто обмолвился. Именно въ послѣднемъ случаѣ онъ говоритъ, что „послухи, играющіе роль судей“, суть „не очевидцы или вообще знающіе что либо о фактѣ преступленія (иначе какъ потребовать, чтобы ихъ непремѣнно было 7?), а помощники отвѣтчика или истца, подтверждающіе его добрую славу“. А почему же, спрашивается, потребовалось непремѣнно 12-ть очевидцевъ-свидѣтелей заключенной сдѣлки, не больше и не меньше 12-ти? Да и согласуется ли съ буквальнымъ смысломъ разсматриваемой статьи русской

какъ нельзя быть свидѣтелемъ отрицательнаго факта, нельзя быть очевидцемъ того, что такой-то не совершилъ убійства: очевидно это были свидѣтели доброй славы, или соприсяжники, которые къ присягѣ защищающаго свою невинность обвиняемаго присоединяли свою собственную, удостовѣрявшую въ томъ, что обвиняемаго они знаютъ за хорошаго человѣка, неспособнаго совершить приписываемое ему преступленіе и показать подъ присягой ложь. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія двухъ статей русской правды выходило бы, что древнерусскому праву былъ свойственъ институтъ соприсяжниковъ: 12-ть соприсяжниковъ требовались для подкрѣпленія исковаго требованія истца-заимодавца, для подтвержденія того, что истецъ, какъ человѣкъ хорошій, не могъ предъявить лживую, ни на чемъ не основанную, денежную претензію,—и 7 соприсяжниковъ требовались для подкрѣпленія присяжнаго показанія лица, заподозрѣннаго въ убійствѣ и отрицающаго свою виновность. Въ пользу взгляда на 12-ть лицъ, какъ на послуховъ-соприсяжниковъ, а не какъ на судей, въ смыслѣ германскихъ шеффеновъ, могутъ быть при-

---

правды предполагать въ ней не только 12-ть, а и какое бы то ни было опредѣленное число свидѣтелей-очевидцевъ? Тутъ имѣется въ виду именно тотъ случай, когда должникъ запирается въ томъ, что онъ долженъ, благодаря тому, что обстоятельства сдѣлали возможнымъ для него таковое запирательство, т. е. благодаря тому, что свидѣтелей-очевидцевъ дачи денегъ въ долгъ не было? Едва ли бы у кого либо достало смѣлости запереться въ долгѣ, который былъ сдѣланъ въ присутствіи 12-ти очевидцевъ. Къ сожалѣнію, и въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“ (вып. II, Кіевъ, 1886) проф. Владимірскій-Будановъ также не приходитъ къ опредѣленному мнѣнію о 12-ти человѣкахъ, упоминаемыхъ въ 14 ст. ак. сп. рус. пр.: на стр. 251 онъ разсматриваетъ ихъ какъ „добрыхъ людей, рѣшающихъ иски, возникающіе изъ договоровъ“, въ качествѣ представителей отъ общины; а на стр. 261 тѣже самыя лица оказываются 12-ю послухами, свидѣтельство которыхъ требуется въ дѣлахъ по взысканію долга, отрицаемаго должникомъ. Разница, однако, между тѣми и другими должна быть немаловажная: пониманіе 12-ти человѣкъ акад. сп. рус. пр. въ смыслѣ представителей отъ общины указывало бы на организованное участіе общинъ въ отправленіи суда, тогда какъ дѣятельность послуховъ-соприсяжниковъ въ процессѣ совсѣмъ не свидѣтельствовала бы о таковомъ участіи.

ведены двѣ статьи, трактующія *о томъ же самомъ предметѣ*, который трактуется въ 14 ст. рус. пр. акад. сп., т. е. объ удовлетвореніи денежной претензіи истца-заимодавца къ запирающемуся должнику. Эти двѣ статьи суть: 44-я ст. рус. пр. по карамз. сп и 10-я ст. мирной грамоты новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г. Первая ничего не говоритъ *о числѣ* лицъ, долженствующихъ подкрѣпить исковое требованіе истца, но прямо и ясно называетъ ихъ *послухами* [103]), вторая не только называетъ ихъ *послухами*, но и опредѣляетъ ихъ количество, именно назначаетъ *12 послуховъ*, т. е. ровно столько же, сколько опредѣляется въ 14 ст. рус. прав. по акад. сп. [104]). Нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ три указанныя статьи (т. е. двѣ статьи русской правды по разнымъ ея спискамъ и одна статья мирной

---

[103]) „Аще кто взыщетъ коунъ на друзѣ, а онъ ся оучне запирати, то оже нань послуси выведеть, то ти пойдуть на роту, а онъ възметъ коуны свои; занеже не далъ ему есть за много лѣтъ, то платити ему за обиду три гривны". Проф. Владимірскій-Будановъ въ примѣчаніи къ этой статьѣ русск. пр.— (71-мъ на стр. 51) говоритъ, что здѣсь имѣются въ виду не тѣ послухи, о которыхъ говорится въ 14 ст. акад., что „роль судей въ случаѣ спора, приданная имъ по ст. 14 акад.,—смѣняется здѣсь ролью простыхъ свидѣтелей, которые подтверждаютъ существованіе сдѣлки и ея неисполненіе присягою предъ общественною властію". Итакъ, послухи въ данномъ случаѣ, по мнѣнію почтеннаго ученаго, суть свидѣтели совершенія сдѣлки, доказывающіе своимъ свидѣтельствомъ фактъ ея существованія. Мнѣніе это нельзя не признать довольно неожиданнымъ въ виду того, что и въ 14 ст. г. Владимірскій-Будановъ видитъ свидѣтелей же факта, только въ одномъ случаѣ онъ придаетъ этимъ свидѣтелямъ судейскую функцію, а въ другомъ оставляетъ ихъ при болѣе скромной роли современнаго свидѣтеля на судѣ. Впрочемъ, въ первомъ случаѣ, вѣроятно была обмолвка со стороны почтеннаго ученаго, какъ указано было выше. Но если такъ, если въ 14 ст. нужно видѣть послуховъ-соприсяжниковъ, то почему въ параллельной статьѣ другаго списка русской правды, говорящей объ одномъ и томъ же предметѣ, слѣдуетъ разумѣть нѣчто совсѣмъ другое? Изъ сопоставленія обѣихъ статей позволительно было бы сдѣлать выводъ не о разномъ качествѣ лицъ, упоминаемыхъ въ той и другой, а о неопредѣленности самого числа, о чемъ будетъ сказано ниже.

[104]) „Оже емати скотъ варягу на русинѣ, или русину на варязѣ, а ся его заприть; то 12 мужь послухъ идеть ротѣ възметъ свое".

грамоты новгородцевъ съ нѣмцами) имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же случай и даютъ прочное основаніе для того вывода, что, по древне-русскому законодательству, существованіе оспариваемаго должникомъ долга въ пользу истца-кредитора признавалось нѣсколькими послухами точно также, какъ статья 15-я карамз. даетъ основаніе для вывода о необходимости семи послуховъ для сверженія поклепной виры. Если бы даже мы рѣшились понимать подъ 12-ю человѣками академич. сп. русской правды двѣнадцать представителей общины, игравшихъ роль судей, на подобіе германскихъ шеффеновъ, то должны бы были далѣе допустить, что этотъ институтъ, какъ заимствованный, не удержался, ибо въ параллельной статьѣ другаго списка той же русской правды, какъ разъяснено выше, говорится о послухахъ, а не о двѣнадцати судьяхъ. Такимъ образомъ для изслѣдователя не остается какого либо другаго выхода: онъ долженъ имѣть дѣло съ послухами-соприсяжниками. Но слѣдуетъ ли отсюда заключать, что институтъ 12-ти послуховъ-соприсяжниковъ по дѣламъ долговымъ и институтъ 7-ми таковыхъ же послуховъ въ дѣлахъ по подозрѣнію въ убійствѣ были національными институтами, имѣвшими глубокіе и прочные корни въ юридическомъ быту русскихъ славянъ? Предположимъ даже, что сфера дѣйствія этихъ институтовъ была болѣе широкая, чѣмъ какою она представляется по буквальному смыслу статей русской правды, что 12-ть послуховъ функціонировали не въ однихъ только дѣлахъ по займу, а вообще въ дѣлахъ по договорамъ, что семь послуховъ очищали отъ подозрѣнія въ совершеніи не только убійства, но и нѣкоторыхъ другихъ тяжкихъ преступленій: имѣемъ ли мы достаточное основаніе въ источникахъ считать эти институты живыми органическими членами національной системы права, подобной той системѣ права, которая несомнѣнно существовала у германцевъ? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется затруднительнымъ по нѣкоторымъ соображеніямъ.

а) Памятники древняго русскаго законодательства обнаруживаютъ лишь весьма слабую и колеблющуюся тенденцію къ установленію точно опредѣленнаго числа послуховъ. Любопытно, что тотъ списокъ русской правды который говоритъ объ „изводѣ предъ 12-ти человѣка“, ничего не говоритъ о сверженіи поклепной виры семью послухами, и наоборотъ въ томъ спискѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ этихъ семь послуховъ, очищающихъ заподозрѣннаго отъ подозрѣнія въ убійствѣ, не оказывается 12-ти послуховъ, подкрѣпляющихъ исковое требованіе истца-заимодавца. Если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ 14 ст. акад. и въ 44 карамз. говорится объ однихъ и тѣхъ же лицахъ-послухахъ, то отнюдь не съ несомнѣнною ясностію выступаетъ тенденція древняго права отстоять число 12-ть. Какъ указано было выше, число это мы находимъ еще разъ въ мирной грамотѣ новгородцевъ съ нѣмцами, т. е. въ такомъ памятникѣ, на которомъ столько же — не говоримъ: болѣе — могло отразиться вліяніе германскаго права, какъ и вліяніе туземнаго права [105]). Однако въ договорныхъ съ нѣмцами грамотахъ немного болѣе поздняго времени число 12-ть совсѣмъ забывается. Въ договорной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригой, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г. говорится (ст. 33), что тяжебное дѣло между русскимъ и латиняниномъ, поконченное въ русской землѣ *передъ судьями и передъ добрыми людьми*,

---

[105]) Въ связи съ 10-ю статьею мирной грамоты, въ которой говорится о 12-ти послухахъ, находится предыдущая (9) статья той же мирной грамоты новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.: „оже тяжа родится безъ крови, снидутся послуси, и Русь, и нѣмцы, то вергутъ жеребее, кому си вынимь, ротѣ шьдъ свою правду взъмуть“. Въ данномъ случаѣ, говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ (Хрестоматія, вып. I, прим. 14, на стр. 91), т. е. въ случаѣ гражданскаго, неуголовнаго, тяжебнаго дѣла, жребій рѣшаетъ не сущность дѣла, а то, кому предоставить присягу, которая и считается высшимъ средствомъ доказательства въ дѣлахъ гражданскихъ. Допустимъ, что и тутъ число послуховъ разумѣется двѣнадцать.

не пересуживается въ Ригѣ и на готскомъ берегу, и наоборотъ дѣло, поконченное такимъ-же точно способомъ въ Ригѣ и на готскомъ берегу, не пересуживается въ русской землѣ. Кого нужно разумѣть здѣсь подъ „добрыми людьми", въ отличіе отъ судей, видно изъ 13-й статьи той же договорной грамоты: „русину не оупирати латинина однемь послухомъ, аже не боудѣте двою послуху, одиного немчича, а другого русина *добрыхъ людей*; тако латинину не пърьпрети русина, аже не боудѣть послуха роусина, а дроугого немчина у Ризѣ и на гочкомъ березѣ". Слѣдовательно, добрые люди суть послухи, при помощи которыхъ покончивается судное дѣло между русскимъ и нѣмцемъ,—и этихъ послуховъ должно быть по *два* съ каждой стороны. Можетъ быть даже, что эти послухи суть не послухи въ выше разъясненномъ смыслѣ, а свидѣтели-очевидцы заключенія сдѣлки, или совершенія факта, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорится о послухахъ въ ст. 19 той же договорной грамоты: „аже насилоуеть робѣ, а боудоуть на него послоуси, дати ему гривна серебра; такова правда оузяти роусину оу Ризѣ и на гочкомъ березѣ". Здѣсь говорится не о соприсяжникахъ, очищающихъ виновнаго отъ подозрѣнія, а о послухахъ, свидѣтельствующихъ *на него*, противъ него, т. е. объ очевидцахъ совершеннаго имъ преступленія. Въ смыслѣ же очевидцевъ (видоковъ) говорится иногда о послухахъ и въ русской правдѣ [106]).

---

106) Ст. 24 карамз.: „иже пріидетъ кровавъ мужъ на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажи 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ слово противу слова, а кто ли будетъ началъ, то тому платити 60 кунъ, аще же и кровавъ пріидетъ или боудеть самъ почалъ, *а выступятъ послуси*, то ему за платень оже и били". Такъ какъ эта статья, а равно и слѣдующія за нею 25-я и 26-я статьи встрѣтились мнѣ съ нѣкоторыми варіантами противъ извѣстныхъ въ печати редакцій,—встрѣтились притомъ въ такой статьѣ, которая въ свое время должна была претендовать на нѣкоторое практическое значеніе, то я нахожу не излишнимъ воспроизвести здѣсь текстъ названныхъ статей по нижеозначенной руко-

б) Изъ того, что мы знаемъ объ юридической жизни нашихъ предковъ въ удѣльныхъ княжествахъ, на которыя дробилась русская земля, мы не имѣемъ возможности извлечь что либо для подтвержденія того положенія, что судъ 12-ти мужей, или присяжное показаніе 12-ти послуховъ по дѣламъ гражданскимъ и седьмеричное число послуховъ-соприсяжниковъ въ дѣлахъ по подозрѣнію въ убійствѣ были національными институтами, имѣвшими прочные корни въ юридическомъ сознаніи и въ юридической жизни народа. Воспоминанія, уцѣлѣвшія о послухахъ въ псковской судной грамотѣ [107]),

---

писной кормчей отъ XVI в., причемъ подчеркиваются важнѣйшіе варіанты противъ карамз. сп. „О мужѣ кровавѣ. Аще пріидетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, то видока ему не искати, но платити ему *продажа за безчестіе каковъ будетъ*. Аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ слово противу слова, а кто будетъ почелъ, *тому платити куны въ что и обложатъ*. Аще же и кровавъ пріидетъ или будеть самъ почелъ, а *вылѣзутъ послуси*, то то ему за платежъ оже и били. Аще ударитъ мечемъ или ножемъ, а не утнеть на смерть, то *князю вины 9 гривенъ, а истцу за рану судятъ*, а оже лѣчебное, потнеть ли на смерть, то вѣра платити. Аще ли пехнетъ мужъ мужа, любо къ себѣ, либо отъ себѣ, либо по лицу ударить, или жердію ударитъ безъ знаменія, *а видокъ будетъ, безчестіе ему платити, аже будетъ боляринъ великихъ бояръ или меньшихъ бояръ, или людинъ городскій или селянинъ, то по его пу͠ти (пути?) платитъ безчестіе*. А оже будетъ варягъ или колобягъ крещенія не имѣя, а *будетъ има бои, а видока не будетъ, ити има роть по своей вѣрѣ, а любо на жребій, а виноваты въ продажѣ въ что и обложатъ*". Такъ читаются 24—26 ст. рус. пр. кар. въ статьѣ: „о послусѣхъ и о числѣ ихъ", которая обыкновенно помѣщается въ „мѣрилахъ праведныхъ" (см. напр. москов. синод. библ. №№ 524 и 525 на листахъ 88-мъ первой и 84-мъ второй рукописи), а также и въ кормчихъ (напр. румян. № 238 и др.) и которая содержитъ въ себѣ не то, что содержится въ „главахъ о послусѣхъ", составляющихъ одну изъ составныхъ частей „книгъ законныхъ" (см. изд. А. С. Павлова, стр. 85), а разныя мѣста изъ канoновъ и изъ канонич. статей, изъ моисеева закона, изъ судебника царя Константина (извѣстныя намъ статьи), изъ законовъ Леона Философа, Алексѣя Комнена, Юстиніана и, между прочимъ, статьи изъ русской правды (кромѣ вышеприведенныхъ еще о „нескладаніи послушества на холопа"). Воспроизведенная редакція 24—26 ст. р. пр. заимствована изъ кормч. спб. публ. библ. F II № 78 (съ которою ср. погодин. № 237) Но въ спискѣ самой русской правды, которая содержится въ этой же кормчей, статьи 24—26 читаются, какъ въ печатномъ карамз. сп.

[107]) См. 58 и 88 ст. псков. судн. грам., а также ст. 20—24, 27, 117. Объ

представляютъ собою весьма слабый фундаментъ для признанія института 12-ти и 7-ми послуховъ русскимъ національнымъ учрежденіемъ. А что касается старостъ и цѣловальниковъ московскаго государства, которымъ велѣно было присутствовать на судѣ у бояръ и ихъ тіуновъ [108]), то на нихъ правильнѣе было бы смотрѣть какъ на институтъ, вынужденный крайнею необходимостію внести какую-нибудь правильность въ отправленіе суда, чѣмъ какъ на отголосокъ традиціонно-національныхъ 12-ти и 7-ми судей-послуховъ. Это не значитъ, чтобы русскимъ славянамъ было чуждо стремленіе къ такой организаціи суда, при которой бы давалось участіе общественному элементу, и которою бы всего лучше гарантировалось удовлетвореніе чувства справедливости; но между стремленіемъ къ выработанному и опредѣленному институту и между самымъ этимъ институтомъ находится очень большое разстояніе, и отъ перваго еще никакъ нельзя заключать къ послѣднему. Изъ опредѣленныхъ, выработанныхъ институтовъ составляется то, что называется юридическимъ порядкомъ, а порядка-то именно и не было у нашихъ предковъ, какъ сами они чистосердечно сознавались, приглашая къ себѣ князей изъ-за моря. Наши предки выступили на арену всемірной исторіи съ тѣми же качествами, съ какими позднѣе они выступали и съ какими теперь являются,—съ способностію воспріятія разнообразныхъ элементовъ и возведенія ихъ къ высшему синтезу, хотя бы и не путемъ спокойнаго роста, а путемъ тяжелыхъ

этомъ *В. И. Сергѣевичъ,* Лекціи и изслѣдованія ст. 570 и 975. Если изъ псковской судной грамоты видно, что на судъ по тяжебнымъ дѣламъ обѣ тяжущіяся стороны являлись съ цѣлыми толпами друзей и родственниковъ, готовыхъ помогать сторонамъ, и если грамота сама запрещаетъ ходить на судъ „помочью", приказывая лѣзть въ судебницу только тяжущимся; то изъ этого можно бы было скорѣе заключить о несуществованіи, чѣмъ о существованіи у нашихъ предковъ развитаго института соприсяжниковъ.

[108]) Ст. 62 судебника 1550 г.

историческихъ опытовъ. Во всякомъ случаѣ непремѣнное требованіе строгой науки состоитъ въ томъ, чтобы народныя черты, насколько онѣ обрисовались въ послѣдовательномъ движеніи исторической жизни народа, не были опускаемы изъ вида изслѣдователемъ и тогда, когда онъ задается цѣлью выяснить начальный моментъ и первыя стадіи этой жизни. Нѣкоторые памятники, содержащіеся въ рукописныхъ кормчихъ книгахъ и въ другихъ сборникахъ и принадлежащіе къ древнѣйшимъ временамъ исторической жизни русскаго народа, даютъ видѣть, что сколько нибудь организованнаго и регулированнаго участія общинъ въ отправленіи суда, подобнаго тому, какое наблюдается напримѣръ въ капитуляpахъ франкскихъ королей и императоровъ [109]), у нашихъ предковъ не было, что поэтому правосудіе находилось исключительно у правительственныхъ органовъ, къ которымъ однимъ и обращены были разныя увѣщанія и обличенія. Возьмемъ напримѣръ апокрифическое слово Василія Великаго о судіяхъ и о властеляхъ. Авторъ обращается къ лицамъ, высшую власть имѣющимъ, и упрекаетъ ихъ: „понеже поставляете *тивуны*, мужи не богобоязливы, товара дѣля напустивши въ люди, яко бѣшена пса, да оваго уморить, а другаго болѣзни оставить, иного же язвить и хромаго учинить и тако всѣ люди изгубить. Иже безъ правды *тивунъ* кого осудивъ продастъ и тѣми кунами

---

[109]) „Vult dominus imperator, ut in tale placitum quale ille nunc jusserit veniat unusquisque comes et adducat secum duodecim scabinos, si tanti fuerint. Sin autem, de melioribus hominibus illius comitatus suppleat numerum duodenarium“ (Capitula legi salicae addenda, § 2, 819 an. Pertz, leg. t. 1. p. 227). Еще: „aut in omni comitatu hi qui meliores et veraciores inveniri possunt, eligantur a missis nostris ad inquisitiones faciendas et rei veritatem dicendam, et ut adjutores comitum sint ad justitias faciendas.—Volumus, ut quicunque de scabinis deprehensus fuerit propter munera aut propter amicitiam vel inimicitiam injuste judicasse“ etc. (Capit. Vormatiense 829 an. Pertz, p. 351. §§ 3. 4). Или: „de judicibus, advocatis, praepositis et reliquis ministris, quales sint, ut judices, advocati, praepositi, centenarii, vicarii, scabinei, quales meliores inveniri possunt constituantur ad sua ministeria exercenda (Ansegisi, Capitularium lib. III. c. 5 . въ названномъ изданіи *Перца*).

купитъ себѣ ясти же и пити и одѣяніе себѣ, и вамъ тыми же кунами строить обѣды и пиры“ и проч. Потомъ ниже: „вы въ себе мѣсто поставляете *властели и тіуны*, мужи, небогобоязливы, язычны, злохитры, суда не разумѣюще, правды не смотряще, пьяни судяще и спѣшаще судомъ (а Богъ повелѣлъ не единѣмъ вещь испытати) грабители, мздоимцы, гордостію и величіемъ возносящеся.... тѣмъ же разумѣйте, цари и князи, бойтеся страха Вышняго; избравше мужи богобойны, испытати подобаетъ опаснѣ, какъ житіе и нъравъ не напраснъ, не гнѣвъ воздержецъ, преподобенъ и страннопріимецъ, и нищелюбецъ, и цѣломудръ, и ложе его чисто, кромѣ всякія скверны и вещи лукавственны, питію многому не прилежа“ [110]. Припомнимъ также популярный среди составителей рукописныхъ юридическихъ сборниковъ разсказъ о томъ, какъ отвѣтилъ епископъ Семенъ князю полоцкому Константину на вопросъ этого послѣдняго: гдѣ быть тивуну на ономъ свѣтѣ?— „гдѣ и князю“, былъ отвѣтъ епископа.—„Князь же, не улюбивъ того, молвитъ епископу: тіунъ неправду судитъ, мзду имѣетъ, люди продаетъ, мучитъ, лихое все дѣетъ, а азъ что дѣю?“ А епископъ на это: „аже будетъ князь добръ и богобоинъ, жалуетъ людей, правду любитъ, избираетъ тіуна или кого волостеля мужа добра и богобоина... по закону Божію вся творяща и судъ вѣдуща, и князь въ раи, и тивунъ въ раи. Будетъ ли князь безъ Божія страха, христіанъ не жалуетъ, сиротъ не милуетъ, и вдовицами не печалуется, поставляетъ тивуна или коего воластеля человѣка зла, Бога не боящася и закона Божія не вѣдуще и суда не разумѣюще, толико того дѣля, а бы князь товара добывалъ, а людей не щадитъ, аки *бѣшена человѣка пустилъ* на людъ, давъ ему

---

[110]) Прав. Собесѣдникъ, 1864, ч. 1. По замѣчанію издателей, слово Василія Великаго издано здѣсь по рукописной кормчей XV в. и имѣетъ видъ какъ бы дополнительной инструкціи къ русской правдѣ.

мечъ, такъ и князь, *давъ волость человѣку избити людъ*, и князь во адъ, и шивунъ съ нимъ во адъ“ [111]). Сопоставляя свидѣтельства изъ западно-европейскаго законодательства объ органическомъ включеніи 12-ти шеффеновъ въ судебную организацію и о возложеніи на нихъ обязанности судить право и нелицепріятно съ вышеприведенными свидѣтельствами изъ памятниковъ русской старины, въ которыхъ княжескіе судебные органы рисуются съ безграничною возможностію судить вкривь и вкось, набрасываться на народныя общины съ неразборчивою лютостію и топить вмѣстѣ съ собственною душою и душу князя, при совершенномъ умолчаніи приэтомъ о какомъ-бы то ни было—и въ какой бы то ни было формѣ—участіи общины въ отправленіи суда, мы не имѣемъ права сказать, чтобы судные мужи и послухи были національнымъ русскимъ институтомъ.

в) Но, говорятъ, существованіе судныхъ мужей или послуховъ-судей есть несомнѣнный фактъ въ исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ. Договаривались даже до того, что судные мужи-поротники суть именно славянскій институтъ, неизвѣстный германцамъ, за исключеніемъ англосаксовъ. Такъ напр. Бодянскій [112]) полагалъ, будто нѣмецкіе писатели послѣ добросовѣстнаго изученія древняго германскаго быта отказались найдти учрежденіе присяжныхъ у древнихъ германцевъ, сознаваясь откровенно (!), что оно противорѣчитъ всему образу жизни и понятіямъ предковъ ихъ и поэтому должно быть разсматриваемо, какъ пришлое къ нимъ со стороны заимствованіе, будто даже англійскіе правовѣды, на-

---

[111]) *Розенкампфъ,* Обозр. кормч. кн. стр. 217—218.

[112]) Въ примѣчаніи къ переведенной имъ (весьма слабой) статьѣ Фр. Палацкаго: „Сравненіе законовъ царя Стефана Душана сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями чеховъ“, помѣщ. въ Чтеніяхъ москов. общ. ист. и древн. рос. Годъ первый, II.

зывая это учрежденіе англосаксонскимъ, говорятъ однако, что они никакъ не могутъ согласить его съ прочимъ устройствомъ своего народа и потому тоже признаютъ его пришельцемъ у себя, и будто такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, „ясно открывается, что народомъ, давшимъ бытіе суду присяжныхъ, были наши предки, племя славянское“ и т. д. Бодянскій готовъ пожалуй оказать снисхожденіе нѣмецкимъ народамъ: очистники или соприсяжники (conjuratores, Eideshelfer) встрѣчаются пожалуй и у нихъ; —но „поротниковъ“ (т. е. свидѣтелей и вмѣстѣ судей, говоря словами Палацкаго,—правильнѣе же сказать: шеффеновъ, такъ какъ шеффены именно наиболѣе соотвѣтствуютъ славянскимъ поротникамъ и современному институту присяжныхъ засѣдателей) у германскихъ народовъ не было, за исключеніемъ англосаксовъ. Насколько неосновательно мнѣніе Палацкаго и Бодянскаго о неизвѣстности института присяжныхъ германскимъ народамъ, видно уже изъ того, что раньше сказано о разныхъ категоріяхъ свидѣтелей у германскихъ народовъ: достаточно познакомиться хотя бы съ упомянутыми выше изслѣдованіями Гримма, Рогге, Вайца [113]), чтобы убѣдиться въ томъ, что 12 шеффеновъ и 12 соприсяжниковъ у германцевъ-то именно и были общераспространенными институтами. Посмотримъ теперь, насколько основательно увѣреніе Бодянскаго и Палацкаго, что „поротники“, какъ родоначальники позднѣйшихъ присяжныхъ, суть институтъ славянскій. Во-первыхъ, что касается *чеховъ*, то Палацкій самъ не рѣшается утверждать, чтобы „порота“ была извѣстна старымъ чехамъ; если гдѣ въ старыхъ чешскихъ памятникахъ, говоритъ онъ, (стр. 21) рѣчь идетъ о присягѣ нѣсколькихъ лицъ для оправданія кого-либо предъ судомъ, тамъ разумѣются обыкно-

---

[113]) См. также Savigny, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, B. 1. Heidelberg, 1815, стр. 195 и сл.

венно не „поротцы“, а помощники или очистники, соприсяжники (Eideshelfer, conjuratores). Дальше слѣдуютъ *сербы*. У сербовъ, въ самомъ дѣлѣ, повидимому, „порота“, подъ этимъ именно названіемъ, развилась въ строго опредѣленный юридическій институтъ. „Поротцы“ или „поротники“—это тѣ судьи, которые избирались для одного только дѣла и для этого именно спеціальнаго случая принимали присягу. Они избирались съ той и другой тяжущейся стороны изъ того сословія, къ которому принадлежали тяжущіеся, но не изъ родственниковъ ихъ. Въ „законникѣ Стефана Душана“ опредѣлено: „отнынѣ и въ будущемъ да будетъ порота и за большое дѣло, и за малое, въ большемъ да будетъ 24 поротника, въ маломъ 12 поротниковъ, а въ меньшемъ дѣлѣ 6,—и эти поротники да невольны никого помирить, но только оправдать или обвинить, и пусть будетъ всякая порота въ церкви, и попъ въ ризахъ да приведетъ ихъ къ присягѣ, и въ поротѣ за кого большинство кленется и кого большинство оправдаетъ, тѣмъ слѣдуетъ и вѣрить“ [114]). Но „законникъ Стефана Душана“ явился въ половинѣ XIV столѣтія: можно ли доказать, что въ законодательствѣ Душана приведено въ ясность и санкціонировано лишь то, что имѣло обычаемъ созданную силу втеченіе предшествовавшихъ столѣтій? Порота, по словамъ Майкова [115]), является въ Сербіи съ половины XIII в., но нѣтъ сомнѣнія, утверждаетъ Майковъ, что она существовала въ Сербіи искони, какъ древній обычай. Однако ниже онъ же самъ доказываетъ документально, что при сербскихъ короляхъ Урошѣ I и Милутинѣ, въ спорѣ сербовъ съ дубровничанами и нѣмцами, требовалось только по одному поротнику съ той и съ другой стороны, да и самыхъ

---

[114]) Ст. 153. Законникъ Стефана Душана по изд. *Зигеля*, Спб. 1872.

[115]) *Майковъ*, Исторія сербскаго языка, по памятникамъ, писаннымъ кириллицей, въ связи съ исторіей народа. Москва 1857, стр. 108.

терминовъ:: „порота“ и „поротцы“ до „законника Стефана Душана“ не видно. Въ первый разъ „поротцы“, какъ таковые, выступаютъ въ „законникѣ“, и въ „законникѣ“ же въ первый разъ число ихъ отъ двухъ увеличено до 24 для важнаго дѣла, 12-ти для дѣла средней важности и 6-ти для малозначущаго [116]). Принимая же наконецъ во вниманіе то обстоятельство, что до второй половины XII в. историческая жизнь сербовъ была и остается мало извѣстною, и что народы балканскаго полуострова, особенно сербы и хорваты, испытывали на себѣ сильныя романо-германскія вліянія, мы, безъ особаго риска впасть въ противорѣчіе съ требованіями науки, можемъ утверждать, что законодательство Стефана Душана не можетъ быть приводимо въ доказательство славянскаго происхожденія института 12, или 2×12, или $^1/_2$ 12 поротниковъ. Болѣе солиднымъ доказательствомъ этого происхожденія могло бы послужить хорватское законодательство. Въ такихъ уставахъ, какъ винодольскіе законы или полицкій статутъ, говоритъ проф. Леонтовичъ, [117]) удержалась славянская старина во всей своей первобытной свѣжести и неприкосновенности: въ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ славянской старины воспроизведенъ, по мнѣнію почтеннаго ученаго, въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ, по изстариннымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, при самомъ слабомъ вліяніи чуждыхъ источниковъ. Остановимъ наше особенное вниманіе на законахъ винодольскихъ, такъ какъ другіе хорвато-далматскіе уставы не имѣютъ такой древности, какъ законы винодольскіе, и что касается въ частности полицкаго статута, то, по словамъ профессора Леонтовича, статутъ не дошелъ до насъ въ первоначальномъ ви-

---

[116]) *Майковъ,* 109.

[117]) *Леонтовичъ,* Древнее хорвато-далматское законодательство (Записки новор. универс. 1868, т. I). стр. 1.

дѣ, теперь извѣстны только позднѣйшіе переработанные списки, содержащіе въ себѣ сборникъ разновременныхъ законовъ XV—XVIII столѣтій [118]). Винодольскій статутъ или уставъ явился въ концѣ XIII столѣтія, въ 1288 г., правда, на основаніи „старыхъ искушенныхъ законовъ винодольскихъ„, т. е. въ сообразность изстариннымъ, многія времена практиковавшимся, народнымъ обычаямъ. Предположимъ такимъ образомъ, что юридическіе институты, засвидѣтельствованные винодольскими законами, принадлежатъ не XIII столѣтію, а гораздо болѣе раннему времени. Хорваты, какъ извѣстно, уже съ X столѣтія подчинились римской церкви и, вообще говоря, опередили другихъ славянъ въ дѣлѣ законодательства. Они въ X-мъ уже столѣтіи получили первый церковный уставъ, выработанный въ присутствіи князя Томислава и римскихъ легатовъ [119]). Извѣстно далѣе, что хорваты до конца IX столѣтія находились подъ властію нѣмецкихъ каролинговъ [120]), а затѣмъ и позднѣе всегда состояли въ непосредственно живомъ взаимоотношеніи съ романо-германскимъ міромъ и большею частію въ подчиненіи ему. Почему же именно у этихъ самыхъ хорватовъ въ нѣсколькихъ хорватскихъ жупахъ (т. е. общинахъ), разбросанныхъ по Далмаціи, могла удержаться „славянская старина во всей ея свѣжести и неприкосновенности“? Почему нельзя предположить, что если въ юридической жизни находившагося въ такихъ условіяхъ славянскаго племени, выработались извѣстные опредѣленные юридическіе институты, то на выработку этихъ институтовъ повліяла юридическая жизнь окружающихъ его германскихъ на-

---

118) *Леонтовичъ*, ibid. 63.

119) *Леонтовичъ*, стр. 4. Farlati, Illyrici sacri tomus tertius. Ecclesia Spalatensis olim Salonitana, Venetiis, 1765. pag. 84 и 96—97.

120) *Дриновъ*, Южные славяне и Византія въ X в. (Чтенія въ москов. общ. ист. и древн. росс. 1875, III), стр. 44—46.

родовъ, подобно тому какъ хорватскій языкъ воспринялъ въ себя массу неславянскихъ словъ [121])? Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ интересующему насъ вопросу, мы находимъ, что институтъ поротниковъ развился здѣсь въ такихъ формахъ, которыя имѣютъ весьма мало общаго и съ чешскимъ, и съ сербскимъ, и съ русскимъ правомъ. Статуть винодольскій знаетъ, подъ именемъ ротниковъ или поротниковъ, не судей, какъ представителей общины, не шеффеновъ, а исключительно соприсяжниковъ той и другой тяжущейся стороны. Поротники истца подкрѣпляли присягу истца, дававшуюся имъ въ подтвержденіе своей жалобы или обвиненія; поротники отвѣтчика подкрѣпляли присягу отвѣтчика, посредствомъ которой этотъ послѣдній очищалъ себя. Дѣла, по которымъ допускаемы были поротники, суть: убійство, разбой, грабежъ и насилія всякаго рода, въ особенности изнасилованіе женщинъ, кража и поджогъ, вообще дѣла уголовнаго, а не гражданскаго характера. Число поротниковъ колеблется, смотря по важности дѣла, т. е. по тяжести преступленія: въ разбоѣ обвиняемый очищаетъ себя съ 85-ю поротниками; обвиняемый въ убійствѣ присягаетъ самъ 50-й; при изнасилованіи требуется 25 поротниковъ, при большой татьбѣ 12-ть, при малой 6-ть поротниковъ. Но эти числа означаютъ только minimum, такъ какъ уставъ часто предлагаетъ истцу или отвѣтчику представлять за себя такъ много поротниковъ, какъ только можетъ онъ [122]). Оказывается такимъ образомъ, что хорватскіе ротники не были судьями, оправдывающими или обвиняющими, какъ сербскіе поротники, а были только со-

---

121) Таковы напр. встрѣчающіяся въ статутѣ винодольскомъ слова: каштигати (castigare, наказать), пена (poena, пеня), маша (messa, обѣдня), оффиція (officium, должность), оффиціалъ (officialis, должностное лицо), фальсо (falso, ложно) и т. п.

122) *Леонтовичъ*, стр. 43—44.

присяжниками, очищавшими репутацію обвиняемаго въ преступленіи, или поддерживавшими репутацію истца, въ количествѣ, неизвѣстномъ другимъ славянскимъ памятникамъ. Количество это можно сравнивать съ количествомъ соприсяжниковъ у германскихъ народовъ, у которыхъ оно доходило до 72,— только у германцевъ число соприсяжниковъ не было случайнымъ, а находилось въ точномъ соотношеніи съ размѣрами виры, которую слѣдовало бы виновному уплатить, если бы виновность его была констатирована, а въ винодольскомъ статутѣ этого соотношенія не видно [123]).

Вышеизложенныя замѣчанія объ институтѣ свидѣтелей по германскому и славянскому праву, въ отличіе отъ римскаго и византійскаго, даютъ возможность съ нѣкоторою ясностію опредѣлить смыслъ и происхожденіе извѣстныхъ намъ постановленій славянскаго закона суднаго о послухахъ. Объяснять эти постановленія вліяніемъ славянскаго права было бы противонаучнымъ предпріятіемъ даже и потому, что сохранившіеся до нашего времени законодательные памятники разныхъ славянскихъ народовъ принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ славянская передѣлка еклоги, извѣстная подъ именемъ закона суднаго людемъ. Законъ судный всѣми изслѣдователями согласно пріурочивается къ эпохѣ обращенія въ христіанство болгаръ, которые, не задолго передъ тѣмъ занявъ страну, населенную славянами, пожалуй только что успѣли къ тому времени славянизироваться вполнѣ и окончательно. Притомъ, сравнивая древнѣйшій законодательный памятникъ южныхъ славянъ—статутъ винодольскій—съ постановленіями закона суднаго о послухахъ, мы не найдемъ такого сходства въ отношеніи къ числу и къ функціямъ послуховъ, на основаніи котораго можно бы было заключить, что источникъ тѣхъ и другихъ постановленій одинъ и тотъ же—славянское

---

[123]) Rogge. стр. 157 и сл.

правосознаніе и славянскій юридическій бытъ. Число послуховъ по закону судному должно быть не 85, не 50 и проч., а въ важныхъ дѣлахъ 11-ть, въ дѣлахъ меньшей важности — отъ 7-ми до 3-хъ. Что касается функціи послуховъ по закону судному, то, — какъ это усматривается изъ вышеприведеннаго текста его постановленій, и какъ это ниже будетъ разъяснено съ большею подробностію, — послухи закона суднаго не суть ни судьи, ни соприсяжники. Скорѣе можно бы было говорить о вліяніи на законъ судный германскаго права, именно черезъ лонгобардовъ и Италію, предполагая, что редакторъ закона суднаго, уже обнаружившій предъ нами знакомство съ западомъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, скорѣе и ближе всего долженъ былъ знать - по непосредственному ли усмотрѣнію, или по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ другихъ, напр. отъ кого либо изъ римскихъ духовныхъ лицъ — судный порядокъ сѣверной Италіи. Припомнимъ выше цитированный законъ короля Ротаря, по которому въ спорныхъ дѣлахъ на сумму до 20 солидовъ отвѣтчикъ долженъ принести очистительную присягу самъ двѣнадцатый, т. е. съ *одиннадцатью* соприсяжниками, въ дѣлахъ на сумму до 12 солидовъ — самъ шестъ, а въ самыхъ маловажныхъ дѣлахъ самъ третей [124]). Не упустимъ, кромѣ того, изъ вниманія того важнаго обстоятельства, которое было замѣчено знаменитымъ юристомъ Савиньи. Савиньи нашелъ рукопись, написанную въ Италіи, послѣ того какъ лонгобардское королевство вошло въ составъ имперіи Карла Великаго, и послѣ того какъ уже самая имперія Карла Великаго пришла въ упадокъ, именно въ промежуточное время отъ паденія каролинговъ до Оттоновъ. Рукопись эта, получившая названіе: „codex Utinensis“ содержитъ въ себѣ, какъ говоритъ Савиньи, государственное и частное право римлянъ лонгобардскаго государства въ концѣ IX-го

---

124) См. выше прим. 78.

И. Тарасовъ.

О СОЦІАЛИЗМѢ.

Публичная лекція.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. Г. Фалькъ, Духовская ул.
1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

Дорогому и многоуважаемому другу

Владиміру Петровичу

СТРАТАНОВИЧУ

посвящаетъ

авторъ.

Мм. Гг.!

На почвѣ, взрыхленной революціей прошлаго столѣтія, выросло, между прочимъ, три дерева, судьбы которыхъ изумительно различны. Первое изъ нихъ—милитаризмъ—насажденное Наполеономъ и обильно орошаемое кровью человѣческой, разрослось въ громадное, густолиственное дерево, грозящее заслонить собою свѣтъ Божій.... Второе—конституціонализмъ—насажденное буржуазіей, дало на первыхъ порахъ пышный цвѣтъ, но парламентарные плоды его оказались дряблыми, приторными и для демократическаго желудка завѣдомо неудобоваримыми;—говорятъ, и—думаю я—не безъ основанія, нашъ-же вѣкъ увидитъ это дерево уже срубленнымъ или увядшимъ. Третье дерево это—соціализмъ, насадителемъ котораго было т. н. четвертое сословіе.

Четвертое сословіе, въ свою очередь, было порожденіемъ новыхъ элементовъ все той-же революціонной эпохи, того новаго общественно-хозяйственнаго строя, который возникъ на развалинахъ цеховаго порядка, послѣ провозглашенія полной свободы труда и примѣненія къ производству хитроумныхъ изобрѣтеній Уатта, Аркрайта и Харгревса, научившихъ людей заковывать паръ въ котлы на служеніе потребностямъ и прихотямъ человѣка и въ замѣну ручнаго труда человѣческаго. Точно разверзлась преисподняя,—такъ быстро начали исчезать съ лица земли тьмы прежнихъ мелкихъ мастерскихъ и

изобиліе ремесленныхъ заведеній съ ихъ мастерами-хозяевами и учениками-подмастерьями; и, на удивленіе міру, стали возникать невиданныя дотолѣ чудовищно-грандіозныя частныя промышленныя предпріятія, съ ихъ единичными царьками-хозяевами, — обладателями милліоновъ, и тысячами наемныхъ рабочихъ, бьющихся изъ-за хлѣба насущнаго. Отношенія между тѣми и другими должны были опредѣляться, конечно, уже не цеховыми правилами, которыя знали и вѣдали лишь мастера, подмастерьевъ и учениковъ, а не болѣе и не менѣе какъ свободнымъ договоромъ или, вѣрнѣе сказать, борьбой, хотя и свободной, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой побѣда обезпечена сильнѣйшему. Это—если вещи называть ихъ настоящими именами—борьба ягнятъ со львами,—борьба тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ слабѣе противная сторона. Эта-то противная сторона, этотъ многочисленный классъ лицъ, живущихъ заработной платой и нерѣдко рабски зависимыхъ отъ нанимателей, и получилъ названіе четвертаго сословія,— сословія, которое, съ одной стороны, таитъ въ себѣ всѣ элементы броженія и тревоги, вызываемыхъ постояннымъ безпокойствомъ за настоящее и гнетущимъ сознаніемъ полной необезпеченности въ будущемъ, съ другой —является серьезною угрозой всему современному общественному строю и всѣмъ хозяйственнымъ основамъ, служащимъ опорой ему. Именно четвертымъ сословіемъ, его нуждами и жалобами, его воплями отчаянія и взрывами негодованія вызванъ былъ соціализмъ, т. е. то новое ученіе и та новая программа внутренней политики, въ которыхъ личность подчиняется государству, а труду и представителямъ его отмежевывается первенствующее положеніе въ новомъ общественно-хозяйственномъ строѣ.

Ростъ и этаго третьяго дерева былъ сравнительно быстрый, если имѣть въ виду чахлый ростокъ, изъ котораго оно пошло. Причина-же этому коренится въ значительной степени въ тѣхъ обманутыхъ надеждахъ, которыя связывались съ новыми политическими формами, насажденными революціей. Буржуазно-конституціонная монархія раскрыла настежь двери карьеры капиталу и таланту, но не черному труду и добродѣтели; а тѣмъ временемъ, при новыхъ условіяхъ капиталистическаго производства, борьба между капиталистомъ и рабочимъ обострялась все болѣе и болѣе; пропасть, раздѣляющая два класса съ діаметрально противоположными интересами, помыслами и желаніями расширялась все болѣе и болѣе, до того, что совпаденіе счастья, свободы и благоденствія одного класса съ благополучіемъ другаго стало представляться легкомысленнымъ увлеченіемъ или дьявольскимъ обманомъ. Кромѣ того, хозяйственные кризисы, какъ новый элементъ новыхъ условій и формъ производства, безъ правильнаго соотвѣтствія между спросомъ и предложеніемъ, тѣмъ болѣе убѣдили рабочаго въ шаткости его положенія и серьёзности той опасности, которая постоянно угрожаетъ ему. Не обнимая взоромъ всей обстановки хозяйственной дѣятельности общества, рабочій не вдавался въ глубокій анализъ истинныхъ причинъ кризисовъ: виновникомъ этаго страшнаго для него бѣдствія онъ назвалъ капиталиста и только его одного. Если-же рабочему указываютъ, какъ на исходъ, на покровительство законодательства и на благодѣянія самопомощи, то онъ не вѣритъ уже ни въ то ни въ другое. Обращая свой взоръ къ конституціонному законодательству, къ коллегіальнымъ органамъ его, — что видитъ тамъ

рабочій?—Представительство интересовъ, но отнюдь не его!—народныхъ представителей, но не отъ народа!—изданіе законовъ, но такихъ, которые защищаютъ сильныхъ отъ слабыхъ, а не обратно!—установленіе порядка, но такого, который обезпечиваетъ господство, а не справедливость! Что-же касается самопомощи, то рабочій, изведавъ ее на практике и вкусивъ отъ плодовъ ея, преисполнился лишь презренія къ фарисеямъ, дерзающимъ продолжать говорить о ней. Могъ-ли после этаго рабочій не оказаться болезненно отзывчивымъ ко всему тому, что было страстной критикой настоящаго и указаніемъ на будто-бы возможное лучезарное будущее? Могъ-ли рабочій не обратить своего взора полнаго надежды въ сторону техъ, которые громогласно заявили о первенствующихъ правахъ труда,—которые начали требовать участія труда въ пользованіи политическими правами для отстаиванія его интересовъ,—которые поведали міру, что трудъ, олицетворяемый народомъ, демократіей, долженъ стать въ основаніи новаго общественнаго строя; словомъ—которые уверяли и уверяютъ, что независимо отъ требованія равноправности, рабочій долженъ заместить собою буржуа, подобно тому, какъ въ свое время, такъ недавно, буржуа дерзко всталъ на место дворянина? А именно все это сказали рабочему соціалисты.

Но не въ апологіи труда заключается вся суть или даже только существеннейшая часть соціализма. Нетъ! темъ более, что въ этомъ не было-бы и ничего новаго, такъ какъ уваженіе къ труду, возведеніе трудолюбія на степень добродетели, резкое порицаніе праздности и тунеядства,—все это было всегда, у всехъ народовъ и во все времена. Не говоря уже о Библіи, не училъ-ли

Конфуцій, что если есть одинъ праздный человѣкъ, то есть другой умирающій съ голоду. Гезіодъ говоритъ, что „предъ дверьми добродѣтели боги безсмертные горькій трудъ положили“. Эпихармъ,—ученикъ Пиѳагора, указывалъ на то, что „за трудъ все намъ боги подаютъ благіе“. Наконецъ, и Политическая Экономія, начиная съ самого Адама Смита по настоящее время, нигдѣ не учила и не учитъ тому, что если купецъ наѣстся, то будетъ сытъ и рабочій... Повторяю, не въ этомъ, столь древнемъ, прославленіи труда заключается опорный пунктъ ученія соціалистовъ, а потому невѣрно также и то, какъ утверждаютъ иные, принимающіе это именно за суть, будто-бы соціализмъ ведетъ свое начало издавна, а не съ конца прошлаго столѣтія. Наоборотъ, соціализмъ является цѣликомъ порожденіемъ новѣйшихъ условій общественно-хозяйственной жизни, установившихся съ конца прошлаго вѣка;—онъ началъ заявлять о своемъ существованіи въ то именно время, когда зародилось четвертое сословіе, и росъ онъ и развивался по мѣрѣ роста и развитія все этаго-же сословія, вслѣдствіе чего и вся суть соціализма—и какъ ученія и какъ политической программы—заключается не въ повтореніи задовъ, а въ доказательствѣ того, что единственно только трудъ производителенъ и что только представители труда имѣютъ право на весь результатъ производства и только рабочему классу должна принадлежать всяческая власть; т. е., иначе сказать, что только этотъ именно классъ долженъ быть классомъ господствующимъ, правящимъ, издающимъ законы, распредѣляющимъ плоды производства, карающимъ и милующимъ, владычествующимъ надъ всемъ. Только труду должно принадлежать все, а

пока это не такъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о какой-либо справедливости въ распредѣленіи богатствъ и тщетны всѣ надежды на устраненіе тѣхъ отрицательныхъ явленій, которыя омрачаютъ жизнь современнаго общества и грозятъ ему гибелью. А для того, чтобы трудъ занялъ это единственно подобающее ему мѣсто, необходимо, по мнѣнію соціалистовъ, во-первыхъ, упраздненіе института частной собственности и всѣхъ устоевъ его, какъ, напр., наслѣдственнаго права; во-вторыхъ, объявленіе всѣхъ орудій труда, т. е. всѣхъ денежныхъ и иныхъ капиталовъ, служащихъ производству, общественнымъ достояніемъ, дабы всякій рабочій, всякій трудящійся могъ пользоваться ими безо всякаго вознагражденія; и, наконецъ, въ третьихъ, распредѣленіе всего результата производства такъ, чтобы только трудъ давалъ право на жизнь и чтобы никто не могъ жить праздно на счетъ доходовъ со своихъ капиталовъ и имѣній. Таковъ соціализмъ теперь, передъ глазами нашими, но, конечно не въ первыхъ отпрыскахъ его, которые тѣмъ болѣе нельзя обойти молчаніемъ, дабы познать не только само древо, но и ростъ его.

Мнѣ, конечно, нѣтъ надобности перечислять всѣхъ соціалистовъ и излагать содержаніе всѣхъ ихъ трактатовъ, брошюръ, памфлетовъ и т. п.,—это скучно и совсѣмъ не нужно. Послѣдую въ данномъ случаѣ совѣту Буассье, который говоритъ: „s'interesser aux choses dont on parle est le meilleur moyen d'y interesser les autres“, а потому остановлюсь лишь на тѣхъ трехъ несомнѣнно наиболѣе интересныхъ и наиболѣе поучительныхъ представителяхъ трехъ-же различныхъ направленій соціализма, обнаружившихся при самомъ-же зарожденіи его. Эти

три направленія могутъ быть названы, по именамъ первыхъ піонеровъ ихъ, сенсимонизмомъ, фурьеризмомъ и оуенизмомъ. Какъ мы увидимъ дальше, судьба этихъ трехъ различныхъ отпрысковъ одного и того-же дерева была весьма различна.

Графъ Сенъ-Симонъ, родившійся въ 1760 г. и умершій въ 1825 г., принадежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ аристократическихъ фамилій во Франціи. Съ ранней молодости онъ обнаружилъ страстность и мечтательность своей природы, при безупречной честности и неизмѣнно искреннемъ и горячемъ отношеніи ко всякому дѣлу, за которое онъ принимался. Вступивъ въ военную службу, онъ вскорѣ послѣ того отправился въ Америку сражаться за независимость Соединенныхъ Штатовъ. По окончаніи войны его вдругъ обуялъ духъ прожектерства въ самыхъ колоссальныхъ размѣрахъ: то хочетъ онъ соединить каналомъ Тихій Океанъ съ Атлантическимъ,— мысль, какъ вамъ извѣстно, оказавшаяся осуществимою лишь въ наше время; то настаиваетъ онъ на соединеніи Мадрида съ моремъ посредствомъ канала; то нужно ему изгнать англичанъ изъ Восточной Индіи и т. п. Проэкты эти, конечно, оставались лишь проэктами, но неудачи нисколько не ослабляли неутомимой, лихорадочной энергіи Сенъ-Симона. Во время революціи онъ принимается, въ компаніи съ прусскимъ посломъ въ Англіи, графомъ Редерномъ, за операцію скупки государственныхъ земель, при чемъ спекуляція эта дала огромные барыши; но, разочаровавшись въ своемъ компаніонѣ и воспользовавшись лишь незначительною частью полученной прибыли, онъ во время террора вынужденъ былъ бѣжать изъ своего отечества и издали слѣдить за перипетіями

кровавой драмы революціи. После такого бурнаго прошлаго, полнаго приключеній и сильныхъ ощущеній, Сенъ-Симонъ — этотъ бывшій ученикъ энциклопедистовъ — на 38-мъ году жизни приходитъ вдругъ къ заключенію, что ему необходимо въ корень перевоспитать и переобразовать себя, вслѣдствіе чего онъ начинаетъ вести, какъ самъ выражался, опытную жизнь, направленную къ тому, чтобы познать сколь можно больше людей и отъ людей и открыть какую-то физико-политическую науку. Для этаго онъ женится, живетъ чрезвычайно открыто, окружаетъ себя учеными, литераторами и художниками, слушаетъ лекціи, совершаетъ частыя путешествія и, въ концѣ концовъ, въ одинъ годъ проживаетъ все свое состояніе, разводится съ женой и съ этаго времени до смертнаго часа онъ посвящаетъ весь остатокъ жизни распространенію своихъ взглядовъ на государство, общество, правительство, народное хозяйство и религію. Всѣ напечатанныя имъ по этимъ предметамъ сочиненія или проходили въ обществѣ незамѣченными или встрѣчали злыя насмѣшки, угрозы и брань; а нужда тѣмъ временемъ дѣлала свое дѣло, и бывшій богачъ, знатнѣйшій аристократъ, графъ Сенъ-Симонъ дошелъ до того, что вынужденъ былъ поступить на частную службу по найму, при чемъ большую часть заработка, едва хватавшаго на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, онъ расходовалъ на печатаніе и распространеніе все новыхъ и новыхъ сочиненій все на тѣ-же темы, въ числѣ которыхъ удѣлено было много вниманія Евангельскому ученію, извращенному, по мнѣнію Сенъ-Симона, „попами“, Лютеромъ и вообще Церковью. Успѣхъ и этихъ новыхъ сочиненій былъ прежній, такъ что, наконецъ, энергія покинула этаго человѣка

и онъ, въ припадкѣ отчаянія, покусился на самоубійство. Но и тутъ судьба отнеслась къ нему жестоко: направивъ выстрѣлъ въ голову, Сенъ-Симонъ не убилъ себя, а только окривѣлъ, лишился одного глаза. И вотъ тогда-то одинъ изъ его бывшихъ знакомыхъ, обязанный ему, случайно подобралъ его на улицѣ какъ несчастнаго калѣку-нищаго, пріютилъ его у себя, обставилъ его сердечнымъ, дружескимъ уходомъ; и при такихъ-то условіяхъ, проживъ еще 2 года, Сенъ-Симонъ впервые убѣдился, что не одну только хулу и злыя насмѣшки навлекъ онъ на себя, а нашлись люди, которые вняли его голосу, поняли его и не только оцѣнили, но и послѣдовали за нимъ съ твердою рѣшимостью взростить и развить брошенныя имъ зерна, сдѣлать плоды ихъ достояніемъ всего міра. На склонѣ дней, завѣщавъ въ заключеніе, какъ догматъ, что „все общество должно быть устроено такъ, чтобы трудиться для улучшенія нравственнаго и имущественнаго состоянія бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса народа“, Сенъ-Симонъ умеръ спокойно, выразивъ въ предсмертныхъ словахъ своихъ глубокое убѣжденіе въ полномъ торжествѣ того дѣла, которому онъ служилъ съ такимъ безграничнымъ самопожертвованіемъ и съ такою христіанскою любовью къ ближнему. Но въ чемъ-же заключалось это дѣло и къ какимъ конечнымъ выводамъ пришелъ Сенъ-Симонъ?

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что Сенъ-Симонъ, живя, такъ сказать, на рубежѣ между прежнимъ феодально-цеховымъ промышленнымъ строемъ и новымъ капиталистическимъ, не замѣтилъ, да и не могъ еще замѣтить той рѣзкой грани, которая начала обозначаться между промышленникомъ-предпринимателемъ и

наемнымъ рабочимъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прежняго порядка, когда хозяинъ предпріятія былъ неминуемо также и мастеромъ-рабочимъ, Сенъ-Симонъ совершенно естественно отождествляетъ въ понятіи о промышленникѣ и предпринимателя и рабочаго; а потому, ратуя за интересы трудящагося класса, онъ желаетъ, чтобы король, Людовикъ XVIII, опирался не на дворянство и духовенство, утратившихъ, по его мнѣнію, свое первенствующее политическое значеніе, а на промышленный классъ, который, поэтому, долженъ быть призванъ къ широкому участію въ управленіи. Это основное положеніе его можетъ быть формулировано болѣе подробно слѣдущимъ образомъ: 1) всѣ занимающіеся какимъ-либо полезнымъ трудомъ составляютъ промышленный классъ общества, 2) этотъ классъ, какъ единственно полезный и въ то-же время многочисленнѣйшей и бѣднѣйшій, заслуживаетъ наибольшей заботы и покровительства, и 3) этому классу, какъ обладающему наибольшимъ опытомъ, состоящему изъ лицъ съ совершенно тождественными интересами и наиболѣе проникнутому правдой и справедливостью должно принадлежать господствующее положеніе въ управленіи страной вообще, въ особенности-же хозяйственной сферой.

Тутъ, хотя и кажется, будто-бы нѣтъ ничего новаго, на самомъ-же дѣлѣ, для своего времени, все было совершенно ново отъ начала до конца. Если далеко раньше Сенъ-Симона многіе нерѣдко и на всѣ лады говорили о бѣдныхъ, о бѣднѣйшемъ классѣ, о необходимости или даже обязанности помогать этому классу, быть благотворительными и т. п., то никто до него не говорилъ того, во 1-хъ, что этотъ бѣднѣйшій и много-

численнѣйшій классъ составляютъ именно трудящіеся люди, во 2-хъ, что это единственно полезный классъ въ обществѣ, и, въ 3-хъ, что не только всѣми мѣрами слѣдуетъ улучшать нравственное и имущественное состояніе этого класса, но, кромѣ того, именно этому классу должно принадлежать господствующее положеніе въ государствѣ, онъ долженъ быть правящимъ классомъ въ интересахъ общаго блага, правды и справедливости.

Что касается осуществленія этого основнаго положенія, то Сенъ-Симонъ весьма далекъ былъ отъ мысли, до которой додумались позднѣйшіе соціалисты, его послѣдователи,—до отрицанія института частной собственности вообще, или-же только права частной собственности на орудія труда. Сенъ-Симонъ не только не отрицалъ ея, но даже признавалъ законы о ней важнѣйшими въ обществѣ; однако, въ рѣзкое отличіе отъ ученія либерально-экономической школы, онъ рѣшительно не признавалъ неизмѣнности этихъ законовъ: „общество, говорилъ онъ, отнюдь не зависитъ отъ сохраненія неизмѣннымъ того закона, который первоначально освятилъ право собственности“.

Это ученіе или, вѣрнѣе сказать, это зерно, проникавшее въ тайники сердецъ, такъ какъ въ основаніи его лежала христіанская любовь къ ближнему, не пропало даромъ. Образовалась цѣлая школа сенсименистовъ, которые взростили это зерно въ цѣлое дерево. Сенсимонисты, и между ними прежде всего Базаръ, который, въ сущности, первый узрѣлъ въ безпорядочно разбросанныхъ тезисахъ Сенъ-Симона зародышъ соціализма, пошли далеко дальше своего учителя, не столько въ высь небесъ, сколько въ глубь умовъ. Не отождествляя уже

промышленника съ рабочимъ, сенсимонисты пришли къ заключенію, что частная собственность есть зло, препятствующее тому, чтобы орудія труда сдѣлались доступными всѣмъ трудящимся и чтобы результаты производства справедливо распредѣлялись между всѣми трудящимися, согласно съ ихъ участіемъ въ немъ. Въ частной собственности узрѣли они коренную причину зависимости неимущаго трудящагося большинства, причину наемной работы,—этого, по ихъ выраженію, худшаго изъ видовъ рабства. Отъ всякаго человѣка, сказали они, слѣдуетъ требовать по его способностямъ, всякой-же способности воздавать по дѣламъ ея; а для этого, между прочимъ, необходимо, чтобы орудія труда сдѣлались общественнымъ, соціальнымъ достояніемъ, производство было упорядочено, спросъ и предложеніе были уравновѣшены и самое распредѣленіе не зависѣло отъ произвола и своекорыстія единичныхъ лицъ, но было-бы дѣломъ цѣлаго учрежденія, было-бы одною изъ важнѣйшихъ задачъ государства.

Осуществленіе этой именно задачи разрѣшалось всѣми дальнѣйшими послѣдователями все того-же ученія весьма различно. Бюшезъ—этотъ благочестивый католикъ съ его неизмѣнно отъ праха къ небу манящимъ взоромъ—училъ, что добро заключается въ забвеніи самого себя, а зло—въ своекорыстіи, въ поискахъ за наслажденіемъ. Между тѣмъ въ современномъ обществѣ мы видимъ грубое торжество втораго и полное угнетеніе перваго; съ одной стороны мы видимъ праздныхъ богатыхъ людей, считающихъ наслажденіе цѣлью нашего земнаго существованія, съ другой—людей лишенныхъ даже необходимаго, не взирая на тяжкій трудъ ихъ. Отсюда пол-

ная несвобода въ выборѣ между добромъ и зломъ. Ошибается, говоритъ онъ, тотъ, кто думаетъ, что намъ счастье возможно въ этой жизни; мы живемъ на землѣ не для наслажденій, а для того, чтобы трудиться надъ дѣломъ общественнаго преуспѣянія и, слѣдовательно, переносить всѣ трудности борьбы со зломъ. Отсюда, продолжаетъ онъ, въ основаніи будущаго общественнаго строя, болѣе соотвѣтствующаго волѣ Божьей, должны быть положены самопожертвованіе, готовность отречься отъ всѣхъ земныхъ благъ; — кто хочетъ быть первымъ, да будетъ тотъ слугою всѣхъ. Въ этомъ новомъ строѣ не можетъ имѣть мѣста частная собственность. Весь міръ будетъ состоять изъ земледѣльческихъ и промышленныхъ общинъ, на началахъ коопераціи, гдѣ каждый будетъ получать вознагражденіе по трудамъ своимъ, мѣриломъ котораго будетъ усердіе, ибо сила человѣка, талантъ — отъ Бога, добрая-же воля, усердіе — отъ самихъ людей. Въ ожиданіи-же пока — можетъ быть вѣками — установится этотъ новый строй путемъ перевоспитанія человѣка на началахъ теплой вѣры Христіанской, Бюшезъ вмѣняетъ государству въ обязанность опредѣленную внутреннюю хозяйственную политику, приближающую къ достиженію намѣченной цѣли. Такимъ образомъ, у Бюшеза мы видимъ отчетливо зародыши, такъ называемаго, христіанскаго соціализма, равно какъ и соціализма государственнаго, о которыхъ рѣчь впереди.

Почти одновременно съ Бюшезомъ, во Франціи-же, Луи Бланъ, а въ Германіи Фердинандъ Лассаль, въ свою очередь, опредѣлили роль государства въ пересозданіи общественно-хозяйственнаго строя на новыхъ основаніяхъ, согласно съ началами соціализма. Первый реко-

мендовалъ учрежденіе государственныхъ мастерскихъ, которыя убили-бы всѣ частныя капиталистическія предпріятія, функціонирующія на основахъ покупнаго труда. Второй-же рекомендовалъ мѣры, при содѣйствіи которыхъ рабочіе могли-бы проникнуть въ парламентъ такъ, чтобы составить тамъ большинство и, въ качествѣ таковаго, издавать законы согласные съ интересами рабочаго класса. Въ то-же время Прудонъ доказывалъ, что деньги (монета) были и суть причина экономическаго рабства, вслѣдствіе чего онѣ должны быть замѣнены кредитомъ, всѣмъ и всякому доступнымъ, т. е. кредитомъ народнымъ. Съ этою цѣлью необходимо учредить народный банкъ (la banque du peuple), распространяющій свою дѣятельность на всю страну и открывающій безмездный кредитъ каждому трудящемуся, соразмѣрный съ производительной силой его и съ количествомъ тѣхъ произведеній и услугъ, которыя онъ можетъ доставить. Въ такомъ случаѣ рабочій станетъ въ независимое отъ капиталиста положеніе и частная собственность, называемая имъ воровствомъ (la propriété c'est le vol), исчезнетъ совершенно сама собой.

Близко съ этимъ временемъ совпадаютъ и первыя попытки теоретической разработки соціализма. Уже Лассаль въ его системѣ пріобрѣтенныхъ правъ (System der erworbenen Rechte) и нѣкоторыхъ судебныхъ рѣчахъ обнаружилъ тенденцію къ научному обоснованію нѣкоторыхъ положеній соціализма. Затѣмъ начинаютъ появляться теоретическія изслѣдованія все по тому-же предмету одного изъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, славянскаго происхожденія, Родбертуса Ягецова. За этимъ слѣдуютъ обширныя монографіи Карла Маркса,

Энгельса, Генри Джоржа и др., въ которыхъ первоначальные выводы соціализма снабжаются все болѣе и болѣе научнымъ аппаратомъ и имъ придается значеніе объективно-теоретическихъ выводовъ; при чемъ преслѣдованіе этой цѣли, достигаемой или даже достигнутой относительно отдѣльныхъ положеній, но пока отнюдь не всего цѣлаго, сопровождалось и сопровождается болѣе или менѣе крупными методологическими и иными промахами, конечно, не ускользающими отъ ревнивой бдительности строго-научной критики. Такъ, напр., Карлъ Марксъ, при всѣхъ безспорныхъ научныхъ достоинствахъ его обширной монографіи о капиталѣ, оказывается не достаточно объективнымъ, и это, между прочимъ, изъ-за завистливой ненависти къ своему талантливому единоплеменнику, еврею-же, Лассалю, у котораго онъ видитъ только лживыя мечты и неправыя надежды Другіе, какъ-бы разсчитывая на то, что мало кто станетъ углубляться въ суть дѣла, увлекаютъ лишь причудливой формой, заманчивымъ содержаніемъ и страстнымъ отношеніемъ къ дѣлу,—таковъ, напр., англійскій соціалистъ Ѳома Годскинъ. Третьи, при несомнѣнномъ желаніи быть объективными и строго-научными, однако грубо погрѣшаютъ противъ элементарныхъ правилъ методологіи; укажу, напр., на наиболѣе чтимаго теперь новѣйшаго писателя Генри Джоржа, бóльшая часть научныхъ выводовъ котораго основана на завѣдомо ошибочныхъ аналогіяхъ или, вѣрнѣе сказать, гипотезахъ, которыя, конечно, весьма полезны въ наукѣ для объясненія того, что иначе необъяснимо, ибо такимъ образомъ будетъ a posteriori истиной то, чтó a priori представлялось лишь вѣроятнымъ, но которыя въ то-же время могутъ завести въ

непроходимыя дебри лжеученій, если ими пользоваться ошибочно и не у мѣста,—въ этихъ случаяхъ ихъ можно уподобить сладкозвучнымъ сиренамъ, увлекающимъ легковѣрныхъ въ темную бездну.

Вотъ первый отпрыскъ соціализма, тотъ самый, который, не заключая въ зародышѣ своемъ элементовъ разложенія, юродиваго отрицанія вѣры, семьи и всякой нравственности, и дерзкаго посягательства на жизнь, имущество и нравственность ближняго, не зачахъ, не захирѣлъ, а развился и возросъ и сдѣлался достояніемъ не только исторіи, но и науки, включившей его въ число своихъ предметовъ не въ качествѣ утопіи или разрушительнаго стихійнаго явленія, а именно въ качествѣ ученія, которое, будучи очищено отъ нѣкоторыхъ крайностей и разнаго рода увлеченій и преувеличеній, можетъ содѣйствовать къ раскрытію законовъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ явленій и, согласно съ этимъ, преподать нѣкоторыя руководящія начала для внутренней хозяйственной политики.

Иная судьба постигла остальныя два направленія, остальные два отпрыска, которые не пережили своихъ насадителей, посягнувшихъ на семью и на ученіе Христово.

Фурье родился въ достаточной купеческой семьѣ, въ которой съ ранняго дѣтства его готовили къ занятію коммерціей. Будучи еще мальчикомъ, онъ обнаружилъ двѣ выдающихся черты характера и, говоря о немъ, нельзя пройти ихъ мимо. Когда однажды калѣка-нищій подошелъ къ дому его родителей и, услыхавъ, что маленькаго барина нѣтъ дома, заплакалъ,—тогда впервые узнали, что этотъ маленькій баринъ ежедневно дѣлилъ съ нимъ свой завтракъ. Когда ему было всего 5 лѣтъ,

онъ, воспользовавшись отсутствіемъ родителей, открылъ одному изъ покупателей пороки того товара, которымъ торговалъ отецъ, за что, конечно, маленькій болтунъ былъ строго наказанъ. Много времени позже, когда онъ былъ прикащикомъ одного торговаго дома, получилъ онъ отъ хозяина своего приказаніе бросить въ море партію риса для того, чтобы остатокъ можно было продать съ наибо́льшимъ барышемъ. Очевидно, такой и другіе подобные факты отнюдь не могли вселить Фурье особенной склонности къ тому промыслу, которому, однако, онъ вынужденъ былъ служить всю свою жизнь; но въ то-же время эта именно служба и врожденное милосердіе поставили его въ частое и близкое соприкосновеніе со множествомъ обездоленныхъ и сирыхъ людей, возбуждавшихъ въ немъ чувство глубокаго состраданія. Главнѣйшимъ образомъ это-то соприкосновеніе съ этими людьми, при полномъ недовольствѣ своимъ положеніемъ, и направило мысли Фурье, съ одной стороны, къ критикѣ существующаго общественнаго порядка, съ другой—къ измышленію, взамѣнъ его, совершенно новаго порядка, долженствующаго дать довольство и блаженство всѣмъ и каждому. Имѣя 36 лѣтъ отъ роду, Фурье, началъ печатную и устную пропаганду результатовъ этого мышленія, сопровождавшагося запоздалымъ штопаньемъ тѣхъ многочисленныхъ и серьезныхъ прорѣхъ въ его скудномъ и одностороннемъ образованіи, которыхъ Фурье не могъ не замѣтить, какъ только вышелъ за узкіе предѣлы отмежованнаго ему поля дѣятельности. Въ успѣхѣ своего дѣла Фурье не сомнѣвался ни минуты, не взирая на жестокія нападки, безпощадное издѣвательство надъ его проектами и обѣщаніями и обвиненіе въ развратѣ и по-

сягательствѣ на святость семейнаго союза. Онъ слушалъ все это или читалъ объ этомъ, и тѣмъ не менѣе съ видомъ блаженно-виноватаго человѣка, украдкой перелѣзшаго черезъ заборъ рая, онъ ежедневно ожидалъ осуществленія своего фантастическаго плана при помощи какого-либо богача, который дастъ ему деньги на учрежденіе фаланстера.

Но въ чемъ-же заключался этотъ универсальный планъ, въ которомъ—скажу мимоходомъ—встрѣчается масса пренаивныхъ и смѣшныхъ подробностей, какъ-бы въ подтвержденіе остроумнаго замѣчанія Пушкина, что моложавыя мысли, какъ и моложавыя лица, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Впрочемъ не мало странностей также и въ трактатахъ Сенъ-Симона.

По мнѣнію Фурье, человѣческое общество въ своемъ развитіи проходитъ слѣдующія ступени: райскій періодъ, періодъ дикости, когда началась вражда, патріархальный быть съ крайней тираніей рода и семьи, періодъ варварства, когда возникли деспотическія государства со слабо развитой хозяйственной жизнью, и, наконецъ, періодъ цивилизаціи, который долженъ пройти фазы дѣтства, юности, мужества и дряхлости. Одна изъ капитальнѣйшихъ ошибокъ современнаго намъ строя, соотвѣтствующаго переходу отъ мужества къ дряхлости, заключается де въ томъ, что въ немъ человѣческія страсти не получаютъ должнаго развитія и примѣненія, чѣмъ и порождается то, что мы называемъ безнравственностью и преступленіемъ; тогда какъ именно при помощи этихъ страстей можно привести трудъ въ полное согласіе съ природой человѣка и, значитъ, сдѣлать его источникомъ величайшаго наслажденія, а не причиной—какъ теперь

—страданій и угнетенія. Фурье полагаетъ, что намъ прирождены страстныя влеченія 1) къ роскоши,—для доставленія наслажденія нашимъ 5 чувствамъ, 2) къ соединенію въ группы, посредствомъ сердечныхъ узъ, каковы дружба, честолюбіе, любовь, привязанность, и 3) къ согласію со всѣми, къ наслажденію общежитіемъ, которое осуществляется посредствомъ трехъ страстей;—одна изъ нихъ (cabaliste), сѣя раздоры, интригу, возбуждаетъ къ соревнованію, другая (papillone), перенося человѣка отъ однихъ занятій къ другимъ, разнообразіемъ услаждаетъ ихъ, третья (composite), связуя людей въ группы и серіи для совмѣстныхъ занятій, ведетъ къ мировому единству. Нормальное развитіе этихъ страстей, при полномъ удовлетвореніи ихъ, является главнѣйшимъ условіемъ счастія, а для этого, конечно, прежде всего необходимо правильное воспитаніе, которое должно имѣть цѣлью развитіе въ юношествѣ на общую пользу наклонностей не только Тита и Марка Аврелія, но также и Нерона и Тиберія. Въ фаланстерѣ такое именно воспитаніе и получатъ всѣ. Но что-же такое фаланстеръ, независимо отъ того, что самое это слово Фурье, конечно, заимствовалъ у Платона.

Общность занятій соединяетъ людей въ группы, управляемыя избраннымъ главой. Группы соединяются въ серіи, а серіи—въ фалангу изъ 1500—1800 человѣкъ, подъ начальствомъ избраннаго главы, называемаго унархомъ. Двѣ фаланги, соединенныя вмѣстѣ, управляются дуархомъ, три—тріархомъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока фаланги не покроютъ собою всего земнаго шара, подъ начальствомъ омніарха, резиденція котораго будетъ находиться при Босфорѣ. Каждая фаланга живетъ въ од-

номъ огромномъ, великолѣпномъ, комфортабельномъ зданіи, — фаланстерѣ, въ которомъ, въ видахъ экономіи, ведется общее хозяйство и всѣ предаются въ немъ самымъ разнообразнымъ занятіямъ, при самыхъ благопріятныхъ для этого условіяхъ, ибо всякій будетъ избирать только то занятіе, которое ему нравится, и будетъ предаваться ему только до тѣхъ поръ, пока оно ему не наскучитъ; т. е. примѣрно чрезъ каждые 2 часа происходитъ смѣна занятій. Результатъ производства въ каждой фалангѣ распредѣляется между всѣми членами такимъ образомъ: всѣ капиталисты и вообще собственники, отдавшіе свое имущество въ пользу фаланги, получаютъ $^1/_3$, все-же остальное распредѣляется между участниками въ производствѣ такъ, что $^5/_{12}$ удѣляется въ пользу труда, т. е. рабочихъ, а $^1/_4$ въ пользу таланта, т. е. артистовъ, художниковъ и писателей, причемъ вознагражденіе за необходимый трудъ должно быть больше, чѣмъ за пріятный. Кромѣ того, каждый членъ фаланги имѣетъ право на minimum всѣхъ необходимыхъ ему вещей даже и тогда, когда онъ откажется отъ работы, что, какъ утверждаетъ Фурье, при фаланстеріальномъ строѣ возможно лишь тогда, когда человѣкъ лишится разсудка. Въ фаланстерѣ, изъ котораго Фурье многоженствомъ или, вѣрнѣе сказать, пантагаміей, пытается изгнать семью, дабы, оторвавъ женщину отъ семьи, открыть женщинамъ доступъ ко всѣмъ сферамъ промышленной и всякой иной дѣятельности, — дѣти, конечно, получаютъ общественное воспитаніе, причемъ съ самого ранняго возраста воспитатели стараются ознакомиться съ ихъ наклонностями. Въ зависимости отъ этихъ наклонностей, изъ дѣтей образуютъ или маленькія орды (hor-

des) или маленькія банды (bandes). Назначеніе первыхъ, согласно съ влеченіемъ дѣтей къ самымъ грязнымъ занятіямъ (барахтаться въ грязи, полоскаться въ лужахъ, собирать всякій соръ и хламъ), заключается въ исполненіи „самыхъ непріятныхъ, отталкивающихъ работъ, унижающихъ взрослыхъ рабочихъ", вслѣдствіе чего работы эти, исполняемыя дѣтьми по склонности къ нимъ съ увлеченіемъ, утратятъ въ глазахъ общества свой одіозный характеръ. Банды, состоя изъ дѣтей къ грязи не склонныхъ, имѣютъ, конечно, иное назначеніе.

Вотъ суть измышленія Фурье, въ которомъ, независимо отъ безумныхъ посягательствъ на семью и кощунственныхъ разсужденій о какомъ-то богѣ единства, которому дѣти будутъ приносить жертвы,—нѣтъ прямаго отрицанія собственности, какъ и у Сенъ-Симона, но нѣтъ также, въ противность Сенъ-Симону, указаній на какія-либо принципіальныя измѣненія въ современномъ хозяйственномъ строѣ, а есть только сплошное отрицаніе его. Въ такомъ видѣ, въ качествѣ рѣзкой критики существующаго общественнаго хозяйства съ указаніемъ на фантастическій планъ будущаго хозяйства, фурьеризмъ, конечно, не заключалъ въ себѣ никакихъ элементовъ для прочнаго существованія, не взирая на попытки нѣкоторыхъ лицъ, въ числѣ которыхъ первенствующее мѣсто принадлежитъ Виктору Консидерану, не только подвергнуть дальнѣйшему развитію воззрѣнія Фурье, но даже и осуществить ихъ на практики, т. е. устроить фаланстеръ. То и другое окончилось полнѣйшей неудачей и послѣ этого за фурьеризмомъ осталось значеніе лишь мимолетнаго явленія, весьма характернаго и безспорно заслуживающаго вниманія при изученіи исторіи социа-

лизма, но ничего не давшаго последнему кромѣ мѣстами небезосновательной критики совершеннаго общественно-хозяйственнаго строя.

Робертъ Оуенъ (Owen) родился въ 1771 г., умеръ въ 1858 г., т. е. онъ, бывъ современникомъ Сенъ-Симона и Фурье, пережилъ ихъ обоихъ. По профессіи своей онъ былъ сначала прикащикомъ, затѣмъ—пайщикомъ и управляющимъ нѣкоторыхъ бумагопрядиленъ и, наконецъ, управляющимъ столь прославившейся впослѣдствіи Нью-Ленеркской бумагопрядильни. Колонія этой бумагопрядильни состояла почти сплошь изъ разнаго сброда въ корень развращеннаго и пьянаго, причемъ, конечно, и дѣла бумагопрядильни шли изъ рукъ вонъ плохо. Оуену удалось въ четыре года искоренить всѣ пороки, не прибѣгая для этого къ принужденію и наказаніямъ,—одними лишь административными мѣропріятіями, разумно сообразованными съ преслѣдуемой цѣлью. Оуенъ подчинилъ рабочихъ хорошему надзору, построилъ для нихъ здоровыя и красивыя дома-особняки, котеджи, отдававшіеся рабочимъ въ наемъ на чрезвычайно выгодныхъ для нихъ условіяхъ; завелъ дешевыя лавки съ отличными припасами; устроилъ дешевый столъ для холостыхъ рабочихъ и, что въ особенности важно, завладѣлъ, убивъ всякую конкурренцію, всею мѣстною питейной торговлей такъ, что совершенно искоренилъ пьянство. Для дѣтей рабочихъ основаны были превосходныя школы, въ которыхъ не примѣнялись никакія наказанія. Такимъ образомъ бѣдствующее и безпорядочное населеніе колоніи сдѣлалось образцовымъ въ отношеніи нравственности и порядка, причемъ такое нравственное возрожденіе оказалось выгоднымъ и экономически: падавшая Нью-Ленеркская бумагопря-

дильня начала давать громадный доходъ, такъ что Оуенъ сдѣлался милліонеромъ и пріобрѣлъ себѣ общее и неограниченное довѣріе безупречно честнымъ и аккуратнымъ веденіемъ дѣла. Нью-Линеркская колонія, конечно, обратила на себя вниманіе чуть-ли не всего культурнаго міра; она начала привлекать къ себѣ любознательныхъ путешественниковъ, и въ числѣ почетнѣйшихъ посѣтителей ея мы встрѣчаемъ даже имя Великаго Князя, впослѣдствіи Императора, Николая Павловича. Такой колоссальный успѣхъ произвелъ на Оуена опьяняющее впечатлѣніе: достигнутый результатъ онъ приписалъ не своему изумительному административному таланту, а всей своей системѣ, которую онъ и поспѣшилъ повѣдать міру въ качествѣ цѣлаго ученія, долженствующаго обновить все человѣческое общество. Мало того, онъ сдѣлалъ попытку осуществить эту-же систему въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ.

Сущность этой, по мнѣнію Оуена, всегда и вездѣ примѣнимой системы можетъ быть изложена весьма кратко. Человѣкъ, говоритъ Оуенъ, всецѣло зависитъ отъ окружающихъ его условій и среды, а потому на обязанности соціальнаго правительства лежитъ созданіе такихъ условій и такой среды, при которыхъ развиваются всѣ добрыя и хорошія наклонности человѣка и исчезаютъ злыя. Тогда вездѣ будетъ господствовать свойственное человѣку чувство доброжелательства къ ближнему и всякій будетъ неудержимо стремиться къ самоусовершенствованію, злоба-же и пороки сгинутъ съ лица земли, имъ не будетъ мѣста въ новомъ мірѣ, созданномъ по плану Оуена. Это правительство должно положить въ основаніи соціальной жизни прежде всего то начало, что никто не

можетъ требовать отъ своего ближняго такой услуги, которой послѣдній въ свою очередь не могъ бы потребовать у него. Поэтому всѣ безъ исключенія должны работать въ пользу общества, и разными видами работы и услугъ опредѣляется общественное положеніе человѣка, частной-же собственности не существуетъ. Для достиженія этой цѣли, соціальное правительство обязано преобразовать все современное общество такъ, чтобы оно состояло изъ цѣлаго ряда искуственныхъ семей въ 500—2000 человѣкъ, живущихъ внѣ городовъ или вообще внѣ условій городской жизни, работающихъ на кооперативныхъ началахъ и управляемыхъ общинными совѣтами, которые находятся между собой въ постоянной духовной и матеріальной связи, причемъ Оуенъ—хотя и англичанинъ—находилъ, что государственное устройство въ формѣ просвѣщеннаго абсолютизма или неограниченной монархіи во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе парламентарной формы правленія. Деньги изъ этихъ общинъ устраняются. Брака не нужно. Дѣти получаютъ однообразное воспитаніе и образованіе на счетъ общины и для ея цѣлей; съ 15-ти-же лѣтъ каждый дѣлается работникомъ и принимаетъ участіе въ общей дѣятельности на пользу общую, при чемъ правительство установляетъ полное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, наблюдая также за равномѣрнымъ участіемъ населенія въ земледѣльческой и обрабатывающей промышленности—съ одной стороны, въ ручномъ и машинномъ трудѣ - съ другой. Всѣ члены такихъ общинъ неизбѣжно счастливы, матерьяльно обезпечены и безпорочны, а потому нѣтъ надобности въ какихъ-либо уголовныхъ судахъ и въ какихъ-либо уголовныхъ или полицейскихъ наказаніяхъ.

Система эта, развитая Оуеномъ въ двухъ основныхъ сочиненіяхъ и въ цѣломъ рядѣ брошюръ, статей и т. п., въ которыхъ онъ касается также и религіи, успѣха однако не имѣла; послѣдователей нашлось не много, партіи-же никакой не образовалось. Что-же касается попытки учредить въ Сѣверной Америкѣ колоніи Новая Гармонія (New Harmony), для которой Оуенъ набралъ безъ разбора всякій сбродъ изъ поддонковъ общества, то попытка эта окончилась полнѣйшей неудачей и большими потерями. Въ результатѣ Оуенъ совершенно раззорился и, ничего не достигнувъ относительно осуществленія своей системы, онъ, такъ сказать, пережилъ себя,—его мало по малу предали совершенному забвенію. Отъ Оуена, не касаясь его безспорно почтеннаго значенія въ исторіи фабричнаго законодательства, осталось для настоящаго времени лишь отрицательное ученіе о свободѣ воли, имъ совершенно отвергаемое,—ученіе, о которомъ и до сихъ поръ упоминають нѣкоторые криминалисты, педагоги, психологи и вообще изслѣдователи нравственной природы человѣка и дѣлъ его; соціализмъ-же заимствовалъ у него лишь указаніе на значеніе альтруизма, какъ основы хозяйственныхъ отношеній, въ отличіе отъ эгоизма либерально-экономической школы Ад. Смита. Такимъ образомъ и это третье направленіе соціализма, этотъ третій отпрыскъ одного и того-же зерна оказался, подобно фурьеризму, отпрыскомъ безъ задатковъ для дальнѣйшей жизни, а потому онъ скоро увялъ. Честный, энергичный и даровитый Робертъ Оуенъ—плохой политикъ, но рѣдкій администраторъ, не далъ міру и сотой доли того, что могъ-бы дать и конечно, далъ бы, если бы онъ, опьяненный успѣхомъ, не вообразилъ себѣ, что кропечная Нью-Ленеркская колонія—цѣлый

міръ, а что онъ самъ—міровой правитель. Не для кого впрочемъ заблужденіе это не было столь фатально, какъ для самого-же Роберта Оуена.

Конечно, отъ словъ, разъ смыслъ ихъ проникъ въ общественное сознаніе и сдѣлался для иныхъ даже какъ-бы догматовъ вѣры, неминуемъ переходъ къ дѣлу. Такъ было и съ соціализмомъ, причемъ здѣсь опять мы встрѣчаемся съ тремя различными направленіями, мы имѣемъ предъ собою три различныхъ группы соціалистовъ-политиковъ, а именно: христіанскихъ соціалистовъ, государственныхъ соціалистовъ, въ группу которыхъ слѣдуетъ включить также т. н. катедеръ-соціалистовъ, и наконецъ, собственно-соціалистовъ, при чемъ различіе между этими тремя группами порождается, главнѣйшимъ образомъ, своеобразнымъ отношеніемъ каждой изъ этихъ группъ къ существующимъ общественнымъ формамъ и къ осуществленію программы соціализма.

Всѣ три группы выступаютъ противниками промышленной свободы, „laissez fair, laissez passer“, т. е. принципа невмѣшательства, или вообще т. н. соціальнаго индивидуализма, какъ выражается Родбертусъ. Всѣ три группы относятся болѣе или менѣе отрицательно къ частной собственности вообще или только на орудія труда и признаютъ необходимость покровительства и защиты труда отъ гнета всесильнаго капитала. Всѣ три группы сходятся въ рѣзкой критикѣ существующаго общественно-хозяйственнаго строя, разсматриваемаго ими какъ результатъ господства эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, защитниками котораго являются представители либерально-экономиче-

ской школы Ад. Смита, вмѣсто алтруизма, защитниками котораго являются соціалисты всѣхъ оттѣнковъ и направленій. Но на этомъ и заканчивается сходство между этими тремя группами и отсюда начинается болѣе или менѣе рѣзкое различіе, доходящее даже до полнаго раскола, при чемъ и значеніе каждой изъ этихъ группъ также весьма различно и, несомнѣнно, различіе это вліяетъ и на судьбу ихъ.

Основаніе христіанскому соціализму положено было въ Англіи, въ концѣ 40-хъ годовъ, кружкомъ т. н. респектабельныхъ филантроповъ, прозванныхъ впослѣдствіи христіанскими соціалистами. Во главѣ этого кружка сталъ священникъ Морисъ, а въ числѣ членовъ было много учащейся молодежи. Члены кружка, будучи людьми религіозными и проникнутыми сознаніемъ тѣхъ экономическихъ золъ, которыя обнаружены были чартисткимъ движеніемъ и революціей 48 года, стремились найти обоснованіе соціализма въ христіанствѣ и, согласно съ этимъ, пришли, между прочимъ, къ тому заключенію, что первый двигатель современнаго хозяйстзеннаго порядка,—конкуренція или, какъ выражается Прудонъ, война всѣхъ противъ всѣхъ, долженъ быть замѣненъ ассоціаціей, солидарностью, кооперацiей. Цѣли своей кружокъ полагалъ достигнуть увѣщаніемъ, Евангельскою проповѣдью, воздѣйствіемъ на чувства, поднятіемъ въ средѣ богатыхъ людей сознанія о нравственномъ долгѣ, изданіемъ соотвѣтствующихъ законовъ, самоусовершенствованіемъ и, главнымъ образомъ, самопомощью. Для этого кружокъ собиралъ митинги, распространялъ летучіе листки, писалъ статьи въ разныхъ журналахъ и газетахъ, основывалъ собственные органы печати и т. п. Кружки христіанскихъ соціалистовъ и единичные сторонники этого направленія теперь весьма многочисленны въ За-

падной Европѣ и въ числѣ ихъ встрѣчаются весьма вліятельныя и высокопоставленныя лица; укажу, напр., на придворнаго духовника покойнаго императора германскаго.

Эти соціалисты, занимаясь чрезвычайно рѣзкой, страстной критикой существующихъ хозяйственныхъ условій, нападая на конкурренцію, на капиталистовъ, евреевъ, лавочниковъ и ростовщиковъ, на угнетеніе рабочихъ и несправедливое вознагражденіе за трудъ, ссылаются на христіанскую догму, на Евангеліе, съ которымъ, по ихъ мнѣнію, рѣзко расходятся начала современныхъ общественно-хозяйственныхъ отношеній. Утверждая, что отъ христіанства до милосердія и состраданія къ ближнему одинъ только шагъ, и что Божественный Основатель нашей вѣры оставилъ на землѣ болѣе примѣровъ Своего любящаго, сострадательнаго отношенія къ людямъ, чѣмъ религіозныхъ догматовъ,—утверждая все это, они тѣмъ не менѣе разжигаютъ ненавистью одни классы населенія противъ другихъ и нерѣдко въ страстныхъ нападкахъ своихъ на своекорыстіе, порочность и жестокость людей напоминаютъ этимъ слова Тразеа, что „часто подъ ненавистью къ людскимъ порокамъ скрывается ненависть къ самимъ людямъ". Для примѣра сошлюсь на одного изъ наиболѣе талантливыхъ, но отнюдь не наиболѣе крайнихъ представителей этого направленія, на англичанина Чарльса Кингслея. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ многочисленныхъ монографій, статей и памфлетовъ этого священника, романиста, поэта, ученаго и публициста, писавшаго подъ псевдонимомъ „попъ Лотъ". „О, милѣйшая конкурренція, Мать Пресвятая Богородица! писали по пятаку за строчку и философы того-же шаблона поютъ ей гимны и выставляютъ ее какъ основа-

ніе всего общества, какъ единственно истинную хранительницу земли!.... Но почему-же въ такомъ случаѣ и не небесъ? Можетъ быть и тамъ, по ихнему, тоже существуетъ конкурренція,—конкурренція ангеловъ, и мы услышимъ объ этомъ когда-нибудь... Человѣкъ ѣстъ человѣка и съѣдается другими людьми во всѣхъ видахъ, степеняхъ и всякими способами! Почему-же нѣкоторые энтузіасты-экономисты не поютъ хвалебныхъ гимновъ каннибализму и человѣческимъ жертвоприношеніямъ?" О противной началамъ христіанскаго соціализма т. н. Манчестерской школѣ, съ ея наиболѣе видными представителями—Кобденомъ и Брайтомъ, онъ выражается какъ о Богопротивномъ ученіи, „ибо изъ всѣхъ узкихъ, надменныхъ, лицемѣрныхъ, анархическихъ и атеистическихъ схемъ вселенной Кобденовская и Брайтовская самая что ни на есть худшая!... Выказываютъ себя какъ-бы друзьями рабочихъ, понижая цѣну на хлѣбъ, тогда какъ въ дѣйствительности все, чего они хотятъ достигнуть, это—пониженія заработной платы и увеличенія барыша; въ то-же время они стремятся расширить ту пропасть, которая отдѣляетъ рабочаго отъ всего почтеннаго и цивилизованнаго въ англійскомъ обществѣ, чтобы сдѣлать этихъ людей своими рабами". Говоря объ эгоизмѣ, какъ основѣ современнаго общественно-хозяйственнаго строя по ученію либерально-экономической школы Ад. Смита, онъ говоритъ: „мое убѣжденіе таково, что не себялюбіе, а самопожертвованіе есть главнѣйшій законъ, на которомъ должно быть основано человѣческое общество для того, чтобы была какая-нибудь надежда на его процвѣтаніе и прочность. Что себялюбіе есть законъ природы—я знаю хорошо; но что

оно должно быть кореннымъ закономъ человѣческаго общества, въ этомъ я сильно сомнѣваюсь, развѣ только общество вернется къ состоянію Римской имперіи въ эпоху паденія ея". Въ другомъ мѣстѣ онъ-же указываетъ, что „мы—онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ духовенство—привыкли употреблять библію, какъ будто-бы она является сборникомъ полицейскихъ законовъ и предписаній,—дозой опіума для сохраненія терпѣнія въ животныхъ, служащихъ для перевозки тяжестей, пока ихъ нагружаютъ излишней кладью, однимъ словомъ—просто книгой, чтобы содержать бѣдныхъ въ порядкѣ.... Мы говоримъ вамъ, что библія проповѣдуетъ вамъ терпѣніе, и въ то-же время не упоминаемъ, что она обѣщаетъ вамъ свободу. Мы говоримъ вамъ, что библія проповѣдуетъ право собственности и обязанности труда, тогда какъ на одинъ разъ, когда она это дѣлаетъ, она десять разъ проповѣдуетъ объ обязанностяхъ собственности и о правахъ труда. Теперь я говорю вамъ, друзья мои, есть двѣ стороны библіи, и вмѣсто того, чтобы быть книгой для удержанія бѣдныхъ въ порядкѣ, она написана съ начала до конца для того, чтобы держать богатыхъ въ порядкѣ". Въ дополненіе къ этимъ ссылкамъ укажу еще на одинъ образчикъ нападенія не на частности или отдѣльные институты, а вообще на весь современный хозяйственный строй. „Что сказать, говоритъ одинъ неизвѣстный англичанинъ, авторъ трактата „Преобладающее идолопоклонство или указанія политико-экономамъ", о такомъ порядкѣ, при которомъ излишекъ производства какихъ-либо предметовъ непремѣнно причиняетъ кому-нибудь вредъ: одни терпятъ, когда слишкомъ много хлѣба, другіе—когда слишкомъ много сахара, третьи—ког-

да слишкомъ много коленкора, чертвертые—когда слишкомъ много труда и, наконецъ, даже жалуются иногда, что слишкомъ много денегъ? Слишкомъ много хлѣба,—и это тогда, когда вопли ирландцевъ, умирающихъ съ голода, раздаются надъ ушами! Слишкомъ много сахара,—когда каждое дитя въ христіанскомъ мірѣ нуждается въ его кускѣ! Слишкомъ много коленкора,—когда полъ-свѣта ходитъ нагимъ! Слишкомъ много труда,—когда 15 мил. акровъ пустопорожней земли лежитъ въ самой Англіи и полъ-міра заселено лишь бродячими дикарями! Слишкомъ много денегъ, и это тогда, когда достать себѣ деньги и составляетъ поглощающую заботу почти всѣхъ и всякаго!" Повторяю, я остановился здѣсь лишь на наиболѣе умѣренныхъ и спокойныхъ представителяхъ христіанскаго соціализма, минуя тѣхъ, которые громко заявляли и заявляютъ, что интересъ капитализма совпадаетъ съ утонченнымъ голоданіемъ рабочаго, что вся система заработной платы есть сплошная пагуба, что вся наша политическая и соціальная экономія заключаетъ въ себѣ всѣ элементы разложенія, и т. п. Многіе доходятъ въ своей неудержимой критикѣ до полнаго пессимизма, до того, что они слышатъ въ каждомъ звукѣ, въ каждой подробности одно лишь сплошное горе человѣческое и безконечную традегію жизни. Другіе, называясь христіанскими соціалистами, повидимому не раздѣляютъ однако мнѣнія Диккенса, что мудрость любви есть величайшая мудрость, какая когда-либо извѣстна была міру. Если вѣрить нѣкоторымъ изъ нихъ, то не только единичныя лица, но даже цѣлые классы общества избирали себѣ девизомъ: „О, зло! да будешь ты моимъ благомъ".

Разжигая страсти подобными нападками на весь

строй и на его составныя части, возстановляя одни классы населенія противъ другихъ, порицая правительства за недостатокъ дѣятельности,—представители этого направленія, въ сущности, никогда и нигдѣ не указываютъ съ достаточною опредѣленностью и послѣдовательностью на цѣлесообразныя средства къ нормальному исходу изъ этого неудовлетворительнаго положенія, рисуемаго ими самыми мрачными красками. Одно лишь увѣреніе, что болѣе согласное съ духомъ христіанства общественное хозяйство можетъ быть достигнуто развитіемъ начала алтруизма, вмѣшательствомъ государственной власти, формы котораго оставляются однако безъ ближайшаго опредѣленія, самоусовершенствованіемъ, самопомощью, строгохристіанскимъ воспитаніемъ и т. п.,—все это, конечно, малоубѣдительно и пріобрѣтаетъ характеръ общихъ мѣстъ. Вслѣдствіе чего по истинѣ о представителяхъ этой группы можно сказать словами Сенъ-Симона о Лютерѣ, что критика ихъ сильна, но доктрина слаба (il a bien critiqué, mais pauvrement doctriné), а потому и результаты пропаганды этой группы были болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства: пессимизмъ и аскетизмъ—съ одной стороны, какъ слѣдствіе отсутствія вѣры въ лучшее будущее; народныя вспышки противъ воображаемыхъ ими дѣйствительныхъ угнетателей—съ другой, вообще-же возбужденіе неудовольствія безъ сколько-нибудь ясноначерченной программы для нормальнаго выхода изъ невыносимаго, по ихъ мнѣнію, положенія. Многимъ изъ этихъ соціалистовъ слѣдовало-бы сказать словами Іова: „О, если-бы вы только молчали! это было-бы вмѣнено вамъ въ мудрость“.

Государственные соціалисты, категорически отвергая

начало невмѣшательства и всеисцѣляющее значеніе самопомощи, требуютъ у государственной власти, какъ единственно достаточно сильной и авторитетной, цѣлаго ряда реформъ въ хозяйственной сферѣ, безъ которыхъ немыслимо достигнуть народнаго благосостоянія и устранить очевидное зло. „Государственная власть, говорятъ они, не можетъ довольствоваться однимъ лишь устраненіемъ юридическихъ формъ, стѣсняющихъ свободу личности, но она обязана еще установить такія соціально-экономическія условія, при которыхъ свобода эта охранялась-бы отъ посягательствъ со стороны лицъ, пользующихся вліяніемъ и властью. Правительство должно энергически организовать свою заботу о неимущихъ классахъ, такъ какъ начало самопомощи оказалось несостоятельнымъ или, во всякомъ случаѣ, недостаточнымъ;—оно должно примѣнить принципъ уравновѣшивающей справедливости въ распредѣленіи земныхъ благъ и позаботиться о томъ, чтобы всякій гражданинъ располагалъ этими благами на столько, на сколько это по меньшей мѣрѣ необходимо для человѣческаго существованія въ современномъ намъ обществѣ“. Возлагая столь важныя задачи и обязанности на государственную власть, соціалисты этой группы, въ составъ которой входятъ и т. н. катедеръ-соціалисты, развивающіе въ теоріи то, что государственные соціалисты рекомендуютъ политикѣ,—естественно желаютъ возможно бо́льшаго усиленія ея и концентрированія въ однѣхъ рукахъ, вслѣдствіе чего между ними нерѣдко встрѣчаются жестокіе противники всякаго парламентаризма и, наоборотъ, горячіе защитники монархіи въ формѣ т. н. просвѣщеннаго абсолютизма. Вообще-же указанія отдѣльныхъ государственныхъ соціалистовъ на необходимыя

реформы весьма различны, какъ по формѣ, такъ и по содержанію; но всѣ они одинаково стоятъ именно за энергическое государственное вмѣшательство и безпощадно бичуютъ всякаго рода частную монополію, столь остроумно названную Прудономъ избіеніемъ младенцевъ.

О степени страстности нападенія нѣкоторыхъ государственныхъ соціалистовъ на ненавистный имъ принципъ laissez faire можно судить, напр., по слѣдующей характеристикѣ этаго принципа у знаменитаго англійскаго историка Карлейля, одного изъ самыхъ заклятыхъ враговъ парламентаризма. Laissez faire, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ отреченіе со стороны правительства, признаніе, что оно болѣе неспособно править. Установленіе такого принципа, говоритъ онъ, возможно и даже неизбѣжно было при никуда не годномъ, безсильномъ правительствѣ, которому совершенно естественно народъ кричалъ: „предоставьте насъ самимъ себѣ и избавьте отъ вашего руководства; тратьте ваше жалованье и спите себѣ сколько угодно; оставьте все въ покоѣ и ради Бога не вмѣшивайтесь ни во что“. Къ разумному-же правительству, достаточно сильному и авторитетному, народъ не можетъ не обратиться со словами: „дѣлайте, что хотите, вмѣшивайтесь, на сколько знаете, и предоставьте насъ самимъ себѣ лишь тамъ, гдѣ это нужно“. „Пришло время, заключаетъ онъ, когда laissez faire должно кончить свое существованіе, или начнется нѣчто худшее,—поджоги, бутылки съ купоросомъ, подержанные пистолеты и т. п. появится на сцену“. Относительно права собственности тотъ-же Карлейль говоритъ въ своей книгѣ о чартизмѣ: „Британскій читатель часто встрѣчаетъ и слышитъ въ настоящее время нѣчто

достойное его размышленія,—что общество существуетъ для покровительства собственности. Къ этому прибавляется, что и бѣдный человѣкъ имѣетъ свою собственность, а именно трудъ, за который получаетъ отъ 15 до 16 пенсовъ въ день. Совершенно вѣрно, любезные друзья, оно существуетъ для покровительства собственности, совершенно вѣрно; и въ самомъ дѣлѣ, если вы только заставите выполнять въ достаточной мѣрѣ восьмую заповѣдь, тогда всѣ „права человѣка" будутъ вполнѣ удовлетворены, и я не знаю лучшаго опредѣленія „правъ человѣка": ты не долженъ красть, но ты и не долженъ быть обкрадываемымъ. Какое-бы прекрасное общество было-бы это: республика Платона, утопія Мура были бы лишь слабыми подобіями его! Дайте каждому человѣку то, что есть его, точную цѣну того, что онъ есть и что онъ сдѣлалъ, и никто не будетъ болѣе жаловаться и никто на землѣ не будетъ болѣе страдать".

Не взирая на всю страстность критики, на радикальность нѣкоторыхъ изъ предлагаемыхъ реформъ и на настойчивость въ требованіяхъ осуществленія ихъ, нигдѣ, однако, ни у одного изъ государственныхъ соціалистовъ не упоминается даже и намекомъ о какихъ-либо насильственныхъ средствахъ къ осуществленію ихъ программы, и всѣ они въ равной мѣрѣ указываютъ на достиженіе цѣли исключительно лишь путемъ мирныхъ реформъ, вводимыхъ сильною государственною властью. Въ рядахъ этой группы соціалистовъ вы не встрѣтите также ни одного безумца или чудака, созидающаго за письменнымъ столомъ государства и человѣческое общество; наоборотъ, многіе изъ нихъ полагаютъ великую мудрость внутренней политики въ умѣньѣ вводить соціальныя рефор-

мы такъ, чтобы прошедшее какъ-бы проскользнуло въ будущее безъ особенно сильнаго разлада или толчка, хотя-бы реформы эти сильно задѣвали интересы той или другой изъ общественныхъ группъ. Поэтому, съ одной стороны, государственные соціалисты, къ числу которыхъ могутъ быть отнесены такія, напр., крупныя величины, какъ Ад. Вагнеръ, О'Конноръ, отчасти кн. Бисмаркъ и др., много содѣйствовали къ выясненію существа и значенія государственной власти и основныхъ задачъ ея при современныхъ условіяхъ общественно-политической жизни, съ другой—имъ принадлежитъ заслуга теоретической разработки и практическаго осуществленія многихъ учрежденій и мѣропріятій, направленныхъ къ борьбѣ со всякаго рода вредной и своекорыстной эксплоатаціей, къ обезпеченію рабочаго на случай утраты имъ работоспособности и вообще къ развитію и упроченію матерьяльнаго благосостоянія народа. Такія, напр., учрежденія, какъ государственный крестьянскій банкъ, фабричная инспекція, государственныя желѣзныя дороги, общественныя кухни, страхованіе рабочихъ и мн. другія въ большей или меньшей мѣрѣ обязаны своимъ возникновеніемъ развитію началъ государственнаго соціализма. Этихъ соціалистовъ даже въ увлеченіяхъ ихъ можно уподобить тѣмъ людямъ, которые, жадно стремясь къ цѣли и не достигая ея, попутно находятъ другую, вполнѣ осуществимую и почтенную. Что-же касается крайностей, въ которыя впали нѣкоторые изъ этихъ соціалистовъ при опредѣленіи границъ государственнаго вмѣшательства, то, какъ и слѣдовало ожидать, крайности эти вызвали уже реакцію, протестъ со стороны нѣкоторыхъ писателей;—укажу, напр., на Спенсера и Тэна.

Спенсеръ утверждаетъ, что чѣмъ чаще повторяется правительственное вмѣшательство въ общественную жизнь, тѣмъ болѣе люди укрѣпляются въ мысли о необходимости этого вмѣшательства и тѣмъ чаще, громче и настойчивѣе требуютъ его; а конечный результатъ такого направленія политики, конечно, предусмотрѣть не трудно и едва-ли онъ можетъ быть желателенъ. Тэнъ-же увѣряетъ, что ничего не можетъ быть гибельнѣе неограниченнаго вмѣшательства государства, хотя-бы даже мудраго и отеческаго. Эти и подобныя возраженія, въ свою очередь крайнія, но въ противоположномъ направленіи, понудили къ болѣе правильному и точному опредѣленію границы вмѣшательствъ, вызваннаго, какъ извѣстно, прежде всего нравственною необходимостью оградить беззащитное право отъ посягательствъ на него въ формѣ разнаго рода весьма некрасивыхъ въ моральномъ отношеніи сдѣлокъ, совершавшихся подъ покровомъ личной свободы. Нельзя не обратить вниманія по этому поводу на вполнѣ объективное разрѣшеніе даннаго вопроса Гошеномъ. Свобода, говоритъ онъ, должна была уступить требованіямъ общественной нравственности, а не матеріальнаго разсчета; по мѣрѣ-же того, какъ составъ общества усложняется и становится многочисленнѣе, вслѣдствіе чего борьба соперничествующихъ интересовъ становится все ожесточеннѣе, усиливается также и необходимость вмѣшательства государственной власти въ общественныя дѣла, причемъ всякій успѣшный результатъ такого вмѣшательства возбуждаетъ въ администраторахъ естественное желаніе расширять все болѣе и болѣе сферу полезной своей дѣятельности. Но для успѣха этой дѣятельности во всякомъ случаѣ и прежде всего, продолжаетъ онъ, необхо-

димъ пригодный исполнительный правительственный механизмъ. Кромѣ того, новыя услуги со стороны государственной власти въ такомъ лишь случаѣ выгодны обществу, если онѣ будутъ превышать неудобства, сопряженныя съ возростаніемъ государственныхъ расходовъ и стѣсненіями индивидуальной свободы. Нужно избѣгать чрезмѣрнаго расширенія сферы непосредственнаго дѣйствія центральной власти, не создавая несчетной арміи должностныхъ лицъ. Общественные органы могутъ служить неоцѣненнымъ оплотомъ противъ опасности, возникающей вслѣдствіе каприза, нетерпѣнія, неспособности или-же недобросовѣстности органовъ правительства; причемъ расширеніе сферы вмѣшательства вообще должно идти параллельно съ децентрализаціей. Во всякомъ-же случаѣ, заключаетъ Гошенъ, должно быть оставлено достаточно мѣста для индивидуальной независимости, естественной свободы и самостоятельности, обусловливающихъ, если вѣрить исторіи, главнымъ образомъ, величіе народовъ, могущество и процвѣтаніе государствъ.

Собственно-соціалисты, являясь сторонниками хозяйственной общности, солидарности или, какъ выражается Родбертусъ, соціальнаго коммунизма, въ отличіе отъ господствующаго соціальнаго индивидуализма, говорятъ, что новому хозяйственному строю должны соотвѣтствовать и новыя общественныя формы, которыя послужатъ ему основаніемъ, ибо, пока существующія формы останутся неизмѣнными, до тѣхъ поръ невозможны какія либо существенныя улучшенія въ томъ общественно-хозяйственномъ строѣ, который является прямымъ порожденіемъ ихъ. Слѣдовательно, существующія общественныя формы должны быть замѣнены новыми, а въ такомъ случаѣ

рождается вопросъ о томъ, во-первыхъ, кѣмъ онѣ должны быть созданы и, во-вторыхъ, какъ онѣ должны быть созданы? На первый вопросъ соціалисты этого направленія даютъ двоякаго рода отвѣтъ, которымъ и обусловливается различіе между отдѣльными представителями этой группы, а именно: одни возлагаютъ эту задачу на народъ, другіе-же—на сильную государственную власть; т. е. первые какъ-бы не желаютъ признать, что народъ самъ по себѣ не обладаетъ ни властью, ни средствами для выполненія такой задачи, вторые-же, въ сущности, болѣе или менѣе примыкаютъ къ государственнымъ соціалистамъ, желая воспользоваться для созданія новыхъ общественныхъ формъ наличною, исторически выработавшеюся, государственною властью. На второй вопросъ дается также двоякаго рода отвѣтъ, которымъ, въ свою очередь, обусловливается различіе между отдѣльными представителями этой группы соціалистовъ, а именно: одни полагаютъ, что созданіе новаго общественнаго строя должно быть начато сверху, другіе-же—снизу; т. е. первые желаютъ полнаго пересозданія существующаго общественнаго строя, они желаютъ воздвигнуть совершенно новое зданіе,—отъ крыши до основанія, причемъ это новое зданіе является ничѣмъ инымъ, какъ утопіей, отрицаніемъ всякой закономѣрности въ историческомъ ростѣ государствъ и всего человѣческаго общества; вторые-же отчасти также примыкаютъ къ государственнымъ соціалистамъ, желая постепеннаго пересозданія общества посредствомъ поддержанія и развитія тѣхъ, не вымершихъ еще, демократическихъ общественныхъ формъ, въ которыхъ сохранилось еще начало хозяйственной общности, солидарности, т. н. соціальнаго коммунизма, какъ

противовѣса господствующему теперь социальному индивидуализму.

Мм. Гг.! Извѣстно, что нерѣдко взаимное желаніе добра ведетъ къ взаимному непониманію и даже къ озлобленію, по той простой причинѣ, что каждый желаетъ другому добра по своему. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ ряду самыхъ непримиримыхъ враговъ соціализма встрѣчаются также и люди единомышленные съ соціалистами въ стремленіи улучшить положеніе рабочаго класса, но рекомендующіе при этомъ свое ученіе, свою политику. Недостатокъ времени лишаетъ меня возможности остановиться теперь на Шульце-Деличе, Кэри, Бастіа и др.; но рѣшительно нельзя обойти молчаніемъ одного изъ новѣйшихъ французскихъ мыслителей, Альфреда Фулье, предложившаго новую критическую оцѣнку соціализма, отличающуюся наибольшею объективностью и наибольшимъ соотвѣтствіемъ съ правильнымъ представленіемъ объ исторической послѣдовательности въ развитіи тѣхъ общественныхъ формъ, которыя приковываютъ къ себѣ вниманіе соціалистовъ и составляютъ главнѣйшій предметъ спора между ними и представителями либерально-экономической школы. Ошибка соціалистовъ, по мнѣнію Фулье, заключается въ абсолютности ихъ ученія, тогда какъ наука и политика обязаны своимъ развитіемъ истинамъ относительнымъ, относительнымъ положеніямъ, соображающимся съ наличными условіями. Абсолютныя истины или положенія суть фикціи ума, дѣлающіяся относительными, какъ только прилагаются къ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, абсолютно вѣрно, что прямая линія составляетъ кратчайшее разстояніе между двумя точками; но въ приложеніи

къ дѣйствительности это вѣрно лишь относительно, въ зависимости отъ условій. Между тѣмъ ни экономисты, ни соціалисты не хотятъ признать этого, вслѣдствіе чего и тѣ и другіе абсолютны въ своихъ выводахъ, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ, причемъ особенно рельефно выступаетъ это въ рѣшеніи ими вопроса объ институтѣ частной собственности. Экономисты признаютъ только абсолютную частную собственность, соціалисты-же требуютъ полной отмѣны ея, признавая лишь собственность общественную, соціальную, причемъ тѣ и другіе неправы, то и другое рѣшеніе является продуктомъ абсолютной метафизики. Если-бы человѣкъ создавалъ что-либо изъ ничего, то экономисты были-бы совершенно правы, точно такъ же, какъ были-бы совершенно правы соціалисты тогда, когда человѣкъ не принималъ-бы никакого участія въ созданіи цѣнностей. Но въ дѣйствительности человѣкъ создаетъ лишь форму, а не самую сущность, матерію, естественный фондъ, который онъ получаетъ уже готовымъ, имъ не созданнымъ. Экономисты утверждаютъ, что индивиду принадлежитъ право собственности не только на форму, какъ на непосредственный результатъ труда, но и на матерію или естественный фондъ, сдѣлавшійся объектомъ труда, ибо форма неотдѣлима отъ сущности, которая будто-бы и создается лишь приложеніемъ къ ней человѣческаго труда. Но при этомъ они упускаютъ изъ виду, что, независимо отъ матеріи, въ созданіи цѣнностей участвуетъ не одинъ только трудъ человѣка, а еще и, такъ называемый, соціальный фондъ, участіе котораго въ производствѣ нерѣдко превышаетъ этотъ трудъ. Вникая глубже въ роль этого соціальнаго фонда, заключающагося въ

совокупности наличныхъ общественныхъ условій, при которыхъ трудится человѣкъ, не трудно придти къ заключенію, что только весьма немногое можетъ быть признано принадлежащимъ намъ всецѣло и исключительно. Отсюда, говоритъ Фулье, ясно, что всякая собственность состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, принадлежащихъ нѣсколькимъ хозяевамъ. Наша личная доля заключается въ новой формѣ, нами созданной; доля природы заключается въ матеріи, естественномъ фондѣ, ею данномъ; доля общества заключается въ соціальномъ фондѣ, косвенно участвующемъ въ нашемъ трудѣ. Эту-то долю и не видятъ или не хотятъ видѣть экономисты, между тѣмъ какъ, несомнѣнно, соціальная или общественная собственность, хотя и не сохранила прежнихъ своихъ формъ, но и не изчезла, и, накопляясь постепенно вѣками, она можетъ увеличиваться безконечно, совершенно независимо отъ требуемаго соціалистами смертнаго приговора институту частной собственнотти. Эта соціальная собственность заключается, во-первыхъ, въ общественныхъ капиталахъ, имуществѣ и учрежденіяхъ, во-вторыхъ, въ политическихъ правахъ гражданъ и, въ-третьихъ, въ результатахъ умственнаго и нравственнаго воспитанія; при чемъ ближайшее назначеніе этой собственности должно заключаться, главнѣйшимъ образомъ, въ возможномъ исправленіи и устраненіи бѣдственныхъ послѣдствій соціальнаго неравенства. Но, продолжаетъ Фулье, если абсолютный индивидуализмъ ничего не хочетъ знать о несомнѣнной долѣ общества въ собственности, то абсолютный соціализмъ не менѣе близорукъ не только въ рѣшеніи вопроса о частной собственности, но и въ оцѣнкѣ существующаго соціальнаго строя и въ опредѣленіи задачи общественной

власти въ отношеніи къ нему. Современное экономическое зло они разсматриваютъ не какъ продуктъ самой человѣческой природы, отъ измѣненія которой путемъ воспитанія и образованія зависитъ и устраненіе этого зла, а какъ прямой результатъ воли человѣка и соціальной системы, вслѣдствіе чего за этой-же самой волей и общественной властью они безусловно признаютъ способность не только устранить это зло, но и создать общее благополучіе. Кромѣ того, такъ какъ экономическая сфера слагается изъ трехъ функцій,—производства, распредѣленія и потребленія, то различныя соціальныя системы опредѣляютъ весьма различно участіе государства въ каждой изъ нихъ: соціальная система коммунистическая желала-бы соціализировать всѣ три функціи, другія системы считаютъ достаточнымъ соціализировать одно лишь производство, упуская изъ виду, что въ немъ, подобно потребленію, неминуемо преобладаетъ индивидуальное начало, устраненіе котораго неизбѣжно приведетъ лишь къ полному обезличенію людей, къ смерти личности. Остается затѣмъ, заключаетъ Фулье, еще распредѣленіе;—оно-то только и можетъ быть соціализировано, ибо распредѣленіе, имѣя, несомнѣнно, общественное значеніе, не можетъ и не должно быть предоставлено произволу личности, а оно должно быть производимо при участіи государства, какъ объективнаго блюстителя интересовъ общественныхъ, соціальныхъ.

Мм. Гг.! Не помню, кто-то сказалъ, и совершенно вѣрно, что мы живемъ въ такое время, когда, благодаря разнымъ новѣйшимъ средствамъ сообщенія, дающимъ возможность необыкновенно быстро все увидѣть и обо всемъ услышать, мы постоянно находимся какъ-бы на вершинѣ

чрезвычайно высокой горы, съ которой можно обозрѣвать всѣ царства земли и всю ихъ славу; но къ прискорбію, не одну только славу, а также и ихъ безуміе, преступленія и бѣдствія. Такъ можно сказать и относительно обозрѣнія соціализма съ высоты строго-научной критики, свободной отъ какихъ-либо утилитарныхъ цѣлей, отъ какихъ-либо страстныхъ порывовъ, затемняющихъ разсудокъ и заставляющихъ призраки принимать за дѣйствительность. Рядомъ съ нѣкоторыми безошибочными положеніями, которыми наука безспорно обязана соціализму, указавшему, между прочимъ, на крайности либеральной-экономической школы Ад. Смита, встрѣчается, съ одной стороны, не мало заблужденій, увлеченій, неправильныхъ обобщеній и неосуществимыхъ притязаній, съ другой—нѣкоторыя весьма существенныя умолчанія, въ числѣ которыхъ нельзя не отмѣнить, въ особенности, указанія на то, что коренная причина соціальныхъ бѣдствій и сущность соціальнаго вопроса заключается не столько въ институтѣ частной собственности, утрачивающей все болѣе и болѣе свой абсолютный характеръ, сколько въ отсутствіи экономической организаціи, приводящей народное хозяйство къ анархіи, къ безначалію и разстройству. Но какъ эти увлеченія, такъ и эти умолчанія отнюдь не суть преступленія, а лишь ошибки, тѣмъ болѣе извинительныя, что, какъ я сказалъ уже раньше, цѣльнаго соціалистическаго ученія до сихъ поръ не выработалось, да и вообще соціализмъ началъ облекаться въ научную форму сравнительно еще очень недавно. Кромѣ того, повторяю еще разъ, начиная хотя-бы съ малообразованнаго Фурье и кончая серьезныхъ ученымъ Карломъ Марксомъ, вы не найдете ни у одного изъ соціалистовъ

ни малѣйшаго намека на какія-либо насильственныя дѣйствія, ограбленіе однихъ въ пользу другихъ, терроризированіе правительства, динамитъ, подкопы, политическія убійства и т. п. Тѣмъ ужаснѣе видѣть, что именно къ соціалистамъ примкнули или, вѣрнѣе сказать, соціалистами назвались тѣ безумцы или злодѣи, которые путемъ преступленій, насилія, обмана, лжи и всѣхъ смертныхъ грѣховъ, съ дерзостью безпримѣрной стремятся разрушить вѣками создавшееся зданіе государства, дабы воздвигнуть на мѣсто его нѣчто совсѣмъ уродливое и только имъ однимъ угодное. Вѣдь эти господа въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ также разрѣшаютъ соціальный вопросъ; но ихъ разрѣшеніе вопроса можно уподобить разрубанію того червя, который, будучи разрѣзанъ на части, превращается въ соотвѣтствующее количество червей. Эти господа также предлагаютъ свое „ученіе", но это ихъ яко-бы ученіе не есть ученіе соціалистическое, а представляется сплошнымъ моремъ дикихъ парадоксовъ, безумныхъ заблужденій, чудовищнаго цинизма и полной разнузданности мысли и языка; о несчастныхъ, купающихся на этомъ морѣ, можно сказать словами поэта „O glücklich wer noch hoffen kann aus diesem Meer des Irrthums aufzutauchen", т. е. счастливъ тотъ, кто можетъ еще надѣяться вынырнуть изъ этого моря заблужденій. Сила не въ силѣ, а въ правдѣ, а потому нѣтъ, не можетъ быть и никогда не будетъ силы на сторонѣ этихъ лжесоціалистовъ; и даже въ грубѣйшихъ слояхъ христіанскаго народа никогда не встрѣтятъ они какого-либо сочувствія или одобренія, ибо никогда христіанскій міръ не извратится до того, какъ говоритъ Гёте, dass man die frechen Mörder lobt, т. е. до прославленія наглыхъ

убійцъ. Эти лжесоціалисты,— смутяги и крамольники, по истинѣ самые заклятые враги соціализма, ибо, заимствовавъ у него худшее и извративъ это худшее до совершеннаго безобразія и дикаго абсурда, они лучшаго не взяли, но попутно успѣли осквернить его, и, назвавшись соціалистами, подъ покровомъ этой для многихъ заманчивой клички совершаютъ темныя дѣла свои. Впрочемъ отъ нечистаго что̀ можетъ быть чистаго, и отъ ложнаго что̀ можетъ быть истиннаго!

Какая-же будущность соціализма? Вѣря въ историческую послѣдовательность и имѣя предъ собою цѣлый рядъ весьма знаменательныхъ фактовъ, въ качествѣ предвозвѣстниковъ вѣроятнаго будущаго, возможно придти къ заключенію, что соціализмъ, какъ ученіе и какъ программа для внутренней политики, не лишенъ нѣкоторыхъ необходимыхъ элементовъ для дальнѣйшаго роста и мирнаго развитія, могущаго въ конечномъ результатѣ привести къ болѣе или менѣе привиллегированному положенію трудящагося класса, что, въ сущности, и составляетъ pium desiderium настоящихъ, несамозванныхъ соціалистовъ. Но если вѣрить въ прогрессъ не какъ въ одно лишь осложненіе формъ, не какъ въ одну лишь смѣну господства одного класса надъ другимъ, не какъ въ одну лишь ожесточенную борьбу различныхъ факторовъ производства, то отнюдь не въ этомъ будетъ и должно заключаться послѣднее слово правды и справедливости въ отношеніяхъ людей въ обществѣ человѣческомъ. Предположивъ возможность торжества соціализма, намъ не трудно мысленно перенестись и въ тотъ новый строй, который будетъ соотвѣтствовать ему, и тогда — что-же увидимъ мы? Справедливое вознагражденіе за трудъ? Общее довольство

и благополучіе? Отсутствіе вражды и распрей изъ-за распредѣленія богатствъ? Словомъ — все то, что обѣщаютъ соціалисты? Ничуть не бывало! Ничего этого мы всетаки не увидимъ! Напримѣръ, соціалисты желаютъ абсолютно-справедливаго вознагражденія за трудъ, для чего, конечно, прежде всего необходима правильная оцѣнка труда въ каждомъ конкретномъ случаѣ; а между тѣмъ никто еще изъ нихъ не преодолѣлъ того затрудненія, которое создается тѣмъ, что въ основаніи понятія или представленія о цѣнности лежитъ не одно только хозяйственное (матерьяльное) начало, легко поддающееся оцѣнкѣ, но еще и нравственное (духовное), вслѣдствіе чего представляющееся справедливымъ одному будетъ неминуемо казаться другому возмутительною неправильностью. Но предположимъ, что и это весьма серьезное препятствіе будетъ устранено хотя-бы тѣмъ путемъ, что, согласно съ указаніемъ Бюшеза, такъ какъ только усердіе зависитъ отъ воли человѣка, а талантъ отъ Бога—всѣ будутъ получать болѣе или менѣе равное вознагражденіе или-же, согласно съ Луи Бланомъ, полагавшимъ, что различіемъ въ способностяхъ создается различіе лишь въ обязанностяхъ, а не въ правахъ — всѣ будутъ получать совершенно равное вознагражденіе;—будутъ-ли тогда всѣ довольны? Не будетъ-ли тогда недовольныхъ даже больше, чѣмъ теперь? Не найдетъ-ли, напр., водовозъ несправедливымъ что онъ, прилагая больше усердія, получаетъ недостаточно большее вознагражденіе, чѣмъ художникъ Верещагинъ, усердіе котораго, по его мнѣнію, совершенно ничтожно? Не найдетъ-ли, напр., писецъ Казенной Палаты, что ему за его трудъ, какъ наиболѣе тяжкій, несправедливо плятятъ столько-же, сколько и профессору,

которому ничего-де не стоитъ поговорить кое о чемъ съ каѳедры? Наконецъ, если теперь буржуазія въ качествѣ господствующаго класса оказалась своекорыстною и слишкомъ невнимательною къ интересамъ другихъ классовъ, то есть-ли малѣйшее серьезное основаніе утверждать, что четвертое сословіе, въ качествѣ господствующаго класса, не обнаружитъ, въ свою очередь, такихъ отрицательныхъ свойствъ, вслѣдствіе которыхъ будетъ тяжко жить всѣмъ остальнымъ классамъ? Причину-же подобныхъ существенныхъ прорѣхъ въ соціализмѣ обрѣсти не трудно;—она коренится въ отсутствіи идеала? Идеалъ-же не мечта и его, какъ извѣстно, сдержать нельзя,—онъ всегда отмститъ за себя; а потому, конечно, наступитъ время, когда общностью интересовъ смѣнится борьба ихъ, пріобрѣтеннымъ уваженіемъ—привиллегированное положеніе, свободнымъ подчиненіемъ Богомъ освященной власти—господство правящихъ классовъ, общимъ поклоненіемъ одному и тому-же идеалу благоустроеннаго христіанскаго общества—полный расколъ въ основныхъ идеальныхъ стремленіяхъ. Тогда только великій и давно произнесенный принципъ любви, милосердія и состраданія къ ближнему перейдетъ всецѣло и безъ всякихъ уклоненій изъ міра словъ и пожеланій въ область дѣла и служенія Богу. Милость и истина срѣтятся, правда и міръ облобызаются.

ВѢРА И ДѢЛА.

Н. С. СУВОРОВА,

ординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. Г. Фалькъ, Духовск. ул., собств. д.
1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АННѢ ИВАНОВНѢ

ДМИТРІЕВОЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая мною брошюра составилась изъ публичной лекціи, прочитанной мною въ пользу попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Лицея. Вопросъ о „вѣрѣ и дѣлахъ“ разсматривается мною съ его философской стороны, какъ тѣсно связанный съ вопросомъ о свободѣ воли въ человѣкѣ, и поэтому самому не могущій не соприкасаться съ юридическимъ ученіемъ о вмѣненіи. Эта философская сторона и прослѣжена мною въ воззрѣніяхъ выдающихся представителей западнаго христіанства. Что-же касается воззрѣній восточной церкви, то я коснулся ихъ лишь на столько, на сколько сами ея представители (именно отцы четвертаго и пятаго столѣтій) становились на философскую почву въ оцѣнкѣ силъ человѣческой природы. На чрезвычайно важное, именно въ религіозно-философскомъ отношеніи, значеніе вопроса о вѣрѣ и дѣлахъ въ западныхъ вѣроисповѣданіяхъ было указано мною еще десять лѣтъ тому назадъ въ одной изъ моихъ статей, рядъ которыхъ былъ напечатанъ въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ за 1878 г., подъ заглавіемъ: „Политическіе міряне“. Въ настоящей брошюрѣ тотъ же самый предметъ, который былъ слегка затронутъ 10 лѣтъ тому назадъ, трактуется съ большею подробностію, впрочемъ настолько сжато, насколько это требовалось предѣлами публичной лекціи.

Н. С.

Ярославль,
1888 г. мая 27.

Въ посланіи апостола Іакова говорится: „что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла, что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ" (II, 14—17). Что можетъ быть, повидимому, проще и яснѣе: человѣку недостаточно имѣть вѣру, причислять себя къ вѣрующимъ, а слѣдуетъ творить дѣла, соотвѣтствующія вѣрѣ? Вѣдь и бѣсы, говоритъ далѣе апостолъ, имѣютъ вѣру въ Бога и трепещутъ Его, но развѣ приноситъ имъ эта вѣра какую нибудь пользу? Слова апостола, повидимому, содержатъ въ себѣ истину, очевидную не только для христіанина, который вѣруетъ въ будущую жизнь и подготовляетъ себѣ будущее блаженство своими дѣлами, такъ какъ, по словамъ св. Писанія, каждый получитъ достойное по дѣламъ своимъ,—но и вообще для всякаго порядочнаго человѣка, который не можетъ не признавать добрыя дѣла естественнымъ призваніемъ, прямымъ долгомъ и лучшимъ украшеніемъ человѣка. А между тѣмъ извѣстно, что на христіанскомъ западѣ ученіе объ оправданіи человѣка предъ Богомъ вѣрою, а не дѣлами, сдѣлалось исходнымъ пунктомъ и основнымъ догматомъ реформаціи XVI вѣка. Было бы большою историческою

несправедливостію утверждать, что проповѣдники этого ученія прикрывали имъ собственную недобродѣтельную жизнь. Напротивъ мы находимъ въ ряду ихъ людей высокой христіанской нравственности; мало того, мы видимъ, что и они считали необходимыми для человѣка добрыя дѣла, даже не могли себѣ представить истиннаго христіанина безъ добрыхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе они отрицали всякое значеніе этихъ дѣлъ, договариваясь даже до такихъ крайностей,—какъ это сдѣлалъ одинъ изъ учениковъ Лютера,—что добрыя дѣла вредны. Какъ будто исторія цѣлыхъ пятнадцати столѣтій, протекшихъ отъ начала христіанской эры до реформаціи, привела лишь къ затемнѣнію совершенно простой и ясной истины, что человѣкъ не головой и не устами только, а сердцемъ и дѣлами долженъ обнаруживать и доказывать свою христіанскую нравственность! Наша собственная исторія шла такъ, что мы не вдругъ даже поймемъ, отчего вопросъ о вѣрѣ и дѣлахъ затемнился и осложнился, сдѣлался даже настолько спорнымъ вопросомъ, что два противоположные отвѣта на него стали лозунгомъ двухъ церквей, на которыя раздѣлился христіанскій западъ,—католической и евангелической. Наша собственная, равно какъ и византійская, вообще восточная религіозно-философская мысль никогда не находила интереса въ тѣхъ вопросахъ, которые съ глубокой древности, почти съ самаго начала появленія христіанства на землѣ, живо интересовали христіанскій западъ. Больше чѣмъ за тысячу лѣтъ до религіозной реформаціи XVI столѣтія, на христіанскомъ западѣ возникли вопросы, которые казались въ церкви восточной непонятными и которые потомъ съ величайшею силою и страстностію поставлены были про-

тивоположными партіями въ эпоху реформаціи. Вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ, вопросъ о первобытномъ состояніи человѣка, вопросъ о томъ, имѣетъ ли человѣкъ свободную волю въ своемъ настоящемъ состояніи, вопросъ о томъ, какъ дѣйствуетъ Богъ Своею благодатію на волю человѣка, и вмѣстѣ, въ связи съ этими вопросами, вопросъ объ отношеніи между вѣрою и дѣлами,— вотъ тѣ религіозно-философскія проблемы, которыя вообще никогда не забывались представителями западной мысли, но съ особенною живостію интересовали христіанскій западъ въ V и въ XVI вв.

I.

Въ пятомъ столѣтіи завязался религіозно-философскій споръ между двумя литературными противниками. Одинъ изъ нихъ — богато-одаренная натура, человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и съ сильными страстями, но вмѣстѣ и съ глубокимъ умомъ. Другой—человѣкъ спокойнаго темперамента, благодаря монашеской аскетической жизни привыкшій владѣть собой, но натура болѣе мелкая, сравнительно съ противникомъ. Первый провелъ неспокойную юность и не мало горя доставилъ своей превосходной матери,—одной изъ тѣхъ замѣчательныхъ христіанскихъ женщинъ, о которыхъ языческіе писатели, осмѣивавшіе христіанство, съ удивленіемъ и досадой выражались: „какихъ же однако женщинъ имѣютъ христіане"! Но и отдаваясь увлекавшимъ его чувственнымъ порывамъ, молодой человѣкъ мучился безотвязнымъ вопросомъ: „откуда зло"? Какимъ образомъ человѣкъ, сознавая, что онъ дѣлаетъ дурное, и даже не желая дѣлать дурное, все таки дѣлаетъ дурное, а не

хорошее? Другой спокойно двигался въ разъ занятой имъ колеѣ, предаваясь келейнымъ литературнымъ занятіямъ и монашескому аскетизму. Первый былъ Аврелій Августинъ, африканецъ по происхожденію, отецъ церкви, величайшій авторитетъ для западнаго христіанства, докторъ, т е. учитель запада, какъ его называютъ, первый по времени христіанскій религіозно-политическій мыслитель. Другой, британецъ по происхожденію, монахъ по роду жизни, былъ еретикъ Пелагій.

Августинъ, ища отвѣта на преслѣдовавшій его вопросъ о происхожденіи зла, изучалъ философскія системы и нѣкоторое время думалъ, что нашелъ желаемое имъ разрѣшеніе въ ученіи манихеевъ, сущность котораго есть восточный дуализмъ, съ тѣмъ отличіемъ отъ маздеизма, т. е. отъ ученія Зороастра, что Зороастръ представляетъ доброе начало, Ормузда, въ концѣ концовъ побѣждающимъ злое начало, Аримана, тогда какъ по ученію Манеса, основателя манихейскаго ученія, борьба двухъ началъ должна быть вѣчною. Августинъ полагалъ, что въ манихействѣ какъ разъ давался требуемый имъ отвѣтъ: отъ вѣчности существуетъ и вѣчно будетъ существовать злое начало, противоположное доброму,— оно и есть источникъ всякаго зла на землѣ, источникъ злой природы и злой воли человѣка. Наступило однако разочарованіе: Августинъ не находилъ въ манихействѣ объясненія той внутренней борьбы, которую онъ переживалъ, борьбы между добромъ и зломъ, которой не должно бы было быть, если бы природа человѣческая была дѣломъ злого начала. Близкій къ самому безотрадному скептицизму, готовый усумниться во всѣхъ и во всемъ, Августинъ принялся за чтеніе св. Писанія и былъ

глубоко поражёнъ, прочитавъ 7-ю главу посланія апостола Павла къ римлянамъ. „Я не понимаю“, говорить здѣсь апостолъ, что дѣлаю, потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю; добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, которое не хочу, дѣлаю. По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ (ст. 15, 19 и 23). Въ этихъ словахъ былъ изображенъ тотъ же самый процессъ внутренней борьбы между добрыми желаніями и злыми наклонностями, между закономъ ума, расположеннаго къ добру, и закономъ грѣховнымъ, господствующимъ въ человѣческой природѣ, который хорошо извѣстенъ былъ самому Августину. Проповѣдь знаменитаго Амвросія докончила дѣло обращенія Августина къ Богу и къ добродѣтельной жизни. Какъ вообще обстоятельства личной его жизни, такъ въ особенности обстоятельства его обращенія оставили неизгладимый слѣдъ на всемъ міровоззрѣніи Августина. Отсюда именно объясняется въ немъ чувство глубочайшаго смиренія и самой нѣжной благодарности къ Богу и къ церкви, которая черезъ Амвросія спасла его.

Какъ же объяснилъ себѣ Августинъ, сдѣлавшись учителемъ церкви, тотъ вопросъ, разрѣшенія котораго онъ безплодно искалъ въ манихейскомъ дуализмѣ? Нѣтъ злого начала, которое бы существовало отъ вѣчности, какъ нѣчто субстанціальное, т. е. какъ положительное бытіе, какъ положительная сущность, противоположная Богу, какъ доброму началу. Зло имѣетъ не положительный характеръ, а отрицательный: оно есть отрицаніе добра,

оно есть ничто, а не нѣчто положительное, имѣющее свою сущность, какъ напр. голодъ есть зло, но что же такое голодъ? Отсутствіе или лишеніе питанія. Источникъ зла, въ этомъ смыслѣ понимаемаго, есть не Богъ, а человѣкъ, котораго Богъ создалъ существомъ свободнымъ. Истинная свобода не въ томъ впрочемъ состоитъ, чтобы во всякій моментъ дѣлать формальный выборъ между добромъ и зломъ, склоняться или къ тому или къ другому по произволу. Если свободу поставлять въ этомъ произвольномъ выборѣ, то пришлось бы допустить, что отъ одного и того же корня могутъ выростать и хорошіе, и дурные плоды въ одно и тоже время, тогда какъ на самомъ дѣлѣ отъ хорошаго корня могутъ произрастать только хорошіе плоды, отъ дурнаго только дурные. Истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ дѣйствовалъ по внутреннему закону своей нравственной природы, а не надъ вліяніемъ какой нибудь чуждой, враждебной, посторонней силы. А въ чемъ состоитъ этотъ внутренній законъ нравственной природы человѣка? Въ повиновеніи Богу и въ направленіи воли къ добру, которое есть естественная стихія человѣка. Однако дѣйствительность показываетъ, что человѣкъ порабощенъ грѣху. Что же это значитъ? Это значитъ, что истинною свободою пользовались только наши прародители и только до своего грѣхопаденія. Судя по своему внутреннему опыту, Августинъ зналъ, что грѣхъ, разъ вошедши въ человѣческую природу, оставляетъ въ ней глубокіе слѣды, такъ что человѣкъ оказывается даже безсильнымъ бороться съ нимъ. И первый человѣкъ, вслѣдствіе своего грѣхопаденія, утратилъ, по ученію Августина, истинную свободу и сдѣлался неспособнымъ къ добру; а такъ какъ

Адамъ согрѣшилъ, какъ представитель рода, какъ родоначальникъ—представитель всего послѣдующаго потомства, то и всѣ потомки Адама родятся безъ истинной свободы, съ наклонностію къ злу, вмѣсто стремленія къ добру. Контрастъ между состояніемъ человѣка до грѣхопаденія и состояніемъ его послѣ грѣхопаденія Августинъ представляетъ въ такой рѣзкости, что отчасти даже сходится съ Манесомъ: и Августинъ считаетъ природу человѣка въ концѣ концовъ злою, только Манесъ не дѣлалъ отсюда исключенія и для двухъ первыхъ людей. Для человѣка, въ настоящемъ его состояніи, добро становится возможнымь только при помощи Божіей благодати, которую онъ долженъ воспринимать съ смиреннымъ сознаніемъ своего ничтожества. Богъ открываетъ человѣку Свою волю въ откровеніи, которымъ просвѣщается и вразумляется умъ человѣка, его познавательная способность на счетъ того, что должно дѣлать и чего не должно. Но откровеніе само по себѣ нисколько не помогаетъ человѣку и не удерживаетъ отъ грѣха: нужно не только знать, что требуется дѣлать и чего слѣдуетъ избѣгать, но и имѣть силы, необходимыя для совершенія того, что должно, и для избѣжанія того, что не должно. А у человѣка, въ настоящемъ его состояніи, не имѣется силъ не только дѣлать добро, но даже желать, чтобы Богъ оказалъ намъ Свое благодатное содѣйствіе; человѣкъ самъ по себѣ не способенъ даже желать благодати. Августинъ обращался къ Богу съ такой молитвой: „даруй мнѣ то, что Ты повелѣваешь, и повели мнѣ то, чего Ты желаешь“ (da quod jubes et jube quod vis). Божья благодать дѣйствуетъ и на познавательную способность, и на волю человѣка. Вѣра въ своемъ началѣ,

продолженіи и завершеніи, есть дѣло благодати. Это есть прежде всего вѣра въ искупленіе, совершенное Христомъ, какъ о томъ проповѣдуется въ Евангеліи, но также и вѣра въ то, что Христосъ живетъ въ сердцѣ увѣровавшаго человѣка. Изъ вѣры вытекаетъ любовь къ Богу, а любовь къ Богу есть опредѣляющее начало всякихъ добрыхъ дѣлъ, и въ этомъ смыслѣ Августинъ выразился: „люби и дѣлай, что хочешь“ (ama et fac quod vis). Такимъ образомъ добрыя дѣла слѣдуютъ за благодатію, а не предшествуютъ ей. Благодать потому и называется благодатью, что она дается даромъ, не за заслуги, не въ видѣ вознагражденія за какія либо наши усилія и труды. Истинная вѣра находится въ связи съ истинною любовью; и та и другая выражаются въ добрыхъ дѣлахъ, но эти добрыя дѣла, какъ и вѣра, и любовь, имѣютъ своею причиною не свободу человѣческую, а Божью благодать, и поэтому не составляютъ никакой заслуги передъ Богомъ.

Противникъ Августина Пелагій прибылъ изъ Британіи въ Римъ въ то время, когда получила здѣсь большую популярность молитва Августина: „даруй мнѣ то, что Ты повелѣваешь, и повели мнѣ то, чего Ты желаешь“. Въ то же время онъ замѣтилъ, что масса римскаго населенія, принявъ христіанскую религію, довольствуется теоретическимъ признаніемъ этой вѣры за истинную, не обнаруживая никакой нравственной энергіи. Отсутствіе христіанской нравственной жизни среди римскаго населенія произвело крайне непріятное впечатлѣніе на Пелагія. Въ особенности онъ возмущенъ былъ тѣмъ, что всякій разъ, какъ ему приходилось говорить на эту тему, слышались однѣ и тѣже рѣчи о слабости человѣческой природы, о

безсилія и неспособности человѣка дѣлать добро. Такимъ образомъ въ немъ явилась рѣшимость отнять у людей точку опоры для ихъ лѣности, для ихъ моральнаго разслабленія, доказать несостоятельность тѣхъ мотивовъ, которыми они извиняли свою безнравственность. Самъ Пелагій былъ строгой жизни монахъ, пріучившійся къ самообладанію, къ господству надъ чувственными пожеланіями, и къ тому же онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ восточнымъ монашествомъ, которое сдѣлало замѣчательные опыты господства надъ требованіями и позывами человѣческой природы.

Отцы восточной церкви IV и V столѣтій высоко ставили человѣческую свободу, хотя не отвергали и наслѣдственной порчи человѣческой природы и необходимости содѣйствія Божіей благодати,—въ этомъ отношеніи философія стоиковъ, практиковавшихъ силу воли надъ требованіями тѣлесной природы, должна была оказать нѣкоторое вліяніе на греческихъ отцовъ, которые большею частію были основательно знакомы съ философскими ученіями древняго міра и старались извлечь изъ философовъ нехристіанскихъ все лучшее, чѣмъ могъ воспользоваться христіанинъ. Послушаемъ напр. Василія Великаго. По его мнѣнію, человѣкъ имѣетъ свободную природу съ вложенными въ нее зернами добра. Добродѣтель не есть такой незнакомый человѣку предметъ, которому бы онъ долженъ былъ учиться со стороны, который бы внушался кѣмъ либо извнѣ: человѣкъ уже въ самой природѣ своей имѣетъ задатки, влеченіе и склонность къ добру. Подобно тому, какъ неразумное животное безъ наученія очень хорошо знаетъ, что свойственно его природѣ, подобно тому, какъ не требуется ни

искуства, ни науки, чтобы находить удовольствіе въ нормальномъ здоровомъ состояніи и имѣть отвращеніе отъ болѣзни: такъ точно человѣческая душа безъ наученія стремится къ тому, что естественно для нея и что приличествуетъ ей, т. е. къ добру, и имѣетъ естественное отвращеніе отъ злаго. Развѣ природа не говоритъ, что дѣти должны любить родителей и родители заботиться о дѣтяхъ? Развѣ мы не чувствуемъ благодарности къ благодѣтелю? Развѣ язычники, предоставленные самимъ себѣ, безъ свѣта божественнаго откровенія и безъ божественнаго благодатнаго содѣйствія, не совершаютъ добрыхъ дѣлъ?—Братъ Василія, Григорій Нисскій, доказывая, что въ природѣ человѣческой есть способность дѣлать выборъ и выбранное приводить въ исполненіе, поясняетъ это примѣромъ глаза. Какъ глазъ имѣетъ отъ природы способность видѣть, но можетъ и не видѣть, если его намѣренно закрываютъ, или если онъ поврежденъ: такъ и душа, не злая сама по себѣ, по своей природѣ, или закрываетъ свои глаза, или портитъ ихъ.—„Стоитъ намъ только захотѣть, выразился въ одной изъ своихъ проповѣдей Златоустъ, и ни смерть, ни дьяволъ не могутъ повредить намъ“. Если, говоритъ онъ въ другой разъ, все доброе мы приписываемъ Богу, то это лишь общепринятый оборотъ рѣчи, какъ мы, напримѣръ, приписываемъ строеніе дома архитектору, хотя участіе въ построеніи его принимали и рабочіе, и самъ хозяинъ.

Въ монашеской средѣ въ особенности могло находить себѣ благодарную почву признаніе человѣческой свободы. Монашество четвертаго и пятаго столѣтій заявило себя изумительными опытами самообладанія. Порвать всѣ связи съ міромъ, который такъ привлекалъ къ-

себѣ самыми разнообразными приманками, вырвать изъ сердца всякую привязанность къ земному, питаться кореньями, жить въ необитаемой пустынѣ, или даже проводить цѣлые годы стоя на столпѣ, т. е. на высокомъ столбѣ, безъ всякаго прикрытія, подъ палящими лучами солнца, точно такъ же какъ подъ проливнымъ дождемъ,— все это требовало не малаго усилія воли. А сколько нужно было пережить искушеній! Какую борьбу иногда нужно было выдержать съ самимъ собой, чтобы задушить въ себѣ желаніе вернуться въ міръ и снова зажить тамъ общею съ другими людьми жизнію! Нѣкоторые молодые люди, не взвѣсившіе предварительно своихъ силъ и не выдержавшіе взятаго ими на себя добровольно искуса, съ отчаянія бросались со скалъ, или покончивали съ собой другими способами самоубійства. Нѣкоторые, вернувшись въ міръ, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ вознаграждали себя за испытанныя въ пустынѣ лишенія. За то для тѣхъ, которые благополучно выдерживали искусъ, или которые, благодаря своему темпераменту, безъ тяжкой внутренней борьбы привыкали къ отшельнической жизни и къ подвигамъ аскетизма, должно было казаться несомнѣннымъ, что въ человѣческой природѣ есть силы бороться съ чувственными влеченіями, слѣдовательно есть и свободная воля. И въ самомъ дѣлѣ, надо полагать, что во внутреннихъ опытахъ, пережитыхъ монахами, находится не мало цѣннаго матеріала для психологіи.

Въ монашеской средѣ вращался и Пелагій. Взглядъ его на свободу человѣка сходенъ со взглядами восточнаго монашества (напр. Исидора Пелусіота). Но въ Пелагіѣ сказался своеобразный складъ западнаго ума. Онъ не ограничился отрывочными и случайными выра-

женіями и замѣчаніями, а построилъ логическую теорію, преувеличилъ въ одномъ случаѣ, впалъ въ крайность въ другомъ и былъ осужденъ за ересь. На западѣ неумолимымъ противникомъ Пелагія былъ Августинъ. На востокѣ напротивъ многіе не одобряли ученія Августина и оказывались болѣе склонными къ ученію Пелагія. Когда Пелагій предпринялъ путешествіе въ Палестину, то обвинителями и противниками его здѣсь выступили не восточные, а западные христіане. Въ Константинополѣ хорошо принятъ былъ Пелагій патріархомъ Несторіемъ, но это послѣднее обстоятельство послужило во вредъ Пелагію. Несторія осудилъ третій вселенскій соборъ за ересь, за то, что онъ считалъ Христа простымъ человѣкомъ, а не Богомъ. Этотъ же соборъ осудилъ и Пелагія, впрочемъ безъ предварительнаго изслѣдованія и разбора его ученія, усмотрѣвъ связь между ученіемъ Несторія, который считалъ Христа простымъ человѣкомъ, а не Богомъ, и между ученіемъ Пелагія, которое, преувеличивая значеніе свободы человѣческой и умаляя значеніе благодати, въ крайнихъ своихъ выводахъ вело къ отрицанію необходимости искупленія человѣчества Сыномъ Божіимъ.

Пелагій не допускаетъ рѣзкаго контраста между состояніемъ перваго человѣка до паденія и состояніемъ его послѣ паденія. Человѣкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, былъ неразвитое дитя, неосторожное и неопытное, могущее поддаться соблазнительнымъ рѣчамъ искусителя. Это тѣмъ болѣе было возможно, что онъ былъ доступенъ чувственнымъ влеченіямъ, такъ какъ ему была дана свобода выбора, изъ которой, какъ изъ корня, можетъ выростать доброе

или злое, смотря по различному направленію воли, такъ что, собственно говоря, особаго вопроса о происхожденіи зла для Пелагія не существовало. Но таковымъ же человѣкъ остался и послѣ паденія, таковы же и его потомки. Послѣдствіе прародительскаго грѣха въ томъ лишь заключается, что онъ сдѣлался примѣромъ, предметомъ подражанія для потомковъ Адама и постепенно можетъ обращаться въ привычку, которую однако можно преодолѣть. Пелагій не знаетъ наслѣдственной передачи порчи отъ предковъ къ потомкамъ. Потомокъ Адама, какъ и самъ Адамъ, имѣетъ свободу, т. е. способность дѣлать выборъ между добромъ и зломъ, находится въ серединѣ между тѣмъ и другимъ, въ состояніи индифферентномъ, можетъ склониться въ одну сторону, можетъ и въ другую. Богъ помогаетъ человѣку своею благодатію; но подъ благодатію должно разумѣть вопервыхъ самую способность къ добру, т. е. естественныя силы человѣка, затѣмъ данный Богомъ законъ, откровеніе, ученіе Христово, которыя дѣйствуютъ на познавательную способность человѣка, выясняя для него то, что онъ обязанъ дѣлать и что требуется отъ него Богомъ. Примѣры добродѣтельныхъ язычниковъ доказываютъ, что и предоставленный самъ себѣ человѣкъ имѣетъ силы совершать добрыя дѣла. Такимъ образомъ добрыя дѣла суть произведеніе свободной воли человѣка и составляютъ его заслугу. Въ свою очередь заслуживаемая христіаниномъ благодать помогаетъ ему достигать высшихъ ступеней блаженства въ царствѣ Божіемъ.

Пелагій не переживалъ того мучительнаго процесса, который пережитъ былъ Августиномъ, не имѣлъ случая дойдти до мысли о своемъ ничтожествѣ, до смиреннаго

сознанія своей неспособности къ чему либо доброму. Высшую христіанскую нравственность онъ поставлялъ въ господствѣ надъ побужденіями чувственности и въ монашескомъ самообладаніи видѣлъ развитіе тѣхъ самыхъ зеренъ добра, которыя положены въ нравственную природу человѣка. Идеалъ добродѣтельнаго христіанина таковъ у Пелагія: добродѣтельный христіанинъ содержитъ вѣру христіанскую и кромѣ того творитъ дѣла, изъ которыхъ каждое разсматривается особо, внѣ связи съ остальными дѣлами и съ вѣрою. А по взгляду Августина, пережившаго тяжелый внутренній кризисъ, христіанская вѣра основываетъ въ душѣ человѣка новый міръ и начинаетъ новую жизнь. Изъ вѣры, какъ изъ живительнаго, плодотворнаго источника, вытекаетъ проникнутый любовью, христіанскій нравственный образъ дѣйствій, не какъ механическая совокупность отдѣльныхъ благочестивыхъ дѣлъ, которымъ можетъ и не соотвѣтствовать внутреннее настроеніе человѣка, а какъ одно органически неразрывное цѣлое.

Изъ представленной характеристики ученій Августина и Пелагія можно видѣть, что очень важное вліяніе на сущность обоихъ ученій имѣли личныя качества обоихъ противниковъ, личный характеръ, индивидуальный складъ ума и особыя обстоятельства жизни. Каждый приступилъ къ вопросу съ своей субъективной точки зрѣнія и разрѣшилъ его по своему. Историкъ—философъ Лоранъ, —мнѣніе котораго тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ не связанъ церковнымъ догматомъ и слѣдовательно не можетъ быть заподозрѣнъ въ желаніи оправдать во что бы то ни стало католическаго отца церкви,—сравнивая ученія того и другаго, находитъ, что ученіе Августина вполнѣ при-

личествовало среднимъ вѣкамъ и имѣло провиденціальное значеніе. Августинъ есть учитель смиренія и благодати; онъ преисполненъ сознанія своего ничтожества. Между тѣмъ какъ Пелагій могъ возбуждать въ человѣкѣ гордое самомнѣніе на счетъ собственныхъ силъ, Августинъ смиренно сознается, что безъ божественной благодатной помощи онъ не можетъ не только дѣлать доброе, но и хотѣть добраго. Человѣкъ долженъ испрашивать и получать эту благодатную помощь Откуда же онъ можетъ испрашивать и получать ее? Отъ церкви. Такъ гордый, дикій и необузданный варваръ долженъ былъ смирять свою гордость и падать въ прахъ предъ церковью. Напротивъ пелагіанство представляется Лорану доктриною, непослѣдовательною съ точки зрѣнія христіанской и неосновательною съ точки зрѣнія философской. Если допускать откровеніе, то слѣдуетъ признать, что оно было необходимо, а оно необходимо только въ томъ случаѣ, если испорченная природа человѣческая нуждалась въ божественномъ возобновителѣ. Затѣмъ пелагіанизмъ представляетъ человѣка отъ его рожденія существомъ чистымъ и святымъ, приписывая зло исключительно дурному употребленію свободы и игнорируя то, что дитя уже при рожденіи носитъ въ себѣ зародышъ дурныхъ наклонностей.

II.

Св. Августинъ считался опорой церковнаго авторитета на Западѣ; но въ XVI в. довольно неожиданно стали опираться на Августина и вдохновляться Августиномъ противники католической церкви, подрывавшіе ея авторитетъ, ниспровергавшіе ея силу и могущество.

Обыкновенныхъ смертныхъ, тѣмъ болѣе варваровъ, нельзя мѣрять тою мѣркою, которую св. Августинъ прилагалъ къ себѣ самому. Немногіе люди способны проникнуться настолько горячей вѣрой, чтобы изъ нея, какъ изъ живаго источника, вытекали дѣла, и смиренно приписывать эти дѣла Божьей благодати. Громадное большинство людей склонно было скорѣе стать на точку зрѣнія Пелагія и смотрѣть на дѣла, какъ на заслуги передъ Богомъ. Сама церковь располагала къ этому взгляду, поддерживая строгую дисциплину, уча, что преступленія противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ погашаются разными дѣлами покаянія, какъ молитва, милостыня, самобичеваніе, путешествіе къ св. мѣстамъ, особенно постъ, и свои собственныя рѣшенія отождествляя съ Божіимъ судомъ. Въ римской имперіи, по принятіи христіанства въ ней, обнаружилось, что масса склонна питать довѣріе къ внѣшнему и наружному, что она способна скорѣе носить книгу Евангелія на шеѣ, какъ амулетъ или талисманъ отъ разныхъ напастей, чѣмъ проводить и исполнять въ жизни ученія Евангелія. На западѣ между обращенными въ христіанство германскими племенами механическій взглядъ на внѣшнія дѣла покаянія и благочестія обнаружился съ величайшею силою. Составилось представленіе, что нѣкоторыя дѣла имѣютъ, такъ сказать, естественное свойство погашать или уничтожать грѣхи, подобно тому, какъ вода имѣетъ свойство заливать огонь, вслѣдствіе только того, что дѣла эти сдѣланы, независимо отъ внутренняго настроенія и даже независимо отъ личности совершающаго. Нѣкоторые подавали милостыню въ тѣхъ именно видахъ, чтобы тѣмъ свободнѣе предаваться невоздержной жизни, на томъ осно-

ванія, что милостыня, сама по себѣ (какъ opus operatum) имѣетъ свойство уничтожать грѣхи. Нѣкоторые считали себя въ правѣ грѣшить безнаказанно, совершивъ путешествіе къ св. мѣстамъ. Сильные подъ этимъ предлогомъ тѣснили своихъ подчиненныхъ, бѣдные получали возможность бродяжничать и нищенствовать, причемъ многіе доходили до мысли, что достаточно взглянуть на Іерусалимъ, чтобы очиститься отъ всѣхъ грѣховъ. Нѣкоторые возлагали всѣ свои надежды на механическое прочтеніе молитвъ и псалмовъ, или даже на то, что въ концѣ жизни удастся облечься въ монашескую одежду, а эта ужь сама собою сдѣлаетъ человѣка праведнымъ предъ Богомъ. Но и это не все. Такъ какъ добрыя дѣла имѣютъ драгоцѣнное свойство обѣлять человѣка передъ Богомъ, то свойство ихъ не измѣнилось бы вѣдь, если бы вмѣсто одного человѣка исполнилъ ихъ другой: значитъ, можно нанять или порядить исполнить за себя то или другое дѣло. Одинъ богатый человѣкъ обратился къ собору епископовъ съ заявленіемъ, что онъ желаетъ получить разрѣшеніе отъ грѣховъ (весьма тяжкихъ), и представилъ при этомъ на видъ собору не то, что онъ искренно кается и имѣетъ рѣшимость воздерживаться на будущее время отъ своихъ злыхъ наклонностей, а то, что онъ чрезвычайно много роздалъ милостыни и слишкомъ многихъ человѣкъ заставилъ вмѣсто себя пѣть псалмы и молиться, такъ что всѣ грѣхи его были бы покрыты, даже если бы еще 300 лѣтъ пришлось прожить ему на свѣтѣ. Въ пенитенціалахъ, т. е. въ спеціальныхъ руководствахъ для назначенія кающимся грѣшникамъ покаянія, иногда встрѣчается даже особое наставленіе на счетъ того, какимъ образомъ назначаемое по правиламъ

многолѣтнее покаяніе отбыть въ нѣсколько дней, пригласивъ постороннихъ лицъ поститься за себя. Такъ какъ затѣмъ покаяніе всего чаще должно было состоять въ постѣ, а постъ не всегда и не всякому можно исполнять, напримѣръ въ случаѣ болѣзни, или въ случаѣ стеченія многихъ тяжкихъ преступленій, когда по расчету пришлось бы поститься время, превышающее вѣроятные предѣлы жизни человѣческой, то по этой причинѣ допущена была замѣна поста другою епитимьею. По древне-германскому уголовному праву преступникъ, убійца, обидчикъ искупалъ свое преступленіе денежнымъ штрафомъ въ пользу потерпѣвшаго, или его родственниковъ: точно также и тѣмъ, которые не могли быть подвергнуты покаянію, означенному въ канонахъ, дозволено было замѣнять его уплатой извѣстной денежной суммы на выкупъ плѣнныхъ, на милостыню бѣднымъ, на содержаніе церкви и духовенства. Замѣна одного рода епитимьи другимъ сначала была дѣломъ епископа или священника, потомъ предоставлена самому лицу, отбывающему покаяніе. А затѣмъ сдѣланъ былъ и еще шагъ: не только по просьбѣ лицъ, которымъ нужно было искупить свой грѣхъ покаяніемъ, допускалось превращеніе епитимьи въ денежный штрафъ, но и стало провозглашаться общее отпущеніе для извѣстнаго періода времени сначала епископами въ своихъ епархіяхъ, наконецъ папой въ цѣлой католической церкви. Такъ произошли индульгенціи. Для того чтобы однако составить себѣ правильное понятіе объ индульгенціяхъ, нужно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Въ средніе вѣка развился взглядъ, зародыши котораго можно находить на западѣ еще въ первые вѣка христіанства, что свя-

тые люди дѣлаютъ при своей жизни больше добрыхъ дѣлъ, чѣмъ сколько требуется съ нихъ, что эти излишки, эти лишнія, сверхдолжныя дѣла или заслуги, вмѣстѣ съ искупительными заслугами Христа, который удовлетворилъ требованіямъ правды Божіей за все человѣчество, состоятъ въ распоряженіи церкви, и что церковь производитъ такъ сказать разверстку, восполняя недочеты или пробѣлы однихъ излишками другихъ. Стремленіе къ точному опредѣленію и измѣренію человѣческихъ дѣяній, къ распространенію пріемовъ юриспруденціи на область вѣры есть специфическая черта западнаго христіанства, особенность романизированныхъ и латынизованныхъ германскихъ народовъ. Человѣкъ, поступившій въ монашество напримѣръ и по самому уровню своего умственнаго развитія склонный сравнивать тѣ лишенія и самоограниченія, которымъ онъ подвергалъ себя, съ распущенностію и недисциплинированностію окружающихъ людей, невольно располагался къ мысли, что своими усиліями онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое *право* на награду за свои заслуги, что эти свои заслуги онъ взноситъ, какъ бы отдѣльные вклады, въ сберегательную кассу, чтобы, по предъявленіи, разомъ получить скопленный капиталъ съ процентами. Затѣмъ въ христіанствѣ съ самаго начала дѣлалось различіе между обязательными нравственными требованіями и между необязательными евангельскими совѣтами. Что удивительнаго, если люди, принимавшіе на себя исполненіе такихъ необщеобязательныхъ евангельскихъ совѣтовъ, напр. продавшіе все свое имѣніе и вырученную сумму сполна раздавшіе нищимъ и всю жизнь потомъ проводившіе въ жесточайшемъ самоумерщвленіи, казались въ глазахъ другихъ христіанскими героями, со-

вершившими чудеса христіанскаго мужества? Такова основная идея сверхдолжныхъ дѣлъ или преизбыточествующихъ заслугъ (opera supererogationis). Эта идея, сама по себѣ, вполнѣ согласуется съ общечеловѣческими представленіями объ обыкновенныхъ смертныхъ и о великихъ людяхъ, о дѣлахъ скромныхъ и о дѣлахъ грандіозныхъ, объ исполненіи общихъ обязанностей и о заслугахъ чрезвычайныхъ. Но Богъ, какъ свидѣтельствуетъ св. Писаніе, обращаетъ заслуги праведныхъ въ пользу грѣшныхъ, уравновѣшивая недостатки однихъ достоинствами другихъ, милуя и спасая грѣшниковъ ради праведниковъ. Не обѣщалъ ли Онъ пощадить даже Содомъ и Гоморру, если бы въ нихъ нашлось даже только десять праведниковъ? А церковь есть тѣло Христово; въ этомъ тѣлѣ одинъ и тотъ же духъ дѣйствуетъ все во всѣхъ, и въ силу этой общности духа каждый принимаетъ участіе или имѣетъ часть во всякомъ благѣ, совершенномъ силою этого духа, подобно тому, какъ въ тѣлесномъ организмѣ необходимо происходитъ обмѣнъ вещества между всѣми органами. Церковь поставила себя на мѣсто Бога, отожествивъ свой судъ съ Божіимъ судомъ. Вотъ почему и церковь можетъ дѣлать тоже самое, что и Богъ: уравновѣшивать недостатки однихъ избытками другихъ, распредѣлять и разверстывать эти излишки.. Когда кто либо долженъ отбыть постъ въ наказаніе за грѣхъ, а вмѣсто поста уплатить извѣстную сумму денегъ, то церковь, взамѣнъ этой суммы, обращаетъ въ его пользу нѣкоторое количество добрыхъ дѣлъ, имѣющихся въ ея сокровищницѣ или кассѣ (thesaurus). Въ теоріи настаивалось на томъ, что индульгенція есть не отпущеніе грѣховъ, а лишь освобожденіе отъ церковнаго наказанія,

которое слѣдовало бы отбыть за грѣхъ, подобно тому, какъ денежною пеней замѣнялось наказаніе за уголовное преступленіе. Предполагалось также, что получающіе индульгенцію находятся въ истинномъ покаяніи и посредствомъ вѣры и любви связуются съ тѣми святыми, заслуги которыхъ имъ зачтены. Но эти и подобныя ограниченія существовали только для средневѣковой науки: въ дѣйствительности для того, чтобы доставить индульгенціямъ широкій сбытъ, объ ограниченіяхъ умалчивали, а силу индульгенцій преувеличивали. Схоластическая наука, считавшая ересью всякое уклоненіе отъ св. Августина, въ духѣ Августина разсуждала объ оправданіи человѣка передъ Богомъ. Подкрѣпляемые кромѣ того философіей Аристотеля, схоластики настаивали на томъ, что оправдывающая вѣра должна быть не сухая, теоретическая и отвлеченная, а вѣра, выражающаяся въ любви и въ добрыхъ дѣлахъ, вѣра воспринявшая *форму* любви (fides caritate formata s. animata). А въ практикѣ церковной господствовали пелагіанскіе принципы, и притомъ въ извращенномъ видѣ. Путь къ оправданію передъ Богомъ сдѣлался очень легкимъ и простымъ: слѣдовало лишь имѣть деньги, а съ деньгами можно было оправдаться отъ всякихъ грѣховъ.

Средневѣковая церковная жизнь на западѣ страдала многими ненормальностями, но религіозный взрывъ, послѣдовавшій въ XVI в., былъ вызванъ прежде всего индульгенціями, торговлю которыми производилъ въ Германіи доминиканскій монахъ Тецель съ безстыдствомъ ярмарочнаго крикуна, при импонирующей однако церемоніальной обстановкѣ. Въ каждомъ городѣ его встрѣчали власти и населеніе при звонѣ колоколовъ, съ го-

рящими свѣчами въ рукахъ и съ знаменами. Впереди процессіи несли большой красный крестъ съ папскимъ гербомъ и на бархатной подушкѣ папскую буллу объ отпущеніи грѣховъ, которое каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности должно было пріобрѣтаться посредствомъ взноса извѣстной денежной суммы. По прибытіи въ храмъ, папская булла полагалась на главный престолъ, передъ престоломъ ставился крестъ, а возлѣ креста денежный ящикъ. Коммиссаръ начиналъ проповѣдь о той силѣ, которую имѣетъ индульгенція не только для живыхъ, но и для умершихъ. Лишь только звякнутъ опускаемыя въ кружку деньги, говорилъ онъ, грѣшная душа, въ пользу которой пріобрѣтается отпущеніе грѣховъ, сейчасъ же и освободится отъ чистилища. Индульгенція дѣлаетъ человѣка болѣе чистымъ, чѣмъ крещеніе, болѣе невиннымъ, чѣмъ Адамъ до грѣхопаденія, болѣе святымъ, чѣмъ самъ Петръ апостолъ,—такъ расхваливалъ Тецель свой товаръ; даже если бы предположить, что кто либо обезчестилъ бы св. Дѣву Марію, то и такой ужасающій грѣхъ былъ бы искупленъ индульгенціей. Послѣ проповѣди Тецель становился у ящика, а тѣ, которые желали получить индульгенцію, подходили къ нему съ горящими свѣчами, исповѣдывали свои грѣхи, уплачивали деньги и затѣмъ получали подписанную коммиссаромъ грамоту. Достаточно было предъявить эту грамоту любому священнику, и самый отчаянный грѣшникъ долженъ былъ безпрепятственно допускаться къ таинствамъ.

Наши славянофилы не разъ касались римско-католическаго церковнаго ученія и обличали его несостоятельность. Въ особенности Хомяковъ *) громилъ пап-

*) Богословскія сочиненія, т. II, Прага, 1867, стр. 109.

ство за утилитарный раціонализмъ и за казуистическое направленіе церковнаго ученія. „Вооружась счетною книгой, говоритъ Хомяковъ, составленною по правиламъ двойной бухгалтеріи, съ дебетомъ въ видѣ грѣха и съ кредитомъ въ видѣ добрыхъ дѣлъ, (подкрѣпляемыхъ правда жертвою Спасителя), человѣкъ вступаетъ въ тяжбу съ Богомъ и въ римскомъ казуистѣ находитъ себѣ благопріятнаго судью. Передъ нимъ онъ не проиграетъ своей тяжбы. Лишь бы оставался онъ гражданиномъ церковнаго государства и послушнымъ слугой своихъ командировъ, онъ, за довольно умѣренный взносъ добрыхъ дѣлъ и добрыхъ помысловъ, попадетъ въ акціонеры рая; затѣмъ излишекъ, если таковой у него окажется, онъ получитъ возможность обратить для себя въ движимый капиталецъ, который останется въ полномъ его распоряженіи, а если окажется недочетъ, можно будетъ покрыть его займомъ у болѣе богатыхъ капиталистовъ. Былъ бы только вѣренъ балансъ, Богъ не придерется". Дѣйствительно, много странностей представляетъ католическое ученіе объ оправданіи для русскаго пониманія. Но до сихъ поръ православные писатели, духовные и свѣтскіе, обличали эти странности и ставили ихъ въ вину папству и католической церкви, нисколько не задаваясь вопросомъ, насколько опредѣлились эти странности особыми чертами характера и особымъ складомъ ума римлянъ и романизированныхъ германцевъ, и само папство, называющее себя всемірно-христіанскимъ учрежденіемъ, не слилось ли исключительно съ романо-германскимъ міромъ и міровоззрѣніемъ? Античныя римскія понятія съ римской юриспруденціей и съ юридическими пріемами съ одной стороны, съ другой своеобразныя понятія гер-

манскихъ народовъ, едва ли могутъ быть вмѣняемы въ вину римлянамъ и романизированнымъ германцамъ, такъ какъ они коренились въ особенностяхъ ихъ природы, а между тѣмъ изъ взаимодѣйствія этихъ именно факторовъ развилось католическое ученіе о дѣлахъ.

Замѣчательно, что нашимъ предкамъ, какъ можно судить на основаніи памятниковъ древне-русской письменности, не совсѣмъ чуждо было представленіе о томъ, что извѣстныя дѣла составляютъ заслугу человѣка передъ Богомъ. Въ нашей исторіи можно найдти и оплату преступленій денежными пенями, и странствованіе по св. мѣстамъ, и высокую оцѣнку монашества, поста, вообще аскетической жизни. Натворитъ бывало молодецъ, въ родѣ Васьки Буслаева, разныхъ грѣховъ въ своей молодости, а потомъ и поѣдетъ въ Іерусалимъ замаливать ихъ. Наши предки смотрѣли даже на самое монашеское платье, какъ на нѣчто богоугодное, такъ что люди, проводившіе многогрѣшную жизнь, въ самыя послѣднія минуты своего земного существованія старались облечься въ монашескій образъ, чтобы предстать въ немъ на судъ Божій. Въ широкихъ размѣрахъ практиковались пожертвованія, даренія и завѣщанія въ пользу монастырей, такъ что правительству на два съ половиною столѣтія достало работы по разрѣшенію вопроса о недвижимыхъ церковныхъ имѣніяхъ. Вообще можно сказать, что въ древне-русскомъ быту находились нѣкоторые задатки римско-германскихъ понятій о дѣлахъ и заслугахъ. Однако эти задатки такъ и остались въ зачаточномъ состояніи.

Русскому человѣку осталось неизвѣстно предъявленіе счетовъ къ Богу и выставленіе передъ нимъ своихъ за-

слугъ съ правомъ на вознагражденіе, тѣмъ болѣе неизвѣстнымъ осталось понятіе о какихъ либо сверхдолжныхъ заслугахъ человѣка передъ Богомъ. Напротивъ идея искупленія грѣха покаяніемъ передъ Богомъ весьма знакома русскому міровоззрѣнію. Если бы ученый изслѣдователь, безъ всякой склонности къ національному самовосхваленію, съ чисто научными пріемами, просмотрѣлъ письменные памятники нашей древности, онъ пришелъ бы безъ сомнѣнія къ тому убѣжденію, что западный механическій взглядъ на добрыя дѣла, какъ на такія, которыя, сами по себѣ уже, имѣютъ свойство производить извѣстный эффектъ, независимо отъ внутренняго настроенія, отъ искренняго религіознаго чувства лица, совершающаго ихъ, не согласуется съ русскимъ міровоззрѣніемъ. Много грѣховъ могъ натворить русскій человѣкъ, могъ даже, сдѣлавъ одно доброе дѣло, совершить потомъ цѣлый десятокъ дурныхъ дѣлъ, но за то въ свои добрыя дѣла онъ старался вносить элементъ искренности. Что наиболѣе могло страдать отсутствіемъ искренности, несоотвѣтствіемъ внѣшняго факта внутреннему настроенію,—это денежныя пожертвованія и даренія всякаго рода, которыя, конечно, для богатыхъ людей можно было дѣлать безъ особаго труда и лишенія. Но и тутъ въ нашей древней исторіи мы замѣчаемъ нѣчто такое, о чемъ въ настоящее время совершенно позабыто. Отъ завѣдомо порочныхъ и преступныхъ людей не должны были приниматься приношенія въ церковь Божію. Положимъ, что и на западѣ находились люди, хорошо понимавшіе, что механическимъ взглядомъ на добрыя дѣла не основывается христіанская нравственность. Такъ напр. знаменитый основатель францисканскаго ор-

дена говорилъ, что человѣкъ есть не болѣе и не менѣе, какъ то, что онъ есть въ глазахъ Божіихъ, т. е. что только внутреннее настроеніе, направленное къ Богу, даетъ дѣяніямъ человѣческимъ ихъ истинную цѣну. Положимъ далѣе, что и у насъ въ жизни могло дѣлаться совсѣмъ не то, чему поучали въ посланіяхъ своихъ митрополиты. Но возьмемъ народныя легенды и посмотримъ, какіе народные взгляды выразились въ этихъ легендахъ. Въ повѣсти о Щилѣ, посадникѣ новгородскомъ, разсказывается, что посадникъ Щилъ скопилъ большое богатство, отдавая деньги въ ростъ. На эти деньги онъ устроилъ церковь съ монастыремъ, взялъ на это дѣло благословеніе у архіепископа новгородскаго, но не сказалъ ему ни слова объ источникѣ своего богатства. Уже когда пришло время освящать построенную церковь, разъяснилось, что церковь создана отъ „лихвеннаго собранія“. Архіепископъ уподобилъ его Исаву за то, что онъ „лестію“ взялъ отъ него благословеніе на таковое „божественное дѣло“. Онъ велѣлъ ему сдѣлать гробъ въ стѣнѣ устроенной имъ церкви, затѣмъ лечь въ немъ. Положенный сюда грѣшникъ провалился въ преисподнюю тотчасъ послѣ отпѣванія. Сынъ Щила, ища спасенія и помощи душѣ отца своего, сталъ проводить дни въ постѣ, заказалъ сорокоусты у сорока церквей, щедро давалъ церковному клиру, бѣднымъ и заключеннымъ въ темницахъ, алчущимъ давалъ пищу и жаждущимъ питье, нагихъ одѣвалъ и принималъ странныхъ. По прошествіи сорока дней, сынъ посадника убѣдился, что несчастный отецъ его понемногу высвобождается изъ ада, и еще дважды по 40 дней поступалъ точно такимъ же образомъ, пока гробъ отца не очутился снова въ стѣнѣ устроенной имъ церкви.

Въ другой народной легендѣ „о бражникѣ“ настолько сильное удареніе дѣлается на внутреннемъ настроеніи и душевномъ расположеніи человѣка, что значеніе дѣлъ благочестія очень даже понижается, сравнительно съ тою силою, которая приписывается имъ въ предъидущей легендѣ. Нѣкій бражникъ пилъ очень много вина во всѣ дни живота своего, но со всякимъ ковшомъ Господа Бога прославлялъ и часто по ночамъ молился Ему, слѣдовательно, судя по всему этому, былъ человѣкомъ незлобивымъ. Когда, по смерти, душа его была поставлена у воротъ рая, на стукъ выходятъ другъ за другомъ апостолы Петръ и Павелъ, цари Давидъ и Соломонъ, Николай Святитель и Іоаннъ Богословъ. Всѣ они съ негодованіемъ отстраняли его отъ рая, когда узнавали, что онъ бражникъ. Послѣдній однако каждому изъ нихъ говорилъ нѣчто такое, что приводило ихъ въ смущеніе. Онъ конечно, бражникъ, но не отрекался отъ Христа, какъ Петръ, не присутствовалъ на убіеніи Стефана, какъ Павелъ, не отнималъ жены у Уріи, какъ Давидъ, не кланялся идоламъ, какъ Соломонъ, не билъ никого собственными руками, какъ св. Николай, ударившій еретика Арія на первомъ вселенскомъ соборѣ. Іоанну Богослову бражникъ напомнилъ то, что имъ же самимъ написано въ Евангеліи: „другъ друга любяй, а Богъ всѣхъ любитъ“. А ты пришельца ненавидишь, сказалъ бражникъ, т. е. меня ненавидишь. Что либо одно изъ двухъ: или отрекись отъ того, что написано въ Евангеліи, или возьми назадъ свои теперешнія слова. Послѣдствіемъ этого діалога было то, что ворота рая были отворены, и бражникъ занялъ въ раю лучшее мѣсто.

Однако не всегда такъ легко достается рай. Хотя и

не требуется долгосрочнаго покаянія, а требуется лишь покаяніе непродолжительное для очищенія отъ грѣховъ, за то это покаяніе должно быть въ высшей степени интензивное, должно быть воодушевлено горячимъ чувствомъ, должно быть исполнено, не смотря на всѣ помѣхи и соблазны. Нѣкоторый князь, грабитель и губитель и грѣшникъ передъ Богомъ и передъ ближними, почувствовавъ, по примѣру другихъ, желаніе облегчить свою душу отъ грѣховъ, исповѣдался передъ духовнымъ отцомъ. Духовникъ предложилъ ему взять на себя 15-лѣтнюю епитимью по церковнымъ правиламъ; но князь сказалъ, что онъ настолько слабъ, что не могъ бы исполнить даже и трехмѣсячной епитиміи. Рѣшено было, вмѣсто долгосрочной епитиміи, провести одному ночь въ храмѣ, находившемся недалеко отъ города, въ бодрствованіи и въ сокрушеніи сердца. Князь дѣйствительно явился въ храмъ, съ твердымъ намѣреніемъ покаяться отъ всего сердца въ своихъ грѣхахъ; но тутъ пришлось ему выдержать цѣлый рядъ искушеній со стороны бѣсовъ, которые употребили всѣ мѣры къ тому, чтобы помѣшать исполненію этого намѣренія, чтобы не дать князю провести ночь въ храмѣ, такъ какъ, съ выполненіемъ покаянія, намѣченная ими жертва должна была ускользнуть изъ ихъ рукъ. Бѣсъ принялъ сначала видъ любимой его сестры, совѣтовъ которой князь всегда и во всемъ слушалъ. Мнимая сестра пришла къ церкви и сказала ему: „любезный братъ! можно ли было поступить болѣе неблагоразумно? Бога можно умилостивить и другимъ способомъ. Здѣсь ты находишься въ пустынномъ мѣстѣ, безъ слугъ и безъ обороны, а у тебя много враговъ: придутъ они и изрубятъ тебя въ куски“ — „Сестра, отвѣчалъ князь, мнѣ

дано, вмѣсто епитимьи, простоять ночь здѣсь въ храмѣ, и если я не исполню этого, то не получу отпущенія великихъ моихъ грѣховъ. Уходи и не мѣшай мнѣ; пусть меня убьютъ, но я не выйду отсюда". Черезъ нѣсколько времени явилась жена (опять мнимая) съ ребенкомъ на рукахъ и подошла къ храму съ громкимъ плачемъ, распустивъ волосы": вотъ, ты оставилъ насъ однихъ, и непріятели взяли и разграбили городъ, людей въ полонъ увели, едва лишь я съ ребенкомъ успѣла убѣжать отъ нихъ. Иди же, спѣши, враги теперь пока не ожидаютъ погони, ты ихъ накроешь по горячимъ слѣдамъ и вернешь все свое, а если не выйдешь, то я и себя самое убью и сына твоего расшибу объ этотъ мостъ". И видя, что князь не двигается съ мѣста, бросила ребенка объ мостъ. Князь опять устоялъ передъ соблазномъ. Но это не все. Слышитъ онъ: началась страшная буря съ грозой, съ громомъ и съ молніей; храмъ колеблется, и слышно, что онъ загорѣлся. Стѣны уже прогорѣли и снаружи слышались отчаянные вопли о помощи. Граждане (мнимые) прибѣжали изъ города якобы тушить пожаръ: „князь, господинъ нашъ, говорили они, выходи скорѣе, иначе сгоришь и осудишься какъ самоубійца". Тотъ отвѣтилъ на это: „не двинусь съ мѣста, даже если и сгорю". Наконецъ употреблено было противъ него послѣднее средство. Явились въ церковь священникъ и пономарь (опять таки мнимые). Священникъ велѣлъ пономарю звонить къ утренѣ, а самъ зажегъ свѣчу, и вдругъ взглядъ его упалъ на князя: „ты какъ стоишь тутъ, проклятый, на святомъ мѣстѣ, сквернитель, убійца и грабитель? уходи сейчасъ же, или я велю вывести тебя вонъ". Но князь и тутъ не двинулся съ мѣста. И вотъ

возсіялъ день. Изъ храма вышелъ грѣшникъ, очищенный отъ всѣхъ грѣховъ своихъ; вернулся онъ въ городъ, нашелъ въ добромъ здоровьѣ свою жену и все въ томъ же видѣ, въ какомъ оставилъ вчера.

Не правда ли, что впечатлѣніе, оставляемое въ насъ этими легендами, въ особенности послѣднею, совсѣмъ не похоже на то, которое получается изъ обозрѣнія средневѣковыхъ дѣлъ благочестія на западѣ, въ особенности индульгенцій? Бывало такъ, что греческіе архіереи, навѣщавшіе московское государство въ XVII столѣтіи, не прочь были давать индульгенціи; но русскому народу и русскому духовенству онѣ всегда оставались чуждыми.

III.

Историческое значеніе торговыхъ операцій Тецеля извѣстно. Возмущенный до глубины души безстыднымъ кощунствомъ коммиссара, монахъ августинскаго ордена докторъ Мартинъ Лютеръ прибилъ свои 95 тезисовъ къ церковнымъ дверямъ виттенбергскаго замка, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше двигался въ своемъ оппозиціонномъ направленіи относительно римско-католической церкви. Сначала онъ осуждалъ только злоупотребленія коммиссара и провозглашалъ анаѳему тому, кто дерзнулъ бы отрицать самое право папы давать отпущеніе грѣховъ. Затѣмъ, когда эти умѣренныя мнѣнія подверглись осужденію со стороны католической іерархіи, Лютеръ вооружился вообще противъ „мертвыхъ дѣлъ“ тогдашней католической церкви, внѣшнимъ и механическимъ образомъ понимавшихся и исполнявшихся, безъ соотвѣтствующаго внутренняго настроенія или расположенія души. Такъ онъ

пришелъ къ своему догмату объ оправданіи вѣрою. Слова апостола Павла въ посланіи къ римлянамъ (IX, 32) о томъ, что для христіанина соблюденіе предписаній моисеева закона необязательно, такъ какъ христіанинъ долженъ искать своей праведности въ вѣрѣ въ Христа Искупителя, а не въ дѣлахъ ветхозавѣтнаго закона, Лютеръ отнесъ къ дѣламъ католическаго благочестія и истолковалъ эти слова такъ, что христіанинъ оправдывается передъ Богомъ вѣрою, а не наружными дѣлами благочестія. Въ разгарѣ борьбы съ католическою церковью, одинъ изъ учениковъ Лютера выразился даже, что добрыя дѣла вредны. Подъ вѣрою однако Лютеръ понималъ не теоретическое признаніе извѣстныхъ положеній за истинные догматы вѣры. Онъ хорошо изучилъ сочиненія св. Августина и вдохновился его идеями. Вѣра—это глубокое, искреннее, религіозное чувство, смиренная преданность сердца распятому и воскресшему Господу, отказъ человѣка отъ себя самого, отъ собственной заслуги и отъ собственныхъ силъ, съ полнымъ довѣріемъ къ Христу, который покрылъ Своею искупительной жертвой всѣ грѣхи, и съ смиреннымъ сознаніемъ, что человѣкъ не имѣетъ ничего своего, а все отъ Бога. На этой вѣрѣ и основывается прощеніе грѣховъ, а не на покупкѣ индульгенцій и не на мертвыхъ дѣлахъ католическаго благочестія. Человѣку ли гордо считаться съ Богомъ, думать о своихъ заслугахъ, предъявлять свои права на спасеніе? Природа его настолько испорчена вслѣдствіе прародительскаго грѣхопаденія, что онъ не можетъ исполнить не только какихъ либо лишнихъ дѣлъ, но даже и общихъ христіанскихъ обязанностей. Самъ человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать для своего спасенія. Лютеръ

сравнивалъ человѣка съ пилой, которая пассивно движется въ рукахъ мастера, съ солянымъ столбомъ, въ который обращена была жена Лотова, съ деревянной колодой, съ статуей, лишенною жизни, не имѣющей ни чувствъ, ни сердца. Даже и вѣра въ заслуги Христа, довѣрчивая и смиренная преданность сердца Господу есть дѣло благодати. Поскольку человѣкъ охватывается вѣрой, она необходимо выражается въ добрыхъ дѣлахъ. Добрыя дѣла относятся къ вѣрѣ, какъ плоды къ дереву: плоды выростаютъ на деревѣ, а не дерево на плодахъ. Гдѣ дѣла не добры, тамъ и вѣра не можетъ быть полною преданностію Богу. Изъ вѣры необходимо возникаетъ любовь, какъ изъ сѣры рождается огонь, а отсюда возникаетъ христіанскій нравственный образъ дѣйствій; но не эти добрыя дѣла суть основаніе оправданія человѣка предъ Богомъ. Оправдывающій, примиряющій, удовлетворяющій моментъ лежитъ не въ нихъ, а въ заслугѣ Христа, вмѣняемой черезъ вѣру. Человѣку не можетъ быть вмѣняемо въ заслугу то, что совершено не имъ, а силою Божіей благодати. Итакъ реформаторы XVI в. отвергли человѣческую свободу, какъ отвергъ ее Августинъ. И замѣчательно, что какъ Августинъ, такъ и реформаторы, чувствуя, что ученіе ихъ ведетъ неизбѣжно къ вопросу: если всѣ люди послѣ грѣхопаденія прародителей сдѣлались одинаково неспособны къ добру, то почему же однихъ благодать спасаетъ, а другихъ не спасаетъ?—не отступили передъ выводомъ, съ которымъ не можетъ примириться религіозное чувство. Богъ, говорятъ они, предопредѣлилъ одну часть человѣчества къ спасенію, а другую къ погибели. Не было бы ничего несправедливаго, если бы и всѣ люди были обречены на

погибель, потому что всѣ того заслуживали бы. Но, по милости Своей, Богъ часть этихъ обреченныхъ спасаетъ отъ погибели Своею благодатію, не оказывая тѣмъ самымъ никакой несправедливости въ отношеніи къ остальнымъ. Если бы я имѣлъ десять должниковъ и двумъ изъ нихъ простилъ долгъ, то развѣ остальные восемь имѣли бы право претендовать на меня за то, что я взыскиваю съ нихъ ихъ долги? Для юриста это разсужденіе совершенно убѣдительно; но христіанское нравственное чувство подсказываетъ человѣку, что Богъ не кредиторъ только и не справедливый только судья, а и любящій отецъ, наказующій и милующій. Съ трудомъ примиряется религіозное чувство и съ тою мыслію, что Богъ, обрекающій людей на блаженство, или на мученіе, обрекаетъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ на добро или на зло, слѣдовательно является въ этомъ смыслѣ виновникомъ зла, виновникомъ и измѣны Іуды, и обращенія Павла, какъ выразился Меланхтонъ. Впрочемъ германскіе реформаторы, Лютеръ и Меланхтонъ, смягчили рѣзкость своего первоначальнаго ученія о предопредѣленіи; напротивъ швейцарскіе реформаторы, Цвингли и Кальвинъ, остались при самыхъ суровыхъ взглядахъ на предопредѣленіе.

Итакъ опять въ ученіи о свободѣ воли, объ отношеніи благодати къ свободѣ, о вѣрѣ и дѣлахъ, сказалась индивидуальность, субъективная точка зрѣнія отдѣльныхъ лицъ, вызванныхъ притомъ извѣстными обстоятельствами. Поучительна сила судьбы, говоритъ Лоранъ: человѣкъ, которымъ основанъ авторитетъ католической церкви на западѣ, св. Августинъ, вдохновилъ реформаторовъ, которые опрокинули этотъ авторитетъ. И Авгус-

тинъ, и Лютеръ проповѣдывали смиреніе; но одинъ повергаетъ человѣка передъ церковью и даетъ духовной іерархіи возможность занять посредствующее между Богомъ и человѣкомъ положеніе; другой повергаетъ человѣка непосредственно предъ крестомъ Христовымъ. Церковь не тамъ, гдѣ іерархія, а тамъ, гдѣ вѣра и общеніе вѣры, гдѣ двое или трое собраны во имя Христа. Изъ того, что въ дѣлѣ оправданія центръ тяжести составляетъ личная вѣра каждаго отдѣльнаго человѣка и личное отношеніе его къ Богу, Лютеръ сдѣлалъ тотъ выводъ, что нѣтъ надобности въ особомъ священствѣ, которое бы стояло между Богомъ и вѣрующею душею и примиряло человѣка съ Богомъ, и во вторыхъ, что истинная церковь невидима, такъ какъ неизвѣстно, въ комъ живетъ истинная оправдывающая вѣра; церковь же видимая, подлежащая зрѣнію и осязанію, не имѣетъ ничего божественнаго. Такимъ именно путемъ Лютеръ пришелъ къ своему ученію о всеобщемъ священствѣ и невидимой церкви. Вотъ почему можно сказать, что оправданіе вѣрою есть исходный пунктъ и основной догматъ евангелическаго ученія.

Не лишенъ историческаго интереса эпизодъ литературнаго турнира между нѣмецкимъ реформаторомъ и главой гуманизма Еразмомъ роттердамскимъ. Гуманизмъ имѣетъ извѣстное сходство съ реформаціей. Религіозная реформація стремилась возстановить первоначальное чистое христіанство и, уничтоживъ средостѣніе, воздвигнутое католическимъ духовенствомъ между Богомъ и вѣрующей душой, возвратиться къ Евангелію, какъ непосредственному источнику христіанства. Гуманизмъ былъ возстановленіемъ науки. Средне-вѣковая схоластическая

наука имѣла своихъ замѣчательныхъ представителей; но, при бѣдности матеріальнаго содержанія, она быстро отцвѣла и къ XV в. выродилась въ пустой жалкій формализмъ. Въ этомъ формализмѣ, въ безплодныхъ діалектическихъ упражненіяхъ *за* и *противъ*, гуманисты видѣли груду старья, своего рода средостѣніе, которое нужно было устранить, для того чтобы вернуться къ простымъ первоначальнымъ источникамъ человѣческаго мышленія. Въ области педагогіи въ особенности гуманизмъ ознаменовался стремленіемъ къ гармоническому развитію всѣхъ силъ и способностей человѣка, уваженіемъ къ достоинству человѣка и спеціальными педагогическими пріемами, въ родѣ того напр., что при чтеніи классиковъ главное вниманіе должно обращать на античный духъ, которымъ проникнуты произведенія классиковъ, а не на грамматическія формы и стиль языка, что лучше изучить одно сочиненіе основательно, чѣмъ загромождать память массою не переваренныхъ, мелкихъ фактовъ и т. п. Гуманисты очень неблаговолили къ духовнымъ лицамъ и къ монахамъ, какъ къ представителямъ ненавистной схоластики. Съ догматами церкви они не были солидарны, хотя до разрыва дѣло не доходило. Напротивъ папы и епископы были друзьями гуманистовъ, а къ концу XV в. резиденція главы католической церкви сдѣлалась даже центромъ гуманизма, науки и искусства, сборнымъ пунктомъ для свободно-мыслящихъ умовъ западной Европы.

Когда движеніе, начатое Лютеромъ, приняло серьезные размѣры, къ главѣ гуманизма Еразму стали обращаться съ католической стороны съ просьбой защищать церковь противъ нападокъ реформатора. Еразмъ самъ

считалъ реформацію необходимою, но Лютеръ ему не нравился. Еразмъ называлъ его Пелидомъ, не знающимъ ни снисхожденія, ни пощады, а Лютеръ называлъ Еразма епикурейцемъ. Еразмъ въ своей полемикѣ съ Лютеромъ напалъ какъ разъ на коренной пунктъ міровоззрѣнія Лютера—на отрицаніе свободной воли въ человѣкѣ и на ученіе о предопредѣленіи. Гуманисты въ этомъ отношеніи стояли на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, на той же самой, на которой стояли въ XVIII в. Руссо и французы временъ революціи, т е. природу человѣка считали доброю и неповрежденною. Споръ между Еразмомъ и Лютеромъ коснулся не религіозно-философской теоріи только. Лютеръ разрывалъ связь съ историческою церковью, довольствуясь общеніемъ вѣрующихъ, какъ избранныхъ Божіихъ, и внутреннему религіозному чувству, внутренней увѣренности придавалъ больше вѣса, чѣмъ внѣшней церкви. А Еразмъ поддерживалъ историческую церковь, считая необходимою связь съ нею, хотя и желалъ ея реформаціи. Онъ желалъ именно обновленія теологіи и церкви силою науки, при широкой терпимости всѣхъ направленій мысли. Отъ догмата онъ не отказывался, хотя и готовъ былъ на уступки, напримѣръ на ограниченіе праздниковъ и постовъ, допускалъ іерархію епископскую, какъ цѣлесообразное человѣческое учрежденіе, а главное требовалъ, чтобы принадлежность къ церкви состояла не въ соблюденіи церковныхъ церемоній, а въ истинномъ благочестіи сердца и въ практической нравственности. Въ завязавшемся спорѣ между Еразмомъ и Лютеромъ ни тотъ, ни другой не одержалъ побѣды: оба противника лишь укрѣпились въ своихъ убѣжденіяхъ.

IV.

Германскіе реформаторы XVI столѣтія были не послѣдними изъ тѣхъ, кто испыталъ на себѣ вліяніе учителя смиренія и благодати св. Августина. Оживленный реформаціей споръ объ отношеніи между свободною волею и благодатью перешелъ къ католическимъ богословамъ, между которыми произошли такія непріязненныя столкновенія взглядовъ, что папа Климентъ VIII въ въ 1598 г. назначилъ спеціальную коммиссію для разъясненія ученія о божественномъ благодатномъ содѣйствіи человѣку въ дѣлѣ оправданія и спасенія (congregationes de auxiliis gratiae). Коммиссія, проработавъ 14 лѣтъ пришла къ тому результату, что все еще нужно ожидать откровенія Божіяго по этому предмету. Объ откровеніи Божіемъ исторія ничего не говоритъ, но говоритъ о томъ, что въ XVII столѣтіи католическая церковь пережила новый религіозный расколъ. Противниками выступили съ одной стороны іезуиты, съ другой янсеннисты, получившіе свое названіе отъ главы этой партіи—Корнелія Янсенія, который родился, жилъ и дѣйствовалъ въ Голландіи, но послѣдователи котораго дѣйствовали главнымъ образомъ во Франціи. Въ спорѣ янсеннистовъ съ іезуитами опять выступилъ на сцену Августинъ. Янсеній девять разъ прочиталъ сочиненія Августина и тридцать разъ тѣ изъ нихъ, которыя написаны были противъ Пелагія. Янсеннисты формулировали свои тезисы иногда буквально словами Августина. Іезуиты напротивъ стояли на пелагіанской точкѣ зрѣнія: они готовы были отрицать всякій остатокъ первороднаго грѣха въ человѣческой природѣ, вліяніе благодати на человѣка считали несущест-

веннымъ и полагали, что человѣкъ уже отъ природы есть то, чѣмъ онъ долженъ быть. Но ученіе Пелагія было разсчитано нѣкогда на то, чтобы возбудить въ людяхъ нравственную энергію; ученіе іезуитовъ напротивъ имѣло цѣлью усыпить всякую моральную энергію, ослабляя значеніе грѣховъ и чуть чуть не превращая ихъ въ добрыя дѣла.

Главною задачею іезуитскаго ордена было бороться съ протестантизмомъ и возстановить силу католической церкви. Къ достиженію этой задачи іезуиты шли, пользуясь всякими средствами, льстя и потворствуя чувственности, страстямъ и порокамъ людей. Они по своему истолковали то правило, котораго держался апостолъ Павелъ,—быть всѣмъ для всѣхъ. Іезуиты хотѣли господствовать надъ всѣми и всѣмъ управлять, такъ чтобы въ рукахъ ихъ находилась совѣсть не только людей искренно набожныхъ и благочестивыхъ, но и людей міра сего, для которыхъ дальновидные отцы желали сдѣлать иго Христово какъ можно болѣе легкимъ и пріятнымъ. Съ іезуитскими принципами можно было вести самую порочную жизнь и оставаться добрымъ католикомъ. Мораль іезуитовъ построена на пробабилизмѣ, т. е. на своего рода теоріи вѣроятностей. Я могу дѣлать что-либо, хотя бы даже противъ убѣжденія моей собственной совѣсти, хотя бы мой внутренній голосъ осуждалъ мои дѣянія, если есть вѣроятіе, правдоподобная возможность считать это дѣяніе дозволеннымъ. Въ отношеніи къ всякому дѣянію нужно представить себѣ мысленно основаніе въ пользу противнаго, а всего лучше привести, если можно, авторитетъ хотя бы одного компетентнаго учителя,—тогда безъ всякихъ колебаній можно дѣлать и противное

тому, что подсказывается собственною совѣстію. А такъ какъ первые уже іезуиты въ своихъ моральныхъ сочиненіяхъ высказали весьма своеобразные взгляды съ аргументами за и противъ, то въ позднѣйшее время стоило лишь ссылаться на эти взгляды іезуитскихъ же отцовъ, какъ на основаніе своего образа дѣйствій. Къ принципу пробабилизма присоединился еще другой принципъ, что для достиженія хорошей, святой цѣли, всякое средство дозволено. И такимъ образомъ оказалось, что позволительно наприм. говорить двусмысленныя вещи съ намѣреніемъ приэтомъ понимать слова въ значеніи, выгодномъ для говорящаго, что позволительно лгать, для того чтобы погубить еретика, позволительно убить человѣка, давшаго пощечину, что позволительно сыну желать смерти отца, если смерть принесетъ ему выгоду, что соблазнить жену другаго не есть прелюбодѣяніе, если соблазнитель забылъ то, что она жена другаго, а имѣетъ лишь въ виду, что она прекрасна и т. п. Конечно, и сами іезуиты не могли отрицать, что все таки существуютъ дѣянія, которыя иначе какъ грѣхами нельзя назвать; но и тутъ послѣдствія грѣха они старались сдѣлать какъ можно болѣе легкими и пріятными. Они хвалились, что, благодаря ихъ покаянному методу, грѣхи быстрѣе очищаются, чѣмъ совершаются. Большая часть людей едва только загрязнитъ себя грѣхомъ, какъ уже и опять оказывается вычищенною и вымытою. Если кто раскаивается въ грѣхѣ и приэтомъ представляетъ себѣ мысленно, что переживаемое имъ несчастіе есть наказаніе за грѣхъ, то этого раскаянія достаточно. Нѣтъ надобности удерживать грѣхи въ памяти, достаточно исповѣдаться въ тѣхъ, которые придутъ въ голову. Не необходимо исповѣдывать грѣхъ, если есть основаніе

опасаться, что духовникъ, по слабости, соблазнится этимъ грѣхомъ, или что, вслѣдствіе открытія тяжкаго грѣха пострадаетъ репутація своя, или кого нибудь другаго. Іезуиты даже прямо учили, что чѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ себя оставленнымъ благодатію, тѣмъ увѣреннѣе долженъ приступать къ трапезѣ Господа. Они ставили между прочимъ вопросъ, какъ часто и въ какое время мы должны любить Бога, и полагали, что достаточно, если мы любимъ Его въ концѣ нашей жизни, или въ годъ разъ, но что во всякомъ случаѣ въ смертный часъ мы должны любить Бога, ибо уже по закону себялюбія мы должны избѣгать опасности осужденія и обезпечивать себѣ вѣчное спасеніе. Однимъ словомъ, мораль іезуитовъ, какъ выразился протестантскій церковный историкъ, есть искуство превращаться въ любой образъ, готовность софиста совершенно уничтожить всякое различіе между правомъ и неправомъ, между добромъ и зломъ. Недаромъ сложилась на западѣ народная поговорка: „что дьяволъ стыдится сдѣлать самъ, то онъ поручаетъ сдѣлать іезуиту“.

Іезуитская мораль не можетъ быть распространяема на цѣлую католическую церковь. Напротивъ она вызвала противъ себя глубокое негодованіе со стороны католическихъ же богослововъ. А въ янсеннизмѣ выступила даже въ полномъ смыслѣ реакція іезуитской распущенности, какъ въ области догматической мысли, такъ и въ области практической морали. Янсеннизмъ вновь возбуждалъ нравственную энергію, усыпленную іезуитами, причемъ, для пробужденія ея, янсеннисты аппеллировали къ св. Августину. Ученіе янсенистовъ изложено въ сочиненіи самого Янсеннія, подъ заголовкомъ: „Августинъ“, а также въ при-

мѣчаніяхъ къ изданію Новаго Завѣта Пакье Кенеля (Paschasius Quesnelus), въ которыхъ, по поводу отдѣльныхъ мѣстъ св. Писанія, положенія янсеннистовъ формулированы большею частію подлинными словами Августина, или даже Евангелія. Съ полемической стороны, для раскрытія слабыхъ пунктовъ превратной іезуитской морали, много работалъ знаменитый янсеннистъ, математикъ и мыслитель, Блэзъ Паскаль. Въ примѣчаніяхъ Кенеля высказались глубокое религіозное чувство и всецѣло преданная Богу душа. Состояніе Адама до паденія рѣзко противополагается состоянію послѣ паденія. Свобода человѣка утрачена послѣ паденія. До паденія свобода, въ смыслѣ Августина, была подчиненіемъ воли Богу, а не абстрактною, нейтральною между добромъ и зломъ, способностію выбора. Адамъ потерялъ свои высокія качества, съ которыми онъ вышелъ изъ рукъ Творца: разумъ его сдѣлался слѣпъ и погрузился въ тьму; воля не только ослабѣла и стала склонна къ грѣху, но стала рабою грѣха. Все, что она дѣлаетъ, есть грѣхъ, даже молитва человѣка есть грѣхъ. Средство къ избавленію отъ этого ужаснаго состоянія есть благодать, дарованная намъ въ Христѣ и дѣйствующая также радикально и непреодолимо, какъ дѣйствовалъ раньше грѣхъ, хотя впрочемъ благодать дѣйствуетъ не механически-насильственнымъ образомъ, а какъ божественная утѣха, какъ божественное наслажденіе, которымъ побѣждаются противоположныя желанія и радости. Тутъ-то и возвращается къ человѣку его свобода, тутъ-то и дѣлается свободною его порабощенная воля.

Вотъ подлинные образчики размышленій Кенеля: „Что остается душѣ, потерявшей Бога и Его благодать,

какъ не грѣхъ съ его послѣдствіями, тщеславная нищета и лѣнивое убожество, т. е. общая неспособность къ труду, къ молитвѣ и ко всему доброму"? Лук. XVI, 3.

„Благодать Іисуса Христа, дѣйствующій принципъ всякаго добра, необходима для всякаго добраго дѣла, великаго и малаго, легкаго и труднаго, для начатія, для продолженія и для окончанія его. Безъ нея не только ничего не дѣлается, но и ничего невозможно дѣлать". Іоан. XV, 5.

„Напрасно ты, Господи, повелѣваешь, если не Самъ же ты и даешь повелѣваемое". Дѣян. XVI, 10.

„Благодать есть дѣйствіе всемогущей руки Божіей, которой ничто не можетъ ни помѣшать, ни замедлить". Мѳ. XX, 34.

„Благодать есть не что иное, какъ воля всемогущаго Бога, повелѣвающаго и приводящаго въ исполненіе повелѣваемое". Марк. II, 11.

„Когда Богъ хочетъ спасти душу и коснется ея Своею благодатію, никакая воля человѣческая не въ состояніи ей противиться". Лук. V, 13.

Въ 1653 г. были осуждены въ Римѣ пять тезисовъ, извлеченныхъ изъ книги Янсенія, а въ 1713 г.—101 положеніе Кенеля. Осуждено было также нѣсколько положеній іезуитской морали, явно соблазнительныхъ.

Въ янсенизмѣ выразилась строгая и глубокая религіозная мысль съ сильнымъ мистическимъ оттѣнкомъ. Хотя сами янсенисты не обнаруживали никакихъ симпатій къ протестантизму и напротивъ, чтобы не компрометировать себя въ глазахъ католиковъ, съ большою силою отрицались отъ всякой солидарности съ протестантами; но въ дѣйствительности они были очень близки

къ протестантамъ. Они держались тѣхъ же основныхъ ученій Августина, которыхъ держались реформаторы XVI в. По проискамъ іезуитовъ, на янсеннистовъ, какъ раньше на гугенотовъ, обрушилось королевское французское правительство всею тяжестію репрессалій. Насильственное истребленіе янсеннизма, какъ раньше гугенотовъ, не прошло, по замѣчанію церковнаго историка, безнаказаннымъ для Франціи, которая поплатилась за это паденіемъ въ ней религіи и нравственности на долгія времена.

А спорные вопросы между Августиномъ и Пелагіемъ, между реформаторами XVI в. и католическою церковью, между янсеннистами и іезуитами,—вопросы, не перестававшіе занимать и иногда даже волновавшіе западное христіанство, остались неразъясненными. Католическимъ богословамъ, спорившимъ между собою о свободѣ и благодати, предписано было въ концѣ концовъ замолчать и не обзывать другъ друга еретиками.

V.

Какіе же выводы получаются изъ всего вышесказаннаго?

Церковная жизнь народовъ западной Европы получила особый отпечатокъ, благодаря особенностямъ характера и своеобразному складу ума этихъ народовъ, причемъ чрезвычайно важную роль играли личные взгляды мыслителей, въ особенности Августина. Религіозные мыслители запада, занимавшіеся ученіемъ о свободѣ воли, оставляли каждый на этомъ ученіи печать своей индивидуальности, рѣшая вопросы съ субъективной, своей,

точки зрѣнія и подъ вліяніемъ какъ обстоятельствъ личной жизни, такъ и условій окружающей дѣйствительности. Но, не смотря на то, что спорные между ними вопросы были философскаго характера, и каждое изъ отдѣльныхъ ученій страдало односторонностію, церковь объявляла себя солидарною съ извѣстнымъ ученіемъ, признавая за нимъ ортодоксальность, возводя его на степень догмата вѣры, а другой взглядъ объявляла еретическимъ. Ставъ на мѣсто Бога, она сама и желала рѣшать, кого Богъ оправдываетъ и кого осуждаетъ и, руководясь авторитетомъ отдѣльныхъ мыслителей, едва не забыла, что Христосъ оправдалъ грѣшницу, разбойника и мытаря, а фарисея осудилъ. Да и сами мыслители впадали въ исключительность и нетерпимость, руководясь лишь тѣмъ, что̀ они пережили въ своей жизни и что̀ они чувствуютъ въ своей душѣ, не желая знать, что, можетъ быть, у громадной массы людей жизнь идетъ не такъ, какъ у нихъ, и чувствуется въ душѣ не то, что у нихъ. Философскій характеръ западныхъ церковныхъ ученій доказывается между прочимъ тѣмъ, что между этими ученіями и между практическою, житейскою моралью не оказывалось внутренней связи. Католическая церковь, осудившая еретика Пелагія и признавшая Августина своимъ величайшимъ авторитетомъ, въ практикѣ слѣдовала принципамъ Пелагія, а не Августина. Пелагій считалъ необходимыми добрыя дѣла и возбуждалъ самодѣятельность свободной воли человѣка, а Августинъ отрицалъ въ человѣкѣ свободную волю и уничтожалъ возможность какихъ либо заслугъ человѣка передъ Богомъ. Но пелагіанскій взглядъ на дѣла и на свободу человѣка ознаменовался тѣмъ извращеніемъ нравственныхъ поня-

тій, которое замѣчается въ средніе вѣка и еще болѣе въ іезуитской морали. Напротивъ всѣ тѣ, которые находились подъ вліяніемъ августиновскихъ идей, именно реформаторы XVI в. и янсеннисты, держались строжайшихъ правилъ нравственности. Никто напр. не могъ бы упрекнуть въ безнравственности французскихъ гугенотовъ, послѣдователей Кальвина. А каковы были янсеннисты, показываетъ примѣръ Паскаля, который носилъ на тѣлѣ поясъ съ острыми шипами и, при всякомъ припадкѣ тщеславія, нажималъ поясъ, причиняя тѣмъ жестокую боль себѣ, вовсе не думая однако этимъ самымъ самоумерщвленіемъ достигнуть оправданія предъ Богомъ. Впрочемъ нельзя отрицать, что католическое ученіе о дѣлахъ, по признанію самихъ протестантовъ, не мало содѣйствовало установленію добрыхъ народныхъ обычаевъ, и что, напротивъ, евангелическое ученіе объ оправданіи вѣрою можетъ быть самымъ недостойнымъ образомъ злоупотребляемо. Въ дѣйствительности св. Августиновъ, Лютеровъ и Паскалей бываетъ немного. Поэтому не многіе лишь могли бы подняться до того возвышеннаго взгляда на оправданіе вѣрою, что вся жизнь и дѣятельность человѣка должна быть проникнута однимъ животворящимъ началомъ, такъ чтобы духовная личность возрожденнаго человѣка возвышалась надъ отдѣльными фактами. Обыкновенные смертные, люди заурядные, этого сказать не могутъ, а нѣкоторые могутъ даже эксплоатировать высоконравственныя идеи для оправданія безнравственности. Такъ напр. Августину самому нерадивые монахи говорили: „зачѣмъ наказывать насъ за наши вины? Намъ недоставало благодати; вмѣсто того, чтобы наказывать насъ, молите Бога, чтобы Онъ намъ далъ ее". Или на-

примѣръ не безъизвѣстно, какъ злоупотребляется протестантское оправданіе вѣрою людьми, которые, собственно говоря, ни съ вѣрою, ни съ добрыми дѣлами не имѣютъ ничего общаго. Недавно сообщалось въ одной изъ газетъ *) что въ Швейцаріи мѣстныя евангелическія братства, очень многочисленныя и разнообразныя, просто на просто профанируютъ религію, проповѣдуя слушателямъ, что отъ нихъ требуется только и всего, что одна вѣра, именно вѣра въ то, что они уже „спасены", и что дѣлъ никакихъ не требуется. А въ печатныхъ брошюрахъ, издаваемыхъ братствами, можно находить напр. такіе пассажи: „Если вы, любезный читатель, все еще сомнѣваетесь въ сдѣланной Христомъ уплатѣ вашего долга, если вы думаете, что можете уплатить этотъ долгъ сами, вашими добрыми дѣлами, вашимъ раскаяніемъ и вашими молитвами, то этимъ самымъ вы свидѣтельствуете, что хотите проскользнуть въ рай воровскимъ образомъ, черезъ потайную дверь. Да хранитъ васъ Богъ отъ такого роковаго заблужденія. Въ этомъ случаѣ ваши добрыя дѣла будутъ приняты и оцѣнены какъ фальшивыя бумажки, и вы окажетесь на судѣ Божіемъ должникомъ-банкротомъ. Вѣрьте, что Христомъ представлена уже за васъ квитанція въ полученіи съ васъ долга. Христосъ является предъ Богомъ поручителемъ въ вашей состоятельности". Для непривычнаго русскаго уха странною представляется самая комбинація словъ: „Богъ", „росписка", „Христосъ", „банкротство", „рай", „фальшивыя бумажки", „спасеніе", „квитанція", „молитвы", „поручительство въ состоятельности". Но даже и для привычнаго къ по-

*) „Русскія Вѣдомости", 1888, № 47.

добной терминологіи западно-европейскаго христіанина едва ли найдется въ этой тирадѣ что либо располагающее къ христіанской нравственности. Поручились ли бы Августинъ и Лютеръ за то, что и авторы и читатели такихъ брошюръ проникнуты вѣрою и любовью настолько, что добрыя дѣла являются у нихъ сами собою? Думается, что подобное поручительство было бы рискованнымъ...

Въ настоящее время и на западѣ сгладилась первоначальная рѣзкая противоположность между католическимъ и евангелическимъ взглядомъ на отношеніе между вѣрою и дѣлами. Съ одной стороны протестантизмъ не защищаетъ свои положенія, какъ вѣчную истину. Реформаторы не непогрѣшимы, говорятъ нынѣшніе протестантскіе богословы (напр. Газе): то, что остается постояннымъ и вѣчнымъ въ ихъ догматѣ оправданія вѣрою,—это искренность, сердечность спасающей вѣры, убѣжденіе, что передъ Богомъ имѣетъ значеніе лишь нравственно-религіозная настроенность человѣка, выражающаяся въ дѣлахъ, которыя, по этому самому, не могутъ быть внѣшними только и механическими,—другими словами, цѣннымъ въ протестантскомъ взглядѣ остается нѣчто такое, что съ давнихъ временъ было знакомо сознанію русскаго человѣка. Что же касается взгляда на свободу человѣческую, то современные протестантскіе богословы, по ихъ собственному заявленію, гораздо ближе стоятъ къ католической церкви, чѣмъ къ ученію реформаторовъ. Съ другой стороны, и католическіе народы, говоритъ Газе, сдѣлались въ настоящее время протестантскими, особенно въ образованныхъ своихъ классахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ теперь такъ же смотрятъ

на дѣла церковнаго благочестія, какъ смотрѣли въ средніе вѣка? Развѣ и въ настоящее время исполняются въ томъ же видѣ и тѣ же самыя внѣшнія дѣла благочестія, какъ и въ средніе вѣка,—постъ, удаленіе въ пустыню, самобичеваніе, путешествія къ св. мѣстамъ, не говоря уже объ индульгенціяхъ? Въ морали іезуитовъ была замѣчена выше мысль, въ основаніи своемъ вѣрная, но у нихъ получившая глубоко-извращенный характеръ: не всѣ люди имѣютъ одинаковую вѣру, и не всѣ люди могутъ творить одни и тѣже дѣла, и не ко всѣмъ людямъ церковь можетъ прилагать одну и туже, всѣхъ нивеллирующую, мѣрку. Простолюдинъ и образованный человѣкъ не могутъ не разниться между собою. Простолюдинъ большею частію имѣетъ лишь такъ называемую „вѣру угольщика". Въ одной западно-европейской легендѣ повѣствуется о томъ, какъ дьяволъ хотѣлъ сбить съ толку угольщика, чтобы погубить его. „Чему ты вѣришь"? спросилъ онъ угольщика.—„Я вѣрую такъ, какъ вѣруетъ церковь".—„А церковь чему вѣруетъ".—„Церковь вѣруетъ такъ, какъ я вѣрую".—„Да ты-то чему же вѣруешь"?—„Я вѣрую тому, чему вѣруетъ церковь" и т. д. Простолюдинъ твердо держался своей безсознательной наивной вѣры, и соблазнитель долженъ былъ отступиться отъ него. Образованный человѣкъ, даже если онъ и не изучилъ вѣры теоретически, въ смыслѣ богословской системы, все таки имѣетъ извѣстныя религіозныя понятія, болѣе или менѣе развитыя. Далѣе, простолюдинъ не располагаетъ разнообразными способами для выраженія своего религіознаго чувства, и поэтому къ тѣмъ изъ нихъ, которые ему наиболѣе доступны и понятны, чувствуетъ наибольшую при-

вязанность. Отсюда напримѣръ объясняется глубокая привязанность народа къ посту: лишеніе, съ которымъ сопряженъ постъ, для множества людей служитъ наилучшимъ средствомъ къ выраженію религіознаго чувства, такъ какъ постящійся подвергаетъ себя лишенію ради Бога. Напротивъ для образованнаго человѣка могутъ быть открыты разнообразные способы для выраженія религіознаго чувства. Это не значитъ, что образованный человѣкъ можетъ свысока смотрѣть на дѣла благочестія неинтеллигентной массы. Хорошо, если бы каждый интеллигентъ могъ съ увѣренностію сказать о себѣ, что, вмѣсто внѣшнихъ дѣлъ церковнаго благочестія, онъ творитъ добро посредствомъ другихъ дѣлъ. Но и тутъ была бы опасность, не есть ли подобная увѣренность на самомъ дѣлѣ неосновательная самоувѣренность и вредное самомнѣніе. Еще хуже, конечно, было бы, если бы оказалось, что люди, пренебрегающіе внѣшними дѣлами церковнаго благочестія, взамѣнъ ихъ ничего не дѣлаютъ и ничего не имѣютъ. Какъ бы то ни было, но едва ли бы кто рѣшился взять на себя трудъ доказывать, что образованные люди въ настоящее время усердно занимаются изученіемъ церковныхъ догматовъ и исполненіемъ церковныхъ дѣлъ благочестія, каковы: постъ, посѣщеніе богослуженія, путешествіе къ св. мѣстамъ и т. п. Скорѣе характеръ нашего времени состоитъ въ стремленіи осуществить разными способами и въ разныхъ проявленіяхъ заповѣдь Христа о любви къ ближнему. Дѣла любви къ ближнему конечно всегда останутся добрыми дѣлами, хотя бы другая любовь, о которой также Христосъ говоритъ въ Евангеліи, именно любовь къ Богу, оставалась не совсѣмъ понятною для образованныхъ бла-

говорителей. Но исчерпывается ли содержаніе христіанскаго нравственнаго идеала дѣлами милосердія? Дѣла милосердія могутъ быть проникнуты искреннимъ чувствомъ любви къ ближнему, слѣдовательно пусть это будутъ дѣла нефальшивыя, нелицемѣрныя: но развѣ непремѣнно и всегда въ дѣлахъ милосердія присутствуетъ тотъ необходимый для истинно нравственнаго образа дѣйствій элементъ, который состоитъ въ подъемѣ нравственной энергіи, въ напряженіи и усиліяхъ воли, въ борьбѣ и въ побѣдѣ человѣка съ самимъ собой и надъ самимъ собой? Не однимъ внутреннимъ настроеніемъ опредѣляется нравственная цѣна человѣческихъ дѣяній, а и еще кромѣ того количествомъ или степенью собственныхъ усилій и трудовъ человѣка надъ самимъ собой. Можно вести распущенную жизнь и совершать въ тоже время дѣла милосердія къ ближнему безъ всякаго лицемѣрія. Ясно, что какъ бы снисходительно ни оцѣнивать такую распущенную жизнь, исполненную дѣлами милосердія, она не можетъ стоять передъ нашими глазами, какъ христіанскій нравственный идеалъ.

Восточное христіанство только въ лицѣ знаменитыхъ отцовъ церкви четвертаго столѣтія взглянуло съ философской стороны на свободу и нравственныя заслуги человѣка. Въ позднѣйшее время эта философская сторона ученія о свободѣ воли и объ оправданіи мало затрогивалась. Для церкви восточной всегда оставалось лишь внѣ сомнѣній, что человѣку вмѣняются Богомъ и добрыя и злыя дѣла. Но тѣ философскіе вопросы, которые занимали христіанскій западъ, никогда не волновали востока. Какъ опредѣлить болѣе или менѣе точнымъ образомъ степень вліянія первороднаго грѣха на человѣческую

природу? Предшествуетъ ли благодать человѣческой свободѣ, или въ самомъ человѣкѣ должно сначала зародиться желаніе Божіей помощи? Вытекаютъ ли добрыя дѣла съ необходимостію изъ вѣры, или составляютъ, такъ сказать, произвольный плюсъ къ вѣрѣ?—Подобными вопросами на востокѣ никогда не занимались. Интересъ къ нимъ западнаго христіанства и отсутствіе интереса въ восточномъ суть, конечно, историческія явленія, поучительныя и внушительныя. Почему христіанскій востокъ оставался чуждымъ тѣхъ вопросовъ, которые интересовали христіанскій западъ? Чѣмъ объяснить какое-то неудержимое стремленіе западныхъ умовъ къ выясненію отношенія между свободой и благодатью въ особенности? Самымъ неудачнымъ объясненіемъ было бы сказать, что на западѣ занимались пустыми отвлеченными тонкостями, такъ какъ извѣстно, что именно западное христіанство всегда отличалось по преимуществу практическимъ направленіемъ. Можетъ быть, болѣе правдоподобное объясненіе должно бы было состоять въ томъ, что западъ стремился уловить и постигнуть нѣкоторыя религіозно-философскія идеи, да такъ и остановился, не уловивъ и не постигнувъ ихъ.... Какъ бы то ни было, но у насъ въ Россіи ученіе о свободѣ воли какъ вообще, такъ и съ религіозно-философской его стороны, мало выяснено. Между тѣмъ могутъ быть указаны нѣкоторыя явленія современной науки и жизни, которыя даютъ понять, какой важный теоретическій и практическій интересъ имѣетъ вопросъ о свободѣ воли. Достаточно напримѣръ указать на такъ называемую „позитивную школу уголовнаго права“, которая учитъ, что родятся на свѣтъ люди особаго „преступнаго типа“, которые, по самой приро-

дѣ своей, принуждены совершать преступленія, у которыхъ нравственное чувство отсутствуетъ, и которые нравственно несвободны, а потому не могутъ быть и отвѣтственны за свои дѣянія. Это ученіе невольно напрашивается на сопоставленіе съ религіозно-философскими ученіями о свободѣ воли. Ниоткуда не видно, чтобы криминалисты считали нужнымъ принять во вниманіе религіозно-философскія ученія, или чтобы богословы склонны были принять къ свѣдѣнію антропологическія данныя по вопросу о свободѣ воли. А между тѣмъ возможно, какъ кажется, не рискуя впасть въ заблужденіе, утверждать, что установленіе общихъ выводовъ по какому либо вопросу безъ предварительной оцѣнки *всѣхъ* данныхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ этому вопросу, есть нѣчто неправильное. Что нужно избѣгать двойной мѣры и двойного вѣса и слѣдуетъ держаться одной опредѣленной единицы измѣренія,—противъ этого едва ли можно и спорить. Если дурнымъ людямъ не можетъ быть вмѣняемо дурное, то и добрымъ не должно быть вмѣняемо сдѣланное ими добро. То и другое вмѣненіе должно быть обсуживаемо на основаніи одного и того же общаго руководящаго начала. Если у дурныхъ людей отъ постоянной практики развиваются извѣстныя органическія явленія, прямо предрасполагающія къ пороку и преступленію, такъ что чѣмъ дальше человѣкъ идетъ по пути порока, тѣмъ труднѣе для него бываетъ остановиться на наклонной плоскости, и тѣмъ болѣе шансовъ для его дѣтей быть людьми порочными и преступными: то не создаются ли и въ людяхъ хорошихъ, отъ постоянной практики хорошихъ сторонъ человѣческой природы, также органическія предрасположенія къ добру,

а для ихъ дѣтей вѣрные шансы быть добрыми людьми? Признавая существованіе „преступнаго типа“, мы не имѣли бы основанія отрицать возможность „добродѣтельнаго типа“, столь же необходимо предрасполагающаго людей къ добру, какъ „преступный типъ“ съ необходимостію предрасполагаетъ къ злу. Поэтому отрицая вмѣняемость преступныхъ дѣяній преступнику, мы лишь съ явною непослѣдовательностію могли бы говорить о какихъ либо добрыхъ дѣлахъ, какъ о заслугахъ, вмѣняемыхъ человѣку. Но простой здравый смыслъ подсказываетъ намъ, что катиться по наклонной плоскости легче, чѣмъ всходить на гору, что добрыя дѣла требуютъ извѣстныхъ усилій, извѣстнаго напряженія воли, возбужденія нравственной энергіи, могутъ потребовать борьбы человѣка съ самимъ собой, тяжкихъ лишеній, мучительныхъ колебаній и сомнѣній и т. п. Отсюда долженъ вытекать совершенно доступный обыкновенному здравому смыслу выводъ, что какъ съ одной стороны энергическія усилія человѣка составляютъ его заслугу, такъ съ другой стороны небрежность и нерадѣніе составляютъ его вину.

Этотъ выводъ опять приводитъ насъ къ западнымъ религіозно-философскимъ ученіямъ о свободѣ воли и о добрыхъ дѣлахъ, какъ о заслугахъ человѣка передъ Богомъ. На западѣ сущность этихъ ученій формулируется такимъ образомъ, что или человѣкъ творитъ добрыя дѣла по своей вольной волѣ и получаетъ за нихъ воздаяніе отъ Бога, какъ должную награду, или творитъ добро по необходимости, силою дѣйствующей въ немъ Божіей благодати, и не заслуживаетъ за это никакой награды. Въ русскихъ народныхъ представленіяхъ есть нѣчто такое, чего не замѣчается въ извѣстныхъ уже

намъ западныхъ религіозно-философскихъ построеніяхъ. Именно русскому сознанію присуще понятіе о „крестѣ“, какъ особомъ жребіѣ или удѣлѣ, указываемомъ каждому отдѣльному человѣку Божіимъ промысломъ. Богъ налагаетъ на человѣка крестъ, и человѣкъ чувствуетъ, что онъ вынужденъ нести на себѣ тяжесть, безъ которой могъ бы и обойдтись. Попытки отдѣлаться отъ этой тяжести, сбросить ее съ своихъ плечъ, показываютъ ему, что, стараясь освободить себя самовольно отъ лежащаго на немъ креста, онъ не улучшаетъ, а ухудшаетъ свое положеніе, кажущееся ему тягостнымъ. Изъ многихъ уроковъ онъ научается не раздражаться и не роптать, а съ покорностію нести возложенный на него крестъ. Такъ, вмѣсто раздраженія и ропота, человѣкъ научается вносить въ свои дѣла сердечность и искренность чувства. Приэтомъ, не смотря на вынужденность несенія креста, не смотря на то, что крестъ не есть нѣчто самопроизвольное, т. е. нѣчто такое, что человѣкъ самъ, вольною волею, налагаетъ на себя, несущему его далеко не чужда мысль о воздаяніи, о вмѣненіи человѣку Богомъ его трудовъ и усилій. Эта мысль не могла бы въ немъ возникнуть, если бы свобода не участвовала въ человѣческихъ дѣяніяхъ, и если бы ничего не приходилось на счетъ собственныхъ усилій человѣка. Впрочемъ, намъ не зачѣмъ говорить гадательнымъ тономъ о вещахъ несомнѣнныхъ, нѣтъ надобности пускаться въ туманныя разсужденія о тѣхъ процессахъ, которые происходятъ или могутъ происходить въ душѣ *человѣка вообще*. Стоитъ только подумать *о себѣ самихъ*, о томъ положеніи, въ которомъ находится русская интеллигенція въ настоящее время, чтобы убѣдиться въ неполнотѣ и въ одностороп-

ности западныхъ религіозно-философскихъ ученій о свободѣ воли и о человѣческихъ заслугахъ. Особенность русской исторіи заключается въ томъ, что мы не исподоволь и постепенно развивались и совершенствовались. Исторія наша шла не такъ, чтобы мы переходили послѣдовательно съ низшей ступени на высшую, обогащаясь и своимъ собственнымъ опытомъ, и опытомъ другихъ народовъ. Предки наши частію сами себя изолировали, частію были изолированы исторіей отъ живаго общенія съ другими народами и очень склонны были дѣлать продолжительныя стоянки на пути своего развитія, съ чувствомъ самодовлѣющаго спокойствія, а потомъ вдругъ приходилось наверстывать утраченное время и продолжительную бездѣятельность искупать лихорадочною дѣятельностію и энергическими усиліями. Не находится ли и въ настоящее время русская интеллигенція въ такомъ состояніи, что она вынуждена догонять и наверстывать? И не представляется ли ей удобный, хотя, можетъ быть, и не легкій, случай выработать для себя твердую увѣренность въ томъ, что отъ нея именно зависитъ употребить усилія, возбудить въ себѣ энергію для выполненія той великой исторической задачи, въ которую наши предки глубоко вѣровали, какъ въ осуществившійся фактъ исторіи, и которая для потомковъ болѣе и болѣе выясняется, какъ идеалъ будущаго? Предки наши имѣли непоколебимую вѣру въ то, что православный русскій народъ есть первый народъ въ мірѣ. Эта вѣра въ трудныя времена спасала русскую землю отъ погибели; но она же имѣла и дурную сторону, порождая неосновательное и вредное самомнѣніе и усыпляя нравственную энергію. За это усыпленіе Богъ посылалъ тяжкія испытанія на-

шему отечеству, такъ что самомнѣніе нужно было искупать несчастіями, а дѣла, которыми бы дѣйствительно доказывалась вѣра въ превосходство православнаго русскаго народа надъ другими народами, сдѣлались теперь даже болѣе желательны, чѣмъ прежде. Да, на русской интеллигенціи лежитъ великій „крестъ" оправдать, призвавъ на помощь всѣ силы нравственной энергіи, наивную вѣру нашихъ предковъ въ великія историческія судьбы Россіи. И когда каждый изъ русскихъ людей, причисляющихъ себя къ интеллигенціи, возьметъ соотвѣтственную часть этого креста, или даже принужденъ будетъ силою вещей исполнить то, что требуется волею Божіею, открывшеюся въ исторіи, тогда каждый изъ насъ собственнымъ опытомъ убѣдится, что многое приходится и на долю самого человѣка, т. е. является плодомъ его собственныхъ усилій, и что существуетъ прочное основаніе для вмѣненія человѣку тѣхъ добрыхъ дѣлъ, которыя имъ совершаются. И только когда дѣла наши, при помощи Божіей благодати, будутъ соотвѣтствовать нашей вѣрѣ, мы съ спокойнымъ сознаніемъ истины и силы, можемъ повторять тѣ слова св. Писанія, которыя всегда являлись для насъ призывомъ къ чрезвычайному патріотическому воодушевленію въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ:

„Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!"

Н. Суворовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Пособіями при составленіи этой брошюры служили для меня

1) Сочиненія блаж. Августина, именно: a) Confessiones, особенно книги 7-я и 8-я, b) Retractationes, lib. 1 c. 15, c) De libero arbitrio libri tres, d) De moribus ecclesiae catholicae et de moribus manichaeorum, особенно 2-я глава II-й книги, e) Liber de vera religione, f) Liber de fide et operibus и g) Нѣкоторыя письма, напр. epistola ad Hieronymum de origine animae hominis, epistola ad Donatum presbyterum etc.

2) Neander, Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche, B-de III, IV, V, VIII. Gotha, 1864—1865.

3) Baur, Geschichte der christlichen Kirche, B-de I—IV Leipz. 1863.

4) Herzog, Abriss der gesammten Kirchengeschichte, B-de I—III. Erlangen, 1870—1882.

5) Stäudlin, Geschichte der Sittenlehre Jesu, B. I—II. Göttingen, 1799—1802.

6) Baur, Der Gegensatz des Katholicismus und Protestantismus nach den Principien und Hauptdogmen der beiden Lehrbegriffe. Tübingen, 1836.

7) Möhler, Symbolik oder Darstellung der dogmatischen Gegensätze der Katholiken und Protestanten nach ihren öffentlichen Bekenntnissschriften. Mainz, 1872.

8) Hase, Handbuch der protestantischen Polemik gegen die römisch-katholische Kirche, Leipzig, 1878.

9) F. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité. Le christianisme (въ IV т. его «Исторіи права народовъ»).

10) Stahl, Die gegenwärtigen Parteien in Staat und Kirche. Berlin, 1868.

11) M a u r e n b r e c h e r, Geschichte der katholischen Reformation. B. 1. Nördlingen, 1880.

12) Русскія народныя легенды заимствованы мною изъ «Памятниковъ старинной русской литературы», изданныхъ гр. Кушелевымъ-Безбородко подъ ред. Н. Костомарова.

Оглавленіе.

РОЛЬ ОБЫЧАЯ

ВЪ УГОЛОВНОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ [1]).

(Актовая рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи Д. Ю. Лицея 30 Августа 1887 года).

Уголовный законъ создается двумя способами: обычаемъ или законодательной дѣятельностью. Первый источникъ происхожденія закона господствуетъ на нисшихъ стадіяхъ общественной культуры, въ раннюю эпоху общежитія, второй —въ болѣе позднюю его эпоху, съ развитіемъ и укрѣпленіемъ организованной государственной власти. Пока общество находится въ состояніи низшихъ формъ общежитія, каковы—общинный, родовой, феодальный или удѣльно-вѣчевой

---

[1]) Источники: Hugo Meyer, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1882 г. стр 86—87; Binding, Handbüch des Strafrechts, 1885 г., §§ 40—45; Таганцевъ, Лекціи по русскому уголовному праву, вып. I-й, 1887 г., §§ 83—91; Кистяковскій, Учебникъ уголовнаго права, 1882 г., стр. 54—56; 192—194; Puchta, Das Gevonheitsrecht, 2 Theil, S. 240—262; Н. Сергѣевскій, Современныя задачи угол. закон. въ Россіи, 1883 г.; Баршевъ, О вліяніи обычая, практики, закопод. и иауки на развитіе угол. права, 1846 г., стр. 46—86; Калмыковъ, О символизмѣ въ правѣ, 1839 г., 18—21; Мулловъ, Значеніе Юрид. обычаевъ, Ж. М. Ю., 1862 г., т. XI-й, стр. 30—35, 55—56; Пахманъ, Обычное гражд. право въ Россіи, т. I-й, Предисл., VIII—XII, затѣмъ стр. 40, 341—347, 365, 369—374, 390—394, 404—408; т. II-й, стр. 375—376, 382; Кистяковскій, Волостные суды, см. Труды этнографическо-статистич.

строй, оно руководствуется закономъ неписаннымъ, обычаемъ, который совершенно его удовлетворяетъ. Простота, несложность жизненныхъ отношеній, съ одной стороны, святая преданность традиціи, преданіямъ, завѣщаннымъ предками —съ другой—въ это время долго и крѣпко поддерживаютъ авторитетъ и силу обычая, представляющаго въ формѣ символовъ, пословицъ и изрѣченій выраженіе, подсказываемое естественнымъ чувствомъ справедливости, общихъ юридическихъ убѣжденій о правомъ и неправомъ.

Съ успѣхами просвѣщенія и культуры жизнь общественная становится сложнѣе, гражданскія правоотношенія—многочисленнѣе и разнообразнѣе; прежнія нормы, которыя до сихъ поръ успѣшно регулировали юридическій бытъ, въ силу этого оказываются недостаточными: обычаи и преданія не въ состояніи обнять всю массу правилъ, необходимыхъ для опредѣленія постоянно возникающихъ новыхъ отношеній. Съ другой стороны, пробужденная и укрѣпленная общественная мысль, все болѣе и болѣе сознавая недостатки обычая, подрываетъ его авторитетъ, силу и вотъ является потребность въ законѣ писанномъ, какъ такомъ, который, во 1-хъ, полнѣе, точнѣе и яснѣе способенъ урегулировать сложныя нормы внѣшнихъ отношеній, а во 2-хъ—запечатлѣнъ

экспедиціи въ западно-русскій край, т. VI-й, стр. 13—25; Чубинскій, Краткій очеркъ народн. юрид. обычаевъ, тамъ-же. стр. 30—32, 62—63; Ефименко, Народные юрид. обычаи Архангельск. губ., 222—238, 277—284; Шрагъ, Крестьянскіе суды Владим. и Моск. губ., Юрид. В., 77 г., Май—Іюнь, 60—63, 71—75, 81—101; Іюль—Августъ, 58—86, Сент.—Окт., 61—64; Θ. К—въ, Народн. юрид. обычаи въ Царевококшайскомъ уѣздѣ Труды Казанск. Стат. Комит., 1869 г., т, І-й, стр. 36—42; Оршанскій, Народн. судъ и право, Ж. Г. и Угол. права, кн. 3-я, 110—124; кн. 4-я, стр. 166—167, 210—222; кн. 5-я, 6—26, 33—69; Юрид. обычаи и дѣйств. законод., см. «Дѣло», кн. 8-я, 25—43; Якушкинъ, Обычное право, 1875 г., см. Предисл., XXVIII—XXXVI.

авторитетомъ не традиціи только, во многомъ утратившей силу, а власти, которой предписанія, велѣнія обязательны. Законъ писанный начинаетъ функціонировать, замѣняя собою обычай, и чѣмъ правильнѣе съ успѣхами гражданственности дѣйствуетъ законодательная власть, тѣмъ шире ея праворегулирующая роль, чрезъ-что дѣйствіе обычая все болѣе и болѣе сокращается, но однако не уничтожается. Послѣдній сохраняетъ силу: 1) какъ правило поведенія, какъ норма отношеній въ той средѣ, гдѣ авторитетъ преданія не поколебленъ, 2) какъ второстепенный источникъ закона, дѣйствующій въ предѣлахъ и рядомъ съ закономъ писаннымъ и 3) какъ отрицательная сила, уничтожающая дѣйствіе уголовныхъ предписаній путемъ ихъ несоблюденія.

Таковы положенія, къ которымъ можно свести рѣшеніе вопроса о роли обычая въ уголовномъ правѣ вообще. Не трудно, однако, видѣть, что эти положенія весьма мало выясняютъ особую спеціальную сторону этого вопроса, составляющую предметъ нашей статьи, а именно—значеніе обычая для законодателя, область его вліянія при составленіи новаго уголовнаго кодекса. Справедливость требуетъ замѣтить, что эта сторона вопроса до сихъ поръ весьма мало изслѣдована наукой, въ которой чаще всего мы находимъ только случайныя, отрывочныя замѣчанія, проливающія слишкомъ мало свѣта на вопросъ. Первый опытъ болѣе всесторонняго и систематическаго рѣшенія послѣдняго мы встрѣчаемъ въ статьѣ г. Сергѣевскаго [1]), но, къ сожалѣнію, этотъ опытъ недостаточно удаченъ, чтобы претендовать на серьезное значеніе. Нижеслѣдующія строки представятъ вторую попытку такого рѣшенія.

Въ основѣ каждаго уголовнаго кодекса лежатъ три главныя задачи, а именно опредѣленіе: 1) предмета наказанія

---

[1]) См. его «Современныя задачи уголовнаго законодательства въ Россіи, Вступит. лекція, 1883 г.».

или области преступныхъ дѣяній и ихъ сравнительной тяжести; 2) формы наказанія или карательныхъ средствъ; 3) объектовъ наказанія или лицъ, подлежащихъ дѣйствію кодекса. Значеніе юридическихъ обычаевъ и воззрѣній для каждой изъ сихъ задачъ различно; на нашъ взглядъ, его можно охарактеризовать приблизительно въ слѣдующихъ чертахъ.

I.

Несомнѣнно, самая большая роль юридическимъ обычаямъ и воззрѣніямъ принадлежитъ въ предѣлахъ выполненія первой задачи. Цѣлесообразное опредѣленіе области преступныхъ дѣяній и ихъ тяжести невозможно безъ ближайшаго знакомства законодателя съ современнымъ юридическимъ строемъ даннаго общества въ томъ видѣ, какъ онъ отражается въ его законодательствѣ, а также въ его юридическихъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ. Необходимость основательнаго знанія въ лицѣ законодателя положительнаго права своего государства —какъ уголовнаго, такъ и другихъ отраслей—очевидна: новыя уголовныя нормы должны находится въ извѣстной гармоніи, съ одной стороны, съ прежними уголовными положеніями, какъ послѣдняя естественная стадія ихъ историческаго развитія, а съ другой, съ положеніями другихъ отраслей права—публичнаго и частнаго, какъ такими, которыя, во 1-хъ, сообщаютъ законодателю ближайшія свѣдѣнія о внутренней природѣ нѣкоторыхъ нормируемыхъ имъ отношеній, а во 2-хъ, заключаютъ въ себѣ нерѣдко предрѣшеніе ихъ юридической стороны. Нерѣдко въ положеніяхъ государственнаго, гражданскаго и другихъ отраслей права извѣстное отношеніе объявляется или такимъ, которое подлежитъ уголовному наказанію, или такимъ, которое должно влечь за собою гражданское взысканіе, или наконецъ—прямо дозволеннымъ. Само собою разумѣется, что во всѣхъ такихъ случаяхъ уголовный законодатель долженъ принимать въ соображеніе положенія другихъ отраслей права и съ ними сообразоваться, но не

безусловно, какъ нѣкоторые ошибочно думаютъ [1]). Послѣдній имѣетъ полное право отступить отъ названныхъ положеній и даже пойти въ разрѣзъ съ ними всякій разъ, какъ только усмотритъ полное несоотвѣтствіе, противоположность ихъ съ современными общественными воззрѣніями въ силу-ли застоя законодательной дѣятельности въ сихъ отрасляхъ права или просто промаха редакторовъ закона. Такимъ образомъ, уголовный законодатель можетъ не только присоединить уголовную санкцію къ гражданскому взысканію, опредѣленному за данное правонарушеніе по другимъ законамъ, но и обложить, вопреки мнѣнію г. Сергѣевскаго, наказаніемъ дѣянія, сими послѣдними дозволенное, или же отказать въ уголовной санкціи тамъ, гдѣ они ее предполагаютъ, отсылая къ уголовнымъ законамъ. При этомъ необходима, разумѣется, большая осторожность въ пріемахъ уголовнаго кодефикатора, который можетъ приступить къ подобной ломкѣ устарѣвшихъ и несостоятельныхъ положеній другихъ отраслей права только тогда, когда, убѣдившись несомнѣнно въ ихъ недостаткахъ, не найдетъ серьезнаго препятствія къ постановкѣ новыхъ положеній въ условіяхъ кодефикаціонной техники, напр., если ломка старыхъ положеній неизбѣжно связана съ необходимостью реформы въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ права цѣлой системы нормъ, цѣлыхъ институтовъ. Въ этомъ случаѣ законодатель долженъ отложить задуманную реформу до измѣненія положеній соотвѣтственныхъ отраслей права. Въ случаяхъ-же, когда эта реформа связана съ потрясеніемъ значенія лишь отдѣльныхъ частныхъ нормъ сихъ послѣднихъ, нѣтъ серьезнаго основанія требовать отъ уголовнаго законодателя безу-

---

[1]) Н. Сергѣевскій, ibid, 129. Послѣдній, впрочемъ, не выдерживаетъ послѣдовательно этого положенія и впадаетъ въ самопротиворѣчіе; ср. стр. 122 и 129.

словнаго подчиненіи устарѣлымъ или несостоятельнымъ положеніямъ другихъ отраслей права. Подкрѣпимъ нашу мысль примѣрами, взятыми изъ области нашего законодательства.

Согласно 164, 165 и 168 ст. I ч. X т. Св. Зак. личныя обиды, наносимыя дѣтямъ родителями, уголовно непреступны; по силѣ же 1533 ст. ул. о нак. къ личнымъ обидамъ принадлежатъ и тяжкіе побои, не подвергающіе жизнь опасности, слѣдовательно непреступность распространяется и на сіи послѣдніе. Такимъ образомъ, по нашимъ дѣйствующимъ законамъ должно оставаться безнаказаннымъ всякое битье, колоченье, учиниляемое родителями надъ дѣтьми, если только оно не соединено съ опасностью для жизни или, по толкованію Неклюдова,—всякіе удары, мученія, истязанія, сопровождающіеся такими послѣдствіями, какъ болѣзнь потерпѣвшаго, неспособность его къ труду и занятіямъ, вообще такого рода разстройствами здоровья и способности занятій, которыя требуютъ для возстановленія ихъ хроническаго употребленія реактивовъ [1]). Предположимъ, что уголовный законодатель найдетъ такіе предѣлы дисциплинарной власти родителей надъ дѣтьми слишкомъ широкими и возьмемъ на себя миссію ихъ ограниченія. Намъ думается, онъ не сдѣлаетъ ложнаго шага, ибо только замѣнитъ положенія, унаслѣдованныя отъ домостроевскаго періода, несомнѣнно отсталыя, выдохшіяся въ сознаніи лучшей части общества, не только культурныхъ, но и некультурныхъ классовъ,—другими, болѣе отвѣчающими современнымъ воззрѣніямъ. Несоотвѣтствіе приведенныхъ положеній воззрѣніямъ культурныхъ классовъ едва ли можетъ подлежать спору; что же касается некультурной среды, напр. нашего простаго народа, то и здѣсь лучшіе люди тоже не раздѣляютъ домостроевскихъ семейныхъ

---

[1]) Неклюдовъ, Руководство къ особ. части русск. уг. права, т. I, стр. 196, 199.

началъ. Источники обычнаго права показываютъ намъ, что крестьянскіе суды, вопреки 168 ст. 1 ч. X т., часто не только не отказываютъ дѣтямъ въ ихъ жалобахъ на родителей за обиды, но еще подвергаютъ послѣднихъ наказанію, если вина на ихъ сторонѣ [1]). Правда, въ некультурной средѣ, надо полагать, найдется еще значительный контингентъ лицъ, столь-же грубыхъ по натурѣ, сколько и невѣжественныхъ, которыя готовы защищать и осуществлять отжившіе взгляды на родительскую власть, но законодатель долженъ слѣдовать воззрѣніямъ руководящаго большинства общества, а не взглядамъ такого контингента лицъ. Уголовный законъ не есть только индифферентное положеніе, безразлично закрѣпляющее современныя воззрѣнія о правомъ и неправомъ; онъ есть также культурная сила, способная двигать общественное правосознаніе въ направленіи прогресса, чтó онъ и долженъ дѣлать всякій разъ, какъ только болѣе культурные правовые взгляды сдѣлались достояніемъ руководящей части общества, т. е. такой, которая своимъ нравственнымъ вліяніемъ въ состояніи реализовать свои юридическія убѣжденія [2]). Въ случаѣ же, о которомъ идетъ рѣчь, болѣе прогрессивное правовое воззрѣніе несомнѣнно уже вошло въ сознаніе руководящей части общества въ данномъ смыслѣ, а потому и вправѣ претендовать на признаніе его законодателемъ, который можетъ это сдѣлать тѣмъ легче, что занесеніе этого воззрѣнія въ уголовный кодексъ связано съ измѣненіемъ редакціи одной только 168 ст. I ч. X т., ни-

---

[1]) Въ нѣсколькихъ случаяхъ Волостной судъ по жалобѣ сына на буйство и пьянство отца наказалъ послѣдняго розгами. Оршанскій, Народный судъ и право, Ж. Г. и У. пр., 1875 г., кн. 3, стр. 123—124, см. еще Шрагъ, Крестьянскіе суды Влад. и Моск. губ., Ю. В., 1877 г. Іюль и Августъ, 73—74.

[2]) См. Муромцевъ, Очерки общ. теоріи гражд. права, стр. 226, прим. 21.

сколько не касающимся цѣлой системы родственныхъ положеній. Препятствіе къ подобной реформѣ нельзя видѣть и въ томъ возраженіи, высказываемомъ г. Сергѣевскимъ, будто измѣненіе положеній, опредѣляющихъ юридическій строй семьи, дѣло закона гражданскаго и государственнаго и что криминалистъ можетъ сдѣлать лишь выводъ изъ нормъ права, опредѣляющихъ юридическую природу брака [1]). Безспорно, что при общей, цѣлостной реформѣ, обнимающей всѣ части законодательства, основныя положенія, опредѣляющія юридическій строй семьи, установляются гражданскими нормами, которыя и служатъ исходными моментами, матеріаломъ для вывода при составленіи уголовныхъ нормъ, но и въ этомъ случаѣ, намъ думается, роль уголовнаго законодателя не совсѣмъ подчиненная: опредѣленіе мѣры всякой власти вообще, а слѣдовательно и дисциплинарной, общее установленіе предѣльнаго момента ея непротивозаконнаго проявленія, по нашему мнѣнію, цѣлесообразнѣе можетъ быть сдѣлано уголовными законами, какъ такими, которые, вообще говоря, способны точнѣе отграничить преступное отъ непреступнаго и опредѣлить его составъ [2]). Еще шире, разумѣется, роль уголовныхъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 127—128.

[2]) Поэтому общее положеніе § 242 проэкта австрійскаго уголовнаго кодекса, объявляющее, что постановленіе главы о тѣлесныхъ поврежденіяхъ примѣняется и къ превышеніямъ дисциплинарной власти, намъ представляется совершенно раціональнымъ, пріемомъ, гораздо болѣе удачнымъ, чѣмъ умолчаніе напр. въ общегерманскомъ уложеніи о подобномъ превышеніи, предполагающее опредѣленіе его особыми законами, а также административными распоряженіями. (См. Проектъ русск. угол. улож., Преступленія противъ личности, стр. 111—113, прим.). Опредѣленіе содержанія дисциплинарныхъ взысканій и объема таковой власти несомнѣнно составляетъ задачу сихъ послѣднихъ законовъ и распоряженій, но крайняя общая граница послѣдней должна быть, думается намъ, установлена въ уголовномъ кодексѣ; этимъ, между прочимъ, легко будетъ

законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда реформа законодательства ограничивается частнымъ его пересмотромъ, напр. одного уголовнаго кодекса; тогда уголовный законодатель вправѣ установить общую предѣльную черту, за которой наступаетъ преступное превышеніе дисциплинарной власти, не только согласно съ положеніями гражданскихъ законовъ, но и въ разрѣзъ съ ними, буде послѣдніе окажутся совершенно отжившими или же несостоятельными. Возникающая при этомъ коллизія между разными законами разрѣшается очень просто — въ пользу новаго закона, доколѣ редакція гражданскаго закона остается безъ перемѣны.

Другой примѣръ. Согласно 90, 100, 101 ст. устава о предупр. и пресѣч. преступл. продажа и употребленіе мѣдныхъ отливныхъ иконъ объявлены запрещенными; но улож. о наказ. никакихъ каръ за сіи дѣйствія не назначаетъ. Что же выходитъ? А то, что дѣйствіе, противное законамъ, остается безъ опредѣленнаго наказанія, и это могло быть результатомъ не одной только случайности, объясняемой недосмотромъ, пропускомъ, но и прямой воли уголовнаго законодателя, нашедшаго, что данное дѣйствіе, какъ правомѣрное въ народномъ сознаніи, не должно быть караемо.

Итакъ, мы видимъ, что роль юридическихъ обычаевъ и воззрѣній при опредѣленіи области преступныхъ дѣяній весьма широка; объемъ ея простирается до права законодателя въ извѣстныхъ границахъ даже на измѣненіе и упраздненіе совершенно ясныхъ положеній другихъ отраслей права. Еще шире, разумѣется, эта роль, еще свободнѣе можетъ быть дѣятельность законодателя въ случаяхъ, когда онъ на

предупреждена и устранена та путаница при опредѣленіи понятія превышенія нѣкоторыхъ видовъ дисциплинарной власти, которая замѣчается въ германскихъ судахъ.

пути не связанъ опредѣлепіями другихъ отраслей права; сюда, между прочимъ, принадлежатъ: во 1-хъ, случаи неясности, неточности или неполноты сихъ послѣднихъ; такъ-какъ при этомъ условіи руки уголовнаго законодателя почти совершенно развязываются, то и вліянію юридическихъ обычаевъ и воззрѣній открывается полный просторъ; необходимо только согласіе съ общимъ духомъ или системой законодательства, а также съ требованіями кадефикаціонной техники; во 2-хъ—случаи обязательнаго дѣйствія обычая рядомъ съ закономъ. Въ Россіи инородцы и сельскіе жители пользуются по закону привиллегіей въ извѣстныхъ границахъ, неясно, впрочемъ, обозначенныхъ, судиться по своимъ обычаямъ, которые поэтому и пріобрѣтаютъ здѣсь полный просторъ для своего дѣйствія и развитія. Такой порядокъ вещей при многихъ несомнѣнныхъ преимуществахъ, предупредившихъ насильственную ненужную ломку народнаго быта, представляетъ однако ту отрицательную сторону, что оставляетъ безъ точнаго опредѣленія сферу преступнаго въ этомъ быту и раскрываетъ слишкомъ широко двери произволу судебнаго усмотрѣнія. По этому составленіе особаго сельско-судебнаго устава, соотвѣтствующаго юридическому быту сельскаго населенія, намъ представляется, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей русскаго обычнаго права [1]), совершенно цѣлесообразнымъ и это—тѣмъ болѣе, что, согласно заключенію знатоковъ послѣдняго, при всемъ разнообразіи народныхъ юридическихъ обычаевъ, встрѣчается не мало и такихъ, которые дѣйствуютъ съ одинаковой силой повсюду [2]), такъ-что све-

---

[1]) Оршанскій, ibid, кн. 5-я, стр. 6—7, 48, 61—65, 69; авторъ, на сколько можно понять его мысль, считаетъ разумнымъ изданіе только чисто-процессуальнаго устава, точно опредѣляющаго формы производства.

[2]) Пахманъ, Обыч. гражд. право, т. 1-й, Предисловіе, XII; см. также Чубинскій, ibid, т. VI, стр. 30.

деніе ихъ къ единству повидимому не встрѣтитъ серьезныхъ препятствій; исключеніе, быть можетъ, представляютъ одни только инородцы, юридическій бытъ которыхъ гораздо разнообразнѣе и притомъ не легко поддается изученію.

Задача опредѣленія области преступныхъ дѣяній неразрывно связана съ установленіемъ ихъ тяжести: законодатель возводитъ на степень преступленія не всякое дѣйствіе, вредоносное для общежитія, а лишь такое, которое, по его мнѣнію, по соображеніямъ, главнымъ образомъ, его важности и опасности того заслуживаетъ. Но откуда, спрашивается, онъ почерпаетъ матеріалъ, почву для такихъ соображеній? Преимущественно въ господствующихъ въ обществѣ правовозрѣніяхъ, которыя въ извѣстной мѣрѣ отражаются и въ немъ самомъ. Указанія для такихъ соображеній въ положеніяхъ другихъ отраслей права встрѣчаются только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ интересахъ, касающихся самого бытія государства и тѣсно съ нимъ связанныхъ, каковы преступленія политическія и противъ фискальныхъ интересовъ. Въ остальныхъ же случаяхъ для опредѣленія тяжести преступленій законодателю надлежитъ обратиться къ юридическимъ обычаямъ и воззрѣніямъ, отражающимъ въ себѣ всю совокупность условій дѣйствительной жизни, при чемъ онъ долженъ изучить эти воззрѣнія съ возможною основательностью, но слѣдовать имъ безусловно не обязанъ. Какъ культурная сила, уголовный законъ, согласно сказанному нами выше, можетъ закрѣплять лишь болѣе или менѣе просвѣщенныя взгляды руководящаго большинства общества, а не невѣжественныя воззрѣнія меньшинства. Въ силу этого законодателю не подобаетъ слѣдовать ученію тѣхъ, кто находитъ необходимымъ при распредѣленіи видовъ убійства по ихъ тяжести принять въ соображеніе взглядъ невѣжественной части народа, оправдывающій убійство колдуновъ и колдуній для прекращенія порчи и вреда, ими причиняемаго, и чуть ли не

возвести это убійство на степень привиллегированнаго, затѣмъ при опредѣленіи сравнительной тяжести личныхъ обидъ— взглядъ якобы громаднаго большинства населенія, согласно которому словесныя обиды будто бы безразличны, ибо „брань на вороту не виснетъ“, а мазаніе воротъ дегтемъ несравненно болѣе тяжкое оскорбленіе, чѣмъ побои [1]). Въ общемъ уголовномъ кодексѣ принятіе этихъ и подобныхъ имъ взглядовъ тѣмъ болѣе неразумно, что его положенія предназначаются для всего населенія, а сколько нибудь просвѣщенная часть русскаго общества, даже изъ среды народа, давно уже переросла такія воззрѣнія, какъ безразличіе словесныхъ обидъ, правомѣрность убійства колдуновъ и т. п. Изслѣдованія обычнаго права несомнѣнно убѣждаютъ въ томъ, что у нашихъ крестьянъ понятіе словесной обиды не только возникло, но болѣе или менѣе и окрѣпло, а волостные суды мало того что принимаютъ ихъ къ своему разсмотрѣнію, но еще ставятъ ихъ почти на одну доску съ обидой дѣйствіемъ [2]). Другое дѣло, если скажутъ, что приведенныя воззрѣнія должны быть принимаемы въ соображеніе судьей въ его рѣшеніяхъ; такое ученіе совершенно справедливо; судья, разсматривающій дѣло въ его конкретной обстановкѣ, не можетъ игнорировать взгляды той среды, гдѣ оно возникло, и вправѣ, а часто обязанъ принять эти взгляды въ соображеніе при опредѣленіи *мѣры* наказанія,—часто, но не всегда потому, что и судъ, какъ культурная сила, можетъ и долженъ съ разумной, понятно, осторожностью содѣйствовать созданію и развитію въ народѣ, взамѣнъ грубыхъ и суевѣрныхъ понятій, воззрѣній и убѣжденій культурной среды. Но опредѣленіе *мѣры* наказанія и

---

[1]) Сергѣевскій, ibid, 131—132; см. также Якушкинъ, Обычное право, Предисл., XXXV—XXXVI.

[2]) См. Пахманъ, ibid, т. 1, 368—374; Шрагъ, ibid, іюль—августъ, 65—68; Труды экспед. въ западно-русскій край, т. VI, стр. 149—152.

установленіе особыхъ видовъ преступленій—квалифицированныхъ или привиллегированныхъ—двѣ вещи совершенно различныя, которыхъ смѣшивать не слѣдуетъ.

II.

Менѣе важную роль играютъ юридическіе обычаи и воззрѣнія въ дѣлѣ осуществленія уголовнымъ законодателемъ второй его задачи, но и здѣсь эта роль значительна. Съ перваго же взгляда понятно, что при опредѣленіи формъ или средствъ наказанія и цѣлесообразной ихъ организаціи законодатель долженъ руководствоваться главнымъ образомъ выводами и указаніями науки пеналогіи, не упуская однако изъ виду положенія административныхъ и финансовыхъ силъ своей страны, а также ея культурнаго состоянія. Задача законодателя въ этомъ отношеніи сводится къ такой постановкѣ дѣла, при которой съ возможно меньшими личными и матеріальными жертвами достигалась бы возможно полнѣе общая цѣль наказанія, т. е. обезпеченіе общества отъ разрушающихъ его порядокъ дѣяній. Очевидно, что для разрѣшенія этой задачи наука способна дать гораздо болѣе данныхъ, чѣмъ юридическія воззрѣнія и обычаи; вотъ почему законодатель въ этомъ случаѣ прежде всего прислушивается къ голосу науки; но такъ-какъ между теоретическимъ построеніемъ и жизнью не всегда бываетъ гармонія, то, разумѣется, воззрѣнія руководящаго большинства общества, въ которыхъ эта жизнь, конкретная дѣйствительность отражается, не могутъ быть игнорируемы законодателемъ. Поэтому было бы нецѣлесообразно, если бы законодатель захотѣлъ какую нибудь идеальную карательную систему осуществить въ своей странѣ, не сообразуясь съ конкретными условіями послѣдней, не пользуясь тѣми реальными силами для своей цѣли, которыя указываетъ сама жизнь. Такова напр. сила тюремной общины. Невѣрно, конечно, мнѣніе, будто бы отъ разумной утилизаціи этой силы зависитъ весь успѣхъ нашей тюремной реформы, а по-

тому законодателю, вмѣсто обращенія къ западно-европейскимъ образцамъ, лучше всего остановиться на организаціи тюремныхъ общинъ, [1]) но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при тюремной реформѣ въ нашемъ отечествѣ община не должна быть забыта; ее необходимо принять во вниманіе. Изслѣдованія показываютъ, что во многихъ острогахъ, особенно въ Сибири, выработанная самою жизнью община съ успѣхомъ обезпечиваетъ внѣшній порядокъ въ тюрьмахъ, облегчая и до нѣкоторой степени замѣняя собою правительственную администрацію. Равнымъ образомъ было бы неразумно, если бы законодатель, увлеченный совѣтомъ одного или небольшой кучки ученыхъ, вздумалъ бы установить такія формы наказанія, которыя противны воззрѣніямъ того же культурнаго большинства, напр. захотѣлъ бы, вслѣдъ за мнѣніями Емиля Жирардена и Мительштедта, объявить господствующими въ Россіи наказаніями — тѣлесныя или смертную казнь. Правда, въ своемъ шагѣ, расчитанномъ на тѣлесныя наказанія, русскій законодатель встрѣтилъ бы поддержку во взглядахъ невѣжественной части крестьянскаго населенія, смотрящаго на нихъ, какъ на самое цѣлесообразное карательное средство, [2]), но онъ, согласно сказанному выше, не долженъ забывать своей культурной роли, не должно распространять на все населеніе тѣ наказанія, которыя находятся въ полномъ противорѣчіи съ этическимъ міросозерцаніемъ лучшей его части. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о позорящихъ наказаніяхъ, которыя, впрочемъ, вопреки завѣреніямъ гг. Сергѣевскаго и Якушкина [3]), находятся въ періодѣ вымиранія: они практи-

---

[1]) Сергѣевскій, ibid, 120; авторъ здѣсь опять самъ себѣ противорѣчитъ, ср. стр. 118—119; см. также Якушкинъ, Обычное право, стр. XXXI.

[2]) См. также Кистяковскій, Волостные суды, Труды экспед. въ западно-русск. край, т. VI, стр. 16; Сергѣевскій, ibid, 119.

[3]) Сергѣевскій, ibid; Якушкинъ, ibid, XXXVIII.

куются только въ немногихъ мѣстностяхъ, большею же частію почти совсѣмъ вышли изъ употребленія [1]). Проводя последовательно нашу мысль, необходимо признать, что нецѣлесообразно поступилъ бы и тотъ законодатель, который опредѣлилъ бы мѣру наказаній несоразмѣрно тяжести преступленій, вѣрнѣе сказать, несогласно съ общественными правовоззрѣніями на этотъ предметъ. Подобный шагъ привелъ бы только къ частымъ искуственнымъ оправдательнымъ приговорамъ, а слѣдовательно и къ потрясенію довѣрія къ правосудію. Довольно краснорѣчивый примѣръ мы видимъ на нашемъ улож.; несоразмѣрныя кары, опредѣляемыя послѣднимъ вопреки общественному правосознанію, нерѣдко вызываютъ неосновательные оправдательные вердикты присяжныхъ и судей.

III.

Немаловажная также роль принадлежитъ юридическимъ обычаямъ и воззрѣніямъ въ области выполненія уголовнымъ законодателемъ третьей своей задачи. Правильное опредѣленіе пространства дѣйствія уголовнаго уложенія достигается, во 1-хъ, при помощи логической конструкціи общихъ правовыхъ опредѣленій, во 2-хъ, при помощи ближайшаго изученія международныхъ отношеній или говоря иначе — при помощи положеній и данныхъ, почерпнутыхъ изъ международнаго права. Первое, т. е. установленіе общихъ правовыхъ опредѣленій или принциповъ, таковыхъ напр. какъ дѣйствіе уголовнаго закона во времени, въ пространствѣ и т. п., здѣсь, какъ и въ сферѣ двухъ первыхъ задачъ, само собою разумѣется, дѣлается исключительно на основаніи выводовъ и данныхъ науки; общественныя правовоззрѣнія тутъ не причемъ. Послѣднія или не даютъ намъ вовсе подходящихъ сюда данныхъ или же заключаютъ въ себѣ крайне несовершен-

---

[1]) Пахманъ, ibid, т. I-й, 343—344; Шрагъ, ibid, іюль—августъ, 58.

ныя указанія, въ родѣ напр. формулы: „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ", указанія, обращаться къ которымъ законодателю, при наличности болѣе совершенныхъ опредѣленій науки, совершенно напрасно [1]). Второе, т. е. изученіе международныхъ отношеній, само собою приводитъ къ познанію обычаевъ въ той ихъ формѣ, въ какой они складываются при международныхъ отношеніяхъ. Здѣсь, вообще говоря, открывается значительный просторъ дѣйствію таковыхъ обычаевъ, ибо послѣдніе, какъ извѣстно, составляютъ главное содержаніе международнаго права. Впрочемъ, все болѣе и болѣе усиливающаяся готовность отдѣльныхъ государствъ опредѣлять свои отношенія въ данной сферѣ посредствомъ общихъ уголовныхъ законовъ и трактатовъ [2]) постепенно съуживаетъ этотъ просторъ, но уничтожить его она едва ли въ состояніи, какъ потому, что международныя правовоззрѣнія всегда будутъ оказывать здѣсь свое вліяніе, такъ и потому, что весьма нелегко исчерпать всѣ отношенія, о которыхъ идетъ рѣчь. Достаточно указать на вопросъ о выдачѣ преступниковъ; существующія общія положенія въ кодексахъ и отдѣльные трактаты, заключенные государствами по этому предмету, какъ извѣстно, далеко не исчерпываютъ всѣхъ отношеній сего рода; нѣкоторыя изъ нихъ предоставлены международной практикѣ, а слѣдовательно и обычаямъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, положенія, которыми можно отвѣтить на вопросъ о значеніи обычая для уголовнаго законодательства. Пожелаемъ же, чтобы дальнѣйшія болѣе широкія изслѣдованія пролили еще больше свѣта на этотъ малоразработанный вопросъ, который напрасно до сихъ поръ оставляли безъ вниманія.

---

[1]) См. также Сергѣевскій, ibid, 118.

[2]) См. Таганцевъ, Лекціи, вып. 1-й, § 262, а также Проэктъ общ. части улож., 2-я редак., стр. 100—101.

I. МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

1. 1612 г. Сентября 9. Боярская грамота воеводѣ Андрею Өедоровичу Палицыну и дьяку Кузьмѣ Мошкову о справѣ за Шимаханскимъ царевичемъ Шихимомъ бывшаго его помѣстья, села Тишаева съ деревнями.

(Начало утрачено).....новича всея Руси, въ Углецкомъ уѣздѣ, въ Кацкой волости, село Тишаева съ деревнями, и то де у него помѣстье взято и отдано Дементью Похожему, Өедору Дурневу, да Дружинѣ Коротыгину, да Ивану Базулину, да Неу....... [1]) Черноцова, да Салтану Ефимову, да Петру Тугаринову. И въ прошломъ де, въ 119-омъ году, то его помѣстье отдано ему царевичу Шихиму Ахметьевичу и грамота ему на то помѣстье дана; и онъ съ тою отказною грамотою ѣздилъ на Угличь и съ Углича де посылали губные старосты, Өедоръ Грозноно да Семенъ Хотеинъ, ему того помѣстья отказывать, и дѣти боярскіе Дементій Погожей съ товарищи боярскія грамоты не послушали и помѣстья ему отказывать не дали. И намъ бы велѣти ему на то помѣстье дати другую грамоту. И будетъ такъ, какъ намъ царевичъ Шихимъ Ахметовъ билъ челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота прійдетъ и вы бъ тотчасъ въ Углецкій уѣздъ, въ Кацкую волость, царевича Шихима въ помѣстье Ахметовича, въ село Тишаево съ деревнями, послалъ кого пригоже да то помѣстье велѣлъ отказать Шемоханскому царевичу Шихиму Ахметеву, по прежнему, въ помѣстье со всѣми угодьи и крестьяномъ его велѣлъ слушати во всемъ, а Дементья Погожего съ товарищи изъ того помѣстья велѣлъ выслати вонъ передъ собою часа того.

Писанъ подъ Москвою, лѣта 7121, Сентября въ 9 день.

На оборотѣ надпись: на Угличь стряпчему и воеводѣ, господину Андрею Өедоровичу Палицыну да Кузьмѣ Мошкову. *Нѣсколько ниже инымъ почеркомъ*: 121 году, Сентября въ 17 день привезъ....

---

[1]) Въ подлин. оторвано. Должно быть: „Неустроевской женѣ".

2. 1612. Сентября 20. Память воеводы А. Ѳ. Палицына и дьяка К. Мошкова Тимоѳею Ѳедоровичу Чумашеву объ отказѣ Шемаханскому царевичу Шихиму села Тишаева съ деревнями въ помѣстье.

Лѣта 7121-го, Сентября въ 20 день, по указу бояръ и воеводъ, и стольника и воеводы, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ товарищи, и по грамотѣ за приписью дьяка Герасима Мартемьянова, стряпчей и воевода Андрей Ѳедоровичъ Палицынъ да дьякъ Кузьма Мошковъ велѣли Тимоѳею Ѳедорову сыну Чумашеву ѣхати въ Углецкой уѣздъ, въ Кацкую волость, въ село Тишаево съ деревнями, въ Дементьево Погожего да Ѳедора Дурнево, да Дружины Каратыгина, да Ивана Базулина, да Неустроевской жены Черноцова, да Салтана Ефимьева, да въ Петрово помѣстье Тугаринова, что имъ дано было царевича Шихимово помѣстье Ахметовича, и Тимоѳею не доѣзжая того села взяти съ собою понятыхъ сторонних людей разныхъ волостей, поповъ и старостъ, и цѣловальниковъ, и лучшихъ крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, да передъ тѣми понятыми то село Тишаево съ деревнями и со всякими угодьи отказалъ въ помѣстье Шемоханскія земли царевичу Шихиму Ахметевичу и крестьянамъ Шихима и его людемъ слушать велѣлъ во всемъ, а Дементья Погожего съ товарищи и ихъ людей изъ того помѣстья выслалъ вонъ передъ собою часа того.

Къ сей отказной стряпчей и воевода Андрей Ѳедоровичъ Палицинъ печать свою приложихъ.

3. 1612 г. Сентября.—Боярская грамота воеводѣ А. Ѳ. Палицыну и дьяку К. Мошкову объ отказѣ помѣстья нѣмчину Анцѣсварку.

На Углечъ стряпчему и воеводѣ, господину Андрею Ѳедоровичу Палицыну, да дьяку Кузьмѣ Мошкову Московскаго государства бояринъ и воевода Дмитрей Трубецкой да стольникъ и воевода Дмитрей Пожарской съ товарищи челомъ бьютъ. Въ прошломъ де, во 120 году, Августа въ 22 день, послана грамота на Углечъ губному старостѣ Ѳедору Грознову, по челобитью греченина Ивана Сурьянинова. А велѣно ему по той грамотѣ въ Углецкій уѣздъ въ нѣмчинино помѣстье Барташелтя, что было дано сыну его Христофору, а послѣ того отдано было нѣмчину Анцѣсваркѣ, ѣхати да въ томъ помѣстьи сыскать всякими сыски накрѣпко. Христофоръ Баршельтовъ сынъ нынѣ на

Москвѣ съ литовскими людьми въ городѣ сидитъ ли, и нѣмчинъ Баршельтъ Анцѣсварку былъ дядя ли, да будетъ въ сыску скажутъ, что нѣмчинъ Баршельтъ Анцесварку былъ не дядя, а сынъ его Христофоръ съ матерью и съ братьями сидитъ на Москвѣ съ литовскими людьми, и ему то помѣстье триста чети велѣно отказать греченину Ивану Сурьянинову по прежнему и крестьянамъ его слушать велѣно во всемъ, а Анцусварку и его людей изъ того помѣстья велѣно выслати вонъ и крестьянамъ его слушати ни въ чемъ не велѣно. И нынѣ билъ намъ челомъ нѣмчинъ Анцасваркъ, въ прошломъ де, въ 120-мъ году, билъ намъ челомъ въ Ярославлѣ дяди своего о помѣстьѣ въ Углецкомъ уѣздѣ, въ Кацкомъ стану, о половинѣ села Левина, что̀ было за дядею его, за нѣмчиномъ, за Баршельтемъ, а того дядю его убили на службѣ подъ Болховымъ литовскіе люди. А послѣ дяди его помѣстье было отдано подъ Москвою греченину Ивану Сурьянинову, по его ложному челобитью, что онъ не сказалъ.... и по его же Анцыну челобитью велѣно сыскать про дядю его, про Башельтя и про то его помѣстье всѣми иноземцы и сыскавъ велѣно ему то дяди его помѣстье отдати. И нынѣ де подъ Москвою о томъ его помѣстьѣ билъ намъ челомъ тотъ же Иванъ Сурьяниновъ ложно, и сказалъ, что будто тотъ нѣмчинъ Баршелтъ ему Анцѣсварку былъ не дядя, и по его де ложному челобитью то его помѣстье отдано ему назадъ. А въ памяти изъ полку стольника и воеводы князя Василья Туренина за приписью дьяка Ѳомы Кутепова, и въ сыску иноземцевъ за руками нынѣшняго 121 году Сентября въ 15 день написано: порутчикъ Денисъ Ѳанвисинъ всего 17 человѣкъ сказали: Баршелтъ нѣмчину Анцѣсварку былъ родной дядя по матери, а помѣстья за Баршелтемъ было на Угличѣ на триста чети и послѣ Баршелта дано женѣ его на прожитокъ съ дѣтьми; а сынъ его Христофоръ былъ верстанъ, сидѣлъ съ матерью и съ братею въ городѣ на Москвѣ, въ осадѣ, и съ голода померли, и намъ бы ему велѣти то дяди его помѣстье отдати назадъ. И будетъ такъ, какъ намъ нѣмчинъ Анцасваркъ билъ челомъ, и ты бы, господине, въ Углецкой уѣздъ въ Баршелтово помѣстье, что̀ было дано греченину Ивану Сурянинову, послалъ кого пригоже, а велѣлъ ему взять съ собою тутошнихъ и стороннихъ поповъ и дьяконовъ, и старостъ, и цѣловальниковъ, и лутчихъ крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, да въ томъ помѣстьѣ пашни триста чети велѣлъ бы еси отказать нѣмчину Анцѣсварку въ помѣстье по прежнему и крестьянамъ его слушать велѣлъ бы во всемъ, а греченина Ива-

на Сурянинова и его людей изъ того помѣстья велѣлъ выслать вонъ и крестьяномъ его слушать не велѣлъ ни въ чемъ. Писанъ подъ Москвою въ полкахъ, лѣта 7121, сентября—въ день.

4. 1612 Сентября 20. Память воеводы А. Ѳ. Палицына и дьяка К. Мошкова О. И. Муранову объ отказѣ половины села Левина нѣмчину Анцѣсварку.

Лѣта 7121, Сентября въ 20 день, по указу бояръ и воеводъ и стольника и воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ товарищи, по грамотѣ за приписью дьяка Ѳедора Лихачева, стряпчій и воевода Ондрей Ѳедоровичъ Палицынъ да дьякъ Кузьма Мошковъ велѣли Остаѳью Иванову сыну Муранову ѣхать въ Углецкій уѣздъ въ Кадцкой станъ въ Христоѳоровское помѣстье Баршетелево, что̀ дано было гречанину Ивану Сурьянову, въ село Левино, и не доѣзжая того помѣстья взять съ собою понятыхъ разныхъ волостей поповъ и старостъ, и цѣловальниковъ, и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, да передъ тѣми понятыми половину села Левина, что̀ дано было Ивану Сурьянову, пашни триста чети отказать въ помѣстье Анцѣсварку по прежнему и крестьяномъ его слушати велѣлъ во всемъ, а греченина Ивана Сурьянова и его людей изъ того помѣстья выслалъ вонъ передъ собою часа того и крестьяномъ его слушати не велѣлъ ни въ чемъ. Къ сему наказу стряпчей и воевода Ондрей Ѳедоровичъ Палицынъ печать свою приложилъ.

5. 1612 г. Октября 31. Боярская грамота воеводѣ А. Ѳ. Палицыну и дьяку К. Мошкову о раздѣлѣ села Тишаева между Шихимомъ и Ѳ. Дурневымъ съ товарищи.

На Угличъ стряпчему и воеводѣ, господину Ондрею Федоровичу Палицыну, да дьяку Кузьмѣ Мошкову ....скаго государства бояринъ и воевода Дмитрей Трубецкой да стольникъ и воевода Дмитрей Пожарской съ товарыщи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ во 121 году, Сентября въ 10 день, послана къ вамъ грамота по челобитью Шемоханскаго царевича Шихима Ахметьевича, а велѣно вамъ въ Углецкой уѣздъ въ Кадцкую волость, въ царевича Шихимово помѣстье Ахметова да въ село Тишаево съ деревнями послать кого пригоже, да то помѣстье велѣно ему отказать Шемоханскому церевичу Шихиму Ахметьевичу въ помѣстьѣ со всѣми угодьи и крестьяномъ его велѣно слушать во всемъ, а Дементья Погожего съ товарищи изъ того помѣстья велѣно выслать вонъ. И нынѣ намъ били челомъ углечевя Федоръ Дурневъ да Дружина Короты-

гинъ, да Иванъ Базилинъ, да Салтанъ Ефимовъ, да Петръ Тугариновъ, да вдова Палагѣя Неустроевская жена Чернцова съ сыномъ своимъ съ Аристкомъ: дано де имъ при царѣ Васильѣ на Угличѣ царевича Шихимово помѣстье, сельцо Тишаево съ деревнями, и въ нынѣшнемъ де,во 121 году, то у нихъ помѣстье взято и отдано назадъ царевичу Шихиму и Шихимъ де ихъ изъ того помѣстья выбилъ вонъ душею и тѣломъ ограбя; и опричъ деи у нихъ тѣхъ помѣстей нѣтъ нигдѣ, а Шихимъ деи земскіе службы не служилъ, а былъ деи онъ все въ литовскихъ полкахъ съ своими татары, а нынѣ деи они съ женами и съ дѣтьми волочатся межъ дворъ И намъ бы по совѣту всей земли велѣть имъ то помѣстье отдать назадъ по прежней царя Васильева волѣ. И будетъ такъ, какъ намъ Федоръ Дурневъ съ товарищи били челомъ, и вы бы, господа, въ Углецкой уѣздъ въ царевича Шихимово помѣстье, въ сельцо Тишаево съ деревнями, послали кого пригоже, а велѣли ему взять съ собою тутошнихъ и сторонныхъ поповъ, и дьяконовъ, и старостъ, и цѣловальниковъ, и лучшихъ крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, да въ томъ помѣстьи велѣли ему переписать дворы и во дворѣхъ людей по именамъ, и пашню, и сѣно, и лѣсъ, и всякія угодья, а описавъ въ томъ помѣстьѣ велѣли ему отдѣлить живущаго и пустаго повытно, по четямъ, половину изъ ихъ же помѣстей царевичу Шихиму, а другую половину тогожъ помѣстья отдѣлить по прежней царя Васильева дачѣ и по сей грамотѣ Ѳедору Дурневу съ товарыщи и крестьяномъ ихъ приказали слушать во всемъ, пашню на нихъ пахать и доходъ имъ помѣщиковъ платить. Да что имъ въ томъ помѣстьѣ отдѣлитъ дворовъ и во дворѣхъ людей по имяномъ и пашни, и сѣна, и лѣсъ, и всякія угодья, и вы бъ ему то все велѣли написати въ книги подлинно, порознь земскому или церковному дьячку, да тѣ книги за поповыми и за дьяконовыми руками, и за отдѣльщиковою рукою прислали къ намъ подъ Москву въ полки и велѣли отдать въ помѣстной приказъ дьякомъ Федору Лихачеву да Гарасиму Мартемьянову.

Писанъ подъ Москвою, въ полкѣхъ, лѣта 7121, Октября въ 21 день.

На оборотѣ написано: На Углечъ стряпчему и воеводѣ господину Ондрею Палицыну да дьяку Кузьмѣ Мошкову.

Сверху этой надписи помѣта: 121 Ноября 21 привезъ Дружина Коротыгинъ.

На оборотѣ же втораго листа у верхняго края столбца написано: Шемоханскаго царевича 121 года; *у нижняго края:* Справилъ Михолко Козловъ.

6. 1612 г. Декабря 5. Боярская грамота воеводѣ А. Ѳ. Палицыну и дьяку К. Мошкову о высылкѣ въ Ярославль для суда и сыска крестьянъ и козаковъ.

На Углечъ воеводѣ Ондрею Ѳедоровичу Палицыну да дьяку Кузь- Мошкову. Бояре и воеводы, Дмитрей Трубецкой и стольникъ и воевода Дмитрей Пожарской, челомъ бьютъ. Билъ, господа, боярамъ и воеводамъ князь Дмитрей да князь Микита княжь Лукины дѣти Осиѳовича Щербатаго, а сказали: въ нынѣшнемъ де, во 121 году, ноября въ 4 день, пріѣзжали де во отца ихъ князь Луки Осиѳовича помѣстье, въ Юхацкую волость. въ сельцо Никольское Слободище, лихіе люди разбоемъ въ ночи, и ихъ де князь Дмитрея и князь Никиту били, а людей ихъ жгли и мучили. А грабежу де у нихъ взяли тѣ воровскіе люди, опричь Божія милосердія, животовъ ихъ и людей ихъ платья и денегъ, и служилыя рухляди, и лошадей на триста на тридцать рублевъ. А пріѣзжали де разбоемъ ихъ грабить съ Углеча казаки Ивановы станицы Алексѣева, Михалка Черкашенинъ да Макарко Ѳалелѣевъ, да Пятунка Ондреевъ сынъ Зеленщиковъ, да Сенька Косой и иные многіе люди, по совѣту села Никольскаго Слободища крестьянъ Михалко да Тренки, да Гришки Голикова, да Гришки Перетряса и всѣхъ села Никольскаго крестьянъ. А подводилъ де тѣхъ разбойниковъ разбивать боярина князь Ѳедорова дѣтина Мстиславскаго, Сенька Истоминъ сынъ Хлѣбниковъ. А какъ де бояринъ князь Ѳедоръ въ городѣ былъ и тотъ де дѣтина Сенька служилъ у отца ихъ у князь Луки и отъ отца де ихъ отъ князь Луки сбѣжалъ пократчи и жилъ на Углечѣ у тѣхъ козаковъ, у Михалка Черкашенина съ товарыщи, и пріѣзжалъ де съ ними вмѣстѣ разбоемъ, а пріѣздъ де тѣмъ разбойникомъ былъ Углецкаго уѣзда, деревни Коробова, къ протопопову крестьянину къ Васькѣ Ѳедотову. И на Углечѣ де того дѣтину Сеньку Истомина и протопова крестьянина Ваську и полишнаго своего грабежа у того дѣтины узду они князь Дмитрей да князь Никита вынели. И губные старосты на Углечѣ тѣхъ разбойниковъ Михалка Черкашинина да Макарка Ѳалелѣева, да Пятунку Ондреева сына Зеленщикова, да Сеньку Косога не переимали, а Сеньку Истомина и Ваську Ѳедотова

по поличному въ ихъ разбоѣ на пытку имъ недали. И вы бы, господа, велѣли тѣхъ боярина князя Ѳедора Мстиставскаго крестьянъ и села Никольскаго Слободищи крестьянъ Михалка съ товарыщи, и боярина князь Ѳедора человѣка Мстиславскаго Сеньку Истомина, и протопова крестьянина Ваську Ѳедотова, и поличную узду, и тѣхъ козаковъ Ивановы станицы Алексѣева Михалка Черкашенина и его товарищей отослали въ Ярославль къ воеводѣ, ко князю Ивану Никитичу Одоевскому да къ дьяку Ивану Болотникову за крѣпкими поруками съ кѣмъ будетъ пригоже. А тѣхъ боярина князя Ѳедора Мстиславкаго крестьянъ и тѣхъ козаковъ велѣно въ томъ князь Дмитреевѣ да князь Микитинѣ дѣлѣ воеводѣ князь Ивану Никитичу да дьяку Ивану судить въ Ярославлѣ и сыски всякими сыскать накрѣпко. Писано на Москвѣ лѣта 7121, Декабря въ 5 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводамъ господамъ Ондрею Ѳедоровичу Палицыну да дьяку Кузьмѣ Мошкову. *На оборотѣ же скрѣпа:* Дьякъ Яковъ Демидовъ. *На оборотѣ же внизу:* Справилъ подъячей Олешка Протопоповъ.

7. 1613. Февраля.—Челобитье Кашинца Я. Медвѣдева о приставѣ.

Великія Россійскія державы Московскаго Государства боярамъ и воеводамъ бьетъ челомъ Кашинецъ Яшка Медвѣдовъ. Билъ я, государи, челомъ Вамъ боярамъ и воеводамъ о приставѣ на полишное. Приставъ, государи, Илья Кузьминъ полишное мое вынялъ у Воиновскія жены Опачипина у Настасьи, бѣглого моего человѣка Митку Овдѣева, на Углечѣ на дворѣ, въ острогѣ, а Настасья, государи, здѣсо на Углечѣ нѣтъ, а живетъ въ деревнѣ, отсюды пятнадцать верстъ. Государи, бояре и воеводы, покажите милость, велите мнѣ по ту Настасью въ томъ моемъ бѣгломъ человѣкѣ и въ сносѣ дать пристава пзъ ѣзду. Государи, бояры и воеводы, смилуйтесь, пожалуйте.

На оборотѣ написано: 121 году, Ѳевраля—данъ приставъ и велѣно ее поставить на Углечѣ къ отвѣту.

8. 1613 г. Февраля 14. Память воеводы А. Ѳ. Палицына и дьяка К. Мошкова объ отказѣ села Мологи въ помѣстье Д. и И. С. Погожимъ.

Лѣта 7121 года, Февраля въ 14 день, по указу боярина и воеводы князя Дмитрея Тимоѳѣевича Трубецкаго да князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго съ товарищи, и по грамотѣ за приписью дьяка

Николая Новокшенова стряпчей и воевода Андрей Өедоровичъ Палицынъ да дьякъ Кузьма Мошковъ велѣли Григорью Ильичу Терпигореву ѣхать въ Углецкой уѣздъ, въ село Мологу, что̀ дано было князю Матвѣю да Семену Прозоровскимъ, и не доѣзжая того помѣстья взяти съ собою тутошнихъ и стороннихъ поповъ, и дьякановъ, и старостъ, и цѣловальниковъ, и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, да передъ тѣми понятыми село Мологу, что̀ дано было въ помѣстье князю Матвѣю и князю Семену Прозоровскимъ, отказать въ помѣстье Дмитрею да Ивану Семеновичу Погожимъ, и крестьяномъ ихъ велѣть слушать во всемъ, а князь Матвѣевыхъ и князь Семеновыхъ людей Прозоровскаго изъ этого села Мологи выславъ вонъ, да и крестьяномъ ихъ слушать не велѣлъ ни въ чемъ. И будетъ князь Матвѣевы и князь Семеновы люди учинятся сильны и отказать села Мологи не дадутъ, и Григорью Ильичу Терпигорову о томъ отписать на Углечъ, къ стряпчему и воеводѣ, къ Андрею Федоровичу Палицыну да къ дьяку Кузьмѣ Мошкову. И по указу боярина и воеводы князя Дмитрея Тимоѳеевича Трубецкаго да князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ Углеча пошлютъ къ тебѣ стрѣльцовъ и казаковъ многихъ людей.

Къ сему наказу стряпчей и воевода Ондрей Өедоровичъ печать свою приложилъ.

II. Царствованіе Михаила Өеодоровича.

9. 1613 г. Августа 7. Царская грамота воеводѣ Ө. И. Погожему о прибавкѣ жалованья стрѣльцамъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всеа Руси, на Углечъ воеводѣ нашему Өедору Ивановичу Погожему. Били намъ челомъ съ Углеча Смоленскіе и Московскіе стрѣльцы, Федоровы сотни Тимашова, пятидесятники и десятники, и рядовые стрѣльцы, пятидесятникъ Сенька Афонасьевъ и во всѣхъ товарищей своихъ мѣсто 50 человѣкъ, а сказалъ: по нашему указу велѣно имъ быть на нашей службѣ на Углечѣ съ сотникомъ, съ Федоромъ Тимашовымъ, а нашего деі жалованья велено имъ давать помѣсечно каждому на мѣсецъ по осминѣ человѣку ржи да на всѣхъ человѣкъ по осминѣ крупы, да по осминѣ толокна, и тѣмъ деі имъ кормѣмъ прокормиться нечѣмъ. И

намъ бы ихъ пожаловать велѣть имъ помѣсечно корму прибавить. И какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, и ты бы тѣмъ Московскимъ и Смоленскимъ стрѣльцомъ, 50 человѣкомъ Федорской сотни Тимашова, велѣлъ прибавити къ старому ихъ помѣсечному корму на мѣсецъ на 10 человѣкъ по осминѣ крупъ да по осминѣ толокна, и впередъ бы еси велѣлъ давать на 10 человѣкъ по чети крупы, по чети толокна, да вели имъ давать рожь и крупъ, и толокно въ Углечскую мѣру, почему емлется въ нашу житницу, а что имъ помѣсечно корму дадутъ и ты бъ тѣ дачи велѣлъ писать въ расходныя книги. Писано на Москвѣ, лѣта 7121, августа въ 8 день.

На оборотъ надпись: На Углечь воеводѣ нашему Ѳедору Ивановичу Погожему.

121 года, Августа въ 18 день, привезъ Баушъ Маракушевъ.

По склейкамъ листковъ скрѣпа: Дьякъ Петръ Овдокимовъ.

10. 1613 г. Сентябрь.—Царская грамота воеводѣ Ѳ. И. Погожему о бѣглыхъ людяхъ П. Подлѣскаго.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодаровича всеа Руси, на Углечь, воеводѣ нашему Ѳедору Ивановичу Погожему. Билъ намъ челомъ Углечанинъ Павелъ Подлѣской на Углечанинажъ на Гурія Волынцова, а сказалъ: въ прошломъ де, въ 118 году, вывезъ деи тотъ Гурій изъ за отца его Павлова и изъ за него троихъ крестьянъ Мешалку Иванова да Омелка Григорьева, да Гаврилко Остаѳьева, со всѣми ихъ животы, и нынѣче де тѣ его Павловы крестьяне живутъ за тѣмъ Гурьемъ въ его помѣстьѣ, въ деревни Шишовѣ. И будетъ такъ, какъ намъ Павелъ Подлѣской билъ челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и тыбъ въ Гурьево помѣстье Волынцова, въ деревню Шишову, послалъ кого будетъ пригоже, а велѣлъ тѣхъ крестьянъ ставити передъ собою да тѣхъ крестьянъ распрашивалъ и около Павлова помѣстья Подлѣскаго, деревни Зайковой, велѣлъ сыскать всякими сыски накрѣпко: тѣ крестьяне Мешалко Ивановъ да Омелко Григорьевъ, да Гаврилко Остаѳьевъ за Павломъ Подлѣскимъ въ деревни Зайковой во крестьянѣхъ жили ли и въ прошломъ, во 118 году, изъ за Павла Подлѣскаго Гурій Волынцовъ тѣхъ крестьянъ за себя вывезъ ли? Да будетъ въ распросѣ передъ тобою тѣ крестьяне Мешалко Ивановъ да Омелко Григорьевъ, да Гаврилко Остаѳьевъ скажутъ, что они прежъ сего за Павломъ Подлѣскимъ, въ деревни Зайковой, въ крестьянѣхъ жили и въ прошломъ, во 118 году, изъ за Павла Подлѣскаго Гурѣй

Волынцовъ за себя вывезъ, и въ сыску будетъ окольные люди скажутъ тожъ, что тѣ крестьяне Омелко Григорьевъ съ товарищи, въ деревни Зайковѣ, во крестьянѣхъ жили жъ и въ прошломъ, во 118 году, изъ за Павла Подлѣскаго Гурѣй Волынцовъ за себя вывезъ, и тыбъ тѣхъ крестьянъ велѣлъ отдать ему Павлу Подлѣскому съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ, а велѣлъ ихъ посажать за Павломъ Подлѣскимъ на старые ихъ жеребьи, по прежнему, во крестьяне. А въ чемъ будетъ межъ ими учинится споръ и тыбъ тѣхъ крестьянъ и того Гурія Волынцова велѣлъ дать на поруки съ записьми, а за поруками учинилъ имъ срокъ стать на Москвѣ, въ судномъ приказѣ, передъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Волконскимъ да передъ дьяки нашими передъ Яковомъ Демидовымъ да передъ Иваномъ Остановымъ, да тѣ сыскныя да распросныя рѣчи и по нихъ поручныя записи прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, съ отпискою вмѣстѣ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7122, Сентября въ — день.

На оборотѣ перваго листа: На Углечъ воеводѣ нашему Ѳедору Ивановичу Погожему.

Ниже этой надписи: 122 году, Октября въ 14 день, привезъ Павелъ Подлѣской.

Внизу перваго листка: полполтины Павелъ Подлѣской.

Внизу послѣдняго листка: справилъ Дружина Кантвинъ.

11. 1613 г. Сентября 25. Царская грамота воеводѣ Ѳ. И. Погожему о выдачѣ слугѣ Тихвинскаго монастыря 2-хъ рублей.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Ѳедору Ивановичу Погожему. Пожаловалъ есмя нашимъ жалованьемъ Тихвина монастыря слугу Онашку Васильева, велѣлъ ему за проходъ дати за сукно два рубли на Углечѣ изъ Углецкихъ изо всякихъ доходовъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ слугѣ Онашкѣ.... изъ Углецкихъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ, и изо всякихъ доходовъ давъ, ту дачу велѣлъ написати въ расходныя книги. Писанъ на нашемъ стану, у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7122, сентября въ 25 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Ѳедору Ивановичу Погожему.

Внизу надписи помѣта: 122, сентября въ 29 день, привезъ строитель Мисаило.

12. 1614 г. раньше 16 Февраля. Челобитная Всесвятскаго попа Евдокимища о заемных деньгахъ.

Государю Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ нищей твой Государевъ богомолецъ Всесвяцкой попъ Евдокимище. Жалоба, Государь, мнѣ на Углецкаго разсыльщика на Емельяна Григорьева сына Милютина. Взяти, Государь, мнѣ на немъ по кабалѣ недоплаты десять алтынъ съ росты, и онъ мнѣ тѣхъ денегъ не платитъ. Милостивый Государь, Царь и Великій князь всеа Русіи, смилуйся, вели, Государь, мнѣ на того Емельяна въ томъ дати свой Государевъ судъ и управу. Государь, смилуйся.

На оборотѣ надпись: 122 г., Өевраля въ 16 день, по сей челобитной отвѣтчикъ повинился.

13. 1614 г. Челобитная Н. Кадникова на крестьянъ князя И. Н Одоевскаго въ грабежѣ.

Царю, Государю и Великому князю Михаилу Өедоровичу всея Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Микиөорко Кадниковъ. Жалоба, Государь, мнѣ на князь Иванова человѣка Никитича Одоевского, на Казарина, а отцу, Государь, его имяни не вѣдаю, да князь Иванова жъ Никитича Одоевского крестьянина, на Томила на Сухарева. Въ нынѣшнемъ, Государь, во сто двадесять во третьемъ году, Ноября въ 9 день, послалъ есми людишекъ своихъ въ помѣстье для сѣна, ажно, Государь, тотъ Казаринъ съ тѣмъ крестьяниномъ и съ иными со многими людьми на Волгѣ встрѣтили и людишекъ моихъ переграбили, а грабежу, Государь, взяли меринъ чялъ, шти лѣтъ на семую, да меринъ мухортъ, а цѣна, Государь, мериномъ девять рублевъ съ полтиною, да кобылку ворону, а цѣна, Государь, кобылкѣ три рубли, а всего, Государь, живота моего взяли тотъ Казаринъ на двѣнатцать рублевъ съ полтиною. Милостивый Государь, Царь и Великій Князь Михаило Өедоровичь всея Руси, пожалуй меня холопа своего, вели мнѣ на того Казарина дати и на крестьянина на Томила свой царскій судъ и управу. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

14. 1614 г. Апрѣля.—Распросныя рѣчи бѣглаго человѣка А. Юрьева.

122 году, Апрѣля въ—день. Къ воеводѣ, къ Ивану Борисовичу Голочелову да къ дьяку Богдану Ильину привелъ Исипеевъ чоловѣкъ Карамышева, Ивашко Исаевъ, Исипееважъ бѣглаго человѣка Акбулатка

Юрева, а сказалъ, что отъ Синѣя Карамышева тотъ Акбулатко сбѣжалъ нынѣшняго 122 года, послѣ масляницы, да съ нимъ же де сбѣжалъ татаринъ Тюгенъ, а свелъ де съ собою меринъ игренъ да меринъ рыжъ, да пищаль.

И Акбулатко въ распросѣ сказался Исипеевъ человѣкъ Карамышева да сбѣжалъ де я съ Москвы нынѣшняго 122 году, послѣ масляницы, а свелъ мерина игрена да меринъ рыжъ, да пищаль; и мерина игрена отдалъ Тугеню татарину, а рыжаго мерина во Твери продалъ на базарѣ, и взялъ за него 2 рубля 30 алтынъ, а санапалъ взялъ татаринъ Денщей Салтанаковъ.

И тотъ Акбулатко отданъ Исипееву человѣку Карамышева, Ивашкѣ Исаеву.

15. 1615 г. Челобитная Г. И. Елизарова на кузнеца о невозвращеніи взятыхъ имъ для починки пищалей. Распросныя рѣчи отвѣтчика.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Руси бьетъ челомъ холопъ твой Углечeнинъ Гаврилко Ивановъ сынъ Елизаровъ. Жалоба мнѣ, Государь, на посацкаго человѣка, на кузнеца, на Любима, а отцу имени не вѣдаю. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 123 году, на завтрее Кузма Демьянова дни, далъ язъ, Государь, тому Любимѣ у пищали у ватоманныя замка починить да пасынокъ мой, Государь, у него же купилъ пищаль, а далъ за нее 3 рубля съ полтиною, а далъ ему почистить и тотъ, Государь, Любимъ тѣхъ моихъ пищалей и посямѣстъ не отдаетъ, а пищалемъ, Государь, цѣна 8 рублевъ съ полтиною. Милостивый Царь, Государь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня холопа твоего, вели мнѣ дать на того Любима твой царскій судъ и управу. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

И отвѣтчикъ Любимко въ отвѣтѣ сказалъ: незнаю, невѣдаю, пищаль у Гаврила подѣлывать не имывалъ и у пасынка его у Гаврилова другая пищали подѣлывать не имывалъ же, тѣмъ меня Гаврило поклепалъ. Да онъ же Любимко тутожъ на судѣ сказалъ передъ воеводою, что не отвѣчаетъ. И воевода Иванъ Борисовичъ Голочеловъ допрашивалъ отвѣтчика трижды, почему онъ не отвѣчаетъ. И Любимко сказалъ: потому не отвѣчаетъ, продалъ де язъ пищаль пасынку Гаврилову, только де у него Любимка пасынокъ его Гавриловъ хочетъ просить безденежно и привозить хлѣбомъ, и онъ де Любимко за ту пи-

щаль хлѣбомъ не взялъ, а просилъ у Гаврилова пасынка денегъ, что онъ сторговалъ, и онъ де Гаврило за то и ищетъ на немъ Любимкѣ.

16. 1616 г.—Отписка воеводы И. Ѳ. Волконскаго о высылхѣ разбойниковъ.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровича всеа Русіи холопъ твой Ивашко Волконской челомъ бьетъ. По твоей Государевѣ грамотѣ изъ Разбойного приказу, за приписью твоего Государева дьяка Аѳонасья Царскаго, велѣно мнѣ холопу твоему, по челобитной Петра Ярцова, взявъ на Углечѣ у губныхъ старостъ, у Семена Болотеина да у Ѳедора Грознова, разбойниковъ Воинка Еремѣева съ товарыщи и ихъ приводъ, и распросныя рѣчи прислать къ тебѣ, къ Государю, къ Москвѣ съ губными цѣловальники, сковавъ съ великимъ береженьемъ. И велѣно отписку, ихъ приводъ и распросныя рѣчи положить, и того Воинка съ товарыщи поставить въ Разбойномъ приказѣ передъ Юрьемъ Михайловичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ да передъ дьяки, передъ Ѳеонасьемъ Царскимъ да передъ Олексѣемъ Витовтовымъ. И губные, Государь, старосты разбойниковъ Воина Еремѣева съ товарыщи мнѣ холопу твоему не дали и про нихъ ничего не сказали. А каковы, Государь, распросныя рѣчи за своими руками ко мнѣ холопу твоему принесли и я холопъ твой по твоей Государевѣ грамотѣ тѣ распросныя рѣчи послалъ къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, подъ сею отпискою.

17. 1616 г. Іюля 16. Царская грамота воеводѣ И. Ѳ. Волконскому о сборѣ нѣтчиковъ и о высылкѣ ихъ въ Устюжну.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Ивану Ѳедоровичу Волконскому. Іюля въ 10 день писали къ намъ съ Устюжны стольникъ и воевода Левъ Карповъ да Илья Беклемишевъ и прислали смотру своего списки ести дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, которые къ нимъ пріѣхали на нашу службу. А Углечане дворяне и дѣти боярскіе пріѣхали къ нимъ немногіе, а многіе на нашу службу къ нимъ не бывали. И тѣхъ нѣтчиковъ посланъ къ тебѣ списокъ за дьячьею приписью. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и тыбъ по тому списку послалъ въ Углетцкой уѣздъ тѣхъ дѣтей боярскихъ нѣтчиковъ въ помѣстья и въ вотчины разсыльщиковъ и цѣловальниковъ, а велѣлъ имъ тѣхъ нѣтчиковъ, которые нынѣ живутъ по домамъ, собравъ всѣхъ, выслать на нашу службу на Устюжну, къ стольнику нашему и воеводамъ ко Льву

Карпову да къ Ильѣ Беклемишеву, подовавъ на крѣпкія поруки съ записьми тотчасъ. А которые учнутъ ослушатца и тыбъ тѣхъ билъ ботоги и въ тюрму сажалъ, а изъ тюрмы вымая за поруками высылалъ ихъ на нашу службу тотъ же часъ. А тобѣ еси дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ сказалъ, что мы ихъ и всѣ городы, которымъ по нашему указу велѣно быть на нашей службѣ на Устюжнѣ, пожаловали, указали имъ наше денежное жалованье дати на Устюжнѣ по нашему указу. А деньги указали есмя послати на Устюжну тотчасъ изъ городовъ, изъ Галича, съ Вологды, изъ Кашина, съ Углеча, изъ Бѣжетцкаго Верху, съ Устюжны, пятинные; а посланы о томъ наши грамоты въ городы къ воеводамъ и къ сборщикамъ, изъ приказу боярина нашего князя Дмитрея Михаиловича Пожарскаго да дьяковъ Семена Головина да Ондрея Варѣева. А велѣно вести деньги на Устюжну на спѣхъ, не мѣшкая. А пришлемъ на Устюжну для денежные раздачи съ Москвы дворянина и дьяка тотъ же часъ. И они бъ шли на нашу службу наспѣхъ, не мѣшкая нигдѣ ни часу, и нашего жалованья ожидали вскорѣ. А кто учнетъ ослушатца, и ты бъ тѣмъ наказанье чинилъ по нашему указу и высылалъ ихъ на нашу службу на Устюжну, не мѣшкая одноличио тотчасъ. А кто не пойдетъ и мы у тѣхъ велимъ помѣстья отписать и въ роздачу роздати тѣмъ, которые на нашей службѣ будутъ, да имъ же отъ насъ быти въ великой опалѣ и въ казни. А наши грамоты о томъ на Углечъ къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ посланыжъ. И ты бъ тѣ грамоты взявъ разослалъ къ нимъ съ нарочными гонцы тотчасъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7124 Іюля, въ 16 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Ивану Өедоровичу Волконскому.

На склейкахъ скрѣпа: Дьякъ Михайловъ.

18. 1616 г. Октября 14. Царская грамота воеводѣ И. Ө. Волконскому объ отдачѣ на поруки посадскаго М. Минина въ иску крестьянина И. Иванова.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему князю Ивану Өедоровичу Волконскому. Билъ намъ челомъ думнаго діака нашего Петра Третякова крестьянинъ Ивашко Ивановъ Углеченина посадцкого человѣка на Макарка Минина сына, прозвище Созонова. А сказалъ: въ прошломъ де, во 124 году, въ Өилиповъ постъ, положилъ де онъ Ивашко у него на береженье въ лавкѣ

42 рубли съ полтиною денегъ да - двѣ шубы бараньи, да сапоги, а цѣна шубамъ да сапогамъ 4 рубли, и всего живота его денегъ и платье на 40 на 6 рублевъ съ полтиною, и тѣхъ его денегъ и платье и посямѣсто не отдаетъ. И будетъ такъ, какъ нашъ думнаго діака нашего Петра Третьякова крестьянинъ Ивашка Ивановъ билъ челомъ, и какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ и ты бъ того Углечанина посадцкаго человѣка Макарка Минина въ исцовѣ въ Ивашковѣ иску въ сорокѣ во шести рублѣхъ съ полтиною велѣлъ дать на поруку съ записью, а за порукою къ отвѣту учинилъ ему срокъ стати на Москвѣ въ приказѣ Большого Дворца, передъ бояриномъ нашимъ передъ Борисомъ Михайловичемъ Салтыковымъ да передъ Богданомъ Кашкинымъ, да передъ Патрекѣемъ Насоновымъ, на Дмитріевъ день Селунского нынѣшнего 125 году; да и запись по немъ поручную прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, на тотъ же срокъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125, Октября въ 14 день.

На оборотъ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему князю Ивану Ѳедоровичу Волконскому.

Внизу подъ надписью: Пошлинъ взято полполтины.

19. 1617 г.—Челобитная ямского охотника Травы на ямского охотника С. Б. Балуева о боѣ.

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Руси сирота твой Углецкой ямской охотникъ Трава... Жалоба, Государь, мнѣ на товарыща своего на ямского жъ охотника на Саву Богданова сына Балуева. Дѣялось, Государь, въ нынѣшнемъ въ 125 году, въ великой постъ, на шестой недѣлѣ, въ Ямской слободѣ, попрошалъ, Государь, я сирота твой у того Сава своихъ заемныхъ денегъ, Сава меня сироту про то билъ коломъ и бороду, и рожу до крови обилъ, а денегъ моихъ 10 денегъ неплатитъ. А бою, Государь, моему и бородѣ дранью, что̀ ты, Государь, укажешь. Милостивый Царь и Государь и Великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи, смилуйся, вели, Государь, мнѣ на.... въ томъ дать свой царскій судъ и управу. Государь, Царь, смилуйся.

20. 1617 г.—Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову объ ослушаніи Т. Качалова.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Въ нынѣшнемъ, во 125 году, писалъ къ намъ съ Углеча губной староста Се-

менъ Болотеинъ: велѣно ему по нашей грамотѣ Углечанина Тимоѳея Качалова и его людей, и крестьянъ въ исцовѣ Посольского приказу переводчика Павла Томосова въ вывозныхъ крестьянѣхъ въ Якимкѣ да въ Ондрюшкѣ, постявя передъ собою, судити и сыски всякими сыскати, и тѣхъ Павловыхъ вывозныхъ крестьянъ распросити. Да будутъ тѣ крестьяне по суду и по сыску старинные жильцы его Павлова помѣстья и ему тѣхъ крестьянъ отдати исцу Павлу Томосову съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми ихъ животы. А въ чемъ будетъ межъ ими учинится споръ и ему тотъ суда своего и сыску списокъ, и Тимоѳѣя Качалова, и его людей, и крестьянъ, и тѣхъ его Павловыхъ людей, вывозныхъ крестьянъ, за поруками и по нихъ поручныя записи велѣно прислать къ намъ, къ Москвѣ, въ Володимерской въ судной приказъ. И онъ де Семенъ для тѣхъ Павловыхъ вывозныхъ крестьянъ къ тому Тимоѳѣю Качалову посылалъ и тотъ де Тимоѳѣй учинился силенъ: нашія грамоты не послушалъ, подъ судъ къ нему Семену самъ не поѣхалъ и людей своихъ и крестьянъ не прислалъ вывозныхъ Павловыхъ крестьянъ.... (конецъ утраченъ)

21. 1617 г.—Отписка воеводы П. Г. Дашкова на царскую грамоту объ отказѣ помѣстья М. Муранову.

Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнетъ, Государь, во 125 году, по твоей Государевѣ грамотѣ изъ Помѣсного приказа, за приписью твоего Государева дьяка Ѳедора Шушерина, велѣно мнѣ холопу твоему послать кого пригоже, въ Углецкой уѣздъ, въ Городцкой станъ, въ Иваново помѣстье Додюрнева, что послѣ Ивана дано было женѣ его съ дочерьми на прожитокъ, а то его прожиточное помѣстье отдано углечанину Мизину Муранову, а нынѣ отдано было Микиѳору Кашникову, въ половину села Новаго съ пустошьми, да то помѣстье, а въ немъ пашни восемьдесятъ двѣ чети съ осминою, велѣно отказати Мизину Муранову въ помѣстье жъ со всѣми угодьи, и тѣ отказныя книги велѣно прислати къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, въ Помѣсной приказъ. И по той твоей Государевѣ грамотѣ, я холопъ твой того помѣстья Мизину Муранову городового прикащика Ивана Соломеина отказывати посылалъ, и каковы, Государь, отказныя книги городовой прикащикъ Иванъ Соломеинъ ко мнѣ холопу твоему привезъ, и я холопъ твой тѣ отказныя книги послалъ къ тебѣ, къ Государю, къ Мо-

сквѣ, съ сею отпискою, и велѣлъ отдати, въ Помѣсномъ приказѣ, твоимъ Государевымъ дьякомъ Ѳедору Шушерину да Герасиму Муртемьянову.

22. 1617 г.—Отписка воеводы П. Г. Дашкова о невозможности дать сборщику П. Давыдову разсыльщиковъ и пушкарей съ Углеча.

Господамъ князю Дмитрею Мамстрюковичу, князю Василью Петровичу, Василью Ивановичу, Петръ Дашковъ челомъ бьетъ. Писали, господа, вы ко мнѣ, чтобъ мнѣ сборщику Петру Давыдову для разсылки и на ослушниковъ давати разсыльщиковъ и пушкарей, сколько человѣкъ пригоже. И я, господа, сборщику Петру Давыдову на разсылку въ Углецкой уѣздъ разсыльщика да двух пушкарей давалъ. А нынѣ, господа, сборщикъ Петръ Давыдовъ хочетъ ѣхати на Устюжну и проситъ у меня пушкарей 3 человѣкъ да подводъ. На Углечѣ, господа, только и ратныхъ людей и на разсылку 6 человѣкъ пушкарей, и трехъ человѣкъ по государеву указу послалъ въ Углецкой уѣздъ для даточныхъ людей, а три жъ больны. И мнѣ, господа, сборщику Петру Давыдову на Устюжну пушкарей дати не можно, потому что мѣсто дальнее и переѣздъ большой, проѣздятъ долго. А нынѣ время всполошное, безъ нихъ быти не мошно. А разсыльщика ему давалъ, но одного разсыльщика не емливалъ. А подводъ на Углечѣ нѣтъ же, ямъ разбѣжался, а внову не устроенъ, а посадцкіе люди подводъ давати не хотятъ, потому что оные ослушники по Государеву указу и по вашему наказу даточнаго ему дали.

23. 1617 г. Января 11. Царская грамота на Мологу прикащику И. Боркову о разборѣ дѣла по иску старца Аѳонасьевскаго монастыря Тихона.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Мологу, прикащику Ивану Боркову. Билъ намъ челомъ съ Мологи Аѳонасьевскаго монастыря старецъ Тихонъ, а въ мирехъ Посникъ Петровъ. А сказалъ: былъ де онъ на Углечѣ въ недѣлѣхъ два годы, за денежное жалованье и за полонское терпѣніе, а стоялъ де онъ на Углечѣ, на посадѣ, у вдовы Марѳы Нестеровы да у брата ея, у Митьки Кузнеца, и положилъ де у нихъ на соблюденіе 15 рублевъ на постриганіе, и въ прошломъ де, въ 124 году, просилъ де у нихъ денегъ своихъ и они ему и посямѣста не отдадутъ. И будетъ такъ, какъ намъ старецъ Тихонъ билъ челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота

придетъ, и тыбъ велѣлъ отвѣтчиковъ, вдову Мароицу да ее брата Митьку, съ исцомъ съ очей на очи передъ собою поставить да въ томъ бы ихъ судилъ и сыски всякими сыскалъ на крѣпко, да по суду своему и сыску межъ ими управу учинилъ безволокитно по нашему указу, до чего доведется. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125 году, Генваря въ 11 день.

24. 1617 г. Марта.—Грамота воеводѣ П. Г. Дашкову объ отдачѣ на поруки крестьянъ Колычева въ иску крестьянина П. Панкратова въ боѣ и грабежѣ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Руси, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ думного діяка нашего, Петра Третьякова, Углецкого уѣзда, села Егорьевскаго, крестьянинъ, Первушка Панкратовъ, Ярославльского уѣзду, приселка Ивановского, на Иванова чоловѣка Колычева, на Сидорка, да на крестьянъ его на Якушка Еустратова, да на Романика Филипова, да на Шестошка Яковлева, да на Өедька Кузмина, да на Меньшика Шестакова Юрьевыхъ дѣтей, да села Романова на Иванова крестьянина на Волкова, на Ивашка Дементьева, а сказалъ: въ прошломъ де, въ 124 году, во Спожины година, былъ де тотъ Первушка въ Ерославскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поводновѣ, у Давыдовскія жены Жеребцова, и поѣхалъ къ себѣ съ сыномъ своимъ, и какъ де будетъ на рѣчкѣ на Поводновской, и тѣ де Ивановъ чоловѣкъ Колычова, Сидорка, съ тѣми крестьяны, которые въ сей нашей грамотѣ имены писаны, учели де его Первушку бить и грабить; а грабежу де у него взяли лошадей и платья, и денегъ всего на 22 рубля съ полтиною. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а тотъ будетъ Иванъ на нашу службу не посланъ, и тыбъ того Иванова чоловѣка Сидорка да и крестьянъ его, которые въ сей нашей грамотѣ имены писаны, велѣлъ ихъ подавать на поруки съ записьми, а за поруками учинилъ имъ срокъ стать на Москвѣ въ Володимірскомъ въ судномъ приказѣ передъ бояриномъ нашимъ, передъ княземъ Иваномъ Ондреевичемъ Хованскимъ, да передъ Юрьемъ Яковлевичемъ Строниловымъ да передъ діякомъ нашимъ, передъ Яковомъ Демидовымъ, на срокъ .... нынѣшнего 125 году, да и запись по нихъ поручную прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, на тотъ же срокъ съ отпискою вмѣстѣ. А къ отвѣту бы еси прислалъ изъ нихъ двy или трехъ, кого они промежъ себя излюбятъ. Пи-

сана на Москвѣ, лѣта 7125, Марта въ—день.

На оборотѣ надпись: На Углечь воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 125, Апрѣля въ 17 день.

На склейкѣ скрѣпа: Діакъ Яковъ Демидовъ.

25. 1617 г. Марта 6. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о постройкѣ богадѣльныхъ избъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечь, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ съ Углеча богадѣленный старецъ Дружинка Савельевъ и во всѣхъ товарищевъ своихъ мѣсто, а сказалъ: было при прежнихъ государѣхъ на Углечѣ устроено имъ 3 избы; и какъ де шелъ Лисовской мимо Углеча съ литовскими людьми и тѣ де богадѣленныя избы литовскіе люди сожгли. И въ прошломъ де, въ 124 году, по нашему указу велѣно де избы на Углечѣ воеводѣ нашему Ивану Волконскому поставить имъ, 33 человѣкамъ, 3 избы и тѣ де избы и посямѣсто имъ не поставили. И намъ бы ихъ пожаловати, велѣти бъ имъ тѣ богадѣленныя избы поставити. И мы съ Углеча богадѣленныхъ старцовъ Дружину Савельева съ товарыщи пожаловали, велѣли имъ на Углечѣ тѣ богадѣленныя избы поставити изъ Углецкихъ изъ таможенныхъ доходовъ прошлого 124 году. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ богадѣленнымъ старцамъ 33 человѣкомъ велѣлъ Углечаномъ посацкимъ людемъ богадѣленныя 3 избы поставити изъ Углецкихъ изъ таможенныхъ доходовъ прошлаго 124 году. А что у нихъ на тѣ богадѣленныя избы таможенныхъ денегъ выдетъ, и ты бъ то все велѣлъ написати въ книги да о томъ бы еси отписалъ къ намъ, къ Москвѣ, а отписку велѣлъ отдати въ приказѣ Большого Дворца боярину нашему, Борису Михайловичу Салтыкову да дьякомъ нашимъ, Ивану Болотникову съ товарыщи. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125, Марта въ 6 день.

На оборотѣ надпись: На Углечь воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 125, Марта въ 27 день.

26. 1617 г. Марта 15. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о высылкѣ въ Пушкарскій приказъ росписи запасовъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи, на Углечь, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Какъ къ тебѣ

ся наша грамота придетъ и тыбъ тотчасъ велѣлъ на Угличѣ переписать нарядъ: пушки и пищали полуторныя, и девятипядныя, и полковыя, мѣдяныя и желѣзныя, и затинныя, и у которыя пищали вѣсомъ въ колько гривенокъ ядро, и зелье, и свинецъ, и всякіе пушешные запасы, да о томъ къ намъ отписалъ и наряду роспись и зелью, и свинцу, и всякимъ пушешнымъ запасомъ прислалъ къ намъ съ кѣмъ пригоже, а отписку и роспись велѣлъ отдати въ Пушкарскомъ приказѣ князю Лукѣ Өедоровичу Щербатаго да дьяку нашему Өилиппу Ларіонову. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125, Марта въ 15 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 125, Апрѣля въ 8 день.

27. 1617 г. Марта 19. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову объ отдачѣ на поруки крестьянъ въ иску Т. Садыкова.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ Ярославского уѣзда, приселка Голышкина, Ивановъ человѣкъ Никиөоровича Давыдова, Жданко Садыковъ, Ярославского уѣзда, Верховского стану, села Полуева, на Ивановыхъ крестьянъ Хрипунова, на Өоньку Васильева, деревни Мотковой, да Приселка Ивановского, на Шестунку Григорьева, деревни Петинской, на церковного дьячка, на Сеньку Васильева сына Попова, да на Игнатьева крестьянина Ноугородова, приселка Клысковского, деревни Голенищева, на Кирилка Порфирьева сына. А сказалъ: въ прошломъ де, во 124 году, въ Филиповъ постъ, на первой недѣлѣ, въ суботу, взялъ де отъ него тотъ Өоня на перехватъ 3 рубли денегъ, и тѣхъ де денегъ и посямѣсто ему не отдастъ. А тотъ де Шестунко поручался по крестьянинѣ, по Гришкѣ Левоновѣ, въ 4 рубляхъ съ товарыщи и запись де по немъ поручная есть, и по той де записи тѣхъ ему денегъ не платитъ и посямѣсто. А тотъ де церковной дьячокъ Семенка взялъ у него сѣна на полтора рубли, и тѣхъ де денегъ ему за то сѣно не платитъ и посямѣста; да онъ же Семенка его Жданка лаетъ и жену его лаетъ матерны и всякого неподобнаго лаею. А тотъ де Игнатьевъ крестьянинъ Кирилка по того Жданка по записи поручной на Угличѣ обиненъ и ему де стало въ томъ Кирилку убытку на 4 рубли, выкупаючи поручную запись. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а тѣ будетъ

не на службѣ, и ты бъ послалъ, кого будетъ пригоже, а велѣлъ тѣхъ крестьянъ Өеоньку Васильева съ товарыщи, которые въ сей нашей грамотѣ имяны писаны, въ томъ иску велѣлъ дать на поруки съ записьми, а за поруками учинилъ имъ срокъ стать на Москвѣ въ Володимерскомъ въ судномъ приказѣ, передъ княземъ Иваномъ Ондреевичемъ Хованскимъ да передъ Юрьемъ Яковлевичемъ Стромиловымъ, да передъ діакомъ нашимъ передъ Яковомъ Демидовымъ, на Вербное воскресенье, нынѣшняго 125 году, да и записи бы еси по ихъ поручныя прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, на тотъ же срокъ съ отпискою вмѣстѣ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125, Марта въ 19 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 125, Апрѣля въ 9 день.

Ниже у самаго края: Морозовъ.

На склейкѣ: Діакъ Яковъ Демидовъ.

28. 1617 г. Марта 22. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову объ отдачѣ на поруки вдовы У. Пандычиной въ иску Троицкаго Сергіева монастыря слуги, Н. Дозорова.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря слуга, Назаръ Дозоровъ, на вдову Ульяну Никифоровскую жену Пандычина, а сказалъ: въ прошломъ де, во 122 году, занялъ у него мужъ ея Микиөоръ 5 чети ржи, 5 чети овса, въ Кашинскую мѣру, да 2 рубли денегъ. И тѣхъ де ему денегъ и хлѣба Микиөоръ Пандычинъ не заплатилъ. И нынѣ де того Микиөора не стало, а послѣ деи его осталась жена его, вдова Ульяна, и того хлѣба и денегъ ему не платитъ же. И будетъ такъ, какъ намъ троицкой слуга, Назаръ Дозоровъ, билъ челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тое вдову Ульяну въ исцовѣ въ Назаровѣ иску Дозорова, въ 10 четѣхъ ржи и овса, да въ 2 рублѣхъ денегъ, велѣлъ дати на поруку съ записью, а за порукою человѣку, кого она въ свое мѣсто къ отвѣту пошлетъ, велѣлъ учинить срокъ стати къ отвѣту на Москвѣ, въ приказѣ Большого Дворца передъ бояриномъ нашимъ, передъ Борисомъ Михайловичемъ Салтыковымъ, да передъ діаки наши, передъ Иваномъ Болотниковымъ да передъ Богданомъ Кашкинымъ, да передъ Патрекѣемъ Насоновымъ,

на срокъ, на Радуницу, нынѣшнего 125 года, и запись поручную прислалъ къ Москвѣ на тотъ же срокъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125, Марта въ 22 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 125, Апрѣля въ 15 день.

На склейкѣ скрѣпа: Діакъ Богданъ Кашкинъ.

29. 1617 г. Марта 30. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о возвращеніи взятыхъ съ Кашина подводъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. По нашему указу велѣно было взять съ Кашина, съ посаду, и съ Кашинскаго уѣзда 30 подводъ добрыхъ и съ проводники и поставить на Углечѣ для нашихъ скорыхъ посольскихъ дѣлъ. И въ то число Кандалъ Матчинъ доправилъ на Кашинскихъ охотникахъ 10 подводъ и отвелъ на Углечъ; 20 подводъ велѣно было доправить съ Кашина, съ посаду, и съ уѣзда Остаѳью Грознову. И нынѣ мы указали тѣ подводы, которыя взяты изъ Кашина на Углечь, свести ихъ назадъ въ Кашинъ, а ямскую гоньбу указали мы гонять съ Кашинскаго яму по прежнему, а впередъ съ Кашина и съ Кашинскаго уѣзда подводъ на Углечь править не велѣли. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ тѣ Кашинскія подводы, которыя привелъ изъ Кашина на Углечь Кандалъ Матчинъ или что доправилъ Остаѳей Грозновъ, отпустилъ назадъ въ Кашинъ тотчасъ; потому указали мы Кашинскимъ охотникамъ ямскую гоньбу гонять съ Кашинскаго яму по прежнему. Писана на Москвѣ, лѣта 7125, Марта въ 30 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 125, Апрѣля въ 15 день.

На оборотѣ же внизу: Справилъ Микитка Злобинъ.

30. 1617 г. Апрѣля.—Царская грамота о выведеніи назадъ за П. Томасова бѣглаго его крестьянина Марка съ женою и съ дѣтьми.

(*Начало утрачено*)....

ксѣя въ вотчину, въ деревню Порѣчье вывезли. И нынѣ намъ билъ челомъ переводчикъ Павелъ Томосовъ, а сказалъ, что де того ихъ

крестьянина Марка съ женою и съ дѣтьми тотъ Васильевъ, да Олексѣевъ прикащикъ Нагихъ, Ивашка, со крестьяны изъ за нихъ вывезли; и нынѣ де того ихъ крестьянина за собою таятъ. А онъ де Павелъ нынѣ на нашей службѣ съ послы на Тихвинѣ и та де вотчина отъ того ихъ насильства запустѣла, а тотъ де крестьянинъ Марко старинный жилецъ изъ ихъ вотчины. И намъ бы его пожаловати, велѣти того его крестьянина Марка съ женою и съ дѣтьми и со всѣми его животы отдать ему Павлу назадъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а тотъ будетъ крестьянинъ Марко съ женою и съ дѣтьми за Васильемъ да за Олексѣемъ живетъ и нынѣ, или гдѣ про того крестьянина про Марка Павловъ человѣкъ, свѣдавъ, скажетъ, и ты бъ для того крестьянина Марка послалъ пристава, кого будетъ пригоже, давъ ему разсыльщиковъ и пушкарей, сколько человѣкъ пригоже, а велѣлъ того крестьянина Марка съ женою и съ дѣтьми, и со всѣми животы, и съ хлѣбомъ вывести назадъ за Павла Томасова въ старой его дворъ и на пашню, гдѣ онъ жилъ напередъ сего. А будетъ Васильевъ да Олексѣевъ прикащикъ Ивашко или тѣ люди, за кѣмъ того крестьянина сыщутъ, того крестьянина за собою учнутъ таить или въ чемъ будетъ межъ ими учинтца споръ, и ты бъ того Олексѣева да Васильева прикащика, Ивашка, да старосту Михалка или тѣхъ людей, за кѣмъ того крестьянина сыщутъ, подавалъ на поруки съ записьми и по нихъ порушныя записи прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, въ Володимерской въ судной приказъ, къ боярину нашему, ко князю Ивану Ондреевичу Хованскому да къ Юрью Яковлевичу Строминлову да діяку нашему, къ Якову Демидову, съ отпискою вмѣстѣ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125, Апрѣля въ 1 день.

На оборотѣ скрѣпа: Дьякъ Яковъ Демидовъ.

31. 1617 г. Апрѣля 4. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о выдачѣ людямъ думнаго дьяка П. Третьякова 50 рублей изъ Углецкихъ доходовъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ думной нашъ дьякъ Петръ Третьяковъ, чтобъ намъ его пожаловати, велѣти у него взять въ нашу казну на Москвѣ 50 рублевъ, а въ то мѣсто велѣти бъ деньги дати людемъ его на Угличѣ изъ нашихъ изъ Углетцкихъ доходовъ. И по нашему указу у думного нашего дьяка, у Петра Третьякова, 50 рублевъ въ нашу казну на Москвѣ

взяты. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ велѣлъ на Угличѣ кабацкимъ и таможеннымъ цѣловальникамъ дати думнаго нашего дьяка Петра Третьякова людемъ изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ 50 рублевъ да въ тѣхъ деньгахъ велѣлъ бы еси у Петровыхъ людей взяти отпись и отдати кабацкимъ и таможеннымъ цѣловальникамъ впредь для спору; да тѣ деньги велѣлъ бы еси имъ у себя написати въ книги. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7125, Апрѣля въ 4 день.

На оборотѣ надпись: На Угличъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

32. 1617 г. Апрѣля 5. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову объ отставленіи отъ кабацкаго дѣла крестьянъ Псарной слободки и о выборѣ новыхъ кабацкихъ цѣловальниковъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Руси, на Угличъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ ловчей нашъ Григорей Григорьевичъ Моматовъ, а сказалъ: по нашему де указу дана ему на Угличѣ Псарная слободка и тое де слободки его крестьяне, Емелька Казимеровъ да Власко Жюлинъ, да Васька Столбовъ, сидятъ у нашего дѣла на Угличѣ въ кабацкихъ цѣловальникахъ. И намъ бы его пожаловати, велѣти тѣхъ его крестьянъ Емельку Казимерова съ товарищи изъ кабацкихъ цѣловальниковъ отставити. И будетъ такъ какъ намъ ловчей нашъ Григорей Григорьевичъ Моматовъ билъ челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ въ тѣхъ мѣсто цѣловальниковъ, которые нынѣ по нашему указу отошли въ ловчего путь, велѣлъ на Угличѣ выбрать цѣловальниковъ изъ Угличанъ, изъ посадцкихъ людей, добрыхъ и прожиточныхъ, кому бъ въ кабацкой казнѣ можно было вѣрити, и велѣлъ бы еси ихъ привести х крестному цѣлованію, на томъ, что имъ, будучи на кабакѣ, наши кабацкія деньги сбирати въ правду, по нашему крестному цѣлованію, и самимъ имъ тѣми кабацкими деньгами не корыстоватца, и кабацкаго питья самимъ даромъ не пить и стороннихъ людей кабацкимъ питьемъ никого даромъ не поить, и кабацкіе всякіе запасы покупать на кабакъ во время, какъ въ которую пору какіе запасы дешевле бываютъ, и во всемъ искати нашей кабацкой казны прибыли. А приведчи ихъ ко кресту, велѣлъ имъ на кабакъ быти и кабацкую прибыль сбирати велѣлъ, а Псарныя слободки крестьяномъ

Емелькѣ съ товарищи быти на кабакѣ въ цѣловальникѣхъ не велѣлъ, потому что имъ у нашего дѣла быти не пригоже. Писана на Москвѣ, лѣта 7125, Апрѣля въ 5 день.

На оборотѣ надпись: На Угличъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 125, Апрѣля 11, Григорея человѣкъ Моматова Богданъ Михайловъ.

На оборотѣ же внизу надпись: Справилъ подьячей Микифорко Шипулинъ.

33. 1617 г. Апрѣля 21. Поручная запись по соборномъ священникѣ, С. П. Паутовѣ.

Се мы Углечане посадцкіе люди Пятой Нестеровъ сынъ Ляпинъ, хлѣбникъ, да язъ Тимоѳей Мартьяновъ сынъ Красильницынъ, да язъ Олексѣевского монастыря крестьяне Борисъ Оноѳрѣевъ сынъ Колачникъ, да язъ Сава Овдѣевъ сынъ, прозвища Копылъ, поручилися есмя воеводѣ Петру Григорьевичу Дашкову да губному старостѣ Второму Прокофьеву сыну Демьянову по попѣ, по Степанѣ Павловѣ сынѣ Паутовѣ, въ томъ: быти ему за нашею порукою на Углечѣ у соборные церкви, у Преображенья Спасова, и служити ему свои недѣли, и Государева жалованья хлѣбного и денежного не снести и не сойтить. А не учнетъ онъ попъ Степанъ за нашею порукою быти на Угличѣ у соборныя церкви, у Преображенья Спасова, или не учнетъ служити своихъ недѣль, или Государева жалованья хлѣбноя или денежноя снесетъ, или сойдетъ, и на насъ на порутчикѣхъ пеня Государя, Царя и Великаго Князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи, пеня, что̀ Государь укажетъ, и Государево хлѣбное и денежное жалованье. А кои насъ порутчиковъ въ лицахъ, на томъ Государева пеня и порука. А на то послуси Потапъ Сазоновъ сынъ Вахонинъ. А запись писалъ Ивашко Ѳедосѣевъ. Лѣта 7125 году, Апрѣля въ 21 день.

На оборотѣ подписи: Меня попа Степана ручали и руку приложилъ. Къ сей записи въ послусѣхъ Потапъ руку приложилъ.

34. 1617 г. не ранѣе Мая 20. Дѣло о лаѣ и боѣ кабацкихъ цѣловальниковъ М. П. Коптева и И. Васильева.

(*Начало оторвано*).

..... Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ сирота твой, Углечанинъ посатцкой человѣкъ, кабацкій цѣло-

вальничишко, Михалко Павловъ сынъ Коптевъ. Жалоба, Государь, мнѣ на Углечанина на посатцкого человѣка, на кабацкого жъ цѣловальника, на Левонтья Иванова сына Арсенева. Дѣялось, Государь, въ нынѣшнемъ во 125 году, послѣ Велика дни въ другое воскресенье; пришелъ, Государь, тотъ Левонтей на кабакъ къ недѣльной клѣткѣ, а я сирота твой въ тѣ поры сидѣлъ въ той клѣткѣ на недѣлѣ, и тотъ, Государь, Левонтей меня сироту учалъ бранити всякою неподобною бранью и бить по щекамъ, и убилъ до полусмерти, и бранилъ меня матерны со всѣми выборы. Милостивый Государь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, смилуйся, вели, Государь, мнѣ на того Левонтья въ томъ бою и въ безчестьи дать свой царскій судъ и управу. А увѣчью моему и безчестью, что̀ ты, Государь, укажешь. Царь, Государь, смилуйся.

И отвѣтчикъ Лева Арсеньевъ выслушавъ челобитную въ отвѣтѣ сказалъ: приходилъ де на кабакъ и говорилъ тому Михайлу, что онъ сидитъ у государевы казны пьянъ, а матерны де его съ выборомъ не лаивалъ и по ушемъ ни бивалъ, тѣмъ де его клеплетъ.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ исца Михалка Коптева выспросилъ, чѣмъ его уличаетъ. И истецъ Михалко уличалъ крестнымъ цѣлованіемъ.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ истца Михалка Коптева выспросилъ: сверхъ крестнаго цѣлованія, кому у тебя про то вѣдомо, что Лева Арсеньевъ на кабакѣ лаялъ тебя и съ выборомъ и по щекамъ билъ.

И истецъ Михалко подалъ двѣ ссылочныя памяти и въ памятѣхъ пишетъ: Да сверхъ, Государь, крестнаго цѣлованья, шлюсь изъ виноватыхъ на Ярославского выборного цѣловальника, на Исая Васильева, въ томъ: какъ тотъ меня Левонтей, въ клѣткѣ за государевымъ питьемъ, билъ по щекамъ и бранилъ матерны со всѣмъ выборомъ, и тотъ Исай то видѣлъ и слышалъ; въ томъ на него шлюся.

Да шлюсь, Государь, изъ виноватыхъ на Углетцкого цѣловальника, на Любима Иванова сына Долгого, въ томъ: какъ тотъ Левонтей меня, въ клѣткѣ за Государевою казною, билъ по щекамъ и бранилъ метерны со всѣмъ выборомъ, онъ то видѣлъ и слышалъ; въ томъ на него шлюся.

Противъ ссылочной памяти на оборотѣ надпись: Въ послушество ему де своякъ.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ отвѣтчика Леву Арсеньева

выспросилъ: на исцову правду, на свою жь братью, на вѣрныхъ выборныхъ цѣловальниковъ, на Исая и на Любима, въ томъ шлешься ли, что его Михалка матерны не лаивалъ и по щекамъ не бивалъ? И отвѣтчикъ Лева Арсеньевъ выслушалъ ссылочныхъ памятей на свою братью, на вѣрныхъ цѣловальниковъ, на Исая и на Любима, слался въ послушество: Исай де съ нимъ бранится, а Любимъ де Долгой тому Михаилу своякъ. И воевода Петръ Григорьевичъ исца Михайла выспросилъ: сверхъ того, кому еще у тебя про то вѣдомо, что Лева Арсеньевъ тебя на кабакѣ и съ выборомъ лаелъ и по щекамъ билъ.

И истецъ Михайло далъ другія двѣ ссылочныя памяти, и въ памятѣхъ пишетъ: Да шлюсь, Государь, изъ виноватыхъ на кабацкого подъячего, на Любима Скорикова, въ томъ: какъ тотъ Левонтей меня на кабакѣ билъ въ клѣткѣ по щекамъ и бранилъ матерны со всѣмъ выборомъ, онъ видѣлъ де и слышалъ; въ томъ на него шлюся.

Да шлюсь, Государь, изъ виноватыхъ на посатцкихъ людей, на Василья Коптева да на Ивана Ожгихина въ томъ: какъ тотъ Левонтей меня въ клѣткѣ, на кабакѣ за государевою казною, билъ по щекамъ и бранилъ матерны со всѣмъ выборомъ, и они то видѣли и слышали; въ томъ на нихъ шлюсь.

На оборотѣ ссылочныхъ памятей написано: Въ послушество. Въ послушество Коптевъ де ему братъ, а тотъ де голышъ, на кабакѣ на чарку душу отдастъ.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ отвѣтчика Леву Арсеньева выспросилъ: на исцову правду, на дьячка на Любимка и на посадцкихъ людей, въ томъ шлешься ли?

И отвѣтчикъ Лева выслушалъ ссылочныхъ памятей, на дьячка на Любимка слался въ послушество, съ нимъ де бранитца, а Васька де Коптевъ ему братъ, а Ванька де Ожгихинъ на кабакѣ голышъ, на чарку душу отдастъ.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ исца Михалка Коптева выспросилъ: сверхъ тѣхъ ссылочныхъ памятей, кому у тебя еще про то вѣдомо, что Левка Арсеньевъ матерны тебя и съ выборомъ лаялъ и по щекамъ билъ?

И истецъ Михалко Коптевъ далъ пять ссылочныхъ памятей и въ памятѣхъ пишетъ: Да шлюся, Государь, изъ виноватыхъ на Углетцкого пушкаря на Михалка въ томъ: какъ тотъ Левонтей меня на кабакѣ, въ клѣткѣ за государевою казною, билъ по щекамъ и бранилъ матерны

со всѣмъ выборомъ, онъ то слышалъ и видѣлъ; въ томъ на него шлюся.

На оборотѣ ссылочной памяти надпись: Въ послушество. Тотъ де изъ чарки винной душу отдастъ.

Да шлюсь, Государь, изъ виноватыхъ на Углетцкаго ямщика на Завьялку Сергѣева въ томъ: какъ тотъ Левонтей меня на кабакѣ въ клѣткѣ, за государевою казною, билъ по щекамъ и бранилъ матерни со всѣмъ выборомъ, и онъ то видѣлъ и слышалъ; въ томъ на него шлюся.

На оборотѣ ссылочной памяти надпись: Въ послушество. Тотъ де Завьялко на винную чарку душу отдастъ.

Да шлюсь, Государь, изъ виноватыхъ на кабатцкихъ пивоваровъ, на Кипру да на Онику, въ томъ: какъ тотъ меня Левонтей на кабакѣ, въ клѣткѣ за государевою казною, билъ по щекамъ и бранилъ матерны со всѣмъ выборомъ, и они то видѣли и слышали; въ томъ на нихъ шлюся.

На оборотѣ ссылочной памяти надпись: Левонтей слался на нихъ же изъ виноватыхъ.

Да шлюся, Государь, изъ виноватыхъ на Веселова на Пиная въ томъ: какъ тотъ Левонтей меня на кабакѣ, въ клѣткѣ за государевымъ питьемъ, билъ по щекамъ и бранилъ матерны со всѣмъ выборомъ, и онъ то видѣлъ и слышалъ, въ томъ на него шлюся.

На оборотѣ ссылочной памяти надпись: Въ послушество. Слался же изъ виноватыхъ.

Да шлюсь, Государь, изъ виноватыхъ на кабацкихъ ярыжныхъ, которые живутъ на верхнемъ кабакѣ, на старосту на Тереху Кривого съ товарыщи въ томъ: какъ тотъ Левонтей меня на кабакѣ, въ клѣткѣ за государевою казною, билъ по щекамъ и бранилъ матерны, и они то видѣли и слышали, въ томъ на нихъ шлюся.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ отвѣтчика Леву Арсеньева выспросилъ: на исцову правду, противъ ссылочныхъ памятей шлешься ли, что ты Михалка Коптева матерны съ выборомъ не лаивалъ и по щекамъ его не бивалъ.

И онъ отвѣтчикъ Лева выслушавъ ссылочныхъ памятей на пушкаря на Михалка, на ямщика Завьялку Сергѣева да на Веселова на Пинайка слался въ послушество: ямщикъ де и скоморохъ, на чарку винную душу дадутъ. А на пивоваровъ кабацкихъ, на Кипра, на Онику да на ярыжныхъ верхняго кабака слался жъ отвѣтчикъ Лева изъ виноватыхъ въ томъ: что де онъ Лева того Михалка Коптева на кабакѣ матерны

и съ выборомъ не лаивалъ и по щекамъ его не бивалъ. Будетъ де пивовары съ ярыжные скажутъ, что де онъ тому Михайлу матерны и со всѣмъ выборомъ лаялся и по щекамъ билъ, и онъ де Левка въ томъ виноватъ.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ велѣлъ вопчюю правду, пивораровъ Кира и Онику и кабацкихъ ярыжныхъ, къ допросу поставить передъ собою тотчасъ.

Того жъ часу Ярославской выборной цѣловальникъ Исай подалъ челобитную, а въ челобитной пишетъ:

Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ сирота твоя Ярославля выборной цѣловальничишко, Исайка Васильевъ. Жалоба, Государь, мнѣ на Углечанина на посадцкаго цѣловальника на Левонтья Иванова сына Арсеньева. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, послѣ Велика дни въ другое воскресенье, пришелъ, Государь, тотъ Левонтей на кабакъ и учалъ бранити матерны недѣльнаго цѣловальника, которой сидитъ на недѣлѣ на кабакѣ, въ клѣткѣ за твоимъ Государевымъ питьемъ, Михайла Коптева, и бить по щекамъ, и язъ, Государь, учалъ говорить тому Левонтью: за што ты пришелъ къ недѣльному цѣловальнику и бранишь и бьешь по щекамъ? И тотъ Левонтей меня сироту учалъ бранити всякою неподобною матерны и говорилъ, блядинъ де ты сынъ и съ тѣмъ, кто тебя выбиралъ. И мнѣ сиротѣ отъ того сильного у твоей Государевой казны на Угличѣ въ цѣловальничишкахъ быти не мочно. Милостивый Царь, Государь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, смилуйся, вели, Государь, мнѣ съ тѣмъ въ томъ свой Царской указъ учинить, а въ безчестьи моемъ съ нимъ дать свой Царской судъ и управу. А безчестью моему, что ты Государь укажешь. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

Того жъ дни воеводѣ Петру Григорьевичу Дашкову вопчая правда ярыжной Терешка Кривой въ допросѣ сказалъ, по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровита всеа Русіи крестному цѣлованью, видѣлъ де онъ Терешка, вчерась пришелъ де Левонтей Арсеньевъ съ двема шурьями, Олексѣевского монастыря со крестьяны Семеномъ да съ Иваномъ Елизаровыми, пьянъ на кабакъ, въ анбаръ, и вышедчи де изъ кабацкого анбара Михайла Коптева лаялъ матерны и съ выборомъ, и съ тѣмъ хто де васъ выбиралъ, и по уху де Михайла Коптева Левонтей Арсеньевъ у клѣтки дважды зашибъ, и шу-

ринъ де его Семенъ отъ того Михайла отвелъ; а Михайло де Коптевъ отъ того Левонтья отходилъ и ему не бранилъ. А Левонтей де лаялъ матерны Михайла и Исая, и говорилъ имъ: меня де во всемъ спрашивайтеся; язъ де вамъ лутчи головы; хотя де заставлю васъ себя разувать, и вы де меня разувайте, наемщики де. И съ выборомъ матерны де лаялъ и съ тѣмъ, хто де васъ выбиралъ.

Ярыжной же Кораулко Кобелевъ при допросѣ сказалъ, по Государеву крестному цѣлованью: вчерась де пришелъ на кабакъ Левонтей Арсеньевъ съ шурьями пьянъ и Исая де цѣловальника и съ головою, и Михайла Коптева съ выборомъ матерны лаялъ и съ тѣмъ, хто де васъ и выбиралъ, Михайла де Коптева дважды по щекѣ зашибъ, а Михайло отъ него отходилъ.

Киръ, пивоваръ, въ допросѣ сказалъ, по Государеву крестному цѣлованью: вчерась де на кабакѣ Левонтей Арсеньевъ цѣловальника Исая и Михайла Коптева, пьянъ, матерны лаялъ, и съ тѣмъ, хто де васъ и выбиралъ, и голову матерны лаялъ. А билъ де не видалъ, а Михайла де, отъ Левонтья отшедчи, въ клѣткѣ плакалъ, а съ Левонтьемъ не бранился и отъ него отходилъ.

Ярыжной Пинайко и пивоваръ Оника въ допросѣ сказали по Государеву крестному цѣлованью: что въ ту пору тутъ не были, а слышали, что Левонтей Михайла матерны лаялъ.

И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ велѣлъ исца и отвѣтчика до вершенья судного дѣла дать на поруки съ записьми.

У дѣла приставъ Василій пушкарь.

И Мая жъ въ 20 день истецъ Михалко Коптевъ да Исай Васильевъ съ отвѣтчикомъ съ Левонтьемъ Арсеньевымъ съ очей на очи, передъ воеводою передъ Петромъ Григорьевичемъ Дашковымъ, сказали, что въ томъ дѣлѣ межъ себя помирилися; пошлины де на отвѣтчикѣ на Левѣ Арсеньевѣ.

И 126, Марта въ 13 день, съ того суда пошлинъ съ Михалкова безчестья Коптева съ пяти рублевъ да съ Исаева безчестья съ пяти жъ рублевъ рубль, да пересуду двѣ гривны, правого десятка четыре деньги на отвѣтчикѣ на Левѣ Арсеньевѣ взято.

35. 1617 г. послѣ 9 Іюня. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о незаконныхъ дѣйствіяхъ посадскаго Г. Чернобровкина.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Ру-

сіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, Іюня въ 9 день, били челомъ тебѣ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи и принесли ко мнѣ холопу твоему челобитную Углечане посадцкіе люди Макарко да Богдашка съ товарыщи на посадцкого же человѣка, на Гришу Чернобровкина. А сказали, что де тотъ Гриша Чернобровкинъ на ихъ мірскомъ окладѣ скупаетъ ихъ посадцкіе дворы дешевою цѣною, воровски; и посадцкого же человѣка Поспѣлка Минина тяглой дворъ, безъ твоего Государева указу, продалъ твоего Государева думнаго дьяка Петра Третьякова прикащику, Богдану Пасынкову, въ бѣлое мѣсто; и имъ де посадцкимъ людемъ подлѣ того двора суседемъ, покиня свои дворы, бѣжати съ города. И я холопъ твой, собравъ ихъ земскихъ старостъ и всѣхъ посадцкихъ людей, Гришку Чернобровкина выспрашивалъ: почему онъ Гриша тягловой дворъ, черное мѣсто, продаетъ, безъ твоего Государева указу, въ бѣлое мѣсто. И Гриша Чернобровкинъ сказалъ, что онъ тяглой дворъ Поспѣлка Минина, безъ твоего Государева указу, продалъ твоего Государева думного дьяка Петра Третьякова прикащику, Богдану Пасынкову. А земскіе старосты и посадцкіе люди съ городомъ сказали, что того тяглого двора Поспѣлкова Гришѣ Чернобровкину купити и продавати никому не веливали. И я, холопъ твой, того Гришу Чернобровкина въ томъ его воровствѣ велѣлъ отдати на поруку съ записью до твоего Государева указу.

36. 1617 г. Іюля 24. Отписка воеводы П. Г. Дашкова объ отказѣ А. Ю. Сицкому села Зеленцова съ деревнями въ помѣстье.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, по твоей Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи грамотѣ, изъ Помѣстного приказу, за приписью Дьяка Герасима Мартемьянова, велѣно мнѣ холопу твоему послать кого пригоже, въ Углецкой уѣздъ, въ Елоцкой станъ, въ Ѳеонасьево да въ Остаѳьево помѣстье Желябужскихъ, въ село Зеленцово съ деревнями, да то ихъ помѣстье, а въ немъ пашни 315 чети, велѣно отказати твоему Государеву бояриву князю Олексѣю Юрьевичу Ситцкому въ помѣстье жъ со всѣми угодьи, да тѣ отказныя книги за поповыми руками и за отказщиковою рукою велѣно прислать къ тебѣ, къ Государю, къ Москвѣ, въ Помѣсной приказъ, И по твоей Госуда-

ревѣ, Царевѣ и Великаго Князя всеа Русіи грамотѣ, я холопъ твой въ Углецкой уѣздъ, въ Елоцкой станъ, Ѳонасьева да Остаѳьева помѣстья Желябужскихъ, села Зеленцова съ деревнями, боярину князю Олексѣю Юрьевичу Ситцкому въ помѣстье жъ сына боярскаго Богдана Муранова отказывати посылалъ. И каковы, Государь, отказныя книги сынъ боярской Богданъ Мурановъ за поповыми руками ко мнѣ холопу твому привезъ, и я холопъ твой тѣ отказныя книги послалъ къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, съ сею отпискою, и велѣлъ отдати въ Помѣсномъ приказѣ твоимъ Государевымъ дьякамъ Ѳедору Шушерину да Герасиму Мартемьянову. Такова жъ отписка и отказныя книги посланы къ Государю, къ Москвѣ, въ Помѣсной приказъ боярина князя Олексѣя Юрьевича Ситцкаго съ человѣкомъ, Семеномъ, Іюля вь 24 день. Книги отказныя Углецкого уѣзду боярина князя Олексѣя Юрьевича Ситцкого помѣстью отдати въ Помѣсной приказъ.

37. 1617 г. Іюля 24. Отписка воеводы П. Г. Дашкова на царскія грамоты о ржи земскаго дьячка Якунки, посѣянной на землѣ князя Г. В. Мосальскаго.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125, Іюля въ 4 день, прислана ко мнѣ холопу твоему твоя Государева грамота изъ суднаго Володимерскаго приказу, за приписью твоего Государева дьяка Яковя Демидова, а въ той твоей Государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ холопу твоему послать кого пригоже, въ Углецкой уѣздъ, твоего Государева стольника князя Григорья княжъ Володимерова сына Кольцова-Масальскаго въ помѣстье, въ село Кои, да въ томъ помѣстьи земскаго дьячка Якунки Роспопа рожь, которую онъ сѣялъ, нынѣшнего 125 году, за князь Григорьемъ Масальскимъ живучи, на его тяглой землѣ, тое рожь велѣно пожати князь Григорьевыми людьми и крестьяны Масальскаго; а пожатое рожь велѣти скласти въ копны и огородить, и укрыть гораздо, и приказати тутошнимъ и окольнимъ людемъ съ порукою до твоего Государева указу, а безъ твоего Государева указу тое ржи отдавати никому не велѣно. И я холопъ твой, по той твоей Государевѣ грамотѣ, въ князь Григорьево помѣстье Масальскаго, село Кои, посылалъ сына боярскаго Богдана Муранова, а велѣлъ ему тое Якункину рожь князь Григорьевыми людьми и крестьяны пожати, и складть, и огородити, и укрыти гораздо, и

приказать беречи околльнымъ людямъ съ порукою до твоего Государева указу. И сынъ боярскій Богданъ Мурановъ Якункины ржи ужалъ 1060 сноповъ и свозилъ для бережи въ князь Григорьево жъ помѣстье, въ деревню Гелупово, да остальную рожъ хотѣлъ жати. И Іюля жъ, Государь, 12 дня, прислана ко мнѣ холопу твоему твоя Государева грамота изъ судного жъ Володимерского приказу, за приписью твоего Государева дьяка Якова Демидова, а въ той твоей Государевѣ грамотѣ, по челобитью Дмитрея Погожего, написано: пришелъ де за него, за Дмитрея, изъ князь Григорьева помѣстья Масальского, Койской волости, церковной дьячокъ Якунка Борисовъ и взялъ де онъ Якунко у князь Григорья Масальского въ наемъ пустоши Заполье пахати земли 3 десятины, и на той наемной землѣ, къ нынѣшнему, ко 125 году, сѣялъ рожъ и князь Григорей Масальской ему Якункѣ той ржи отдати не хочетъ. И тое Якункину рожь велѣно отдати Дмитрею Семеновичу Погожему, а у него въ томъ взять отпись. И я холопъ твой, по той твоей Государевѣ по другой грамотѣ, тому жъ сыну боярскому Богдану Муранову велѣлъ тое рожь Якункину отдати Дмитрея Погожего людемъ и крестьянамъ, а у нихъ въ томъ велѣлъ взять отпись. И сынъ боярскій Богданъ Мурановъ пріѣхавъ сказалъ мнѣ холопу твоему, что де Дмитреевъ человѣкъ Семеновича Погожего, Ерема Ѳроловъ, со Дмитріевы крестьяны тое жатую рожь 1060 сноповъ, въ князь Григорьеѣ помѣстьѣ Масальского, въ Гелуповѣ, взялъ, а отписи ему Богдану не даютъ, учинилися сильны и хотятъ и достальную рожь пожати. И Іюля жъ, Государь, вь 13 день, прислана ко мнѣ холопу твоему твоя жъ Государева грамота изъ судного жъ приказу, за приписью твоего Государева дьяка Якова Демидова, и по той твоей Государевѣ грамотѣ, по челобитью князь Григорья Масальского, велѣно тою жъ Якункину рожь, по прежнему, пожати князь Григорьевыми людьми и крестьяны, и складти въ копны, и укрыти, и огородити, и приказати беречи, кому будетъ пригоже, до твоего Государева указу, да о томъ отписати къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, въ судной приказъ. И по твоей Государевѣ грамотѣ я холопъ твой тои росписные Якункины ржи сына боярского Мизина Муранова жинати посылалъ и у Дмитреева человѣка Погожего и у крестьянъ жатую рожь велѣлъ взять назадъ, а велѣлъ тое всю рожь складти въ копны и укрыти, и огородити, и приказалъ беречи до твоего Государева указу. И сынъ боярскій Мизинъ пріѣхавъ сказалъ, что онъ тои достал-

на ржи ужалъ 550 сноповъ и тое де онъ рожь укрылъ и огородилъ, и приказалъ беречи тутошнимъ и окольнымъ людемъ, до твоего Государева указа, а тое де жатые ржи, 1060 сноповъ, Дмитрея человѣкъ Погожего, Ерема Ѳроловъ, и крестьяне ему не отдали и въ той ржи отпись не дали же.

Такова отписка послана къ Государю, въ Москвѣ, въ Володимерской въ судной приказъ съ Бушминымъ, Іюля въ 24 день.

38. 1617 г.—Память сына боярскаго М. И. Муранова о ржи посѣянной Якункою въ деревнѣ Запольѣ, князя Г. В. Масальскаго.

По Осподареву Царя и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу съ Углеча отъ воеводы Петра Григорьевича Дашкова сынъ боярскій Мизинъ Ивановъ сынъ Мурановъ жалъ спорные ржи Койской волости въ помѣстьѣ князь Григорья Володимеровича Кольцова-Мосальского, въ деревни Заполья, что сѣялъ Якунка Распопа къ нынѣшному, ко 125 году, недожинные ржи 550 сноповъ, и свезъ ту рожь во князь Григориву же деревню въ Гелупово, и приказалъ ту рожь князь же Ондреевымъ Ѳедоровича Мосальского крестьяномъ, старостѣ Семену Павлову да Савелію Яковлеву, да князь Ивановымъ крестьянамъ Петровича Мещерскаго, Конону Идину, да Покрова Пресвятыя Богородицы села Васильевскаго крестьянину Недосуху, что та имъ рожь беречи до Осподарева указу съ порукою, никому не отдавати до Осподарева указу. А память писалъ Миколы Чудотворца Койскіе волости вдовой попъ Семенъ.

39. 1617 г. Іюля 9. Отписка воеводы П. Г. Дашкова на царскую грамоту объ обыскѣ о крестьянахъ Б. Яковлева.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, Іюня въ 18 день, прислана ко мнѣ холопу твоему твоя Государева Царева и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамота изъ Разбойнаго приказу, за приписью твоего дьяка Ѳедора Лихачева, а по той твоей Государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ холопу твоему взяти у сыщика, у Михайла Калзакова, Балцура Яковлева крестьянъ Гришки Кислякова да Останки Шилкина приводъ и распросныя рѣчи, да мнѣ холопу твоему велѣно послати кого пригоже въ Углецкой уѣздъ, въ Моложской станъ, въ Балцурово помѣстье Яков-

лева, да около того помѣстья верстъ по пяти и по шти, по десяти, и по пятинадцати, и по двадцати, и по тридцати, и по сороку и больши, велѣти обыскати большимъ повальнымъ обыскомъ накрѣпко, архимандриты и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы по священству, а князьми и дворяны, и дѣтьми боярскими, твоихъ Государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и патріаршихъ, и митрополичихъ, и владычныхъ, и монастырскихъ, и дворянскихъ, и дѣтей боярскихъ селъ и деревень прикащики, и старосты, и цѣловальники, и крестьяны, и всякими многими людьми, по твоему Государеву крестному цѣлованію: Балцуря Яковлева крестьяне Гришка Кислякъ да Остапка Шилкинъ, какіе люди и чѣмъ промышляютъ, крадутъ ли и разбиваютъ ли, и инымъ какимъ воровствомъ воруютъ ли, и пріѣздъ къ себѣ татемъ и разбойникомъ, и всякимъ воровскимъ людемъ держатъ ли; и будутъ крадутъ и разбиваютъ, и кого имянемъ, и въ которомъ году, и о какую пору крали и разбивали, да кто что про то про все обыскные люди въ обыску скажутъ и мнѣ холопу твоему тѣ обыски за обыскныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ за руками, и приводъ, и распросныя рѣчи велѣно прислати къ тебѣ, къ Государю, къ Москвѣ, въ Разбойной приказъ. И по твоей Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамотѣ, я холопъ твой у сыщика, у Михайла Калзакова, Балцуря Яковлева крестьянина Гришки Кислякова приводъ и распросныя рѣчи взялъ и въ Углецкой и въ Ярославской уѣзды про того Гришку Кислякова сына боярскаго Петра Тугаринова да подъячего Ѳедора Терентьева обыскивати посылалъ и каковы, Государь, обыски сынъ боярской Петръ Тугариновъ да подъячей Ѳедоръ Терентьевъ ко мнѣ холопу твоему привезли и каковы распросныя рѣчи сыщикъ Михайло Калзаковъ мнѣ холопу твоему далъ и я холопъ твой тѣ распросныя рѣчи и приводъ, и обыски послалъ къ тебѣ, къ Государю, къ Москвѣ съ сею отпискою и велѣлъ отдати въ Разбойномъ приказѣ твоему Государеву боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву да Ѳедору Леонтьеву Бутурлину, да дьяку Ѳедору Лихачеву.

На оборотѣ написано: Такова отписка послана къ Государю къ Москвѣ въ Разрядъ, съ Богданомъ Маклаковымъ, Іюля въ 9 день, нынѣшняго 125 года.

Нѣсколько ниже другимъ почеркомъ: И обыски и приводъ, и распросныя рѣчи съ нимъ же.

40. 1617 г. Августа 8. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о расходѣ кабацкихъ денегъ.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. По твоему Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи указу, на Углецкомъ кабакѣ твою Государеву казну сбираютъ на тебя, Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи, на вѣру выборные люди, голова Степанъ Кочуровъ да цѣловальники Исакъ Васильевъ съ товарыщи. И для тѣхъ кабацкихъ денегъ присланъ на Угличъ сытникъ Микита Шапкинъ и по твоему Государеву наказу взялъ у головы у Степана и у цѣловальниковъ кабацкихъ денегъ 153 рубли. И тѣ кабацкія деньги сытникъ Микита Шапкинъ послалъ къ тебѣ, къ Государю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи, къ Москвѣ, съ кабацкимъ цѣловальникомъ съ Дмитріемъ Поздѣевымъ съ товарыщи. Да въ нынѣшнемъ же, Государь, во 125 году, Апрѣля въ 27 день, по твоей Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи грамотѣ, изъ приказа Большого Дворца, за приписью твоего Государева дьяка Патрекѣя Насонова, тѣхъ же кабацкихъ денегъ дано твоему Государеву думному дьяку Петру Третьякову 25 рублевъ. Да Іюля, Государь, въ 29 день, твои Государевы воеводы Өедоръ Бояшевъ да Данило Милославской, какъ шли за литовскими людьми, взяли изъ кабацкихъ же доходовъ, Юртовскимъ татарамъ на знамена, рубль, 16 алтынъ, 4 деньги.

На оборотѣ написано: Такова отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, въ приказъ Большого Дворца, съ Любимкомъ Долымъ да съ Михалкомъ Коптевымъ, Августа въ 8 день, 125 году.

На оборотѣ же, вдоль столбца надпись: Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи.

Сверху надписи у самого края: Въ приказъ Большого Дворца.

41. 1617 г. Августа 13. Отписка воеводы П. Г. Дашкова на царскую грамоту о досмотрѣ лошади.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, привезъ ко мнѣ холопу твоему твою Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи грамоту изъ Ямского приказу, за приписью твоего Государева дьяка Да-

нила Яковлева, помѣсной отоманъ Ѳилипъ Максимовъ. А по той твоей Государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ хотопу твоему Олексѣевского монастыря у старца, у Мисаила, взявъ, досмотрити лошади, что въ Перѣславлѣ-Залѣскомъ твои Государевы послы, князь Ѳедоръ Петровичъ Барятинскій съ товарищи, въ подводы имали, конь мухортъ да меринъ литовскій карь. И я холопъ твой, по той твоей Государевѣ грамотѣ, того мерина каря, Алексѣевского монастыря у старца, у Мисаила, взявъ, досматривалъ, и цѣновщикомъ цѣнити велѣлъ. И передо мною холопомъ твоимъ цѣновщики мнѣ сказали и ту лошадь цѣнили: какъ де та лошадь была здорова, стоила по нынѣшней куплѣ 20 рублевъ; а у той лошади нога задняя испорчена, норвана, и догнать къ Москвѣ не мошно; больна, и впредь ей нельзя живой быть. А строитель старецъ Мисаилъ сказалъ мнѣ холопу твоему, тое де лошадь мерина каря отъ твоихъ Государевыхъ пословъ атаманъ Максимовъ привелъ къ нему въ монастырь испорчену.

Такова жъ отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, въ Ямской приказъ съ Филипомъ Максимовымъ, Августа въ 12 день.

42. 1617 г. послѣ 13 Августа. Отписка воеводы Дашкова о литовскихъ вѣстяхъ.

Господамъ Ивану Ивановичу, Семену Васильевичу Петръ Дашковъ челомъ бьетъ. Августа, господа, въ 5 день, писаля вы ко мнѣ съ монастырскими служками съ Профѣйкомъ Гавриловымъ да съ Костею Ивановымъ, что бъ къ вамъ отписати про вѣсть про литовскихъ людей и про рускихъ воровъ. И у насъ Августа по 13 день на Угличѣ тихо, про литовскихъ людей и про рускихъ воровъ никакихъ вѣстей нѣтъ. И я, господа, монастырскихъ служекъ, Ерофѣйка и Костю, съ Углеча отпустилъ Августа въ 13 день, а что впередъ какихъ вѣстей про литовскихъ людей будетъ съ вашими вѣстовщики потому жъ стану къ вамъ писати.

43. 1617 г. Августа 15. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о сборѣ запросныхъ денегъ по посольскихъ подводахъ. Роспись, во что стали Углечанамъ посольскія подводы.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дяшковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, Іюня въ 18 день, прислана ко мнѣ холопу воему твоя Государева грамота за приписью твоего Государева дьяка

Семена Головина. А по твоей Государевѣ грамотѣ велѣно собрати ратнымъ твоимъ Государевымъ людямъ на жалованье, на нынѣшней 125 годъ, съ Углеча съ посадцкихъ и съ уѣздныхъ съ тарханщиковъ и со льготчиковъ, со всякихъ торговыхъ людей сто рублевъ, да прошлого 124 году на ослушникѣхъ, по окладной росписи Углечанъ посадцкихъ людей, которые твоихъ Государевыхъ пятинныхъ денегъ не платили, сорокъ рублевъ доправити. А собравъ и доправя, велѣно прислати къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, съ выборными людьми, на Петровъ день нынѣшняго 125 году, а на Москвѣ имъ явитися и деньги, и книги отдати твоему Государеву боярину, князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому да дьяку Семену Головину. И по твоей Государевѣ грамотѣ, Углечаня посадцкіе люди во стѣхъ рублѣхъ, по своей долѣ, стояли на правежѣ и тѣ деньги сбирати были почали. И въ нынѣшнемъ же, Государь, во 125 году, Іюля въ 9 день, пришли на Углечъ твои Государевы послы, князь Ѳедоръ Петровичъ Барятинской да Осипъ Яковлевичъ Прончищевъ, да дьякъ Богданъ Кашкинъ. А напередъ себя за день писали ко мнѣ холопу твоему о подводахъ и прислали роспись; а въ росписи ихъ написано: всѣмъ посломъ и дворяномъ, которые посланы съ ними, и подъячимъ всего сто семь подводъ. И Углецкіе, Государь, ямскіе охотники, съ Углецкаго яму, и посадцкіе люди отъ тѣхъ великихъ подводъ разбѣжалися. А хотя бъ, Государь, Углецкіе ямскіе охотники и не разбѣжалися, и однемъ было имъ ста семи подводъ не подняти же, потому что на Углечѣ по твоему Государеву указу устроено ихъ всѣхъ десять человѣкъ охотниковъ, а держатъ они на гоньбу по три мерина. И твои Государевы послы на Углечаняхъ, на посадцкихъ людѣхъ, подводъ правили и въ уѣздъ для подводъ людей своихъ посылали, и въ уѣздѣ у дѣтей боярскихъ и у монастырскихъ крестьянъ многія подводы поимали. А посадцкіе, Государь, люди, не претерпѣвъ правежу, твоимъ Государевымъ посломъ князю Ѳедору Петровичу Барятинскому да Осипу Яковлевичу Прончищеву, да дьяку Богдану Кашкину, и дворяномъ, и подъячимъ дали подъ запасъ пять судовъ большихъ да на тѣ суда гребцовъ 40 человѣкъ, да пять кормщиковъ. А рядили, Государь, найму до Устюжни гребцомъ по полтора рубли, а кормщикомъ по два рубли, а отъ судовъ дали найму 25 рублевъ. А что̀, Государь, посадцкимъ людемъ сталъ посольской подъемъ, что̀ давали судовъ и гребцомъ, и кормщикомъ найму, и что̀ имъ стало всякого посольского харчю, тому всему

роспись посадцкіе люди повезли къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, въ приказъ Большого Дворца. А многіе, Государь, посадцкіе люди отъ тѣхъ посольскихъ подводъ съ женами и съ дѣтьми разбѣжалися въ иные городы, и только не будетъ къ нимъ, къ посадцкимъ людемъ, твоего Государева указу о тѣхъ подводахъ и посадцкіе люди и достальные отъ подводъ разбѣгутся и городъ будетъ пустъ. И нынѣ, Государь, посадцкіе лутчіе люди въ тѣхъ деньгахъ во стѣ рублѣхъ стоятъ на правежѣ, а многіе люди отъ Семена Жеребцова да отъ Гаврила Писемскаго, да отъ Микиты Вышеславцева, отъ подводъ, разбѣжалися. А уѣздные, Государь, люди боярскіе и дворянскіе, и дьячьи, и монастырскіе крестьяны торговые сто рублевъ и недоборныхъ пятинныхъ денегъ прошлого 124 году по окладной росписи не платятъ, ставятся мнѣ холопу твоему сильны; и за тѣмъ, Государь, денежной сборъ сталъ. Да въ нынѣшнемъ же, Государь, въ 125 году, Августа въ 8 день, прислана ко мнѣ холопу твоему твоя Государева грамота изъ приказу Большого дворца, за приписью твоего Государева дьяка Патрекѣя Насонова. А по той твоей Государевѣ грамотѣ, по челобитью твоего Государева ловчего Григорья Григорьевича Момахова. Псарейные слободки торговыхъ крестьянъ къ Углечу вѣдати ни въ чемъ не велѣно, а про запросныя деньги ничего не написано; и тѣ Псарейные слободки торговые люди, по той твоей Государевѣ грамотѣ, запросныхъ денегъ платить не хотятъ; а довелось, Государь, на нихъ взять по окладу Углечанъ посадцкихъ людей запросныхъ денегъ за торги 10 рублевъ. И о томъ, Государь, какъ мнѣ холопу твоему велишь свой Государевъ указъ учинить.

Роспись, что̀ отпущено подъ посольскимъ запасомъ судовъ и на судахъ кормщиковъ и гребцовъ, и почему дана на суды и кормщикомъ, и гребцомъ найму. И тому всему подлинная роспись.

Отпущено подъ посольскимъ запасомъ пять судовъ, а ходили суда къ Устюжнѣ и назадъ до Углеча пять недѣль, а давали найму на судно на недѣлю по рублю. Итого 25 рублевъ.

Дано кормщикомъ 5 человѣкомъ до Устюжны, человѣку найму по 2 рубли. Итого 10 рублевъ.

Дано ярыжнымъ 40 человѣкомъ до Устюжны, человѣку найму по полтора рубли. Итого 60 рублевъ.

Всего сталъ посольской подъемъ 95 рублевъ.

На оборотѣ написано: Такова отписка и роспись послана къ Го-

сударю, къ Москвѣ, въ приказъ Большого Дворца да во властинской приказъ къ боярину ко князю Дмитрею Мамстрюковичу Черкаскому, съ посадцкимъ человѣкомъ, съ Елисѣемъ Өедоровымъ, Августа въ 15 день.

44. 1617 г. Августа 25. Отписка воеводы П. Г. Дашкова объ ослушаніи Углечанъ.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, Августа въ 12 день, прислана ко мнѣ холопу твоему твоя Государева, Царева и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи грамота, за приписью твоего Государева дьяка Михайла Данилова, а по той твоей Государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ холопу твоему Углечанъ дворянъ и дѣтей боярскихъ конныхъ выслать на твою Государеву службу къ воеводѣ, къ Өедору Бояшеву, тотчасъ, а пѣшихъ оставить на Углечѣ для осады. И по той твоей Государевѣ грамотѣ я холопъ твой въ Углецкой уѣздъ разсыльщиковъ и пушкарей дворянъ и дѣтей боярскихъ Углечанъ конныхъ на твою Государеву службу къ воеводѣ, къ Өедору Бояшеву, а пѣшихъ на Углечъ для осады высылать посылалъ. И Углечаня, Государь, дворяня и дѣти боярскіе не слушаютъ, на твою Государеву службу къ воеводѣ къ Өедору Бояшеву, и на Углечъ въ осаду не ѣдутъ. А посылати, Государь, по нихъ мнѣ нѣкого: стрѣльцовъ и козаковъ нѣтъ, однѣ 6 человѣкъ пушкарей и тѣхъ нынѣ изъ города отослати не смѣю, а отъ воеводы, отъ Өедора Бояшова, Углечаномъ и дѣтемъ боярскимъ ести и нѣти Августа по 22 день ко мнѣ холопу твоему не бывали. И о томъ, Государь, мнѣ холопу твоему, какъ укажешь.

Такова отписка къ Государю, ко Москвѣ, послана въ приказъ въ Разрядъ съ Өедоромъ, Августа въ 25 день.

45. 1617 г. Августа 25. Отписка воеводы П. Г. Дашкова объ отнятіи у монастырей старыхъ и новыхъ тарханныхъ грамотъ.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 125 году, іюля въ 20 день, прислана ко мнѣ холопу твоему твоя Государева, Царева и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи грамота изъ приказа Большого Дворца, за приписью твоего Государева дьяка Патрекѣя Насонова. А по твоей Государевѣ

грамотѣ велѣно мнѣ холопу твоему на Углечѣ, на посадѣ, и въ Углецкомъ уѣздѣ у архимаритовъ и у игумновъ, и у строителевъ взяти прежнія и новыя твои Государевы жалованныя тарханныя грамоты да взявъ къ тебѣ Государю, къ Москвѣ, ихъ отдати въ приказѣ Большого Дворца твоему Государеву боярину Борису Михайловичу Салтыкову да дьякомъ Ивану Болотникову, да Потрекѣю Насонову. И на Углечѣ, Государь, на посадѣ, кромѣ Олексѣевскаго монастыря и въ Углецкомъ уѣздѣ въ Углицкихъ монастыряхъ у архимандритовъ и у игумновъ прежнихъ и новыхъ твоихъ Государевыхъ жалованныхъ тарханныхъ грамотъ ни у кого нѣтъ. А Олексѣевского монастыря строитель старецъ Мисаило сказалъ мнѣ холопу твоему, что прежнія и новыя твои Государевы тарханныя грамоты въ Олексѣевскомъ монастырѣ въ Углецкое разореніе и въ Лисовского къ Углечу приходъ утерялись, далъ мнѣ холопу твоему съ тѣхъ твоихъ Государевыхъ грамотъ списки и я холопъ твой тѣ списки послалъ къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, подъ сею отпискою. Да въ Углецкомъ же, Государь, уѣздѣ Московскихъ монастырей вотчины: Спасо-Новаго монастыря село Климатино съ деревнями, Чудова монастыря село Өеремково съ деревнями, Нового Дѣвича монастыря село Хороброво съ деревнями, Живоначальные Троицы Сергіева монастыря вотчина село Прилуки съ деревнями, да Кирилова монастыря вотчина Хобаново съ деревнями, и тѣхъ селъ прикащики и крестьяне сказали мнѣ холопу твоиму, что де прежнія и новыя твои Государевы жалованныя тарханныя грамоты на тѣ вотчины на Москвѣ, въ монастырѣхъ, и у Троицы и въ Кириловѣ монастырѣ.

Такова отписка послана къ Государю, ко Мосвкѣ, въ приказъ Большого Дворца съ Өедоромъ Ивановымъ Загряскимъ, Августа въ 25 день.

При семъ приложены списки съ слѣдующихъ грамотъ:

а. Списокъ съ грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, на Углечъ, губному старостѣ Семейкѣ Болотеину. Билъ намъ челомъ съ Углеча Олексѣевскаго монастыря строитель старецъ Мисаило, а сказалъ: въ прошломъ де, въ 117 году, приходили де на Угличъ воры, литовскіе люди, и посады и монастыри выжгли, и Богоявленской де монастырь, что строилъ вновь старецъ Варсонофей сожгли и братію присѣкли. А дано де было къ тому Богоявленскому монастырю нашего жалованья въ вотчину мельница Плетенева да мельница Дерябина, на рѣ-

кѣ на Улеймѣ, дана была на оброкъ и оброку де съ нее платили въ нашу казну на годъ по полуторы рубли. Да къ тому же де монастырю дана была пашня у Стрѣтенья Господня подъ городомъ, а крестьянъ де на той землѣ нѣтъ, а пахалъ деи тое пашню на монастырь старецъ Варсонофей. И намъ бы его пожаловати, велѣти подъ мельницы и пашню, и мѣсто, гдѣ стоялъ Богоявленской монастырь, дати въ домъ къ Олексѣю Чудотворцу на свѣчи и на ладонъ, и на церковное строеніе для монастырскаго великаго разоренія. И мы Олексѣевскаго монастыря строителя старца Мисаила съ братіею пожаловали, велѣли тѣ мельницы, мельницу Плетеневу да мельницу Дерябину, и пашню, что̀ дана была въ Богоявленскій монастырь, дати въ домъ къ Олексѣю Чудотворцу и мѣсто, гдѣ стоялъ Богоявленской монастырь, пожаловали есмя велѣли дати томужъ Олексѣевскому монастырю на пріѣзжой дворъ. А будетъ впредь хотя и быти на Углечѣ Богоявленскому монастырю и тотъ монастырь будетъ выставка изъ того же Олексѣевскаго монастыря, а дати будетъ только мѣсто, гдѣ поставить одинъ монастырь, а владѣти тѣмъ монастыремъ и мельницами, и пашней Олексѣевскому монастырю.

И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ тѣ мельницы, мельницу Плетеневу да мельницу Дерябину, что̀ дана была въ Богоявленской монастырь, чѣмъ владѣлъ старецъ Варсонофей съ братіею, отказалъ со всѣми угодьи въ Олексѣевской монастырь строителю, старцу Мисаилу съ братіей да и мѣсто, гдѣ стоялъ Богоявленской монастырь, отказалъ къ Олексѣевскому монастырю. А оброку съ тое мельницы Дерябиной не ималъ, велѣлъ имъ тѣми мельницами владѣти безоброчно, потому какъ въ иные монастыри даваны вотчины и угодья безоброчно для чудотворнаго мѣста. А прочетъ сю нашу грамоту и, списавъ съ нее противенъ слово въ слово, отдалъ ее назадъ строителю старцу Мисаилу, почему ему тѣми мельницами и землею владѣти. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7118, марта 21 день. А у грамоты приписъ на задѣ дьяка Финогена Голенищева, а у грамоты печать орелъ.

б. Списокъ съ грамоты слово въ слово.

Се азъ Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ есмя Олексѣевского монастыря, что̀ на Углечѣ, на посадѣ, строителя старца Мисаила съ братіею или хто въ томъ монастырѣ игуменъ или иный строитель и братія будутъ. Что они били намъ челомъ, а сказали, были де у нихъ прежъ сего у Олексѣя у Чудотворца въ

монастырѣ наши жаловальныя грамоты на ихъ монастырскую вотчину и какъ де приходили на Углечъ воры руские и литовские люди и монастырь ихъ выжгли и братію побили и монастырскую вотчину розорили, и крестьянъ высѣкли, и наши де жаловальныя грамоты пожгли. И нынѣ де у нихъ въ монастырѣ нашихъ жаловальныхъ грамотъ нѣтъ и намъ бы ихъ пожаловать, на ту ихъ монастырскую вотчину велѣти дати нашу жаловальную грамоту новую, такову же, какова была у нихъ прежняя жаловальная грамота, почему имъ впередъ монастырскою вотчиною владѣти. Да съ тое грамоты положили передъ нами списокъ и въ спискѣ пишетъ. Царь и Великій Князь Ѳедоръ Иванычъ всеа Русіи пожаловалъ богомольца своего Олексѣевского монастыря, что̀ на Углечѣ, на посадѣ, игумена Саватѣя съ братіей или хто въ томъ монастырѣ строитель будетъ или иной игуменъ, что они били челомъ и положили дѣда нашего блаженныя памяти Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи и отца нашего блаженныя памяти Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи старую жаловальную грамоту, чтобъ намъ пожаловати велѣти та ихъ старая жаловальная грамота переписати на наше Царское имя. И Царь и Великій Князь всеа Русіи ту ихъ старую жаловалную грамоту слушалъ и велѣлъ ее переписати на свое Царево и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи имя и далъ имъ жаловальную грамоту таковужъ, какова у нихъ старая жаловальная грамота.

И язъ Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всеа Русіи того списка съ жаловальныхъ грамотъ слушалъ и выслушавъ, Олексѣевского монастыря, что̀ на Углечѣ, на посадѣ, строителя Мисайла съ братіею или хто въ томъ монастырѣ игуменъ или иной строитель будутъ, пожаловалъ, велѣлъ имъ дати жаловалную грамоту таковужъ, каковы были прежнія жаловалныя грамоты.

Что̀ ихъ монастырскія вотчины, село Воскресенское, на Волгѣ, да рѣкѣ на Улеймѣ мельницы, да на Углечѣ на посодѣ слобода, что̀ подъ Олексѣевскимъ монастыремъ, да въ волости въ Рожаловѣ село Некоузъ съ деревнями со всѣмъ тѣмъ, что̀ къ тому селу потягло и къ деревнямъ изстари, и хто у нихъ въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ, и на мельницѣ, и въ слободѣ учнетъ жити людей и тѣмъ ихъ людемъ къ сотскимъ и къ десятскимъ съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ какіе проторы, ни въ разметы, ни въ ямское строеніе, ни въ цѣловальниковъ, ни въ сторожей, ни въ городовую подѣлку, ни въ какіе наши доходы

и пошлины, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни коня моего не кормятъ, ни двора моего не дѣлаютъ. А что ихъ монастырская мельница, на рѣкѣ на Улеймѣ, по обѣ стороны рѣки, съ угодьемъ, а намѣстницы наши Углецкіе и волостели Рожаловскіе, и архіепискупли намѣстницы и волостели, и ихъ тіуны Никольскаго попа да Ильинскаго попа, да Воскресенскаго попа, да въ ихъ монастырской слободкѣ Никольскаго попа, и ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татьбы, и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ ни емлютъ ни всылаютъ къ нимъ ни по что. А проветчики и довотчики и архіепискупли заѣщики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, ни въѣзжаютъ ни-по что, а вѣдаетъ и судитъ строитель Мисайло съ братіею тѣхъ своихъ людей и крестьянъ самъ во всемъ или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ и крестьяномъ съ городскими людьми и становыми, или съ волостными, и намѣстницы наши Углецкіе и волостели Рожаловскіе и ихъ тіуны судятъ, а строитель Мисайло съ братіей или ихъ прикащикъ съ ними же судять, а правъ будетъ или виноватъ городской человѣкъ или становой, или волосной, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣсникомъ и волостелемъ и ихъ тіуномъ, и правъ будетъ или виноватъ монастырской человѣкъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ строителю Мисайлу съ братіею и ихъ прикащикомъ. А учинитца у нихъ въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ, и въ слободѣ душегубство, а душегубца въ лицѣхъ не будетъ и нашимъ намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ тіунамъ съ душегубства вѣры рубль. А до кого будетъ строителю Мисайлу и его братіѣ, и ихъ людемъ, и крестьяномъ каково дѣло или кому будетъ до строителя и до его братіи, и до ихъ людей, и до крестьянъ каково дѣло и язъ Царь и Великій Князь строителя Мисайла съ братіею пожаловалъ, велѣлъ ѣздити своему приставу, кого я Царь и Великій Князь дамъ отъ нихъ и по нихъ. И тотъ мой приставъ ѣздитъ отъ строителя Мисайла и отъ его братіи, и отъ ихъ людей, и отъ крестьянъ по кого нибуди и по строителя Мисайла, и по его братію, и по ихъ людей, и по крестьянъ съ моею приставною грамотою, а даетъ ихъ на поруку и срокъ имъ чинитъ стати передо мною Царемъ и Великимъ Княземъ два срока въ году: зимѣ въ той же день по Крещеньѣ Христовѣ, а лѣтѣ на Петрово заговѣйно, а опричь того моего пристава, кого язъ Царь и Великій Князь дамъ, иные мои недѣльщики по строителя Мисайла и по его братію, и по ихъ людей, и крестьянъ не ѣздятъ и на поруку ихъ не даютъ, и сроковъ на нихъ

не наметывають. А которой мой Царя и Великаго князя приставъ на строителя Мисайла и на его братію, и на ихъ людей, и на крестьянъ накинетъ срочную не потому ихъ сроку и язъ имъ съ тѣмъ срокомъ не велѣлъ ѣздить, а хто на нихъ по тѣмъ срочнымъ безсудную возметъ и та безсудная не въ безсудную. А коли мой Царя и Великаго Князя бояринъ или дьякъ по строителя и по братію, и по ихъ людей, и по крестьянъ пошлетъ недѣльщика съ записью и имъ на тѣ два срока ставится. А кому будетъ чего искати на строителѣ и на его братіѣ и на ихъ людѣхъ и на крестьянѣхъ, ино ихъ сужу язъ Царь и Великій Князь или мой дворецкой. А что въ тѣхъ селѣхъ церковь Воскресеніе Христово, церковь Или Пророка, церковь Николы Чудотворца и онѣ съ тѣхъ церквей даютъ въ казну съ году на годъ за всѣ пошлины: съ Воскресенія Христова два алтына, съ Или Пророка четыре алтына, съ Николы Чудотворца два алтына, съ слобоцкого храму Николы Чудотворца два алтына, двѣ деньги. Такожъ есми пожаловалъ ихъ монастырскую слободку отъ города отвелъ всякимъ тягломъ: съ посадскими людьми тягла имъ не тянути ни во что и недѣльщикомъ своимъ и приставомъ, и всѣмъ пошлинникомъ въ ту ихъ монастырскую слободку входити не велѣлъ. И мои князи и бояре, и дѣти боярскіе, и ратные воеводы, и всякіе ѣздоки, и мои ловецкіе псари въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ, и въ слободѣ сильно не ставятся ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что. А хто у нихъ въ тѣхъ селѣхъ и деревняхъ, и въ слободѣ станетъ, и онъ кормъ свой и конской купитъ. А на лоси и на медвѣди, и на волки, и на лисицы ихъ крестьяне не ходятъ, а таможники мои и пятенщики Углецкіе и Рожаловскіе въ ихъ монастырскія села и въ деревни, и въ слободу не входятъ, и у строителя и у братіи, и у ихъ людей, и у крестьянъ въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ, и въ слободѣ явки никакія не емлютъ и коня не пятнаютъ, а явку всякую емлетъ строитель съ братіею и ихъ прикащики, а держитъ строитель въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ, и въ слободѣ свое пятно. А на пиръ и на братчины къ нимъ боярскіе люди и иной ни хто не званы не ходятъ, а хто къ нимъ на пиръ и на братчины придетъ не званъ, а учинится въ томъ какова гибель и тому незваному гибель платити безъ суда. А попрошаемъ у нихъ въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ ѣздя не прошати и въ деревняхъ скоморохомъ не играти, а учнутъ у нихъ попрошае ѣздя просить и скоморохи играти и строителю съ братіею и

съ прикащики тѣхъ имати да ставити передо мною Царемъ и Великимъ Княземъ или передъ моимъ дворецкимъ. Такоже есми пожаловалъ, ослободилъ ихъ крестьяномъ ѣздити въ свои Царя и Великаго Князя лѣсы и въ боярскіе и въ монастырскіе черные заповѣдные, опричь моихъ Царя и Великаго Князя острововъ и рощей и боярскихъ рощей, по дрова и по хоромный лѣсъ безъ явки и безо всякихъ пошлинъ. А коли явятъ сю нашу грамоту намѣсникомъ и волостелю Рожаловскому, архіепископлю намѣстнику и волостелю, и ихъ тіуномъ, и они съ неѣ явки не даютъ ничего. А кому дамъ на грамотчиковъ грамоту, а на сю нашу жалованную грамоту грамоты нѣтъ. И велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей нашей жаловалной грамотѣ написано. Дана ся наша жаловалная грамота на Москвѣ, лѣта 7118, Марта въ 8 день. У подлинныя грамоты припись дьяка Филипа Голенищева.

Лѣта 7122, Сентября въ 20 день, Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи сеѣ жаловалные грамоты слушалъ, а выслушавъ, Олексѣевского монастыря, что на Углечѣ, на посадѣ, строителя Мисайла съ братіей или хто по немъ въ томъ монастырѣ игуменъ или иной строитель будутъ пожаловалъ, велѣлъ имъ сеѣ грамоту подписати на свое Государево, Царево и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи имя и сеѣ у нихъ грамоты рудити не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ ходити о всемъ потому, какъ вь сей жаловалной грамотѣ писано. А подписалъ Государевъ, Царевъ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи дьякъ Иванъ Болотниковъ.

в. Списокъ съ грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, губному старостѣ Ѳедору Грознову. Билъ намъ челомъ Алексѣевскаго монастыря строитель старецъ Мисайло съ братіей, а сказалъ: вотчина де ихъ монастырская вся разорена отъ литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ, и отъ многіе войны и братіе де питатися нечѣмъ, а есть де въ Углецкомъ уѣздѣ мельницы оброчныя: мельница Баранова, а на ней живетъ Яковъ Ивановъ сынъ Барановъ съ дѣтьми, да мельница Потопчина, а на ней живетъ Дружина Максимовъ сынъ, прозвище Хлыстъ, да мельница Овдокимовская, а Матвѣевская тожъ, а на ней жилецъ Степанъ Григорьевъ сынъ Потопчина, а съ тѣхъ де съ трехъ мельницъ платятъ въ нашу казну оброку съ году на годъ по полутретя рубли. А преже сего имъ строителю старцу Мисайлу съ бра-

тіей на темянъ и на ладонъ давали изъ нашея казны, изъ приказу Большого Дворца, по одинадцати рублевъ, а нынѣ де имъ тѣхъ денегъ не давывано пятой годъ и намъ бы его строителя старца Мисайла съ братіей пожаловати, велѣти имъ тѣ мельницы дати къ нимъ въ монастырь на темянъ и на ладонъ, и на свѣчи.

А въ окладныхъ приходныхъ книгахъ нынѣшняго 123 году написано: въ Углецкомъ уѣздѣ мельницы на рѣкѣ Улеймѣ: мельница Потопчина за Дружинкою Максимовымъ, оброку 30 алтынъ, мельница Матвѣевская за Степанкомъ Григорьевымъ, оброку: рубль, 6 алтынъ, 4 деньги, мельница Калининская, Баранова тожъ, за Якушкомъ Ивановымъ, оброку: рубль, 16 алтынъ, 4 деньги. И всего съ мельницъ оброку 3 рубли 20 алтынъ. И мы съ Углеча Алексѣевскаго монастыря строителя старца Мисаила съ братіею пожаловали, тѣ оброчныя мельницы со всѣми угодьи велѣли дати въ Олексѣевской монастырь въ вотчину на темянъ, на ладонъ и на свѣчи за 4 рубли изъ тѣхъ денегъ, что имъ давано напередъ сего изъ нашея казны, изъ приказу Большого Дворца. А въ окладныхъ книгахъ нынѣшняго 123 году написано: въ монастырѣ Алексѣя Чудотворца, что на Углечѣ, игумену медовыя милостины 5 алтынъ, 29 человѣкомъ старцомъ по гривнѣ человѣку, за 3 пуда и за 5 гривенокъ воску 3 рубля, 4 алтына съ деньгою, за пудъ меду пресного на канунъ рубль съ четвертью, черному попу руги 2 рубли, дьякону рубль. И всего 10 рублевъ, 14 алтынъ съ деньгою. И по нашему указу изъ тѣхъ ружныхъ годовыхъ денегъ за мельницы велѣно выложить 4 рубли, а впередъ въ тотъ Алексѣевскій монастырь написать въ расходъ годовыя руги игумену и старцамъ, и попу, и дьякону, и за воскъ, и за медъ 6 рублевъ, 14 алтынъ съ деньгою.

И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ въ Углецкомъ уѣздѣ тѣ оброчныя мельницы, на рѣкѣ на Улеймѣ, мельницу Потопчину, мельницу Матвѣевскую, мельницу Калининскую, Баранову тожъ, съ жильцами и со всякими угодьи отказалъ вь Алексѣевской монастырь за вотчину строителю старцу Мисайлу съ братіей. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень оставилъ у себя, а сю нашу подлинную грамоту отдалъ строителю старцу Мисаилу съ братіей, почему ему или хто по немъ впередъ въ томъ монастырѣ игуменъ или строитель будутъ тѣми мельницами владѣти. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7123, октября въ 12 день.

г. Списокъ съ грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему князю Ивану Θеодоровичу Волконскому. Билъ намъ челомъ съ Углеча Олексѣевскаго монастыря строитель Мисаило съ братіей, а сказалъ: въ Углецкомъ уѣздѣ, ихъ Алексѣевского монастыря въ вотчинѣ, въ селѣ въ Некоузѣ, по воскресеньямъ торжокъ и въ то де сельцо Углецкіе приказные люди и таможенные вѣрные цѣловальники присылають де съ Углича сбирати таможенныхъ денегъ. И намъ бы ихъ пожаловати для нынѣшняго разоренія, велѣти въ той ихъ монастырской вотчинѣ, въ селѣ Некоузѣ, тое таможенную пошлину дати имъ въ домъ Олексѣевскаго монастыря на темянъ и на ладанъ. И мы Олексѣевского монастыря съ Углеча строителя старца Мисаила съ братіей пожаловали въ той ихъ монастырской вотчинѣ, въ сельцѣ Некоузѣ, тое таможенную пошлину велѣли имъ дать въ монастырь на темянъ и на ладанъ.

И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ въ Углецкомъ уѣздѣ Олексѣевскаго монастыря въ вотчинѣ, въ сельцѣ Некоузѣ, таможенную пошлину впередъ велѣлъ сбирати Олексѣевского монастыря строителю старцу Мисаилу съ братіею въ ихъ Олексѣевской монастырь на темянъ и на ладанъ, а Углецкимъ таможеннымъ вѣрнымъ цѣловальникомъ и откупщикомъ въ томъ сельцѣ Некоузѣ на насъ таможенную пошлину нынѣ и впередъ сбирати не велѣлъ. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставилъ у себѣ, а сее нашу подлинную грамоту отдалъ бы еси въ тотъ Олексѣевской монастырь строителю старцу Мисаилу съ братіей, и онъ ее держитъ впредь для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7123, Іюня въ 20 день.

46. 1617 г. Сентября 6. Отписка воеводы П. Г. Дашкова объ отдачѣ на поруки сына боярскаго И. Волкова въ иску князя И. Н. Одоевскаго.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Θеодоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. По твоей Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи грамотѣ изъ Володимерскаго судного приказу, за приписью твоего Государева дьяка Якова Демидова, велѣно мнѣ холопу твоему Ерославца сына боярскаго Ивана Волкова, въ иску твоего Государева боярина князя Ивана Микитича Одоевского въ бѣгломъ человѣкѣ, въ Ондрюшкѣ Под-

телковѣ, да въ сносѣ въ 35 рублѣхъ съ полтиною, дати на поруку съ записью и тое порушную запись велѣно прислати къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, въ Володимерской въ судной приказъ. Да на немъ же, на Иванѣ, велѣно доправити за то, что онъ первые твоей Государевы грамоты не послушался и на поруку не дался, проѣсти и волокиты и отъ дву твоихъ Государевыхъ грамотъ подписныхъ и печатныхъ пошлинъ 4 рубли съ полтиною, а доправя отдати твоего Государева боярина князя Ивана Микитича Одоевского людемъ, а у нихъ взяти отпись. И по твоей Государевѣ грамотѣ я холопъ твой Ивана Волкова въ томъ иску пушкаря Ѳедьку Дьякова на поруку давати посылалъ, и пушкарь Ѳедька, пріѣхавъ, сказалъ мнѣ холопу твоему, что тотъ Иванъ Волковъ на поруку ему не дался, учинился силенъ; и привезъ ко мнѣ холопу твоему доѣздную память. И я холопъ твой тое доѣздную память послалъ къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, подъ сею отпискою.

Таковажъ отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, въ Володимерской въ судной приказъ, сентября въ 6 день.

47. 1617 г. Сентября 7. Отписка воеводы П. Г. Дашкова объ отказѣ дер. Прямикова въ помѣстье иноземцу В. Луневскому.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 126 году, Сентября въ 3 день, по твоей Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамотѣ изъ Помѣстного приказу за приписью твоего Государева дьяка Гарасима Мартемьянова, по челобитью иноземца Василья Луневскаго, писано ко мнѣ холопу твоему, велѣно про иноземца жъ, про Ондрюшку Яминского, сыскати всякимы сыски накрѣпко: Ондрюшка Яминской на разбой ѣздитъ ли и языки на него въ разбоѣ на Углечѣ Тихонко Сытниковъ да Микитка Опачининъ говорятъ ли? Да будетъ Ондрюшка на разбои ѣздитъ и языки на него говорятъ, и мнѣ холопу твоему Ондрюшкино помѣстье Яминского, деревню Прямиково съ деревнями и съ пустошьми и въ нихъ пашни на 184 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, велѣно отказати иноземцу Василью Луневскому въ помѣстье жъ со всѣми угодьи, а отказныя книги велѣно прислать къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, въ Помѣсной приказъ. И на того, Государь, Ондрюшку Яминского, на Углечѣ, Тихонъ Сытниковъ да Микитка Опа-

чинипъ въ разбоѣ говорили. И Сентября, Государь, въ 4 день, иноземца Михайлова жена Яминского, вдова Ненила, положила передо мною холопомъ твоимъ твою Государеву ввозную грамоту за приписью твоего Государева дьяка Гарасима Мартемьянова. А въ той твоей Государевѣ грамотѣ написано: Михайловское помѣстье Яминского, деревня Прямикова съ деревнями и пустошьми, дано ей вдовѣ Ненилѣ, Михайловѣ женѣ Яминского съ сыномъ съ Сенькою да съ двѣма дочерми съ дѣвками, а за Ондрюшкою Яминскимъ того помѣстья не писано. И я холопъ твой того помѣстья иноземцу Василію Луневскому отказати не смѣлъ и вдовѣ Ненилѣ тѣмъ помѣстьемъ владѣти не велѣлъ до твоего Государева указу.

Такова отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, въ Помѣсной приказъ, съ емчикомъ съ Иваномъ Володимеровымъ, Сентября въ 7 день, 126 году.

48. 1617 г. Сентября 22. Отписка воеводы П. Г. Дашкова объ отсутствіи яма на Углечѣ.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ, Государь, во 125 году, по твоему Государеву, Цареву и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, устроено была на Углечѣ для твоихъ Государевыхъ гонцовъ и посланниковъ съ Углеча, съ посаду, и съ Углецкаго уѣзду, съ нового дозору, съ живущаго, всего съ чети сохи, десять человѣкъ ямскихъ охотниковъ. И тѣ ямскіе охотники отъ скорыя посольскія гоньбы и отъ великихъ посольскихъ и отъ стрѣлецкихъ подводъ разбѣжалися и на яму нынѣ нѣтъ ни одного человѣка. А на нынѣшней 126 годъ ямскіе охотники съ посаду и съ уѣзду не устроены. А нынѣ отъ тебя Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, съ Москвы, къ твоимъ Государевымъ посломъ, къ князю Ѳедору Петровичу Барятинскому съ товарыщи, и отъ пословъ къ тебѣ къ Государю гоняютъ гонцы черезъ Углечъ же. И твоимъ Государевымъ и посольскимъ, и всякимъ гонцомъ, и посланникомъ на Углечѣ за подводами чинится мотчанье, потому что яму на Углечѣ и заводныхъ подводъ нѣтъ, а уѣздные люди за подводами и на торги не съѣзжаются, и твои Государевы и посольскіе гонцы емлютъ подводы на посадѣ у посадцкихъ и у монастырскихъ, и у всякихъ людей сильно. И посадцкіе, Государь, люди Углечаня напередъ сего отъ великихъ посольскихъ и стрѣлецкихъ подводъ, и отъ

скорыхъ гонцовъ и посланниковъ многіе разбѣжалися. А нынѣ отъ подводъ же и остальные бѣжать розно и городъ будетъ пустъ. И мнѣ бы холопу твоему въ томъ твоей Государевы опалы не было.

Такова отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, въ Посольской приказъ, въ дворецъ, съ Ярославцемъ съ Андреемъ Кночаковымъ, 126 года, Сентября въ 22 день.

49. 1617 г. Октября 4. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о взятіи денегъ съ даточныхъ людей на городовую подѣлку.

Лѣта 126, Октября въ 4 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ взялъ съ Молоскаго стану села Микульскаго да села Маринскаго съ даточныхъ людей, съ 14 человѣкъ, съ человѣка по алтыну, 14 алтынъ. А тѣми деньгами покупати лѣсъ на колодезь и давати плотникомъ и колодязникомъ отъ дѣла и на всякую городовую подѣлку. А даточнымъ людемъ тѣ деньги взяти на міру хто съ кого, съ которыхъ чети стоитъ. Къ сей отписи воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ печать свою приложилъ.

50. 1617 г. ранѣе Октября 11. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о сборѣ въ житницы хлѣбныхъ запасовъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Указали есмя взяти на кормъ ратнымъ людемъ хлѣбные запасы на нынѣшней, на 126 годъ, съ Углеча, съ посаду, и съ уѣзду, съ полчетверти и съ полтрети сохи и съ двухъ чети пашни, 168 чети съ осминою и съ полтретникомъ ржи и крупъ, и толокна, съ чети пашни по чети. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ съ Углеча, съ посаду, и съ уѣзду тѣ хлѣбные запасы собралъ тотчасъ, съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и со владычнихъ, и съ архіепискуплихъ, и съ монастырскихъ, съ бояръ, и съ дворянскихъ, и съ дѣтей боярскихъ помѣстей и съ вотчинъ, съ тарханщиковъ и со льготчиковъ и со всѣхъ сошныхъ людей безъ выбору, а собравъ всыпалъ въ наши житницы. А которые сошные люди учнутъ ослушаться, вскорѣ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ платить не учнутъ, и ты бъ на тѣхъ ослушникѣхъ въ день велѣлъ править нещадно, а къ ночи мѣтать въ тюрьму, до тѣхъ мѣстъ, покамѣста они тѣ хлѣбные запасы заплатятъ. А не сберешь

тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, а сошнымъ людемъ учнешь наровить для своей бездѣльныя корысти, и мы велимъ для тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ послать съ Москвы и велимъ тѣ хлѣбные запасы и прогоны вдвоя доправить на тебѣ, да тебѣ жъ отъ насъ быть въ великой опалѣ. А сколько тѣхъ запасовъ соберешь и въ наши житницы высыплешь, и котораго числа..... *(Конецъ утраченъ).*

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

125 г., Октября въ 11 день, Ѳедоръ Недовѣсковъ.

Внизу у самаго края: Изъ Казанского приказу.

51. 1617 г. Октября 13. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о сборѣ даточныхъ людей и городовомъ береженіи.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. По твоимъ Государевымъ указнымъ грамотамъ велѣно мнѣ холопу твоему по литовскимъ вѣстямъ на Углечъ собрати съ посаду и съ уѣзду даточныхъ людей со всякихъ людей, чѣмъ осада укрѣпити, и жити бережно. И по твоей Государевѣ грамотѣ я холопъ твой съ посаду и съ уѣзду даточные люди, съ новаго дозору, съ живущаго съ чети по человѣку, сбирать почалъ нынѣшнего 126 году, Октября въ 1 число. И уѣздные, Государь, люди даютъ даточныхъ людей съ рогатинами, а пищалей за бѣдность на многихъ правити не на комъ. И тѣми, Государь, даточными людьми безъ твоихъ Государевыхъ ратныхъ людей и стрѣльцовъ осады укрѣпити не кѣмъ. А въ Углецкомъ, Государь, уѣздѣ иноземцы Углецкіе помѣщики живутъ по домомъ, а на Углечъ въ осаду не ѣдутъ, и съ помѣстей своихъ даточныхъ людей не даютъ. Да твоего Государева ловчего Григорья Григоріевича Моматова Псарейные слободы торговые люди на городъ даточныхъ людей и сторожей не даютъ, а дворы у нихъ и лавки въ городѣ есть. И я холопъ твой на торговыхъ людѣхъ, на Васкѣ Жюлинѣ съ товарыщи, по указнымъ грамотамъ даточныхъ людей и сторожей правилъ и Псарейные слободы торговые люди твоей Государевы указныя грамоты не слушаютъ и даточныхъ людей править на себѣ не дали, и меня, холопа твоего, лаятъ и бесчестятъ, и приставовъ бьютъ и ходить по себя не велятъ, и сторожей на городъ не даютъ. И о томъ, Государь, мнѣ какъ укажешь.

Такова отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, въ Разрядъ, съ Ондреемъ Стоговымъ, Октября въ 13 день.

52. 1617 г. Октября 13. Отписка воеводы П. Г. Дашкова объ ослушанiи Псарейной слободки торговыхъ людей.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русiи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 126 году, по твоей Государевѣ грамотѣ, изъ приказу твоего Государева боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго, велѣно мнѣ холопу твоему твоего Государева ловчего Григорья Григорьевича Моматова Псарейные слободки на торговыхъ людѣхъ, на Власкѣ Жюлинѣ съ товарыщи, доправити прошлого 125 году запросныхъ денегъ по окладной росписи 10 рублевъ. Да по твоей же Государевѣ грамотѣ, за приписью твоего Государева дьяка Михаила Данилова, велѣно мнѣ холопу твоему собрати на Углечъ въ осаду даточныхъ людей, со всякихъ людей, и на городѣ сторожи поставити, и жити съ великимъ береженьемъ. И по твоимъ Государевымъ указнымъ грамотамъ, я холопъ твой Псарейные слободки на торговыхъ крестьянъ твоихъ запросныхъ денегъ по окладной росписи 10 рублевъ и даточныхъ людей для городовой подѣлки правилъ, потому что въ городѣ у нихъ дворы и лавки есть. И Псарейныя, Государь, слободки торговые люди, Власко Жюлинъ съ товарыщи, твоихъ Государевыхъ указныхъ грамотъ не слушаютъ, твоихъ Государевыхъ запросныхъ денегъ, 10 рублевъ, и даточныхъ людей править на себѣ не даютъ и меня холопа твоего лаятъ и бесчестятъ, и приставовъ бьютъ и ходити имъ по себя не велятъ и на городъ сторожей не даютъ.

На оборотѣ написано: Такова жъ отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, во дворецъ и во властинской приказъ къ Пожарскому съ Ондреемъ Стоговымъ, Октября въ 13 день.

53. 1617 г. Октября 13. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о лошадяхъ взятыхъ съ монастырей.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русiи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 126 году, по твоей Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русiи грамотѣ, изъ приказа Большого Дворца, за приписью твоего Государева дьяка Патрекѣя Насонова. велѣно взяти съ Углецкихъ монастырей: съ Никольского монастыря,

что̀ на Улемѣ, лошадь, съ Покровскаго монастыря лошадь, съ Воскресенскаго монастыря архимаричья лошадь, съ Рожественого монастыря, что̀ на Прилуцѣ, лошадь, съ телѣги и хомуты, и съ веретищи, и съ проводники. А по тѣ лошади въ монастыри велѣно мнѣ, холопу твоему, послать сборщика, кого пригоже. Да тѣ лошади монастырскія да тѣмъ лошадемъ роспись съ проводники велѣно прислати къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, на срокъ, на Покрова Пречистые Богородицы, Октября къ 1 числу нынѣшнего 126 году, и велѣти имъ отписи отдати и съ тѣми подводы явитись въ приказѣ Большого Дворца твоему Государеву боярину Борису Михайловичу Салтыкову да дьякамъ Ивану Болотникову да Патрекѣю Насонову. И та, Государь, твоя Государева грамота прислана ко мнѣ холопу твоему послѣ указного сроку, Октября въ 4 день. И я, холопъ твой, по той твоей Государевѣ грамотѣ сыну боярскому Богдану Муранову тѣ лошади съ Углецкихъ монастырей велѣлъ доправить тотчасъ. И сынъ боярскій Богданъ Мурановъ съ Покровскаго да съ Улеменскаго монастыря по лошади съ телеги и съ хомуты, и съ дугами, и съ веретищи, и съ проводники доправилъ. И я холопъ твой тѣ лошади и по проводникахъ поручную запись, и лошадемъ роспись послалъ къ тебѣ, къ Государю, къ Москвѣ, съ сею отпискою, Октября въ 11 день, и велѣлъ отписку и роспись отдати и проводникомъ съ подводами явитись въ приказѣ Большого Дворца твоему Государеву боярину Борису Михайловичу Салтыкову да дьякомъ Ивану Болотникову да Патрекѣю Насонову. А Рожественаго, Государь, монастыря, что̀ на Прилуцѣ, на Углечѣ на посадѣ, и въ Углецкомъ уѣздѣ нѣтъ, а Воскресенскаго, Государь, монастыря отъ Литвы и отъ Черкасъ и отъ рускихъ воровъ.... потому что разорены, и монастырскихъ лошадей нѣтъ; а въ вотчинѣ, Государь, по нынѣшнему дозору, написано въ живущемъ полосмипы пашни, и крестьяны разбрелись. Воскресенского, Государь, монастыря архимаритъ Стахѣя въ подводѣ стоитъ на правежѣ. И о томъ, Государь, мнѣ холопу своему, какъ укажешь.

Такова жъ отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, въ приказъ Большого Дворца, съ Ондреемъ Стоговымъ, Октября въ 13 день, и проводники и съ лошадьми посланы съ нимъ.

54. 1617 г. Октября.—Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о томъ, чтобы на торговыхъ людяхъ Псарной слободки править даточныхъ людей и въ осаду ихъ забивать.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Писалъ еси къ намъ, что по нашему указу велѣно тебѣ по литовскимъ вѣстемъ на Углечъ собрати съ посаду и съ уѣзду даточныхъ людей въ осаду. Да ты же писалъ къ намъ, что Псарные слободы торговые люди, Васька Жюлинъ съ товарыщи, даточныхъ людей и сторожей на городъ не даютъ, и править на себѣ не дали, и тебя лаели и безчестили, и приставовъ били, и намъ бы тебѣ о томъ указъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ по прежнему нашему указу по вѣстемъ всякихъ людей велѣлъ въ осаду забивать со всякими бои, а которые учнутъ ослушаться, по вѣстемъ въ осаду не пойдутъ, и ты бъ тѣхъ велѣлъ бить ботоги нещадно. И жилъ бы еси на Углечѣ съ великимъ береженьемъ, неоплошно, и вѣстей всякихъ провѣдывалъ и всякія вѣсти писалъ къ намъ почасту, чтобъ намъ было вѣдомо. А Псарные слободы о тяглецѣхъ, что тебя тое слободы крестьяне лаяли, посланъ къ тебѣ нашъ указъ изъ приказа Большого Дворца. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Октября въ—день.

55. 1617 г. Ноября.—Цѣновная роспись анбару подъ Государевъ посопный хлѣбъ.

Лѣта 7126 году, Ноября въ—день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи указу и по приказу воеводы Петра Григорьевича Дашкова, Углецкіе земскіе старосты Любимъ Карповъ, Дмитрей Шемшуковъ, сотцкой Ондрей Михайловъ, да посадцкіе люди Галахтивонъ Быковъ, Поспѣлъ Мининъ, Грязной Уляковъ, Богданъ Тяпкинъ, Богданъ Лобановъ, Микиөоръ Мошонкинъ, Мартьянъ Гвоздырицынъ, Иванъ Бебелевъ, Дмитреевъ сынъ Поздѣева, Гаврилъ Өедотовъ да Олексѣевского монастыря крестьянинъ Окинөей Коробковъ да Покровского монастыря крестьянинъ Тепляй Сапожникъ, да Псарейные слободки ловчего Григорьевича Моматова крестьянинъ Сава Кучинъ цѣнили анбаръ, въ городѣ, въ кремли, за Спасомъ, посадцкаго человѣка Петра Чеполосова на Государевъ посопной хлѣбъ, въ правду, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи кресному цѣлованію, прямою торговою цѣною. А

оцѣнили анбаръ пятью рубли. А анбаръ во все бревно четырехъ саженъ безъ лохти. А цѣновную роспись писалъ земской дiячекъ Ивашко Мироновъ.

56. 1617 г. Ноября 20. Списокъ съ отписи воеводы П. Г. Дашкова въ полученiи ямскихъ денегъ съ помѣстей И. и Д. Ивановскихъ.

Списокъ съ отписи слово въ слово.

Лѣта 7126, Ноября въ 20 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русiи указу, взято Углецкого уѣзду, Гороцкого стану, съ Игнатьева помѣстья Ивановского, съ жеребья деревни Муравьевы, съ нового дозору съ пол-осьмины пашни, восемь алтынъ, двѣ деньги, да съ Давыдова помѣстья Ивановского, съ жеребья села Котова, съ пол-осмины пашни, Московскимъ и разныхъ городовъ ямскимъ охотникомъ на жалованье и на прогоны, па нынѣшней, на 126 годъ, восемь алтынъ, двѣ деньги. Къ сей отписи воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ печать свою приложилъ.

57. 1617 г. Ноября 20. Данная память воеводѣ П. Г. Дашкову Троице-Сергiеву монастырю на дворовыя мѣста.

Лѣта 7126, Ноября въ 20 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русiи грамотѣ, изъ приказу Большого Дворца, за приписью дьяка Патрекея Насонова, воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ далъ на Углечѣ, въ городѣ, въ острогѣ, дворовыя посадцкiя мѣста подъ дворъ же Живоначальныя Троицы Сергiева монастыря старцомъ и слугамъ на прiѣздъ, а крестьяномъ для осадного времяни, отъ переулка Любимкова двора Долгова, да отъ Ѳедорова двора Загряскаго Ильино дворовое мѣсто Буторино, Гришкино дворовое мѣсто Чернобровкина, Климово избное мѣсто Шентелина, да мѣсто жъ Ильинскаго попа Кирила, Пятункина избное мѣсто красильника, Мокѣйково избное мѣсто мясника, Ѳедотково избное мѣсто калашника, Ѳалкино избное мѣсто Солнышкова, по дворъ боярина князя Олексѣя Юрьевича Сицкого, да по дворъ же посадцкаго человѣка Васьки кузнеца Вороненка, а съ сторону тѣхъ дворовыхъ мѣстъ улица, а по другую сторону до острогу къ Волгѣ. А всего у нихъ мѣста подъ дворомъ и съ прежними куплеными ихъ съ тремя дворовыми мѣсты вдоль 15 саженъ, а поперегъ 10 саженъ, да за улицею противъ ихъ двора старой ихъ амбаръ. И Живоначальныя Троицы слу-

гамъ и крестьяномъ на тѣхъ мѣстѣхъ дворы ставити. Къ сей даной памяти воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ печать свою приложилъ.

58. 1617 г. Ноября 22. Купчая Троицы-Сергіева монастыря на дворъ Ильинскаго попа Кирила.

Се язъ Илинской попъ Кирилъ продалъ есми на Углечѣ въ городѣ, въ острогѣ, дворъ свой, а на дворѣ хоромъ: изба съ сѣнми рублены да пригородка къ избѣ и къ сѣнемъ, Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря архимариту Деонисію да келарю старцу Авраамію съ братьею, а съ сторону того двора ихъ же троицкое мѣсто, что имъ по Государевѣ, Царевѣ и Великого Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи грамотѣ дано Пятого Красилника, съ другую сторону ихъ же троецкое даное мѣсто Гришинское Чернобровкина, а взялъ я попъ Кирилъ у Троицкихъ Сергіева монастыря властей за тотъ свой дворъ денегъ 3 рубля съ полтиною. А тотъ у меня дворъ опричъ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря властей не проданъ никому, ни заложенъ, ни по душѣ не отданъ, и у кого на тотъ дворъ выляжетъ какая крѣпость и мнѣ попу Кирилу тотъ дворъ очищать и убытка мнѣ Троицкимъ Сергіева монастыря властемъ въ томъ дворѣ никоторого не учинить, а что имъ въ моемъ неочиченіи учинится убытка и мнѣ тѣ убытки платить по сей купчей. А на то послуси: Григорей Протопопъ сынъ Евтихѣевъ. А купчую писалъ язъ Илиньской попъ Кирилъ своею рукою. Лѣта 7126, Ноября въ 22 день.

59. 1618 г. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о выдачѣ жалованья пушкарямъ.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. По твоему Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи указу, велѣно быти на твоей Государевѣ службѣ, на Углечѣ, пушкаремъ Васькѣ Ивановѣ, Гришкѣ Прокоөьеву съ товарыщи, девяти человѣкомъ, а окладъ имъ твоего Государева годового денежного жалованья по 4 рубли человѣку, а хлѣбного по шти чети ржи, по шти чети овса. И на прошлые, Государь, годы тѣмъ пушкаремъ твое Государево годовое денежное жалованье, по твоимъ Государевымъ указнымъ грамотамъ изъ приказу Большого Дворца, давано, на Углечѣ, изъ Углецкихъ изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ, а хлѣбъ съ Углеча съ посаду и съ уѣзду съ сохъ. И на нынѣшней, Государь, на 126 годъ, твое Государево годовое денежное жалованье тѣмъ пушка-

ремъ не дано, а хлѣбъ съ Углеча, съ посаду, и съ уѣзду посямѣстъ незбиранъ и дати имъ нечего. И Углецкіе пушкари Васька Ивановъ съ товарыщи били челомъ тебѣ Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи о твоемъ Государевѣ о денежномъ и о хлѣбномъ жалованіи, и принесли ко мнѣ холопу твоему челобитную, и я холопъ твой тое ихъ челобитную послалъ къ тебѣ, къ Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, къ Москвѣ, подъ сею отпискою.

60. 1618 г. Января 9. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову объ уплатѣ жалованія новоприборнымъ стрѣльцамъ изъ запросныхъ денегъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. По нашему указу велѣно собрать Курдюку Ржевскому съ Углеча, съ посада, и съ уѣзду, со всякихъ торговыхъ людей, запросныхъ денегъ на 125 годъ 100 рублевъ, а на 124 годъ пятинныхъ недоборныхъ денегъ 40 рублевъ, а собрать тѣ пятинныя и запросныя деньги всѣ сполна. И тѣмъ деньгамъ окладныя росписи и сборныя книги съ выборными людьми велѣно прислать къ намъ, къ Москвѣ. И 126 года, Генваря въ 3 день, по памяти за приписью дьяка нашего Ивана Васильева, указали есмя дати на Углечѣ Углецкимъ новоприборнымъ стрѣльцомъ пятидесять человѣкомъ нашего жалованья по 2 рубли человѣку изъ Углецкихъ изъ запросныхъ денегъ. И тѣ Углецкія запросныя деньги указали есмя Курдюку Ржевскому собравъ, а на ослушникѣхъ доправя со всякихъ торговыхъ людей, отдати тебѣ Углецкимъ новоприборнымъ стрѣльцомъ на жалованье. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ у Курдюка Ржевского Углецкія запросныя деньги, 100 рублевъ, на жалованье Углецкимъ новоприборнымъ стрѣльцомъ пятидесятъ человѣкомъ взялъ и съ нимъ въ тѣхъ деньгахъ росписался. А къ Курдюку Ржевскому отъ насъ о томъ писано жъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Генваря въ 9 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 126, Генваря въ 14 день.

На склейкѣ скрѣпа: Дьякъ Олександръ ......

61. 1618 г. послѣ Января 26. Челобитная о вывозѣ шести крестьянскихъ семей.

(Начало оторвано):

...... Жалоба, Государь, мнѣ на стряпчего на Ивана Григорьевича Валуева да на его людей, на Данилка да на Ѳомку, а отцовъ ихъ имянъ не вѣдаю. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 126 году, Генваря въ 26 день, пріѣзжали въ твое Царское жалованье, въ Государя моего помѣсную деревнюшку, въ Костево, Ивановы люди Валуева, Данилко да Ѳомка, со многими Ивановыми людьми и со крестьяны, по Иванову велѣнью, и вывезли изъ за Государя моего шесть семей крестьянъ насильствомъ, Исачка да Вакулку, да Грязнушку Ивановыхъ дѣтей, да Ондрюшку, да Ваську, да Ивашка, съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми животы, и съ стоячимъ хлѣбомъ, и съ молоченымъ. Да у тѣхъ же, Государь, крестьянъ взяли Государя моего хлѣба 10 чети ржи да 30 чети овса, въ Углецкую мѣру, да 2 чети пшеницы, да 5 стоговъ сѣна, а въ нихъ полторасто копенъ мѣрныхъ. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня сироту, вели, Государь, тѣхъ Ивановыхъ людей Валуева поставить на Углечѣ и вели, Государь, въ томъ на нихъ дати свой Царской судъ и управу. Царь, Государь, смилуйся.

62. 1618 г. Февраля 5. Отписка воеводы П. Г. Дашкова о молебствіи у раки Св. Благовѣрнаго князя Романа Углицкаго Чудотворца и о посылкѣ Святой воды.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Дашковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 126 году, Ѳевраля въ 3 день, на память проявленныхъ преславныхъ чудесъ благовѣрнаго князя Романа Углецкаго Чудотворца, архимандритъ и протопопъ, и попы въ соборной церкви Боголѣпнаго Преображенья Спасова у цѣлбоносныхъ мощей, у раки Святого Благовѣрнаго Князя Романа, Углецкаго Чудотворца, всенощны и молебны пѣли, и воду святили, и о твоемъ Государевѣ, Царскомъ многолѣтнемъ здоровьѣ Бога молили. И Углецкой Спаской протопопъ Иванъ съ святою водою поѣхалъ къ тебѣ, къ Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, къ Москвѣ, съ сею отпискою.

На оборотѣ написано: Такова жъ отписка послана къ Государю, къ Москвѣ, съ протопопомъ Иваномъ, Ѳевраля въ 5 день.

63. 1618 г. Февраля 20. **Царская грамота о приготовленіи подводъ и лошадей подъ Свѣйскихъ пословъ.**

(Начало утрачено).

...... свои лошади добрыя, а ямскихъ будетъ подводъ подъ пословъ мало и къ ямскимъ подводамъ на прибавку указали мы собрати въ тѣхъ городѣхъ съ посадовъ и съ уѣздовъ съ ближнихъ мѣстъ, со владычныхъ и съ монастырскихъ селъ и со всякихъ людей. И въ нынѣшнемъ, во 126 году, Февраля въ 21 день, въ памяти же въ Ямской же приказъ изъ Посольскаго приказу, за приписью дьяка нашего Савы Романчюкова, написано: писали къ намъ послы наши, князь Федоръ Борятинской съ товарыщи, что Свѣйскіе послы пойдутъ къ намъ къ Москвѣ, Февраля въ 14 день, и идутъ къ намъ, къ Москвѣ, наспѣхъ. И по нашему указу и по прежнимъ нашимъ грамотамъ велѣти бъ въ тѣхъ городѣхъ для Свѣйскихъ пословъ лошади и подводы изготовити тотчасъ, чтобъ за лошадьми и за подводами Свѣйскимъ посламъ въ городѣ не мѣшкать ни одного часу. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ, по нашему указу, для Свѣйскихъ пословъ на Углечѣ велѣлъ изготовити подъ трехъ человѣкъ пословъ по двѣ лошадей добрыхъ, а лошади бы имали по монастыремъ или свои дали добрыя жъ лошади, сколько въ прибавку въ шестеро лошадей доведется, а подъ королевскихъ дворянъ и подъ ихъ людей, чего будетъ ямскихъ подводъ мало, и ты бъ къ ямскимъ подводамъ на подбавку, къ Углецкимъ и къ Кашинскимъ, велѣлъ собрати съ Углеча, съ посаду, и съ Углецкаго уѣзду съ ближнихъ мѣстъ, со владычныхъ и съ монастырскихъ селъ и со всякихъ людей, а одноличио бъ тебѣ на Углечѣ для Свѣйскихъ пословъ подъ трехъ человѣкъ по двое лошадей добрыхъ да подъ королевскихъ дворянъ и подъ ихъ людей подводы велѣлъ изготовить тотчасъ, чтобъ на Углечѣ за лошадьми и за подводами Свѣйскимъ посломъ отнюдь мотчанья не было ни одного часу. А будетъ ты на Углечѣ подъ Свѣйскихъ пословъ, подъ трехъ человѣкъ, по двое лошадей добрыхъ и подъ королевскихъ дворянъ, и подъ ихъ людей подводъ вскорѣ не изготовишь, а на Углечѣ Свѣйскимъ посломъ за подводами будетъ которое мотчанье, и тебѣ за то отъ насъ быть въ великой опалѣ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Февраля въ 20 день.

На оборотѣ вверху: Дьякъ Микита Леонтьевъ.

На склейкѣ: Справилъ Микитка Телобинъ.

64. 1618 г. Марта 4. Данная И. Б. Голочелова Троице-Сергіеву монастырю на дворъ.

Память Ивану Борисовичу Голочелову. Что у меня на Угличѣ дворъ мой въ городѣ, въ острогѣ, подлѣ Кузмодемянской башни въ межахъ съ Троицкимъ дворомъ Сергіева монастыря, а на дворѣ хоромъ: горница бѣлая на подклѣтѣ да сѣни на тепломъ подсѣнѣ, да изба. И я тотъ свой дворъ далъ вкладу въ домъ Живоначальныя Троицы и великихъ чудотворцовъ Сергія и Никона архимариту Денисію и келарю старцу Аврамю Палицыну съ братеею и хто будетъ по нихъ иные власти и братья. А властемъ пожаловати покамѣста я въ животѣ за меня молить Бога, а какъ приспѣетъ время мнѣ постричись и властемъ пожаловати за прежней и за сей вкладъ меня постричь, и келья дати, и устроити, какъ и прочію братію. А Богъ сошлетъ по душу мою и имъ пожаловати велѣти меня написати въ вѣчные сенаники и селники и поминати по монастырскому чину. А тотъ мой дворъ опричь сеѣ даные по душѣ въ иные монастыри нигдѣ не отданъ и не проданъ, и не заложенъ никому. А хто въ тотъ мой дворъ учнетъ вступаться и мнѣ Ивану тотъ свой дворъ очищать ото всякихъ крѣпостей и убытка монастырю никоторого не учинить. А у сеѣ вкладныя сидѣлъ Второй Ивановъ сынъ Шестаковъ. А данную писалъ судныхъ дѣлъ подъячей Ивашко Гавриловъ, лѣта 7126, Марта въ 4 день.

65. 1618 г. Марта 14. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о разборѣ дѣла по челобитной И. Д. Селунскаго о неплатежѣ ему денегъ попомъ Ѳилипомъ по заемной кабалѣ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ переводчикъ Иванъ Дмитрѣевъ сынъ Селунской, Ярославского уѣзда, боярина нашего князя Ѳедора Ивановича Мстиславского вотчины, села Охочины, Никола Мокрого на попа, на Ѳилипа Иванова сына. Занелъ де тотъ Ѳилипъ по кабалѣ 40 рублевъ денегъ, а уплатилъ де онъ ему всего 2 рубли денегъ, а тѣхъ де онъ денегъ ему не платитъ и посямѣсто. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ того попа Ѳилипа велѣлъ поставить передъ собою съ исцомъ Иваномъ Селунскимъ или съ его человѣкомъ съ очи на очи; да по той кабалѣ его распросилъ: такову онъ кабалу на себя давалъ ли? Да будетъ онъ по той кабалѣ повиниться, и ты бъ тѣ деньги велѣлъ доправить,

а доправя, велѣлъ отдати исцу Ивану или его человѣку, а у него въ тѣхъ деньгахъ взялъ отпись впередъ для спору. А въ чемъ будетъ межъ ихъ въ той кабалѣ учинитьца споръ, и ты бъ ихъ въ томъ судилъ, и сыски всякими велѣлъ сыскать накрѣпко, да по суду своему и по сыску межъ ихъ управу учинилъ безволокитно, кто до чего доведетца; да съ того иску наши пошлины и пересудъ и правой десятокъ взявъ на виноватомъ, прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, съ отпискою вмѣстѣ и велѣлъ отдать въ Володимерскомъ въ судномъ приказѣ Юрью Яковлевичу Стромилову да дьяку нашему Якову Демидову. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Марта въ 14 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 126 г., Мая въ 17 день, Иванъ Селунской.

66. 1618 г. Марта 19. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о взыманіи податей съ помѣстья вдовы Томасовой съ полуосмины по дозорнымъ книгамъ П. Загряского.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Била намъ челомъ изъ посольского приказу переводчика Павла Томасова жена Марья, со внукомъ своимъ съ Юрьемъ Наѳонаиловымъ. А сказала: наше де жалованье, вотчина за ними въ Углецкомъ уѣздѣ въ Койской волости, деревня Хотѣны да полъ деревни Понѣева, и та де ихъ вотчина запустѣла и разорена. А какъ де дозиралъ дозорщикъ Петръ Загряской и тое де вотчину въ книгахъ написалъ въ полуосминѣ, а нынѣ съ тоѣ вотчины правятъ съ осмины противъ дозорныхъ книгъ Петра Загряского. А што де было крестьянъ въ той вотчинѣ и тѣ де разбрелись розно. И намъ бы ее пожаловать, велѣти съ тое вотчины всякія наши подати имати, по новымъ книгамъ Петра Загряского съ живущаго. А въ приказѣ Большаго приходу въ Углецкихъ дозорныхъ книгахъ дозору Петра Загряского написано: въ Углецкомъ уѣздѣ въ Койской волости за Павломъ Томасовымъ въ вотчинѣ деревня Хотѣинцова, да полъ деревни Понѣева, пашни паханыя въ живущихъ полосмины. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ съ тое съ вотчины всякія наши подати велѣлъ имать по новымъ дозорнымъ книгамъ Петра Загряскаго съ живущего съ полосмины пашни. Писанъ

на Москвѣ, лѣта 7126 г., Марта въ 19 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 126, Мая въ 5 день.

На склейкахъ скрѣпа: Діякъ Сомовъ.

Внизу: Справилъ Степашъ Угатцкой.

67. 1618 г., Марта 31. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о сборѣ недобранныхъ сборщикомъ К. Ржевскимъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. По нашему указу посланъ на Углечъ для пятинныхъ и запросныхъ недоборныхъ денегъ зборщикъ Курдюкъ Ржевской. И Марта въ 11 день писалъ къ намъ Курдюкъ Ржевской, что собралъ запросныхъ денегъ 90 рублевъ да пятинныхъ денегъ собрано было у тебя денегъ, 10 рублевъ. И ты де тѣ деньги, 10 рублевъ, и что собралъ онъ Курдюкъ, 90 рублевъ, отдалъ Углецкимъ стрѣльцомъ на жалованье. А не добралъ Курдюкъ запросныхъ денегъ 10 рублевъ да пятинныхъ денегъ не добралъ 30 рублевъ. Собрать было ему тѣхъ денегъ вскорѣ не мочно, потому что занели его наши многія дѣла въ Ярославлѣ и для того ему ѣхать на Углечъ отъ нашего дѣла изъ Ярославля не мочно. И нынѣ мы указали тѣ пятинныя и запросныя недоборныя деньги собрати тебѣ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ у выборныхъ людей взялъ пятиннымъ и запроснымъ деньгамъ окладныя росписи, да....тѣхъ денегъ и на комъ именно доведетца, взялъ и ты бъ на нихъ тѣ деньги велѣлъ доправить тотчасъ никому не наровя, а доправя, тѣ деньги и сборныя книги выслалъ къ намъ, къ Москвѣ, съ выборными людьми потомужъ вскорѣ; а на Мотквѣ велѣлъ явитись и деньги и книги велѣлъ отдати дьякомъ нашимъ, Семену Головину да Олександру Иванову. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Марта въ 31 день.

На оборотѣ надпись: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 126, Мая въ 6 день.

Ниже у самого края: О пятинныхъ деньгехъ.

68. 1618 г. Апрѣля 17. Дѣло по обвиненію посадскимъ человѣкомъ М. Мошонкинымъ таможеннаго цѣловальника С. Водопьянова въ сорваніи шапки.

Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ сирота твой, Углечянинъ, посацкой человѣкъ, Микитка Мошонкинъ. Жалоба, Государь, мнѣ на таможеного цѣловальника, на Семена Водопьянова. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 126 году, на вербной недѣлѣ въ пятницу, купилъ, Государь, я сирота у крестьянина холстъ, а тотъ холстъ пятнанъ, и тотъ Семенъ у меня тотъ холстъ хотѣлъ пятнать вдругорядь, и за то пятно снялъ съ меня шапку вишневу съ росомакою, исподъ лисей, цѣна 20 алтынъ съ гривною; да въ ней было 5 рублевъ денегъ. Милостивый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи смилуйся, вели, Государь, мнѣ на того Семена въ томъ дати свой Царской судъ и управу. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ написано: 126 г., Марта въ 27 день, передъ воеводою передъ Петромъ Григорьевичемъ Дашковымъ Семенка Водопьяновъ отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ сказалъ: хотѣлъ де у Микиѳора холстъ запятнати, и онъ де Микиѳоръ холстъ запятнати не далъ. И онъ Семенка снялъ съ него за то шапку; а съ шапкою денегъ 5 рублевъ не взялъ: тѣмъ де его поклепалъ.

И въ томъ исца Никиѳорка допросили: чѣмъ его уличаешь?

И истецъ уличалъ новиною да шапкою; въ томъ допрошенъ многажда; да онъ же истецъ сказалъ: впередъ де ему на томъ же Семенѣ искати трехсотъ колпаковъ; тѣмъ грозилъ, а уличать де инымъ ему нечѣмъ.

И истецъ по суду обвиненъ, потому что улики никоторыя не сказалъ и, на судѣ стоя, отвѣтчику грозилъ.

Апрѣля въ 17 день, на исцѣ на Никиѳоркѣ Мошонкинѣ пошлинъ 16 алтынъ взято, а въ достали данъ срокъ для бѣдности. Порука по исцѣ Потапъ Созоновъ.

69. 1618 г. Дѣло о безчестіи и увѣчьи мастероваго Илейки Мануйлова Японешника съ кузнецомъ В. И. Вороной.

Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Руси бьетъ челомъ Углечанинъ посадцкой мастеровой человѣкъ Илейка Мануйловъ сынъ Японешникъ. Жалоба, Государь, мнѣ на посадцкого

жъ человѣка на Василья Иванова сына, кузнеца, прозвище Ворону. Дѣялося, Государь, нынѣшняго 126 году, послѣ Велика дни на четвертой недѣлѣ, во вторникъ. Почалъ я ему говорилъ въ огородѣ о изгородѣ, чтобъ онъ свою выть городить, и онъ, Государь, меня убилъ до крови, и бороду выдралъ, и за власы дралъ, и всякою лаею неподобною лаялъ, и безчестилъ, и руку у меня лѣвую вышибъ, увѣчна. Милостивый Царь, Государь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Руси, смилуйся, вели, Государь, мнѣ на немъ въ томъ дати свой Государевъ праведной сыскъ и судъ и управу; а безчестью, Государь, моему и увѣчью, что ты Государь укажешь, чтобъ, Государь, я отъ него изувѣченъ въ конецъ не погибъ. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ написано: 126, Апрѣля въ 29 день, передъ воеводою передъ Петромъ Григорьевичемъ Дашковымъ Васька отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ сказалъ: не знаю, не вѣдаю, не бивалъ и за волосы, за бороду не дралъ, не изувѣчилъ; въ томъ де клеплетъ. Истецъ подалъ ссылочную память, а въ памяти пишетъ:

На другомъ листкѣ: А сверхъ, Государь, суда сего шлюсь я Илейко изъ виноватыхъ въ видѣнье на Ждана стрѣльца да на Ильинскую попадью Оксинью, да на вдову на Овдотью, да на Левонтьеву сестру Свѣшникову, на Устинью. Тѣ, Государь, видѣли, какъ меня тотъ Василей кузнецъ билъ и бороду у меня дралъ; въ томъ, Государь, на нихъ шлюся.

На оборотѣ написано: На всѣхъ слался въ послушество. А сказалъ: со всѣми тѣми бранится и ни съ кѣмъ у него миру нѣтъ. И воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ велѣлъ исцовы правды допросити, потому что отвѣтчикъ Васька сказалъ со всѣми съ ними бранится, а имянно не сказалъ, про что бранится и ни съ кѣмъ у него миру нѣтъ, и отводилъ правду не по дѣлу, потому велѣлъ ихъ правды допросити, по Государеву крестному цѣлованію.

70. 1618 г. Іюля 6. Списокъ съ царской грамоты воеводѣ П. Г. Дашкову о томъ, чтобы торговые люди монастырскихъ слободъ несли повинности врядъ съ посадскими людьми.

Списокъ съ Государевы грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Били намъ

челомъ Углечане, посадскіе люди, земской староста Микита Трегубовъ и во всѣхъ Углечанъ посадскихъ людей мѣсто, Углечанъ же монастырскихъ слободъ Олексѣевскаго да Покровскаго, да Воскресенскаго монастыря на торговыхъ людей, а сказали, тянули де тѣхъ монастырскихъ слободъ торговые люди съ посадскими людьми вмѣстѣ въ посланичьи кормы и во всякіе расходы давали, и въ таможнѣ, и на кабакѣ съ ними съ Углечаны съ посадскими людьми сидѣли. А имали де съ тое Алексѣевскія слободы въ таможню и на кабакъ по четыре человѣка, а съ Воскресенскія и съ Покровскія слободы по одному человѣку, а давали де они въ посланичій кормъ и во всякіе расходы вкладъ въ рубль по полуполтинѣ. А нынѣ тѣхъ монастырскихъ слободъ торговые люди гонцовъ и посланниковъ по своимъ дворомъ не ставятъ, и въ посланичьи кормы, и во всякіе расходы ничего не даютъ, и въ таможнѣ и на кабакѣ не сидятъ и десятскихъ своихъ не посылаютъ, а ставятъ де гонцовъ и посланниковъ у Углечанъ у посадскихъ людей а имъ де отъ того ставится тѣсноста и убытки великіе. И намъ бы ихъ пожаловати и велѣти тѣхъ монастырскихъ слободъ торговымъ людемъ всякія подати давати и службы служити съ Углечаны съ посадскими людьми врядъ и стояльщиковъ у нихъ во дворѣхъ ставити по прежнему, какъ было напередъ сего. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ велѣлъ тѣмъ монастырскимъ слободамъ тянути съ Углечаны съ посадскими людьми во всякія подати и службы служити съ ними врядъ и стояльщиковъ у нихъ велѣлъ во дворѣхъ ставити по прежнему, какъ бывало напередъ сего. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставилъ у себя, а сю нашу подлинную грамоту отдалъ бы еси Углечаномъ посадскимъ людемъ и они ее держатъ у себя впередъ для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. Писана на Москвѣ, лѣта 7126, Іюля въ 6 день. А у подлинныя грамоты приппсь дьяка Патрекѣя Насонова.

71. 1618 г. Іюля 10. Царская грамота воеводѣ П. Г. Дашкову о воспрещеніи Ѳ. Погожему владѣть Яновой слободкой.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Били намъ челомъ Углечане, посадскіе люди, земской староста Микитка Трегубовъ и во всѣхъ посадцкихъ людей мѣсто, а сказали: пашетъ де у нихъ на Углечѣ, на посадѣ, Яновы слободкп пашню и сѣнные покосы ко-

ситъ насильствомъ безъ дачи Θедоръ Погожей, а они посадцкіе люди съ тое слободки оброчныя деньги въ нашу казну, на Москвѣ въ приказѣ Большого Дворца, платятъ ежегодъ, и намъ бы ихъ пожаловати Θѳдору Погожему насильствомъ безъ дачи тое Яновы слободки пашни пахать и сѣнныхъ покосовъ косить не велѣти. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ Θедору Погожему у Углечанъ, у посадцкихъ людей, тое Яновы слободки насильствомъ безъ дачъ пашни пахать и сѣна косить ему не велѣлъ, и отъ того Θедора, и отъ сторонъ отъ всякихъ людей, отъ продажъ и отъ насильства, оберегалъ, чтобъ имъ никто напрасно продажъ и насильства не чинилъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Іюля въ 10 день.

На оборотѣ написано: На Углечъ воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 126, Іюля въ 23 день.

72. 1618 г. Іюля 13. Списокъ съ царской грамоты воеводѣ П. Г. Дашкову объ обереганіи посадскихъ людей.

Списокъ съ Государевы грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи, на Углечъ, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Билъ намъ челомъ Углечанинъ посадцкой земской староста Микитка Трегубовъ во всѣхъ Углечанъ посадцкихъ людей мѣсто, а сказалъ: бьютъ де челомъ на нихъ Углечанъ посадцкихъ людей и емлютъ по нихъ изъ приказа Большого Дворца наши грамоты въ поклепныхъ искѣхъ многіе Углечане дворяне и дѣти боярскіе, и Олексѣевского монастыря, и Псарскія, и Ямскія слободы охотники, и иные всякіе люди, и ихъ люди, и крестьяне сами, и мимо себя, и окупными людьми. И по тѣмъ нашимъ грамотамъ ищутъ на нихъ на Москвѣ въ приказѣ Большого Дворца, поклепавъ напрасно, и въ томъ имъ чинится продажа и убытки многіе, и убойство, и насильство великое, и отъ тое продажи, и отъ насильства, и отъ всякихъ обидъ посадцкіе люди съ Углеча бредутъ розно. И намъ бы ихъ пожаловать, велѣть во всякихъ дѣлѣхъ съ исцы ихъ судить на Углечѣ и имъ судъ давать потомужъ на всякихъ людей, а отъ насильства и отъ обидъ беречи. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ Углечанъ посадцкихъ людей въ всякихъ дѣлѣхъ съ исцы ихъ судилъ на Углечѣ, и имъ судъ давалъ потомужъ на всякихъ людей и межъ ими управу чинилъ безволокитно, и отъ насиль-

ства ихъ Углечанъ посадцкихъ людей и ото всякихъ обидъ оберегалъ. А только будетъ Углечане, дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе люди, и ихъ люди, и крестьяне, на Углечанѣхъ посадцкихъ людѣхъ учнутъ чего искать, а Углечане посадцкіе люди учнутъ на нихъ бить челомъ встрѣчно о судѣ, и тѣ будетъ люди встрѣчно отвѣчати Углечаномъ посадцкимъ людемъ не похотятъ, и тыбъ тѣмъ людемъ на Углечанъ посадцкихъ людей на самихъ суда не давалъ, чтобъ Углечаномъ посадцкимъ людемъ напрасныя продажи и насильства, и обиды ни отъ кого не было. А прочетъ сю нашу грамоту списалъ списокъ себѣ, а подлинную сее нашу грамоту отдалъ Углечанамъ земскимъ старостамъ и цѣловальникомъ и всѣмъ посадскимъ людемъ для нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Іюля въ 13 день. А у подлинные грамоты припись дьяка Патрикѣя Насонова.

73. 1618 г. ранѣе Іюля 23. Царская грамота о наказаніи посадскаго человѣка, закладывающагося за Алексѣевскій монастырь.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Углечь, воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову. Били намъ челомъ Углечане посацкіе люди, староста Микитка Трегубовъ и во всѣхъ Углечанъ посацкихъ людей мѣсто, на Углечанина жъ, на посацкаго человѣка, на Гаврилка Клементьева сына Красильника; а сказали, что тотъ Гаврилко изстари Углечанинъ посацкой человѣкъ и жилъ на Углечѣ на посадѣ, а нынѣ де онъ на Углечѣ на посадѣ жить не хочетъ и закладываетца изъ за насъ за Олексѣевской монастырь. И намъ бы ихъ пожаловати, велѣти бъ тому Гаврилку Красильнику на Углечѣ, на посадѣ, жити по прежнему. И будетъ такъ какъ намъ староста Микитка Трегубовъ и во всѣхъ Углечанъ посацкихъ людей мѣсто билъ челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а тотъ будетъ Гаврилко Красильникъ старинной Углечанинъ посацкой человѣкъ, а не Олексѣевского монастыря крестьянинъ, а нынѣ будетъ онъ закладываетца изъ за насъ за Олексѣевской монастырь въ закладчики ново, не хотячи на Углечѣ на посадѣ жити, и ты бъ велѣлъ того Гаврилка бить ботоги нещадно, чтобъ впередъ на то смотря инымъ неповадно было такъ воровать, а бивъ батоги велѣлъ по немъ взять поруку съ записью, что ему жить на Углечѣ на посадѣ и всякія наши подати платить по прежнему съ Углечаны съ посацкими людьми. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7126, Іюля въ — день.

На оборотѣ надпись: На Углечь воеводѣ нашему Петру Григорьевичу Дашкову.

Подъ надписью помѣта: 126 году, Іюля въ 23 день.

74. 1619 г. Списокъ съ купчей Б. Я. Кортемова на сельцо Ивашево.

Списокъ съ купчей слово въ слово.

Се язъ Левонтей Оѳонасьевъ сынъ Лазоревъ, Сытного дворца малого погреба стряпчей, продалъ есми служилому иноземцу Борису Яковлеву сыну Картемову и его женѣ и дѣтемъ впрокъ безъ выкупу старинную свою вотчину въ Углецкомъ уѣздѣ въ Городскомъ стану половину сельца Ивашева съ пашнею и съ пустошми, и съ луги, и съ болоты, и со всѣми угодіи, куды изстари по тяглу ходилъ плугъ и соха, и коса, и топоръ по старымъ межамъ, что къ тому полусельцу изстари всякихъ угодій написано. А взялъ я Левонтей у Бориса за ту свою вотчину, за половину сельца Ивашева со всѣмъ угодемъ, 25 рублевъ денегъ да пополнки свиню, а подъ нею 12 поросятъ. А та вотчина у меня у Левонтія, опричь Бориса иному никому не продана и не заложена, а по душѣ ни по комъ ни куды не отдана, ни въ даныхъ и въ рядныхъ ни за кѣмъ не записана, ни въ какихъ крѣпостяхъ ни у кого ни въ чемъ ни укрѣплена. А вылежетъ на тое мою вотчину опричь сей купчей иная купчея или кабала закладная, или духовная, или даная, или рядная, или иная какая крѣпость ни буди, и мнѣ Левонтью та вотчина ото всякихъ крѣпостей очищати и убытка ни котораго Борису ни учинити, а что Борису учинитца убытка въ томъ моемъ Леонтевѣ вотчинномъ неочищеньѣ и тѣ убытки Борису взять на мнѣ Левонтьѣ по сей купчей всѣ сполна. Да и въ книги въ Помѣстномъ приказѣ мнѣ Левонтью та вотчина за Борисомъ написати. А что Борисъ проча себѣ и женѣ своей, и дѣтемъ своимъ въ той вотчинѣ лѣсу разчиститъ и пашни распашетъ, и дворовъ поставитъ, и крестьянъназоветъ и крестьяномъ что ссуды дастъ, а хто будетъ той вотчинѣ роду моего выещетца вотчникъ и учнетъ у Бориса тое вотчины выкупати и Борису взяти на томъ, кто у него роду моего тое вотчину выкупитъ, деньги 25 рублевъ и пополнка свиня съ приплодомъ, что я у него взялъ и вотчиное строеня и крестьянское ссуда, во что Борису станетъ.

А въ послусѣхъ у подлинной купчей Тихонъ Михайловъ, Кондратій Ларіоновъ, Богданъ Захаревъ, Иванъ Федоровъ. А подлинную купчею

писалъ Смирка Кузминъ. Лѣта 7127 году.

75. 1619 г. Января 3. Отписка воеводы М. Волконскаго и распросныя рѣчи по обвиненію тюремнаго сторожа И. Онисимова въ государевомъ словѣ.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Микитка Волконской челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 127 году, Генваря во 2 день, извѣщалъ мнѣ холопу твоему твое Государево, Царево и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи слово тюремной сидѣлецъ Первушка Севриновъ на тюремного сторожа, на Ивашка Онисимова. И я холопъ твой того жъ дни тюремнаго сидѣльца Первушку Севринова и иныхъ тюремныхъ же сидѣльцовъ, Микиѳорка Конского да Яшку, съ сторожемъ съ Ивашкомъ Онисимовымъ съ очей на очи выспрашивалъ, и что̀, Государь, мнѣ холопу твоему тюремные сидѣльцы Первушка Севриновъ, Микиѳорко Конской и Яшка, и тюремной сторожъ Ивашко Онисимовъ въ распросѣ сказали, и я холопъ твой ихъ распросныя рѣчи послалъ къ тебѣ къ Государю, къ Москвѣ, подклея подъ сею отпискою.

127, Генваря въ 2 день, воеводѣ князю Микитѣ Ондреевичу Волконскому изъ тюрьмы тюремной сидѣлецъ Первушка Севриновъ билъ челомъ, а сказалъ за собою Государево, Царево и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи слово.

И того жъ дни передъ воеводою, передъ княземъ Микитою Ондреевичемъ Волконскимъ, тюремной сидѣлецъ Первушка Севриновъ въ распросѣ сказалъ: ночей де въ разбойной тюрьмѣ тюремной же сидѣлецъ Микиѳорко Конской сказывалъ ему Первушкѣ, въ прошломъ де, во 126 году, о Троицынѣ дни, какъ де ты Первушка у сторожа изъ сторожни ушелъ и губной де староста Второй Демьяновъ въ твое мѣсто посадилъ въ тюрьму тюремного сторожа Ивашка Онисимова, и Ивашко де сторожъ говорилъ имъ тюремнымъ сидѣльцомъ, не блюдите де ся, сидите въ тюрьмѣ, Государю де, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи будетъ перемѣна. Да тюремной же сидѣлецъ, Ивановъ человѣкъ Зюлина, Яшка тоже ему Первушкѣ сказывалъ, что сторожъ Ивашко въ тюрьмѣ про Государя такое слово говорилъ. А какъ де Микиѳорко Конской такое слово ему Первушкѣ сказывалъ, и въ ту пору слышали въ тюрьмѣ тюремные сидѣльцы Воинъ Еремѣевъ да Подобѣдко.

Того же часу тюремной же сидѣлецъ Микиѳорко Конской въ распросѣ сказалъ, что такое слово про Государя Первушкѣ Севринову онъ сказывалъ, въ прошломъ де, во 126 году, о Троицынѣ дни, какъ Первушка Севриновъ изъ сторожни у сторожа у Ивашка Онисимова ушелъ и губной де староста Второй Демьяновъ сторожа Ивашка Онисимова посадилъ къ нимъ въ тюрьму, и тюрьму заключилъ, не сталъ ихъ выпущать изъ тюрьмы въ тынъ; и они де всѣ стали голодни, что милостины къ нимъ нихто не подастъ, и сторожъ де Ивашко говорилъ имъ: не плачь де те, въ тюрьмѣ что съ голоду помираете, будетъ де Государю перемѣна. И онъ де Микиѳорко у губного старосты, у Второго Демьянова, просилъ бумаги и чернилъ Государево дѣло писать и Второй де бумаги и чернилъ ему не далъ.

Того жъ часу тюремный же сидѣлецъ Яшка сказалъ тѣ жъ рѣчи, что сторожъ Ивашко Онисимовъ такое слово про Государя говорилъ, а у Второго де бумаги и чернилъ онъ просилъ и Второй де бумаги и чернилъ имъ не далъ.

Того жъ часу тюремной сторожъ Ивашко Онисимовъ съ тюремными сидѣльцы съ Первушкою и съ Микиѳоромъ и съ Яшкою на очной ставкѣ передъ воеводою, передъ княземъ Микитою Ондреевичемъ Волконскимъ, повинился, а сказалъ, что такое слово въ тюрьмѣ сидя, въ прошломъ во 126 году о Троицынѣ дни про Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи говорилъ староста.

На оборотѣ надпись: Такова жъ отписка и распросныя рѣчи посланы къ Государю, къ Москвѣ, въ Разбойный приказъ съ Левонтьемъ Погожимъ, Генваря въ 3 день.

76. 1619 г. Мая 4. Списокъ съ отписи въ полученіи ямскихъ денегъ съ помѣстья Б. А. Маракушева.

Списокъ съ отписи слово въ слово.

Лѣта 7127, Мая въ 4 день, по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамотѣ изъ Ямского приказу, Илья Васильевъ Беклемишевъ взялъ съ Баушова помѣстья и вотчины Аѳонасьевича Маракушева, Моложскаго стану, съ полусельца Ажирова съ деревнями, да Койского стану съ его же сельца Личишева да съ деревни Красныя, всего съ живущаго съ полуторы осьмины пашни, Московскимъ охотникомъ и розныхъ городовъ на жалованье и на прогоны, на нынѣшній, на 127 годъ, 25 алтынъ. Платилъ деньги староста

Иванъ Григорьевъ.

77. 1619 г. Мая 7. Списки съ двухъ отписей въ полученіи ямскихъ денегъ съ помѣстій Д. Ивановскаго.

Списокъ съ описи слово въ слово.

Лѣта 7127, Мая въ 7 день, по Государевѣ, Царевѣ и Великого Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи грамотѣ изъ Ямского приказу, Илья Васильевичъ Беклемишевъ взялъ съ Давыдова помѣстья Ивановского, села Котова, съ полъосмины пашни, Московскимъ и разныхъ городовъ ямскимъ охотникомъ на подмогу и на прогоны, на нынѣшней 127 годъ, полъ полтины. Платилъ староста Ермакъ Максимовъ. Къ сей отписи Илья Васильевичъ Беклемишевъ печать свою приложилъ.

Списокъ съ отписи слово въ слово.

Лѣта 7127, Мая въ 7 день, по Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи грамотѣ изъ Ямского приказу, Илья Васильевичъ Беклемишовъ взялъ съ Игнатьева помѣстья Ивановского, съ полу деревни Моравьева, съ полъосмины пашни, Московскимъ и разныхъ городовъ охотникамъ на прогоны и на подмогу, на нынѣшней, на 127 годъ, полъ полтины денегъ. Платилъ Михалко Борисовъ. Къ сей отписи Илья Васильевичъ Беклемишевъ печать свою приложилъ.

78. 1619 г. Мая 20. Отпись въ полученіи ямскихъ денегъ съ разныхъ помѣстій.

Лѣта 7127, Мая въ 20 день, по Государевѣ, Царевѣ и Великого Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи грамотѣ изъ Ямского приказу, Илья Васильевичъ Беклемишевъ взялъ Углецкого уѣзда, Мологского стану, села Весокъ..... помѣстей вдовы Марьи Котинскіе съ трехъ четвериковъ, нѣмчина Петрова съ четверика, Семена Гробовскаго съ 5 четвериковъ, Степана Залѣского съ полуосмины, Василья Клюковского съ полуосмины, Дмитрея Семеновича Погожего, съ сельца Лушмы, съ осмины, Ариста Глѣбова, съ сельца Микульского, съ чети, Микиθора Засецкого съ вотчины съ осмины, и всего съ 3 чети и съ 3 четвериковъ пашни, Московскимъ и разныхъ городовъ охотникомъ, на подмогу и на прогоны, на нынѣшней 127 годъ, взято 3 рубли, 12 алтынъ, 3 деньги. Платилъ Ивашко Онтоновъ. Къ сей отписи Илья Васильевичъ Беклемишевъ печать свою приложилъ.

79. 1619 г. Іюля 20. Списокъ съ жалованной грамоты Н. Арцыбашевой на деревню Подсосенье съ деревнями и съ пустошьми.

Списокъ съ Государевы грамоты слово въ слово съ вотчинныя.

Божіею милостію мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ пожаловали есьмя вдову нѣмку Настасію Юреву жену Арцыбашева за мужа ея къ намъ и ко всему Московскому государству прямую службу. Какъ въ прошломъ, во 126 году, пришелъ подъ наше государство, подъ царствующій градъ Москву, Литовскаго короля Жигимонтовъ сынъ Владиславъ и въ нынѣшнемъ, во 127 году, стоялъ онъ подъ Москвою со многими польскими и литовскими людьми, и жестокими приступы доступалъ, и хотѣлъ Московское государство взять и разорить до основаня, и церкви Божіи осквернить, и святую нашу истинную непорочную православную христіанскую вѣру попрати, а учинити свою проклятую еретическую, латынскую вѣру. А мужъ ее Юрій, памятуя Бога и Пречистую Богородицу, и православную крестьянскую вѣру, и наше крестное цѣлованье, съ нами Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Θеодоровичемъ всеа Русіи на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ и за православную крестьянскую вѣру, и за святыя Божія церкви, и за насъ Великаго Государя противъ королевича Владислава и польскихъ, и литовскихъ, и нѣмецкихъ людей, и черкасъ стоялъ крѣпко и мужественно, и на боѣхъ, и на приступѣхъ бился, не щадя головы своей, и на какія королевичевы прелести не прельстился и многую свою службу и правду къ намъ и ко всему Московскому государству показалъ и, будучи въ осадѣ, во всемъ оскудѣлъ и нужду терпѣлъ. И королевичъ Владиславъ и гетманъ Хоткѣевъ, и вcѣ паны рада, и польскіе, и литовскіе, и нѣмецкіе люди, и черкасы, слыша на тѣхъ людей за православную крестьянскую вѣру и за насъ Великаго Государя крѣпко стоятельство и твердость, а отъ бояръ нашихъ и воеводъ, которые были на Москвѣ и которые съ Москвы изъ осады посланы были по городамъ, видя надъ собою промыслъ и крѣпкостояне, учинили съ бояры нашими и со всею землею Московскаго государства перемире, изъ государства нашего и изъ земли королевичъ и гетманъ со всѣми польскими и съ литовскими, и съ нѣмецкими людьми, и съ черкасы вышелъ въ Литву и въ Польшу и городы, которые было поималъ, намъ Великому Государю отдалъ. И то сдѣлалось Божіею милостію и Пречистыя Богоро-

дицы помощью и заступленіемъ великихъ Московскихъ чудотворцовъ и отца нашего святейшаго патріарха Өиларета Никитича Московскаго и матери нашея великія старицы Марфы Ивановны молитвами и нашимъ царскимъ, а бояръ нашихъ и воеводъ, и всякихъ чиновъ къ намъ прямою службою и раденемъ, и твердостію.

И за тѣ службы мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ пожаловали есмя нѣмку Настасью Юрьеву жену Арцыбашева за мужа ея за Московское осадное сидѣнье прожиточнымъ помѣстьемъ ея жеребьемъ въ Углецкомъ уѣздѣ, въ Городскомъ стану половиною сельца Подсосеня, половиною деревни Микиткиной, половиною деревни Парунова, половиною пустоши Былцыной, половиною трети пустоши Кудриной въ вотчину со всѣми угодьи. А въ дачѣ 127 году въ тѣхъ деревняхъ и пустошахъ, опричь дочери его дѣвки Анницы прожиточнаго жеребя, написано: пашни 70 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ. А на ту вотчину велѣли есмя ей дать сю нашу царскую жалованную грамоту за нашею государскою красною печатью. И по нашему царскому жалованью въ той вотчинѣ она вдова Настасья вольна и вольно ей та вотчина продать и заложить, и въ монастырь по душѣ мужа своего и по своей душѣ дать, а изъ монастыря та вотчина взять на насъ, а деньги въ монастырь дать за нее изъ нашея государскія казны по полтинѣ за четь, а въ монастырь та вотчина по прежнему нашему уложенію не крѣпка. А будетъ учнетъ сидѣти во вдовахъ или пострижется и ей та вотчина вольно продати и заложити, а будетъ вдовствомъ сидѣть и постричтца не похочетъ, а пойдетъ замужъ, и та вотчина взяти на насъ въ помѣстныя земли, а мужа ея по душѣ за ту вотчину дать изъ нашея казны деньги противъ того, какъ изъ монастыря указано выкупить, а жениха ея пожалуемъ изъ тое вотчины въ помѣстье по нашему царскому разсмотрѣнію, что доведетца. Писанъ нашего государства въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7127, іюля въ 20 день. А у подлинныя государевой грамоты его Государево Царское имя, а припись дьяка Гарасима Мартемьянова. Справка подъячего Ивашки Ларивонова.

80. 1619 г.—Списокъ съ купчей Д. Г. Сопнова на деревню Подсосенье съ деревнями и съ пустошьми.

Списокъ съ купчей слово въ слово.

Се язъ вдова нѣмка Настасья Иванова дочь Юрьевская жена Ар-

цыбашева продала есми Резанцу Дмитрею Григорьеву сыну Сопнову и его женѣ и дѣтемъ впрокъ безъ выкупу жалованье мужа своего Юрья Арцыбашева выслугу, что дано за Московское осадное сидѣніе въ нынѣшнемъ, во 127 году, за королевичъ приходъ вотчину свою въ Углецкомъ уѣздѣ въ Городскомъ стану половину сельца Подсосеня да половину деревни Микиткиной, да половину деревни Поруновой, да половину пустоши Былцыной, да треть пустоши Кудриной, а въ той половинѣ сельца дворъ вотчиниковъ съ пашнею и съ луги, и съ лѣсомъ, и съ болоты, и со всѣмъ угодемъ, куды изстари по тяглу къ той вотчинѣ ходилъ плугъ и соха, и коса, и топоръ по старымъ межамъ, а той вотчины на 70 чети. А взяла язъ Настасья у Дмитрея за тое свою вотчину 200 рублевъ денегъ да пополнки камку багрову. А та вотчина у меня Настасьи опричъ Дмитрея иному никому не продана и не заложена, и по душѣ ни въ которой монастырь ни по комъ не отдана, и въ даныхъ и въ рядныхъ ни за кѣмъ не написана, ни въ какихъ крѣпостѣхъ ни у кого ни въ чемъ не укрѣплена. И дочери моей Аннѣ и затю моему, кого дочери моей Богъ дастъ, и моему роду и племени никому дѣла нѣтъ. А вылежетъ на тое мою вотчину опричъ сей купчей иная купчая или кабала закладная, или духовная, или даная, или рядная, или иная какая крѣпость нибуди, и мнѣ Настасьѣ та вотчина Дмитрею ото всяких крѣпостей и ото всего очищать и убытка Дмитрею ни котораго не учинить. А что Дмитрею учинитца убытка въ той вотчинѣ, а въ моемъ Настасьинѣ неочищеньѣ, и тѣ убытки Дмитрею взять на мнѣ, на Настасьѣ, по сей купчей всѣ сполна. Да и въ книги въ Помѣстномъ приказѣ мнѣ Настасьѣ та вотчина за Дмитреемъ написать. А что Дмитрей проча собѣ и женѣ своей, и дѣтемъ своимъ, и внучатамъ, и правнучатамъ въ той вотчинѣ лѣсу разчиститъ, и пашню распашетъ, и дворовъ поставитъ, и крестьянъ назоветъ, и крестьяномъ что ссуды дастъ, а хто будетъ той вотчинѣ роду моего выизщетца вотчиникъ и учнетъ тое вотчину у Дмитрея или у жены его, и у дѣтей выкупать и Дмитрею взяти на томъ, хто у него начнетъ тое вотчину выкупать, тѣ деньги 200 рублевъ и пополнку камку взять, что я Настасья взяла, и вотчиное строенье и крестьянская ссуда во что Дмитрею встанетъ. А на то послуси Богданъ Захаровъ да Иванъ Федоровъ, да Василій Тимоѳѣевъ, да Кондратей Ларіоновъ. А купчею писалъ Смирко Кузминъ. Лѣта 7127.

81. 1619 г. Августа 10. Жалованная грамота Алексѣевскому монастырю на рыбныя ловли.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Угличъ, воеводѣ нашему Ѳѳонасью Юрьевичу Кукарину. Билъ намъ челомъ съ Углеча Олексѣевского монастыря строитель старецъ Мисайло съ братіею, а сказалъ: многими времены тотъ Олексѣевской монастырь и вотчина вся отъ литовскихъ людей войны и отъ рускихъ воровъ не по одинъ годъ разорена безъ остатка и братіи де питатись нечѣмъ и монастырскія рыбныя ловли своей у насъ нѣтъ, и есть де на Угличѣ на посадѣ оброчная рыбныхъ ловцевъ слободка, а рыбная у нихъ ловля вверхъ по Волгѣ рѣкѣ по заволжской сторонѣ по рѣку по Кашинку на 20 верстахъ, а на низъ по рѣку по Сѣру на 10 верстахъ, а отъ города по нагорной сторонѣ вверхъ по рѣку по Таршу на 15 верстахъ, а на низъ по рѣку по Учемку по нагорной же сторонѣ на 15 жъ верстахъ по обѣ стороны рѣки Волги и по угодямъ, и по лугамъ для снастныя просухи дано имъ земли по 15 саженъ, а платятъ де они въ нашу казну на Москвѣ съ тое рыбныя ловли годовой оброкъ въ приказъ Большого Дворца по 9 рублевъ. А имъ де въ Олексѣевской монастырь нашего жалованья годовыя руги на свѣчи и на ладанъ, и на милостыню даютъ по шти рублевъ, по 14 алтынъ съ деньгою на годъ, а тое де оброчныя слободки рыбные ловцы съ Углечаны съ посацкими и съ сошными людьми нашего тягла и податей, и столовыхъ запасовъ, и казача бѣлого корму, и ямскихъ и пищалныхъ денегъ не даютъ, и ни во что не тянутъ, и ни чѣмъ ихъ къ посаду и къ сошнымъ людемъ не притягиваютъ. И намъ бы его строителя старца Мисайла съ братіею пожаловати, велѣти ему тое оброчную рыбную слободку съ жильцами и тѣ заповѣдныя воды по обѣ стороны рѣки Волги, чѣмъ владѣютъ тѣ рыболове, дати къ нимъ въ Олексѣевской монастырь на темьянъ и на ладанъ за наше жалованье, за годовую ругу, въ вотчину. А въ приказѣ Большого Дворца въ приходныхъ въ окладныхъ книгахъ написано: нынѣшняго, 127 году, съ Углецкихъ рыболовей и съ рыболовскія оброчныя слободки въ боченныя рыбы мѣста за 100 стерлядей большихъ да за 100 стерлядей среднихъ, да за 100 стерлядей меньшихъ, за большую по 8 денегъ, за среднюю по алтыну, за меньшую по 4 деньги, и того 9 рублевъ и тѣ деньги на нынѣшней, на 127 годъ, въ нашу казну взяты сполна.

Да по расходнымъ окладнымъ книгамъ нынѣшняго 127 году напи-

ато: въ Олексѣевской монастырь, что на Углечѣ, игумену съ братіею, годовыя милостыни и за воскъ, и за пресной медъ 6 рублевъ, 14 алтынъ и съ деньгою и тѣ деньги въ Олексѣевской монастырь на нынѣшней, на 127 годъ, велѣно дати на Углечѣ изъ таможенныхъ доходовъ. И мы съ Углеча Олексѣевского монастыря строителя старца Мисайла съ братіею, или хто по нихъ въ томъ монастырѣ игумены и иные строители и братія впередъ будутъ, пожаловали, велѣли ему тое рыбную оброчную слободку, что на Углечѣ, дати имъ въ монастырь за годовыя ружныя деньги, а что съ той слободки сверхъ ружныхъ денегъ перешло 19 алтынъ съ деньгою и мы ихъ и тѣми деньгами пожаловали, велѣли имъ тѣ деньги дати въ монастырь на воскъ, на темянъ и на ладанъ.

И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ на Углечѣ на посадѣ въ рыболовской слободкѣ велѣлъ переписати дворы и во дворѣхъ людей по именомъ и у нихъ дѣтей, и братю, и племянниковъ, и захребетниковъ, а переписавъ отказалъ тое рыболовскую слободку и съ рыбными ловцы въ Олексѣевской монастырь строителю старцу Мисайлу съ братіею и рыбными ловлями въ рѣкѣ Волгѣ велѣлъ имъ владѣти тѣми, которыми рыбными ловлями владѣли тое слободки рыболове по нашей жалованной грамотѣ. А какъ на Углечѣ тое оброчную рыбную слободку съ рыбными ловцы и съ рыбными ловлями въ Олексѣевской монастырь откажешь и ты бъ той рыболовской слободки переписныя книги за отпищиковой и за поповыми руками прислалъ къ намъ къ Москвѣ и велѣлъ отдать въ приказъ Большого Дворца боярину нашему Борису Михайловичу Салтыкову да дьякомъ нашимъ Ивану Болотникову съ товарищи, а другія таковыжъ книги за отпищиковою и за поповыми руками велѣлъ отдати въ Олексѣевской монастырь строителю старцу Мисайлу съ братіей. А прочетъ сю нашу грамоту, отдалъ ее въ Олексѣевской монастырь строителю старцу Мисайлу съ братіей почему имъ или хто по нихъ въ томъ монастырѣ игумены или иные строители и братья будутъ тое слободкою и ловцы и рыбными ловлями владѣти, а у себя съ сеѣ нашея грамоты оставилъ списокъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7127, Августа въ 10 день.

82. 1619 г. Сентября 10. Списокъ съ отписи въ полученіи ямскихъ денегъ съ помѣстья Б. А. Маракушева.

Списокъ съ отписи слово въ слово.

Лѣта 7128, Сентября въ 10 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи наказу изъ Ямского приказу, за приписью дьяка Андрея Подлѣскаго, Салтанъ Ефимьевъ взялъ ямскихъ денегъ, Московскимъ охотникомъ и разныхъ городовъ на ямскую гоньбу и на прогоны, на нынѣшней, на 128 годъ, съ Бапушева помѣстья и вотчины Аθанасьевича Маракушева, Моложскаго стану, съ полусельца Ажирова съ деревнями, да Койского стану съ его сельца Личишева да съ деревни Красныя, всего съ полуторы осмины пашни 25 алтынъ. Платилъ деньги староста Иванъ Григорьевъ.

83. Не ранѣе 1620 г. Описаніе г. Углича.

На Углечѣ на посадѣ......

Ружная церковь Рожество Христово.....

А въ той Яновѣ слободкѣ земля дворовая посадская и.... владѣетъ тою Яновою слободкою Θедоръ Погожей.

На Углечѣ на посадѣ церковь ружная теплая Макарей Чудотворецъ, придѣлъ Святыхъ Чудотворецъ Козьмы и Доміана; дв. попъ Θилипъ, келя старыя попади Макаревскаго попа Евсихея. На Углечѣ же на посадѣ, въ Масленой улицѣ, ружной храмъ Дмитрей Селунской, да теплая церковь Варвара Христова мученица; дв. попъ Василей.

Въ Θедотовѣ улицѣ пустыя дворовыя мѣста посадцкихъ людей, запустѣли, въ прошломъ, во 124 году, какъ приходилъ на Углечъ, на посадъ, панъ Лисовской съ польскими и съ литовскими людьми, и съ рускими воры казаки, и черкасы, и посады пожогъ, а Углечанъ посадцкихъ людей побилъ съ женами и съ дѣтьми. И тѣ ихъ дворовыя мѣста запустѣли: м. бѣлое каменщика Макаря Черненькаго; м. бѣлое каменщика Якушка Чорного; м. Томилка Оникѣева; м. Θедотка Пирожника; м. Прошки Тиранова; м. Якушки Трескина; м. Θедки Павлова; м. Ивашки Ратая, шелъ къ Москвѣ во 125 году; м. Томилка Куколника. Тое же Θедотовы улицы пустыя дворовыя мѣста Углечанъ, посадцкихъ людей, запустѣли въ прошломъ, во 127 году, какъ приходилъ на Углечъ Якушко Шишъ да Круговой съ польскими и съ литовскими людями, и съ рускими воры казаки, и посады пожгли, а Углечанъ посадцкихъ людей побили съ женами и съ дѣтьми. И тѣ

ихъ дворовыя мѣста пусты: м. Любимкова вдова; м. Якушкова вдова Павлова; м. Микитка Ежова; м. Емельяна Истобника; м. Ѳедки Бусихина; м. Пылайки Колпашника; м. Спиридонка Хлѣбника; м. бѣлое Архангельскаго попа Дружины.

На Углечѣ на посадѣ, на Конюшняхъ, храмъ ружной, теплая церковь Ѳлоръ и Лавръ; дв. попъ Михайло, дв. дьячокъ церковной Ларивонъ, да двѣ кели, живутъ нищіе старцы, питаютца отъ церкви Божіей. На Конюшняхъ же мѣсто церковное ружное, Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, три кели, живутъ нищіе, питаютца Бога ради, а священникъ убитъ отъ литовскихъ людей. На Конюшняхъ же, близко Окишовы улицы, мѣсто церковное ружное, Аѳонасія и Кирила, келя одна, живетъ нищей старецъ, питаетца Бога ради, а священникъ убитъ въ литовское разореніе, а нынѣ остался сынъ его Андрюшка молодъ.

На Окишовѣ улицѣ пустыя дворовыя мѣста, запустѣли въ прошломъ, въ 124 году, отъ литовскаго разореня, а тѣхъ мѣстъ посадцкіе люди побиты съ женами и съ дѣтьми. И тѣ ихъ дворовыя мѣста запустѣли: м. Васьки Рогулихина; м. Поярка Свѣчника; м. Ромашка Бѣшенаго; м. Юрки Сыромятника; м. Нежданки Емельянова; м. Костинтина Емельянова; м. бѣлое Максимка каменщика; м. Поздѣйки Плотника; м. Ѳедки Павлова; м. Безсонка Ѳедорова; м. Ортюшки Борисова; м. Жданки Грибовика; м. Ивашки Трехсоцкова; м. Ѳедки Иванова. Тое же Окишовы улицы пустыя дворовыя мѣста, запустѣли въ прошломъ, во 127 году, какъ приходилъ на Углечъ Якушко Шишъ и Круговой съ польскими и съ литовскими людьми, и съ рускими воры, съ казаки, и посады выжгли, а въ той Окишовѣ улицѣ тяглыхъ Углечанъ посадцкихъ людей съ женами и съ дѣтьми побили, и тѣ ихъ дворовыя мѣста запустѣли. М. бѣлое Никольского попа Третьяка; м. Первушки Кузнеца; м. бѣлое Спаского дьячка Ивашка Окреялова; м. Нечайка Шаровника; м. бѣлое попа Михаила; м. Тренки Ондреева; м. бѣлое Ѳѳонасьевского попа Будила; м. бѣлое Гряски Шелтелина каменщика; м. Ондрюшки Кузьмина; м. Тренки Буторенкова; м. Софонки Кустова; м. Ѳедотки Орѣшкина; м. Калинки Ламанина; м. Ѳомки Корчемника; м. Якушки Юдина; м. Парѳенки Рыбника; м. Ефимки Григорьева; м. Ѳадѣйки Ефимова; м. Митки Михайлова; м. Томилка Сергѣева; м. Васки Третякова сына Подлѣсова; м. Васки Илина; м. Якунки Сабелника.

На Углечѣ, на посадѣ, на Каменномъ ручью вверхъ; церковь ружная, Вознесеніе Господне, стоитъ пуста, пѣня нѣтъ, у тое же церкви: дв. дьячекъ Өонка съ братомъ да три кели, въ нихъ живутъ нищіе старцы, питаютца Бога ради, а священникъ убитъ въ литовское разореніе

На Углечѣ, на посадѣ, близко Черенковы улицы: церковь ружная древяна, клѣцки, Василей Кисарійскій, попа наймуютъ, м. бѣлое поповское; дв. дьячекъ Баженко; двѣ кели нищихъ старцовъ, питаютца Бога ради.

Въ Черенковѣ улицѣ пустыя дворовыя мѣста посадцкихъ людей, запустѣли въ прошломъ, во 124 году, въ литовское разореніе, какъ приходилъ на Углечъ, на посадъ, и посады пожогъ, а Углечанъ посадцкихъ людей побилъ съ женами и дѣтьми, панъ Лисовскій. И тѣ ихъ дворовыя мѣста пусты: м. Еремейки Чортова; м. Пронки Чортова; м. Ивашки Скорняка; м. Савки Плотника; м. Тимошки Плотника; м. Ондрюшки Сапожника; м. Ивашки Сапожника; м. бѣлое Егоревского попа Семена; м. бѣлое Духовскаго попа Богдана. Въ той же, въ Черенковѣ улицѣ, пустыя дворовыя мѣста посадцкихъ людей, запустѣли въ прошломъ, въ 127 году, какъ приходилъ на Угличъ, на посадъ, Якушка Шишъ да Круговой съ польскими и съ литовскими людьми, и съ рускими воры, съ казаки, и посады пожгли, а Углечанъ тяглыхъ посадцкихъ людей побили съ женами и съ дѣтьми. И тѣ ихъ дворовыя мѣста пусты: м. Кирика Пивовара; м. Оноска Плотника; м. Захарки Колпачника; м. Дениски Сковородника; м. Тимошки Заблудника; м. Ивашки Заблудника.

Въ Дурасовѣ переулкѣ ружной храмъ, Иванъ Златоустъ, церковь теплая да мѣсто церковное ружное Николы Чудотворца, подъ городомъ: дв. попъ Кипреянъ; келя проскурницы Мароицы; келя дьяка Богдашки, да 8 келей, а въ нихъ живутъ нищіе старцы, питаютца отъ церкви Божіи. Въ томъ же въ Дурасовѣ переулкѣ пустыя дворовыя мѣста посадцкихъ людей, запустѣли въ прошломъ, въ 124 году, въ Лисовское разореніе, какъ приходилъ на Углечъ, на посадъ, и посады пожегъ, а Углечанъ посадцкихъ людей въ томъ Дурасовѣ переулкѣ въ его приходъ побили съ женами и съ дѣтьми. И тѣ ихъ дворовыя мѣста пусты: м. бѣлое богодѣльныхъ старцовъ; м. Пятунки Барана; м. Четвертки Колпашника; м. Өедки Шапошника; дв. пушкарь Гришка; дв. Спаской протодяконъ Семіонъ. Въ томъ же Дура-

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 9.

ЯРОСЛАВЛЪ.
Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1889.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 9-ГО ЮРИДИЧЕСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

1. Henry George. Protection or free trade. An examination of the tariff question with especial regard to the interests of labour. 1887.

Громкая извѣстность Джорджа, какъ мыслителя и политическаго дѣятеля, заставляетъ обратить вниманіе на каждое сочиненіе, вышедшее изъ подъ его пера. Книга, къ разбору которой мы приступаемъ, не можетъ сравниться съ его трактатомъ о Прогрессѣ и Бѣдности, однако, занимаетъ выдающееся мѣсто въ новѣйшей экономической литературѣ.

Протекціонная система, думаетъ авторъ, потому имѣетъ особенно много защитниковъ, что спеціальные интересы отдѣльныхъ группъ народа оказываютъ большее вліяніе на общественное мнѣніе, нежели общіе интересы всѣхъ людей. Что важно для всѣхъ, то неважно ни для кого преимущественно, и мелкіе интересы 2—3 промышленниковъ извѣстной группы пролагаютъ себѣ путь вопреки гораздо болѣе широкимъ интересамъ цѣлой страны.

Авторъ остроумно замѣчаетъ, что американцы въ первой половинѣ нашего вѣка отстаивали для своей страны протекціонизмъ потому, что его держалась Англія. Когда же въ 1864 году торговая политика Англіи измѣнилась, американцы начали отстаивать протекціонизмъ, какъ свою систему, и усматривать въ свободной торговлѣ англійское новшество. Если свобода торговли нелѣпа потому только, что ея держится Англія, то не слѣдуетъ ли американцамъ отказаться отъ своего роднаго языка, такъ какъ на немъ говорятъ англичане? Рабочіе классы чаще

склоняются въ пользу протекціонизма, нежели свободной торговли, потому, что защитники перваго съ удареніемъ говорятъ объ охраненіи посредствомъ таможенной политики національнаго труда, а сторонники втораго начала возстаютъ противъ всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ охранѣ рабочихъ, и противъ рабочихъ союзовъ и т, д.—При изслѣдованіи вопроса о выгодахъ протекціонизма, нужно совершенно отрѣшиться отъ распространенной привычки произносить надъ нимъ приговоръ въ зависимости отъ того, процвѣтаетъ-ли народъ, который держится покровительственной системы, или онъ уступаетъ государствамъ, ставшимъ на путь свободной торговли: благосостояніе народа есть результатъ очень многихъ причинъ.

Анализу частностей авторъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ положеній. Протекціонизмъ основывается на томъ воображаемомъ благѣ, что каждая страна не должна ввозить къ себѣ товара, который можетъ производить дома. Разъ это положеніе истинно,—мы должны распространить его на отдѣльныя части государства и, наконецъ, на отдѣльныя семьи: пусть же каждая семья не вступаетъ въ обмѣнъ съ сосѣдями, а производитъ все въ своихъ нѣдрахъ.—Второй важный доводъ противъ покровительственной системы тотъ, что она развращаетъ народную нравственность: таможенные чиновники доступны подкупамъ, и всякій протекціонистъ является такимъ только въ теоріи: какъ скоро ему нужно привезти что нибудь изъ заграницы, онъ охотно даетъ взятку чиновнику, чтобы обойти законъ „Разъ признается по закону преступленіемъ такой поступокъ, котораго нравственное чувство не считаетъ преступнымъ, то неизбѣжно подрываютъ уваженіе къ закону; когда посредствомъ присяги хотятъ удержать человѣка отъ совершенія того, чего онъ не считаетъ преступнымъ, то ослабляютъ святость присяги". (37). Наконецъ, есть еще крупное противорѣчіе. Мы всѣ съ удовольствіемъ узнаемъ о проведеніи новыхъ каналовъ, расширеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, усовершенствованіи пароходовъ, какъ средствахъ, которыя понижаютъ цѣну товаровъ. А, вѣдь, тарифъ удорожаетъ ихъ.

Гдѣ, спрашиваетъ авторъ, останавливаясь на болѣе детальномъ изученіи вопроса, самостоятельныя единицы для покровительственной политики? Приходится слѣдовать политическимъ дѣленіямъ, которыя мѣняются очень часто. Эльзасъ и Лотарингія, будучи французскими провинціями, нуждались въ защитѣ отъ Германіи; теперь, въ качествѣ нѣмецкихъ областей, ихъ слѣдуетъ защищать отъ Франціи. „Покровительственный тарифъ одной и тойже высоты не болѣе подходитъ ко всѣмъ частямъ нашего государства, чѣмъ сапоги, сдѣланные по одной колодкѣ, ко всѣмъ 60 миліонамъ нашего народа". (44). Одна провинція не производитъ желѣза, каменнаго угля или сахару, а потому и не нуждается въ покровительствѣ этимъ отраслямъ, какъ другая, которая добываетъ и производитъ эти предметы. Словомъ, идя послѣдовательно, нужно удерживать таможенныя заставы между отдѣльными городами и деревнями одной и той же страны. Наконецъ, этотъ же принципъ ведетъ къ запрещенію отдѣльнымъ семьямъ покупать что либо другъ у друга. „Законы общественной жизни, подобно законамъ внѣшней природы, должны быть одинаково прилагаемы и къ атому и къ большимъ массамъ". (48).

Протекціонизмъ, продолжаетъ авторъ, направленъ на защиту отъ торговли. Но развѣ торговля есть наводненіе, землетрясеніе или вражеское нашествіе, отъ которыхъ слѣдуетъ охранять? Намъ говорятъ о переполненіи нашихъ рынковъ иноземными товарами. Неужели можно имѣть такой избытокъ въ платьяхъ для нашихъ женъ и дочерей, сигарахъ, картинахъ, чтобы слѣдовало защищаться отъ него? Такая политика не лежитъ въ природѣ вещей. Руководительство людьми на всѣхъ сторонахъ ихъ дѣятельности такъ же мало содѣйствуетъ благополучію страны, какъ было бы выгодно для человѣка, если бы процессы кровеобращенія, дыханія, пищеваренія совершались небезсознательно, а при участіи его ума и воли. Устранить внѣшнюю торговлю или съузить ее посредствомъ запретительныхъ тарифовъ—значитъ уничтожить выгоды раздѣленія труда между странами, которыя достигаются спеціализированіемъ

каждой изъ нихъ на извѣстныхъ отрасляхъ промышленности.

Таможенные налоги часто служатъ только средствами пополненія государственной казны, сборами, имѣющими чисто фискальное значеніе. Авторъ и здѣсь осуждаетъ ихъ наряду со всѣми косвенными налогами, которые причиняютъ крайне неравномѣрное обремененіе гражданъ, падаютъ на бѣднѣйшихъ всею тяжестью и, въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ, многократно увеличивая капиталъ, необходимый для веденія предпріятія, облегчаютъ побѣду крупнаго капитала надъ мелкимъ. Наконецъ, и взиманіе ихъ стоитъ дорого.—Разъ же налогъ достигъ той высоты, что становится покровительственнымъ,—слѣдуетъ предпочесть преміи для поддержанія какой либо отрасли промышленности: преміи касаются только той отрасли производства-для которой выдаются, а таможенный налогъ, охраняя одну, отрасль, причиняетъ невыгоды тѣмъ, для которыхъ произведенія первой отрасли служатъ сырымъ матеріаломъ. Выдачѣ преміи въ сотню тысячъ предшествуетъ обсужденіе, насколько оправдывается такой расходъ; а одновременно почти не обращаютъ вниманія на то, что отдѣльные предприниматели наживаютъ излишніе милионы, вслѣдствіе тарифа. Но покровительственный тарифъ не можетъ быть одобренъ еще потому, что требуется со стороны правительства слишкомъ подробное знакомство съ промышленностью страны, для рѣшенія вопроса, к оторую отрасль поддержать и какъ поддержаніе одной отрасли можетъ дѣйствовать на многія другія. Что же, спросимъ мы, нужно понимать подъ словами „покровительство промышленности“? Иногда говорятъ о необходимости покровительствовать, пока промышленность находится въ состояніи младенчества; но это младенчество растягиваютъ на такой долгій періодъ, что недоумѣваешь, когда же оно смѣнится состояніемъ зрѣлости? Приходится понимать это въ смыслѣ поддержанія всей туземной промышленности, что невозможно. Сторонники протекціонизма обыкновенно требуютъ удержанія собственнаго рынка для своихъ производителей. Такое разсужденіе приводитъ къ необходимости для страны отказаться отъ всѣхъ продуктовъ, которыхъ она не производитъ:

нѣтъ у насъ желѣза,—нужно идти на войну съ луками и стрѣлами, нѣтъ угля—всегда оставаться при парусныхъ судахъ. Перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ—вотъ завѣтная цѣль протекціонистовъ. А между тѣмъ, при выгодной международной торговлѣ, привозъ долженъ всегда перевѣшивать вывозъ, такъ какъ товары изъ мѣстностей съ низкими цѣнами перевозятся туда, гдѣ дороги и, прибывая къ мѣсту назначенія, удорожаются на всю стоимость перевозки. Превышеніе вывоза надъ ввозомъ можетъ принимать направленіе, крайне неблагопріятное для страны: рента ирландскихъ землевладѣльцевъ вывозится изъ Ирландіи заграницу, гдѣ они живутъ и, взамѣнъ ея, въ страну не привозится ничего. Такимъ же неблагопріятнымъ характеромъ отличается вывозъ продуктовъ и въ Америкѣ, изъ деревень въ большіе города, гдѣ живутъ землевладѣльцы и истрачиваютъ свои доходы.—Ученіе о торговомъ балансѣ запутывается еще болѣе вслѣдствіе участія въ обмѣнѣ денегъ. Мы всѣ въ частномъ обиходѣ считаемъ деньги главнымъ благомъ, потому что на нихъ всегда и все можетъ быть получено въ обмѣнъ, тогда какъ нужно еще искать желающаго, дабы вымѣнять на что-либо тотъ или другой товаръ. Мы и думаемъ, что выгодность внѣшней торговли тѣмъ болѣе велика, чѣмъ больше денегъ получается въ приплату за излишекъ вывоза: а между тѣмъ для народнаго хозяйства гораздо выгоднѣе имѣть излишекъ капиталовъ или потребительныхъ запасовъ, нежели денегъ, для которыхъ нѣтъ приложенія. Далѣе авторъ разбиваетъ доводъ протекціонистовъ, что страны съ болѣе высокой заработной платой должны быть охраняемы отъ соперничества странъ съ низкой платой. Факты доказываютъ, что на всемірномъ рынкѣ наиболѣе опасными соперниками являются страны съ высокой платой, такъ какъ въ нихъ трудъ наиболѣе производителенъ. Покровительственная политика не нужна даже и въ томъ предполагаемомъ—но не возможномъ—случаѣ, когда данная страна во всѣхъ отросляхъ производства уступаетъ другимъ странамъ: въ такомъ случаѣ она получала бы извнѣ тѣ товары, производство которыхъ въ ней наименѣе выгодно, а сама продавала бы тѣ,

относительно которыхъ между нею и заграницей всего менѣе разницы въ выгодности производства. Но, конечно, главный пунктъ, на которомъ протекціонисты сосредоточиваютъ свои доводы,—развитіе промышленности. Здѣсь политика впадаетъ въ чрезвычайное противорѣчіе сама съ собой: добываніе мѣди защищается высокимъ таможеннымъ налогомъ на ввозимую руду, но этимъ причиняется ущербъ тѣмъ производствамъ, которыя перерабатываютъ мѣдь. Такимъ образомъ, выгода одного производства получается только съ невыгодой для другаго. При всѣхъ аргументахъ этого рода забываютъ, что промышленность не нуждается въ поддержаніи, а развивается сама собой, по мѣрѣ того, какъ народъ богатѣетъ. „Развитіе мануфактуръ совершается путемъ эволюціи, по мѣрѣ роста населенія и движенія общества впередъ". (170). Дикари имѣютъ грубые пріемы производства не столько вслѣдствіе своего невѣжества, сколько вслѣдствіе обособленія.—Какова бы нибыла покровительственная политика, она доставляетъ выгоды не многимъ производителямъ. Конечно, покровительство однѣмъ отраслямъ побуждаетъ и многихъ другихъ промышленниковъ добиваться этого, но „производители получаютъ крупныя выгоды только тогда, когда являются монополистами, т. е. когда это прямо невыгодно для общества". (181). Такимъ монопольнымъ положеніемъ можетъ пользоваться владѣлецъ единственныхъ рудниковъ даннаго минерала, можетъ пользоваться производитель вслѣдствіе патента на исключительное веденіе промысла; наконецъ, положеніе землевладѣльцевъ обыкновенно монопольное. Разъ нѣтъ монополіи,—повышеніе въ покровительствуемой отрасли цѣны и прибыли ведетъ къ усиленному приливу капиталовъ и пониженію прибыли. Примѣняя общія положенія къ Соединеннымъ Штатамъ, можно утверждать, что протекціонизмъ задержалъ въ нихъ развитіе промышленности. Со времени заселенія страны мануфактуры, по мѣрѣ роста прогресса, двигались съ востока на западъ. Усиленіе же протекціонизма повело къ тому, что многіе народы опередили Америку въ отрасляхъ промышленности, которыя начинали въ ней успѣшно развиваться. Авторъ ссы-

лается для примѣра на уменьшеніе вывоза изъ Америки локомотивовъ, швейныхъ и земледѣльческихъ машинъ, упадокъ судостроенія и т. д. Не вѣрно также убѣжденіе протекціонистовъ, будто ихъ система поднимаетъ заработную плату. Свободный ввозъ товаровъ изъ заграницы не снабжаетъ страны дешевыми рабочими руками, т. е. не привлекаетъ для рабочаго класса новыхъ соперниковъ, а покровительственная система не ослабляетъ соперничества среди туземныхъ рабочихъ. Напротивъ, тарифъ способствуетъ иной цѣли—повышенію прибыли, такъ какъ онъ поддерживаетъ на высокомъ уровнѣ цѣны товаровъ. Авторъ указываетъ при этомъ, что еслибы американская покровительственная система и оказывала такое вліяніе на заработную плату, то касалась бы небольшаго меньшинства рабочихъ классовъ—не болѣе $^1/_{20}$—такъ какъ тарифъ не затрогиваетъ бо́льшаго числа рукъ. Покровительственная система должна быть отмѣнена съ одного удара: для всей страны, и особенно для рабочихъ классовъ, будетъ лучше, если сразу произойдетъ сильное потрясеніе: если бы отмѣна совершалась постепенно, въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій, то болѣе сильныя плечи успѣли бы передвинуть на менѣе сильныя тѣ невыгоды, которыя въ первое время могутъ быть причинены туземной промышленности усиленнымъ приливомъ заграничныхъ товаровъ.—Разсмотрѣвъ вопросъ съ разныхъ сторонъ, Джорджъ объясняетъ, почему проповѣдь свободной торговли имѣла до сихъ поръ очень мало успѣха и въ чемъ состоитъ дѣйствительная сила протекціонизма. Фритредеры увѣряютъ, что, за снятіемъ таможенныхъ заставъ, на массу народа посыплются неисчерпаемыя богатства, на самомъ же дѣлѣ этого быть не можетъ: въ положеніи рабочихъ классовъ не произойдетъ существенныхъ улучшеній, пока не измѣнится основаніе распредѣленія богатства. Со времени свободной торговли, установившейся въ Англіи, пауперизмъ не уменьшился, а съ дальнѣйшими техническими усовершенствованіями производства среднему человѣку становится все труднѣе достигнуть хозяйственной самостоятельности. Истинная же сила протекціонизма состоитъ въ томъ, что онъ обезпечиваетъ рабо-

чимъ классамъ большую возможность находить приложеніе своему труду. Такое положеніе неестественно; трудъ имѣетъ для человѣка значеніе не какъ цѣль, а какъ средство для пріобрѣтенія разнообразныхъ благъ; однако, современный хозяйственный строй заставляетъ огромное большинство людей смотрѣть на возможность найдти работу, какъ на великое благополучіе. Причиной такого неестественнаго воззрѣнія служитъ право частной собственности на землю, какъ источникъ матеріаловъ для всѣхъ отраслей производства; большинство людей не имѣютъ самостоятельнаго доступа къ этому источнику; масса свободныхъ рабочихъ рукъ заставляетъ ратовать противъ труда въ тюрьмахъ, монастыряхъ и т. д. Протекціонизмъ, указывая на эту сторону дѣла, пользуется среди рабочихъ классовъ извѣстной популярностью. И такъ, заключаетъ авторъ, „устранить покровительственную систему—значитъ прогнать одного разбойника, но это не спасетъ человѣка, если есть другой, болѣе свирѣпый, который остается, чтобы его ограбить“ (282). А такимъ вторымъ разбойникомъ служитъ право частной собственности на землю. Истинная свобода въ хозяйствѣ (гораздо болѣе полная, нежели та, о которой мечтаютъ фритредеры) можетъ быть достигнута только при соблюденіи двухъ условій: 1) обезпечить за всѣми людьми право на пользованіе силами природы и 2) признать за каждымъ исключительное право на плоды его труда. Отмѣна частной собственности на землю фактически совершится съ устраненіемъ всѣхъ налоговъ и взятіемъ, въ видѣ налога, всей ренты. Съ отмѣной налоговъ, обременяющихъ промышленность, производство станетъ свободно. Какъ это ни кажется яснымъ, общественныя несправедливости потому держатся такъ упорно, что классы, вліятельные и имѣющіе наиболѣе знаній, стараются закрыть истинную причину бѣдствій, боясь, съ устраненіемъ ея, утратить свое вліяніе. Сопоставляя такую хозяйственную свободу съ соціализмомъ, авторъ находитъ въ послѣднемъ ту слабую сторону, что онъ не признаетъ естественныхъ правъ индивидуализма. По требованію соціализма, государство должно стать собственникомъ всѣхъ капиталовъ, устранить соперниче-

ство и быть единственнымъ производителемъ. Но такое усложненіе государственной дѣятельности не будетъ нужно, какъ скоро всѣ будутъ имѣть равныя права на пользованіе первоначальными средствами производства. Истина лежитъ въ срединѣ между крайностями индивидуализма и соціализма. „Крайній индивидуалистъ подобенъ человѣку, который хотѣлъ бы, чтобы его голодъ приготовилъ ему пищу; крайній соціалистъ подобенъ человѣку, который хотѣлъ-бы, чтобы его сознательная воля руководила желудкомъ при пищевареніи". (329). Помочь дѣлу осуществленія высказанныхъ идей можетъ прежде всего частое и всестороннее ихъ обсужденіе. Горячія убѣжденія проповѣдниковъ—вотъ главное условіе успѣха. „Политическое искусство, подобно военному, состоитъ въ сосредоточеніи наибольшихъ силъ и направленіи ихъ въ сторону наименьшаго сопротивленія; дабы принципъ могъ быть осуществленъ съ наибольшею быстротой онъ долженъ быть проводимъ съ помощью средствъ умѣренныхъ, способныхъ пользоваться наибольшею поддержкой и возбуждать наименьшее сопротивленіе". (341). Авторъ предсказываетъ своему отечеству величайшее благополучіе, какъ слѣдствіе осуществленія этихъ началъ, и говоритъ о множествѣ опасностей, которыя таитъ въ себѣ современный юридическій и экономическій порядокъ.

Сочиненіе Джорджа имѣетъ свои слабыя стороны. Вопросъ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ породилъ столь обширную литературу, что послѣ сдѣланнаго Рикардо, Дж. Ст. Миллемъ, Бастіа и ихъ послѣдователями (среди которыхъ находятся и новѣйшіе американскіе писатели—Уэльсъ, Сонеръ, Перри) едва ли найдутся новые аргументы. А потому и требуешь, чтобы всякій изслѣдователь этого вопроса подошелъ возможно ближе къ дѣйствительной жизни и, не ограничиваясь общими положеніями, примѣрами изъ отношеній Робинзона и Пятницы, блестящими аналогіями, попытался выяснить для отдѣльныхъ странъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ отраслей производства, невыгоды, причиняемыя запретительными тарифами. Этого именно и не даетъ Джорджъ. А его доводы выиграли бы въ доказательности, если бы, говоря о вредномъ вліяніи тарифовъ на судо-

строительное, желѣзодѣлательное и другія производства въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ попытался въ числахъ опредѣлить размѣры этихъ потерь.—Главы о ввозѣ и вывозѣ товаровъ мы находимъ также неудовлетворительными: избытокъ вывоза надъ ввозомъ и приливъ въ страну золота представляется автору дѣломъ ненужнымъ въ виду избытка благородныхъ металловъ, ненаходящихъ употребленія. Такое разсужденіе можетъ быть примѣнено къ Соединеннымъ Штатамъ, въ кототорыхъ запасъ золота отъ 1875 до 1885 года поднялся съ 110 на 500 мил. долл., но оно неприложимо къ странамъ, въ которыхъ количество золота изъ года въ годъ непрерывно уменьшается. А такъ какъ книга Джорджа есть общій трактатъ о вопросѣ, то различія между отдѣльными странами и должны быть приняты въ разсчетъ.—Не вѣрно положеніе автора, будто мануфактуры развиваются естественно, помимо всякаго вмѣшательства государства. Мы полагаемъ, что среди силъ, которыя естественно участвуютъ въ движеніи общественной жизни, первое мѣсто принадлежитъ волѣ людей вообще, въ томъ числѣ и волѣ, организованной въ правительственную власть. Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что вмѣшательство государства, не только юридическое, но и полицейское бываетъ въ высшей степени плодотворно: возьмемъ-ли, напр., обязательное начальное обученіе, содѣйствіе общественной власти бѣднѣйшимъ классамъ въ пріобрѣтеніи орудій, въ переселеніяхъ и т. д.—Мы возражаемъ также на невѣрное сопоставленіе Джорджемъ естественнаго закона и общественнаго: если первый (напр., законъ теплоты), приложимъ и къ атомамъ и къ огромнымъ массамъ, то и законъ общественный долженъ съ равной ясностью обнаруживаться въ каждомъ общественномъ союзѣ, отъ семьи до всего человѣчества. А потому, говоритъ авторъ, если покровительственная политика направлена на ограниченіе обмѣна между народами, то, идя послѣдовательно, нужно принудить каждую семью производить все нужное въ ея предѣлахъ и запретить ей вступать въ обмѣнъ съ другими семьями. Мы находимъ эту аналогію не вѣрной: дѣйствіе общественныхъ законовъ начинается только тамъ,

гдѣ есть общество, т. е. нѣсколько семей: на этомъ и основано дѣленіе экономической науки на частную и общественную; явленія обмѣна, денегъ, кредита, налоговъ и мн. др., не знакомыя жизни одной семьи, имѣютъ мѣсто только въ общественныхъ союзахъ.—Замѣтимъ, наконецъ, что изложеніе автора отличается нѣкоторой растянутостью: нѣсколько разъ оцѣнивается вліяніе протекціонизма и свободной торговли на прибыль, заработную плату, развитіе отдѣльныхъ отраслей производства и т. п.

Но книга имѣетъ и крупныя достоинства: помимо многихъ удачныхъ сопоставленій, доводящихъ протекціонистовъ ad absurdum, мы цѣнимъ въ ней искусство, съ которымъ Джорджъ разоблачаетъ истинные мотивы этой партіи, доказываетъ призрачность надеждъ, которыя рабочій классъ связываетъ съ покровительственной политикой, отмѣчаетъ чрезвычайную сложность и запутанность протекціонистическихъ мѣропріятій. Энергическое осужденіе косвенныхъ налоговъ составляетъ также одно изъ выдающихся достоинствъ. Но особенно выгодно выдѣляется трудъ Джорджа изъ массы фритредерскихъ сочиненій тѣмъ, что, не считая свободнаго международнаго обмѣна средствомъ, способнымъ доставить людямъ наибольшее благополучіе, восходитъ къ коренной причинѣ экономическихъ бѣдствій—монополизаціи земли и отрѣзанности огромнаго большинства людей отъ орудій и матеріаловъ для производства.

Андрей Исаевъ.

---

2. Ios. Berchtold, Die Bulle Unam Sanctam, ihre wahre Bedeutung und Tragweite für Staat und Kirche, München, 1887. Стр. 132.

Сочиненіе это явилось въ печати, въ качествѣ поздравительнаго подарка, по случаю докторскаго юбилея (eine Festgabe zum Doctor-Iubiläum) извѣстнаго процессуалиста и историка

права Планка. Но собственно еще гораздо раньше былъ данъ автору поводъ заняться изслѣдованіемъ знаменитой буллы „Unam Sanctam“ Бонифація VIII, котораго Данте Алигьери, въ своей „Божественной Комедіи“, помѣстилъ въ аду, назвавъ его „княземъ новыхъ фарисеевъ“, а современные ультрамонтаны называютъ „Великимъ“. Осенью 1869 года баварское правительство обратилось съ запросомъ къ мюнхенскому юридическому факультету, потребовавъ его мнѣнія (Rechtsgutachten) на счетъ того, какія измѣненія произошли бы въ ученіи объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью, если бы положенія силлабуса и папская непогрѣшимость были возведены на степень догматовъ вѣры на (собравшемся тогда) ватиканскомъ соборѣ. Факультетъ высказался единогласно въ томъ смыслѣ, что, въ случаѣ подобной догматизаціи, хотя и не непосредственно, а косвенно, существовавшее дотолѣ отношеніе между государствомъ и церковью принципіально преобразуется, и почти все государственное законодательство по дѣламъ католической церкви въ Баваріи будетъ подорвано: разъ будетъ догматизирована папская непогрѣшимость, стало быть, и всѣ прежніе, оффиціально высказанные, взгляды папъ должны быть признаваемы непогрѣшимыми же, а въ томъ числѣ слѣдовательно и взглядъ, выраженный въ буллѣ „Unam Sanctam“. Папская непогрѣшимость была провозглашена на ватиканскомъ соборѣ 18 іюня 1870 г., такимъ образомъ дѣйствительно случилось то, о чемъ еще нельзя было говорить увѣренно въ 1869 г. Для автора возникла вслѣдствіе этого спеціальная задача разсмотрѣть отношеніе между новымъ догматомъ и знаменитой буллой, получившей свое названіе отъ первыхъ ея словъ: „Unam Sanctam ecclesiam catholicam et ipsam apostolicam“ etc., причемъ онъ, впрочемъ, занимается также изложеніемъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ появилась булла (въ 1302 году). Важнѣйшія положенія, содержащіяся въ ней, суть слѣдующія: 1) единая церковь учреждена Христомъ—католическо-апостольская, и внѣ ея нѣтъ спасенія; 2) единую главу имѣетъ церковь—Христа и его представителя; 3) во власти церкви находятся два меча (или два правительства):

духовный и свѣтскій; 4) свѣтскій мечъ долженъ быть подчиненъ духовному; 5) духовная власть, какъ высшая, имѣетъ право поставлять и судить свѣтскую, надъ собой же не признаетъ никакой свѣтской юрисдикціи.

Берхтольдъ доказываетъ, что ученіе, изложенное въ буллѣ Бонифація VIII, не было новостію на западѣ къ началу XIV вѣка: „папская теорія мечей" стала высказываться при папскомъ дворѣ и у теологовъ уже со времени папы Григорія VII, напр. у св. Бернгарда Клервоскаго и др. Основаніемъ для этой теоріи послужило, какъ извѣстно, мѣсто изъ Евангелія Луки (XXII, 34 и сл.), гдѣ Христосъ внушаетъ ученикамъ осторожность и предусмотрительность, въ виду близкой разлуки ихъ съ Нимъ, а также евангельскій разсказъ о томъ, какъ апостолъ Петръ, отсѣкшій первосвященническому рабу ухо мечемъ, получилъ отъ Христа вразумленіе вложить мечъ въ ножны.

Для правильной оцѣнки значенія буллы „Unam Sanctam", авторъ находитъ нужнымъ войдти въ разсмотрѣніе разныхъ взглядовъ, господствовавшихъ и господствующихъ въ римско-католической церковной литературѣ, на папскую власть по дѣламъ свѣтскимъ. По его мнѣнію, нѣтъ достаточнаго основанія различать такъ называемую „прямую" власть церкви относительно свѣтскихъ дѣлъ (potestas directa ecclesiae in temporalia) отъ такъ называемой „косвенной" или непрямой власти (potestas indirecta), ибо и послѣдняя, не менѣе первой, опасна для государства. Авторъ доказываетъ, что эта именно опасная для государства власть церкви (какъ бы ее ни называть—прямою или непрямою) *догматизирована* въ означенной буллѣ, т. е. не просто изданъ законъ, какъ актъ законодательной власти, могущій быть отмѣненнымъ или измѣненнымъ, въ случаѣ надобности, а установленъ догматъ, какъ предметъ религіозной вѣры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ условіе спасенія души. Смотря на буллу съ этой точки зрѣнія, т. е. видя въ ней не законодательный просто актъ, а установленіе догмата, Берхтольдъ расходится съ другими учеными, въ особенности съ Мартенсомъ, который въ своей весьма цѣнной работѣ: „Die Beziehungen der Ueberord-

nung, Nebenordnung u. Unterordnung zwischen Kirche und Staat", 1877, утверждаетъ, что догматизированіе возможно лишь въ вопросахъ вѣры и нравственности (in rebus fidei et morum), и что въ область таковыхъ вопросовъ совсѣмъ не входитъ принципіальное отношеніе между государствомъ и церковью, а слѣдовательно не можетъ быть и догматовъ какихъ либо касательно этого предмета. Берхтольдъ умѣетъ обойти и то затрудненіе, что вскорѣ послѣ изданія Бонифаціемъ VIII буллы „Unam Sanctam", папа Климентъ V своею буллою „Meruit" отъ 1 февраля 1306 г. изъ общаго правила, выраженнаго въ первой буллѣ, сдѣлалъ исключеніе въ пользу Франціи, французскаго короля и французскаго народа, чѣмъ ясно, повидимому, засвидѣтельствовалъ, что булла не носитъ догматическаго характера, ибо изъ догматовъ нельзя дѣлать исключеній въ чью либо пользу. Авторъ допускаетъ, что Климентъ V, креатура французскаго короля Филиппа Красиваго, *хотѣлъ* освободить французовъ отъ обязанности вѣровать въ догматы, формулированные въ буллѣ „Unam Sanctam", но такъ какъ онъ хотѣлъ невозможнаго, то его собственная булла не есть выраженный взглядъ папы, говорящаго ex cathedra, и даже вообще не имѣетъ никакого значенія (nullius momenti).

Но если булла должна быть разсматриваема какъ догматическое вѣроопредѣленіе, то слѣдуетъ ли отсюда, что право папы низлагать государей и освобождать подданныхъ отъ вѣрноподданнической присяги есть догматическая истина римско-католическаго церковнаго ученія? Не провозглашена ли въ 1870 г. папская непогрѣшимость и не распространяется ли эта непогрѣшимость на оффиціально-выраженные взгляды всѣхъ папъ не только будущаго, но и прошедшаго? Этого вывода Берхтольдъ не допускаетъ потому, что булла „Unam Sanctam" содержитъ въ себѣ *явно неправильное ученіе*, а слѣдовательно, если разъ доказано, что когда либо кто либо изъ папъ преподалъ ошибочное ученіе, то этимъ самымъ подрывается мнимый догматъ о папской непогрѣшимости. Такимъ образомъ отношеніе между буллой „Unam Sanctam" и ученіемъ о папской непогрѣшимости таково,

что булла служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ признанію этого послѣдняго ученія за догматъ. Въ буллѣ Бонифація VIII не только догматизировано произвольное, ни на чемъ не основанное истолкованіе Лук. XXII, 34 и сл., въ смыслѣ теоріи двухъ мечей, но содержится явное противорѣчіе ученію апостоловъ Петра и Павла о непосредственной богоучрежденности свѣтской власти и объ обязанности всѣхъ христіанъ повиноваться этой власти.

Вышеизложенныхъ замѣчаній достаточно, чтобы видѣть, что авторъ разсмотрѣлъ предметъ своего изслѣдованія въ довольно своеобразной постановкѣ. Не лишено своеобразности и дѣлаемое Берхтольдомъ сопоставленіе ватиканскаго собора съ соборами констанцскимъ (1414—1418) и базельскимъ (1431—1449), которые провозгласили принципъ подчиненія папы вселенскому собору какъ въ вопросахъ вѣры, такъ и въ дѣлахъ дисциплины. Какимъ образомъ вселенскій ватиканскій соборъ могъ опредѣлить нѣчто противоположное тому, что опредѣлено вселенскими же констанцскимъ и базельскимъ соборами? Инфаллибилисты, т. е. приверженцы ватиканскаго догмата папской непогрѣшимости, находятъ, правда, средство спасти ватиканскій соборъ и его догматъ въ отрицаніи за соборами констанцскимъ и базельскимъ характера вселенскихъ, или, покрайней мѣрѣ, въ отрицаніи таковаго характера за тѣми ихъ постановленіями, которыя касаются папской власти. Но этотъ пріемъ представляется автору разсматриваемаго сочиненія совершенно несостоятельнымъ. Оба названные собора—базельскій по крайней мѣрѣ за первые шесть лѣтъ его дѣятельности—*до* Беллярмина большею частію теологовъ признавались какъ вселенскіе, *послѣ* Беллярмина признавались за таковые некуріалистическими теологами и нѣкоторыми выдающимися канонистами. Для декретовъ констанцскаго собора состоялось даже и папское утвержденіе. Авторъ не скрываетъ впрочемъ отъ себя трудности убѣдить въ справедливости своего мнѣнія людей противоположнаго образа мыслей. На первыхъ страницахъ его книги читается слѣдующее разсужденіе: „окончательная побѣда той или другой партіи,

(т. е. ватиканской или анти-ватиканской) зависитъ, если не считать само собою разумѣющееся высшее руководство божественнаго промысла, отъ той *власти истины* надъ умами и убѣжденіями людей, на которую мы не перестаемъ полагаться при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и которую умножать и укрѣплять наука имѣетъ непререкаемый долгъ.

Н. Суворовъ.

---

3. Wilh. Maurenbrecher, Staat und Kirche im protestantischen Deutschland. Vortrag gehalten auf der sächsischen Kirchen-und Pastoral-Conferenz im Meissen am 29 Iuni 1886. Leipzig, 1886.

Профессоръ исторіи въ лейпцигскомъ университетѣ В. Мауренбрехеръ, извѣстный многими работами по исторіи реформаціи, въ особенности своею „Исторіею католической реформаціи", издалъ въ видѣ особой брошюры, по настоятельному желанію публики, то самое, что было прочитано имъ въ видѣ доклада на церковной конференціи. Подобныя брошюры не лишены значенія въ томъ отношеніи, что могутъ служить хорошими показателями умонастроенія въ германскихъ церковныхъ сферахъ послѣдняго времени. Авторъ заинтересованъ вопросомъ о территоріальной организаціи евангелической церкви въ Германіи, т. е. такой организаціи, въ силу которой связь отдѣльныхъ церковныхъ общинъ не выходитъ за предѣлы одной изъ отдѣльныхъ территорій или земель, входящихъ въ составъ германской имперіи. Между тѣмъ какъ католическая церковь представляетъ изъ себя институцію, обнимающую цѣлый міръ, съ выработывавшейся, втеченіе многихъ вѣковъ, системой права и съ пустившимъ глубокіе корни организмомъ церковныхъ должностей, и между тѣмъ какъ эта универсальная институція изъ этого именно своего универсальнаго международнаго характера опредѣляетъ и регулируетъ свое отношеніе къ отдѣльнымъ государствамъ, евангелическая церковь является въ видѣ отдѣльныхъ, несвязанныхъ между собою

Landeskirchen. Мауренбрехеръ въ краткихъ словахъ объясняетъ источникъ возникновенія территоріальныхъ церквей. Хотя лютеранскія церкви возникли, конечно, не раньше Лютера, но корни, зерна, начала территоріальной церковности (Landeskirhenthum) древнѣе Лютера. Пятнадцатый вѣкъ былъ тѣмъ періодомъ всемірной исторіи, когда государственныя правительства получили руководящее вліяніе на церковныя дѣла своихъ территорій. Въ отпоръ притязаніямъ Рима на всевластіе, короли Франціи, Испаніи и Англіи, стоявшіе во главѣ крѣпко сплоченныхъ національныхъ государствъ, взяли въ свои руки регулированіе внѣшнихъ церковныхъ дѣлъ въ своихъ территоріяхъ. Такимъ образомъ, съ самаго уже начала, или съ начальнаго момента возникновенія территоріальной церковности, въ это понятіе входила уже, какъ существенный его признакъ, королевская церковно-правительственная власть. Въ Германіи эта власть должна была достаться не императорамъ, imperium которыхъ превращался въ тѣнь и въ фикцію, а отдѣльнымъ партикулярнымъ германскимъ князьямъ въ предѣлахъ ихъ территорій, каковы: Австрія, Саксонія, Баварія, Бранденбургъ, Клеве. Въ территоріяхъ, затронутыхъ реформаціоннымъ движеніемъ, исходившимъ отъ Лютера, этотъ порядокъ вещей долженъ былъ тѣмъ болѣе утвердиться. Съ одной стороны императорская власть заявила себя враждебною новому движенію, слѣдовательно имперія уже по этой причинѣ не могла стать почвой и субстратомъ для лютеранской церковной организаціи. Съ другой стороны, протестанты, не безъ сожалѣнія разрывая связь съ епископами и желая даже, въ видахъ поддержанія внѣшняго церковнаго порядка, удержать папство во главѣ епископовъ, долгое время представляли себѣ разрывъ съ католическою церковью явленіемъ преходящимъ, имѣющимъ продолжаться лишь до вселенскаго собора. А тѣмъ временемъ князья замѣнили епископовъ, съ тою существенною разницей отъ этихъ послѣднихъ, что надъ ними не стояли ни папа, ни императоръ. Не мудрено поэтому, что лютеранская церковная связь не могла простираться далѣе, чѣмъ дозволяли политическія границы подвластной князю территоріи. Въ настоящее время поло-

женіе дѣлъ сильно измѣнилось: германскую императорскую корону носитъ не лицо, враждебно расположенное къ протестантизму, а глава важнѣйшаго изъ протестантскихъ государствъ—Пруссіи. Въ виду этой перемѣны, авторъ позволяетъ себѣ высказать „благочестивое желаніе“, которое, какъ онъ надѣется, раздѣлятъ съ нимъ многія искренно протестантскія и нѣмецко-патріотическія сердца: „о, еслибы, говоритъ Мауренбрехеръ, нашелся въ наши дни искусный архитекторъ, который бы, придерживаясь идей великихъ реформаторовъ XVI столѣтія, приложилъ свою руку къ соединенію евангелическихъ германскихъ территоріальныхъ церквей въ единую евангелическую германскую *имперскую* церковь (Reichskirche)!“

Что касается княжеской церковно-правительственной власти, которая, какъ выше указано, входитъ, въ качествѣ существеннаго признака, въ понятіе Landeskirchenthum'а, то авторъ рѣшительно несогласенъ съ тѣми, которые написали на своемъ знамени какую-то свободу и самостоятельность евангелической церкви отъ государства и, во имя этой свободы, требуютъ разорванія трехвѣковой связи между ними. Какой факторъ заступилъ бы мѣсто Landesherr'а, въ тотъ моментъ, когда княжеская церковно-правительственная власть исчезла бы? Очевидно, духовенство. Но подобный порядокъ вещей, кромѣ того, что онъ стоялъ бы въ принципіальномъ противорѣчіи съ протестантизмомъ, повелъ бы къ взаимному столкновенію различныхъ теологическихъ направленій и къ распаденію даже и существующей территоріальной церковной связи на множество сектъ и религіозныхъ партій. Интересъ самой церковной жизни требуетъ, чтобы высшее руководство церкви принадлежало такой силѣ, которая стояла бы выше желаній и интересовъ отдѣльныхъ партій. Сила государя именно и является уравнивающимъ, примиряющимъ и сдерживающимъ элементомъ. Какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, этой именно силѣ и должно быть предоставлено попеченіе объ общемъ благѣ. Только конечно успѣхи современнаго развитія требуютъ извѣстнаго различенія двухъ областей: государь какъ носитель политическаго суверенитета, съ состоящими

рядомъ съ нимъ и при немъ органами и учрежденіями, и государь какъ руководитель и глава церковнаго правительства, съ состоящими при немъ церковными органами, не должны быть смѣшиваемы и сливаемы. Связь между государствомъ и церковью покоится преимущественно въ лицѣ князя, а вѣдь и въ наше еще время существуютъ великія и широкія области народной жизни, въ которыхъ очевиднымъ образомъ выступаетъ общность государственныхъ и церковныхъ интересовъ, и въ которыхъ продолжаетъ оставаться необходимымъ взаимодѣйствіе государства и церкви для блага народа. За примѣрами ходить недалеко: стоитъ только назвать дѣло призрѣнія бѣдныхъ и народныя школы.

Вообще Мауренбрехеръ склоненъ смотрѣть на настоящее время, какъ на переходное, и думаетъ, что ближайшему будущему предстоятъ слѣдующія задачи:

синодальное устройство, введенное уже теперь въ большей части нѣмецкихъ евангелическихъ Landeskirchen, еще далѣе и послѣдовательнѣе образовать и развить;

отношеніе къ государству облечь въ такія формы, которыя столько же удовлетворяли бы всѣмъ справедливымъ требованіямъ религіозной жизни, въ видахъ болѣе свободнаго движенія церковныхъ учрежденій, сколько соотвѣтствовали бы и государственнымъ интересамъ;

тщательнымъ и осмотрительнымъ образомъ провести разграниченіе между политическимъ положеніемъ государя въ государствѣ и его церковно-правительственною властію.

А въ болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ видится, какъ замѣчено выше, организація евангелической германской имперской церкви.

Н. Суворовъ.

---

4. Ios. v. Zhishman, Das Stifterrecht (Τὸ κτητορικὸν δίκαιον) in morgenländischen Kirche, Wien, 1888. Стр. 105.

Профессоръ вѣнскаго университета Чижманъ втеченіе длиннаго уже ряда лѣтъ занимается разработкою восточнаго церков-

наго права. Всѣ его значительныя работы посвящены этому праву, каковы: „Das Eherecht der orientalischen Kirche“, затѣмъ: „Die Synoden und die Episcopal-Aemter in der morgenländischen Kirche“. Послѣдняя работа почтеннаго ученаго, заголовокъ которой приведенъ выше, имѣетъ своимъ предметомъ „ктиторское право“, т. е. совокупность каноническихъ нормъ, которыми опредѣляется юридическое положеніе ктиторовъ, *основателей* церковныхъ учрежденій. Въ римско-католической церкви, подъ вліяніемъ германскаго права и папскаго законодательства, развилось такъ называемое патронатское право, jus patronatus, Patronatrecht. Ктиторское право восточной церкви основывается на соборныхъ канонахъ, на законахъ римско-византійскихъ императоровъ, на постановленіяхъ патріаршихъ константинопольскихъ синодовъ и на церковной практикѣ, документированной комментаторами канонахъ. Отдѣльныя юридическія положенія, содержащіяся въ этихъ разнообразныхъ источникахъ восточнаго церковнаго права, свести къ общимъ понятіямъ, или подвести, какъ говоритъ авторъ, подъ научныя точки зрѣнія,—такова задача его изслѣдованія о ктиторскомъ правѣ. Качествомъ источниковъ, или характеромъ нормъ, надъ которыми оперируетъ профессоръ Чижманъ, опредѣляется качество или характеръ его изслѣдованія: это не столько изложеніе дѣйствующаго права восточной церкви, сколько извлеченіе общихъ выводовъ изъ разновременныхъ историческихъ источниковъ, и во всякомъ случаѣ это не есть дѣйствующее право всѣхъ церквей восточнаго православія, всего менѣе русской.

Авторъ начинаетъ съ историческаго очерка ктиторскаго права въ восточной церкви. Между тѣмъ какъ освященіе языческаго храма въ римскомъ государствѣ было юридическимъ актомъ, въ силу котораго храмъ, съ его богослужебными предметами, становился изъятымъ, выдѣлялся изъ права частной собственности, церковь довольствовалась тѣмъ, что возбуждала между христіанами-землевладѣльцами ревность къ устроенію церковныхъ зданій, не требуя, чтобы они отказывались отъ права собственности и отъ управленія имуществомъ, пріурочивавшимся къ церковному институту. Этотъ принципъ усвоенъ и законо-

дательствомъ христіанскихъ императоровъ, которое содержитъ въ себѣ рядъ опредѣленій о храмахъ, какъ возможномъ предметѣ частной собственности. Воззрѣніе ктиторовъ на основанныя ими церковныя учрежденія, какъ на частную собственность, приводило къ тому, что они считали себя въ правѣ отчуждать, и не имущество только, пріуроченное къ церкви, но и самую церковь, не исключая даже и объектовъ, пожертвованныхъ въ церковь другими лицами. Притомъ не религіозные только мотивы были руководящими при первоначальномъ основаніи церковныхъ институтовъ, а нерѣдко тщеславіе и корысть. Случалось даже, что не собственники земли, а пришлые монахи устраивали монастыри на чужой землѣ и объявляли себя игуменами, для удовлетворенія своему честолюбію и властолюбію и для доставленія себѣ возможности вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Первый канонъ такъ называемаго двукратнаго собора 861 года даетъ видѣть, что въ IX столѣтіи лица, устроившія на своей землѣ монастыри, продолжали считать себя неограниченными собственниками того, что Богу посвящено, поэтому распоряжались посвященными Богу вещами и отчуждали ихъ. Соборъ запретилъ подобные эксцессы, но нисколько не измѣнилъ юридическаго вопроса о правѣ собственности ктиторовъ на основанныя ими церковныя учрежденія. Слѣдовательно въ періодъ вселенскихъ соборовъ такъ и не успѣлъ выработаться принципъ безусловнаго изъятія церквей, съ находящимися въ нихъ священными предметами, изъ частной собственности.

Догматическое изложеніе ктиторскаго права профессоромъ Чижманомъ свидѣтельствуетъ на каждой страницѣ о томъ, что за разработку источниковъ восточнаго церковнаго права взялся человѣкъ западной науки, съ развитыми юридическими понятіями и съ готовою научною классификаціею. Вообще говоря, теоретическая конструкція патронатскаго права въ западной каноничеческой наукѣ перенесена Чижманомъ на ктиторское право восточной церкви. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ желаніе провести, во что бы то ни стало, полную аналогію между западнымъ патронатскимъ и восточнымъ ктиторскимъ правомъ, приводитъ ав-

тора къ довольно чувствительнымъ натяжкамъ. Напримѣръ на стран. 24 говорится, что въ случаѣ, если нѣсколько лицъ, въ равныхъ или въ различныхъ доляхъ, содѣйствовали устроенію церковнаго учрежденія, возникаетъ общее ктиторское право (ein gemeinschaftliches Stifterrecht). И далѣе на стр. 55 говорится, что если ктиторовъ нѣсколько, то онѣ лишь сообща осуществляютъ свое право представленія (jus praesentandi, т. е. право представлять епископу кандидата на вакантную духовную должность при патронируемой церкви), ибо это право недѣлимо; такъ какъ приэтомъ епископъ можетъ утвердить того лишь кандидата, который получилъ большинство голосовъ то индивидуальное право каждаго изъ coктиторовъ въ отдѣльности отступаетъ на задній планъ передъ правомъ остальныхъ coктиторовъ; впрочемъ, добавляетъ авторъ, можетъ состояться соглашеніе, въ силу котораго право представленія осуществляется однимъ членомъ, или попеременно, или въ церковной общинѣ ея представителемъ.—Очевидно, всѣ вышеизложенныя разсужденія о соктиторствѣ навѣяны понятіемъ сопатроната (compatronatus), относительно котораго въ римско-католическомъ церковномъ правѣ есть дѣйствительно точныя опредѣленія. Въ восточномъ церковномъ правѣ едва ли бы возможно было найдти аналогическія опредѣленія,—не даромъ и самъ авторъ, вообще говоря располагающій обширнымъ знакомствомъ съ византійскими источниками и каждое свое положеніе подтверждающій цѣлымъ рядомъ цитатъ, въ данномъ случаѣ не въ состояніи былъ сдѣлать ни одной ссылки на источники.

Въ русской церкви ктиторское право пережило продолжительную и, надобно полагать, не лишенную занимательности исторію вплоть до того времени, какъ на московскомъ соборѣ 1667 г. было постановлено выкупить всѣ церкви, состоявшія въ частной собственности: „священникомъ святыя церкви корчемствовати и продавати нелѣпо есть“, говорится въ соборномъ постановленіи...“ совѣтуемъ убо вамъ всѣмъ прихожанамъ коеяждо церкви... искупите святыя церкви продаваемыя и церковныя мѣста; да будутъ свободны и подъ единою главою и властію еже есть Христосъ.. а продавати церкви Христовы и церковныя

мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть". Какія права признавались на Руси за ктиторами, и въ какой мѣрѣ положеніе ихъ опредѣлялось византійскими нормами,—на этотъ вопросъ могло бы дать болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ спеціальное изслѣдованіе о русскомъ ктиторскомъ правѣ, подобное тому, какое составлено профессоромъ Чижманомъ о ктиторскомъ правѣ восточной церкви. Но и безъ такого спеціальнаго изслѣдованія можно замѣтить, что въ настоящее время наблюдается полное отсутствіе всякихъ нормъ для опредѣленія правъ и обязанностей ктиторовъ, по отношенію къ устраиваемымъ ими церковнымъ учрежденіямъ, такъ что „ктиторскому праву восточной церкви", которое излагается въ изслѣдованіи Чижмана, соотвѣтствуетъ ничѣмъ не наполненный пробѣлъ въ русскомъ церковномъ правѣ. Поэтому для всякаго знакомаго съ русскою церковною жизнію, но незнакомаго съ памятниками византійскаго законодательства, должны быть совершенно неожиданны и неудобовразумительны понятія, классификація и терминологія автора, какъ напримѣръ: вещное ктиторское право, первоначальное и производное, условія для пріобрѣтенія ктиторскаго права, права и обязанности ктитора, переходъ ктиторскаго права въ силу договора, по наслѣдству, по давности, прекращеніе ктиторскаго права и проч. У насъ можетъ случиться пожалуй, что и ктиторъ никакихъ правъ не имѣетъ въ отношеніи къ устроенной его трудами и иждивеніемъ церкви, а еще чаще можетъ случиться, что вліятельныя лица обоего пола, совершенно посторонніе для данной приходской или неприходской церкви и можетъ быть никогда никакой матеріальной помощи не оказывавшія этой церкви, ставятъ епархіальныхъ архіереевъ въ немалое затрудненіе своими, ни на чемъ не основанными, ходатайствами объ опредѣленіи тѣхъ или другихъ кандидатовъ на духовныя должности.

Н. Суворовъ.

---

5. *М. И. Кулишеръ*: „Очерки сравнительной этнографіи и культуры“. С.-Петербургъ. 1887 г., 284 стр..

Г. Кулишеръ собралъ въ своей книгѣ все, напечатанное имъ въ области этнографіи и сравнительной исторіи въ теченіе его десятилѣтней литературной дѣятельности съ цѣлью „возстановить присущее всѣмъ отдѣльнымъ статьямъ внутреннее единство“. Весь этотъ печатный матеріалъ изложенъ авторомъ въ XII главахъ, подробное содержаніе которыхъ указывается въ оглавленіи книги. Въ предисловіи къ содержанію мы находимъ у Кулишера нѣсколько основныхъ положеній, выставляемыхъ имъ въ видѣ результата своихъ изслѣдованій по сравнительной этнографіи и культурѣ. Первое изъ этихъ положеній гласитъ, что „самыя сложныя явленія современности составляютъ результаты развитія простыхъ зародышей этихъ же явленій у первобытныхъ народовъ“. Вторымъ положеніемъ является у Кулишера мысль, что „въ процессѣ развитія различныхъ сторонъ общественной жизни существуетъ извѣстное соотношеніе роста“ въ томъ смыслѣ, что „измѣненіе однихъ явленій вызываетъ и соотвѣтствующее измѣненіе другихъ явленій общественной жизни“. Но при этомъ „не исключается и возможность сохраненія въ общественномъ быту остатковъ болѣе раннихъ періодовъ жизни“. Наконецъ, третій важный результатъ изслѣдованій автора состоитъ во взглядѣ, что „исторія культуры есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія развитія общественной нравственности и нравственныхъ воззрѣній“. Въ этомъ отношеніи Кулишеромъ констатируется въ примитивномъ обществѣ дуализмъ этики, — благожелательныя отношенія къ „своимъ“ и враждебныя къ „чужимъ“. Дальнѣйшее развитіе общественной морали заключается въ постоянномъ расширеніи круга „своихъ“, который на высшихъ ступеняхъ общественнаго развитія охватываетъ, наконецъ, всѣхъ людей, къ какому бы племени, расѣ или національности они не принадлежали (XI—XV стр.)

Всѣ эти выводы Кулишера изъ этнографическихъ данныхъ, имѣющихся подъ его рукою, оказываются, однако, далеко не новыми,

такъ какъ и безъ его изслѣдованій давно уже установленъ въ наукѣ объ обществѣ взглядъ, что законъ развитія состоитъ въ переходѣ отъ простаго къ болѣе сложному. Фактъ одновременныхъ измѣненій въ соціальныхъ явленіяхъ вслѣдствіе взаимнаго ихъ вліянія другъ на друга также давно подмѣченъ соціологами (Г. Спенсеромъ, Д. С. Миллемъ и др.), которые видятъ въ этомъ фактѣ проявленіе соціальнаго закона сосуществованія соціальныхъ явленій. Этому закону нисколько не противорѣчатъ переживанія въ общественномъ быту различныхъ воззрѣній, обычаевъ и учрежденій предшествующей эпохи въ исторіи общества. Самый фактъ такихъ переживаній, чрезвычайно важный для изученія вопроса о развитіи соціальныхъ институтовъ, указываетъ на то, что степень измѣненій въ общественныхъ явленіяхъ не одинакова во всѣхъ нихъ, что одни измѣняются быстрѣе, другія медленнѣе. Измѣненіе различныхъ сторонъ общественной жизни имѣетъ прогрессивный характеръ, который далъ поводъ соціологамъ (О. Конту и друг.) формулировать другой законъ соціальныхъ явленій,—законъ ихъ послѣдовательности, понимаемой въ смыслѣ развитія, усовершенствованія всѣхъ общественныхъ учрежденій. На этотъ законъ намекаетъ и нашъ авторъ, когда онъ замѣчаетъ въ концѣ предисловія, что „развитіе есть неизбѣжный удѣлъ каждаго народа, несошедшаго со сцены исторіи“ (XV с.), и указываетъ на необходимость примѣненія этой точки зрѣнія къ изученію исторіи общественной нравственности. Но, вполнѣ присоединяясь въ этомъ вопросѣ къ мнѣнію Кулишера, мы только не можемъ согласиться съ здѣсь же высказаннымъ имъ взглядомъ, что „заимствованія, совершаемыя народами другъ у друга на пути ихъ развитія, разъ они успѣли утвердиться, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ данной общественной средѣ существовало предрасположеніе къ воспринятію заимствованныхъ идей или образа дѣйствія. Заимствованія, заключаетъ авторъ, возможны лишь тогда, когда среди извѣстныхъ круговъ даннаго общества образовалась воспріимчивость къ новымъ идеямъ и учрежденіямъ, такъ что поэтому между самостоятельнымъ развитіемъ и усвоеніемъ чужаго, по

существу дѣла, нѣтъ разницы". (XII—III с.). Но, прежде всего, въ обществѣ могутъ быть заимствованы извѣстныя учрежденія такимъ образомъ, что одинъ народъ—завоеватель просто навязываетъ другому—побѣжденному свои учрежденія силою, хотя бы при этомъ и не существовало никакого къ нимъ предрасположенія со стороны побѣжденнаго народа. При этомъ развитіе общества можетъ нарушиться, но можетъ также и быстро пойти впередъ, если народъ-побѣдитель выше по своей культурѣ побѣжденнаго народа. Такъ, напр., испанцы, побѣжденные въ VI—VIII в. нашей эры мавританскими племенами, должны были, конечно, принять ихъ высшую по своему развитію культуру, хотя подобное заимствованіе и не принесло испанцамъ существенной пользы. Напротивъ, перенесеніе современными европейскими народами своей культуры въ разныя части свѣта, гдѣ организуются ими колоніи, часто имѣетъ своимъ слѣдствіемъ дальнѣйшее, болѣе или менѣе быстрое, развитіе цивилизаціи у различныхъ примитивныхъ народностей, чуждыхъ началамъ европейской культуры. Если же извѣстныя учрежденія, заимствованныя по своей волѣ однимъ народомъ у другаго, и прививаются у него и становятся какъ бы своими, то этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что это общество достигло до такой степени развитія, на которой при благопріятныхъ условіяхъ заимствованныя учрежденія могли бы явиться и сами собою, разъ въ обществѣ выражается склонность къ воспріятію ихъ отъ другихъ. Самостоятельное развитіе въ обществѣ извѣстныхъ идей и учрежденій можетъ происходить медленно и съ большимъ трудомъ, но, несомнѣнно, оно принесетъ ему большую пользу, нежели прямое перенесеніе въ страну чужихъ учрежденій, всегда отражающихъ на себѣ извѣстныя, типическія особенности исторіи народа, у котораго они появились и развились. Такъ, механическое заимствованіе въ XVIII в. англійскихъ конституціонныхъ учрежденій Франціей принесло немало бѣдствій этой странѣ, которой и до сихъ поръ не удалось усвоить вполнѣ политическую систему англійскаго парламентаризма. Мы далеки отъ мысли утверждать, что всякія заимствованія учрежденій народа-

ми другъ у друга безусловно вредны: говорить такъ, значило бы закрывать глаза предъ массою фактовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что заимствованіе учрежденій является необходимымъ при извѣстныхъ условіяхъ общественной жизни и совершается именно вслѣдствіе однородности общественныхъ потребностей у различныхъ народовъ одной и той же эпохи, которыя могутъ быть удовлетворены однѣми и тѣми же средствами,—одинаковыми общественными учрежденіями. Мы желаемъ только отмѣтить тотъ фактъ, что заимствованіе соціальныхъ институтовъ однимъ народомъ у другаго совершается не всегда вслѣдствіе предрасположенія къ нимъ, и что самостоятельное развитіе національныхъ началъ, выработавшихся въ народѣ въ теченіе, быть можетъ, нѣсколькихъ вѣковъ, должно составлять главную историческую задачу общественной жизни у каждаго народа. Заимствованія учрежденій у другихъ народовъ должны быть допускаемы на столько, на сколько отъ этого дѣйствительно выигрываютъ интересы всего общества, и каждый народъ долженъ соблюдать большую осторожность при перенесеніи на родную почву учрежденій, взрощенныхъ среди особенныхъ, своеобразныхъ и чуждыхъ условій общественной жизни. Наша мысль о невозможности отождествить „самостоятельное развитіе" національныхъ идей съ „усвоеніемъ чужаго" нисколько не противорѣчитъ задачѣ сравнительной исторіи культуры констатировать въ соціальныхъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ наряду съ чертами отличія и черты сходства (I гл.). При современномъ состояніи сравнительной исторіи культуры нельзя отрицать общаго закона развитія для всѣхъ народовъ, у которыхъ открываются при помощи сравнительно-историческаго метода нѣкоторые общіе признаки въ учрежденіяхъ на извѣстныхъ, одинаковыхъ ступеняхъ культуры. Такъ, наприм., теперь можно считать уже установившимся въ наукѣ исторіи права взглядъ на характерныя черты юридическихъ учрежденій въ примитивную эпоху общественной жизни, въ которой господствуютъ и отражаются на всѣхъ правовыхъ институтахъ начала общинно-родоваго быта. Но подобное признаніе одного общаго закона развитія для всѣхъ обществъ, въ

жизни которыхъ проявляются одни и тѣже общія всѣмъ людямъ свойства и потребности, не исключаетъ также мысли объ отличіяхъ въ соціальныхъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ, общественный строй которыхъ складывается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій,—причинъ различія въ организаціи соціальныхъ институтовъ. Національныя различія между обществами признаются и Кулишеромъ, который, однако, желаетъ ихъ найти „не тамъ, гдѣ ихъ обыкновенно находятъ, и не въ томъ, гдѣ ихъ обыкновенно ищутъ" (3 стр.), то есть, не въ особенностяхъ общественнаго міровоззрѣнія, народныхъ обычаевъ и учрежденій, создающихся подъ вліяніемъ также своеобразныхъ условій исторіи общества. Различіе между народами состоитъ, по Кулишеру, лишь въ различій „процесса все большаго и большаго очеловѣчиванія отношеній между людьми, гуманизированія ихъ бытовыхъ формъ, которое обусловливается внѣшней обстановкой, окружающей народъ, и внутренними, наслѣдственными его качествами" (6—7 с.). Противъ такого формулированія закона національности обществъ можно возразить очень многое и, прежде всего, то, что оно слишкомъ обще, не даетъ никакого критерія для того, чтобы опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ національныя черты учрежденій у того или другого народа, и не указываетъ на тѣсную связь условій развитія соціальныхъ институтовъ съ организаціей этихъ послѣднихъ. Именно потому, что Кулишеръ игнорируетъ все важное значеніе соотвѣтствія, извѣстной гармоніи условій соціальнаго развитія и рода и степени развитія потребностей у членовъ общества съ тою или другою ступенью его цивилизаціи у него и встрѣчается такая, ничего въ сущности необъясняющая, фраза, что „многія изъ бытовыхъ формъ и нравственныхъ понятій погибли не потому, что они не удовлетворяли интересамъ и потребностямъ большинства лицъ, жившихъ въ этихъ формахъ, а потому, что не выдержали борьбы съ иными бытовыми формами, съ которыми имъ пришлось столкнуться" (7 с.). Но спрашивается, почему же эти погибшія бытовыя формы должны были сталкиваться и выдерживать борьбу съ другими бытовыми формами, и откуда появились эти по-

слѣдніяѣ Очевидно, что какъ появленіе новыхъ бытовыхъ формъ, такъ и ихъ противорѣчіе старымъ вытекаетъ изъ новыхъ потребностей, которыя нарождаются въ обществѣ и вытѣсняютъ старыя, уже отжившія, потребности вмѣстѣ съ удовлетворявшими ихъ бытовыми формами. Такимъ образомъ, „общій законъ“ различія между народами, найденный Кулишеромъ встрѣчаетъ при своемъ примѣненіи къ жизни общества немало возраженій и, главное, не можетъ объяснить того историческаго явленія, которое извѣстно подъ именемъ національности въ соціальныхъ учрежденіяхъ каждаго народа. Особенность, своеобразность исторической судьбы различныхъ народовъ ведетъ къ тому, что каждый изъ нихъ вырабатываетъ въ теченіи своей исторической жизни извѣстное, только ему одному свойственное, міровоззрѣніе, опредѣленные нравственные и общественнные идеалы, хотя эти національные воззрѣнія и идеалы и сходятся со взглядами и идеалами остальныхъ народовъ въ томъ отношеніи, что всѣ они преслѣдуютъ въ концѣ концовъ одну и туже цѣль,—благосостояніе человѣческой личности. Кулишеръ не хочетъ принять мысль объ „особыхъ типахъ развитія народовъ“, особенныхъ идеяхъ и учрежденіяхъ, присущихъ различнымъ народамъ; различіе между болѣе или менѣе культурными народами обусловливается у него указаннымъ „общимъ закономъ“, который, однако, самъ является у него результатомъ внѣшней обстановки и наслѣдственныхъ привычекъ народа, а не первоначальной причиной различія въ общественныхъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ.

Что это „очеловѣчиваніе отношеній между людьми“, въ которомъ, по Кулишеру, проявляется „общій законъ“ различія между народами, имѣетъ чисто условный, неопредѣленный характеръ, это видно, между прочимъ, изъ взгляда самого же автора на первобытную мораль, которая „по своей высотѣ, интензивности, глубинѣ и силѣ будетъ, по его словамъ, вѣчнымъ, недосягаемымъ идеаломъ для болѣе культурныхъ народовъ, къ осуществленію котораго они стремятся въ своей собственной жизни. Цивилизованные народы, прибавляетъ Кулишеръ, находятъ и могутъ находить поученіе и назиданіе въ отдаленномъ прош-

ломъ, на зарѣ общественной жизни людей“ (10 с.). Въ доказательство высоты примитивной морали Кулишеръ ссылается на отзывы различныхъ путешественниковъ о „безукоризненной“ нравственности дикарей, у которыхъ общественныя отношенія основываются на полномъ равенствѣ, всѣ члены общества принимаютъ участіе въ матеріальныхъ благахъ, выпавшихъ на ихъ долю, нѣтъ привиллегированныхъ сословій, не встрѣчается ни воровства, ни грабежей; дикари честны, сострадательны, любвеобильны и проч. (8—9 с.). Но со всѣми этими чертами нравственности дикарей вовсе не вяжется варварское, безчеловѣчное обращеніе ихъ съ женщинами, дѣтьми и стариками, многочисленные примѣры котораго приводятся самимъ же Кулишеромъ въ его книгѣ. Во всѣхъ нихъ выражается полное презрѣніе къ человѣческой личности, которая, повидимому, занимаетъ второстепенное мѣсто въ представленіи Кулишера о первобытной морали. Эта послѣдняя потеряетъ еще болѣе въ своей, прославляемой авторомъ, чистотѣ и безукоризненности, если мы вспомнимъ о взглядахъ многихъ дикихъ племенъ на месть, какъ на священную обязанность оскорбленнаго и всего его рода, развратъ, какъ обыкновенный фактъ въ жизни, санкціонированный даже религіей, и—многихъ другихъ моральныхъ понятіяхъ дикарей, которыя идутъ въ разрѣзъ съ современными представленіями о нравственности. Кулишеръ оставляетъ безъ всякаго вниманія эту сторону примитивной морали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не даетъ удовлетворительнаго объясненія того, откуда происходитъ особенная черта первобытной нравственности, по которой „дѣянія, совершенно умѣстныя и дозволительныя по отношенію къ однимъ „своимъ“ оказываются недозволительными по отношенію къ другимъ,—„чужимъ“, членамъ другихъ обществъ (10 с.). По мнѣнію нашего автора, „причина недостаточной экстензивности первобытной морали кроется въ недостаточномъ развитіи въ примитивномъ обществѣ производительной дѣятельности, которое является двигателемъ безпрерывныхъ войнъ между первобытными народами“ (12 с.). Но, не отвергая всего важнаго значенія такой низкой степени экономическаго развитія въ соціальной примитивной

жизни, мы думаемъ, что причину слишкомъ узкаго, изолированнаго характера первобытной морали нужно искать глубже, именно въ господствѣ въ примитивномъ обществѣ общинно-родовыхъ и, отчасти, религіозныхъ (культа предковъ) началъ, придающихъ замкнутый характеръ всему первобытному общественному строю, и особенномъ развитіи эгоистической стороны человѣческой природы въ первоначальномъ обществѣ, которому приходится думать исключительно о своемъ существованіи и бороться за него съ другими обществами. На эту послѣднюю, характерную черту примитивной жизни указываетъ и Кулишеръ при объясненіи, напр., распространенности у дикарей дѣтоубійства (46 с.). Впрочемъ, эгоизмъ человѣка не составляетъ исключительнаго отличія первобытной морали, такъ какъ онъ и на высшихъ ступеняхъ культуры общества продолжаетъ проявляться въ сильной степени во всѣхъ отношеніяхъ членовъ общества, особенно-же въ отношеніяхъ между „своими",— членами семьи, народа, церкви и другихъ общественныхъ союзовъ. Только отношенія „своихъ" людей отличаются здѣсь большею прочностью и продолжительностью сравнительно съ отношеніями членовъ примитивныхъ обществъ; на высшей ступени соціальнаго развитія отношенія между людьми начинаютъ проникаться постепенно альтруизмомъ, который обусловливаетъ какъ экстензивность морали у цивилизованныхъ народовъ, такъ и дѣйствительную прочность, глубину и силу гуманныхъ отношеній между людьми. Въ культурномъ обществѣ взаимныя отношенія людей основываются на признаніи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, человѣческой личности и ея свободы, на чувствахъ уваженія, любви и даже самоотверженія, мало или вовсе неизвѣстныхъ первобытному обществу, гдѣ интересы отдѣльной личности ставятся ни во что, и внутри общества, какъ и внѣ его, царствуютъ безпрерывные раздоры и война. Можно ли на самомъ дѣлѣ говорить объ „интензивности, силѣ и глубинѣ" примитивной морали и считать „вѣчнымъ, недосягаемымъ идеаломъ" для культурныхъ народовъ такія отношенія членовъ примитивной семьи, при которыхъ старики оставляются своими дѣтьми на произволъ

судьбы или даже убиваются ими (35 с. и сл.), дѣти истребляются массами (46 с. и сл.), а по отношенію къ живымъ практикуются варварскія истязанія (57 с. и сл.) и, наконецъ, женщины обращаются въ рабынь, несутъ на себѣ всю тяжесть физическихъ работъ при полной праздности мужчинъ (85 с. и сл.)? И всѣ эти жестокости совершаются единственно потому, что того требуютъ суровыя матеріальныя и другія условія жизни первобытнаго общества, заставляющія каждаго думать лишь о себѣ, а не о другихъ. Кулишеръ не изслѣдуетъ *всесторонне* вопроса объ этихъ условіяхъ жизни примитивнаго общества, и потому всѣ его разсужденія о первобытной морали оказываются голословными, бездоказательными. Если бы онъ воспользовался этимъ, принятымъ въ наукѣ исторіи права, способомъ изученія соціальныхъ институтовъ, для него могла бы быть ясна и причина дѣйствительно высокой нравственности у нѣкоторыхъ дикарей, о которой говорятъ намъ путешественники. Эта причина скрывается, очевидно, въ особенныхъ условіяхъ жизни въ такихъ примитивныхъ обществахъ, напр., въ мирномъ образѣ ихъ жизни, вызываемомъ изолированнымъ ихъ положеніемъ среди другихъ дикарей, которые не могутъ или не имѣютъ нужды нападать на нихъ, сравнительнымъ изобиліемъ матеріальныхъ благъ, изъ за обладанія которыми обыкновенно ведутся между дикарями безпрерывныя войны, демократическимъ устройствомъ ихъ политическаго быта и проч. [1]).

Такимъ образомъ, высокая мораль *немногихъ* первобытныхъ обществъ, находящихся въ исключительныхъ жизненныхъ условіяхъ, не можетъ считаться образцомъ морали у *всѣхъ* дикарей, весь образъ жизни которыхъ ведетъ, напротивъ, къ преобладанію въ обществѣ самого грубаго эгоизма и физической стороны природы у дикаря надъ духовными ея стремленіями. Это чрезмѣрное господство эгоизма и инстинктовъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей въ примитивномъ обществѣ развивается и первобыт-

---

[1]) См. у Спенсера: «Развитіе политическихъ учрежденій», 314—320 стр.

ной религіей, представляющей собою у многихъ дикарей обоготвореніе производительныхъ силъ природы и различныхъ свойствъ самого человѣка, и примитивными семейными нравами (гетерическими, поліандрическими или полигеническими), и даже общинно-родовыми началами первоначальной общественной жизни. Впрочемъ, эти послѣднія, вмѣстѣ съ начинающеюся складываться въ первобытномъ обществѣ государственною властью, сдерживаютъ въ извѣстной мѣрѣ этотъ чрезмѣрный эгоизмъ примитивныхъ людей и заставляютъ ихъ служить и общественнымъ интересамъ на ряду съ своими собственными. Такимъ образомъ, весь обыкновенный строй общественной жизни въ первобытномъ обществѣ исключаетъ всякую возможность появленія въ немъ высоко развитой морали съ ея глубокимъ уваженіемъ къ человѣческой личности, всѣмъ ея интересамъ и альтруистическими стремленіями и чувствами. Поэтому-то мы въ правѣ упрекнуть Кулишера въ слишкомъ поспѣшныхъ заключеніяхъ о характерѣ примитивной морали, основанныхъ лишь на небольшомъ количествѣ фактовъ изъ жизни нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Но и не въ одномъ этомъ вопросѣ замѣчается непослѣдовательность и поспѣшность выводовъ у Кулишера, который иногда строитъ научныя гипотезы, не изслѣдуя вопроса со всѣхъ сторонъ. Такъ, напр., изученіе факта недостаточнаго развитія производительной дѣятельности у дикихъ племенъ, вытекающей изъ личной безпомощности, первоначальной неспособности человѣка совладать съ силами природы, даетъ поводъ Кулишеру утверждать, что и религіозное почитаніе предметовъ и силъ природы вытекаетъ изъ того же источника,—изъ безсилія первобытнаго человѣка въ борьбѣ съ природой, подчиненіи ея силъ своимъ цѣлямъ и потребностямъ (20—22 с.). Между тѣмъ, происхожденіе первобытной религіи въ различныхъ ея формахъ (натурализмѣ, антропоморфизмѣ, культѣ предковъ) коренится въ невольномъ чувствѣ ужаса и страха примитивнаго человѣка предъ неизвѣданными силами природы и самого человѣка; внѣшнія формы проявленія этихъ силъ парализуютъ неразвитый умъ дикаря и заставляютъ его пылкое воображеніе надѣлять предметы внѣшняго міра сознаніемъ, волей

и всѣми человѣческими свойствами и наклонностями. Если бы первобытная религія произошла изъ одной невозможности для первобытнаго человѣка приспособить къ своимъ нуждамъ силы природы, тогда не былъ бы возможенъ и дальнѣйшій прогрессъ въ экономической жизни общества, такъ тѣсно связанной у Кулишера съ религіознымъ элементомъ въ примитивной жизни: равнодушіе, безучастность, бездѣятельное отношеніе человѣка къ природѣ было бы навсегда освящено религіей, такъ что человѣкъ никогда не посмѣлъ бы приступить къ изслѣдованію тѣхъ явленій природы, предъ которыми онъ чувствуетъ одинъ благоговѣйный ужасъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что и въ первобытномъ обществѣ бездѣятельное отношеніе къ природѣ, объясняющееся „неумѣньемъ пользоваться предметами и явленіями природы, бороться съ ними и эксплуатировать ихъ для человѣческихъ потребностей“ (20 с.), постепенно смѣняется подъ напоромъ нужды увеличивающагося населенія въ матеріальныхъ благахъ болѣе или менѣе энергическимъ физическимъ трудомъ, добываніемъ средствъ къ жизни посредствомъ рыбной ловли, охоты за дикими звѣрями, скотоводствомъ и земледѣліемъ. У всѣхъ первобытныхъ обществъ существуютъ общія работы для всѣхъ членовъ семьи или даже всего племени, которые общими усиліями пріобрѣтаютъ себѣ тѣ или другія матеріальныя блага. Такъ у охотничьихъ и рыболовныхъ дикихъ племенъ находятся общія работы, имѣющія извѣстную организацію, по добыванію дичи и рыбы, устройству общихъ жилищъ. У пастушескихъ племенъ существуетъ правильное раздѣленіе труда по уходу за скотомъ: одни члены семьи или общины пасутъ стада, другіе собираютъ молочные продукты, третьи заботятся объ ихъ сохраненіи и т. д.. Дикія же племена съ преобладающей земледѣльческой культурой производятъ цѣлый рядъ также общихъ работъ, отличающихся особенною сложностью, по очисткѣ мѣстъ, необходимыхъ для земледѣлія, устройству каналовъ и резервуаровъ для орошенія земель и проч. [1]). Итакъ, даже на самыхъ ран-

---

[1]) См. у Зибера: Очерки первобытной экономической культуры.

нихъ ступеняхъ соціальной жизни мы находимъ не совершенную бездѣятельность людей, а, напротивъ, болѣе или менѣе организованную борьбу ихъ съ природой, пользованіе ея силами для удовлетворенія своихъ потребностей, которое расширяется постоянно вмѣстѣ съ развитіемъ культуры общества.

Не менѣе узкими и односторонними оказываются воззрѣнія Кулишера на характеръ примитивной семьи, первоначальной формой которой представляется ему коммунальный бракъ (86—87 с.). Мы не будемъ входить здѣсь въ изслѣдованіе этого вопроса, разобраннаго нами въ другомъ мѣстѣ [1]); для нашей цѣли достаточно замѣтить, что на ряду съ этнографическими данными, подтверждающими, повидимому, этотъ взглядъ Кулишера на первоначальную форму брака, есть немало и такихъ, которыми это мнѣніе совершенно опровергается [2]). Самое названіе коммунальнаго брака, введенное въ этнологію Лэббокомъ, совершенно неприложимо къ неопредѣленному и безпорядочному характеру отношеній между полами въ первобытномъ обществѣ, какъ на это указалъ Гербертъ Спенсеръ. Этотъ послѣдній ученый, не безъизвѣстный и Кулишеру (89 с.), доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что при настоящемъ состояніи этнографическихъ данныхъ невозможно принять теорію Макъ-Леннана, Моргана, раздѣляемую авторомъ (110 с.), о безусловно гетерическомъ характерѣ примитивныхъ семейныхъ отношеній и объ обязательномъ переходѣ ихъ въ поліандрію и другія болѣе высшія формы индивидуальнаго брака, и что въ этомъ вопросѣ необходимо держаться взгляда на самостоятельность въ развитіи различныхъ типовъ семейныхъ примитивныхъ отношеній. Только съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи этого послѣдняго вида можно объяснить непосредственное возникновеніе моногаміи у многихъ дикихъ племенъ и, отчасти, вытекающую отсюда у нихъ чистоту семейныхъ нравовъ

---

[1]) См. въ 5 № «Юридической Библіографіи», издаваемой Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

[2]) См. въ сочиненіяхъ Спенсера, Летурно, Жиро-Телона и др. этнологовъ.

и высоту моральныхъ воззрѣній. Поэтому-то невозможно согласиться съ Кулишеромъ, что „въ жизни и судьбахъ первобытной племенной общины должно было произойти весьма много, прежде чѣмъ въ нее внѣдрился патріархальный принципъ“ (45 с.), непосредственное появленіе котораго также возможно въ примитивномъ обществѣ, какъ и возникновеніе въ немъ прямо матріархальной семьи. Господство матріархальнаго принципа въ извѣстномъ первобытномъ обществѣ хорошо объясняетъ, почему женщина занимаетъ здѣсь первенствующее положеніе, которое исключаетъ возможность взгляда на нее, какъ на рабу. Женщина дѣлается рабыней мужчины при случаяхъ захвата ея въ числѣ плѣнныхъ побѣдителями—непріятельскими воинами, потому что однимъ изъ первоначальныхъ источниковъ возникновенія рабства въ первобытномъ обществѣ является война и порабощеніе побѣжденныхъ мужчинъ и женщинъ, а не однѣхъ только женщинъ, какъ это утверждаетъ Кулишеръ (85 и 88 стр.). Напрасно также онъ усиливается доказать, что „безправное положеніе женщины было вызвано не физическимъ ея слабосиліемъ, а праздностью мужчины“ (92 с.). Самый фактъ плѣненія женщинъ мужчинами и, сильно распространенный въ примитивномъ обществѣ, обычай ихъ похищенія (154 с.), какъ первоначальной формы заключенія брака, указываютъ на безсиліе женщинъ, которыми завладѣваютъ мужчины. При чемъ, это порабощеніе женщинъ мужчинами, обращающими ихъ въ своихъ рабынь, является однимъ изъ поводовъ возникновенія индивидуальнаго брака [1]). Женщина-плѣнница и въ тоже время жена своего побѣдителя должна была нести на себѣ всѣ тяжелыя хозяйственныя работы, между тѣмъ какъ мужчина былъ занятъ охотой и войной, гдѣ требуются большая физическая сила и мужество. Такъ само собою совершалось раздѣленіе труда въ первобытномъ обществѣ, какъ результатъ особенныхъ условій его жизни. Отбывъ свою обязательную повинность на охотѣ и войнѣ, мужчина считалъ себя въ правѣ проводить праздно время въ своей семьѣ, оставлять всѣ домашнія и

---

[1]) См. 5 № Юридической Библіографіи.

хозяйственныя работы на попеченіе одной женщины, которая должна была трудиться неустанно и безропотно уже по одному тому, что она была плѣнница-рабыня своего мужа. Естественно, что безпрерывный физическій трудъ долженъ былъ развивать въ такой женщинѣ и физическую силу и способность ко всякаго рода труднымъ и тяжелымъ работамъ, хотя эта привычка достается ей и не легко. Въ нашемъ крестьянскомъ быту мы видимъ также, какъ нерѣдко бываетъ трудно женщинѣ наравнѣ съ мужчиной исполнять всѣ хозяйственныя работы, хотя безпрерывный физическій трудъ и развилъ въ ней достаточно крѣпость и выносливость при сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ. Но одинаковая съ мужчиной физическая сила и способность къ работамъ русской крестьянки не спасаютъ ее отъ презрительнаго отношенія и грубаго обращенія съ нею ея мужа и другихъ мужчинъ, какъ физическое слабосиліе и негодность къ физическому труду женщины въ высшихъ классахъ европейскаго общества не помѣшали постепенному развитію въ немъ понятія о равноправности женщины съ мужчиной въ трудахъ всякаго рода и пользованіи ихъ результатами. Такимъ образомъ, мы видимъ, что рабство женщинъ и ихъ безправное положеніе было создано въ примитивномъ обществѣ одними и тѣми же причинами, какъ и рабство мужчинъ, а не праздностью только мужчины, которая вытекала изъ особенностей соціальнаго строя первобытнаго общества и была лишь однимъ изъ обстоятельствъ, дѣйствительно ухудшающихъ и безъ того незавидную и тяжелую участь женщины.

Мы не останавливаемся подробно на многихъ другихъ научныхъ выводахъ Кулишера, также смѣлыхъ, но часто неоправдываемыхъ всею наличностью фактовъ изъ жизни первобытныхъ и культурныхъ обществъ, сравниваемыхъ въ различныхъ отношеніяхъ авторомъ. Таково, напр., сопоставленіе имъ процессій, въ которыхъ участвовали юноши-негры центральной Африки послѣ обрѣзанія съ процессіями же средневѣковыхъ схоляровъ и русскихъ бурсаковъ-школьниковъ, которыя они совершали по городамъ и селамъ, причемъ получали за свое пѣніе и представленія „грошевыя подачки“ (67—8 с.). Или воззрѣнія Кулишера, что физическія наказа-

нія въ новѣйшихъ воспитательныхъ системахъ имѣютъ тѣсную связь съ первоначальными истязаніями молодежи (82 с. и сл.), и что скудость домашней утвари, продолжительная необходимость сидѣнія на одной скамьѣ вызвала вопросы мѣстничества, сохранившіе жгучій характеръ до новѣйшаго времени (107 с.) и многія другія. Очевидно, что всѣ эти факты изъ различныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга цѣлымъ рядомъ вѣковъ, эпохъ общественной жизни имѣютъ только внѣшнее сходство, и ихъ нельзя сравнивать другъ съ другомъ, не изслѣдовавши предварительно *всѣхъ* условій жизни общества въ каждый изъ изучаемыхъ періодовъ его исторіи. Но Кулишеръ при своихъ сравненіяхъ этнографическихъ фактовъ придаетъ исключительное значеніе только одному закону наслѣдственности, который играетъ большую роль въ психической жизни людей. „Ни одно изъ человѣческихъ дѣйствій, говоритъ онъ, не является продуктомъ самоопредѣляющей воли тѣхъ, которые ихъ производятъ, а результатомъ наслѣдственной привычки“ (84 с.). Между тѣмъ, общественный строй создается не одними только внѣшними, историческими условіями жизни общества, но также и путемъ энергичной, свободной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, которая, по словамъ самого же автора, „измѣняетъ и даже создаетъ новыя естественныя условія страны“ (6 с.). Многочисленность, сложность и разнообразіе условій соціальной жизни увеличиваются вмѣстѣ съ возвышеніемъ, развитіемъ культуры общества, такъ что причинъ извѣстнаго рода общественныхъ явленій приходится всегда искать уже не въ одномъ какомъ-либо фактѣ (напр., наслѣдственности), а въ цѣлой массѣ различныхъ историческихъ обстоятельствъ, неизвѣстныхъ примитивной жизни съ ея элементарными, простыми и однообразными условіями.

При всѣхъ этихъ, указанныхъ нами, недостаткахъ труда Кулишера, извинительныхъ въ вопросахъ о примитивныхъ учрежденіяхъ, такъ мало изслѣдованныхъ въ наукѣ исторіи права, въ его сочиненіи есть и несомнѣнныя достоинства. Сюда принадлежитъ, съ одной стороны, тщательное и систематическое собраніе въ одной книгѣ массы этнографическихъ данныхъ по

различнымъ вопросамъ примитивнаго быта и, съ другой, удачная во многихъ случаяхъ попытка обобщить эти данныя съ цѣлью характеризовать мало извѣстныя и загадочныя для науки различныя примитивныя учрежденія. Въособенности заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго, интересующагося вопросами первобытнаго права и вообще примитивной культуры общества, цѣлый рядъ главъ сочиненія Кулишера (VIII—XII), составляющихъ большую половину книги и изслѣдующихъ вопросы о символикѣ въ жизни, исторіи и правѣ, торговлѣ и торговомъ классѣ и о ростовщикахъ и о ростовщичествѣ. Отсылаемъ читателя къ этимъ главамъ сочиненія Кулишера, проливающимъ много свѣта на историко-юридическое и соціальное значеніе символовъ, торговли и ростовщичества, возникновеніе ихъ въ первоначальную эпоху общественной жизни и развитіе въ послѣдующіе ея періоды, даже до новѣйшаго. Желательно, чтобы г. Кулишеръ продолжалъ и далѣе свои изслѣдованія о примитивныхъ учрежденіяхъ, безъ знанія организаціи которыхъ невозможно понимать развитіе и устройство всего современнаго соціальнаго быта.

В. Щегловъ.

---

6. *С. Будзинскій,* О преступленіяхъ въ особенности, 1887 г., 449 стр.

Профессоръ Варшавскаго университета С. Будзинскій въ свое время занималъ не послѣднее мѣсто въ ряду русскихъ криминалистовъ; его учебникъ уголовнаго права, вышедшій въ 1870 года, не смотря на недостатки, обезпечилъ за авторомъ репутацію ученаго, не лишеннаго не только эрудиціи, но и извѣстной силы мысли. Казалось, что дальнѣйшіе труды г. Будзинскаго поддержатъ его научную репутацію; къ сожалѣнію, послѣднее произведеніе автора, заглавіе котораго нами выписа-

но, чуждо такого значенія. Оно показываетъ, что умственные силы автора не только пошли на убыль, но просто старчески ослабѣли, такъ-что совершенно тщетно ожиданіе отъ него новыхъ цѣнныхъ для науки работъ. Всякое новое произведеніе его пера, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ только внести еще бо́льшую брешь въ его лавровый вѣнокъ, такъ-что авторъ прекрасно-бы сдѣлалъ, если-бы совсѣмъ отказался отъ дальнѣйшаго творчества и даже прямо сошелъ со сцены научной дѣятельности. Дабы такое мнѣніе не показалось слишкомъ суровымъ, приведемъ доказательства, причемъ ограничимся лишь немногими, такъ-какъ и ихъ, полагаемъ, достаточно для нашей цѣли.

Начнемъ съ метода изслѣдованія г. Будзинскаго. Вмѣсто того, чтобы основательно изучить теоретическую постановку вопроса о каждомъ отдѣльномъ преступленіи, послѣдній нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ „обратить преимущественное вниманіе на разнообразные взгляды законодательствъ, такъ-какъ кодификаціи обыкновенно являются результатомъ теоретической и практической юриспруденціи“ (см. Предъисл.). Ненаучность подобнаго пріема совершенно очевидна; безъ основъ теоріи, безъ знанія стройныхъ построеній послѣдней большею частью невозможно, при разнообразіи положеній законодательствъ, создать себѣ опредѣленную точку зрѣнія, твердый критерій для рѣшенія, какое положеніе болѣе правильно, а слѣдовательно и для построенія наиболѣе устойчиваго ученія. Отсюда путаница и крайняя шаткость, несостоятельность ученій, а также отрывочность, несистематичность послѣднихъ часто рѣшительно неизбѣжны; таковъ именно характеръ и представляетъ работа нашего автора. Въ ней едва-ли можно найти хоть одно ученіе, которое способно было бы выдержать самую снисходительную критику. Такъ, прежде всего, поражаетъ классификація преступленій, основанія которой совершенно непонятны. Съ одной стороны, наиболѣе *соотвѣтственно*, по ученію г. Будзинскаго, дѣленіе по предмету, т. е. по объекту, а съ другой — необходимо начинать съ правъ единицъ и затѣмъ постепенно расширять этотъ кругъ (стр. 19),

т. е. придерживаться дѣленія по субъекту; въ результатѣ получается слѣдующее дѣленіе: 1) преступленія противъ правъ частныхъ лицъ, 2) противъ семейныхъ правъ, 3) противъ правъ общества, 4) противъ правъ государства и 5) противъ религіи (стр. 19). Такимъ образомъ, авторъ, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ путаницу: защищая дѣленіе по объекту, устанавливаетъ дѣленіе по субъекту; такіе логическіе промахи у автора не рѣдки.

Въ ученіи, далѣе, о тѣлесныхъ поврежденіяхъ г. Будзинскій, отвергая всѣ существующія въ кодексахъ системы дѣленія послѣднихъ, предлагаетъ свою, сущность которой сводится къ тому, что всѣ поврежденія должны быть раздѣлены на тяжкія и легкія „съ указаніемъ, въ видѣ примѣра, нѣкоторыхъ тяжкихъ и съ предоставленіемъ рѣшенія вопросы о степени поврежденія въ каждомъ данномъ случаѣ усмотренію судьи“ (стр. 28). Не подлежитъ сомнѣнію, что предлагаемая г. Будзинскимъ система дѣленія тѣлесныхъ поврежденій наименѣе „соотвѣтственная“ (см. стр. 28); цѣлесообразно могло бы быть одно изъ двухъ: или опредѣленіе понятія тяжкихъ поврежденій общей формулой или, если таковое невозможно, то необходимъ точный ихъ перечень въ описательной формѣ. Примѣрное-же указаніе отдѣльныхъ такихъ поврежденій лишено всякаго научнаго смысла и представляетъ самый несовершенный пріемъ кодефикаціонной техники, безусловно осуждаемый спеціалистами. И въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ можетъ имѣть указаніе отдѣльныхъ примѣровъ? Развѣ отъ наказуемости лишенія руки или ноги можно заключать къ равной наказуемости лишенія носа или губъ? Г. Будзинскій, самъ прекрасно знающій, что научное опредѣленіе понятія тяжкихъ поврежденій невозможно (стр. 24), ибо наука не выработала пока сколько нибудь твердаго опредѣленнаго критерія послѣднихъ, въ тоже самое время рекомендуетъ предоставить признаніе въ каждомъ данномъ случаѣ бытія такого поврежденія усмотрѣнію судьи? Но чѣмъ же, спрашивается, инымъ будетъ руководствоваться судья при такихъ признаніяхъ, какъ не произволомъ, всѣ послѣдствія котораго падутъ на подсудимаго? Авторъ, отстаивающій въ этомъ

случаѣ принципъ довѣрія къ суду (стр. 27), не понимаетъ такой простой вещи, что защита этого принципа не имѣетъ ничего общаго съ защитой судейскаго произвола; довѣріе къ суду необходимо предполагаетъ извѣстныя условія, извѣстныя границы, за предѣлами которыхъ оно становится нецѣлесообразнымъ, какъ это и было бы въ разбираемомъ случаѣ.

Не болѣе научнаго смысла представляетъ также и опредѣленіе понятія предъумышленія, предлагаемое г. Будзинскимъ; существенный признакъ предъумышленія, говоритъ онъ, состоитъ въ господствѣ рефлексіи надъ умомъ (стр. 48). Это опредѣленіе, прежде всего, невѣрно, ибо нерѣдки случаи убійствъ, совершенныхъ при полной ясности и свободѣ мышленія, предпринятыхъ съ соовершенной трезвостью разсудочной дѣятельности; затѣмъ оно совершенно безсодержательно, ибо не даетъ никакихъ опредѣленныхъ признаковъ понятія. Что, спрашивается, руководящее почерпнетъ студентъ или судья изъ такого опредѣленія? На этотъ вопросъ, думаемъ, и самъ авторъ едвали въ состояніи отвѣтить положительно.

Вообще, опредѣленія автора сильно грѣшатъ, обнаруживая нерѣдко непростительное для профессора незнаніе. Таково, между прочимъ, опредѣленіе кражи, которая, по формулѣ автора, есть похищеніе безъ насилія чужой движимой вещи противъ воли *законнаго* (?!) ея владѣльца, совершенное съ цѣлью присвоить себѣ оную (стр. 208). Изъ этого опредѣленія логически вытекаетъ, что если воръ стащитъ вещь у недобросовѣстнаго ея владѣльца или похититъ краденныя вещи у вора, не зная даже, у кого онъ ихъ похищаетъ, то кражи не будетъ. Достаточное знакомство съ любымъ учебникомъ уголовнаго права, заключащимъ въ себѣ особую часть, показало бы автору всю неправильность этого послѣдняго вывода, а слѣдовательно и неправильность его опредѣленія. Да проститъ насъ авторъ, если мы откровенно скажемъ, что подобные факты незнанія простительны только на студенческой скамьѣ, а не на каѳедрѣ. Не лучшаго достоинства и нѣкоторые выводы автора изъ своего опредѣленія кражи. Предметомъ послѣдней должна быть чужая вещь; подъ

чужою вещью, говоритъ г. Будзинскій, слѣдуетъ разумѣть такую, коей виновникъ не имѣетъ права владѣть; отсюда онъ прямо заключаетъ, что кража можетъ быть совершена и посредствомъ похищенія мертваго тѣла (стр. 210—211), причемъ никакихъ ограниченій природы мертвыхъ тѣлъ, могущихъ быть объектомъ кражи, авторъ не устанавливаетъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія автора будетъ кражей не только похищеніе трупа съ корыстнымъ намѣреніемъ, но и съ суевѣрными цѣлями, для исполненія надъ нимъ какихъ-либо суевѣрныхъ обрядовъ, дѣйствій. Здѣсь достойны равнаго вниманія какъ силлогизмъ автора, такъ и устанавливаемый имъ выводъ; изъ того, что субъектомъ кражи можетъ быть только тотъ, которому не принадлежитъ право владѣнія вещью, г. Будзинскій заключаетъ, что объектомъ кражи можетъ быть и мертвое тѣло; затѣмъ, что касается самаго вывода, то онъ противорѣчитъ природѣ кражи, какъ преступленію противъ имущества; трупы, вообще говоря, не входятъ въ кругъ предметовъ имущественной сферы и въ тѣхъ случаяхъ, когда похититель ихъ не руководится корыстнымъ намѣреніемъ, они безусловно не могутъ быть объектомъ кражи ни съ точки зрѣнія теоріи, ни съ точки зрѣнія нашего уложенія о наказ. Сссылка г. Будзинскаго на якобы противоположное мнѣніе г. Неклюдова, что касается постановленій улож. о наказ., есть не болѣе какъ недоразумѣніе, не особенно лестное для автора. Вотъ буквальныя слова г. Неклюдова. На вопросъ, какъ поступить въ случаѣ кражи тѣла еще не погребеннаго, онъ отвѣчаетъ: „мертвое тѣло само по себѣ взятое не имѣетъ рѣшительно никакой цѣнности; посему похищеніе его можетъ быть признаваемо кражей только въ томъ лишь случаѣ, когда тѣло будетъ похищено съ цѣлью воровства“ [1]). Такимъ образомъ, и по мысли Неклюдова, похищеніе трупа только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть относимо къ кражѣ, а именно тогда, когда его захватываютъ съ цѣлью воровства, т. е. съ корыстною цѣлью.

---

[1]) Неклюдовъ, Руков. къ особ. части уг. права, т. II, 148.

Каковы опредѣленія понятій у автора, такова и классификація ихъ; какъ здѣсь, такъ и тамъ въ одинаковой мѣрѣ сказывается и слабость знанія, и слабость обобщающей мысли. Такова напр. классификація квалифицированныхъ видовъ кражи; здѣсь встрѣчаемъ слѣдующія замѣчательныя дѣленія: 1) кража предметовъ, трудно охраняемыхъ *въ виду обстоятельствъ* (?); 2) кража предметовъ, трудно охраняемыхъ въ виду личности виновнаго; 3) кражи опасныя (?) и совершенныя посредствомъ хитрости (стр. 221—233). Приведенныя первыя два дѣленія, независимо недостатковъ языка, грѣшатъ еще и крайней односторонностью основаній; авторъ забываетъ, что квалификація большинства перечисляемыхъ имъ видовъ кражи опирается не на одно только соображеніе трудности охраны данныхъ предметовъ кражи; въ основаніи ея лежатъ и другія соображенія. Такъ, напр., кража транспортныхъ вещей считается особенно опасною не только въ виду выставляемаго авторомъ соображенія, но и въ виду того крайне бѣдственнаго, безвыходнаго положенія, въ какое можетъ быть поставленъ путникъ вслѣдствіе потери своего имущества, въ которомъ заключалась вся цѣнность, необходимая для проѣзда. Точно также квалификація такъ наз. домашней кражи, опирается, кромѣ указываемаго авторомъ основанія, еще и на то, что домашній воръ нарушаетъ то особенное довѣріе, которое необходимо долженъ былъ оказывать ему домохозяинъ, т. е. не только—на объективное соображеніе, но и на субъективное, Что-же касается третьяго дѣленія, то весьма непонятно, почему только кража съ оружіемъ, со взломомъ и въ сообществѣ суть кражи опасныя, а остальныя неопасныя? Тутъ, очевидно, одинъ изъ тѣхъ перловъ языка г. Будзинскаго, которыми, какъ увидимъ далѣе, такъ блещетъ его произведеніе. Наконецъ, совершенно непостижимо, почему рецидивъ кражи долженъ занимать мѣсто въ ряду квалифицированныхъ ея видовъ *по способу исполненія* (стр. 232). Это уже не промахъ, а просто абсурдъ, понятный только при томъ состояніи, въ которомъ находится авторъ. Но указанными промахами классификація нашего автора особыхъ видовъ кражи не исчерпывает-

ся; она страдаетъ еще тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что не объемлетъ всѣхъ особенныхъ видовъ кражи, предъусматриваемыхъ нашимъ улож. о нак.; нѣкоторые изъ нихъ неизвѣстно почему изъ классификаціи совершенно опущены авторомъ. Таковы, напр.: кража на кладбищѣ, кража въ присутственныхъ мѣстахъ или многолюдныхъ собраніяхъ, кража актовъ и документовъ, кража лѣса и друг.

Все это, такъ сказать, теоретическіе грѣхи нашего автора; перейдемъ теперь къ фактическимъ его промахамъ, объясняемымъ весьма поверхностнымъ знакомствомъ съ положительнымъ правомъ, изученіе котораго г. Будзинскій, какъ мы видѣли, поставилъ главной своей задачей. Начнемъ съ понятія публичности богохуленія. По мнѣнію г. Будзинскаго, поношеніе божества при свидѣтеляхъ не отвѣчаетъ названному понятію съ точки зрѣнія новѣйшихъ законодательствъ, которые для того требуютъ причиненія соблазна и нарушенія общественнаго порядка (стр. 466). Въ этихъ словахъ справедливо только то, что элементъ соблазна дѣйствительно требуется нѣкоторыми европейскими кодексами; но невѣрно, будто для понятія публичности богохуленія необходимо нарушеніе общественнаго порядка. Если бы авторъ основательнѣе изучилъ данный вопросъ, то увидѣлъ бы, что подъ публичностью богохуленія разумѣется такая обстановка его совершенія, при которой существуетъ возможность примѣты его третьими лицами, обращеніе на него вниманія сихъ послѣднихъ лицъ. Поэтому богохуленіе предлежитъ не только тогда, когда, происходя на *публичномъ*, т. е. на всѣмъ доступномъ мѣстѣ, или въ частномъ домѣ, входъ въ который не ограниченъ только индивидуально опредѣленнымъ кружкомъ, сопровождается общественнымъ безпорядкомъ, но и тогда, когда порядокъ остается не нарушеннымъ. Затѣмъ ближайшее изученіе вопроса показало бы автору, что съ точки зрѣнія теоріи требованіе для состава богохуленія наличности элемента соблазна признается несостоятельнымъ; теорія считаетъ достаточнымъ требованіе элемента публичности, и этотъ взглядъ раздѣляется и нѣкоторыми ко-

дексами, каковы — Прусскій и Австрійскій [1]). Но вотъ еще болѣе крупныя ошибки нашего автора. По словамъ послѣдняго, кодексы Французскій, Прусскій и Общегерманскій по вопросу о моментѣ совершенія кражи придерживаются теоріи уноса; это мнѣніе г. Будзинскій основываетъ исключительно на буквѣ закона, не вникнувъ ближе въ его смыслъ и не познакомившись съ комментаріями. Если бы онъ задалъ себѣ эту работу, то увидѣлъ бы, что и судебное, и научное толкованія приводимыя имъ слова принимаютъ въ смыслѣ теоріи завладѣнія, а не уноса [2]). Точно такое-же поразительное незнаніе обнаруживаетъ авторъ и тогда, когда говоритъ, что въ государствахъ, въ которыхъ религія — дѣло индивидуальное, каковы, между прочимъ, Италія и Соедин. Штаты Сѣверной Америки, не можетъ быть и рѣчи о преступленіяхъ противъ вѣры и государство караетъ лишь дѣянія, нарушающія свободу отправленія обрядовъ терпимыхъ имъ вѣроисповѣданій (стр. 413). Новый кодексъ штата Нью-Іорка заключаетъ въ себѣ титулъ (III-й), озаглавленный такъ: „Преступленія противъ религіи и совѣсти“, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ богохуленіе (§ 31), понимаемое, какъ поношеніе какого-либо изъ лицъ Святой Троицы, а также священнаго писанія и христіанской религіи. Такимъ образомъ, и здѣсь авторъ говоритъ зря, не изучивъ какъ слѣдуетъ вопроса. Можно бы было значительно увеличить число примѣровъ даннаго рода, но думаемъ, что и указанныхъ достаточно для нашей цѣли.

Въ заключеніе приведемъ образчики языка автора, показывающіе, что послѣдній не очень силенъ въ грамматикѣ. „Прежній строгій взглядъ на это преступленіе основывали на томъ, что оно въ высшей степени нарушаетъ материнское чувство, что ребенокъ не въ состояніи защищаться и, кромѣ того, чѣмъ (?!) руководствовался французскій законодатель, что оно

---

[1]) См. мое изслѣдованіе «Преступленія противъ религіи въ важнѣйш. госуд. Запада», стр. 308—309.

[2]) См. мое изслѣд. «О воровствѣ—кражѣ по русскому праву», вып. 1-й, стр. 309.

предполагаетъ предъумышленіе“ (стр. 51). „Кража дѣлается опасною, когда совершена съ оружіемъ или въ сообществѣ, или сопровождается насиліемъ (?) надъ вещью“ (228). „Оставляя въ сторонѣ еще болѣе исключительныя законодательства, другія законодательства (?) одинаково наказываютъ нарушеніе исполненія религіозныхъ обрядовъ“ и т. д. (417—418).

Таково наше мнѣніе о послѣднемъ трудѣ г. Будзинскаго; оно, правда, нѣсколько сурово, но оправданіемъ для насъ въ этомъ случаѣ служитъ ничто иное какъ искреннее желаніе, чтобы авторъ впредь не ронялъ своей научной репутаціи произведеніями, несравненно ниже ея стоящими.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

---

6. V. Schulte, Der Altkatholicismus, Geschichte seiner Entwickelung, inneren Gestaltung und rechtlichen Stellung in Deutschland, aus den Acten und andern authentischen Quellen dargestellt. Giessen. 1887. (683—XV).

Цѣль даннаго сочиненія маститаго ученаго, обогатившаго науку десятками работъ, одна другой солиднѣе, состоитъ въ томъ, чтобы познакомить интеллигентнаго читателя, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, съ исторіей развитія старо-католичества и съ его нынѣшнимъ положеніемъ въ Германіи. Естественно, что изложеніе исторіи старо-католичества оказалось для автора невозможнымъ безъ подробнаго изслѣдованія о ватиканскомъ соборѣ. Между прочимъ Шульте старается доказать недѣйствительность той самой догматической буллы „Pastor aeternus“ 18 іюля 1870 г., которою были догматизированы папская непогрѣшимость и универсальный папскій епископатъ, въ виду того, что соборъ не имѣлъ достаточной свободы въ обсужденіи даннаго предмета и вообще уклонился въ порядкѣ веденія дѣлъ отъ правилъ, соблюдавшихся на другихъ вселенскихъ соборахъ, а также въ виду противорѣчія матеріальнаго содержанія буллы свящ. Писанію. Такъ напр. по поводу выраженія буллы, что „Петръ получилъ отъ Господа прямо и непосредственно приматъ юрис-

дикціи надъ всею церковью“, Шульте справедливо замѣчаетъ, что *понятіе юрисдикціи* нигдѣ не встрѣчается въ словахъ Христа. Равнымъ образомъ, по поводу другаго выраженія, что „Христосъ поставилъ Петра княземъ всѣхъ апостоловъ и видимымъ главой всей воинствующей церкви“, почтенный ученый не менѣе справедливо замѣчаетъ, что древность христіанская совсѣмъ не знаетъ *понятія князя*, что Петръ самъ не подозрѣвалъ ничего объ этомъ, приписываемомъ ему теперь, положеніи, и что подобныя, мнимыя, догматическія положенія суть не что иное, какъ измышленія позднѣйшаго времени.

Насколько сильнымъ представляется читателю старо-католическій ученый въ указаніи слабыхъ сторонъ ватиканскаго собора и ватиканскаго ученія, на столько же слабымъ и безжизненнымъ представляется старо-католическое направленіе въ современной жизни Европы. Въ Пруссіи старо-католическія общины существуютъ лишь въ 36 мѣстахъ, а государствомъ признанныхъ приходовъ всего 7. Баденъ имѣетъ 39 общинъ; Баварія въ 1873 г. имѣла общины въ 54 мѣстахъ, но позднѣе старо-католичество здѣсь крайне ослабѣло. Въ другихъ государствахъ Германіи или совсѣмъ нѣтъ старо-католиковъ, или находится совершенно незначительное ихъ число. Шульте вооружается противъ третированія старокатолицизма со стороны государства за „секту“ и рекомендуетъ государству смотрѣть на старо-католиковъ, какъ на католиковъ, т. е. какъ на членовъ законно-признанной церкви. Во всякомъ случаѣ нынѣшнее государство, говоритъ онъ, не можетъ препятствовать осуществленію религіи (exercitium religionis), и въ этомъ состоитъ громадная разница между XVI и XIX столѣтіями. Авторъ надѣется, при всей неудовлетворительности нынѣшняго состоянія старо-католицизма, что время для него еще настанетъ, и ободряетъ старо-католиковъ смотрѣть съ довѣріемъ въ будущее, а напротивъ относительно папской католической церкви пророчествуетъ (конечно на свой страхъ), что между нею и государствами возгорится жестокая война, которая поведетъ къ полному отдѣленію церкви отъ государства и къ сокрушенію могущества римской іерархіи. *Н. Суворовъ.*

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 10.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1889.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 10-го ЮРИДИЧЕСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

1. *К. Ярошъ:* „Вопросы современной морали". Харьковъ. 1888 г., 262 стр.

Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы появленіе этого труда профессора Яроша въ нашей русской литературѣ, небогатой сочиненіями по вопросамъ нравственно-юридическаго характера при всемъ къ нимъ интересѣ, который съ нѣкотораго времени сталъ обнаруживаться въ русскомъ образованномъ обществѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить сильное впечатлѣніе на современные умы „Задачъ современной этики" покойнаго Кавелина и особенно то вниманіе русской интеллигенціи къ своеобразнымъ моральнымъ воззрѣніямъ графа Л. Н. Толстого, которое не только теперь не ослабляется, а даже все болѣе и болѣе усиливается. Причина этого знаменательнаго для нашего времени явленія лежитъ, безъ сомнѣнія, въ неудовлетворительности началъ современной нравственности, въ ихъ неопредѣленности и еще чаще въ полномъ отсутствіи какихъ-либо твердыхъ и прочно установившихся моральныхъ убѣжденій въ средѣ русскаго образованнаго меньшинства, безсильнаго вслѣдствіе этого предъ лицемъ разнаго рода жизненныхъ запросовъ и общественныхъ задачъ. Въ свою очередь, эта шаткость многихъ нравственныхъ принциповъ, которые опредѣляютъ взаимныя отношенія людей въ обществѣ, кроется въ различныхъ историческихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ создался современный соціальный порядокъ. Этими условіями объясняется, между прочимъ, и тотъ чрезмѣрный перевѣсъ экономическаго элемента надъ всѣми другими сторонами современной общественной жизни, который даетъ себя знать чувствительно въ преувеличенномъ стремленіи большинства къ обладанію матеріальными благами въ явный и ничѣмъ непоправимый ущербъ другимъ высшимъ, нравственнымъ цѣлямъ человѣческой жизни. Исключительно матеріальные разсчеты, узкій и грубый эгоизмъ составляютъ характе-

ристическую черту дѣятельности часто даже лицъ изъ болѣе или менѣе образованныхъ классовъ общества, не говоря уже о простой, невѣжественной массѣ населенія. „Мягкость сердца, благородство чувства, высокій подъемъ духа и тому подобныя „возвышенныя отвлеченности“ останавливаютъ наше вниманіе, говоритъ Ярошъ, лишь минутами; это—область, въ которую мы заглядываемъ лишь мимоходомъ, лишь въ моменты остановокъ, въ моменты отдыха отъ настоящей жизни“ (1—2 с.). При полномъ равнодушіи современнаго общества къ поднятію нравственнаго уровня, очищенію души замѣчается, продолжаетъ онъ, преобладаніе въ немъ одного идеала,—ловкаго ума, снабженнаго знаніями тѣхъ или другихъ отдѣловъ науки. Этотъ перевѣсъ умственнаго развитія надъ нравственнымъ начинается еще въ школахъ всѣхъ ступеней, гдѣ „мозговое переутомленіе“ констатировано самой наукой и гдѣ „юныя души и сердца растутъ безъ опоры, безъ руководства“, о нравственномъ усовершенствованіи юношества почти нѣтъ и рѣчи. Мало того. Тѣ воспитательныя средства, которыя практикуются въ современныхъ школахъ, ведутъ только къ еще большей нравственной порчѣ; таковы именно возбужденіе соперничества между учащимися, которое приводитъ къ развитію эгоизма и вражды между ними, и строгость, суровость правилъ поведенія учащихся въ школахъ, которая порождаетъ „забитыхъ людей“,—безъ всякой иниціативы и устойчивости, такъ необходимыхъ въ общественной жизни (3—11 стр.). Пренебреженіе къ нравственному воспитанію въ классическихъ школахъ, наиболѣе распространенныхъ въ наше время, тѣмъ болѣе удивительно, по замѣчанію Яроша, что главнымъ предметомъ произведеній классическихъ писателей является воспитаніе человѣческаго сердца и характера. Оба знаменитые представители античнаго міровоззрѣнія, Платонъ и Аристотель видятъ въ добродѣтели главную цѣль воспитанія юношества (27—29 с.). Преобладаніе интеллектуализма въ современныхъ школахъ не приводитъ, однако, въ дѣйствительной жизни къ тому, чтобы „развитый умъ направлялъ, какъ слѣдуетъ, волю, чтобы науки поднимали нравственный уровень человѣка“. Напротивъ, исто-

рія общества и современное его состояніе представляютъ массы примѣровъ полнаго разлада между областью знанія и сферой морали, который не чуждъ даже людямъ съ высшимъ умственнымъ развитіемъ,—представителямъ науки въ различныхъ странахъ Европы. Съ другой стороны, въ томъ же европейскомъ обществѣ можно встрѣтить и много примѣровъ высокаго нравственнаго совершенства отдѣльныхъ лицъ при незначительной степени ихъ умственнаго развитія (12—23 с.).

Такими мрачными красками рисуетъ Ярошъ нравственное состояніе современнаго общества. Въ этомъ краснорѣчивомъ его описаніи, которое можно было бы дополнить многими другими аналогичными чертами изъ различныхъ сферъ современной жизни (напр. семейной и др.), проглядываетъ лишь нѣкоторая односторонность воззрѣній автора, увлекающагося протестомъ противъ пренебреженія со стороны современнаго общества нравственными идеалами. Мы думаемъ, что это равнодушіе общества еще не такъ велико, если въ одной лучшей его части уже развито въ извѣстной мѣрѣ сознаніе недостаточности моральныхъ воззрѣній и съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣчается всякая попытка къ уясненію и опредѣленію нравственныхъ идеаловъ эпохи. Извѣстно также, что въ глазахъ той же интеллигенціи страны и до нѣкоторой степени даже въ слояхъ общества съ менѣе развитыми умственными стремленіями возбуждаютъ всегда болѣе или менѣе сильное негодованіе и отвращеніе поступки людей съ „ловкимъ умомъ", извѣстными спеціальными знаніями и покладливыми нравственными убѣжденіями. То „мозговое переутомленіе" учащихся въ школахъ, въ которомъ Ярошъ справедливо видитъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ современнаго воспитанія, имѣетъ свое необходимое основаніе въ условіяхъ жизни современнаго общества,—сложности соціальнаго быта и трудности обезпечить себѣ извѣстное положеніе въ обществѣ при всеобщей конкурренціи въ различныхъ сферахъ труда [1]). Соперничество, соревнованіе

---

[1]) См. *Спенсеръ*: «Воспитаніе умственное, нравственное и физическое».

служитъ одной изъ могущественныхъ причинъ необычайнаго развитія всѣхъ сторонъ современной цивилизаціи, въ которой предоставляется широкій просторъ личной дѣятельности каждаго члена общества. Отчасти, такія же благодѣтельныя послѣдствія приноситъ и возбужденіе соревнованія въ учащихся, если оно примѣняется умѣренно и въ одинаковой степени къ умственнымъ занятіямъ учащихся и всему ихъ поведенію въ стѣнахъ школы. Точно также необходима въ школахъ всѣхъ степеней и извѣстнаго рода строгость въ отношеніяхъ къ учащимся, которая, конечно, не должна превращаться въ „воспитательный терроръ": современная педагогика стремится къ всестороннему развитію силъ природы ребенка, а также и образованію въ немъ самостоятельнаго и рѣшительнаго характера и твердой воли. Эта цѣль современнаго воспитанія достигалась бы, безъ сомнѣнія, скорѣе и лучше, если бы въ нашихъ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ все дѣло классическаго образованія не ограничивалось только изученіемъ древнихъ языковъ, которое служитъ лишь средствомъ къ знакомству съ классическими произведеніями античныхъ писателей. Такой формализмъ въ системѣ нашего средняго образованія, который проявляется также и въ высшемъ, отчасти, и приводитъ къ разладу между сферой знанія и морали въ жизни общества, гдѣ рѣдко приходится встрѣчать людей съ гармонично развитыми сторонами человѣческой природы. Но изъ замѣчаемаго часто въ современномъ обществѣ контраста между умственными и нравственными идеалами его членовъ еще нельзя выводить такого заключенія, что развитый умъ не можетъ направить человѣческой воли къ добру. Если до сихъ поръ и рѣдки примѣры гармоничнаго соединенія извѣстной степени умственнаго и нравственнаго развитія въ отдѣльныхъ лицахъ и, наоборотъ, чаще встрѣчаются примѣры рѣзкой противоположности въ этомъ отношеніи, то причина этого печальнаго общественнаго явленія заключается, между прочимъ, въ переходномъ характерѣ всей современной эпохи въ исторіи европейскаго общества. Благодаря этому обстоятельству, новые нравственные идеалы, вытекающіе изъ назрѣвшихъ уже потребностей современнаго общества, еще не успѣли получить

вполнѣ опредѣленную форму правилъ общественной жизни, между тѣмъ какъ старыя, уже пережитыя европейскимъ обществомъ, моральныя воззрѣнія продолжаютъ въ тоже время оказывать извѣстное вліяніе на весь складъ современнаго соціальнаго строя. Неопредѣленность настоящихъ моральныхъ идеаловъ и шаткость нравственныхъ началъ,—результатъ такого смѣшаннаго и невыработаннаго характера современной нравственности—не могутъ исчезнуть въ обществѣ оттого, что въ немъ будутъ прилагать меньше заботъ къ развитію ума, которое неизбѣжно должно даже увеличиваться въ силу указанныхъ выше причинъ и необычайной важности знанія, общаго и спеціальнаго, для удовлетворенія потребностей современнаго общества. Всякая попытка къ сокращенію образованія, которое дѣлается теперь насущностью потребностью во всѣхъ классахъ русскаго общества, можетъ привести не къ повышенію, а скорѣе къ пониженію нравственнаго уровня общественнаго развитія. Едва ли гдѣ еще можно встрѣтить такой беззастѣнчивый эгоизмъ, полное равнодушіе къ чужому горю, страданіямъ и несчастіямъ другихъ и совершенное презрѣніе къ человѣческому достоинству, личности, какъ въ средѣ полуобразованнаго и еще болѣе невѣжественнаго слоя русскаго общества. Кулачество—этотъ бичъ нашего сельскаго населенія,—между прочимъ, результатъ въ такой же степени низкаго нравственнаго, какъ и умственнаго развитія русскаго простонародья. Впрочемъ, взглядъ Яроша на неспособность современной науки улучшить нравственное состояніе общества и помочь уясненію и опредѣленію нравственныхъ идеаловъ общества основывается на цѣломъ рядѣ аргументовъ, которые по своей оригинальности заслуживаютъ особеннаго вниманія и предварительнаго, систематическаго ихъ изложенія, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ.

Разсматривая вопросъ о состояніи между наукой и моралью, Ярошъ сильно нападаетъ на взглядъ позитивистовъ, что нравственныя понятія общества могутъ быть созданы на основаніи положительнаго знанія, которое должно накопиться въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній (35 с. и сл.). Положительная наука, говоритъ нашъ авторъ, можетъ изучать законы природы, складъ

общежитія и свойства человѣческаго существа, потому что она имѣетъ дѣло съ областью фактовъ существующаго и существовавшаго, отвѣчаетъ на вопросъ, какъ связаны между собою вещи въ дѣйствительности. Научные законы—обобщенія наблюденій, дѣлаемыхъ надъ фактами настоящей и прошедшей дѣйствительности (39—40, 50 стр.). Но наука не можетъ создать положительную систему морали, поэтому что въ нравственности основной вопросъ заключается не въ томъ, какъ и что *существуетъ* въ дѣйствительности, а въ томъ, какъ и что *должно* существовать? Предписанія нравственности составляютъ результатъ разцѣнки вещей и дѣйствій на дурныя и хорошія съ точки зрѣнія представленія о высшемъ благѣ, нормальномъ человѣкѣ и жизни (ibid.). Далѣе Ярошъ рѣшительно утверждаетъ, что наука не въ состояніи найти критерій для отличія добрыхъ дѣйствій отъ злыхъ путемъ изученія свойствъ и наклонностей человѣческой природы: всѣ эти свойства и наклонности одинаково интересны для науки,—подвигъ самоотверженія также, какъ и фактъ свирѣпаго преступленія. Наука не можетъ найти основанія нравственной оцѣнки человѣческихъ дѣйствій: въ человѣкѣ нѣтъ естественныхъ, общечеловѣческихъ наклонностей, которыя можно было бы считать базисомъ добрыхъ дѣйствій у всѣхъ людей. Изученіе исторіи развитія всего существующаго въ мірѣ также не можетъ помочь наукѣ отыскать *нормальный образъ* нравственной жизни: она не въ состояніи изучить всѣ формы бытія различныхъ существъ, чтобы уловить путь, которымъ природа ведетъ все существующее по лѣстницѣ предначертаннаго усовершенствованія. Процессъ развитія вселенной также еще не законченъ: человѣчество еще не дошло до послѣдней ступени конечнаго совершенства, когда оно могло бы заняться подведеніемъ итоговъ, уясненіемъ лежащей предъ ней конечной формы жизни и предписываніемъ правилъ поведенія съ точки зрѣнія осуществленнаго общаго счастія. Теперь человѣчество еще въ походѣ. Наконецъ, конечныя цѣли природы недоступны человѣку, а между тѣмъ обѣщанія науки дать положительную мораль опираются на предположеніи узнать эти цѣли. Вообще, заключаетъ

Ярошъ, въ природѣ съ *объективной*, *научной* точки зрѣнія нѣтъ ни нравственнаго добра, ни красоты. И различіе нравственно добраго и злаго, красиваго и некрасиваго дѣлается на основаніи сравниванія даннаго предмета съ цѣлями, идеалами, которые мы преслѣдуемъ въ жизни. Но гдѣ рѣчь идетъ о цѣляхъ, идеалахъ, тамъ лежитъ область искусства, а не науки (41—49 стр.). Ярошъ находитъ, что смѣшеніе сферъ науки и искусства, проявляющееся въ узурпаціи учеными и художниками задачъ, чуждыхъ ихъ дѣятельности, представляетъ собою ненормальное явленіе, потому что между наукой и искусствомъ существуетъ коренное различіе. Это различіе сводится къ тому, что ученый изучаетъ причинную связь явленій, художникъ же *создаетъ* самый предметъ свой—прекрасное въ художествѣ, нравственно-доброе въ морали вслѣдствіе безпокойнаго стремленія души къ лучшей жизни. Такимъ образомъ, область искусства и морали, одна и таже по Ярошу, который говоритъ, что „мѣрило для оцѣнки фактовъ, а слѣдовательно и правила нравственнаго и правоваго поведенія опредѣляются складомъ нашихъ чувствъ и, соотвѣтственными имъ, созданными нашимъ чувствомъ, идеалами добра". Обязательность нормъ и правилъ „хорошаго" поведенія, вытекающихъ изъ этихъ идеаловъ, обусловливается не согласіемъ ихъ съ природой или естественными человѣческими наклонностями. Мы исполняемъ эти нормы, сражаемся за нихъ потому, что при ихъ посредствѣ стремится выразиться наша любимая идея, дорогой нашему сердцу образъ благополучія (50—61 с.). Работа, творчество идеаловъ выражается въ общественномъ мнѣніи, въ которомъ принимаетъ участіе всякій членъ общества какъ геній, такъ и обыкновенные люди: всѣ они создаютъ извѣстную форму жизни, осуществляютъ извѣстный идеалъ лучшаго, вырабатываютъ такой или иной образъ человѣческаго благополучія и счастія. Руководящія идеи эпохи создаются внутреннимъ складомъ чувствъ и часто не сознаются самимъ ихъ творцемъ—народомъ. Поэтому Ярошъ видитъ въ идеалахъ и воззрѣніяхъ ученыхъ не „положенія" или „требованія" науки, а только выраженіе его идеала, какъ сына даннаго времени и народа. Отно-

шеніе же науки къ морали выражается въ томъ, что первая „расширяетъ наше благоразуміе, увеличиваетъ практическое могущество, но наука не опредѣляетъ сущности счастья, не устанавливаетъ правилъ нашего поведенія, не создаетъ морали и не дѣлаетъ человѣка нравственнымъ“ (62—67 с.).

Такимъ образомъ, Ярошъ рѣшительно заявляетъ, что наука не въ состояніи сдѣлать что-либо для уясненія и опредѣленія нравственныхъ идеаловъ и ждетъ всего въ этомъ отношеніи отъ искусства. Но какъ же, спрашивается, создается мораль на самомъ дѣлѣ, какъ „внутренній складъ нашихъ чувствъ“ служитъ источникомъ нашихъ нравственныхъ понятій, разнаго рода жизненныхъ идеаловъ, какіе это идеалы и какое отношеніе имѣетъ мораль къ насущнымъ потребностямъ человѣческой природы, разнообразнымъ задачамъ жизни человѣка? На всѣ эти и многіе другіе вопросы Ярошъ не даетъ какого-либо яснаго и точнаго отвѣта. Въ различныхъ мѣстахъ его книги мы находимъ только нѣкоторые намёки на процессъ образованія моральныхъ идеаловъ и ихъ характеръ. По мнѣнію Яроша, „всякому роду страстей и желаній соотвѣтствуетъ извѣстный родъ направленія мысли, опредѣленный образъ умственныхъ представленій“ и „образъ идеальнаго человѣка создается нами изъ нашихъ собственныхъ, особенно дорогихъ намъ свойствъ“ (103—104 с.). Нашъ авторъ придаетъ также особенное значеніе личной морали, которая „живетъ, дѣйствуетъ и правитъ міромъ“ (ibid.). Поэтому онъ вооружается противъ взгляда де-Роберти, что „всякіе призывы къ подъему личной психической жизни, къ исправленію индивидуальнаго типа безплодны (32—33 с.). Ярошъ указываетъ даже и пути, средства личнаго нравственнаго самоусовершенствованія, которыя употреблялись выдающимися историческими дѣятелями въ разныхъ сферахъ жизни: Магометомъ, Саванароллой, Наполеономъ I-мъ, Бисмаркомъ и Песталоцци. Эти пути или средства: глубокая вѣра въ святость своего дѣла, необходимость сильно чувствовать, чтобы сильно вліять на людей, безтрепетная увѣренность въ собственныхъ силахъ, желѣзная воля и находчивость среди всевозможныхъ обстоятельствъ и искренняя любовь

и сильное желаніе достичь въ жизни извѣстнаго идеала (108—126 с.). Вообще Ярошъ сильно настаиваетъ на необходимости самой широкой дѣятельности личности въ дѣлѣ поднятія общаго уровня нравственности всѣхъ гражданъ, желаетъ, чтобы „честные, хорошіе люди взяли на себя дѣло дирижированія общею жизнью, отодвинули въ сторону наглую дерзость порока, вдохновили колеблющихся, просвѣтили незнающихъ и разнесли бы „заразу доброты и честности“ (100 с.). Каждый не долженъ ограничиваться сухими проповѣдями и нравственными ученіями, а дѣйствовать самъ непосредственно на пути къ нравственному совершенствованію. Яркій и общеизвѣстный примѣръ такого горячаго и неустаннаго стремленія къ самоусовершенствованію представляется въ лицѣ графа Л. Н. Толстого, на оцѣнкѣ моральныхъ взглядовъ котораго Ярошъ особенно останавливается въ заключеніе вопроса о путяхъ нравственнаго совершенствованія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ярошъ считаетъ человѣческую личность и ея дѣятельность источникомъ морали, различныхъ нравственныхъ идеаловъ, что свойства человѣческой же природы являются фундаментомъ этихъ идеаловъ. Но какія же свойства этой природы служатъ такимъ базисомъ нравственности? Какъ отыскать эти свойства и потомъ построить на нихъ систему морали? Очевидно, что для этого нужно *знать* эти свойства человѣческой природы, то есть, силы, наклонности, потребности человѣка, удовлетвореніе и развитіе которыхъ составляютъ цѣль человѣческой жизни, взаимныхъ сношеній между людьми въ обществѣ. Значитъ, оказывается необходимой въ этомъ случаѣ помощь *науки*, всякое значеніе которой въ дѣлѣ созданія морали Ярошъ такъ рѣшительно отрицаетъ. Мы, впрочемъ, не противъ его взгляда на спеціальную задачу науки и морали въ жизни общества, согласны съ нимъ, что наука занимается изученіемъ причинной связи міровыхъ явленій, мораль же даетъ систему правилъ общественной жизни, то, что должно быть въ ней. Но мы думаемъ также, что созданіе системы морали, уясненіе и опредѣленіе нравственныхъ воззрѣній общества и дальнѣйшее ихъ развитіе не можетъ обойтись безъ участія науки. Наука можетъ

и должна изучать и явленія нравственной жизни общества на ряду съ другими соціальными явленіями въ теченіе всей исторіи общества. Въ каждую изъ ея эпохъ проявляются извѣстныя, своеобразныя, свойственныя только этой эпохѣ, моральныя воззрѣнія общества, которыя возникаютъ и развиваются подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій жизни общества. Мы знаемъ, напримѣръ, что моральные взгляды первобытнаго общества діаметрально противоположны нравственнымъ идеаламъ современнаго европейскаго общества, такъ что многіе поступки, почитаемые нравственными въ примитивномъ обществѣ, идутъ въ разрѣзъ съ нашими нравственными убѣжденіями. Убійство врага и жестокое обращеніе съ нимъ, месть, воровство, грабежъ, развратъ считались въ первобытномъ обществѣ похвальными дѣйствіями; въ современномъ же обществѣ относятся ко всѣмъ этимъ поступкамъ въ высшей степени неодобрительно, находятъ ихъ безнравственными. Наоборотъ, уваженіе къ нравственному достоинству человѣка, человѣческой личности, состраданіе къ несчастіямъ всякаго человѣка, безкорыстная помощь всѣмъ людямъ, самоотверженіе и самопожертвованіе—эти и многія другія подобныя высокія черты современной нравственности чужды примитивной эпохѣ общественной жизни, въ которой эти добродѣтели совершенно неизвѣстны. Причина такого кореннаго различія между примитивной и современной нравственной системой заключается въ особенныхъ условіяхъ жизни первобытнаго и современнаго общества, главнымъ образомъ, въ преобладаніи въ первоначальной специальной жизни интересовъ общества и государства надъ интересами отдѣльной личности и въ обратномъ отношеніи этихъ интересовъ въ современномъ обществѣ. Отсюда понятно, что различныя системы нравственности отличаются историческимъ характеромъ; ихъ образованіе зависитъ отъ тѣхъ или другихъ условій исторической жизни общества, въ числѣ которыхъ играетъ большую роль и участіе самого человѣка въ дѣлѣ созданія морали. Наука изучаетъ всѣ эти условія общественной жизни, какъ основаніе моральной системы въ каждую изъ эпохъ въ исторіи общества, изслѣдуетъ и при-

чинную связь различныхъ историческихъ системъ нравственности между собою, а особенно съ человѣческой природой, ея силами и потребностями, стремится отыскать и основанія обязательности нравственныхъ предписаній, всегда исходящихъ отъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ авторитетовъ (Бога, государства, народа, семьи). Наука же помогаетъ обществу отдать себѣ отчетъ въ извѣстныхъ, нравственныхъ его воззрѣніяхъ на нормы взаимныхъ отношеній членовъ общества, указываетъ на соотвѣтствіе или противорѣчіе общественныхъ учрежденій съ этими воззрѣніями и тѣмъ принимаетъ участіе и въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи; однимъ словомъ, положительная роль науки въ образованіи морали также несомнѣнна, какъ извѣстнаго рода условность моральныхъ системъ, зависимость ихъ возникновенія и развитія отъ различныхъ историческихъ условій при неразрывной связи нравственности съ человѣческими силами и потребностями, служеніи ея цѣлямъ человѣческой жизни. Поэтому наука интересуется въ равной мѣрѣ всѣми человѣческими дѣйствіями, „свирѣпымъ преступленіемъ" также, какъ и „самоотверженіемъ", какъ объектами изученія, но она въ тоже время показываетъ, почему въ одну историческую эпоху общественной жизни „свирѣпое преступленіе" не только терпимо, но и похвально, между тѣмъ какъ въ другую оно преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ и судомъ, а въ „самоотверженіи" видятъ высокій „подвигъ" нравственности, неизвѣстный примитивному обществу.

Впрочемъ, и самъ Ярошъ признаетъ, какъ мы видѣли, зависимость нашихъ понятій о добрѣ и злѣ отъ жизненныхъ цѣлей или идеаловъ, въ которыхъ всегда выражаются тѣ или другія потребности человѣческой природы; онъ также отвергаетъ мысль о прирожденности человѣческой натурѣ понятій объ абсолютно добромъ и зломъ (88 с.) и доказываетъ, что политическая мораль, проявляющаяся въ дѣятельности государства въ обществѣ, обусловливается извѣстными потребностями даннаго общества (5-я глава). Тоже направленіе мысли замѣчается и въ нападкахъ Яроша на позитивистовъ—моралистовъ, которые хотятъ создать систему морали съ „характеромъ необходимости, свойственнымъ вообще всѣмъ

научнымъ законамъ“ (38 с) посредствомъ „изученія всѣхъ формъ бытія различныхъ существъ“,—„процесса развитія всей вселенной“ и „конечныхъ цѣлей природы“. Мы вполнѣ соглашаемся съ Ярошемъ, что такимъ путемъ нельзя дойти до созданія нравственныхъ идеаловъ моральной системы, что положительная мораль позитивистовъ въ видѣ, однообразно установленныхъ разъ навсегда, правилъ должна внести непоправимое зло въ общественную жизнь, гдѣ моральныя системы, удовлетворяющія потребностямъ эпохи, отличаются въ извѣстной мѣрѣ измѣнчивымъ, историческимъ характеромъ: подъ вліяніемъ односторонне-положительной морали, игнорирующей этотъ необходимый, историческій элементъ въ понятіи морали и стремящейся построить ее на однихъ общечеловѣческихъ наклонностяхъ и потребностяхъ, всѣ отношенія людей въ обществѣ должны сдѣлаться сурово-эгоистичными, жесткими и безчеловѣчными, и можетъ даже исчезнуть самое различіе между добромъ и зломъ въ человѣческой жизни (68—76 с.). Наука конечно, не должна злоупотреблять въ данномъ случаѣ эволюціонной теоріей или теоріей развитія, искать основаній правилъ человѣческаго поведенія въ обществѣ въ сферѣ явленій всей вселенной, имѣющихъ отдаленную связь съ человѣческой жизнью; она не должна затрогивать и вопросы о недоступныхъ нашему разумѣнію конечныхъ цѣляхъ процесса развитія вселенной. Въ такомъ жизненномъ вопросѣ, какимъ представляется вопросъ о морали, наука должна имѣть дѣло съ сторонами человѣческой жизни, непосредственно соприкасающимися съ моралью, то есть, стремиться отыскать, съ одной стороны, вѣчныя и постоянныя основанія нравственности въ человѣческой природѣ, ея силахъ и потребностяхъ, а съ другой показать и видоизмѣненія ихъ въ исторической жизни общества, отражающіяся и на моральныхъ его взглядахъ. Слѣдовательно, безъ посредства „теоріи развитія“, въ примѣненіи ея къ объясненію разнообразія моральныхъ системъ въ исторіи наука не можетъ обойтись, и напрасно Ярошъ оставляетъ безъ всякаго вниманія это значеніе научной, эволюціонной теоріи при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи морали. Вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ кажется странною мысль Яроша, что во-

просъ о цѣляхъ человѣческой жизни, нравственныхъ идеалахъ человѣка цѣликомъ относится къ сферѣ искусства, которая въ глазахъ Яроша тождественна съ областью морали. Конечно, между моралью и искусствомъ есть одна общая точка соприкосновенія, такъ какъ правда (истина), справедливость, осуществляемая въ жизни людей правомъ и государствомъ, вноситъ въ взаимныя отношенія людей въ обществѣ согласіе, извѣстнаго рода гармонію, придаетъ общественному устройству изящество, красоту. Но и изученіе міровыхъ явленій, какъ цѣль науки, также приводитъ къ открытію въ нихъ извѣстной соразмѣрности, пропорціональности, гармоническаго соотношенія частей въ каждомъ отдѣльномъ явленіи, - между однородными и даже разнородными явленіями. Въ свою очередь, въ произведеніяхъ искусства проявляются представленія художника о міровыхъ явленіяхъ, существующія въ его время въ наукѣ, и тѣ или другія нравственныя его воззрѣнія, какъ выраженіе нравственныхъ идеаловъ эпохи. Такимъ образомъ, идеи истины, добра и красоты, свойственныя человѣческой природѣ, какъ необходимыя ея свойства и потребности, неразрывно связаны между собою въ человѣческой жизни и составляютъ вѣчный идеалъ морали; однако это общее и высшее единство указанныхъ идей не мѣшаетъ своеобразному проявленію каждой изъ нихъ въ особенныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, гдѣ онѣ развиваются въ типичныхъ формахъ. Такъ въ сферѣ научной дѣятельности осуществляется стремленіе человѣка къ знанію законовъ міровыхъ явленій, необходимому также и для практическихъ цѣлей человѣческой жизни; въ нравственной и юридической жизни общества прилагается въ взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ идея добра, правды, справедливости; наконецъ, въ эстетической сферѣ дѣятельности человѣка выражаются тѣ или другія представленія художника о красотѣ. Но какъ моральныя, такъ и эстетическія явленія общественной жизни входятъ въ область научныхъ изслѣдованій, изучаются особыми науками,—первыя – этикой, которая стремится найти основанія морали въ человѣческой природѣ, опредѣлить понятіе и содержаніе нравственныхъ идеаловъ, объяснить причины раз-

нообразія моральныхъ системъ въ исторіи и указать на значеніе и отношеніе нравственности къ другимъ элементамъ общественной жизни. Соціальныя же явленія другого рода, то есть, эстетическія, составляютъ предметъ особой науки, науки объ искусствѣ, — эстетики, которая занимается спеціально вопросомъ о сущности идеи красоты и формахъ ея проявленій въ общественной жизни, отыскиваетъ эстетическіе идеалы, сообразные представленіямъ общества о красотѣ въ ту или другую историческую эпоху его жизни. Понятія о красотѣ общества всегда оказываютъ вліяніе на художника, который непосредственной, творческой силой своего таланта воспроизводитъ ихъ въ той или другой изящной формѣ, произведеніи искуства (картинѣ, статуѣ и проч.). Въ этихъ произведеніяхъ выставляются обыкновенно ихъ авторами или непривлядныя, отрицательныя стороны общественной жизни, какъ уклоненіе отъ моральныхъ идеаловъ эпохи, или же воплощаются самые эти идеалы, руководящіе нравственными стремленіями общества, современнаго художнику. Но если въ сферѣ искусства при созданіи различныхъ его произведеній дѣло не обходится безъ извѣстнаго, хотя и косвеннаго, участія умственной дѣятельности художника, раздѣляющаго лучшія надежды и завѣтныя стремленія своего времени, то при образованіи моральныхъ взглядовъ общества всегда требуется сознательная, напряженная и энергичная работа человѣческаго ума: нравственные принципы опредѣляютъ нормы, правила общественной жизни, которыми люди руководятся въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ виду лучшаго достиженія разнообразныхъ потребностей своей природы. Поэтому обязательность моральныхъ идеаловъ обусловливается, кромѣ происхожденія ихъ отъ разнаго рода нравственныхъ авторитетовъ, еще въ значительной степени и согласіемъ ихъ съ тѣми или другими потребностями нашей природы, осуществленіе которыхъ составляетъ въ нашихъ глазахъ „дорогой нашему сердцу образъ благополучія“. Внѣ удовлетворенія и развитія потребностей человѣческой природы, — этого кореннаго и движущаго мотива всей дѣятельности человѣка и цивилизаціи общества — не мыслимы никакіе жизненные, а слѣдовательно, и нравственные идеалы че-

ловѣка, основанія которыхъ нужно искать въ эгоистическихъ и альтруистическихъ наклонностяхъ человѣческой природы и, вытекающихъ изъ нихъ, интерасахъ отдѣльной личности и общества. какъ они проявляются въ исторіи. Важное, кардинальное значеніе этихъ наклонностей и интересовъ въ общественной жизни признаетъ и самъ Ярошъ (182 с. и сл.), который въ тоже время не упоминаетъ ни слова о тѣснѣйшихъ отношеніяхъ ихъ къ нравственности вообще. Отвергая всякую роль науки въ дѣлѣ созданія морали, Ярошъ ожидаетъ поднятія нравственнаго уровня общества отъ вліянія на него „внутренняго склада нашихъ чувствъ и, соотвѣтственныхъ этому складу, идеаловъ,—созданій человѣческаго генія" (53 с.). Несомнѣнно, что этотъ складъ нашихъ чувствъ, извѣстный родъ желаній и страстей человѣка совершаетъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на образованіе его нравственныхъ воззрѣній, но, все-таки, преимущество въ этомъ случаѣ на сторонѣ сознательной, умственной дѣятельности человѣка. Только вслѣдствіе яснаго и отчетливаго представленія въ умѣ человѣка извѣстныхъ нравственныхъ идеаловъ и ихъ внутренней и неразрывной связи съ задушевными человѣческими стремленіями они могутъ сдѣлаться правилами его жизни, идеалами его благополучія, счастья, которое и состоитъ въ достиженіи разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей человѣка. Слѣдовательно, благополучіе, счастье человѣка дается ему также не безъ помощи ума и дѣятельности отдѣльной личности. Отъ степени развитія въ обществѣ идеи о человѣческой личности и ея правахъ, обусловливающейся различными историческими условіями, зависитъ и тотъ или другой характеръ морали, соотношеніе въ жизни между эгоистическими и альтруистическими наклонностями человѣка. Альтруистическій характеръ современной морали, рѣзко отличающій ее отъ нравственности древняго общества, свидѣтельствуетъ несомнѣнно о высокомъ значеніи въ современной европейской цивилизаціи этой идеи человѣческой личности, которая въ европейскомъ обществѣ сдѣлалась центромъ всей общественной жизни. Но какъ самое понятіе альтруизма, такъ и его отношеніе и въ извѣстной мѣрѣ необходимый, сравнительный его перевѣсъ въ современномъ обществѣ надъ другой, также главной,

наклонностью человѣческой природы—эгоизмомъ выяснены наукой и, отчасти, той позитивно-моральной въ ней школой (О. Контомъ, Миллемъ, Спенсеромъ и др.), которую Ярошъ особенно не долюбливаетъ. Избѣгая крайностей въ ученіи о морали позитивной школы, современная этика ставитъ себѣ цѣлью опредѣлить всѣ существующіе элементы, изъ которыхъ слагается нравственная жизнь человѣка. Изученіе исторіи общества даетъ вѣрныя и положительныя данныя для разрѣшенія вопроса о неизмѣнныхъ и постоянныхъ основаніяхъ нравственности, обнаруживающихся въ исторіи общества. Въ продолженіи историческаго процесса образованія общества постепенно складывались всѣ тѣ принципы личной и общественной морали, которая содержится въ религіи и, въ особенности, высшей между всѣми религіями,—христіанствѣ. Неустанная забота о развитіи всѣхъ силъ человѣческой природы и удовлетвореніи ея потребностей, умѣренность или воздержаніе отъ излишней и непроизводительной траты этихъ силъ, нужныхъ каждому для служенія другимъ, смиреніе и простота въ отношеніяхъ со всѣми людьми, выражающія признаніе въ нихъ человѣческой личности, глубокая и непоколебимая увѣренность въ святости своего дѣла въ обществѣ, настойчивость въ проведеніи въ жизнь своихъ нравственныхъ идеаловъ и, в особенности, любовь ко всѣмъ людямъ, вытекающая изъ единенія людей въ обществѣ и развитаго въ немъ альтруизма во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ: состраданіи, милосердіи, самопожертвованіи и проч.—таковы черты высшей, свойственной всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, морали. Этого рода нравственность предписывается христіанствомъ, какъ идеалъ нравственной жизни и въ тоже время указывается наукой, какъ необходимое условіе благосостоянія новѣйшаго общества и всего дальнѣйшаго роста его цивилизаціи.

Такимъ образомъ, не искусство, а наука и религія создаютъ и опредѣляютъ основанія нравственности, и религія—даже прежде науки, которая выясняетъ, сложившіяся въ обществѣ подъ вліяніемъ религіи и другихъ нравственныхъ авторитетовъ, извѣстныя, общія нравственныя начала, разсматриваетъ ихъ отношеніе

къ потребностямъ человѣческой природы, разнообразнымъ жизненнымъ цѣлямъ дѣятельности людей и изучаетъ также и причины обязательности морали, личной и общественной. Но въ дѣлѣ моральнаго усовершенствованія, кромѣ опредѣленія моральныхъ предписаній наукой, особенно важно практическое ихъ приложеніе и личныя усилія отдѣльныхъ лицъ, которыя своимъ примѣромъ глубоко вліяютъ на нравственное воспитаніе общества, развитіе въ людяхъ добрыхъ чувствъ, взаимнаго снисхожденія, гуманности и другихъ добродѣтелей. И въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія и самаго горячаго сочувствія дѣятельность графа Л. Н. Толстаго на пути собственнаго и общественнаго нравственнаго совершенствованія. Безпримѣрное смиреніе этого знаменитаго русскаго писателя, искреннее сознаніе имъ всѣхъ недостатковъ своего воспитанія и нравственныхъ воззрѣній и беззавѣтная преданность до самозабвенія правдѣ и дѣлу моральнаго развитія общества невольно трогаютъ наше сердце и возбуждаютъ въ насъ глубокое удивленіе и уваженіе къ представителю лучшихъ стремленій нашего общества. „Графъ Толстой, говоритъ Ярошъ, пылаетъ желаніемъ помочь ближнимъ, поднять упавшихъ, вознести ихъ на одинъ уровень съ собою, но тотчасъ же исполняется сомнѣніемъ въ самомъ себѣ и ужасомъ предъ собственнымъ нравственнымъ положеніемъ, которое оказывается предъ судомъ его строгой совѣсти далеко невысокимъ“ (131 с.). Нашъ авторъ вполнѣ симпатизируетъ Толстому и рѣшительно защищаетъ его отъ всѣхъ нападокъ, какимъ подвергается Толстой за свои морально-соціальныя воззрѣнія со стороны безчисленныхъ ихъ противниковъ. Ярошъ говоритъ, что напрасно обвиняютъ Толстаго въ томъ, что онъ возстаетъ противъ науки и искусства: Толстой порицаетъ только ложное въ нихъ направленіе, служеніе ихъ эгоистическимъ интересамъ нѣкоторыхъ лицъ или даже цѣлыхъ общественныхъ классовъ (134—138 с.). Идеалъ нравственной жизни Толстаго, извѣстныя его „заповѣди“ также принимаются Ярошемъ какъ идеальныя же основанія современной нравственности: общество должно изгнать ложь изъ всего склада своей жизни, отрѣшиться отъ личнаго эгоизма, гор-

дости и развить, наоборотъ, во всѣхъ смиреніе, сострадапіе и любовь. Знаменитая „заповѣдь“ Толстаго о непротивленіи злу насиліемъ представляетъ собою лишь желательный нравственный идеалъ для современнаго общества; эта „заповѣдь“ кажется странною въ наше время только потому, что „мы оглушены шумомъ борьбы omnium contra omnes, характеризующей наше время, горячей битвы интересовъ, капиталовъ и самолюбій“ (157 с.). Ярошъ присоединяется къ апологіи труда, въ особенности физическаго, у Толстого. „Только при трудовой жизни, по словамъ Яроша, возможны осуществленіе каждымъ его жизненныхъ обязанностей, спокойная совѣсть, внутренній миръ и общее благополучіе (164 с.). На почвѣ трудовой жизни не могутъ возникать вопросы и споры о „правахъ“. И современный женскій вопросъ родился и живетъ въ сферѣ праздности, маскирующейся личиною труда; этотъ вопросъ заключается въ томъ, что женщина, обращаясь къ мужчинѣ, говоритъ: я хочу также, какъ и ты, подъ видомъ раздѣленія труда, пользоваться работой другихъ, дѣлая нѣкоторое подобіе труда и удовлетворяя своимъ похотямъ“ (165 с.) Ярошъ находитъ, что вообще нравственный идеалъ Толстаго, обрисованный имъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ, если не лучше, то во всякомъ случаѣ не хуже всякихъ другихъ жизненныхъ идеаловъ нашего времени, еще болѣе одностороннихъ, субъективныхъ и лишенныхъ нравственной чистоты. Образцомъ такой нравственной чистоты и „самобытной русской мощи“ представляется въ глазахъ Яроша одинъ изъ типовъ, выведенныхъ Толстымъ въ „Власти тьмы“, Акимъ, который понимаетъ также, что „наука можетъ научить его, какъ выиграть процессъ, построить домъ, вспахать поглубже пашню, но не на столько наивенъ, чтобы предполагать, будто „ученье“ очиститъ его душу и озаритъ лучомъ земное общежитіе“ (179 с.).

Увлеченіе моральными взглядами Толстаго со стороны Яроша, которое явно выражается во всемъ, что онъ ни говоритъ по поводу этихъ взглядовъ, становится вполнѣ понятнымъ, если мы представимъ себѣ основную точку зрѣнія нашего автора, его стремленіе найти какія-либо средства къ нравственному возрожденію русскаго

общества. Мы, съ своей стороны, также совершенно сочувствуемъ и Ярошу, и графу Л. Н. Толстому въ ихъ благородныхъ порывахъ и призывахъ къ удовлетворенію этой дѣйствительно насущной потребности всего европейскаго общества, пренебреженіе которой порождаетъ такую массу зла въ соціальной жизни и тормозитъ все дальнѣйшее развитіе общества. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сильно сомнѣваемся, чтобы эта цѣль могла быть достигнута средствами, предлагаемыми обоими моралистами, и чтобы нравственные идеалы Толстаго были осуществлены при современныхъ условіяхъ общественной жизни. Эти идеалы вовсе не новы для общества, такъ какъ они заимствованы изъ христіанскаго нравственнаго ученія, въ которомъ „желательный“ моральный идеалъ только выраженъ лучше и полнѣе, нежели въ нѣсколькихъ афоризмахъ Толстаго, несвязанныхъ между собою никакой общей идеей. Кто не знаетъ въ наше время, что не нужно лгать и необходимо признавать во всѣхъ людяхъ человѣческую личность, трудиться и соблюдать нравственную чистоту во всемъ своемъ поведеніи? Всякій, кто только обладаетъ даже элементарными свѣдѣніями объ общественномъ устройствѣ, также убѣжденъ въ необходимости употреблять силу въ извѣстныхъ случаяхъ, когда иначе нельзя прекратить зло въ жизни, то или другое возмутительное проявленіе грубаго эгоизма одними членами общества по отношенію къ другимъ. Къ такимъ средствамъ, обезпечивающимъ защиту человѣческой личности ея правъ, относится, какъ извѣстно, право и государство, которыя служатъ интересамъ всего общества. Едва ли можетъ представиться заманчивою и, рекомендуемая Толстымъ, жизнь въ деревнѣ, физическій трудъ, отъ котораго должны будутъ отвернуться всѣ тѣ, кому только пришлось жить умственнымъ трудомъ и извѣдать разнообразныя и безчисленныя наслажденія, доставляемыя всѣми благами современной культуры. Горячіе сторонники ученія Толстаго могутъ сказать, что онъ самъ подаетъ примѣръ такой жизни вблизи съ природой и вдали отъ всякихъ искусственныхъ, условныхъ формъ общественной жизни: но графъ Толстой—человѣкъ съ исключительными наклонностями къ такой деревенской жизни, развившимися у него, од-

нако, уже послѣ того, какъ онъ провелъ большую часть своей жизни въ лучшей обстановкѣ и испыталъ все, что можетъ дать человѣку современная цивилизація для удовлетворенія всѣхъ его потребностей. Для большинства же образованнаго общества эта трудовая жизнь въ деревнѣ даже невозможна при сложности всего современнаго соціальнаго быта, общественныхъ отношеній между людьми и трудности обезпечить себѣ извѣстное положеніе въ обществѣ безъ занятій какимъ-либо спеціальнымъ трудомъ. Именно эти условія настоящаго общественнаго строя и послужили причиной появленія „женскаго вопроса" или, точнѣе, его особеннаго и своеобразнаго развитія въ наше время. Женскій вопросъ въ смыслѣ постояннаго и неудержимаго стремленія женщины къ самостоятельности и независимости отъ мужчины въ различныхъ сферахъ жизни (семейной, имущественной и др.) существовалъ въ обществѣ съ перваго же момента его возникновенія. И въ настоящую фазу развитія этого вопроса, подготовленную всѣми, предшествующими ей, условіями исторической жизни европейскаго общества, женщина предъявляетъ къ мужчинѣ не требованіе о „подобіи" труда и „эксплуатированіи" работы другихъ, а серьезное и искреннее желаніе работать въ различныхъ, доступныхъ ей, отрасляхъ труда, вызываемое безотраднымъ и во многихъ случаяхъ безвыходнымъ ея положеніемъ. Что въ самомъ дѣлѣ должна дѣлать женщина одинокая, безъ семьи и средствъ и безъ возможности имѣть то и другое? И неужели предосудительно для нея добывать для себя въ такихъ случаяхъ насущный кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ, въ качествѣ учительницы, телеграфистки и проч.? Но для того, чтобы быть полезной другимъ, женщинѣ нужно образованіе также, какъ и мужчинѣ, и въ тѣхъ же его видахъ; то есть, она должна получить общее образованіе, нужное въ интересахъ воспитанія дѣтей и счастья всей семьи, и спеціальное, которое въ случаѣ нужды можетъ дать средства къ самостоятельной жизни въ обществѣ. Само собою понятно, что все это не исключаетъ мысли объ особенной функціи женщины въ обществѣ, объ ея обязанности быть женою и матерью, сознаніе которой заставляетъ многихъ женщинъ предпочитать семейную

жизнь общественной. Слѣдовательно, женскій вопросъ выросъ не на почвѣ „праздности", а составляетъ настоятельную потребность нашего времени, такъ что общество должно для его разрѣшенія принять всѣ мѣры къ обезпеченію женщинѣ матеріальнаго положенія и возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня ея развитія. Поэтому-то правъ Толстой, требуя нравственной чистоты въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, — „заповѣдь", почему-то оставленная безъ вниманія Ярошемъ при разборѣ имъ моральнаго ученія Толстаго.

Мы могли бы сказать многое и относительно каждой изъ остальныхъ „заповѣдей" Толстаго, неприложимости ихъ къ дѣйствительной жизни современнаго общества, если бы наша библіографическая статья не приняла и безъ того большіе размѣры. Ограничиваемся лишь однимъ замѣчаніемъ, что и самъ Ярошъ признаетъ полную отвлеченность ученія Толстаго, которое, по его словамъ, рисуетъ только желательный, отдаленный идеалъ нравственной жизни, но не правило текущей общественной жизни. Но эта проблематическая осуществимость заповѣдей Толстаго, въ особенности же извѣстнѣйшей между ними,—заповѣди о несопротивленіи злу не мѣшаетъ Ярошу выражать горячую привязанность ко всему ученію Толстаго, которое составилось у послѣдняго не безъ дѣятельнаго участія его ума. Принимая это ученіе Толстаго, всѣ его правила нравственнаго поведенія человѣка, Ярошъ тѣмъ самымъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ своимъ убѣжденіемъ въ безплодности усилій ума создать и преобразовать нравственную жизнь современнаго общества. Мы уже видѣли, на сколько неудачна попытка Яроша доказать, что наука не можетъ сдѣлать что-либо для достиженія этой цѣли. Тѣмъ болѣе ошибочно его мнѣніе, что наука также не въ состояніи указать и на юридическія принципы общественной жизни. Этотъ взглядъ, который какъ-то странно звучитъ въ устахъ профессора-юриста, опровергается всей продолжительной исторіей науки о правѣ, въ теченіе которой она совершала всегда болѣе или менѣе могущественное вліяніе на созданіе и развитіе юридическихъ воззрѣній общества. Достаточ-

но, напр., вспомнить о школѣ естественнаго права и, въ особенности, исторической, оказавшей несомнѣнное вліяніе на современныя юридическія понятія и положительное законодательство, чтобы убѣдиться въ важной роли науки о правѣ въ общественной жизни. Это выдающееся значеніе въ жизни наука о правѣ получила, конечно, благодаря преобладающей дѣятельности ума, а не чувства, которое одно безъ помощи ума также неспособно создать нравственные идеалы общественной жизни, какъ и юридическіе принципы и понятія.

Но если такъ очевидна неправильность основныхъ воззрѣній Яроша на отношеніе науки къ морали и праву, то чѣмъ же объяснить ихъ появленіе у нашего автора? Мы полагаемъ, что взгляды Яроша, намѣренно или безъ всякаго намѣренія ихъ автора, имѣютъ *научное основаніе*, такъ какъ они сходны съ воззрѣніями одной изъ новѣйшихъ школъ права, именно школой Гербарта. Гербартъ ищетъ основаній нравственности также въ сферѣ непроизвольнаго, непосредственнаго, эстетическаго чувства и сводитъ всю мораль къ личному вкусу каждаго. Съ точки зрѣнія Гербарта и всей его школы тѣ отношенія между людьми, которыя имъ нравятся, могутъ быть названы нравственными и наоборотъ, такъ что сущность нравственнаго закона заключается въ безсознательномъ одобреніи или осужденіи тѣхъ или другихъ отношеній воли у людей. Также и право представляется Гербартомъ какъ извѣстное выраженіе нашего вкуса, образовавшееся подъ его вліяніемъ, сужденіе объ образѣ отношеній между людьми въ обществѣ. Право возникаетъ, по Гербарту, потому, что является необходимость при столкновеніи двухъ воль въ ихъ соглашеніи для предупрежденія спора. По мнѣнію Гербарта, нравственный вкусъ человѣка не одобряетъ такого столкновенія между волями членовъ общества, откуда и происходитъ право. Такимъ образомъ, и мораль, и право у Гербарта возникаютъ на чисто эстетической почвѣ, зависятъ отъ того или другаго личнаго вкуса людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ обществѣ, носятъ, слѣдовательно, совершенно случайный, произвольный характеръ. Къ такому же въ сущности результату приводятъ и

всѣ разсужденія Яроша о томъ, что основанія морали и права, правилъ нравственнаго и юридическаго поведенія нужно искать въ „складѣ нашихъ чувствъ“ и, создаваемыхъ ими, идеалахъ добра и правды. Въ итогѣ такого исключительно субъективнаго происхожденія морали и права должно получиться полное отсутствіе какихъ-либо опредѣленныхъ и прочныхъ правилъ человѣческаго общежитія и преобладаніе интересовъ отдѣльныхъ лицъ надъ интересами всего общества: всякій будетъ считать моралью и правомъ то, что ему нравится. Между тѣмъ, въ дѣйствительной жизни и мораль, и, въ особенности, право представляютъ совокупность извѣстнаго рода правилъ, опредѣленныхъ и обязательныхъ для всѣхъ членовъ общества, которые видятъ въ нихъ необходимое условіе для достиженія всѣхъ своихъ жизненныхъ цѣлей.

Такое тѣсное сродство взглядовъ Яроша съ воззрѣніями на право и мораль школы Гербарта заставило насъ, хотя, быть можетъ, и помимо воли нашего автора и въ явное противорѣчіе со всѣмъ нравственно-юридическимъ міровоззрѣніемъ Яроша, подыскать научное основаніе всѣмъ его взглядамъ, включить ихъ также въ науку, которая не пользуется въ глазахъ почтеннаго профессора большимъ значеніемъ. Сомнѣніе его въ плодотворности научныхъ изслѣдованій относительно отысканія новыхъ нравственныхъ и юридическихъ началъ, при помощи которыхъ современное общество могло бы устроить всю свою жизнь на иныхъ, лучшихъ базисахъ и устранить изъ своей среды все, что мѣшаетъ благосостоянію общества, это, отчасти, небезосновательное сомнѣніе автора вытекло изъ изученія настоящей жизни общества, рѣзкаго контраста въ ней между уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія общества. Но какъ бы ни была велика противоположность между умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ современнаго общества, это обстоятельство не даетъ намъ права отказываться отъ помощи науки при исцѣленіи этого общественнаго зла, которую она можетъ сдѣлать и, какъ мы видѣли, дѣлаетъ и на самомъ дѣлѣ. Поступать такъ, значило бы забывать, что безъ дѣятельности нашего ума мы не въ состояніи разобраться въ нашихъ

чувствахъ, желаніяхъ и страстяхъ и оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія извѣстныхъ нравственныхъ идеаловъ, личныхъ и общественныхъ. Если мы въ своей нравственной и юридической жизни будемъ безусловно полагаться только на свое непосредственное чувство, отдадимся всецѣло его руководству, мы должны будемъ неизбѣжно допустить преобладаніе во всей своей жизни всякаго рода личныхъ страстей, вкусовъ и произвола, изъ которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ выработаться какіе-либо опредѣленные, прочные и общеобязательные нравственные и юридическіе идеалы, какъ необходимыя правила всей общественной жизни. Какъ показываетъ эта жизнь, мы безъ регулирующей и направляющей дѣятельности ума и, слѣдовательно, науки положительно не можемъ ни отдать себѣ отчета въ своихъ стремленіяхъ и потребностяхъ другихъ людей, ни своевременно принять всѣ необходимыя мѣры къ собственному исправленію и помощи другимъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія и удовлетворенія и развитія всѣхъ потребностей человѣческой природы. Напрасно надѣяться, что наше сердце подскажетъ намъ всегда необходимый образъ дѣйствій при всякаго рода жизненныхъ обстоятельствахъ, если наши чувства находились долгое время подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстныхъ нравственныхъ воззрѣній, противорѣчащихъ общественному идеалу нормальнаго человѣка, представленіямъ общества о высшаго рода нравственной жизни и дѣятельности человѣка. Забота о принципіальномъ измѣненіи этихъ, несогласныхъ съ общимъ духомъ соціальнаго строя, „безнравственныхъ" взглядовъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ общественныхъ классовъ есть дѣло науки о нравственности и правѣ, которая выясняетъ и намѣчаетъ назрѣвшіе запросы и требованія общественной жизни и формулируетъ новыя нравственныя воззрѣнія и юридическія нормы, переходящія затѣмъ въ обязательныя правила общественныхъ отношеній между людьми. При такой трудной, но и благодарной по своимъ послѣдствіямъ, работѣ наука, конечно, не должна игнорировать и общаго недовольства жизнью, безотраднаго чувства неудовлетворенности и гнетущей тоски, испытываемыхъ болѣе или менѣе въ наше время всякимъ, кому не чужды выс-

ніе жизненные интересы. Необычайное развитіе пессимизма въ современномъ обществѣ при такихъ блестящихъ формахъ всей его культуры заставляетъ каждаго задуматься о причинахъ такого печальнаго общественнаго явленія и попытаться найти ихъ въ самомъ складѣ настоящаго общественнаго устройства. Съ другой стороны, наводитъ на размышленіе и, замѣчаемое въ наше же время, усиленное вниманіе общества къ нравственнымъ вопросамъ, и разнообразныя, и сильныя религіозныя движенія въ западно-европейскомъ и русскомъ обществѣ. Всякій безпристрастный изслѣдователь долженъ остановиться на этомъ знаменательномъ явленіи современности, надъ неутомимымъ и страстнымъ исканіемъ жизненнаго, нравственнаго идеала въ сферѣ христіанской религіи, которая издавна давала отвѣты на задушевные запросы человѣческой души, ненаходящіе полнаго удовлетворенія въ сухомъ изученіи законовъ міровыхъ явленій. Наука должна всегда имѣть въ виду эту внутреннюю, никогда неисчезающую, потребность человѣческаго духа въ руководствѣ религіи въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія людей, и поэтому обязана указать на тѣсную и неразрывную связь религіи вообще со всякой цивилизаціей общества, а христіанства съ современною ступенью ея развитія, съ различными сторонами общественной жизни, въ особенности же моралью, правомъ и государствомъ. Религіозно-нравственное развитіе общества составляетъ въ настоящее время одну изъ важнѣйшихъ задачъ дѣятельности государства, какъ это старается доказать, между прочимъ, и Ярошъ по отношенію къ дѣятельности русскаго правительства въ текущее царствованіе. Непосредственнымъ помощникомъ правительства въ этомъ дѣлѣ является и сама православная церковь, неустанно заботящаяся о развитіи въ сердцахъ высшихъ, альтруистическихъ чувствъ и о воспитаніи молодаго поколѣнія въ духѣ нравственныхъ идеаловъ христіанства, которые въ тоже время и высшіе идеалы всей нашей эпохи. Такъ надъ одной и той же работой трудятся одновременно религія (церковь), наука, искусство, государство и само общество, чуткое къ каждому движенію въ сферѣ нравственной своей жизни. Общество ждетъ съ нетерпѣніемъ отъ пред-

ставителей всѣхъ этихъ областей жизни рѣшительнаго, опредѣленнаго и скораго отвѣта на свои нравственные запросы, разрѣшенія важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблеммъ нравственнаго воспитанія и всей нравственной и юридической жизни людей въ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія всяка попытка удовлетворить этой настоятельной потребности современнаго общества, опредѣлить, въ чемъ состоятъ „вопросы современной морали", и какъ возможно ихъ разрѣшить. Весь трудъ профессора Яроша, написанный имъ горячо и увлекательно, проникнутъ искреннимъ желаніемъ автора помочь обществу въ уясненіи причинъ многихъ прискорбныхъ явленій современной и нравственной жизни и найти средства къ исцѣленію соціальныхъ недуговъ, сильно тормозящихъ все дальнѣйшее развитіе общества. Только путь, который Ярошъ рекомендуетъ для достиженія этой цѣли, невѣренъ и можетъ привести къ результатамъ, скорѣе вреднымъ, нежели полезнымъ нравственному состоянію современнаго общества.

В. Щегловъ.

---

1. *Цитовичъ*—Курсъ вексельнаго права. Кіевъ, 1887 г., in 8⁰, VI+II+336. Цѣна 2 р. 75 к.

Стараніями проф. Цитовича наша нищая литература по торговому праву начинаетъ наполнять свою суму довольно цѣнными вкладами. Давно-ли вышелъ его Очеркъ основныхъ понятій торговаго права, какъ появился уже Курсъ вексельнаго права, а въ близкомъ будущемъ изданы будутъ еще Сдѣлки кредита и Морское торговое право. Объ очеркѣ основныхъ понятій торговаго права былъ уже напечатанъ отзывъ въ Юридической Библіографіи (№ 2) и, въ сущности, отзывъ этотъ имѣетъ прямое отношеніе также и къ появившемуся теперь Курсу вексельнаго права: мы встрѣчаемся опять съ тѣми-же достоинствами и недостатками.

Къ числу достоинствъ слѣдуетъ отнести стройную систему,

чрезвычайно богатое юридическое содержаніе и превосходный исторический очеркъ развитія вексельныхъ сдѣлокъ и литературы вексельнаго права.

Къ недостаткамъ относится изобиліе мелкихъ подробностей, (напр., стр. 114 прим.), едва-ли умѣстныхъ въ курсѣ, который долженъ дать руководящія начала, установить основные принципы. Затѣмъ, хотя въ Курсѣ проф. Цитовичъ удѣляетъ русскому положительному праву больше вниманія, чѣмъ въ Очеркѣ, и посвящаетъ не мало мѣста даже и проэкту вексельнаго устава, что, пожалуй, и совершенно лишнее именно въ курсѣ,—но, тѣмъ не менѣе, его курсъ не даетъ отчетливаго понятія ни о русскомъ вексельномъ правѣ, ни о судебной практикѣ, которую проф. Цитовичъ, повидимому, знать не хочетъ и не желаетъ, чтобы знали о ней что-либо его слушатели и читатели. Наконецъ, форма изложенія у проф. Цитовича слишкомъ своеобразна,—до такой степени, что временами она дѣйствуетъ даже на нервы, а мѣстами совершенно затемняетъ смыслъ того, что̀ хочетъ сказать авторъ. Ограничимся приведеніемъ одного лишь примѣра: „отмѣтка—*раздѣльный пунктъ*, на которомъ окончилась *списанностъ* векселя; съ него начинается *подлинностъ* (оригинальность) его индоссаментовъ. И прежде всего—подлинный, оригиналъ, тотъ индоссаментъ, который непосредственно слѣдуетъ за отмѣткою; для этого индоссамента и сдѣлана копія; его индоссантъ есть *авторъ копіи*" (стр. 241).

Авторъ курса опрокидываетъ вверхъ дномъ грамматику; заставляетъ читателя читать, спотыкаясь на каждомъ шагу, и, въ довершеніе этого, пестритъ свой курсъ неимовѣрнымъ количествомъ примѣчаній (1512), которыя постоянно отвлекаютъ вниманіе отъ существеннаго и имѣющаго принципіальное значеніе къ мелочамъ, вводнымъ предложеніямъ, восклицаніямъ, вопросамъ и т. п. Несчастнѣйшая манера изложенія, совершенно несоотвѣтствующая серьезному и цѣнному содержанію!

И. Т.

3. *И. В. Люблинскій*—Сравнительный уставъ о векселяхъ. Томъ XI Св. Зак. ст. 540—684, съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго, четвертаго и общихъ собраній департаментовъ правительствующаго сената и съ сравнительнымъ изложеніемъ постановленій нынѣ дѣйствующихъ во всѣхъ иностранныхъ государствахъ вексельныхъ уставовъ. С.-Петербургъ, 1887, in 8°, стр. XVI+200. Цѣна 2 руб.

Вышеназванную книгу авторъ, присяжный повѣренный И. В. Люблинскій, снабдилъ предисловіемъ и „вмѣсто введеніемъ". Предисловіе—курьезно; въ немъ сообщается, между прочимъ, что „настоящее время, время пара и электричества", что „весь земной шаръ представляетъ одно общежитіе", вслѣдствіе чего *необходимо знать* законы не только своего государства, но и тѣхъ государствъ, „съ которыми намъ приходится имѣть дѣло", при чемъ въ особенности это относится къ законамъ о торговлѣ „и необходимой ея принадлежности—векселю". Вексель называется въ этомъ предисловіи „денежнымъ знакомъ", ибо автору книги „приходилось видѣть массу нашихъ русскихъ векселей, которыми Францція заплатила свою контрибуцію Германіи". Цѣль книги формулируется авторомъ такимъ образомъ, что „вопросы, касающіеся векселей, нерѣдко требуютъ быстраго разрѣшенія, и не всегда имѣется возможность рыться въ разныхъ сочиненіяхъ, чтобы оно вышло правильнымъ". О методѣ авторъ заявляетъ, что „для удобнѣйшаго оріентированія, предпочелъ въ немъ (въ чемъ?) методъ сравнительный, такъ что подъ каждою статьею нашего устава излагаются тѣ различія, которыя существуютъ въ разныхъ государствахъ относительно даннаго вопроса";—это авторъ наивно называетъ сравнительнымъ *методомъ*.

„Вмѣсто введеніе" посвящено не болѣе и не менѣе какъ такому выясненію существа векселя", послѣ котораго должна исчезнуть „путаница" въ разнообразныхъ законодательныхъ постановленіяхъ о векселѣ и найдены будутъ неимѣющіяся до сихъ поръ „нормы для опредѣленія справедли-

ваго и несправедливаго". Существо это сводится къ тому, что вексель есть „обязательство, тяготѣющее на оборотахъ должника" и вексельный кредитъ оказывается не „*нуждающемуся лицу*", а „извѣстному предпріятію—*обороту*"; при чемъ дальше „векселедолжникъ", неоправдавшій довѣрія, называется „посягателемъ на чужой оборотный капиталъ". *Объяснивъ* „главныя особенности векселя", вытекающія изъ существа его, авторъ говоритъ, что всѣ остальныя *особенности* „объясняются просто раціональностью ихъ и являются даже необходимыми при существующемъ обширномъ движеніи векселя".

Авторъ пользовался вексельными уставами 40 государствъ такимъ образомъ, что подъ каждою статьей русскаго устава указано на различія по тому-же вопросу въ иноземныхъ уставахъ. Но, какъ извѣстно, въ русскомъ уставѣ есть много лишняго и есть также болѣе или менѣе существенные пробѣлы; для лишняго не оказалось соотвѣтствующихъ постановленій въ иноземныхъ вексельныхъ уставахъ, а для восполненія пробѣловъ извлеченіями изъ этихъ уставовъ не оказалось мѣста, такъ какъ авторъ дальше сопоставленія *имѣющихся* въ уставѣ торговомъ статей не пошелъ. Въ результатѣ получилось нѣчто небезполезное для юристовъ-практиковъ и нѣчто совершенно безполезное для науки, въ особенности въ виду существованія такого капитальнаго сборника вексельныхъ уставовъ какъ Borhardt'a *), которымъ, безъ сомнѣнія, пользовался и г. Люблинскій, хотя онъ объ этомъ и умалчиваетъ.

И. Т.

---

*) Vollständige Sammlung der geltenden Wechsel—und Handels—Gesetze aller Länder, 1871—1883 гг.

А. П. Башиловъ—Русское торговое право, практическій курсъ, по наброскамъ лекцій читанныхъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. Выпускъ I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъекты (до товариществъ). С.-Петербургъ, 1887 г., in 8⁰, стр. XVIII+274 Цѣна 2 руб.

Практическій (!) курсъ г. Башилова, составленный по наброскамъ (!) лекцій, заслуживаетъ особеннаго вниманія съ отрицательной стороны: знакомство съ этой книгой научаетъ, какъ не слѣдуетъ писать курсовъ. Методъ, система, форма изложенія, будто-бы научныя положенія,—все идетъ въ разрѣзъ съ элементарнѣйшими требованіями, которыя можно и должно предъявлять къ учебникамъ.

Говоря о методѣ, авторъ заявляетъ, что для науки торговаго права „наиболѣе подходящій методъ сравнительный", хотя „болѣе желательнымъ былъ-бы *даже* методъ сравнительно—историческій"; но второй изъ этихъ методовъ „слишкомъ *усложнилъ-бы* курсъ и чрезмѣрно увеличилъ-бы размѣры его", а „полное приложеніе одного сравнительнаго метода *едва-ли возможно*" (стр. 27). Слѣдовательно: наиболѣе подходящій методъ едва-ли возможенъ, а наиболѣе желательный методъ совсѣмъ не желателенъ. О достоинствахъ системы можно судить, напр., по тому, что авторъ говоритъ о ликвидаціи и несостоятельности раньше чѣмъ о субъектахъ. Форма изложенія такова, что мѣстами порождаетъ серьезныя сомнѣнія относительно достаточнаго знакомства автора съ русскою грамматикой; такъ, напр., г. Башиловъ заявляетъ, что цѣль его книги" заключается *въ облегченіи слушателей* по составленію записокъ" (стр. VI).

О качествѣ научныхъ опредѣленій и положеній можно судить, напр., по тому, что о торговомъ правѣ сообщается будто-бы оно „*произошло отъ гражданскаго права*" и, „постепенно обособляясь отъ него, пріобрѣтаетъ характеръ *исключеній* изъ общаго гражданскаго права; но внутренняя связь между ними не прерывается: *разница лишь въ подробностяхъ*" (стр. IV);

однако дальше сказано, что „торговое право *противополагается* общегражданскому“ (стр. 15). На стр. 16-й сказано, что „обычай *всегда* имѣетъ *мѣстное* значеніе“, а на стр. 17-й говорится объ обычаяхъ „общихъ всѣмъ или большей части отраслей торговли„ и рекомендуется опредѣленіе обычая, предложенное профессоромъ Пахманомъ, который признаетъ не одни лишь мѣстные обычаи, но и такіе, которые „примѣняются цѣлымъ народомъ“. Возникновеніе торговаго права и торговыхъ судовъ г. Башиловъ приписываетъ „борьбѣ городовъ за свою независимость“ (стр. 16, 22) и утверждаетъ, будто бы „наравнѣ съ развитіемъ положительнаго торговаго права развивалось и обычное торговое право“ (стр. 17). На стр. 141-ой авторъ толкуетъ, что, такъ какъ „наше дѣйствующее законодательство не содержитъ въ себѣ никакихъ правилъ о переходѣ фирмъ“, то вполнѣ возможно всяческое отчужденіе ихъ *отдѣльно отъ торговаго предпріятія;* между тѣмъ какъ именно потому, что въ законѣ нѣтъ прямаго дозволенія на отдѣльное или частичное отчужденіе фирмъ, такое отчужденіе имѣетъ значеніе недозволенной передачи имени и, слѣдовательно, должно считаться ничтожнымъ.

Г. Башиловъ повѣствуетъ въ своемъ курсѣ, будто бы „попытки профессоровъ Цитовича и Малышева отдѣльнаго преподаванія торговаго права были ими оставлены и *больше нигдѣ это право не преподавалось до 1883 г.*, когда оно введено было въ програму Училища Правовѣдѣнія“ (стр. VI). Однако извѣстно, что проф. Нерсесовъ, начатую имъ *до 1883 года*, „попытку отдѣльнаго преподаванія торговаго права“ въ Московскомъ Университетѣ никогда не оставлялъ, а по уставу Демидовскаго Юридическаго Лицея, утвержденному въ 1874 году, въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи обязательно „отдѣльное преподаваніе“ торговаго права.

И. Т.

---

5. *Г. Ф. Шершеневичъ*—Система торговыхъ дѣйствій. Критика основныхъ понятій торговаго права. Казань, 1888, in 8⁰, стр. 346. Цѣна 2 рубля.

Объемистая книга эта – магистерское разсужденіе, что однако не воспрепятствовало автору включить въ нее цѣлую серію витіеватыхъ фразъ, общихъ мѣстъ и легкомысленныхъ положеній, независимо отъ болѣе или менѣе существенныхъ пробѣловъ и туманныхъ опредѣленій. Въ подтвержденіе сказаннаго ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ.

Авторъ говоритъ: „одна *область* за другой стали входить подъ *сѣнь торговли*, расширивъ ея понятіе до *невозможныхъ размѣровъ*" (стр. 63).

Утверждая не только голословно, но и несогласно съ дѣйствительностью, что „современный экономическій порядокъ не даетъ основанія для выдѣленія торговаго права" (стр. 86), авторъ присовокупляетъ, что „если торговое право представляется совокупностью нормъ, исключительно свойственныхъ торговымъ отношеніямъ, *т. е. исключающимъ примѣненіе нормъ общаго гражданскаго права* (гдѣ это видѣлъ г. Шершеневичъ?), то какимъ отрывочнымъ, не систематичнымъ является оно, какъ мало основанія требовать признанія за нимъ *самостоятельности личности* (!)?" (стр. 94). Дальше-же говорится, что, постановленія торговаго права пріобрѣтутъ цѣнность съ распространеніемъ ихъ дѣйствій на всю область имущественныхъ отношеній", хотя въ другомъ мѣстѣ (стр. 83) авторъ самъ-же указываетъ на невозможность этаго и, кромѣ того, ссылается на Гольдшмидта, который утверждаетъ, что такое „распространеніе дѣйствій" противорѣчило-бы природѣ вещей и существующимъ условіямъ торговли.

„Торговое право, говоритъ г. Шершеневичъ, отмѣнило нѣкоторыя постановленія гражданскаго права, которыя уже не выдерживали никакой критики (!), какъ, напр., exceptio non numeratae pecuniae, съ другой стороны прочно установило положенія, которыя являлись сомнительными (!) въ гражданскомъ

правѣ“ (стр. 80); въ числѣ-же такихъ „прочно установившихся положеній“ оказалось право требовать вознагражденія не только за damnum emergens, но и за lucrum cessans. Что-же касается различія между гражданскимъ правомъ и торговымъ, то оно выяснено г. Шерыеневичъ до того туманно, что различіе между формальнымъ и матеріальнымъ правомъ совершенно стушевывается и въ результатѣ трудно разобрать, о чемъ именно говоритъ авторъ.

Говоря о причинахъ исключенія недвижимости изъ числа объектовъ торговаго права, г. Шершеневичъ заявляетъ слѣдующее: „не вдаваясь въ теоретическія соображенія, жизнь инстинктивно не соглашается подвергнуть недвижимости дѣйствію права, разсчитаннаго на быстроту, скорость заключенныхъ сдѣлокъ“ (стр. 62); тогда какъ именно жизнь, въ несогласіи съ положительнымъ правомъ, стремится включить недвижимость въ число объектовъ торговаго оборота, а въ новѣйшемъ торговомъ кодексѣ (итальянскомъ) положительное право отозвалось на это „инстинктивное стремленіе жизни“.

Г. Шершеневичъ совершенно неосновательно отзывается о значеніи фондовыхъ биржъ, какъ объ учрежденіяхъ служащихъ будто-бы только „для возбужденія жажды къ быстрой и незаслуженной наживѣ“ (стр. 45, 46); равно какъ совершенно произвольнымъ является его безусловное отрицаніе воззрѣнія на деньги, какъ на объектъ банковыхъ операцій, какъ на товаръ (стр. 57 прим.).

Г. Шершеневичъ заявляетъ глубокомысленно, что „право должно внимательно относиться къ потребностямъ жизни, оно не можетъ оставаться глухимъ къ ея требованіямъ“ (стр. 98)“. „Необходимо законодателю иногда остановиться и подвести итоги своей творческой дѣятельности въ области законодательной политики“ (стр. 102). „Понятіе торговыхъ дѣйствій является исходнымъ пунктомъ вопроса о торговомъ правѣ, оно лежитъ у порога послѣдняго и, только *перешагнувъ его,* можно *добраться* до пониманія торговаго права“ (стр. 49). „Презумція—это юридическая вывѣска“. „Купецъ—это волшебный царевичъ, ко-

торый, къ чему-бы ни прикоснулся, все оживляетъ и заражаетъ торговымъ духомъ" (стр. 281). Такихъ неуклюжихъ, ходульныхъ парадоксовъ, безсодержательныхъ фразъ и завѣдомо ошибочныхъ будто-бы научныхъ положеній множество и, конечно, нѣтъ надобности приводить полный списокъ ихъ изъ книги въ 350 страницъ.

Если книга г. Башилова учитъ, какъ не слѣдуетъ писать курсовъ, то книга г. Шершеневича учитъ, какъ не слѣдуетъ писать диссертацій.

И. Т.

---

6. *Г. Ф. Шершеневичъ*—Курсъ торговаго права. Томъ I. Право матеріальное. Выпускъ первый. Казань, 1888 г., in 8^0, стр. 160. Цѣна 1 рубль.

Г. приватъ-доцентъ Казанскаго Университета, Г. Ф. Шершеневичъ, едва приступивъ къ чтенію лекцій, издалъ уже курсъ. Однако, этимъ несомнѣнно очень смѣлымъ поступкомъ онъ не только не опровергъ давно и основательно сложившагося мнѣнія, что выработка курса требуетъ много лѣтъ труда и огромной преподавательской опытности, но лишь блистательно подтвердилъ эту всѣмъ извѣстную истину. Но авторъ этого скороспѣлаго курса, повидимому, иного мнѣнія о достигнутомъ имъ результатѣ, ибо категорически заявляетъ, что отнюдь не нуждается въ снисхожденіи и сочтетъ ее за обиду, а желаетъ строгой критики, такъ какъ она—„самый вѣрный залогъ развитія науки".

Первый выпускъ курса прерывается на вопросѣ о „торговыхъ довѣренныхъ", изъ чего слѣдуетъ заключить, что весь курсъ, состоя, какъ обѣщаетъ авторъ, изъ ученій о субъектѣ, объектѣ, торговыхъ сдѣлкахъ, вексельномъ правѣ, формальномъ правѣ и морскомъ правѣ, займетъ болѣе тысячи страницъ. Обстоятельство это имѣетъ угрожающій характеръ, судя по тому множеству несообразностей и грубыхъ ошибокъ, которыми столь богаты 160 страницъ перваго выпуска.

Подробно разбирать книгу г. Шершеневича нѣтъ никакой надобности, а достаточно привести лишь нѣсколько образчиковъ юридической логики автора, солидности его знаній и его изящной манеры выражаться.

Г. Шершеневичъ заявляетъ, что „выставляемыя *обыкновенно* западноевропейскими коммерсіалистами (отчего-же не коммерціалистами?) опредѣленія (какія-же именно?) не могутъ быть приняты", а потому онъ будетъ „держаться опредѣленія, имѣющаго *чисто практическій* характеръ, какой и *должно* носить все изложеніе торговаго права, *оправдываемое исключительно практическимъ интересомъ*". Это „чисто практическое опредѣленіе" слѣдующее: „торговое право есть совокупность нормъ частнаго права, имѣющихъ *ближайшее соприкосновеніе* съ торговымъ оборотомъ". Въ дополненіе къ этому блистательному опредѣленію, до котораго не додумались „западноевропейскіе коммерсіалисты", авторъ поясняетъ, что „понятіе торговаго права неустойчиво", объемъ-же и содержаніе его „неопредѣленны", а юридическое понятіе о торговомъ оборотѣ" своеобразно"; при чемъ торговое право есть „спеціальная часть, особый *отдѣлъ* гражданскаго права", а торговля „сохраняетъ за собой *привилегію* на исключительно *торговыя нормы*" (стр. 8, 9); существованіе-же особаго торговаго права рядомъ съ гражданскимъ объясняется" историческими традиціями" (стр. 15).

Авторъ полагаетъ, что римское commercium имѣло „торговый характеръ", а въ recuperatio онъ видитъ „подобіе коммерческаго суда" и, по его мнѣнію, „*очень можетъ быть*, что recuperatores выбирались изъ людей свѣдущихъ въ торговыхъ дѣлахъ" (стр. 17, 18). Происхожденіе векселя онъ объясняетъ тѣмъ, что „интересы третьихъ, въ виду взаимныхъ разсчетовъ, пересилили желаніе освободить отъ требованій формализма" (стр. 14), а относительно акціонерныхъ компаній онъ утверждаетъ, что „акціонерная форма почти никогда не употребляется для чисто торговыхъ цѣлей" (стр. 6). По мнѣнію г. Шершеневича, средніе вѣка были временемъ „тихой и покойной жизни" (стр. 12); только въ нынѣшнемъ столѣтіи итальянское торговое право

могло перестать быть „правомъ отдѣльныхъ городовъ“ (стр. 23); „въ русскомъ законодательствѣ не существуетъ раздѣленія частнаго права на общегражданское и торговое“ (стр. 40, 44, 56, 59, 60). Г. Шершеневичъ учитъ своихъ слушателей и читателей, что „за взятіемъ и отдачей въ заемъ денегъ“ слѣдуетъ признать коммерціальное значеніе даже и въ томъ случаѣ, когда это будетъ совершено „хотя-бы и въ видѣ единичной сдѣлки“ (стр. 83), а практика распространила торговый характеръ и „на легковыхъ извощиковъ“ (стр. 87), между тѣмъ какъ маклерство, содержаніе справочныхъ конторъ и коммерческое страхованіе „ничего общаго съ торговлей не имѣютъ“ (стр. 90—72). Агенты это „дѣятели съ мало выяснившеюся физіономіей“ (91).

Такихъ строго научныхъ положеній множество въ книжкѣ г. Шершеневича, такъ что одно лишь перечисленіе ихъ моглобы составить, въ свою очередь, цѣлую книжку, а потому достаточно ограничиться приведенными примѣрами. Что-же касается излюбленной г-номъ Шершеневичемъ формы изложенія, то о ней могутъ дать отчетливое понятіе слѣдующія избранныя мѣста: „римскіе юристы стали *вливать* торговое право въ общегражданское“ (стр. 19); „въ области торговаго права возникла смѣлая мысль, которая никогда не *осмѣлилась-бы* появится по отношенію къ другимъ отраслямъ права“ стр. 15); „законодатели обыкновенно столь *щепетильны* къ иностраннымъ заимствованіямъ въ области права“ (стр. 15); „въ торговой корпораціи въ Италіи горе и радость отдѣльнаго члена находили себѣ сочувствіе“ (стр. 22); „Италія осталась въ сторонѣ, а въ центрѣ *очутилась* Франція“ (стр. 25); хозяева *„скромно прячутъ* свое имя за фирмою (не за вывѣской-ли?) предпріятія напр. Парижскій Магазинъ“ (стр. 117); „иностранныя торговыя уложенія давно отрѣшились (отрѣшились-ли?) отъ *поклоненія* коммерческой тайнѣ купеческихъ книгъ“ (стр. 135); отъ существованія „вспомогательныхъ торговыхъ дѣятелей“ „получается въ юридическомъ отношеніи впечатлѣніе *расширенія личности*“ (стр. 138); и т. п.

Не взирая на чрезвычайную бѣдность отечественной лите-

ратуры по торговому праву,—бѣдность столь ощутительную, что нельзя не радоваться появленію даже и посредственныхъ монографій, курсовъ и т. п. по этому предмету, тѣмъ не менѣе было-бы весьма желательно, если-бы г. Шершеневичъ *не спѣшилъ* изданіемъ слѣдующихъ выпусковъ своего курса, а изданный уже 1-й выпускъ *поспѣшилъ* изъять изъ обращенія, ибо вообще съ курсами шутить не слѣдуетъ [1]).

И. Т.

---

7. *Н. О. Куплеваскій*—Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи и Цислейтанской Австріи. Дисциплинарная отвѣтственность. Государственные экзамены. Предѣлы повиновенія частныхъ лицъ распоряженіямъ должностныхъ лицъ. Харьковъ, 1888 г. in 8⁰, стр. XI+268. Цѣна 2 руб.

Профессоръ Харьковскаго университета Н. О. Куплеваскій отнюдь не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ писателей, ученыхъ и преподователей, которые, подобно г. Башилову, пишутъ „*практическіе* курсы по *наброскамъ* лекцій", или, подобно г. Шершеневичу, преподаютъ своимъ слушителямъ, что купецъ это—„*волшебный царевичъ*" и въ торговомъ правѣ „*расширяется* личность";—онъ безъ треска, шума и всяческаго фейерверка скромно избираетъ для своихъ научныхъ изслѣдованій предметы не „особенно интересные или ходкіе", но имѣющіе значительное научное и практическое значеніе, и изслѣдуетъ ихъ съ образцовою добросовѣстностью. Не малую услугу оказалъ уже г. Куплеваскій русской юридической литературѣ своими изслѣдова-

---

[1]) Эта рецензія была уже набрана какъ вышелъ въ свѣтъ и 2-й вып. курса г. Шершеневича. На стр. 254-ой 2-го выпуска г. Шершеневичъ ссылается на мое Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ, утверждая, что 2-ое изданіе этого изслѣдованія «еще не окончено». Между тѣмъ 2-ое изданіе моего ученія объ акціонерныхъ компаніяхъ не только окончено 8 лѣтъ тому назадъ, но и давно распродано.

ніями вопроса объ административной юстиціи; теперь-же г. Куплеваскій усугубилъ эту услугу, издавъ свое новое изслѣдованіе о государственной службѣ. Конечно, очень и очень жаль, что въ этомъ изслѣдованіи нѣтъ ни слова о государственной службѣ въ Россіи; но совѣстно даже и упрекать за это, если объективно взвѣсить всѣ тѣ причины, которыми обусловливается необыкновенно частное повтореніе такого существеннаго пробѣла въ бóльшей части русскихъ юридическихъ монографій.... Имѣя въ виду эти причины, нельзя *требовать* восполненія этого пробѣла, а можно только *выразить желаніе*, чтобы могій вмѣстить вмѣстилъ-бы безъ страха и упрека.

Какъ извѣстно, въ русской литературѣ существуетъ одна единственная монографія о государственной службѣ проф. Нелидова, озаглавленная „Общія юридическія и политическія основанія государственной службы" и напечатанная 15 лѣтъ тому назадъ во Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Если мы присоединимъ сюда нѣсколько указаній, имѣющихъ отношеніе къ данному предмету въ Курсахъ государственнаго права и уголовнаго профессоровъ Андреевскаго, Градовскаго, Кистяковскаго и Таганцева, статьи гг. Муравьева, Анциферова и Постовскаго (въ Юр. Вѣстн.), рефераты (чит. въ Спб. Юр. Об.) гг. Фойницкаго, Анциферова и Спасовича и монографію Бардзскаго—объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, монографію проф. Суворова о церковномъ дисциплинарномъ судѣ и, наконецъ, статьи Долопчева, Полетаева, Куплеваскаго и Щегловитова о повиновеніи частныхъ лицъ распоряженіямъ должностныхъ лицъ,—то этимъ, пожалуй, мы исчерпаемъ всю русскую (не переводную) литературу по вопросу о государственной службѣ. Это уже одно обстоятельство достаточно говоритъ въ пользу сдѣланнаго г. Куплеваскимъ выбора темы для своей докторской диссертаціи.

Въ книгѣ г. Куплеваскаго не исчерпанъ вопросъ о государственной службѣ, а рѣчь идетъ лишь о дисциплинарной отвѣтственности, государственныхъ экзаменахъ и повиновеніи частныхъ лицъ распоряженіямъ должностныхъ лицъ.

Касательно дисциплинарной отвѣтственности авторъ едва-ли

не опредѣляетъ ее слишкомъ широко, полагая цѣль ея не только въ поддержаніи правильныхъ служебныхъ отношеній и добраго порядка въ службѣ, но и въ „поддержаніи достоинства службы на надлежащей нравственной высотѣ" (стр. 3 и слѣд., 84). Эта послѣдняя цѣль можетъ быть достигнута лишь всею *дисциплиною* вообще, въ связи съ внутреннею цензурою нравовъ, правильными условіями замѣщенія должностей и другими *превентивными* мѣрами. На дисциплинарную *отвѣтственность*, имѣющую значеніе репрессіи, возлагать ту задачу, которую возлагаетъ на нее г. Куплеваскій, столь-же мало основаній, какъ если-бы задача уголовной юстиціи опредѣлена была въ „поддержаніи достоинства гражданъ на надлежащей нравственной высотѣ". Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что неправильно нормированною дисциплинарною отвѣтственностью можно принизить достоинство службы, превратить ее въ прислуживаніе, въ раболѣпное повиновеніе начальству, въ ущербъ закономѣрности и уваженія къ гражданамъ, такъ что вообще „дисциплинирующее значеніе" дисциплинарной отвѣтственности, о которомъ говоритъ г. Куплеваскій (стр. 21), весьма и весьма условно, и объ этой-то условности не слѣдовало-бы умалчивать.

Чрезмѣрно широкое опредѣленіе дисциплинарной отвѣтственности привело г. Куплеваскаго, между прочимъ, къ тому, что онъ относитъ, напр., исключеніе изъ числа членовъ клуба къ проявленію дисциплинарной власти. Ссылка въ данномъ случаѣ на Deutscher Beamten—Verein (стр. 53) ровно ничего не доказываетъ, ибо пріемъ въ число членовъ этаго клуба исключительно чиновниковъ нисколько не отнимаетъ у этаго клуба значенія частнаго общества, такъ что, если держаться воззрѣнія автора, то, пожалуй, и исключеніе какого-либо лица изъ списка знакомыхъ придется отнести къ формамъ проявленія дисциплинарной власти.

Какъ доказательство того, будто-бы въ Англіи должностныя лица преслѣдуются предъ Королевскими судьями (т. е. въ судебномъ, а не въ дисциплинарномъ порядкѣ) не только за преступленія, но и „за проступки менѣе важные" (стр. 19),

авторъ ссылается на неисполненіе приказовъ, неисполненіе служебныхъ обязанностей, нарушеніе законовъ съ корыстною цѣлью и т. п. Однако вездѣ такіе „проступки менѣе важные" считаются за преступленія, вездѣ бездѣйствіе власти, превышеніе власти, вымогательство и т. п. предусмотрѣны уголовными кодексами и караются въ судебномъ порядкѣ уголовно-исправительными наказаніями;—значитъ, если авторъ имѣлъ въ виду доказать, что въ Англіи сфера примѣненія дисциплинарной отвѣтственности ограниченѣе, чѣмъ на континентѣ, то цѣли своей онъ недостигъ. Замѣтимъ, кстати, что напрасно авторъ переводитъ слова „during good behaviour" (пока продолжается хорошее поведеніе) словомъ „пожизненно" (стр. 26), вслѣдствіе чего оказывается, будто-бы въ Англіи мировые судьи несмѣняемы и служатъ пожизненно, что, конечно, совершенно невѣрно, какъ это извѣстно и г. Куплеваскому, который самъ-же пишетъ въ своей книгѣ слѣдующее: „мировые судьи, какъ графствъ, такъ и городовъ (такъ называемые полицейскіе судьи), въ случаѣ неодобрительныхъ поступковъ, по жалобамъ частныхъ лицъ, или по сообщенію лицъ правительственныхъ, *могутъ быть удаляемы указами лорда-канцлера*. Есть еще одинъ способъ удаленія мировыхъ судей графствъ *болѣе обычный:* изготовляется новая коммиссія (commission) мировымъ судьямъ, то есть новое королевское порученіе такимъ то, перечисляемымъ по именамъ, лицамъ охранять миръ въ графствѣ, при чемъ имя лица, подлежащаго увольненію, въ спискѣ не упоминается. Лицо, не упомянутое въ королевскомъ порученіи, тѣмъ самымъ *выбываетъ изъ числа судей*" (стр. 22, 23).

Едва-ли возможно согласиться съ авторомъ, будто-бы дисциплинарная отвѣтственность установлена „*не столько* въ интересахъ частныхъ лицъ, *сколько* въ интересахъ должности" (стр. 92), а потому для возбужденія дисциплинарнаго преслѣдованія недостаточно одной лишь частной жалобы, но требуется преданіе суду начальствомъ. Въ-первыхъ, эти смутные „не столько" и „сколько" ровно ничего не означаютъ, ибо въ данномъ случаѣ разграничить „интересы частныхъ лицъ" и „интересы должности" до-

вольно мудрено. Во-вторыхъ, авторъ, очевидно, путаетъ два различныхъ момента,—возбужденіе преслѣдованія въ дисциплинарномъ порядкѣ и преданіе дисциплинарному суду, вслѣдствіе чего впадаетъ въ противорѣчіе, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что въ отношеніи къ дисциплинарной отвѣтственности инпціатива можетъ принадлежать исключительно только начальству, а въ другомъ признаетъ право на такую инпціативу и за самимъ дисциплинарнымъ судомъ. Въ третьихъ, такое смѣшеніе двухъ различныхъ моментовъ ведетъ автора къ тому, что онъ о преданіи суду говоритъ раньше, чѣмъ о производствѣ слѣдствія (стр. 97). Наконецъ, въ четвертыхъ, въ результатѣ, по Куплеваскому, выходитъ такъ, будто-бы потерпѣвшія частныя лица ни въ какомъ случаѣ не могутъ обращаться съ жалобами непосредственно въ дисциплинарный судъ, а лишь къ начальству обвиняемаго. Почему это?—авторъ умалчиваетъ, хотя молчаніе здѣсь менѣе всего умѣстно; мало сказать это, но надо еще доказать, что такой порядокъ единственно нормальный, въ чемъ, однако, дозволительно сомнѣваться. Совершенно напрасно авторъ удерживаетъ терминъ „наложеніе взысканій въ административномъ порядкѣ" (стр. 75),—это ведетъ только къ смѣшенію понятій, ибо взысканія можно налагать лишь въ полицейскомъ, дисциплинарномъ и судебномъ порядкахъ, а никогда не въ административномъ. Если въ оффиціальныхъ актахъ ошибочно говорится объ *административной* высылкѣ, ссылкѣ и т. п., вмѣсто *полицейской* высылкѣ, ссылкѣ и пр., то отсюда не слѣдуетъ, что ошибка эта обязательна и для научной терминологіи. Еще менѣе основаній называть дисциплинарный порядокъ административнымъ.

Выше было уже указано на чрезвычайную скудость русской литературы по предмету, изслѣдуемому г. Куплеваскимъ, а потому тѣмъ прискорбнѣе, что авторъ не пожелалъ исчерпать этой литературы. Авторъ говоритъ о церковномъ дисциплинарномъ судѣ, въ его историческомъ развитіи, и ссылается на иноземцевъ Loening' а, Pansey и др , а обширной русской монографіи проф. Н. С. Суворова, озаглавленной „Объемъ дисципли-

нарнаго суда и юрисдикціи Церкви", онъ, повидимому, знать не хочетъ [1]).

На стр. 118-й книги г. Куплеваскаго напечатана слѣдующая фраза: „со времени введенія *демократическихъ* началъ въ парламентское устройство Англіи въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія" и т. д. Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что не только въ 30-хъ годахъ, но даже и по настоящее время *этихъ* началъ въ парламентское устройство Англіи никто не вводилъ или, вѣрнѣе сказать, не ввелъ. Буржуазныя начала и демократическія отнюдь не тождественны, а даже діаметрально противоположны, причемъ вообще дозволительно сомнѣваться относительно возможности прочнаго согласованія демократическихъ началъ съ парламентарнымъ устройствомъ, которое поэтому-то едва-ли будетъ долговѣчнымъ...

Говоря о государственныхъ экзаменахъ, авторъ, къ сожалѣнію, не проводитъ достаточно ясно различія между теоретическими и практическими экзаменами (стр. 158—206), т. е. экзаменомъ для провѣрки результатовъ научныхъ занятій и экзаменомъ исключительно только для замѣщенія должностей, о которомъ въ прежнемъ прусскомъ законѣ ясно сказано было, что онъ долженъ имѣть существенно практическій характеръ (soll einen wesentlich practischen Character an sich tragen). Выяснивъ это различіе,

---

[1]) Болѣе внимательнымъ въ отношеніи къ проф. Суворову оказался проф. Сергѣевскій, который въ своей диссертаціи о наказаніяхъ въ XVII вѣкѣ ссылается однажды на монографію г. Суворова о церковныхъ наказаніяхъ, но какъ-будто для того только, чтобы документировать, что онъ монографіи этой никогда не читалъ, ибо, въ противномъ случаѣ, при всемъ своемъ увлеченіи ужасами наказаній въ XVII вѣкѣ, онъ не упустилъ-бы изъ виду въ высшей степени поучительнаго взаимодѣйствія и соотношенія между церковными и свѣтскими наказаніями *именно* въ XVII столѣтіи. Читая отчетъ о диспутѣ г. Сергѣевскаго, нельзя не удивляться, что никто не указалъ диспутанту на такой въ *научномъ* отношеніи крупный промахъ, между тѣмъ какъ возражали много противъ такихъ *будто-бы научныхъ* положеній, отъ которыхъ отказался самъ-же авторъ.

авторъ, во-первыхъ, едва-ли сомнѣвался-бы въ пользѣ втораго рода экзаменовъ для правильнаго замѣщенія должностей и, во-вторыхъ, онъ нашелъ-бы разгадку имъ-же самимъ констатированному факту завѣдомо неудовлетворительнаго замѣщенія должностей во Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, теоретическіе экзамены общее правило, а практическіе, *для замѣщенія должностей*,— исключеніе. Теоретическіе экзамены, когда они производятся не факультетами, а правительственными экзаменаціонными коммиссіями, имѣютъ, *въ сущности*, значеніе контроля надъ университетскимъ преподаваніемъ, не имѣя прямаго отношенія къ замѣщенію должностей, при чемъ, конечно, контроль этотъ могъ-бы быть осуществляемъ и въ иныхъ формахъ (напр., въ Саксоніи). Практическій-же экзаменъ имѣетъ прямое отношеніе именно къ замѣщенію должностей и едва-ли возможно придумать болѣе цѣлесообразное средство для обезпеченія правильнаго замѣщенія должностей, въ особенности — когда экзамены эти конкурсные, какъ это практикуется въ Англіи. Во всякомъ случаѣ между обоего рода экзаменами нѣтъ такого соотношенія, чтобы можно было, какъ дѣлаетъ это авторъ (стр. 183), отрицать цѣлесообразность одного рода экзаменовъ вслѣдствіе существованія другаго рода экзаменовъ, ибо цѣли ихъ существенно различны.

Мимоходомъ замѣчу, что напрасно г. Куплеваскій, найдя нужнымъ упомянуть о причудливой англійской 300—4000 балльной экзаменаціонной системѣ, умолчалъ въ то-же время о весьма своеобразной французской экзаменаціонной системѣ баллотировки разноцвѣтными шарами [1]. Напрасно также мѣстами ав-

---

[1]) Въ Парижѣ, въ Ecole libre des sciences politiques придерживаются 20-ти балльной системы, при чемъ затрудненіе въ примѣненіи этой системы устраняется отчасти тѣмъ, что экзаменующимся предлагаютъ до 20-ти вопросовъ, сбавляя по одному баллу за всякій вопросъ оставленный безъ отвѣта. Въ Ecole de droit вопросъ объ удовлетворительности или неудовлетворительности экзаменаціонныхъ отвѣтовъ рѣшается въ конференціи баллотировкой шарами такъ, что бѣлый шаръ означаетъ очень хорошо, бѣло-крас-

торъ повторяетъ одно и то-же по 6-ти разъ, какъ, напр., онъ дѣлаетъ это относительно англійскихъ Civil Service Commissione-r'овъ, что имъ принадлежитъ главное руководство должностными экзаменами (стр. 126, 129, 131, 132, 139, 140).

Авторъ утверждаетъ, что „есть два рода государствъ. Въ однихъ назначаются на должности тѣ лица, которыя *нравятся* или которыя *льстятъ* лицамъ, имѣющимъ въ своихъ рукахъ назначеніе на должности; въ другихъ — люди назначаются на должности по ихъ знаніямъ и способности приносить пользу государству“ (стр. 219). Сомнѣваюсь, чтобы можно было серьезно установить такія двѣ категоріи государствъ! Вездѣ можно встрѣтиться съ фактами обоего рода назначеній на должности, но въ различномъ соотношеніи. Если въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о различіи между государствами установившими и неустановившими служебные экзамены, то самъ-же авторъ говоритъ, и не безъ основанія, что экзаменъ не есть безусловная гарантія противъ фаворитизма (стр. 220).

Говоря о сопротивленіи граждан должностнымъ лицамъ, авторъ, съ одной стороны, недостаточно выясняетъ весьма существеннаго различія между *распоряженіями* и *дѣйствіями* должностныхъ лицъ; съ другой – онъ неясно разграничиваетъ не менѣе существенное различіе между неповиновеніемъ, сопротивленіемъ и самообороной (стр. 239 и слѣд.).

Относительно распоряженій гражданамъ можетъ быть вмѣнено въ обязанность повиновеніе лишь тогда, когда распоряженія эти *законны*, какъ *по формѣ*, такъ и *по содержанію*, что, между прочимъ, и выражено совершенно ясно въ русскомъ законодательствѣ, въ ст. 29-й уст. о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, понимаемой судебною практикой именно въ

ный—хорошо, красный—удовлетворительно, красно-черный—посредственно, черный—неудовлетворительно, два черныхъ шара означаютъ что невыдержалъ экзамена, а два красно-черныхъ шара равняются черному. См. об. этомъ *И. Тарасовъ*—Два года на Западѣ, Кіевъ, 1879 г., стр. 61.

вышеуказанномъ смыслѣ; при чемъ относительно незаконныхъ распоряженій, конечно, можетъ имѣть мѣсто лишь неповиновеніе, а не сопротивленіе или самооборона [1]). Что-же касается дѣйствій, то едва-ли можно возразить что-либо резонное противъ юридической аргументаціи гг. Бернера и Таганцева, что въ отношеніи къ нимъ сопротивленіе ненаказуемо только въ томъ случаѣ, когда дѣйствія эти неправильны не по существу, а лишь *съ внѣшней стороны*, т. е. по формѣ, внѣшнимъ условіямъ, всей обстановкѣ и т. п. Кромѣ того, говоря о дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ, слѣдуетъ различать между ними, какъ особую категорію, дѣйствія принудительныя, т. е. *формы принужденія*, которыя во всякомъ случаѣ могутъ имѣть мѣсто только тогда, когда есть сопротивленіе, что и должно служить основаніемъ какъ для опредѣленія правомѣрности принужденія, такъ и для рѣшенія вопроса о ненаказуемости пассивнаго и активнаго сопротивленія незакономѣрному принужденію. Наконецъ, различіе между активнымъ и активнымъ сопротивленіемъ изслѣдовано авторомъ также только поверхностно, хотя онъ самъ-же признаетъ важность этаго различія (стр. 264).

Всѣ эти промахи ведутъ автора, во-первыхъ, къ противорѣчію. Такъ, напр., на стр. 256-й онъ говоритъ, что наказаніе должно быть *меньше* за сопротивленіе *незаконнымъ* распоряженіямъ; т. е. онъ хочетъ карать то, чего не караетъ ни одно изъ законодательствъ цивилизованныхъ государствъ, и тутъ-же говоритъ, что сопротивленіе произвольнымъ дѣйствіямъ, по формѣ-ли или по содержанію, *ненаказуемо*. Во вторыхъ, упу-

---

[1]) Въ видахъ устраненія субъективнаго сомнѣнія относительно закономѣрности распоряженій, для нѣкоторыхъ изъ нихъ выработаны опредѣленныя формы такъ, что незаконное по формѣ распоряженіе не можетъ требовать себѣ повиновенія, равно какъ неповиновеніе законному по существу распоряженію, но неправильному по формѣ, наказуемо лишь въ томъ случаѣ, когда неповиновеніе имѣетъ мѣсто и послѣ устраненія субъективнаго сомнѣнія, порожденнаго неправильностью формы.

ская изъ виду важное значеніе формы или, вѣрнѣе сказать, внѣшней стороны *дѣйствій*, онъ открываетъ должностнымъ лицамъ широкій произволъ въ несоблюденіи формъ (стр. 262) и, въ то-же время, открываетъ гражданамъ путь къ своеволію, признавая за ними право сопротивляться дѣйствіямъ неправильнымъ не только по формѣ или съ внѣшней стороны, но и по существу [1]). Въ-третьихъ, рѣшивъ *такъ* вопросъ, г. Куплеваскій, какъ и слѣдовало ожидать, запутался въ своей-же собственной аргументаціи и пришелъ къ заключенію, что правильность, слѣдовательно и ненаказуемость, каждаго конкретнаго случая сопротивленія можетъ быть выяснена только судомъ (стр. 263). Это, конечно, принципіальнымъ разрѣшеніемъ вопроса назвать нельзя, и хотя авторъ нападаетъ на проф. Градовскаго за то, что онъ безусловно отвергаетъ право сопротивленія (стр. 246), но, въ сущности, г. Куплеваскій дѣлаетъ то-же самое, съ тою только разницей, что дѣлаетъ онъ это какъ-бы безсознательно. Законъ запрещаетъ воровство-кражу и каждый конкретный случай воровства предоставляетъ судить суду, при чемъ судъ можетъ оправдать обвиняемаго, изъ чего однако отнюдь не слѣдуетъ, что рядомъ съ этимъ запрещеніемъ закона существуетъ еще какое-либо *право* на воровство-кражу. Авторъ-же говоритъ въ своей книгѣ не о комбинаціяхъ, при которыхъ можетъ быть *оправдано* сопротивленіе, или вообще объ условіяхъ невмѣняемости сопротивленія, а именно о *правѣ* сопротивленія,—и вотъ этаго-то самаго права у него не оказывается, хотя онъ горячо отстаиваетъ его въ возможно болѣе широкихъ границахъ.

Весьма желательно, чтобы авторъ неустанно продолжалъ начатое имъ изслѣдованіе вопроса о государственной службѣ и довелъ его до конца.

---

[1]) Если послѣдовательно держаться воззрѣній автора, то выйдетъ такъ: становымъ приставомъ будетъ сдѣлано правильное по формѣ постановленіе объ арестѣ А, но А, предполагая, что становой арестуетъ его по злобѣ или изъ личныхъ видовъ, можетъ сопротивляться аресту.

8. *В. Н.*—Государственное ученіе Филарета митрополита Московскаго, съ портретомъ его. Изданіе третье—вновь дополненное. Москва, 1888 г., стр. 199+X, in 16⁰. Цѣна 40 коп.

Первое изданіе вышеназванной книги появилось въ 1883 г., а второе—въ 1885 г. Въ третьемъ изданіи встрѣчаются весьма важныя дополненія, вызванныя появленіемъ въ печати въ последнее время новыхъ рукописей великаго русскаго іерарха; кромѣ того, изданіе это украшено превосходнымъ портретомъ Филарета. Въ содержаніе этой чрезвычайно полезной книги, возможно большее распоряженіе которой представляется весьма желательнымъ, вошли слѣдующіе предметы: 1) происхожденіе государства и Верховной въ немъ Власти, отношеніе къ ней подданныхъ въ Россіи и странахъ Западной Европы. Царское Самодержавіе (стр. 1—34). 2) Церковь и государство (35—60). 3) Народное образованіе, религіозное и семейное воспитаніе, печать, судъ, присяга и взаимныя отношенія между членами общества (61—135). 4) Взглядъ на нѣкоторыя важнѣйшія событія въ царствованіе Императоровъ Александра I, Николая I и Александра II (136—192). 5) Молитвы, составленныя митрополитомъ Филаретомъ, по случаю семисотлѣтія Москвы и тысячалѣтія Россіи (193—199). Въ предисловіи (стр. I—X) составитель книги излагаетъ обстоятельства, при которыхъ онъ приступилъ къ составленію и изданію ея, и указываетъ, откуда онъ почерпнулъ вошедшія въ книгу воззрѣнія и поученія усопшаго іерарха, едва-ли правильно названныя составителемъ „ученіемъ", ибо отрывочныя положенія, непритязающія на систему и полноту, никоимъ образомъ сами по себѣ ученіемъ названы быть не могутъ, а могутъ лишь, въ виду глубокой мудрости ихъ, послужить незыблемымъ основаніемъ для государственнаго ученія.

Содержаніе книги свидѣтельствуетъ, что м. Филаретъ не ограничивался одной лишь политической догмой, но и бичевалъ безпощадной критикой политическія лжеученія, при чемъ критика эта мѣстами поражаетъ своею захватывающей глубиной. Такъ,

напр., относительно ученія о народномъ суверенитетѣ м. Филаретъ говоритъ: „изъ мысли о народѣ выработали идолъ: и не хотятъ понять даже той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ" (стр. 17); договорную теорію, послѣ выясненія ея полной несостоятельности (стр. 2—5), онъ называетъ „сновидѣніемъ общественной жизни, которое, будучи разсказано не въ добрый часъ, произвело и производитъ вещественныя бѣдствія человѣческихъ обществъ" (стр. 5).

По вопросу о расколѣ русскій святитель останавливается въ особенности на томъ, что покровительство православію, основанное на уставахъ вселенскихъ соборовъ, которые предписываютъ защищать Церковь отъ ересей, превратно называютъ мучительствомъ и гоненіемъ раскольниковъ. „Никто, конечно, не станетъ въ наше время одобрять мучительствъ и гоненій, противныхъ духу Христовой церкви. Но развѣ можно почитать гоненіемъ всякое должное взысканіе? Если-бы не было воспрещенія совращать православныхъ въ расколъ или соблазнять ихъ оказательствомъ раскола; если-бы ослушники сего не преслѣдовались закономъ, то какъ же бы иначе государство охраняло вѣру и вѣрныхъ ей" (стр. 57 и 58); тѣмъ болѣе, что, несомнѣнно, „расположеніе къ пропагандѣ сильнѣе у раскольниковъ, нежели у православныхъ", ибо „религіозное общество, законно существующее и сильное, спокойно пользуется своимъ положеніемъ и потому не сильно побуждается укрѣплять себя пропагандою, общество-же менѣе сильное и непокровительствуемое закономъ, заботясь о своемъ существованіи, симъ самымъ побуждается усиливать себя пропагандою" (стр. 44).

Излагая свои воззрѣнія на народное образованіе, м. Филаретъ сомнѣвается, между прочимъ, въ пользѣ и безопасности полнаго разграниченія воспитанія и образованія, разрушающаго единство между знаніемъ и дѣятельностью, мудростью и добродѣтелью. „Не споримъ, говоритъ онъ, что онѣ раздѣлены въ понятіи: но такъ-ли въ жизни? Можете взять отдѣльно голову и сердце,—мертвыя; но въ живомъ человѣкѣ онѣ находятся въ единствѣ, и голова не живетъ безъ сердца. Такъ можете взять

отдѣльно мудрость и добродѣтель въ мертвомъ понятіи; но въ истинной жизни онѣ находятся въ единствѣ; умъ не живетъ безъ сердца, а мудрость—безъ добродѣтели" (стр. 62). „Отдадимъ долгъ уваженія знанію и учености, продолжалъ онъ. Скажемъ, если угодно, что люди, обладающіе глубокими понятіями о предметахъ природы, человѣчества и общества человѣческаго, суть очи народа. Однако, какъ не всякому члену тѣла надобно быть окомъ, такъ не всякому члену общества надобно быть ученымъ. Но усиленные укоры невѣжеству и похвалы неопредѣлительно понятому просвѣщенію посѣяли въ нѣкоторыхъ людяхъ одностороннія мысли, что воспитаніе, достойное своего имени, есть только ученое, что воспитывать значитъ преподавать науки, что воспитаннымъ надо почитать того, кто прошелъ нѣсколько поприщъ уроковъ. Это значитъ воспитывать болѣе голову, нежели сердце и всего человѣка" (стр. 74 и 75). Будучи безусловнымъ противникомъ принужденія въ дѣлѣ школьнаго обученія, м. Филаретъ говоритъ, что „земля, которая въ человѣкѣ и обществѣ человѣческомъ пріемлетъ какое-либо сѣмя, есть свободная воля. Если сія земля разрыхлена и увлажена добровольнымъ желаніемъ и усердіемъ, то она глубоко принимаетъ сѣмя и даетъ растеніе и плодъ. А когда нѣтъ добровольнаго желанія и усердія, тогда сѣмя, упавшее на жесткую и сухую землю, или не даетъ растенія, или даетъ слабое и скоро увядающее" (стр. 94 и 95).

По поводу отношеній между супругами и брачнаго союза вообще, „имѣются въ виду, писалъ митрополитъ Филаретъ, законодательныя предположенія противъ мужей, кои жестоко обращаются со своими женами", а именно: давать женамъ такихъ мужей письменные виды на жительство. Къ такому предположенію м. Филаретъ отнесся съ полнымъ неодобреніемъ, усматривая въ немъ „уничтоженіе брачнаго союза de facto, тогда какъ гражданское начальство не можетъ сдѣлать сего de jure"; при чемъ онъ высказываетъ опасеніе, что, въ виду современной порчи нравовъ, „не малое число супруговъ, по желанію беззаконной свободы, или по корыстнымъ видамъ, притворною ссорой бу-

дутъ домогаться такого гражданскаго развода, когда не могутъ получить расторженія брака, по церковнымъ правиламъ“ (стр. 176 и 177). Кромѣ того, что-же будетъ съ властью мужа, какъ главы семейства, „если тогда, какъ онъ виновной женѣ погрозитъ рукою, она будетъ отвѣчать ему, что посадитъ его въ монастырь или въ тюрьму, и уйдетъ отъ него съ отдѣльнымъ паспортомъ? Есть не только буйные мужья, но и своевольныя, наглыя жены, мучащія своихъ мужей: потому-же хотятъ угодить женѣ, а не пекутся безпристрастно о томъ и о другой?“ (стр. 177 и 178).

Приведенныхъ выписокъ, полагаемъ, достаточно, чтобы документировать основательность отзыва о вышеназванной книгѣ, какъ о книгѣ въ которой сила слова и зоркость мысли идутъ рука объ руку для выясненія многихъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной, общественной и частной жизни.

И. Т.

ВѢСТНИКЪ

финансовъ промышленности и торговли,

Указатель правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ.

Еженедѣльное изданіе выходящее по Воскресеньямъ.

Открыта подписка на 1889 годъ.

Вѣстникъ Финансовъ Промышленности и Торговли въ 1889 году будетъ издаваться по прежней программѣ; въ него войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

Правительственныя постановленія по вѣдомству Министерства Финансовъ, движеніе по службѣ и награды чиновъ сего Министерства, распоряженія по Министерству Финансовъ въ видѣ отдѣльныхъ тетрадей съ особою нумераціею, которыя за весь годъ составятъ особый томъ съ систематическ. оглавленіемъ.

Финансы. Обозрѣніе важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства въ Россіи и въ иностранныхъ государствахъ. Государственные доходы и расходы. Налоги прямые и косвенные.

Кредитъ. Государственный, общественный и частный кредитъ. Законодательство и статистика кредитныхъ учрежденій. Фондовая и вексельныя биржи.

Промышленность. Положеніе нашей и иностранной промышленности. Техническое и экономическое обозрѣніе отдѣльныхъ производствъ. Новыя открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія въ разныхъ отрасляхъ промышленности.

Торговля. Еженедѣльныя торговыя сообщенія спеціальныхъ корреспондентовъ *Вѣстника* изъ главныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ Россіи, западной Европы и Америки. Сообщенія эти образуя особый отдѣлъ даютъ періодически полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о настроеніи рынковъ, движеніи цѣнъ на главнѣйшіе товары, состоявшихся сдѣлкахъ и т. под.

Донесенія россійскихъ консуловъ о ходѣ торговли въ иностранныхъ государствахъ.

Ежемѣсячные балансы коммерческихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита составятъ особый томъ съ отдѣльными нумераціею и оглавленіемъ въ концѣ года.

Отчеты всѣхъ кредитныхъ учрежденій, торговыхъ и промышленныхъ обществъ и товариществъ составятъ такой же особый томъ.

Програма журнала является въ 1889 году расширенною. Особенное вниманіе обращено на движеніе хлѣбной торговли и на возможно своевременное сообщеніе въ *Вѣстникѣ* всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ или полезныхъ для хлѣботорговцевъ и сельскихъ хозяевъ. Въ этихъ

видахъ сообщавшіяся уже въ 1888 году департаментомъ земледѣлія Министерства Государственныхъ Имуществъ свѣдѣнія о видахъ на урожай, цѣнахъ на рабочія руки, живой скотъ и пр , имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, будутъ и впредь помѣщаться въ *Вѣстникѣ*; также увеличены еще во второй половинѣ 1888 года число корреспондентовъ въ различныхъ районахъ Россіи и такимъ образомъ въ журналѣ сгруппированы самыя полныя данныя о настроеніи рынковъ; колебаніи цѣнъ на хлѣба въ различныхъ полосахъ Россіи, видахъ на урожай и пр. Съ тою же цѣлью расширенъ отдѣлъ торговыхъ сообщеній съ главнѣйшихъ иностранныхъ рынковъ.

Въ видѣ особыхъ приложеній къ *Вѣстнику* всѣмъ подписчикамъ будутъ разсылаться выходящія отдѣльнымъ изданіемъ таблицы цѣнъ на хлѣба, фрахты и страховыя преміи по телеграфнымъ свѣдѣніямъ, получаемымъ Министерствомъ Финансовъ. Въ этихъ таблицахъ сгруппированы свѣдѣнія:

1) О послѣдне-состоящихся цѣнахъ на хлѣба въ русскихъ портовыхъ городахъ, въ главнѣйшихъ центрахъ нашей внутренней торговли и на важнѣйшихъ иностранныхъ рынкахъ.

2) О фрахтахъ на хлѣбные грузы отъ нашихъ портовъ до главнѣйшихъ иностранныхъ рынковъ.

3) О страховыхъ преміяхъ при морской перевозкѣ въ томъ же направленіи.

4) О настроеніи хлѣбныхъ рынковъ.

Цѣны по каждому русскому рынку сообщаются за объемную или вѣсовую единицу, которая на немъ принята, по иностраннымъ же рынкамъ всѣ цѣны показаны въ переводѣ на пудъ, по условнымъ вѣсамъ объемныхъ единицъ, въ русской кредитной валютѣ, при чемъ переводъ металлической валюты въ кредитную сдѣланъ особо для каждаго рынка по курсу дня отмѣтки цѣнъ.

Въ виду важнаго значенія для хлѣбной торговли свѣдѣній о фрахтахъ и страховыхъ преміяхъ, они сопоставлены съ цѣнами на хлѣбъ, при чемъ данныя о размѣрѣ фрахтовъ и страховыхъ премій приведены также къ пуду разнаго хлѣба въ кредитной валютѣ.

Наконецъ, къ *Вѣстнику* ежемѣсячно будутъ прилагаться картограммы цѣнъ на главнѣйшіе хлѣба въ Европейской Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

		Годовая.	Полугодоаая.
въ С.-Петербургѣ	безъ доставки	7 р. — к.	4 р. 50 к.
	съ доставкою	8 р. — к.	5 р. — к.
съ пересылкою	во всѣ мѣста Имперіи .	8 р. — к.	5 р. — к.
	заграницу	18 р. — к.	10 р. — к.

Годовая подписка принимается лишь съ 1 января по 1-е января; полугодовая — съ 1 января по 1-е іюля, и съ 1 іюля по 1-е января.

Подписка принимается въ редакціи *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли*, въ зданіи Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади.

S0041274
СФ СПбГУ

